МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3

ВАРВАРЫ НА ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ

МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3

ВАРВАРЫ НА ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THE ROMAN PERIOD CEMETERY OF FRONTOVOE 3:

THE BARBARIANS ON THE BORDERS OF THE EMPIRE

ИА РАН

MOSCOW, 2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3:

ВАРВАРЫ НА ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ

ИА РАН

МОСКВА, 2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
М74

Издание осуществлено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта
№ 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

В рамках года культурного наследия народов России

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
доктор исторических наук А. В. Мастыкова,
кандидат исторических наук Э. А. Хайрединова

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
доктор исторических наук А. А. Завойкин,
доктор исторических наук А. М. Обломский

Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. 344 с.

Настоящее издание представляет собой сборник материалов Международной научной конференции «Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи», проведенной 6 – 8 апреля 2022 г. Институтом археологии РАН совместно с Институтом археологии Крыма РАН и Научно-исследовательским Центром Истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского в г. Симферополе.

Сборник состоит из статей, посвященных исследованию могильника Фронтовое 3, а также результатам изучения других ярких синхронных памятников Понто-Дунайского региона и Средиземноморья. Представленные материалы посвящены широкому кругу вопросов, они позволяют получить более ясное представление о культуре древнего населения Северного Причерноморья и Римской империи в античное время и в начале Средневековья.

Сборник предназначается для археологов, историков, музейных сотрудников, краеведов.

The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the Borders of the Empire / Edited by Anna V. Mastykova and Elzara A. Khairedinova. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2022. 344 p.

This volume presents the collection of the materials presented at the International Scholarly Conference "The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the Borders of the Empire" conducted on April 6–8, 2022 in Simferopol by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in cooperation with the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences and the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

This book is comprised of the papers addressing the researches of the cemetery of Frontovoe 3 and the results of investigations of other important synchronous sites in the Pontus-Danube Area and the Mediterranean. The materials presented in this book uncover a large circle of aspects allowing the reader to get a clear notion of the culture of the ancient populations of the Northern Black Sea Area and the Roman Empire in the Greco-Roman Period and the Early Middle Ages.

It is intended that the readers of these collected papers will be archaeologists, historians, museum workers, and regional history lovers.

На обложке: подвеска-медальон с изображением женщины и ребенка. II в.
Золото. Могильник Фронтовое 3. Фото: А.А. Бронников

ISBN 978-5-94375-373-2
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2022
© Авторы статей (фамилии выделены
в содержании курсивом), 2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

Макаров Н. А., Мастыкова А. В. Предисловие/*Makarov, N. A., Mastykova, A. V.* Preface 9

Новые исследования материалов могильника Фронтовое 3
New Researches on the Materials from the Cemetery of Frontovoe 3

Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник Фронтовое 3. Общие сведения и характеристика погребального обряда / *Sviridov, A. N., Yazikov, S. V.* The Cemetery of Frontovoe 3: General Information and Funeral Rite Features 13

Гавритухин И. О. Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтовое 3 (типология и хронология) / *Gavritukhin, I. O.* The Bow-Shaped Brooches with Returned Foot from the Cemetery of Frontovoe 3 (Typology and Chronology) 22

Голофаст Л. А. Выдутые в форму стеклянные сосуды из могильника Фронтовое 3 / *Golofast, L. A.* Mould-Blown Glass Vessels from the Cemetery of Frontovoe 3 43

Румянцева О. С. Состав стекла из могильника Фронтовое 3 и локальное стеклоделательное производство в Юго-Западном Крыму / *Rumyantseva, O. S.* The Composition of Glass from the Cemetery of Frontovoe 3 and the Local Glass-Working in the South-Western Crimea 54

Суханов Е. В. Сравнительный анализ форм лепных сосудов из подбойных могил и грунтовых склепов могильника Фронтовое 3 / *Sukhanov, E. V.* A Comparative Analysis of Hand-Made Vessel Forms from the Undercut Graves and Burial Vaults in the Cemetery of Frontovoe 3 63

Свиридов А. Н. Кремационные погребения могильника Фронтовое 3 / *Sviridov, A. N.* Cremation Graves in the Cemetery of Frontovoe 3 71

Добровольская М. В., Свиркина Н. Г. Редкие опухоли черепа из погребений могильника Фронтовое 3 (к обсуждению этиологии) / *Dobrovol'skaia, M. V., Svirkina, N. G.* Rare Tumours of the Cranial Bones from the Burials in the Cemetery of Frontovoe 3 (Discussing the Etiology) 86

Памятники Понто-Дунайского региона
Monuments and Sites in the Pontic-Danubian Area

Храпунов И. Н. Могильник Фронтовое 3 в контексте синхронных крымских древностей. Взгляд со стороны / *Khrapunov, I. N.* The Cemetery of Frontovoe 3 in the Context of Synchronous Antiquities of the Crimea: An Outside View 97

Зайцев Ю. П. Некрополи Крымского Барбарикума I–IV вв. н.э. / *Zaitsev, Iu. P.* The First- to Fourth-Century AD Cemeteries in the Crimean Barbaricum 102

Казанский М. М. Варвары и оборона понтийской границы в Юго-Западном Крыму в эпоху поздней Империи / *Kazanski, M.* The Barbarians and the Defence of the Pontic Frontier in the South-Western Crimea in the Age of the Late Empire 123

Язиков С. В., Свиридов А. Н. Могильник римского времени Киль-Дере 1. Итоги полевых исследований / *Yazikov, S. V., Sviridov, A. N.* The Roman Period Cemetery of Kil'-Dere 1: The Results of Field Researches 136

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Волошинов А.А., Масякин В.В. Могильник Сувлу-Кая III – первой половины V в. в Юго-Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря / *Voloshinov, A.A., Masiakin, V.V.* The Third- to the First Half of the Fifth-Century Cemetery of Suvlu-Kaia in the South-Western Crimea: The Features of the Funeral Rite and Grave Goods 146

Строков А.А., Камелина Г.А. Ай-Тодорский могильник IV – первой половины V в.: новые данные о погребальном обряде и инвентаре / *Strokov, A.A., Kamelina, G.A.* The Fourth- to the First Half of the Fifth-Century Cemetery of Ai-Todor: New Data on the Funeral Rite and Grave Goods 174

Науменко В.Е., Герцен А.Г., Набоков А.И. Алмалыкский могильник в докрепостной (позднеримский) период истории Мангупского городища / *Naumenko, V.E., Gertsen, A.G., Nabokov, A.I.* The Cemetery of Almalyk in the Pre-Fortress (Late Roman) Period of the Mediaeval Town of Mangup 183

Радочин В.Ю. Некоторые результаты сравнительного анализа антропологического материала из ранних погребений могильников у с. Лучистое и Эски-Кермена / *Radochin, V.Y.* Several Results of a Comparative Analysis of Palaeoanthropological Materials from the Early Graves in the Cemeteries near the Village of Luchistoe and Eski-Kermen 195

Grumeza, L. Barbarian Power Centres and Outstanding Cemeteries in the East Carpathians and the Carpathian Basin during Late Roman – Early Migration Periods / *Грумеза Л.* Варварские центры власти и выдающиеся могильники в Восточных Карпатах и Карпатском бассейне в позднеримский период и в начале эпохи переселения народов 200

Bârcă, V., Grumeza, L. Sarmatae Burials and Cemeteries Excavated in Recent Years in South-Western Romania / *Быркэ В., Грумеза Л.* Сарматские погребения и могильники, исследованные в последние годы на юго-западе Румынии 206

Bârcă, V. The Sarmatae Cemetery of Timișoara – "Hladik 1" (Timis County, Romania). Preliminary Notes / *Быркэ В.* Сарматский могильник в Тимишоаре – „Хладик 1" (жудец Тимиш, Румыния). Предварительные результаты 216

Контекст вещевого комплекса
Context of the Complex of Artefacts

Гавритухин И.О. Из истории изучения подвязных лучковых фибул / *Gavritukhin, I.O.* On the History of Research of the Bow-Shaped Brooches with Returned Foot 229

Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А.А. Об использовании фибул варварским населением крымских предгорий и Альфельда в римское время / *Istvánovits, E., Kulcsár, V., Stoianova, A.A.* The Use of Brooches by the Barbarian Populations in the Crimean Sub-Mountainous Area and in Alfold in the Roman Period' 239

Bârcă, V., Cociș, S. Brooches of type Almgren group VII, Series I, Variation with Headknob and Vertical Catchplate from the Territory of Romania / *Быркэ В., Кочиш С.* Фибулы группы Альмгрен VII, серия I, вариант с кнопкой на головке и высоким приемником с территории Румынии 248

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Парадное снаряжение боевого коня из Фанагории в контексте всадниче ской культуры Северного Причерноморья позднеримского времени / *Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M.* Parade Battle Horse Tack from Phanagoreia in the Context of the Late Roman Period Horseman Culture in the Northern Black Sea Area 260

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Стоянова А. А. О некоторых хронологически значимых типах бус и подвесок из памятников предгорного Крыма римского времени / *Stoianova, A. A.* On Some Chronologically Significant Types of Beads and Pendants from the Roman-Period Sites in the Sub-Mountainous Crimea 284

Шабанов С. Б. Стеклянные сосуды позднеримского времени из варварских памятников предгорного Крыма (проблема происхождения и распространения) / *Shabanov, S. B.* The Late-Roman-Period Glass Vessels from the Barbarian Sites in the Sub-Mountainous Crimea: The Problem of Their Origin and Distribution 291

Нессель В. А. Керамический комплекс из могильника Килен-балка / *Nessel', V. A.* Ceramic Complex from the Cemetery of Kilen-Balka 297

Ушаков С. В. Лепная керамика позднеантичного Херсонеса / *Ushakov, S. V.* Hand-Made Ceramic Ware in Late Antique Chersonese 306

Власов В. П. Лепная посуда IV–V вв. из могильников Центрального и Юго-Западного Крыма: общее и особенное / *Vlasov, V. P.* The Fourth- and Fifth-Century Hand-Made Vessels in the Cemeteries in the Central and South-Western Crimea: Common and Specific 315

Pinar Gil, J., Pleska, M., Beghelli, M. Migration Period Finds from the Hypogeal Cemetery at Modica–Scorrione W (Ragusa, Sicily) / *Пинар-Жил Ж., Плеска М., Бегелли М.* Находки эпохи Великого переселения народов из склепов могильника в Модике–Скоррионе-Запад (Рагуза, Сицилия) 325

Гацаев Т. Ш. Фоторепортаж конференции «Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи», 6–8 апреля 2022 г., г. Симферополь / *Gatsaev T. Sh.* Photo report of the conference « The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the Borders of the Empire", April 6–8, 2022, Simferopol 332

Сведения об авторах 342

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная историческая картина римско-варварского взаимодействия в Крыму во многом основывается на материалах могильников юго-западной и предгорной его части, изучение которых ведется уже более полутора столетий. Потенциал этих ярких погребальных памятников как источников для реконструкции культуры позднеантичного мира и военно-политических процессов в Причерноморье по достоинству оценен археологической наукой. Возможности нового осмысления историко-культурной ситуации римского времени в Крыму неожиданно появились после открытия ранее неизвестного могильника около села Фронтовое на левом берегу реки Бельбек, к северо-востоку от Севастополя. Раскопки этого уникального памятника, оказавшегося на трассе строительства автомагистрали «Таврида», стали важнейшем событием в новейшем полевом изучении Крыма, развернувшимся в связи с созданием его транспортной инфраструктуры.

Ценность материалов, полученных в результате раскопок могильника Фронтовое 3, определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, это характер и размеры самого памятника: на площадке могильника исследовано 332 погребальных сооружения (из них 328 – римского времени и 4 – эпохи бронзы), содержавших останки около 500 погребенных и около 20000 древних артефактов. Фронтовое, безусловно, выделяется сложностью и вариативностью погребальных обрядов, богатством и разнообразием вещевых находок. Во-вторых, это уникальная сохранность могильника: в отличие от большинства других погребальных памятников Юго-Западного Крыма, Фронтовое осталось незамеченным и нетронутым грабителями. Подбойные могилы и склепы здесь избежали разрушений. Наконец, полевые исследования могильника были выполнены на самым высоком методическом уровне, с полным охватам раскопками всей площадки (вскрыто 13948 кв. м) и подобным документированием погребальных комплексов, в том числе с использованием современных технических средств. Хотя раскопки имели спасательный характер, при проведении их было зарезервировано достаточно времени для тщательной расчистки и детальной фиксации всех древних объектов, выявленных на площадке. Помимо основного состава Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН к документированию погребальных комплексов, определению и первичной консервации артефактов, отбору образцов для естественнонаучного изучения изначально были привлечены ученые различного профиля, от антропологов до специалистов по древнему цветному металлу и стеклу. Общий массив первичной информации, полученной при раскопках Фронтового, таким образом, многократно превосходит обычные объемы, собранные по итогам полевых работ на других могильниках Юго-Западного Крыма.

Систематизация и осмысление этих данных – отдельная научная задача. Уже в ходе полевых работ стало очевидно, что качество полученных материалов позволяет выйти далеко за рамки обычной отчетной публикации и сделать Фронтовое основой для нового, более глубокого изучения многих аспектов культуры «варваров» Крыма и позднеантичного времени в более широком пространственном охвате. Эта работа предполагает, прежде всего, тщательное изучение различных категорий и групп материалов, включая данные о погребальном обряде, артефакты, палеоантропологические коллекции, иные данные, характеризующие палеосреду и жизнеобеспечение, с использованием всего арсенала естественнонаучных методов. Другое ее направление – новый взгляд на всю совокупность могильников римского времени в Юго-Западном Крыму, изучение материалов Фронтового на фоне других памятников этого региона. Еще более важно, что анализ некоторых находок из Фронтового впервые позволяет достоверно определить происхождение отдельных групп предметов, реконструировать пути их поступления в варварскую среду Юго-Западного Крыма,

связать их с определенными историческими событиями. Выполнение этой обширной исследовательской программы стало возможно в рамках гранта Российского научного фонда № 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

В рамках этого проекта по инициативе Института археологии РАН совместно с Институтом археологии Крыма РАН и Научно-исследовательским Центром Истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского 6–8 апреля 2022 г. в г. Симферополе была проведена Международная научная конференция «Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи». Доклады, прочитанные на этой конференции, составляют основу настоящего издания.

Основная задача конференции, во-первых, познакомить археологическую аудиторию с результатами исследования материалов могильника Фронтовое, которое проводится рабочей группой сотрудников ИА РАН, а во-вторых, не только провести обсуждение этих результатов в сравнительном анализе с синхронными памятниками Крыма, но и рассмотреть проблемы и спорные вопросы изучения древностей Понто-Дунайского региона и Средиземноморья римского времени и эпохи Великого переселения народов.

Статьи, включенные в сборник, охватывают ряд ярких памятников и при всем разнообразии материалов, исследовательских методов и подходов их объединяет общий интерес к теме развития и взаимодействия культурных контактов Понто-Дунайского региона и Римской империи в античное время и в начале Средневековья. Вторая общая черта этих работ – стремление максимально использовать археологические материалы с привлечением данных других дисциплин для получения более полного представления о жизни древнего населения.

Сборник имеет три раздела. Первый – посвящен непосредственно исследованиям материалов могильника Фронтовое 3. Авторами представлены новые разработки по самым разным аспектам, таким как особенности погребального обряда, стеклянные сосуды, лепная керамика, палеопатология погребенных и пр.

Во втором разделе рассматриваются памятники Понто-Дунайского региона. Здесь даются сведения и обзоры вновь открытых могильников, а также авторы знакомят с результатами новых исследований материалов уже известных памятников, где важным моментом является изучение старых архивов и коллекций.

Название третьего раздела «Контекст вещевого комплекса» говорит само за себя. Тематически этот блок статей очень разнообразен. В нем собраны работы, в которых анализируются различные типы фибул, история изучения и способы их ношения, конское парадное снаряжение в контексте всадниической культуры, определенные типы бус и подвесок как хроноиндикаторы, комплексы стеклянных сосудов и керамики, находки из сицилийского некрополя, демонстрирующие связи с центральноевропейским костюмом и погребальными традициями.

Проведенная конференция и статьи, включенные в настоящее издание, еще раз подтверждают, что раскопки погребальных памятников с точной и детальной фиксацией комплексов, полным сбором антропологических и остеологических материалов, с применением мультидисциплинарных исследований дают возможность максимального извлечения информации из разнообразных материальных остатков. Это в свою очередь открывает перспективы для изучения самых разных аспектов культуры и социальной организации древних коллективов, населявших Понто-Дунайский регион и Средиземноморье в античное время и в начале Средневековья.

Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова

PREFACE

Modern historical reconstructions of the Roman-Barbarian interactions in the Crimea are largely based on the materials excavated from the cemeteries in the south-western and sub-mountainous areas of the peninsula, which have been being studied for more than a century and a half. Archaeology values these remarkable burial sites deservedly as potential sources for reconstruction of the culture of the Late Antique world and the military-political processes in the Black Sea Area. The opportunity of new interpretations of the historical and cultural situation in the Roman-Period Crimea appeared unexpectedly after the discovery of a previously unknown cemetery located near the village of Frontovoe, on the left bank of the Bel'bek River, to the north-east of Sevastopol. The excavations of this unique site located at the place where the Taurida Highway was constructed became the most important event in recent-years field researches in the Crimea, developing because of the creation of the regional transport infrastructure.

The significance of the materials obtained in result of the excavations of the cemetery of Frontovoe 3 depends on a few factors. First, the nature and size of the site itself: there were 332 burial structures (including 328 from the Roman Period and 4 from the Bronze Age) investigated at the place, which contained the remains of about 500 buried persons and about 20,000 ancient artifacts. Undoubtedly, Frontovoe stands out for the complexity and variability of the funerary rites and the richness and multiplicity of the grave goods. Second, the cemetery is of unique preservation: unlike most other burial monuments in the south-western Crimea, Frontovoe remained unnoticed and untouched by the looters, so its undercut graves and burial vaults were not disturbed. Finally, the field researches of the cemetery in question were conducted at the highest methodological level, with the excavation covering the whole area of the site (13,948 square meters were uncovered) and detailed documentation of the burial complexes, particularly using modern hardware. Although these were rescue excavations, sufficient time period was reserved to make accurate cleaning and detailed documentation of all the ancient objects unearthed at the site. In addition to the core team of the Crimean Rescue Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, researchers of various fields, such as palaeoanthropologists or the experts in ancient non-ferrous metals and glass, were involved in the documentation of burial assemblages, determination and primary conservation of artefacts, and selection of samples for natural-science research. Therefore, the total array of primary information obtained by the excavations at Frontovoe exceeds many times over the usual collections received by fieldworks at other south-western Crimean cemeteries.

Systematization and interpretation of these data form a specific scholarly task. Already the course of the fieldwork made it clear that the quality of the obtained materials allows us to go far beyond the usual reporting publication and to make Frontovoe a basis for a new, in-depth study of many aspects of the Crimean "barbarian" culture and the Late Antiquity in a wider spatial scope. This work supposes primarily a thorough analysis of different categories and groups of materials, including the accounts of funeral rite, artifacts, palaeoanthropological collections, and other data characterizing the palaeoenvironment and subsistence, using the full potential of natural-science methods. Another direction would be a new understanding of the entirety of the Roman-Period cemeteries in the south-western Crimea and the analysis of the materials from Frontovoe against the background of other sites in the mentioned area. More importantly, the analysis of some finds from Frontovoe allows the first-time and reliable determination of the origin of certain groups of goods and the reconstruction of the ways of their penetration to the barbarians of the south-western Crimea, connecting them with the historical events. The making of this ambitious scholarly programme became possible within the Russian Science Foundation grant project no. 20-18-00396 "The Barbarians and Rome in the South-Western Crimea: The Interaction of Cultures."

A part of this project was the International Scholarly Conference "The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the Borders of the Empire" held on April 6–8, 2022 in Simferopol. It was initiated by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in cooperation with the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences and the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. The papers presented at this conference made the core of the given volume.

The main task of the conference was, first, to make the archaeological audience familiar with the results of researches on the materials from the cemetery of Frontovoe conducted by the team of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, and, second, to discuss these results within the comparative analysis with synchronous sites in the Crimea and to analyse the aspects and disputable questions in the studies in the antiquities of the Pontus-Danube Area and the Mediterranean in the Roman and the Great Migration Periods.

The papers included into this volume cover a number of outstanding sites; despite the diversity of materials, research methods and approaches, they share a common interest in the development and interaction of cultural contacts between the Pontus-Danube Area and the Roman Empire in Antiquity and the Early Middle Ages. The second common feature of these works is the desire to maximise the use of archaeological materials with the involvement of data from other disciplines in order to gain a fuller picture of the life of the ancient population.

This volume is comprised of three sections. The first addresses the researches of the materials of the cemetery of Frontovoe 3. The authors present new studies in various aspects, such as the funeral rite features, glass vessels, hand-made vessels, palaeopathology of the buried persons, and so on.

The second section deals with the sites in the Pontus-Danube area. It supplies information and reviews of recently discovered cemeteries; the authors also introduce into the scholarship the results of new researches on the materials of already known sites, with stress on the study of old archives and collections.

The title of the third section, "The Context of the Complex of Artefacts," speaks for itself. This block of papers covers a very diverse range of topics. It is comprised of the publications analysing different types of brooches, the history of their research and ways of wearing these ornaments, parade horse tack in the context of the horsemen's culture, certain types of beads and pendants as chronological indicators, complexes of glass vessels and pottery, and the finds from a cemetery in Sicily demonstrating connections to the Central European costume and burial traditions.

The conference conducted and the papers included into this volume once again confirm that excavations of funeral sites including the accurate and detailed documentation of assemblages, complete collection of anthropological and osteological materials, and application of multidisciplinary studies provide an opportunity to maximize information extraction from varied material remains. Moreover, such a research opens perspectives for the study of various aspects of culture and social organization of the ancient collectives that inhabited the Pontus-Danube Area and the Mediterranean in Antiquity and Early Middle Ages.

Nikolai A. Makarov, Anna V. Mastykova

Новые исследования материалов могильника Фронтовое 3

New Researches on the Materials from the Cemetery of Frontovoe 3

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.15-21

МОГИЛЬНИК ФРОНТОВОЕ 3. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА[1]

Свиридов Алексей Николаевич
Институт археологии РАН, Москва, Россия
Язиков Сергей Владимирович
Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена характеристике и особенностям погребальных сооружений различных зон могильника Фронтовое 3. Выделяются характерные для раннего периода некрополя типы устройства подбойных могил. Описываются отличительные характеристики погребальных сооружений для разных хронологических этапов существования памятника. Рассматриваются особенности расположения отдельных категорий погребального инвентаря – мечей, кинжалов, удил, шкатулок. Указываются места распространения некоторых элементов погребального обряда: надгробных камней и скорлупы от яиц.

Ключевые слова: Фронтовое, некрополь, погребение, подбой, склеп

THE CEMETERY OF FRONTOVOE 3: GENERAL INFORMATION AND FUNERAL RITE FEATURES

Sviridov, Alexey Nikolaevich
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Yazikov, Sergey Vladimirovich
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This paper deals with the general and specific features of the burial constructions uncovered in different areas of the cemetery of Frontovoe 3. The types of undercut graves typical for the early period of the cemetery have been determined. The distinctive features of the burial constructions for different chronological stages of the site in question have been described. The features of individual categories of grave goods such as swords, daggers, horse bits, and jewellery boxes have been discussed. The distribution areas of some elements of funeral rites such as tombstones and egg shells have been indicated.

Keywords: Frontovoe, cemetery, burial, undercut grave, burial vault

Могильник Фронтовое 3 был открыт и полностью исследован в 2018 году сотрудниками Крымской новостроечной археологической экспедицией Института археологии РАН. Памятник располагался на левом берегу р. Бельбек в Нахимовском районе г. Севастополь, в одном километре к СЗЗ от с. Фронтовое. Работы проводились в связи со строительством скоростной автомагистрали Таврида. В результате исследований выявлено 332 погребальных сооружения, содержавших более 500 погребенных. За исключением 4 могил эпохи бронзы все изученные комплексы относятся к римскому времени и могут быть датированы концом I – началом V в. н. э.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

Погребения эпохи бронзы зафиксированы на крайнем северо-западе памятника, дневная поверхность в этом месте была частично разрушена при проведении строительных работ и первоначальный облик ландшафта был изменен. Вероятнее всего, относящиеся к эпохе бронзы погребения были совершенны под курганной насыпью, которую в конце I в. н. э. стало использовать население, проживающее на этой территории (рис. 1: *б*).

Наиболее ранние захоронения римского времени сосредоточены в непосредственной близости от погребений бронзового века. В дальнейшем могильник рос и развивался с северо-запада на юго-восток, в хронологии погребальных комплексов выделятся несколько периодов, для каждого из которых характерно преобладание той или иной разновидности погребальных сооружений.

Для ранней части некрополя характерны только подбойные погребения[2]. Подбои в большинстве случаев выполнялись в северо-восточной стенке входной ямы, расположение с юго-западной стороны известно всего у 6 могил (рис. 1: *г*). Конструкции с двумя подбоями располагаются в северо-восточной и северо-западай частях (рис. 1: *в*).

Погребения конца I–II в. отличаются от других подбойных могил, выявленных на могильнике. Входные ямы прямоугольные и узкие, длиной в большинстве случаев до 2,2–2,4 м, единично выявлены более крупные длиной до 2,6 и шириной до 0,7 м. Для большинства входных ям характерна незначительная глубина, а также некоторая вариативность в выполнении обустройства перекрытия подбойной ниши. Преобладают каменные заклады, которые в этой части могильника в большинстве представлены вертикально установленными крупными плитами. Встречаются и другие формы разграничения входной ямы и подбоя. Именно для этой части памятника характерны погребения без каменного заклада, подобные случаи зафиксированы в 21 могиле (рис. 1: *е*). Возможно, использовались деревянные перекрытия, но при исследовании они не были зафиксированы. В этой же части некрополя в 15 случаях выявлен выложенный по дну один неполный ряд камней (рис. 1: *д*). В некоторых случаях камни располагались по зонам – в районе головы, таза и ног. Вероятно, схожую функцию выполнял и материковый выступ, обнаруженный в одном погребении между входной ямой и подбоем.

Для раннего периода существования могильника присуща рядность расположения могильных ям в линии, вытянутые с юго-запада на северо-восток, при этом наблюдается определенная разреженность, упорядоченность расположения погребальных конструкций. Четко прослеживаются не менее семи подобных линий, насчитывающих от 4–5 до 20 погребений. В крайней северо-западной и северной части могильника выявлены погребения, прорезающие друг друга, всего подобных случаев зафиксировано 7. Чаще всего это выражается в частичном разрушении одной ямой другой. При этом, у ранней могилы может быть поврежден лишь край ямы, либо кости скелета более ранних погребений сдвигаются к стенке подбоя. В одном случае скелет остался на месте, но был частично разрушен – у костяка ноги срезаны по бедренным костям.

Погребальный инвентарь ранней части могильника отличается наличием большого количества бус, зачастую сформированных в крупные ожерелья. Характерно для этого периода наличие вооружения, представленного железными мечами, кинжалами без навершия и кинжалами с кольцевым навершием, наборами конской узды (рис. 2: *е, ж, з, к*). Собрана большая коллекция стеклянных сосудов, в том числе представленных и уникальными экземплярами (*Голофаст, Свиридов,* 2021). Еще одной отличительной чертой ранней части является большое количество находок из желтого металла – лунниц, подвесок, амулетниц и др. (*Гавритухин, Свиридов, Язиков,* 2020). Керамическая посуда представлена кувшинами, тарелками, мисками, кружками. При этом, по краснолако-

[2] За исключением одного кремационного погребения в амфоре (№ 4).

вой посуде можно выделить три хронологические группы. Ранняя, относящаяся к северо-западной части могильника, датируется концом I – первой четвертью II в., вторая, которую предварительно можно отнести ко II в. в целом, распространяется на большей территории ранней зоны, третья, связанная с юго-восточной частью ранней зоны могильника, датирована концом II – первой половиной III в. (*Суханов,* 2021).

Центральная часть могильника хронологически соотносится с финальной частью первого периода, который ориентировочно может быть датирован второй половиной II – началом III в. н. э.

Преобладают подбои, выполненные в северо-восточной стенке входной ямы, при этом увеличивается количество двуподбойных могил. Подбои имеют ширину от 0,43 до 0,7 м. Длина зачастую превышает длину входной ямы, доходя до 2,6 м. Пол подбоя находится на уровне дна входной ямы или ниже на 0,15–0,4 м, подобная особенность зафиксирована в 25 случаях. Чаще в стенке, противоположной стене с подбоем, оставлялась ступенька шириной 0,2–0,3 м и высотой от 0,15 до 0,45 м, ступеньки зафиксированы в 70 случаях.

В центральной части у подбойных могил перекрытие осуществлялось только каменным закладом, при этом наблюдается значительная вариабельность его сооружения, в отличие от ранней зоны могильника, где в качестве каменного перекрытия в большинстве использовались крупные плоские плиты. Примерно в равных пропорциях представлены бессистемные навалы камней и перекрытия с установленными вертикально плоскими или уплощенными камнями, которые в момент обнаружения были в наклонном положении. Вертикальные камни располагались как на материковом грунте, так и на одном или нескольких уложенных друг на друга рядах камней. Чаще всего, таких рядов зафиксировано два, но встречаются заклады, в которых насчитывается по 3, 4 или даже 5 рядов под вертикально установленными камнями. В 60 погребениях удалось проследить ряды из камней, плотно уложенных друг на друга, перекрывающие камеру полностью без установки вертикальных камней.

Присутствует значительное количество могил, которые расположены плотно друг к другу. Рядность сохраняется, но прослеживается в меньшей степени, чем в предыдущий период. Несмотря на высокую плотность погребальных сооружений, случаев разрушения одной могилы другой не выявлено. Вероятнее всего, в древности погребения маркировались на местности установкой каменных или деревянных надгробий, либо надмогильными холмиками. Возможное наличие надмогильных камней подтверждает обнаружение в отдельных случаях при снятии грунта над входной ямой крупных камней. Всего подобных моментов выявлено около 30 (рис. 2: *в*). В большинстве случаев камень располагался в восточной части входной ямы.

В северо-восточной и центральной части с периодом конца II–III в. соотносятся кремационные погребения, всего их выявлено на могильнике 14. В большинстве случаев для трупосожжения использовался отдельный подбой.

Ингумационные погребения, в основном, одиночные, за исключением 7 случаев, где в одном подбое были зафиксированы по два костяка и одного, в котором расчищены были четыре.

Погребальный инвентарь представлен набором характерных вещей, широко известных на памятниках Юго-Западного Крыма этого времени. В некоторых могилах обнаружены железные удила. В отличие от ранних комплексов, где все удила были найдены в могилах с предметами вооружения, для рассматриваемой части могильника они располагаются самостоятельно. Предметы вооружения отсутствуют. Многочисленны случаи обнаружения в голове или ногах погребенного остатков от деревянных шкатулок, представленных бронзовыми и железными пластинами, ригелями, ключами (рис. 2: *г*).

С первой половины – середины III в. н. э. начинается второй этап функционирования могильника, граница периода маркируется, в первую очередь, сменой одночленных лучковых фибул двухчленными (*Гавритухин, Свиридов, Язиков,* 2020). Погребальные сооружения располагаются более разряжено, чем в конце первого этапа, просле-

живается четкая рядность погребений. Могилы вытянуты в линии так же, как и в ранней части, с юго-запада на северо-восток. Количество могил в одном ряду от 6 до 15. Кремационных погребений, за исключением нескольких расположенных на условной границе двух периодов существования могильника, среди могил второго этапа нет. Продолжают бытовать одно- и двуподбойные могилы, при этом количество двуподбойных в процентном отношении значительно увеличивается, составляя не менее 35%. Выявлено 15 могил с расположением подбоя в юго-западной стенке, что было не характерно для центральной части могильника (рис. 1: *г*).

Для поздних периодов могильника значительно увеличивается глубина входных ям, наибольшая (2,2–2,45 м) зафиксирована на крайнем юго-западе у погребений 51 и 52, которые относятся к финальной стадии могильника и могут быть датированы началом V в. Наблюдаются и другие изменения в погребальном обряде. Именно для поздних комплексов, датированных не ранее второй половины III–IV в., встречены фрагменты скорлупы от яиц, расположенных в краснолаковых блюдах или рядом с наборами посуды за головой погребённого. Всего подобная традиция фиксировалась не менее чем в 35 могилах (рис. 2: *д*).

Для рассматриваемого этапа существования могильника характерно появление новых погребальных сооружений. Выявлены три грунтовые ямы с заплечиками, ориентированные по линии ЮВВ–СЗЗ. Ямы имеют прямоугольные формы, размерами 2,4–2,6×0,55–0,65 м. В двух случаях погребения были перекрыты крупными каменными плитами.

В юго-восточной части исследовано 12 грунтовых склепов, расположенных среди подбойных могил, зачастую образуя с ними общую линию. При этом к юго-востоку, к финальной части могильника, идет увеличение числа грунтовых склепов по отношению к числу подбойных могил, что сближает Фронтовое 3 с другими памятниками Юго-Западного и Предгорного Крыма.

Склепы длинной осью ориентированы по линии северо-запад – юго-восток. Погребальные камеры подчетырехугольные в плане, размером от 2,2×2,3 до 2,7×3,0 м. Пол во всех склепах ниже пола дромоса на 0,5–0,95 м. Входные ямы расположены с юго-восточной стороны от погребальной камеры, имеют длину от 2,1 до 5,2 м. Во всех склепах обнаружены крупные каменные плиты, перекрывающие вход в погребальную камеру.

Для первой половины – середины IV в. грунтовые склепы имеют несколько вариаций. К примеру, склепы №№ 16 и 41, расположенные ближе к центру могильника, имеют отличную от остальных подобных сооружений конструкцию входной ямы, у них она достаточно крупная, по всей длине достигает ширины 1 м. Во всех остальных грунтовых склепах входная яма узкая, увеличивается от начала к погребальной камере от 0,3–0,5 до 0,8–1,0 м.

У большинства склепов в противоположной от погребальной камеры стенке входной ямы имеются ступени, их количество варьирует от 5 до 8 в разных сооружениях. Исключение составляет склеп № 175, у которого входная яма имеет меньшую длину, и ступени заменены небольшими нишами, вырубленными в юго-восточной стенке. У склепа № 16, самого северо-западного, в противоположной от входной ямы стенке погребальной камеры имеется три ниши.

К финалу могильника вариативность исчезает, наблюдается тенденция к увеличению длины дромоса. Подобная характеристика отмечена у склепов, образующих крайнюю юго-западную линию (№№ 172, 176, 178), при этом в самом позднем склепе (№ 178) он достигает длины 1,1 м.

Все погребения в грунтовых склепах были выполнены по обряду трупоположения на полу погребальной камеры, на спине. В двух более ранних склепах (№№ 16 и 41) погребения были совершены вдоль длинной оси дромоса, головами на северо-восток. В остальных склепах погребенные расположены перпендикулярно длиной оси, головой к северо-востоку или юго-западу.

Набор вещей из погребений второго периода характерен для памятников конца III – начала V в. Полностью исчезают фрагменты шкатулок. Значительно представлены предметы вооружения, в отличие

от погребений финала первого этапа, где они практически не встречались. Примечательна коллекция так называемых «кинжалов с вырезами», всего подобных найдено 11 экземпляров, во всех могилах они были помещены в районе предплечий остриём к голове погребенного (рис. 2: *и*). Также найдены длинные железные мечи, топоры, два умбона и две манипулы, конская упряжь (рис. 2: *е, к*). Индикатором поздних комплексов являются и пряжки с длинным, в том числе хоботковидным язычком, ременные С-видные накладки и мечевидные наконечники, двучленные прогнутые подвязные фибулы, конический кубок, украшенный каплями синего стекла, а также набор керамической посуды, среди которых и крупные краснолаковые блюда (*Гавритухин и др.*, 2020; *Суханов, Гавритухин, Нессель,* 2021).

Малая изменчивость, наблюдаемая в погребальном обряде и основных категориях инвентаря, четкая хронологическая зональность и планиграфическая преемственность свидетельствуют о том, что этот могильник мог быть оставлен одной весьма компактной группой населения, возможно, общиной. При этом, судя по появлению новых традиций в погребальных комплексах, оставившее могильник население было открыто новым влияниям, появляющимся в связи с притоком нового населения. Однако новые веяния не изменили кардинально существующие погребальные практики, а были включены в местные уже сложившиеся традиции.

ЛИТЕРАТУРА

Гавритухин И. О., Мастыкова А. Н., Свиридов А. Н., Суханов Е. В., Язиков С. В., 2020. Финал могильника Фронтовое 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // Stratum plus. № 4. С. 235–247.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму // Российская археология. № 2. С. 91–110.

Голофаст Л. А., Свиридов А. Н., 2021. Стеклянный кубок из могильника Фронтовое 3 // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 г. / Ред. А. В. Зайков, Д. А. Костромичев, Е. С. Лесная. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический». С. 67–72.

Суханов С. В., 2021. Краснолаковая керамика конца 1 – первой половины 3 вв. из могильника Фронтовое 3 (хронологический и планиграфический анализ) // Stratum plus. № 4. С. 211–220.

Суханов Е. В., Гавритухин И. О., Нессель В. А., 2021. Краснолаковая керамика второй половины III – начала V вв. из могильника Фронтовое 3 // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 263. С. 441–456.

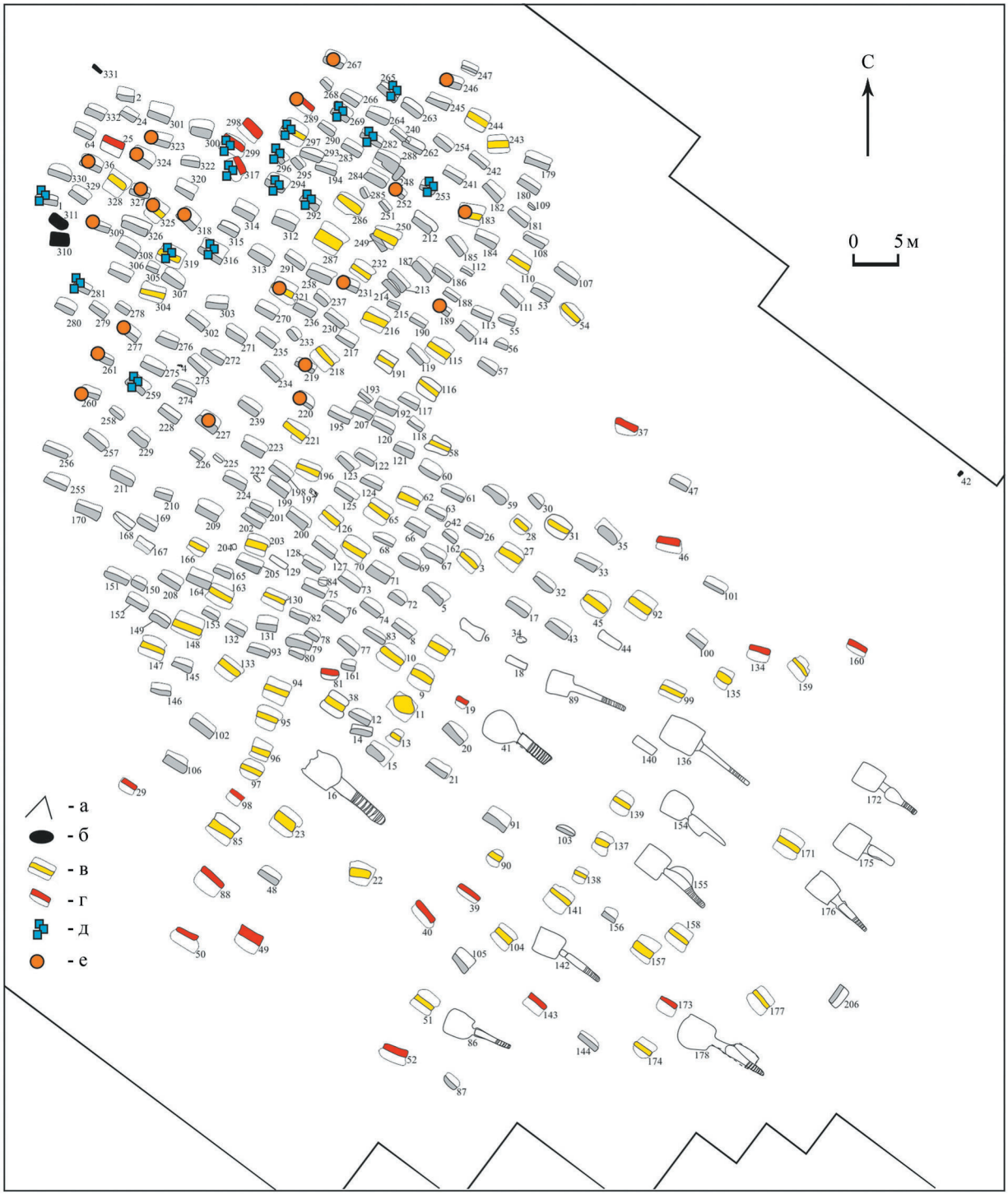

Рис. 1. Особенности сооружения подбойных могил: а – границы раскопа; б – могилы эпохи бронзы; в – могилы с двумя подбоями; г – могилы с подбоем в юго-западной стенке; д – могилы с неполным рядом камней по дну; е – могилы без каменного заклада

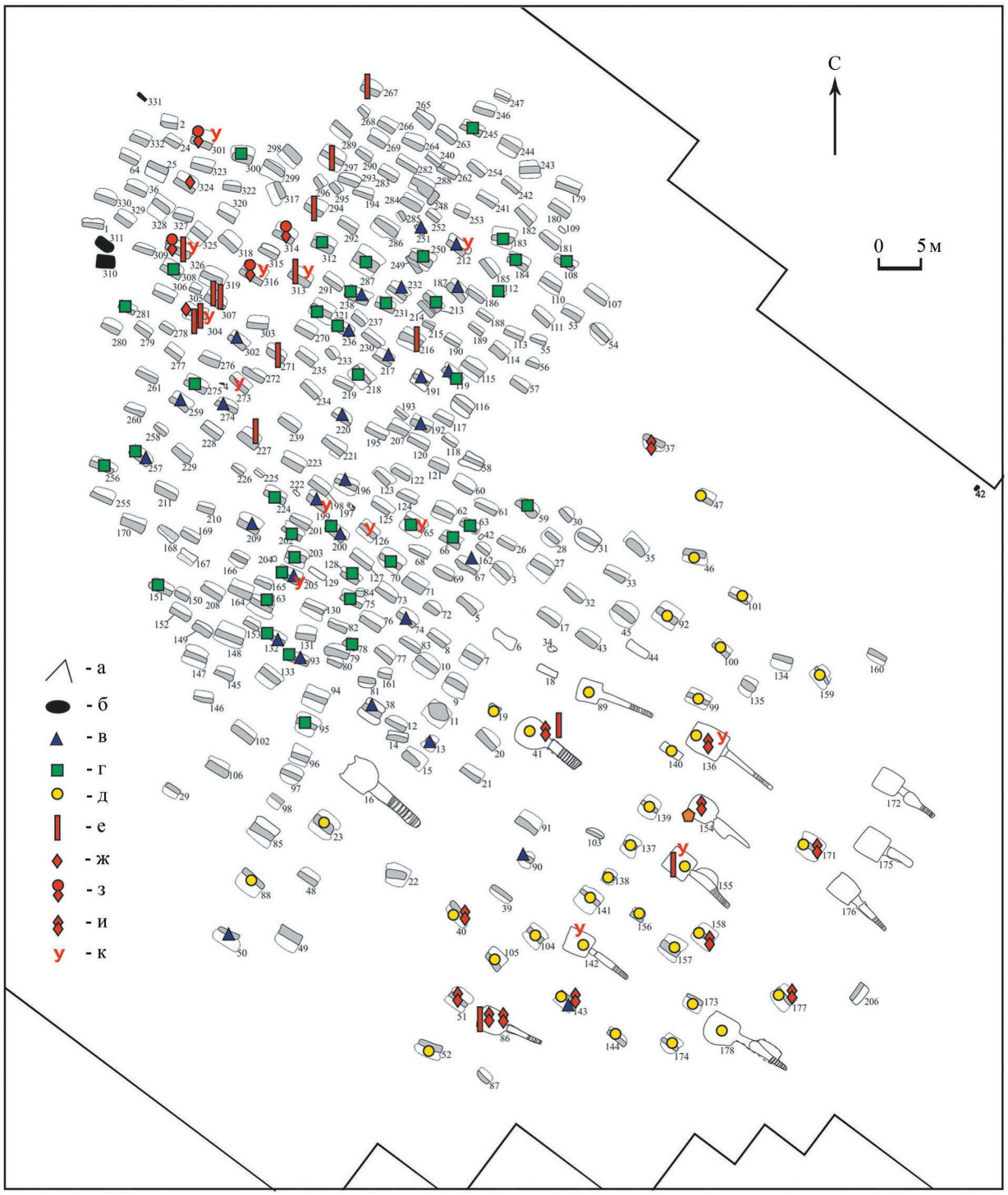

Рис. 2. Распространение отдельных категорий погребального инвентаря:
а – границы раскопа, б – могилы эпохи бронзы; в – каменные надгробия;
г – фрагменты шкатулок; д – яичная скорлупа; е – мечи; ж – кинжалы;
з – кинжалы с кольцевым навершием; и – кинжалы с вырезами; к – удила

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.22-42

ПОДВЯЗНЫЕ ЛУЧКОВЫЕ ФИБУЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3 (ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ)[1]

Гавритухин Игорь Олегович
Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация: В статье предложена классификация лучковых фибул из могильника Фронтовое 3 (около 140 экземпляров). Их планиграфическое распределение, сопутствующие находки, датированные аналогии стали основой выделения пяти хронологических горизонтов. Эти наблюдения дополняют и уточняют существующие типологические схемы таких фибул, дают новые данные для корректировки датировок ряда их вариантов.

Ключевые слова: Крым, римский период, фибулы, типология, хронология

THE BOW-SHAPED BROOCHES WITH RETURNED FOOT FROM THE CEMETERY OF FRONTOVOE 3 (TYPOLOGY AND CHRONOLOGY)

Gavritukhin, Igor' Olegovich
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This paper suggests a classification of the bow-shaped brooches with returned foot from the cemetery of Frontovoe 3 (ca 140 pieces total). Their spatial distribution, accompanying finds, and dated parallels form the background for the determination of five chronological horizons. These observations enlarge and amend the existing typological schemes of the brooches in question and supply new data for the clarification of several variants of the artefacts in question.

Keywords: Crimea, Roman Period, brooches, typology, chronology

Коллекция лучковых фибул[2] из могильника Фронтовое 3 (общие сведения о памятнике см.: *Гавритухин, Свиридов, Язиков,* 2020; *Gavritukhin et al.,* 2021)[3] включает около 140 или чуть больше экземпляров (часть фрагментов трудно однозначно атрибутировать). Она является не только существенной частью источников для исследования могильника Фронтовое 3, но, учитывая количество находок и их разнообразие, и одной из опорных для изучения лучковых фибул в целом.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

Автор благодарен авторам раскопок могильника Фронтовое 3 Сергею Владимировичу Язикову и Алексею Николаевичу Свиридову, обеспечивших доступ к нужным материалам и комфортные условия работы; сотрудникам фондов и реставраторам Государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический, куда передана коллекция находок из Фронтового 3. Отдельная благодарность – Вячеславу Вадимовичу Масякину, подсказавшему ряд ценных публикаций.

[2] Ниже для краткости я опускаю характеристику «подвязные», т. к. таковы все рассматриваемые здесь находки.

[3] См. также статью А. Н. Свиридова и С. В. Язикова «Могильник Фронтовое 3. Общие сведения и характеристика погребального обряда» и ряд других в данном сборнике; там и более полная библиография.

КЛАССИФИКАЦИЯ

Как видно из историографического обзора (см. мою другую статью в данном сборнике)[4], базовые характеристики вариантов лучковых фибул, предложенные А.К. Амброзом, требуют в ряде случаев уточнений и дополнений, существенных для датировок. Материалы Фронтового 3 подтверждают, что нередко разница в профилировке вариантов 1-2 и 3, 1-2 и 4, 3 и 4, 4 и 5 серии I по А.К. Амброзу бывает трудно уловима или мало информативна. Тем не менее, скептицизм В.М. Косьяненко представляется мне чрезмерным – в изучении лучковых фибул профилировка остается важным и весьма информативным признаком, даже если мы не всегда можем формализовано определить его границы. Зачастую информативной характеристикой, уточняющей датировки вариантов лучковых фибул, являются и интервалы их размеров. Опыт коллег подтверждает и то, что важно учитывать вариации фибул по форме и сечению их деталей, способам орнаментации и другим признакам.

Напрашивающийся способ максимально учесть наработки коллег – создание многомерной «сетки» с учетом вариации по каждому признаку. Однако значимые вариации признаков, как свидетельствуют наблюдения коллег и мои собственные, в разных случаях не одинаковые. Придумывать априорные «прокрустовы» схемы я считаю занятием праздным, а огромное число стандартных «ячеек» едва ли продуктивно для действительного понимания материала.

Сказанное, конечно, не исключает стремления сделать классификацию удобной. Поэтому, следуя ряду коллег, я счел нужным разделить рассматриваемые фибулы на три типа – одночленные с верхней тетивой, одночленные с нижней тетивой, двучленные. Они делятся на блоки вариантов в соответствии с характером спинки и ее орнаментации. Варианты выделяются с учетом длины изделия, профилировки спинки, формы ножки и другим признакам – по интервалам, которые представляются мне значимыми в каждом конкретном случае[5].

Более дробные подразделения сделают классификацию слишком громоздкой, тем более что она рассматривается лишь как промежуточный этап исследования – предварительное упорядочение материала для облегчения его анализа в контексте разных исследовательских задач.

Материал изготовления фибул не указывается, кроме железных экземпляров, которые легко определимы и, главное, как правило, имеют размерные стандарты, отличающиеся от стандартов для схожих по форме изделий из других материалов. Специальная работа по анализу металла представительной выборки фибул и ряда других категорий находок ведется И.А. Сапрыкиной.

Тип 1. Лучковые одночленные с верхней тетивой

Блок вариантов 1-1. С дротовой неукрашенной спинкой; завязка короткая[6], за исключением особо оговоренных единичных случаев.

Вариант А (рис. 1: *1*; 5: *1-1-А*). Длиной 4–5 см, с узкой, имеющей на половине длины ножки практически параллельные бока (в этой части и сечение у нее округлое), лишь чуть расширяющиеся к ее концу, где ножка становится уплощенной; профилировка соответствует вариантам 1-2 по Амброзу. Представлен в могиле 280.

Вариант Б (рис. 1: *2*; 5: *1-1-Б*). Длиной 4–5 см, как и у варианта А, но ножка плоская[7], и более широкая (чуть расширенная

[4] Далее, в случае, когда автор упоминается без ссылки на конкретные публикации, имеются ввиду его работы, рассмотренные в этом историографическом обзоре.

[5] В итоге вариант может быть описан шифром, позволяющим легко опознать его в классификационном поле. Например, 1–2-А значит, что фибула относится к типу 1, блоку вариантов 2, варианту А.

[6] Расположение завязки ближе к центру у фибул рассматриваемой выборки связано, скорее всего, с маленькими размерами таких экземпляров. При этом нельзя исключить, что у некоторых фибул, более близких по времени к эпохе формирования группы лучковых подвязных застежек в целом, она является рудиментом, как предполагал, например, Б.Ю. Михлин.

[7] Таковы ножки и у всех других, рассматриваемых ниже фибул, поэтому указание на этот признак ниже повторять не имеет смысла.

по направлению к концу или уже напоминающая треугольник); профилировка соответствует вариантам 1-2 или 3, иногда даже 3/4 (как на рис. 1: *2*) по Амброзу. Представлен в могилах 109, 237, 252, 273, 278, 294, 314, 324.

Вариант В (рис. 1: *3*; 5: *1-1-В*). Длиной 5–7 см, с треугольной ножкой; профилировка соответствует вариантам 3/4 (как на рис. 1: *3*), 3 или 1-2 по Амброзу. Представлен в могилах 59, 224, 257.

Вариант Б или В. Представлен в могиле 288.

Вариант Г (рис. 1: *4*; 5: *1-1-Г*). Длиной 6–7 см; профилировка соответствует варианту 4/5 по Амброзу; завязка длиннее, чем обычная «короткая». Представлен в могиле 73.

Вариант Д (рис. 1: *5*; 5: *1-1-Д*). Железные; длиной около 7 см, с ножкой, немного расширенной к ее концу, и обломок; профилировка соответствует вариантам 1-2 или 3 по Амброзу; завязка не ясна. Представлен в могилах 326, 315.

Вариант Е (рис. 1: *7*; 5: *1-1-Е*). Железный экземпляр; длиной около 9 см, с треугольной ножкой; профилировка соответствует варианту 4/5 по Амброзу; завязка не ясна. Представлен в могиле 148.

Блок вариантов 1-2. С дротовой спинкой, украшенной проволокой.

Вариант А (рис. 1: *6*; 5: *1-2-А*). Длиной 7–9 см, с немного расширенной к концу ножкой; профилировка соответствует варианту 3 по Амброзу; спинка со сплошной обмоткой (экземпляр из могилы 126; рис. 1: *6*) или с фигурной обмоткой (экземпляр из могилы 205).

Вариант Б (рис. 1: *8*; 5: *1-2-Б*) (*Gavritukhin et al.,* 2021. Fig. 11, *31*). Длиной 6–9 см, с немного расширенной к концу или треугольной ножкой; профилировка соответствует вариантам 4 и 5 (или близкой им вариации вариантов 3 или 1-2 – фрагмент из могилы 250) по Амброзу; спинка со сплошной или занимающей большую часть спинки обмоткой, экземпляры из могил 205 и 257 – с фигурной обмоткой. Представлен в могилах 112, 128, 131, 170, 205, 232, 244, 250, 254, 257.

Вариант А или Б. Представлен в могиле 112.

Тип 2. Лучковые одночленные с нижней тетивой

Блок вариантов 2-1. С дротовой неукрашенной (кроме, возможно, экземпляра варианта А) спинкой; завязка короткая, за исключением особо оговоренных единичных случаев.

Вариант А (рис. 1: *10*; 5: *2-1-А*). Длиной 3–4 см, с узкой ножкой, чуть расширяющейся к ее концу; профилировка соответствует вариантам 1-2 по Амброзу. У экземпляра из могилы 309 обмотка зафиксирована и на небольшом участке спинки, примыкающем к тетиве (учитывая коррозию части спинки, нельзя исключить, что обмотка была длиннее и частично утрачена)[8]. Представлен в могилах 299, 309, 332.

Вариант Б (рис. 1: *11*; 5: *2-1-Б*). Длиной 3–4 см, как и у варианта А, но ножка более широкая («треугольная»); спинка бывает чуть уплощена, но обычно округлого сечения, профилировка соответствует вариантам 1-2 или 3 (как на рис. 1: *11*) по Амброзу. Представлен в могилах 269, 277.

Вариант В (рис. 1: *9*; 5: *2-1-В*). Длиной 4–6 см, с треугольной ножкой; профилировка соответствует вариантам 1-2 или 3 по Амброзу; завязка в основном короткая, но встречается и до половины длины спинки (экземпляр из могилы 237). Представлен в могилах 108, 233, 234, 237.

Вариант Г (рис. 1: *13*; 5: *2-1-Г*). Длиной 6–9 см, с треугольной ножкой, хотя и узковатой для такого размера; профилировка соответствует вариантам 1-2 или 3 по Амброзу; у ряда экземпляров фиксируется вставка внутрь пружины. У фибулы из могилы 163 пружинящий механизм и примыкающая к нему дужка корродированы, игла утрачена, поэтому непонятно, в данном случае была двучастная конструкция или обычная одночленная с вставкой в пру-

[8] Формально этот экземпляр можно отнести к особому варианту блока вариантов 2-2, но по другим показателям он близок фибулам варианта 2-1-А. Без явной необходимости я старался не увеличивать число вариантов, представленных одним экземпляром.

жину и декоративной обмоткой небольшого фрагмента дужки, примыкающего к пружине. Представлен в могилах 149, 163, 188, 234, 243, 256.

Вариант В или Г. Представлен в могиле 59.

Блок вариантов 2-2. С дротовой спинкой, украшенной проволокой.

Вариант А (рис. 1: *12*; 5: *2-2-А*). Длиной 5–6 см, с чуть расширенной ножкой; профилировка соответствует вариантам 1-2 по Амброзу; данный экземпляр украшен сплошной обмоткой. Представлен в могиле 286.

Вариант Б (рис. 2: *1, 4*; 5: *2-2-Б*). Длиной 6–9 см, с чуть расширенной или треугольной ножкой; профилировка соответствует вариантам 1-2 (иногда напоминая и вариант 3) по Амброзу; украшены сплошной или покрывающей большую часть спинки обмоткой; у многих экземпляров фиксируется вставка стержня внутрь пружины. Экземпляр из могилы 63 имеет двучастную конструкцию (рис. 2: *4*); у экземпляра из могилы 27 конструкция одночастная со вставкой в пружину, но обмотка близ пружины сделана из куска проволоки, более толстой, чем использована для обмотки большей части дужки, а конец этого куска обмотки пропущен под тетиву. Представлен в могилах 27, 61, 63, 70, 130, 179, 284.

Вариант В (рис. 2: *2*; 5: *2-2-В*). Длиной 7–10 см, с чуть расширенной или треугольной ножкой; профилировка соответствует вариантам 3/4 (экземпляр из могилы 8), 4 (в основном), 5 (экземпляр из могилы 212) по Амброзу; украшены сплошной обмоткой; практически у всех экземпляров фиксируется вставка стержня внутрь пружины. Фибулы из могил 5, 151, 201, 212 и, вероятно, 184, имеют двучастную конструкцию; экземпляр из могилы 184 близ пружины имеет ленточную обмотку корпуса, покрывающую проволочную обмотку; экземпляр из могилы 8 имеет двучастную конструкцию, но проволока от иглы идет не на дужку, а намотана на остатки старого пружинного механизма. Представлен в могилах 5, 8, 70, 151, 183, 184, 201, 212.

Вариант Г (рис. 2: *3*; 5: *2-2-Г*). Длиной 10–15 см, с чуть расширенной или треугольной ножкой; профилировка соответствует вариантам 1-2, 3/4, 4 по Амброзу; украшены сплошной или фигурной (экземпляр из могилы 212, возможно, и из могилы 183) обмоткой; у многих экземпляров фиксируется вставка стержня внутрь пружины. Фибулы из могил 76 и 288 имеют двучастную конструкцию. Представлен в могилах 65, 75, 76, 77, 125, 200, 212, 230, 244, 288.

Вариант Д (рис. 2: *5*; 5: *2-2-Д*). Длиной 11–12 см, с прямоугольной ножкой, имеющей гравированный орнамент; профилировка соответствует варианту 1-2 по Амброзу; украшены сплошной обмоткой. Оба экземпляра имеют двучастную конструкцию. Представлен в могилах 67, 93.

Вариант Е (рис. 2: *7*; 5: *2-2-Е*). Длиной 7–8 см; с треугольной ножкой; профилировка соответствует вариантам 1-2 по Амброзу; наличный экземпляр украшен «змейкой», имеет вставку стержня внутрь пружины. Представлен в могиле 115.

Вариант – в пределах от Б до Д. Представлен в могиле 257 головкой фибулы двучастной конструкции.

Блок вариантов 2-3. С пластинчатой (ленточной) неукрашенной спинкой. Профилировка колеблется от характерной для вариантов 1-2 до напоминающей вариант 3, есть и коленчато согнутые (вариант В) или напоминающие такую профилировку. Завязка в основном короткая, хотя встречается и чуть длиннее обычной. У многих фибул зафиксирована вставка стержня в пружину.

Вариант А (рис. 2: *6*; 5: *2-3-А*) (*Свиридов, Язиков,* 2019. Рис. 6, *8*; *Гавритухин, Свиридов, Язиков,* 2020. Рис. 5, *28*). Длиной 4–5 см; ножка треугольная; спинка сравнительно широкая, сужается к пружине. Представлен в могиле 27.

Вариант Б (рис. 2: *8*; 5: *2-3-Б*). Длиной 5–6 см; ножка треугольная; спинка сравнительно нешироκая, сужается к пружине. У фибулы из могилы 207 игла утрачена, а на дужке близ пружины сохранилось немного обмотки, что делает вероятным наличие двучастной конструкции. Представлен в могилах 10, 165, 207, 212.

Вариант В (рис. 2: *9*; 5: *2-2-В*). Длиной 4–5 см; ножка имеет параллельные бока или очень слабо расширяется к концу; спинка узкая, коленчато согнута. Представлен в могилах 250, 238.

Вариант Г (рис. 2: *11*; 3: *1*; 5: *2-3-Г*). Длиной 6–10 см; ножка треугольная; спинка узкая (пропорционально размерам, сопоставима с вариантом Б, но в сантиметрах аналогична варианту А), имеет параллельные края, лишь в одном случае (экземпляр из могилы 232, длина около 6,5 см) сужается к пружине. В одном случае (экземпляр из могилы 124; рис. 3: *1*) игла утрачена, тонкая проволока обматывает часть дужки и пружинного механизма, напоминая пружину, завязанную на дужку, но для продолжения в иглу она слишком тонкая. Представлен в могилах 14, 121, 124, 145, 232.

Вариант Д (рис. 2: *10*; 5: *2-3-Д*). Представлен деформированным фрагментом, поэтому длина застежки не ясна; близок варианту В, но ножка имеет «плечики». Отнесение этого фрагмента к одночленным фибулам основывается на том, что среди фрагментов нескольких фибул, найденных в этом комплексе, все детали пружинных механизмов представлены одночленными конструкциями. Планиграфическая позиция могилы (в ареале, где известны только лучковые одночленные фибулы, см. рис. 5) тоже соответствует такой атрибуции. Представлен в могиле 59.

Вариант Г или Д. Представлен в могиле 63.

Вариант по обломку не ясен. Экземпляр из могилы 251.

Блок вариантов 2-4. С пластинчатой (ленточной) украшенной спинкой.

Вариант А (рис. 3: *3*; 5: *2-4-А*). Длиной 6–7 см; с треугольной ножкой, спинка профилирована как варианты 1-2, 3 или близко варианту 4 по Амброзу; украшены «змейкой». Представлен в могилах 3, 152, 182, 226, 287.

Вариант Б (рис. 3: *2, 7*; 5: *2-4-Б*) (*Gavritukhin et al.,* 2021. Fig. 11, *21*). Длиной 8–10 см; с треугольной ножкой; спинка профилирована как варианты 1-2 по Амброзу, зачастую близко варианту 4 (единично как вариант 3, экземпляр из могилы 74; как вариант 4, экземпляр из могилы11; коленчато согнута, экземпляр из могилы 8), украшены «змейкой». Представлен в могилах 8, 10, 69, 74, 110, 115, 122, 126, 166, 183, 186, 193, 203, 221, 321, 255.

Вариант В (рис. 3: *5*; 5: *2-4-В*). Длиной около 16 см; со слабо расширенной ножкой; спинка профилирована как варианты 1-2 по Амброзу, украшены «змейкой». Экземпляр из могилы 199 (рис. 3: *5*) отличают массивность прямоугольного в сечении бруска спинки, которая украшена «змейкой» и с боков, орнамент ножки гравированной косой сеткой. Представлен в могилах 199, 238.

Вариант Г (рис. 3: *6*; 5: *2-4-Г*) (*Гавритухин, Свиридов, Язиков,* 2020. Рис. 5, *29*). Длина 9–12 см; с прямоугольной ножкой и выделенной уступами более широкой дужкой, расширяющейся по направлению к пружине; обильно украшены гравированными линиями, в т. ч. образующими ромбы и треугольники. Представлен в могилах 184, 240. Эти застежки очень близки между собой, образуя «узкий» вариант, который можно назвать «Фронтовое».

Вариант Д (рис. 3: *8*; 5: *2-4-Д*). Длина 7–9 см, т. е. несколько меньше, чем показательна для варианта Г, хотя данный вариант и близок ему по структуре формы, а экземпляр из могилы 202 имеет и схожую гравированную орнаментацию; украшены проволочной «змейкой». Представлен в могилах 119, 202. Экземпляр из могилы 205 более всего напоминает рассмотренные, но он имеет уникальные, насколько мне известно, орнамент (пластина с продольным желобком, наложенная по оси симметрии спинки) и систему его крепления (с помощью трех петелек, «усы» которых сжаты, пропущены через накладку и дужку, а на обратной стороне дужки распущены). Эта орнаментация едва ли была вторичной, т. к. орнаментальная пластина зажата обмоткой, идущей от приемника, хотя фибула и ремонтировалась, судя по замене иглы на железную.

Вариант Е (рис. 3: *4*; 5: *2-4-Е*). Длина около 9 см; ножка, расширенная у своего конца, переходит в спинку, которая расширяется в противоположную сторону. Данный экземпляр имеет не сильно профилированную спинку, украшенную гравированными линиями, образующими ромбы и треугольники. Представлен в могиле 208.

Тип 3. Лучковые двучленные

Блок вариантов 1. С дротовой спинкой и широким кольцом для удержания оси пружины, кроме варианта В.

Вариант А (рис. 4: *5*; 5: *3-1-А*). Длиной около 9 см; с треугольной (у данного экземпляра – орнаментированной) ножкой; массивной спинкой округлого сечения (4 или 8-гранного, со сглаженными гранями). Представлен в могиле 95.

Вариант Б (рис. 4: *1, 2*; 5: *3-1-Б*) (*Свиридов, Язиков,* 2019. Рис. 6, *9*). Длиной 4–7 см, с треугольной (у экземпляра из могилы 6 – ремонтированной; рис. 4: *1*) ножкой; тонкой спинкой округлого сечения. У экземпляра из могилы 38 (рис. 4: *2*) завязка занимает половину длины спинки. Представлен в могилах 6, 38.

Вариант В (рис. 4: *7*; 5: *3-1-В*) (*Gavritukhin et al.,* 2021. Fig. 11,*15*). Длиной 7–8 см; с треугольной у экземпляра из могилы 9 (в данном случае – орнаментированной; рис. 4: *7*) или прямоугольной, более широкой чем спинка (экземпляр из могилы 33), ножкой; массивной спинкой подквадратно-округлого сечения. В отличии от других лучковых фибул, ось пружины крепится через узкую вертикальную стойку с пробитым отверстием. К влияниям традиций черняховского круга относится и намеченная площадка близ стойки. Представлен в могилах 9, 33.

Вариант Г (рис. 4: *3, 6, 10*; 5: *3-1-Г*) (*Gavritukhin et al.,* 2021. Fig. 11, *22*; *Mastykova, Sviridov,* 2021. Fig. 3, *8*; *Мастыкова, Свиридов,* 2021. Рис. 3, *8*). Длиной 6–9 см; с прямоугольной ножкой (у экземпляра из могилы 3 – фасетированной), у основания более широкой, чем спинка округлого сечения (4 или 8-гранного со сглаженными гранями, овального и т. п.). Представлен в могилах 3, 17, 21, 94, 95, 158.

Вариант Д (рис. 4: *9*; 5: *3-1-Д*) (*Свиридов, Язиков,* 2019. Рис. 6, *4*; *Гавритухин, Свиридов, Язиков,* 2020. Рис. 5, *21*). Длиной 8–9 см; с прямоугольной ножкой, более широкой, чем спинка, со сплошной обмоткой, выполненной из разных кусков проволоки. Представлен в могилах 6, 27.

Вариант А или Г. Представлен в могиле 7.

Блок вариантов 2. С пластинчатой спинкой и широким кольцом для удержания оси пружины.

Вариант А (рис. 4: *4*; 5: *3-2-А*) (*Mastykova, Sviridov,* 2021. Fig. 2, *12*; *Мастыкова, Свиридов,* 2021. Рис. 2, *12*). Длиной 5–6 см; с трапециевидной ножкой, у основания чуть более широкой, чем спинка, и равномерно расширенной спинкой. Представлен в могилах 13, 97.

Вариант Б (рис. 4: *8*; 5: *3-2-Б*) (*Свиридов, Язиков,* 2019. Рис. 6, *7*). Длиной 8–9 см; с прямоугольной ножкой, более широкой, чем спинка, и спинкой, расширяющейся к месту крепления пружины. Представлен в могиле 3.

Вариант В (рис. 4: *11*; 5: *3-2-В*) (*Гавритухин, Свиридов, Язиков,* 2020. Рис. 5, *22*; *Gavritukhin et al.,* 2021. Fig. 11, *16*). Длиной около 9 см; с прямоугольной ножкой, переходящей в спинку, расширяющуюся к месту крепления пружины. Данный экземпляр украшен подпрямоугольными и круглой накладками из сердолика, обрамленными пластинчатым «гнездом» и псевдозерненой проволокой. Представлен в могиле 106.

ГРУППИРОВКА И ДАТИРОВКА

Для группировки рассматриваемых фибул в хронологические группы очень важна отчетливая планиграфическая структура могильника Фронтовое 3 (см. план на рис. 5). Напомню (подробнее см.: *Гавритухин, Свиридов, Язиков,* 2020. С. 93, 95; *Gavritukhin et al.,* 2021. P. 88–91; *Суханов,* 2021), что «ядро», откуда началось расширение некрополя, локализуется на его северо-западе. Затем он рос на восток и юг, где образовались два «лепестка» плотно расположенных могил, завершая период 1 его развития. Начало периода 2 маркирует смена одночленных лучковых фибул двучленными и большинство антонинианов середины III в., окаймляющие с юга и востока южный «лепесток» периода 1 (рис. 5: г; там же: смена фибул типов 1 и 2, обозначенных зелеными значками, фибулами типа 3, обозначенных синими значками). От этой полосы развитие могильника в период 2 шло на юго-восток, завершившись на южной и восточной кромках некрополя (о распределении краснолаковой керамики периода 2 и о финале могильника см. подробнее: *Гавритухин и др.,* 2020; *Суханов, Гавритухин, Нессель,* 2021).

В ходе более детального исследования находок эта картина уточняется и корректируется. Для нашей темы особенно важны

разработки Е. В. Суханова по группировке и картографированию хронологических групп типов краснолаковой керамики периода 1 могильника Фронтовое 3 (*Суханов,* 2021). С учетом сказанного и состава комплексов, опираясь на сложившиеся общие представления об эволюции лучковых фибул и об их датировке по материалам других памятников, для Фронтового 3 можно выделить пять условных хронологических горизонтов лучковых фибул.

Горизонт ФЛ-1[9] включает лучковые фибулы вариантов 1-1-А и 2-1-А. Все они (рис. 1: *1, 10*)[10] небольшие, с невысокой проволочной спинкой, узкой или слегка расширенной по направлению к ее концу ножкой. Типологически они близки варианту Альмгрен-156а, а находятся как бы на стыке вариантов 1 и 2 серии I по А. К. Амброзу, что должно бы указывать на явно не раннюю, но и не самую позднюю часть I в.

По выборке из Неаполя Скифского, согласно Ю. П. Зайцеву, это сочетание фибул вписывается в набор горизонта С, датированного не позднее середины I в. Однако А. Е. Пуздровским отмечено, что маленькие фибулы варианта 1 особенно многочисленны в середине – третьей четверти I в., что близко датам А. А. Труфанова (Хр-12), а модификация варианта 2 (с незначительно расширенной ножкой, иногда с нижней тетивой) характерна уже для четвертой четверти I – начала II в. В Усть-Альме, по выкладкам Т. Н. Высотской, рассматриваемое сочетание вписывается в круг вариаций, датированных I – началом II в.

На Северном Кавказе такие фибулы представлены на памятниках группы Чегем – Манаскент, причем, по наблюдениям В. Ю. Малашева и В. Е. Маслова, I в. включается в период ее расцвета, а ее угасание происходит в начале – первой половине II в. В среднесарматской и связанных с ней культурах (I – середины II в.), согласно А. С. Скрипкину и ряду других авторов, включая В. В. Кропотова, рассматриваемое сочетание вариантов вполне обычно, хотя и не относится к самым ранним или поздним.

Во Фронтовом 3 эти фибулы встречены (рис. 5: красный цвет) на западном и северном краю зоны краснолаковой посуды хронологической группы 1, зачастую в одних комплексах с ней (см.: *Суханов,* 2021. Рис. 5, *1, 4*). Ее дату определяют сосуды с клеймом *planta pedis*, распространение которых в Северном Причерноморье относится, согласно Д. В. Журавлеву, ко второй половине I – первой четверти II в., причем Е. В. Суханов исключает для Фронтового 3 самое начало этого хронологического отрезка.

Из других находок в этой зоне, а иногда и в комплексах с рассматриваемыми лучковыми фибулами, отмечу фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника вариантов 2 и 5, с кнопкой на конце пластинчатого приемника вариантов 2 и 3 (все по: *Амброз,* 1966). Важно, что лучковые фибулы вариантов 1-1-А и 2-1-А встречены на участках, где комплексы с краснолаковыми сосудами группы 1 еще не чередуются с теми, где представлена керамика группы 2. По-видимому, это – наиболее ранние участки могильника, которые датируются около последних десятилетий I в. Такая дата вполне легко вписывается в разработки по хронологии фибул и принимается мною для горизонта ФЛ-1.

Горизонт ФЛ-2 включает лучковые фибулы вариантов 1-1-Б, 1-1-Д, 2-1-Б, 2-1-В (рис. 1: *2, 9, 11*), явно образующие эволюционный ряд по отношению к формам, характерным для горизонта ФЛ-1. Показательные тенденции – расширение ножки, все более напоминающей треугольник, увеличение выгнутости спинки и длины изделия – проявляются постепенно и не обязательно вместе друг с другом. По А. К. Амброзу, такие фибулы относятся к вариантам 2 и 3 серии I, которые рассматривались как последовательные от второй половины I к первой половине II в. Однако наблюдения ряда коллег, как и материалы Фронтового 3, свидетельствуют о том, что жесткой смены одних указанных признаков другими не было.

[9] «ФЛ» обозначает, что горизонт выделен по фибулам группы лучковых.

[10] Здесь и далее, кроме ссылок на иллюстрации образцов вариантов фибул, следует иметь ввиду также описание и списки фибул указанных вариантов в классификационной части данной статьи.

Согласно А.Е. Пуздровскому, аналогии представительному ряду рассматриваемых фибул показательны для первой четверти II в., при том, что «классический» (видимо, по образцам, данным А.К. Амброзом) вариант 3 оформляется во второй четверти II в. Отмечу, что некоторые экземпляры этого варианта тоже находят соответствие в группе ФЛ-2. В разработках А.А. Труфанова, отметившего множество переходных форм для фибул, соотносимых с вариантами 2, 3 и 4 по А.К. Амброзу, рассматриваемой выборке из Фронтового 3 наиболее близок Хр-42 (маленькие, с профилировкой 2/3 варианта), появившийся не ранее середины I в., но бытующий практически весь II в.

В Неаполе Скифском, согласно Ю.П. Зайцеву, аналоги рассматриваемым вариантам фибул из Фронтового 3 укладываются в набор горизонта В (вторая половина I – третья четверть II в.). Ряд соответствий им в Усть-Альме, как и фибулам горизонта ФЛ-1, Т.Н. Высотской датирован I – началом II в. Есть такие фибулы и в святилище на Гурзуфском Седле, угасание деятельности которого, судя по фибулам (и не только им), относится Н.Г. Новиченковой ко II в. (*Новиченкова,* 2000).

С учетом материалов Азиатского Боспора, М.Ю. Трейстер считает возможным говорить о появлении варианта 3 (по А.К. Амброзу), вероятно, во второй половине I в. По В.Ю. Малашеву, на Северном Кавказе фибулы варианта 2 встречены в комплексах хронологической группы 1 (I – первая половина II в.), не чужды некоторые фибулы, аналогичные ряду экземпляров горизонта ФЛ-2, и находкам с памятников группы Чегем – Манаскент, финал которой датирован не позднее первой половины II в. В степи застежки, аналогичные варианту 3 по А.К. Амброзу, отмечены как для поздней части среднесарматской, так и ранней части позднесарматской культур, т.е. на протяжении значительной части II в. В.В. Кропотов считает их характерными все же для 1-го этапа позднесарматской культуры.

В Прикамье фибула, имеющая ряд признаков, характерных для вариантов горизонта ФЛ-2, но с узкой ножкой (редкий гибрид вариантов 1 и 3 по А.К. Амброзу, судя по рисунку), встречена в комплексе пьяноборской культуры, соотносимой, в основном, со среднесарматской эпохой (*Красноперов,* 2021. С. 59, 60. Рис. 2, *5*). Среди уже довольно представительной выборки лучковых фибул азелинской и мазунинской культур, сменивших пьяноборскую не позднее начала III в., не отмечено экземпляров, напоминающих даже близкий круг аналогий фибулам горизонта ФЛ-2. Нет таковых и на местах сражений I в., зафиксированных на Окско-Донском водоразделе и на Верхнем Дону.

На плане могильника Фронтовое 3 фибулы горизонта ФЛ-2 занимают (рис. 5: оранжевый цвет) пространство, находящееся между могилами с фибулами горизонта ФЛ-1, и распространяются восточнее, закончив заполнение практически всей северо-западной части (хронологического «ядра») некрополя. Они же образуют полосу в основании восточного «лепестка» могильника периода 1, а несколько экземпляров фиксируются на восточном краю восточного «лепестка».

По причинам, которые мы едва ли узнаем[11], дальнейшее распространение могил этого «лепестка» на восток прекратилось. Зато наблюдается долгое заполнение всего пространства восточного «лепестка». В ряде случаев более ранние могилы, заметные на поверхности, хозяева кладбища старались не трогать, но иногда это не получалось. Это видно по серии случаев перерезания одной могилы другой в западной части восточного «лепестка» (рис. 5: в), причем на других участках некрополя таких случаев нет.

С зоной горизонта ФЛ-2 соотносится часть могил хронологических групп 1 и 2, выделенных по краснолаковой керамике (*Суханов,* 2021. Рис. 5, *1, 2, 4, 5*), датированных концом I – первой четвертью II в. и II в. соответственно. В этой же зоне продолжают

[11] Мои фантазии на эту тему дали спектр вариантов (плотный лес, сакральные зоны и т.п.), но не один из них нельзя корректно верифицировать на имеющемся материале.

встречаться фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника, представленные вариантами 2, 3 и 5 (по: *Амброз,* 1966).

С комплексами или зоной горизонта ФЛ-2 связано и появление на могильнике римских фибул, в том числе:

– украшенных эмалью (*Гавритухин, Свиридов, Язиков,* 2020. Рис. 5, *27*), редкого гибридного варианта, совмещающего черты, характерные для типов I.36 и I.32 (по: *Exner,* 1941; с элементами, как в: *Амброз,* 1966. Табл. 14, *7, 8*);

– дисковидных брошей, распространенных очень широко (тип 7.2. по: *Riha,* 1979; тип 24а по: *Feugère,* 1985; форма 1 группы 16 по: *Кропотов,* 2010);

– сильно профилированных западных типов. Экземпляр из Фронтового 3 в деталях более всего напоминает те, что опубликованы А. Е. Пуздровским (2007. Рис. 197, *7, 10*), но тетива закреплена не крючком и не петлей тетивы, охватывающей основание головки, а нижняя (см. также: *Труфанов,* 2009. Рис. 54, *4–6*, *9, 13*);

– шарнирных дуговидных, аналогии которым, хотя и не полностью совпадающие по всем параметрам, единично встречаются в Юго-Западном Крыму (например: *Труфанов,* 2009. Рис. 52, *8*; *Кропотов,* 2010. Рис. 80, *4, 5*);

– шарнирных варианта 5.12.2 (по: *Riha,* 1979).

Ранние датировки некоторых таких фибул по материалам римских провинций, по-видимому, потребуют корректировки с учетом крымских реалий. Отмечу также появление в зоне фибул горизонта ФЛ-2 так называемых пельтовидных пряжек (например: *Гавритухин, Свиридов Язиков,* 2020. Рис. 5, *24*; *Gavritukhin et al.,* 2021. Fig. 11, *26*) и других групп изделий, отражающих, судя по всему, завершение оформления римского военно-политического присутствия в Юго-Западном Крыму после победы над даками в долгой войне и образования провинции Дакия.

С учетом наблюдений над синхронными материалами Фронтового 3, массива более поздних комплексов (см. ниже) и хронологии аналогичных фибул, горизонт ФЛ-2 я считаю возможным датировать в пределах конца I – середины II в., с «пиком» в первой трети II в.

Горизонт ФЛ-3 включает лучковые фибулы вариантов 1-1-В, 2-1-Г (рис. 1: *3, 13*), плавно продолжающие эволюционные ряды, идущие от вариантов, представленных фибулами горизонтов ФЛ-1 и ФЛ-2 по отмеченным выше параметрам, и схожие с ними фибулы с спинкой, украшенной обмоткой, вариантов 1-2-А, 2-2-А (рис. 1: *6, 12*), или «змейкой», варианта 2-2-Е (рис. 2: *7*). Все они имеют проволочный корпус с расклепанной ножкой. Кроме них, к этому горизонту я считаю возможным отнести фибулы с корпусом из массивного бруска, варианта 2-4-В (рис. 3: *5*), и с узким пластинчатым корпусом, варианта 2-3-В (рис. 2: *9*). Весьма вероятно, что наряду с этими специфичными вариантами, представленными 1–2 находками, в это время появляются и некоторые другие фибулы с уплощенной спинкой, однако устойчивые архаичные формы среди них пока выделить затруднительно. Отмечу появление у некоторых фибул горизонта ФЛ-3 и оси, вставленной в пружину.

По профилировке эти фибулы соответствуют вариантам 2 и 3 серии I в системе А. К. Амброза, а единичные экземпляры (как на рис. 1: *3*) уже напоминают вариант 4 или даже относятся к нему, принимая во внимание нечеткость границ вариантов. С учетом неоднократно отмечавшегося долгого бытования профилировки, показательной для вариантов 1-2, датировка набора фибул горизонта ФЛ-3 не должна выходить за рамки II в.

Такой же набор фибул находится на стыке состава вариантов, отнесенных Ю. П. Зайцевым в Неаполе Скифском к горизонтам В (вторая половина I – третья четверть II в.) и А (четвертая четверть II – первая половина III в.). Некоторые отмеченные варианты (крупные проволочные без обмотки) есть в святилище на Гурзуфском Седле, продолжавшем функционировать не позднее II в. (*Новиченкова,* 2000). Согласно А. Е. Пуздровскому, в третьей – начале четвертой четверти II в. в начале еще встречаются фибулы варианта 3, но чаще – переходные от 3-го к 4-му, а преобладают варианты 4 и 5.

На Северном Кавказе, судя по выборке В. Ю. Малашева и В. Е. Маслова, фибулы рассматриваемого набора отсутствуют

на памятниках группы Чегем – Манаскент, т. е. датируются позднее, чем I в. В разработках по находкам из степи, набор горизонта ФЛ-3 относится к тому же хронологическому отрезку, что и варианты, встреченные в горизонте ФЛ-2.

В ряде работ признаки указанных вариантов не дают узкой датировки или не учитываются. К таковым относится наличие спиральной обмотки корпуса, которое присутствует уже на очень архаичных лучковых фибулах (например, в Усть-Альме по Т. Н. Высотской). Однако среди лучковых фибул из святилища на Гурзуфском Седле экземпляров со сплошной обмоткой нет. Это согласуется с тем, что А. Е. Пуздровский относит появление сплошной и фигурной обмотки ко времени около середины II в. Так же датирует появление наиболее ранних крупных лучковых фибул со сплошной проволочной обмоткой (Хр-76) А. А. Труфанов. По-видимому, для разных памятников хронологическое значение этого признака различно. У фибул горизонтов ФЛ-1 и ФЛ-2 он не зафиксирован.

Появление фибул, украшенных «змейкой», в статье И. Н. Храпунова и В. В. Масякина отнесено ко времени около рубежа II и III вв., причем единичные экземпляры с проволочной спинкой считаются наиболее ранними. Столь же поздним признаком считается ими наличие у фибул пластинчатого корпуса. А. А. Труфанов относит лучковые фибулы с плоской спинкой, украшенные змейкой (Хр-87), к хронологической группе 6 (первая половина – середина III в.). Однако это – уже сложившаяся стандартная форма, что допускает появление ее характеристик в более раннее время, не обязательно очень краткое. Например, более осторожную позицию в датировке этих признаков занимают Е. Л. Гороховский, Т. Н. Высотская, В. В. Кропотов.

Среди сравнительно поздних признаков рядом исследователей отмечаются и крупные размеры у «классических» лучковых фибул (напомню, что ранние вариации мной не рассматриваются). Как правило, точные параметры этого признака ими не указываются. Для ФЛ-3 это – 7 и более сантиметров, что близко наблюдениям Т. Н. Высотской над находками из Усть-Альмы. По материалам К. Хелльстрём, фибулы, сопоставимые с вариантами 3 и 4 серии I по А. К. Амброзу, могут быть длиннее, чем все фибулы вариантов 1 и 2, длина которых не превышает 5,5 см. Схожие параметры фигурируют и у В. В. Кропотова. Среди хронологических ориентиров появления «классических» лучковых фибул, имеющих длину 7 и более сантиметров, можно назвать их отсутствие на памятниках группы Чегем – Манаскент, но наличие в святилище на Гурзуфском Седле, т. е. появление, скорее всего, во II в.

Признак «вставка оси в пружину одночленных лучковых фибул» рассматривался, кажется, только А. А. Труфановым, отметившим его появление во II в.

На плане могильника Фронтовое 3 фибулы горизонта ФЛ-3 (рис. 5: желтый цвет) маркируют заполнение восточного «лепестка» распространения могил периода 1, начавшееся комплексами с фибулами горизонта ФЛ-2. Фибулами горизонта ФЛ-3 фиксируется и начало постепенного освоения южного «лепестка» распространения могил периода 1, с концентрацией на его северо-западе. На востоке южного «лепестка» отмечен лишь один комплекс с фибулами горизонта ФЛ-3, причем в сочетании с фибулой горизонта ФЛ-4. В южной полосе могил периода 1, примыкающей к зоне могильника периода 2, фибул горизонта ФЛ-3 не найдено.

По разработкам Е. В. Суханова (*Суханов,* 2021), в очерченной зоне отсутствует краснолаковая керамика хронологической группы 1 (напомню, что ее верхняя хронологическая граница – первая четверть II в.) и значительной (по-видимому, ранней) части группы 2; кроме сосудов группы 2 здесь встречаются и сосуды группы 3, ареал которой выходит за пределы зоны фибул горизонта ФЛ-3. Отмеченных для зон горизонтов ФЛ-1 и ФЛ-2 ранних вариантов фибул с завитком или кнопкой на конце сплошного приемника в этой зоне нет, но продолжают встречаться римские фибулы, правда, не тех же типов или вариантов, что ранее.

С учетом планиграфии Фронтового 3, хронологии ближайших аналогов фибулам горизонта ФЛ-3, предшествующего ему горизонта ФЛ-2 и сменяющего его горизонта

ФЛ-4, дату горизонта ФЛ-3 я определяю в пределах второй четверти – второй половины II в., с пиком в середине – третьей четверти этого столетия.

Горизонт ФЛ-4 включает лучковые фибулы вариантов 1-1-Г, 1-1-Е, 1-2-Б (рис. 1: *4, 7, 8*), соответствующих вариантам 4 и 5 серии I по А. К. Амброзу; 2-2-Б, В, Г, Д (рис. 2: *1–5*), т. е. большинство проволочных инкерманских (по А. К. Амброзу) с обмоткой корпуса; 2-3-А, Б, Г, Д (рис. 2: *6, 8, 10, 11*; 3: *1*) и 2-4-А, Б, Г, Д, Е (рис. 3: *2–4, 6–8*), т. е. большинство инкерманских с пластинчатой спинкой, как неукрашенных, так и с орнаментом. Это определяет хронологические рамки набора второй половиной II – в основном первой половиной III в.

Ю. П. Зайцев назвал лучковые фибулы с резким изгибом спинки (по-видимому, не считая нужным различать варианты 4 и 5 в принципе, или в данном случае) и сплошной или фигурной обмоткой показателями в Неаполе Скифском горизонта А (четвертая четверть II – первая половина III в., возможно, с финалом между 218 и 240 гг.). А. Е. Пуздровский, не разделяя варианты 4 и 5, называет их преобладающим типом лучковых фибул со второй половины II до середины III в. Однако в статье И. Н. Храпунова и В. В. Масякина наличие фибул варианта 5 является аргументов в пользу датировки комплексов первой половиной III в., а инкерманские с обмоткой датируются еще позднее – с пиком распространения во второй четверти – середине III в. А. А. Труфанов выделяет вариант 5 (Хр-92) как индикатор группы 6 (первая половина – середина III в.) в его хронологической системе, отмечая такие фибулы и в комплексах, датируемых не ранее середины III в.

По степным материалам А. С. Скрипкин и другие специалисты (в публикациях, вышедших в основном позднее его статьи 1977 г.) отмечают появление фибул вариантов 4 и 5 в позднесарматской культуре. При этом, А. С. Скрипкин склоняется к мысли о смене варианта 4 вариантом 5 около конца II в., а прекращение их поступления во второй половине III в. связывает с гибелью нижнедонских центров производства этих фибул. Для хронологической системы позднесарматской культуры Южного Приуралья В. Ю. Малашев объединяет фибулы вариантов 4 и 5 в один хроноиндикатор (№ 5), встреченный в комплексах хронологических групп 1 и 2, датированных в пределах второй половины II – середины III в. М. В. Кривошеев для позднесарматской культуры Волго-Донского региона, хоть и отметил случай совстречаемости фибул вариантов 4 и 3, указывает на редкость варианта 5 и его весьма условное отличие от варианта 4, пик бытования которого отнесен концу II – первой половине III в. Об отсутствии значимых различий между вариантам 4 и 5 пишет и С. И. Безуглов со своими соавторами, соотнося ряд экземпляров таких фибул с всаднической элитой середины II – середины III в.

Для Северного Кавказа М. П. Абрамова указывает на редкость варианта 5 и то, что его очень слабое отличие от варианта 4 вряд ли хронологически значимо. В. Ю. Малашев среди хронологических индикаторов раннеаланской культуры Кавказа выделил только вариант 4 (признак 8), показательный для комплексов группы 3 (конец II – первая половина III в.), но зафиксированный и в группе 2 (середина II – начало III в.).

В. В. Кропотов объединил варианты 4 и 5 по А. К. Амброзу в один вариант своей типологии фибул сарматской эпохи и датировал его заключительной частью II – первой половиной III в. В этом его поддержала К. Хелльстрём, специально исследуя находки из Северного Причерноморья.

В Прикамье фибулы вариантов 4 и 5 соотносятся с постпьяноборской эпохой, начавшейся, как минимум, с конца II или начала III в., а их верхнюю хронологическую границу А. А. Красноперов ограничивает серединой III в.

Среди инкерманских фибул варианты с пластинчатым корпусом ряд специалистов относят к позднейшим. В статье И. Н. Храпунова и В. В. Масякина такие фибулы сопоставляют с комплексами времени финала позднескифской культуры, зафиксированного разрушением ряда поселений, вероятно, в конце первой четверти III в. А. Е. Пуздровский относит появление крупных инкерманских фибул с рас-

ширяющейся к концу ножкой к концу четвертой четверти II – первой четверти III в. А. А. Труфанов фибулы с плоской спинкой, украшенной «змейкой» (Хр-87), рассматривает среди показателей группы 6 его системы (первая половина – середина III в.). Для серебряных инкерманских фибул с очень широкой спинкой А. Е. Пуздровский называет реперы от второй четверти до второй половины III в., чему не противоречат наблюдения А. А. Труфанова.

На плане могильника Фронтовое 3 фибулы горизонта ФЛ-4 (рис. 5: зеленый цвет) занимают ареал, связанный с заполнением остававшегося пространства внутри восточного и части южного «лепестков» периода 1 этого некрополя. Здесь они встречаются чересполосно с фибулами горизонта ФЛ-3. Немалый массив фибул горизонта ФЛ-4 фиксирует и расширение кладбища на юге и востоке южного «лепестка», и у его стыка с восточным «лепестком».

Такое распределение позволяет наметить явно поздние варианты фибул, встреченные только там, где не представлены варианты фибул горизонта ФЛ-3, особенно на стыке с зоной периода 2 некрополя Фронтовое 3. С этой точки зрения, позднюю датировку вариантов, отмеченных крымскими коллегами, следует рассматривать лишь как тенденцию – в явно поздних зонах не представлены лишь фибулы с проволочной спинкой и верхней тетивой (варианты 1-1-Г, 1-1-Е, 1-2-Б). Однако они едва ли образуют особый субгоризонт, предшествующий появлению большинства инкерманских фибул, тем более что ранние варианты последних зафиксированы в горизонте ФЛ-3.

В отношении фибул варианта 5 серии I (по А. К. Амброзу) отмечу следующее. Конечно, он типологически позднее варианта 4. Однако это не значит, что он сменяет вариант 4, а не сосуществует с ним. Появление же нового варианта могло пройти через час, день, год, поколение после того, как стал известен его прототип. Для хронологии этого «шага» в данном случае у нас недостаточно надежных реперов. Дата предполагаемой смены варианта 4 вариантом 5 в большинстве случаев определяется «на глазок» интуитивно, или же датировка варианта 5 дается без сопоставления с датами варианта 4. Существенно и то, что после А. К. Амброза четкого типологического разграничения, сопровождаемого списками находок, для этих вариантов пока не предложено.

Особо следует остановиться на двусоставных (по А. А. Труфанову) фибулах. Напомню, что их концентрация на памятниках Юго-Западного Крыма, по мнению И. Н. Храпунова и В. В. Масякина, связана с деятельностью местных мастеров на финале позднескифской культуры. А. А. Труфанов такие фибулы (Хр-106) считает в своей хронологической системе показателем группы 6-Б и датирует в рамках первой половины – середины III в. Однако В. В. Кропотов привел примеры использования такой схемы изготовления пружинящего механизма для фибул разных типов широких хронологического и территориального диапазонов. Это привело к выводу, что данный прием использовался при ремонте фибул и не является преднамеренной конструкцией.

Во Фронтовом 3 такая схема связана с фибулами горизонта ФЛ-4 (рис. 5: а). Только для одного экземпляра варианта 2-1-Г горизонта ФЛ-3 (рис. 5: б, могила 163) она лишь предполагается. Связывать этот прием с ограниченностью поступлений и/или дороговизной новых фибул, как предложил В. В. Кропотов, нет оснований, ведь для фибул горизонта ФЛ-4 показательно максимальное разнообразие, не говоря об особой сложности исполнения многих экземпляров. Не отличаются комплексы с рассматриваемыми фибулами и бедностью на фоне близких по времени могил. Однако и преднамеренной специальной конструкцией этот прием признать трудно. Он выполнен неаккуратно, как бы наспех, зачастую разнится в деталях, что свидетельствует об отсутствии продуманной и специально реализованной мастером задумки. Но если это просто починка (может быть только для фибул, помещавшихся в могилу), то почему она получила столь широкое распространение в сравнительно краткое время? Словом, пока я не считаю данную дискуссию оконченной.

Фибулы варианта 2-2-Д (рис. 2: *5*) свидетельствуют, что точка зрения об отнесении

их аналогов к локальной серии, распространенной главным образом в Приуралье, о чем писали В. Ю. Малашев и ряд других авторов, не точна. Я не вижу причин исключать такие экземпляры из ряда одночленных лучковых фибул (см. также: *Кропотов,* 2010. Рис. 37, *3*). Однако соглашусь, что на крайнем востоке Европы имеются их локальные вариации, и что все такие фибулы датируются на фоне одночленных лучковых сравнительно поздно. Во Фронтовом 3 вариант 2-2-Д встречен (см. рис. 5) на краю южного «лепестка», примыкающего к зоне перехода от периода 1 к периоду 2 некрополя. Не исключено, что этот вариант принадлежит уже этой «переходной» зоне. В первом случае он датируется около второй четверти III в., во втором – около его середины. При этом, вопросы о появлении одночленных лучковых фибул с подпрямоугольной ножкой и о характеристиках их вариантов (см., например, вариант 2-3-Д, рис. 2: *10*) требуют специального изучения.

В целом же, более поздняя позиция фибул горизонта ФЛ-4 на фоне вариантов, характерных для горизонта ФЛ-3, кроме типологических и планиграфических наблюдений подтверждается анализом краснолаковой керамики из Фронтового 3. Ареал ее хронологической группы 3, позднейшей для периода 1 Фронтового (*Суханов,* 2021. Рис. 5, *3, 6*), практически полностью совпадает с зоной распространения фибул горизонта ФЛ-4. Среди других групп находок в рассматриваемой зоне отмечу ряд типов римских фибул (в комплексах периода 2 их нет) и пельтовидных пряжек (в периоде 2 есть лишь их единичные экземпляры).

Финал массового использования фибул горизонта ФЛ-4 вполне очевиден. Он датируется серединой – третьей четвертью III в. по массовому «выбросу» монет, позднейшие из которых относятся к эмиссиям не ранее 250-х гг., появлению двучленных лучковых фибул горизонта ФЛ-5 и других индикаторов периода 2 могильника.

Для ограничения нижней хронологической границы фибул горизонта ФЛ-4 рубежом II и III или даже началом III в. я не вижу достаточных оснований. Отнесение ее к последним десятилетиям II в. представляется (именно так!) мне наиболее приемлемым, но не исключая расширения на всю вторую половину или ограничения только концом II в.

Горизонт ФЛ-5 включает двучленные лучковые фибулы (рис. 4). Практически все современные специалисты согласны, что такие фибулы во второй четверти III в. уже существовали, пик их распространения приходится на вторую половину III в., но ряд вариаций бытовал и много позднее. Подразделить этот массив, насколько мне известно, пробовал лишь В. Ю. Малашев, опираясь главным образом на кавказские материалы. Он считает крупные экземпляры ранними (середины – второй половины III в.), небольшие – более поздними. Однако материалы Фронтового 3 противоречат этому.

Во Фронтовом 3 из 18 двучленных лучковых фибул 17 происходят из компактной зоны, нижняя хронологическая граница которой определяется набором монет середины III в. (рис. 5: г), позднейшие из которых представлены эмиссиями 251–253, 253–268, 258–259 гг. (могилы 95, 27, 7). В этих же комплексах представлены и рассматриваемые фибулы, еще одна в могиле 3 встречена с 7 монетами, позднейшая из который выпушена в 244–247 гг., и одна в могиле 38 найдена с монетой середины III в. плохой сохранности. Верхнюю границу (начало IV в.) определяет отсутствие вещей, характерных для ступени С3 Европейского Барбарикума и монет эпохи Константина Великого, показательных для планиграфически более поздней зоны периода 2 Фронтового 3 (см. о монетах подробнее: *Гавритухин, Свиридов, Язиков,* 2020. С. 93, 95; *Абрамзон, Сапрыкина, Чугаев,* 2021).

Лишь одна двучленная лучковая фибула варианта 3-1-Г (рис. 4: *10*), единственного массово представленного во Фронтовом 3, встречена в могиле 158 на краю средней зоны (с вещами ступени С3), примыкающей к полосе позднейших захоронений могильника Фронтовое 3 (четвертая четверть IV – начало V в.). Из могилы 158 происходит и понтийская сигилята формы 2 по К. Домжальскому, что указывает на дату не ранее середины IV в. (*Суханов, Гавритухин, Нессель,* 2021. С. 444, 452–453. Рис. 2, *17*). Отмечу, что рассматриваемая фибула имеет крупные размеры.

Вопрос о происхождении двучленной конструкции у лучковых фибул остается открытым. Ранняя дата, фигурирующая в работах А.К. Амброза, Г. Дьякону и некоторых других, остается лишь предположением. Пока не опубликован ни один комплекс с такими фибулами, несомненно датируемый не позднее первой четверти III в. Широкое распространение двучленных лучковых фибул связано с эпохой Скифских (Готских) войн 232–275/276 гг. Представленные М.Ю. Трейстером материалы из Горгиппии позволяют говорить об их появлении перед разгромом Горгиппии в середине 230-х гг., очень вероятно, что незадолго перед этим.

Ранние двучленные лучковые фибулы Фронтового 3 типологически очень пестры. Некоторые из них напоминают местные формы. Вариант 3-1-Д (рис. 4: *9*) близок, если не считать конструкции и орнаментации на ножке, варианту 2-2-Д (рис. 2: *5*). Соответствия многим признакам вариантов 2-2-Б и 2-2-Е (рис. 4: *4, 8*) можно найти на более раннем экземпляре из Фронтового 3 (рис. 2: *10*). Форма корпуса фибулы из могилы 106 (рис. 4: *11*) хоть и не имеет соответствий в других комплексах Фронтового, явно связана с выделенным А.Е. Пуздровским и А.А. Труфановым особым вариантом поздних инкерманских фибул с широкой спинкой, бытовавшим в Юго-Западном Крыму до второй половины III в. (см. выше о фибулах горизонта ФЛ-4). Я уже не говорю про не столь специфичные формы с дротовой спинкой и треугольной ножкой.

Такая картина является аргументом в пользу точки зрения И. Ионицэ о связи происхождения двучленных лучковых фибул с производственными центрами в Крыму, Ольвии, Тире. Однако напомню, что рассматриваемый набор фибул из Фронтового 3 все же жестко связан с эпохой Скифских войн, а двучленные лучковые фибулы, учитывая находки из Горгиппии, появились несколько раньше, и в зону поиска должен быть включен и Азиатский Боспор.

В рассмотрении вопроса о происхождении двучленных лучковых фибул следует учесть и их профилировку. Выборка из Фронтового 3 подтверждает, что их профиль чаще всего соответствует изогнутости корпуса одночленных лучковых фибул варианта 3 (здесь и далее по А.К. Амброзу в связи с серией I), немало примеров и профилировки, соответствующей вариантам 1 и 2, встречаются и экземпляры, находящиеся по этой характеристике на стыке вариантов 3 и 4. Т.е. формирование двучленной конструкции лучковых фибул происходило там, где одночленные фибулы вариантов 4 и 5 не вытеснили фибул с более архаичной профилировкой[12]. Материалы из Юго-Западного Крыма (в т.ч. из Фронтового 3) вполне соответствуют этому требованию. Для оценки в этом аспекте других центров в Причерноморье требуется представительная подборка из них датированных комплексов с поздними одночленными лучковыми фибулами.

Для понимания лучковых фибул Фронтового 3 стоит обратиться к вопросам об отношении населения, использовавшего этот могильник, к Скифским войнам (см. обзор письменных источников о событиях, связанных с Крымом: *Айбабин, Хайрединова,* 2017. С. 26–31). Выше был отмечен массовый приток римских монет середины III в., который трудно объяснить вне участия представителей местного населения в этих событиях. Отсутствие монет, несомненно выпущенных в 260–270-х гг., в этой весьма представительной выборке можно сопоставить с участием в морских походах 258 г. вдоль восточного и южного побережья Черного моря и/или 258–259 гг. к Боспору и на запад Малой Азии, тем более, что более поздние походы варваров на римскую территорию заканчивались разгромом нападавших и гибелью многих из них.

Нельзя, конечно, исключить, что варвары из окрестностей Херсонеса привлекались для обороны римских территории и зоны влияния, тем более что состав находок II – первой половины III в. из Фронтово-

[12] Возможно, это имел ввиду А.К. Амброз, у которого варианты 3–5 одночленных лучковых фибул являются почти синхронными двучленным, фиксируя разные формы расцвета и финала эволюции этой группы фибул в целом.

го 3 свидетельствует о включенности представителей этой общины в систему римского присутствия в Юго-Западном Крыму. Однако этот вариант хуже объясняет резкий кратковременный всплеск и обрыв поступлений римских монет, чем предположение об их приобретении в виде добычи.

Следует также учесть появление в могилах периода 2 Фронтового 3 (со второй половины III в.) представительного набора трехчастных роговых гребней, двучленных прогнутых подвязных фибул с узкой стойкой для крепления оси пружины и других вещей, связанных в Причерноморье с культурами «готского» круга. Очевидно, что население Фронтового 3 имело с врагами Рима неплохие контакты, начиная с эпохи Скифских войн. К инновациям, связанным с этим культурным кругом, относится и крепление оси пружины у лучковых фибул из могил 9 (рис. 4: *7*) и 33 именно через отверстие в узкой стойке, а не через широкое кольцо, образованное загибом раскованной части спинки, что характерно для двучленных лучковых фибул. Кстати, пример таких гибридов в Юго-Западном Крыму не единичен (например: *Айбабин,* 1984. Рис. 2, *3*, вероятно, 2, *8*). Отмечу и аналог опубликованной А. И. Айбабиным лучковой фибуле из Чернореченского могильника, происходящий с черняховского могильника Каборга IV, правда, ось пружины у нее крепится широким загнутым кольцом, зато найдена она вместе с серьгой, типичной для Юго-Западного и Предгорного Крыма (*Магомедов,* 1979. Табл. X, *2, 3*).

Фибулы горизонта ФЛ-5 отсутствуют в комплексах восточного «лепестка» северной части могильника Фронтовое 3 (см. рис. 5), хотя горизонт ФЛ-4 здесь хорошо представлен. Очевидно и резкое сокращение числа могил периода 2, по сравнению с некрополем периода 1. Похоже, что часть людей, которая использовала упомянутый участок кладбища, в эпоху Скифских войн ушла или погибла. Часть общины, с которой связан южный «лепесток», напротив, обогатилась и обрела новый спектр связей. В основном, с ней и связано дальнейшее функционирование могильника, его продолжающееся расширение в юго-восточном векторе. Это объясняет преемственность многих традиций местного населения на протяжении всего использования могильника и ряд инноваций, характеризующих его период 2.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Подводить итог изучения лучковых фибул Фронтового 3 – рано. Во-первых, детальная датировка всех комплексов и выделение зон близких по времени могил еще только начались. Нет сомнения, что привлечение к этому других групп находок, пока использованных очень ограниченно, дополнит и откорректирует имеющиеся наблюдения.

Во-вторых, намеченные варианты фибул основаны на выборке с одного памятника, хоть и весьма представительной. Конечно, необходимо выделение вариантов с учетом всех доступных материалов, их привязка к реперным хронологическим шкалам и комплексам, выделение локальных форм и особых ритмов их смены. Отмечу и то, что эволюционные ряды, просматривающиеся по материалам Фронтового 3, как бы исходят из очень типологически компактного набора, представленного фибулами горизонта ФЛ-1. Однако требуется особое исследование, чтобы понять, какое место этот набор занимает в общей картине эволюции лучковых фибул.

Наконец, особое направление работы связано с изучением производства лучковых фибул, что требует привлечения результатов анализа металлов, из которых они (и не только они) сделаны. Планируется и анализ роли фибул в меняющихся со временем уборах, как и их соотношения с половозрастными и другими общественными группами. Словом, представленное исследование я рассматриваю лишь как шаг, а следующий может быть в разных направлениях. На любом из них хотелось бы видеть участие коллег.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., 2021. Комплекс римских серебряных монет из погребения 3 могильника Фронтовое 3 (Юго-Западный Крым): исследование металла методами РФА и изотопного состава свинца в серебре // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 263. С. 287–297.

Айбабин А. И., 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // Советская археология. № 1. С. 104–122.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква. 368 с.

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука. 112 с. (САИ. Вып. Д1-30).

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 91–110.

Гавритухин И. О., Мастыкова А. В., Свиридов А. Н., Суханов Е. В., Язиков С. В., 2020. Финал могильника Фронтовое 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // Stratum plus. № 4. С. 235–247.

Красноперов А. А., 2021. Значение лучковых фибул в хронологии памятников среднего Прикамья // Вестник Брянского государственного университета. № 4 (Исторические науки и археология). С. 59–66.

Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина. 384 с.

Магомедов Б. В., 1979. Каборга IV (раскопки 1973–1974 гг.) // Могильники черняховской культуры / Отв. ред. Э. А. Сымонович. М.: Наука. С. 24–62.

Мастыкова А. В., Свиридов А. Н., 2021. Двурогие пластинчатые лунницы римского времени в Крыму: распространение, датировка (по материалам могильника Фронтовое 3) // Stratum plus. № 4. С. 231–243.

Новиченкова Н. Г., 2000. Фибулы из святилища у перевала Гурзуфское Седло // Российская археология. № 1. С. 154–166.

Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.

Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2019. Сарматские традиции в погребальном обряде могильника Фронтовое 3 (Юго-Западный Крым) // Маргулановские чтения – 2019: Материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К. А. Акишева / Гл. ред. Б. А. Байтанаев. Нур-Султан: Globus. С. 394–403.

Суханов Е. В., 2021. Краснолаковая керамика конца I – первой половины III вв. из могильника Фронтовое 3 (хронологический и планиграфический анализ) // Stratum plus. № 4. С. 211–220.

Суханов Е. В., Гавритухин И. О., Нессель В. А., 2021. Краснолаковая керамика второй половины III–IV вв. из могильника Фронтовое 3 // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 263. С. 441–456.

Труфанов А. А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. № 4. С. 117–328.

Exner K., 1941. Die provinzialromischen Emailfibeln der Rheinlande // Bericht der Romisch-Germanischen Kommission. Bd. 29 (1940). S. 31–121.

Feugère M., 1985. Les Fibules en Gaule Mèridionale de la conquête a la fin du Ve siècle aprè J.-C. Paris: CNRS. 509 p. (Revue arhèologique de Narbonnaise. Suppl. 12).

Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sviridov A., Sukhanov E., Yazikov S., 2021. The Cemetery of Frontovoe 3: New Data on the Culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration Periods // Študijné zvesti. 68. S. 87–118.

Mastykova A., Sviridov A., 2021. The lunula pendants from the cemetery of Frontovoye 3 from the late Roman period in the south-western Crimea // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 72 (1). P. 119–136.

Riha E., 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 222 S. (Forschungen in Augst. Bd. 3).

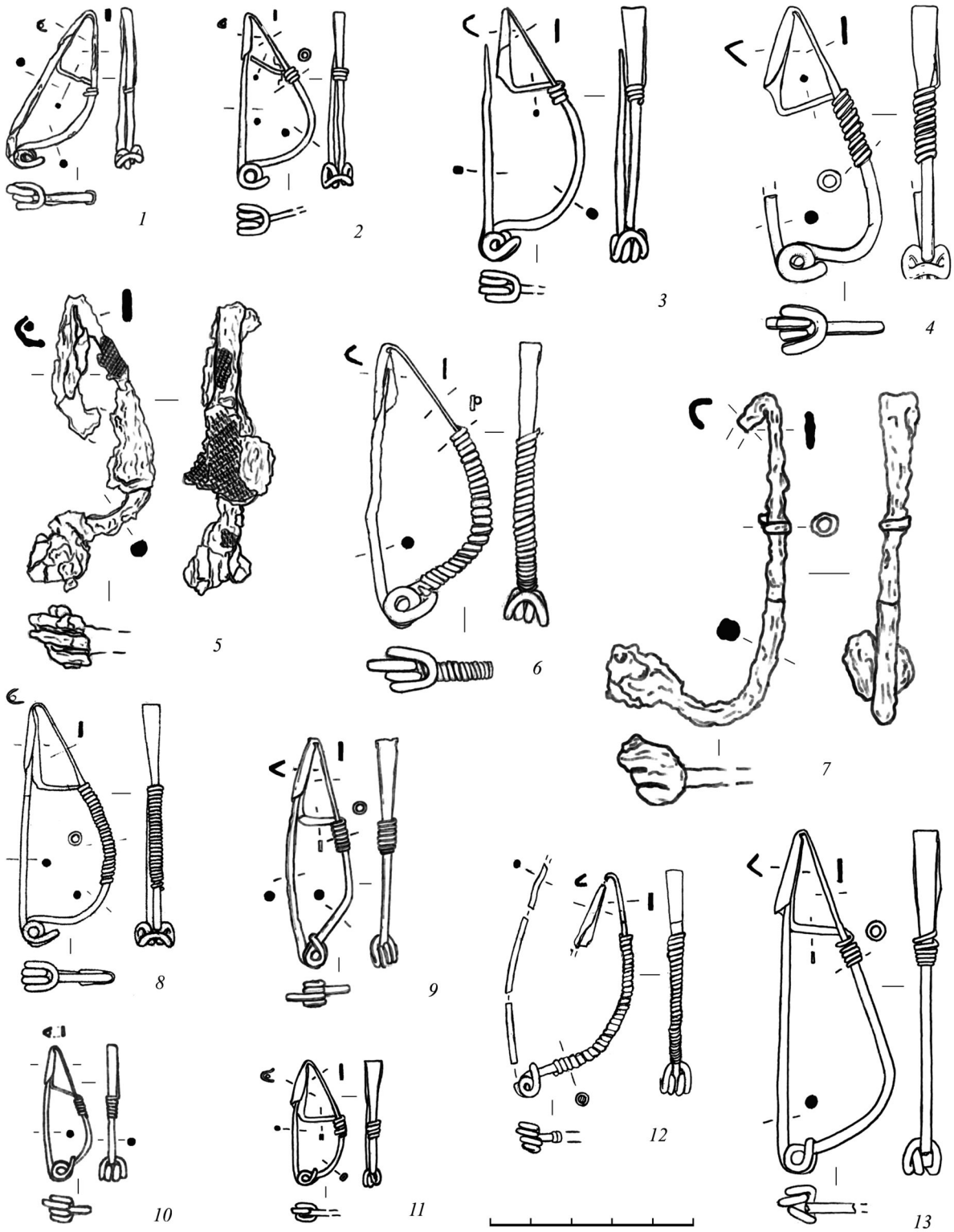

Рис. 1. Фронтовое 3. Лучковые одночленные фибулы (в скобках – номер могилы, где найден данный образец) вариантов: *1* – 1-1-А (280); *2* – 1-1-Б (109); *3* – 1-1-В (224); *4* – 1-1-Г (73); *5* – 1-1-Д (326); *6* – 1-2-А (126); *7* – 1-1-Е (148); *8* – 1-2-Б (205); *9* – 2-1-В (108); *10* – 2-1-А (299); *11* – 2-1-Б (269); *12* – 2-2-А (286); *13* – 2-1-Г (149).
Авторы рисунков: *1–3, 5, 7, 11, 12* – В. Г. Добрынин; *4, 6, 9, 13* – И. А. Котина; *8, 10* – М. Д. Шаков

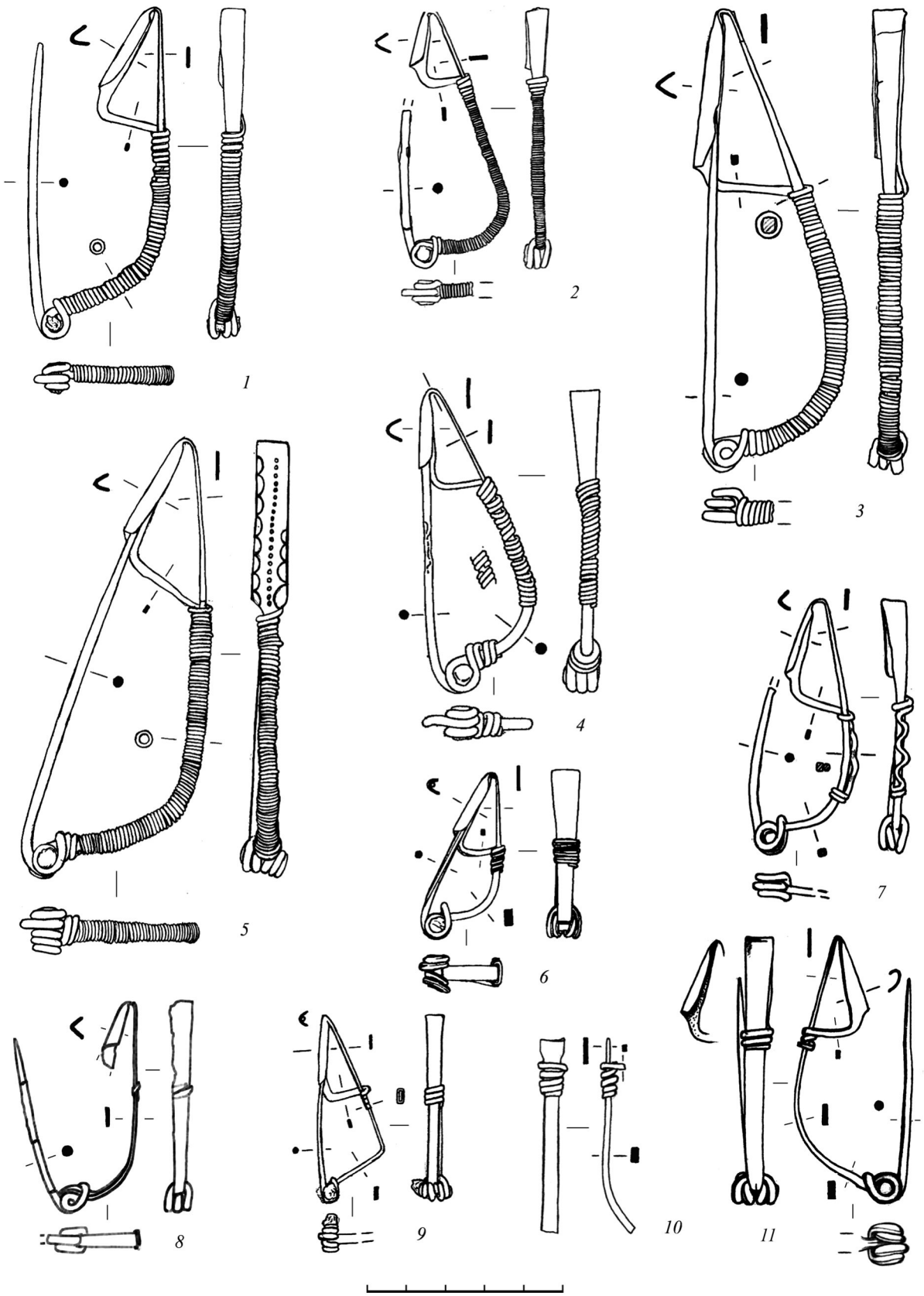

Рис. 2. Фронтовое 3. Лучковые одночленные фибулы (в скобках – номер могилы, где найден данный образец) вариантов: *1, 4* – 2-2-Б (179, 63); *2* – 2-2-В (70); *3* – 2-2-Г (76); *5* – 2-2-Д (67); *6* – 2-3-А (27); *7* – 2-2-Е (115); *8* – 2-3-Б (212); *9* – 2-3-В (250); *10* – 2-3-Д (59); *11* – 2-3-Г (232). Авторы рисунков: *1, 5–7, 9* – В.Г. Добрынин; *2, 3, 8* – И.А. Котина; *4* – Д.В. Чмыхов; *10, 11* – И.В. Михадюк

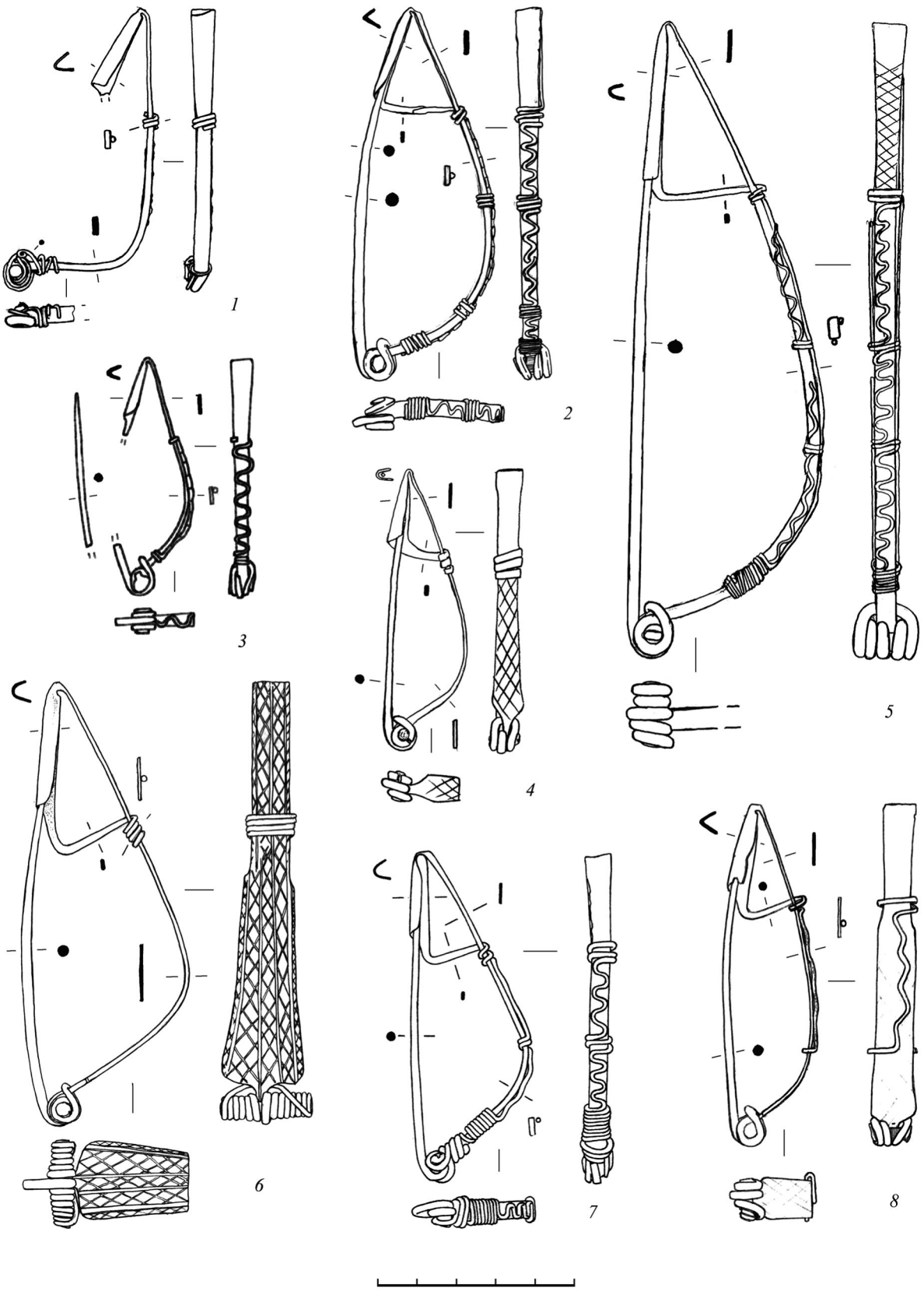

Рис. 3. Фронтовое 3. Лучковые одночленные фибулы (в скобках – номер могилы, где найден данный образец) вариантов: *1* – 2-3-Г (124); *2, 7* – 2-4-Б (74, 10); *3* – 2-4-А (152); *4* – 2-4-Е (208); *5* – 2-4-В (199); *6* – 2-4-Г (184); *8* – 2-4-Д (119).
Авторы рисунков: *1, 2, 6, 8* – И. А. Котина; *3* – М. Д. Шаков; *4, 5* – В. Г. Добрынин; *7* – И. В. Михадюк

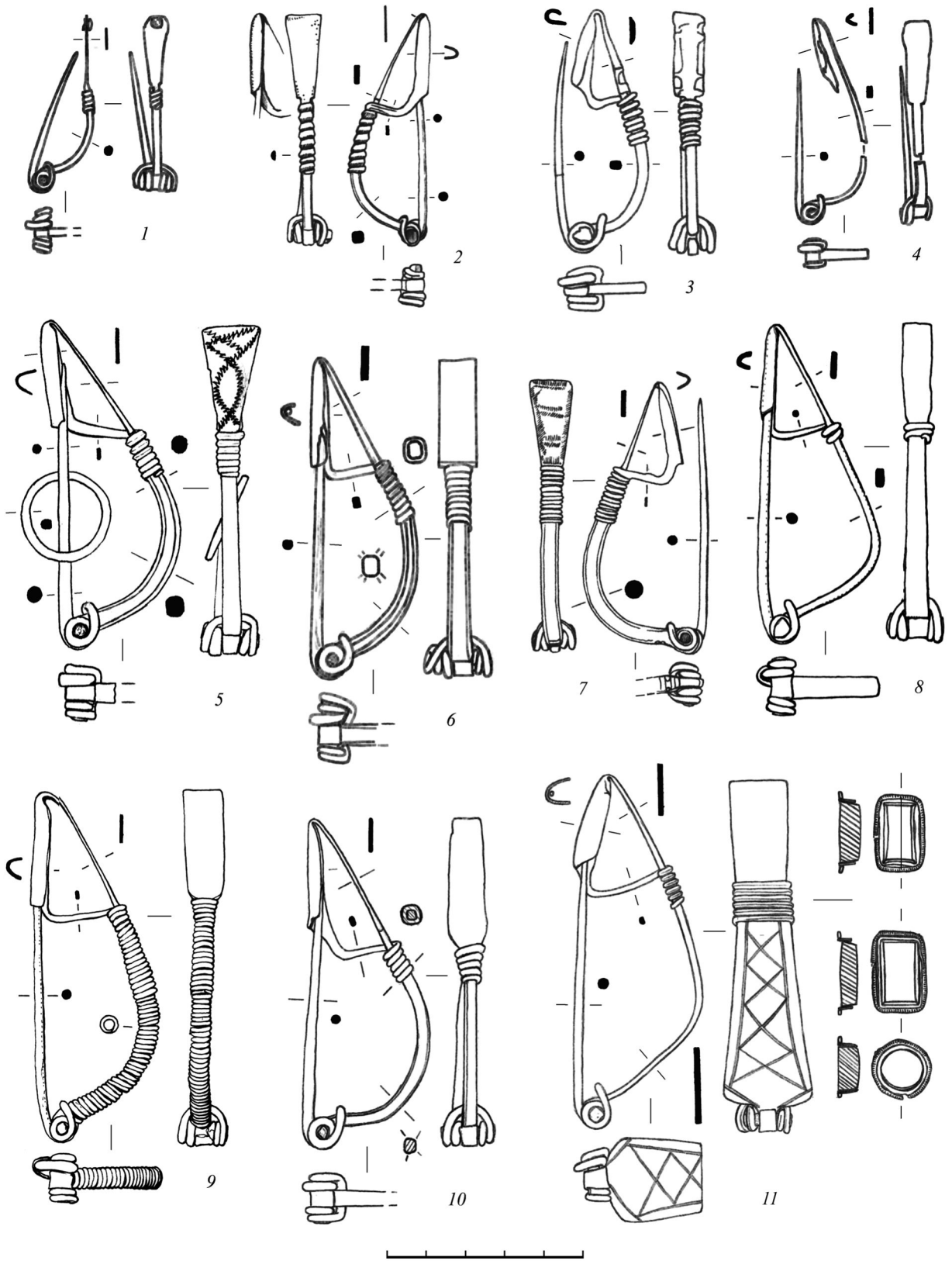

Рис. 4. Фронтовое 3. Лучковые двучленные фибулы (в скобках – номер могилы, где найден данный образец) вариантов: *1, 2* – 3-1-Б (6, 38); *3, 6* – 3-1-Г (3, 94); *4* – 3-2-А (13); *5* – 3-1-А (95); *7* – 3-1-В (9); *8* – 3-2-Б (3); *9* – 3-1-Д (27); *10* – 3-1-Г (158); *11* – 3-2-В (106). Авторы рисунков: *1, 4, 6, 10, 11* – В.Г. Добрынин; *2, 7* – И.В. Михадюк; *3* – М.Д. Шаков; *5* – А.С. Алейникова; *8, 9* – С.Л. Богаченко

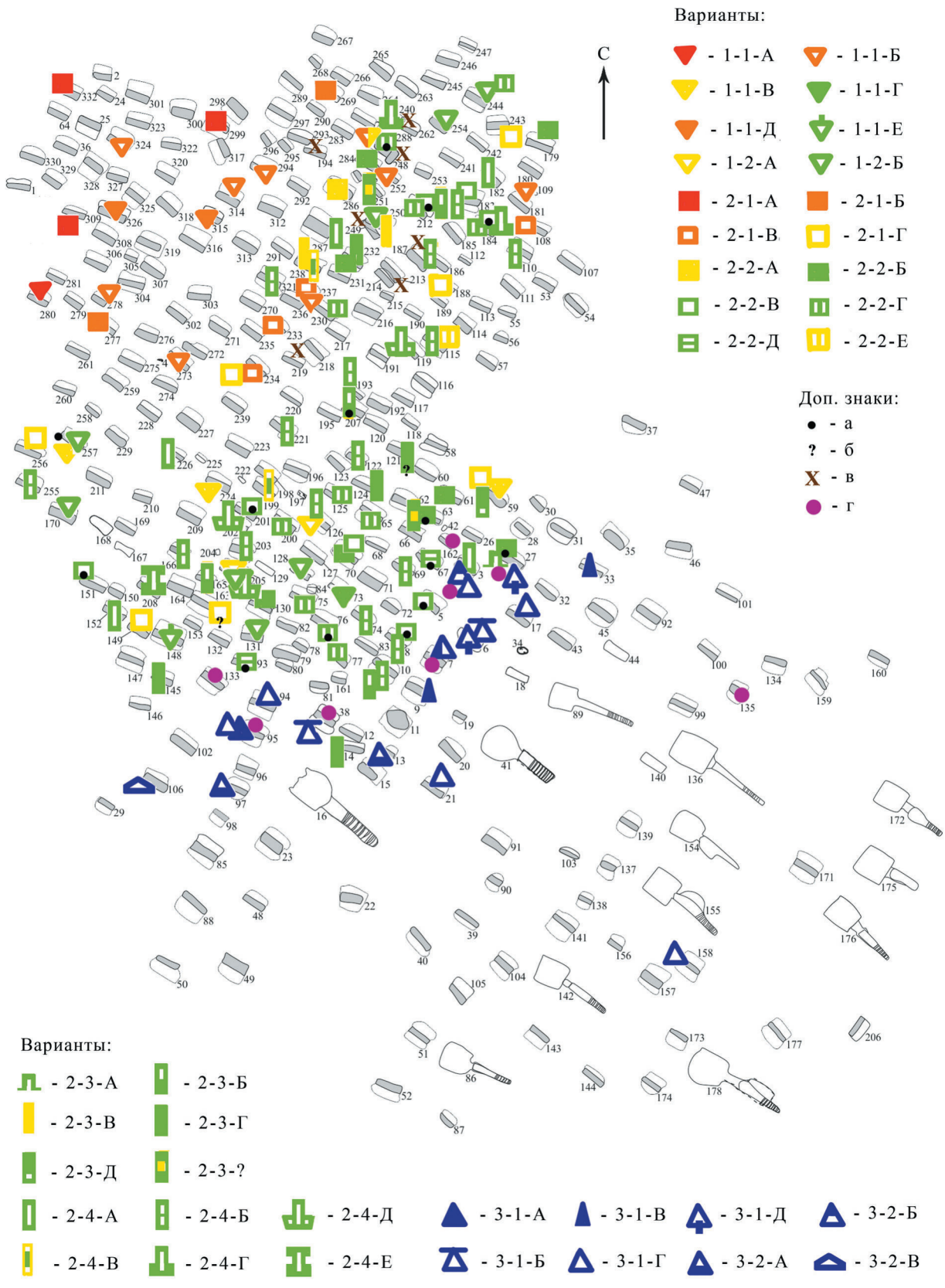

Рис. 5. Фронтовое 3. Планиграфия лучковых фибул по вариантам. Дополнительные знаки: а – двучастные; б – вероятно, двучастные; в – перерезание одной могилы другой; г – монеты середины III в. Красный цвет использован для обозначения вариантов, относящихся к горизонту ФЛ-1; оранжевый – ФЛ-2; желтый – ФЛ-3; зеленый – ФЛ-4; синий – ФЛ-5

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.43-53

ВЫДУТЫЕ В ФОРМУ СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3[1]

Голофаст Лариса Алексеевна
Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация: В статье представлены два выдутых в форму стеклянных сосуда, найденных в могильнике Фронтовое 3 в погребениях 319 и 263: кубок с надписью ΛΑΒΕ ΤΗΝ ΝΕΙΚΗΝ и амфориск. Представленные сосуды пополняют незначительное количество находок выдутых в форму сосудов в датированных комплексах, а также пополняют относительно небольшую коллекцию таких изделий, происходящих из различных центров Северного Причерноморья.

Ключевые слова: могильник Фронтовое 3, выдутые в форму стеклянные сосуды

MOULD-BLOWN GLASS VESSELS FROM THE CEMETERY OF FRONTOVOE 3

Golofast, Larisa Alekseevna
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This paper presents two mould-blown glass vessels which were discovered in the cemetery of Frontovoe 3, in graves 319 and 263: a cup featuring the inscription ΛΑΒΕ ΤΗΝ ΝΕΙΚΗΝ and an amphoriskos. The vessels under study supplement a small number of the finds of the mould-blown vessels in datable assemblages and also supply a relatively small collection of the artefacts of the kind which originate from different Northern Black Sea centres.

Keywords: cemetery of Frontovoe 3, mould-blown glass vessels

Самое раннее свидетельство наличия техники свободного выдувания – это находка в Иерусалиме стеклодувных трубок, дату которых определяют в рамках первой половины I в. до н. э. (*Israeli*, 1983. P. 46–55). Самые ранние выполненные в этой технике сосуды найдены в Эн-Геди и Иерусалиме в комплексах, датирующихся временем около 50 г. до н. э. (*Avigad*, 1962. P. 181–183; *Avigad*, 1972. P. 198–200. Pl. 45–46)[2]. Перечисленные находки свидетельствуют о сиро-палестинском происхождении техники, которую к последней четверти I в. до н. э. освоили мастера Рима и других итальянских городов (*Grose*, 1977. P. 9–29), а затем она распространилась по всей Римской империи.

Вскоре была изобретена техника выдувания сосудов в форму. Идея была, скорее всего, заимствована из римского гончарного производства, где с помощью форм

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20–18–00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур». Автор признателен Сергею Владимировичу Язикову и Алексею Николаевичу Свиридову за возможность опубликовать материал из их раскопок, а также Игорю Олеговичу Гавритухину, предоставившему детальную консультацию по инвентарю рассматриваемых в статье погребений.

[2] Следует отметить особое мнение К. С. Лайтфута, который считает, что стеклянные сосуды, выполненные в технике свободного выдувания, не могут быть датированы временем ранее последних десятилетий I в. до н. э., и сосуды, выполненные в этой технике, появляются в более или менее значимых количества в самом начале I в. (*Lightfoot*, 2015. P. 104).

производили большое количество орнаментированной столовой посуды и светильников (*Lightfoot*, 2015. P. 104).

В качестве приблизительной даты появления техники называют 25 год (*Lightfoot*, 1987. P. 11) или первую половину второй четверти I в.: самые ранние выдутые в форму изделия датируются временем Тиберия и раннего Клавдия, тогда как в период Августа и раннего Тиберия они не встречаются (*Price*, 1991. P. 64; *Lazar*, 2003. P. 46). Однако Е. М. Штерн, основываясь на археологических данных, называет более раннюю дату (13 год или чуть раньше), которая согласуется с датой найденного в Магдаленсберге (Австрия) фрагмента сосуда мастера, который, как Эннион и Аристей, заключал свое имя в *tabula ansata*. Фрагмент происходит из контекста времени правления Августа и является самым ранним известным на сегодняшний день выдутым в форму сосудом (*Stern*, 1995. P. 65–66; 2000. P. 165. Fig. 1).

Среди исследователей нет единого мнения по поводу места изобретения техники. Традиционно считали, что появилась она там же, где и техника свободного выдувания, т. е. в сиро-палестинском регионе, а более конкретно, скорее всего, в Сидоне, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что многие стеклоделы, ставившие свою подпись «Такой-то меня сделал» на своих сосудах, добавляли топоним «сидонец» (*Harden*, 1935. P. 181; *McClellan*, 1983. P. 72; *Barag*, 1996. P. 77–92). Высказывается также мнение, что техника была изобретена на Западе, возможно, в Северной Италии (*Price*, 1991. P. 64, 71; *Lazar*, 2003. P. 46).

Благодаря разветвленной системе торговли и миграции стеклоделов, техника была быстро освоена мастерами стеклоделательных мастерских, расположенных в других районах Средиземноморья (*McClellan*, 1983. P. 72; *Lightfoot*, 1987. P. 11). Так, находка большого количества сосудов мастера Энниона в Северной Италии позволила предположить, что он начал работать[3] в Леванте, точнее в Сидоне или каком-то другом городе на финикийском побережье (*Weinberg*, *Stern*, 2009. P. 65), но еще до середины I в. переехал на север Италии, где, скорее всего, в Аквилее, основал мастерскую по изготовлению выдутых в форму сосудов разных типов (*Harden*, 1935. P. 164–165; *Tatton-Brown*, 1999. P. 70; *Whitehouse*, 2001. P. 18)[4].

Выдувание в форму значительно облегчало работу стеклодувов, поскольку позволяло быстро и в значительных количествах производить сосуды, украшенные затейливым рельефным орнаментом.

В технике выдувания в форму изготавливали, главным образом, столовую посуду самых разных форм (кувшины, кубки, чаши, бутыли), часто с именем мастера или различными пожеланиями, как правило, на греческом языке, хотя иногда встречаются билингвы и латинские надписи, а также туалетные принадлежности: пиксиды и маленькие косметические флакончики.

Находка из могилы 319 и ее аналогии

Сосуды с надписями-пожеланиями, о которых речь пойдет в предлагаемой статье, были распространены довольно широко, но происходят они преимущественно из восточной части Римской империи (*McClellan*, 1983. P. 76–77), хотя редкие их находки встречаются и на западе империи, главным образом, в римских военных лагерях (*Price*, 2014. P. 145; *Jackson-Tal*, 2016. P. 72): они зафиксированы в Кампании, на Сардинии, в Северной Африке, юге Галлии, Швейцарии и Великобритании (*Stern*, 1995. P. 97–98; *Fontaine*, *Roissel-Ode*, 2010. P. 178, 180). В Северном Причерноморье их находки довольно редки: 2 фрагмента цилиндрических стаканов с надписью ΛΑΒΕ ΤΗΝ ΝΕΙΚΗΝ (Одержи победу) из Горгиппии (*Алексеева*, *Сорокина*, 2007. Табл. 22, *2*) и из могилы 1, открытой в окрестностях Керчи в 1914 году (*Кунина*, 1968. С. 220. Илл. 1, *1*; 2, *1*; 1973. С. 133. Илл. 23; 1997. Кат. 113; *Колесниченко*, *Островерхов*, 2012. С. 17–18. Рис. 10, *2*), фрагменты трех кубков с округлым туловом и над-

[3] Самый ранний сосуд, приписываемый Энниону, найден в Коринфе в закрытом комплексе с монетой 37–41 гг. (*McClellan*, 1983. P. 73. Fig. 2; *Weinberg, Stern*, 2009. P. 65).

[4] Это предположение уже не поддерживается рядом исследователей (*Weinberg, Stern*, 2009. P. 65).

писью ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ ΕΦW ΠΑΡΕΙ (Радуйся, пока существуешь) из Ольвии (*Колесниченко*, *Островерхов*, 2012. С. 17–18. Рис. 9, *1*; *Сорокина*, 1978. С. 269–270. Рис. 2, *8*), Березани (*Колесниченко*, *Островерхов*, 2012. С. 18. Рис. 9, *2*; *Сорокина*, 1962. С. 230. Рис. 15, *2*) и Пантикапея (*Колесниченко*, *Островерхов*, 2012. С. 18. Рис. 9, *3*; *Сорокина*, 1962. С. 230. Рис. 15, *2*). Кубок с надписью ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ ΕΦW ΠΑΡΕΙ найден при строительных работах близ пос. Лоо (в 25 км от Сочи) (*Блаватская*, 1964; цит. по: *Колесниченко*, *Островерхов*, 2012. С. 18). Два фрагмента сосудов с надписью ΚΑΤΑΧΑΙΡΕ ΚΑΙ ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ (Будь здоров и радуйся) происходят из Пантикапея (*Колесниченко*, *Островерхов*, 2012. С. 18. Рис. 11, *1, 2*; *Сорокина*, 1962. С. 230. Рис. 14). Еще три сосуда с надписями из Северного Причерноморья, два из Керчи и один, с надписью ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ ΕΠΙ ΤΟΥΤΩΙ ΕΦ ΩΙ ΠΑΡΕΙ, из Ольвии, ныне хранятся в музее Бирмингема, Лувре и Британском музее (*Кунина*, 1968. С. 226; *Ancient glass*…, 2016. P. 23).

Условия находки всех перечисленных экземпляров неизвестны. Исключение составляет лишь кубок с надписью ΛΑΒΕ ΤΗΝ ΝΕΙΚΗΝ, найденный в могиле 1, открытой в окрестностях Керчи в 1914 году. Однако, из-за суммарного описания В. В. Шкорпилом сопутствующего материала он не может быть датирован (*Кунина*, 1968. С. 222).

Небольшое число находок сосудов с надписями в Северном Причерноморье придает особую значимость сосуду, найденному в погребении 319. Это цилиндрический стакан с отогнутым наружу венчиком с загнутым вверх обрезанным зашлифованным краем и плоским дном с маленьким коническим углублением в центре нижней поверхности дна, которому соответствует округлый выступ на внутренней стороне (рис. 1). В средней части дна – рельефное кольцо, которому соответствует такое же кольцо на внутренней стороне. Тулово украшено тремя горизонтальными рельефными фризами, обрамленными горизонтальными рельефными поясами: верхний и нижний составляют по шесть изображений венков с лентами, в среднем помещена надпись ΛΑΒΕ ΤΗΝ ΝΕΙΚΗΝ с зеркальным изображением N в артикле ΤΗΝ. Стакан выдут в трехчастную разъемную форму[5]: швы на тулове замаскированы рельефными изображениями вертикально расположенных пальмовых листьев. Стекло оливковое. На поверхности – легчайшая радужная пленка иризации. В. – 6,7 см; Д. венчика – 6,9 см; Д. тулова – 6,45 см; Д. дна – около 6,1 см.

Из выделенных Д. Б. Харденом 11 групп выдутых в форму сосудов с надписями (*Harden*, 1935) стакан из Фронтового 3 относится к самой многочисленной группе т. н. победных кубков (“Victory” beakers; группа K по Д. Б. Хардену). Предполагается, что перевернутое N[6] не было ошибкой мастера, изготавливавшего форму, а делалось намеренно, возможно, означая марку мастера (*Ancient glass*…, 2016. P. 22). По мнению Д. Вайтхауза, который считает, что сосуды с надписями-пожеланиями производились в Сирии и на Кипре, кубки с перевернутым N имеют сиро-палестинское происхождение (*Whitehouse*, 2001. P. 26).

Считается, что кубки с надписью «Одержи победу» и изображениями венков и пальмовых листьев являлись либо призами победителям в агонах, либо, как кубки с другими добрыми пожеланиями («Будь здоров и радуйся», «Радуйся, пока существуешь» и т. д.), использовались как заздравные кубки на пиршествах (*Кунина*, 1968. С. 224; *Stern*, 1995. P. 98).

Определение ***центров производства*** рассматриваемых кубков затруднительно из-за активной миграции стеклоделов, которые, перемещаясь на новое место, как правило, брали с собой не только инструменты, но и формы для выдувания стеклянных сосудов. Практиковалось также изготовление новых форм с глиняных оттисков, сделанных с готовых стеклянных изделий. Предполагается, что некоторые центры торговали готовыми формами (*Van Lith*,

[5] В отличие от керамики стекло не сжимается после остывания, и чтобы не повредить сосуд при вынимании из формы, и нужны были несколько частей, которые как бы снимались с готового сосуда. Количество частей варьировалось от 2 до 5.

[6] Д. Б. Харден выделил сосуды с таким написанием в особую подгруппу K_{I-III} (*Harden*, 1935. P. 178–179).

1995. P. 134; *Cosyns*, 2005. P. 183). Наконец, до сих пор не найдено ни одной стеклоделательной мастерской, производившей выдутые в форму сосуды. Тем не менее, практически все исследователи считают, что все сосуды с надписями-пожеланиями производили в сиро-палестинском регионе, скорее всего, в Сидоне, хотя не исключается возможность их производства в нескольких центрах, о чем, среди прочего, говорит их обширный ареал.

Датировка. Несмотря на большое количество известных на сегодняшний день выдутых в форму сосудов с надписями-пожеланиями, выстроить их дробную хронологию не представляется возможным, поскольку число таких сосудов, происходящих из датированных комплексов, крайне незначительно. Из 115 опубликованных Д. Б. Харденом сосудов с надписями, лишь 4 происходят из комплексов (*Harden*, 1935. P. 173–119; 1944. P. 91–92). За почти 90 лет, прошедших с момента его публикаций, количество датированных находок увеличилось ненамного. Этим объясняется разброс в датировках, предлагаемых различными исследователями: I в. н. э. (*Кунина*, 1968. С. 225; *Whitehouse*, 2001. P. 13), вторая половина I в. (*Grossmann*, 2002. P. 32; *Jackson-Tal*, 2011. P. 371), между 25 и 75 гг. (*Barag*, 1996. P. 77–78) и т. д.

Незначительное количество кубков с надписями-пожеланиями[7], найденных в датированных комплексах, а также сходство орнамента и манеры написания букв делает целесообразным для обоснования датировки всей группы в целом, по крайней мере, на нынешнем этапе их изучения, учитывать датированные находки кубков разных форм и с разными надписями-пожеланиями. Разработка дробной типологии и хронологии будет возможна только с накоплением материала.

Находки кубков с надписями-пожеланиями в датированных комплексах.

В Тонгерене (Бельгия) фрагменты двух кубков с округлым туловом и греческой надписью ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ ΕΦW ΠΑΡΕΙ найдены в слое пожара 69/70 гг. и в мусорной яме с заполнением, датирующимся около 50 г. (*Cosyns*, 2005. P. 183).

Два сосуда с надписями ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ ΕΦW ΠΑΡΕΙ и ΚΑΤΑΙΧΑΙΡΕ ΚΑΙ ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ происходят из могил, открытых на некрополе о. Сифнос и датированных временем около 75 г. или последней четвертью I в. (*Harden*, 1944. P. 81, 87, 91–92; *McClellan*, 1983. P. 72).

Стаканы с надписью ΚΑΤΑΙΧΑΙΡΕ ΚΑΙ ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ происходят из погребений в Яхмуре на северо-западе Сирии, которые Д. Б. Харден датирует серединой или концом I в. (*Harden*, 1944. P. 86, 91, 92).

Большое количество кубков разных форм и с разными греческими надписями найдены в комплексах I – начала II в. в Задаре (*Eterović*, 2011; *Štefanac*, 2015. P. 104. Fig. 1–4).

Несколько фрагментов найдено в Иерусалиме: фрагмент цилиндрического кубка с надписью ΕΙCΕΛΘWN ΛΑΒΕ ΤΗΝ ΝΙΚΕΝ (Входи и одержи победу) найден в закрытом комплексе, датирующемся временем между 75 и 125 гг. н. э. (*Gorin-Rosen*, 2021. P. 27, 49); в комплексе, закрытом не позже AD 70, выявлен фрагмент с надписью ΚΑΤΑΧΑΙΡΕ ΚΑΙ ΕΥΟΡΑΙΝΟΥ (*Harden*, 1935. P. 171); еще один небольшой фрагмент кубка с надписью был найден в комплексе, датируемом временем не позже середины I в. (*Gorin-Rosen*, 2005. P. 196–197. Fig. 1, *4*).

В Ароере в Негеве небольшой фрагмент тулова кубка с надписью, которая восстанавливается как [ΚΑΤΑ]ΧΑ[ΙΡΕ] [ΚΑΙ ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ], найден в *Stratum Ib* (*Jackson-Tal*, 2011. P. 371. Pl. 262, *8–10*), формирование которого закончилось не позже 70 г. н. э. (*Taxel*, 2011. P. 407).

Два фрагмента кубка с похожей надписью найдены в Масаде в контекстах, относящихся ко времени не позже 66 года (*Barag*, 1991. P. 139; цит. по: *Jackson-Tal*, 2011. P. 371; 2016. P. 71–72. Fig. 8, *6*).

В Истмии фрагмент кубка с надписью ΛΑΒΕ ΤΗΝ ΝΕΙΚΗΝ выявлен в контексте I в. н. э. (*McClellan*, 1983. P. 74. Fig. 4).

Два фрагмента кубка с надписью ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ ΕΦW ΠΑΡΕΙ происходят из

[7] Сосуды с именами мастеров здесь не рассматриваются.

раскопок на Афинской агоре, где были найдены в нижней части засыпи колодца II в. (*McClellan*, 1983. P. 74–75. Fig. 5).

В Горгиппии фрагмент кубка с надписью ΛΑΒΕ ΤΗΝ ΝΕΙΚΗΝ выявлен в подвале дома, погибшего при пожаре около 240 г., в скоплении стеклобоя, которое Е.М. Алексеева и Н.П. Сорокина считали отходами местной стеклоделательной мастерской первой половины III в. (*Алексеева, Сорокина*, 2007. С. 23–37. Табл. 22, *2*). Однако, по мнению О.С. Румянцевой, его связь с местным производством представляется спорной и, скорее всего, скопление является результатом сбора стеклобоя для последующей продажи или обмена на различные товары (*Румянцева*, 2020. С. 81). В этом случае присутствие фрагментов стакана I в. в скоплении стекла первой половины III в. вполне объяснимо.

Наконец, кубок из Фронтового 3 найден в могиле 319, которая по планиграфии краснолаковой посуды Фронтового находится на стыке зон хронологических групп 1 (конец I – первая четверть II в.) и 2 (II в.) (*Суханов*, 2021). Хотя фибул там нет (если не считать широко датируемую смычковую), согласно разработкам И.О. Гавритухина (см. его статью в данном сборнике[8]), могила четко вписывается в зону находок лучковых фибул горизонта ФЛ-2, который датируется в пределах конца I – середины II в., с пиком распространения таких фибул около первой трети II в. Однако из могилы 319 происходит пельтовидная пряжка, а их распространение происходит не ранее второй четверти II в. (*Костромичев*, 2015. С. 331). К ярким находкам из могилы 319 относится уздечная гарнитура (*Гавритухин, Свиридов, Язиков*, 2020. Рис. 7, *8–10*). Близкие аналоги ряду ее деталей представлены в сарматском захоронении из кургана 2 в Котлубани (*Малашев*, 2000. Рис. 4.А), отнесенным В.Ю. Малашевым к периоду IIа эволюции ременных гарнитур позднесарматского времени (около первой половины III в.), причем по таблице сериации комплексов – к ранней части этого периода, практически на стыке с комплексами более раннего времени (*Малашев*, 2000. Рис. 1). Однако гарнитура из Фронтового 3 содержит детали, прямые аналогии которым представлены в Херсонесе и у варваров Юго-Западного Крыма (*Гавритухин, Свиридов, Язиков*, 2020. С. 100). Как считает И.О. Гавритухин, эта гарнитура связана с традициями римского круга и датируется раньше, чем ее аналоги у сарматов. Таким образом, по сочетанию пельтовидной пряжки и планиграфии фибул Фронтового 3, могила 319 может датироваться около второй четверти II в., чему не противоречат и другие находки из нее.

Таким образом, с учетом известных мне находок кубков с надписями-пожеланиями в датированных комплексах, время их бытования можно ограничить временем около середины I в. н. э. или чуть раньше до второй четверти II в. Если не считать двух фрагментов из нижней части засыпи колодца II в. на Афинской Агоре, кубок из Фронтового 3 является самой поздней находкой кубков с надписями-пожеланиями.

Находка из могилы 263 и ее аналогии

Второй выдутый в форму сосуд, найденный во Фронтовом 3, происходит из погребения 263. Это выдутый в двухчастную форму амфориск с валикообразным отогнутым наружу венчиком, узким слегка расширяющимся кверху горлом, яйцевидным туловом и плоским дном (рис. 2). К плечикам и верхней части горла прикреплены уплощенные ручки. Тулово украшено рельефным орнаментом: в средней части расположен пояс из S-образных побегов, обрамленный сверху и снизу вертикальным канелюрами. Стекло тулова марганцевое прозрачное, ручки выполнены из голубоватого прозрачного стекла. В. сосуда – 6,8–7,0 см; Д. венчика – 3–3,2 см; Д. тулова – 6,8 см.

Предполагается использование подобных флаконов для перевозки и хранения небольшого количества благовоний и дорогих масел (*Fadić, Štefanac*, 2010. P. 310; *Štefanac*, 2015. P. 106; *Katsnelson*, 2015. P. 37).

[8] Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтовое 3 (типология и хронология).

Большое количество таких сосудов разных вариантов, отличающихся друг от друга формой тулова и характером орнаментации, хранится в различных музеях мира[9]. По материалам из раскопок в Задаре (*Iader*), где таких амфорисков найдено особенно много, по форме тулова и орнаментике выделяют 8 групп (*Štefanac*, 2015. P. 104). Однако следует отметить, что сосуды, аналогичные экземпляру из Фронтового 3 и по форме тулова, и по орнаментике, составляют самую многочисленную группу. Все они выдуты в двухчастную форму и имеют на противоположных сторонах тулова и дне шов (*Stern*, 1995. P. 152. Cat. no. 55–58; *Whitehouse*, 2001. Cat. no. 512; *Israeli*, 2003. P. 135–136. Cat. no. 144, 145; *Antonaras*, 2010. P. 245. Fig. 1, *6*; 4; *Van Den Dries*, 2010. P. 47. Fig. 4). Причем, края формы не всегда тщательно пригоняли друг к другу во время выдувания, поэтому, как правило, они неустойчивы, как и амфориск из Фронтового 3. В форму выдували только тулово сосудов; горло формовалось в технике свободного выдувания, и потому, имея стандартное яйцевидное или шаровидное тулово, такие сосуды имели разную форму горла, которое могло быть широким или узким, цилиндрическим или воронкообразным, иметь загнутый внутрь или отогнутый наружу край. Ручки, чаще две, как правило, крепились к плечикам и горлу или к венчику у одноручных кувшинчиков. Высота варьировалась от 6,8 до 8,2 см, причем, преимущественно, за счет разницы высоты свободно формируемого горла (*Weinberg*, *Stern*, 2009. P. 68). Тулово сосуда и ручки часто делали из стекла разных цветов, как на экземпляре из Фронтового 3.

Центры производства. Существуют разные мнения о месте их производства. Называют как конкретные центры, так и обширные регионы. Концентрация находок рассматриваемых флаконов на территории Восточного Средиземноморья (*Stern*, 1995. P. 152) указывает на этот регион, как на наиболее вероятное место их производства. Большинство исследователей считает их продукцией сиро-палестинских мастерских (*Štefanac*, 2015. P. 103; *Buljević*, 2018. P. 233). Часто центр их производства определяют более конкретно – Сидон (*Кунина*, 1973. С. 118; *Katsnelson*, 2015. P. 38) или, наоборот, считают, что различное качество сосудов и разнообразная орнаментика указывает на их производство в нескольких центрах восточной части Римской империи (*Fadić*, *Štefanac*, 2010. P. 294; *Štefanac*, 2015. P. 105, 106). Д. Вайтхаус и Н. Катснельсон помимо Восточного Средиземноморья предлагают еще один регион их производства – Италию (*Whitehouse*, 2001. P. 43; *Katsnelson*, 2015. P. 38). Высказывается мнение, что они относятся к кругу мастера Энниона и являются миниатюрными репликами выдутых в форму амфор, производившихся в его мастерской (*Кунина*, 1973. С. 118, 132; *Stern*, 1995. P. 152. Cat. No. 55; *Fadić*, *Štefanac*, 2010. P. 293; *Колесниченко*, *Островерхов*, 2012. С. 17).

Значительное количество выдутых в форму флакончиков, найденных в центрах на восточном побережье Адриатики (только в Будве найдено 46 экземпляров) поднимает вопрос об их местном производстве (*Fadić, Štefanac*, 2010. P. 310; *Buljević*, 2018. P. 233–234. Fig. 1, *2*). Однако, скорее, это свидетельствует об интенсивной морской торговле региона с Восточным Средиземноморьем, откуда этот дорогой товар поступал в порты Восточной побережья Адриатики напрямую из стеклоделательных центров (*Fadić*, *Štefanac*, 2010. P. 277, 310; *Štefanac*, 2015. P. 103, 106; *Lazar*, 2015. P. 102).

Нельзя исключать возможность производства таких сосудов в локальных стеклоделательных мастерских, в которых, как и в случае с кубками с надписями, изготавливали новые формы для выдувания, делая глиняный оттиск с привезенных изделий (*Stern*, 1995. P. 48; *Katsnelson*, 2015. P. 38).

Ареал. Следует отметить, что большая часть сосудов, аналогичных экземпляру из Фронтового 3, концентрируется на территории Восточного Средиземноморья (*Stern*, 1995. P. 152). Редкие находки происходят из западных провинций Римской империи (*Fadić*, *Štefanac*, 2010. P. 308).

Датировка. Единого мнения по поводу датировки таких сосудов нет: вторая по-

[9] Обширную библиографию см. (*Stern*, 1995. P. 152. Cat. No. 55).

ловина I – начало II в. (*Whitehouse*, 2001. P. 43; *Колесниченко*, *Островерхов*, 2012. С. 17); I в. (*Fleming*, 1996. P. 27; *Weinberg*, *Stern*, 2009. P. 68; *Buljević*, 2018. P. 233); Б. Стефанач по материалам некрополей городов, расположенных на восточном побережье Адриатики, где значительное количество рассматриваемых сосудов найдено в закрытых погребальных комплексах, относит время их бытования к I – середине II в. с пиком бытования около середины I в. (*Štefanac*, 2015. P. 103, 106).

Находки амфориско в в датированных комплексах.

На Афинской Агоре такой флакон происходит из контекста I в. ("early Roman" context) (*Weinberg*, *Stern*, 2009. P. 81. Fig. 8. Pl. 13).

В Фессалониках экземпляр найден в погребении с кремацией вместе с другим деформированным от огня флаконом I в. н. э. (*Antonaras*, 2010. P. 245. Fig. 1, *6*; 4).

Фрагмент верхней части тулова такого амфориска выявлен в Гамле в слое разрушения 67 года (*Jackson-Tal*, 2009a. P. 157. Fig. 4.66, *1, 2*; цит. по *Katsnelson*, 2015. P. 38; *Jackson-Tal*, 2009b. P. 157, 158).

Три аналогичных амфориска обнаружено в Армении в погребениях второй половины I в. (*Кунина*, 1973. С. 121).

В Самофракии флакончик из желтого стекла с марганцевыми ручками найден в могиле третьей четверти I в. (*Dusenbery*, 1967. P. 40. Fig. 14, no. 13).

Значительное количество таких амфориско в, украшенных двумя фризами из каннелюр с поясом из S-образных фигур между ними, найдено на территории Далмации, где они происходят из комплексов I – начала II в. (*Štefanac*, 2015. P. 102, 106. Fig. 3, *7*; 6, *6–12*). Особого внимания заслуживает большая коллекция таких флакончиков, которые входили в состав погребального инвентаря погребений некрополя в Будве. В коллекцию входят бутылочки разных вариантов и по форме, и по орнаментике, но самой многочисленной оказалась группа амфориско в (37 экземпляров), аналогичных сосуду из Фронтового 3. Погребения датируются I и II вв., хотя некоторые относятся и к более позднему времени и датируются III в.[10] (*Lazar*, 2015. P. 98, 100).

Несколько флакончиков найдено в погребальной пещере конца I в. в Геве в Изреельской долине (Галилея), в районе, где, возможно располагалось римское военное поселение (*Katsnelson*, 2015. P. 38).

В Грузии два амфориска обнаружены в могилах 57 и 230 некрополя Урбниси с сосудами второй половины I – начала II в. (*Кунина*, 1973. P. 122).

Фрагмент флакона, аналогичного сосуду из Фронтового 3, найден в Иерусалиме в закрытом комплексе, датирующемся временем между 75 и 125 гг. н. э. (*Gorin-Rosen*, 2021. P. 27, 51–52. Fig. 2.9, *55*).

Находки амфориско в в Северном Причерноморье. Количество амфориско в, найденных в различных центрах Северного Причерноморья, незначительно. 5 экземпляров происходят из погребений некрополя Пантикапея. К сожалению, сведения об инвентаре погребений утрачены (*Кунина*, 1973. С. 118–119. Рис. 16, *1–3, 5–6*). Один амфориск найден в одной из могил на некрополе Пантикапея с монетой Котиса I (45–62 н. э.), т. е. его можно датировать второй половиной I в. (*Кунина*, 1973. С. 120. Рис. 16, *4*).

Два сосуда из Северного Причерноморья, аналогичных флакону из Фронтового 3, хранятся в Одесском археологическом музее (*Колесниченко*, *Островерхов*, 2012. С. 17. Рис. 8, *1, 2*).

В урне 2 склепа g1910 некрополя у Западных оборонительных стен Херсонеса был найден флакончик из прозрачного оливкового стекла с рельефным орнаментом, аналогичным орнаменту сосуда из Фронтового 3 (*Кунина*, 1973. С. 121; *Журавлев, Костромичев*, 2017. С. 79, 80. Табл. 30, *7*; *Рыжова*, 2022). Вероятное время использования погребального сооружения для многократных захоронений (не менее четырех кремаций) – вторая половина I – первая половина II в. (*Журавлев, Костромичев*, 2017. С. 79, 80. Табл. 30, *7*).

В Усть-Альминском могильнике аналогичный флакончик был найден в грунто-

[10] Г. Д. Вайнебрг и Е. М. Штерн отмечают находки ранних сосудов, которые хранились на протяжении долгого времени и были разбиты лишь во II или III вв. (*Weinberg, Stern*, 2009. P. 66).

вой могиле 926, датируемой второй четвертью II в. н. э. (*Пуздровский*, 2012. С. 364) или первой половиной II в. н. э. (*Пуздровский, Труфанов*, 2017. С. 72. Рис. 164, *6*; *Труфанов*, 2005–2009. С. 136. Рис. 5, *23*).

Рассматриваемый экземпляр найден в могиле 263 вместе с вещами, которые по современным разработкам не дают узкую дату. Она находится в окружении могил 265, 245, 240, 262, содержащих краснолаковые сосуды 2-й хронологической группы, датированной в границах II в. (*Суханов*, 2021. Рис. 5, *2, 5*). Дата фибул из расположенных сравнительно недалеко могил 240 и 254 определена И. О. Гавритухиным в пределах последних десятилетий II – первой половины III в., не исключая всей второй половины II в. или ограничения нижней хронологической границы только концом этого столетия (см. статью И. О. Гавритухина в данном сборнике). Однако весь этот участок примыкает к зоне, где отмечено перекрывание одних могил другими, т. е. комплексы там могут относиться ко времени, более раннему, чем те, где встречены упомянутые поздние фибулы, но не ранее II в. (см. статью И. О. Гавритухина в данном сборнике, рис. 5: в).

Легко заметить, что сосуды рассматриваемой группы сделаны довольно небрежно и большинство происходит из погребений, что позволяет присоединиться к выводу Н. З. Куниной об их связи с погребальным обрядом (*Кунина*, 1973. С. 122).

Выдутые в форму сосуды из могильника Фронтовое 3 расширили их ареал, пополнили пока небольшую коллекцию, собранную в различных центрах Северного Причерноморья, и увеличили число сосудов этой группы, найденных в датированных комплексах.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М., Сорокина Н. П., 2007. Коллекция стекла античной Горгиппии. М. 160 с.

Блаватская Т. В., 1964. Стеклянная чаша с греческой надписью из Лоо // Klio. 42. С. 334–338.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 91–110.

Журавлев Д. В., Костромичев Д. А., 2017. Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Часть I. Материалы раскопок Р. Х. Лёпера в 1909–1910 гг. М.: ООО «РИА Внешторгиздат». 183 с.

Колесниченко А. М., Островерхов А. С., 2012. Фігурний келих із Пантикапея та розповсюдження дутого у форму скла у Північному Надчорномор'ї в I – середині II ст. // Археологія. № 2. С. 13–26.

Костромичев Д. А., 2015. Ажурные пряжки с пельтовидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения // Stratum plus. № 4. С. 299–356.

Кунина Н. З., 1968. Стеклянные стаканы с греческими надписями в собрании Эрмитажа // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. С. 220–226.

Кунина Н. З., 1973. Сирийские выдутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикапея // Памятники античного прикладного искусства. Л.: Аврора. С. 101–150.

Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232. (Материалы и исследования по археологии Дона. I)

Пуздровский А. Е., 2012. Погребение с фигурным краснолаковым сосудом из Усть-Альминского некрополя // Евразия в скифо-сарматское время / Ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М. С. 201–207. (Труды ГИМ. Вып. 191).

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2017. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь: ИП Бровко. 372 с.

Румянцева О. С., 2020. О стеклоделательной мастерской в Алма-Кермене // Российская археология. № 2. С. 72–84.

Рыжова Л. А., 2022. К вопросу об экономических связях Херсонеса с Восточным Средиземноморьем в римский период (по материалам стеклянного импорта) // Херсонесский сборник. Вып. XXIII (в печати).

Сорокина Н. П., 1962. Стекло из раскопок Пантикапея // Материалы и исследования по археологии СССР. № 103. С. 210–236.

Сорокина Н. П., 1978. Античное стекло в собрании Одесского археологического музея // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка. С. 267–274.

Суханов Е. В., 2021. Краснолаковая керамика конца I – первой половины III вв. из могильника Фронтовое 3 (хронологический и планиграфический анализ) // Stratum plus. № 4. С. 211–220.

Труфанов А. А., 2005–2009. Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н. э.– III в. н. э. // Stratum plus. № 4. Полевой дневник: римское время. С. 117–328.

Ancient Glass…, 2016. *Ancient Glass from the Shlomo Moussaieff Collection*. London.

Antonaras A., 2010. Roman and Early Christian Mold-Blown Vessels from Thessaloniki and its Region, from the 1st to the 5th Century AD // D'Ennion au Val Saint-Lambert. Le verre soufflé-moulé. Actes des 23e Rencontres de l'Association française pour l'Archéologie du Verre (Scientia Artis, 5) / Dir. Ch. Fontaine-Hodiamont. Bruxelles: Institut royal du Patrimoine artistique. P. 141–252.

Avigad N., 1962. Expedition A – Nahal David // Israel Exploration Journal. Vol. 12, No. 3. P. 181–183.

Avigad N., 1972. Excavations in the Jewish Quarter of the Old City of Jerusalem, 1971 // Israel Exploration Journal. Vol. 22, No. 4. P. 194–220.

Barag D., 1991. The Contribution of Masada to the History of Early Roman Glass // Roman Glass: Two Centuries of Art and Invention / Eds. M. Newby, K. Painter. London: Society of Antiquaries of London. P. 137–140.

Barag D., 1996. Phoenicia and Mold-Blowing in the Early Roman Period // Annales du 13e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. P. 77–92.

Buljević Z., 2018. Mold-Blown Glass Vessels from Salona // Annales du 21e Congrès de l'Association Internationale pour l'Hisoire du Verre, 3–7 Septembre, Istanbul. P. 233–244.

Cosyns P., 2005. Two Fragments of Mold-Blown Glass Beakers with Greek Inscriptions from Tongeren (Belgium) // Journal of Glass Studies. 47. P. 179–183.

Dusenbery E. B., 1967. Ancient Glass from the Cemeteries of Samothrace // Journal of Glass Studies. 9. P. 34–49.

Eterović A., 2011. KATAXAIPE KAI EYΦPAINOY // Rimske keramičarske i staklarske radionice. Proizvodnja i trgovina na Jadranskom prostoru. Zbotnik I. Međunarodnog arheološkog kolokvija. Crikvenica, 23.–24. Crikvenica. P. 321–332.

Fadić I., Štefanac B., 2010. The Small Relief Decorated Jugs Produced in Syrian Glass Workshops and Found in the Territory of Southern Liburnia // ASSERIA. 8. P. 275–350.

Fleming S. J., 1996. Early Imperial Roman Glass at the University of Pennsylvania Museum // Expedition. 38.2. P. 13–37.

Fontaine S., Roissel-Ode J., 2010. Vases soufflés-moulés du Haut-Empire trouvés en Narbonnaise // D'Ennion au Val Saint-Lambert. Le verre soufflé-moulé. Actes des 23e Rencontres de l'Association française pour l'Archéologie du Verre (Scientia Artis, 5) / Dir. Ch. Fontaine-Hodiamont. Bruxelles: Institut royal du Patrimoine artistique. P. 177–203.

Gorin-Rosen Y., 2005. The Glass // Excavations on the Site of Jerusalem International Convention Center (Binyanei Ha'uma): The Pottery and Other Small Finds / Eds. B. Arubas, H. Goldfus. Portsmouth. P. 195–210. (Journal of Roman Archaeology: Supplementary Series 60).

Gorin-Rosen Y., 2021. Glass Finds (Finds from the Roman Refuse Dump and Related Contexts) // Jerusalem: Western Wall Plaza Excavations III / Eds. S. Weksler-Bdolah, A. Onn Jerusalem. P. 27–67. (IAA Reports 67).

Grossmann R. A., 2002. Ancient Glass. A Guide to the Yale Collection. New Haven.

Grose D. F., 1977. Early Blown Glass: The Western Evidence // Journal of Glass Studies. 19. P. 9–21.

Harden D. B., 1935. Romano-Syrian Glasses with Mold-Blown Inscriptions // The Journal of Roman Studies. Vol. 25, Issue 2. P. 163–186.

Harden D. B., 1944. Two Tomb Groups of the First Century A. D. from Yahmour, Syria, and a Supplement to the List of Romano-Syrian Glasses with Mold-Blown Inscriptions // Syria. XXIV, 1–2. P. 81–95.

Israeli Y., 2003. Ancient Glass in the Israel Museum: The Eliahu Dobkin Collection and Other Gifts. Jerusalem. (Israel Museum Catalogue 486).

Jackson-Tal R. E., 2009a. Early Roman Glass Vessels from Dated Contexts in Palestine: From Pompey to Hadrian (63 BCE-137 CE). Ph. D. diss. The Hebrew University. Jerusalem.

Jackson-Tal R. E., 2009b. Early Roman Glass in Context: Gamla (Gamala). Destruction of 67 AD // Annales du 17e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Antwerp. P. 157–162.

Jackson-Tal R. E., 2011. Glass Objects // Thareani Y. Tel `Aroer: The Iron Age II Caravan Town and the Hellenistic – Early Roman Settlement. The Avraham Biran (1975–1982) and Rudolf Cohen (1975–1976) Excavations. Jerusalem. P. 369–378. (Annual of the Nelson Glueck School of Biblical Archaeology. VIII).

Jackson-Tal R. E., 2016. The Glass From the 1995 Excavations in Camp F at Masada: The Use of Luxury and Common Early Roman Glass in Military Context // Levant. 48, 1. P. 63–78.

Katsnelson N., 2015. Glass Finds from Ketef Hinnom, Jerusalem // 'Atiqot. 80. P. 35–44.

Lazar I., 2003. Roman Glass from Slovenia. Ljubljana.

Lazar I., 2015. The Roman Necropolis of Budva (Montenegro) and its Mold-Blown Glass Assemblage // Annales du 20e Congrès de l'Association Internationale pour l'Hisoire du Verre, 7–11 Septembre 2015, Fribourg / Romont. P. 98–102.

Lightfoot C. S., 1987. A Group of Early Roman Mold-Blown Flasks from the West // Journal of Glass Studies. 29. P. 11–21.

Lightfoot C. S., 2015. Ennion, Master of Roman Glas: Further Thoughts // Metropolitan Museum Journal. 50. P. 103–113.

McClellan M. C., 1983. Recent Finds from Greece of First-Century A. D. Mold-Blown Glass // Journal of Glass Studies. 25. P. 71–78.

Price J., 1991. Decorated Mold-Blown Glass Tablewares in the First Century F. D. // Roman Glass: Two Centuries of Art and Invention / Eds. M. Newby, K. Painter. Occasional Papers. V. 13. London.

Price J., 2014. Personal Possessions or Traded Goods? Finds of Mould-Blown Glass Vessels on Flavian Sites in Northern Britain // Life in the Limes: Studies of the People and Objects of the Roman Frontiers: 140–50 / Eds. R. Collins, F. McIntosh. Oxford: Oxbow Books.

Štefanac B., 2015. Mold-Blown Glass from the Roman Province of Dalmatia // Annales du 20e Congrès de l'Association Internationale pour l'Hisoire du Verre, 7–11 Septembre 2015, Fribourg / Romont. P. 103–108.

Stern E. M., 1995. Roman Mold-Blown Glass. The First through Sixth Centuries. The Toledo Museum of Art. Rome-Toledo [Ohio].

Stern E. M., 2000. Three Notes on Early Roman Mold-Blown Glass // Journal of Glass Studies. 42. P. 165–167.

Tatton-Brown V., 1999. The Roman Empire // Five Hundred Years of Glass / Ed. H. Tait. London: British Museum Press. P. 62–97.

Taxel I., 2011. Between Judaea and Nabataea: A Historical, Archaeological, and Socio-Economic Interpretation of Hellenistic and Early Roman 'Aroer // Thareani Y. Tel `Aroer: The Iron Age II Caravan Town and the Hellenistic – Early Roman Settlement. The Avraham Biran (1975–1982) and Rudolf Cohen (1975–1976) Excavations. Jerusalem. P. 399–411.

Van Den Dries F. M. A., 2007. Some Notes on Roman Mold Material and the Technique of Molding for Glass-blowing // Journal of Glass Studies. 49. P. 23–38.

Van Lith S. M. E., 1995. Some Mold Blown Flavian Glass from Nijmegen // Annales du 13e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histore du Verre. Low Countries.

Weinberg G. D., Stern E. M., 2009. The Athenian Agora. Vol. 34. Vessel Glass. Princeton, New Jersey.

Whitehouse D., 2001. Roman Glass in the Corning Museum of Glass. Vol. II. Corning, New York.

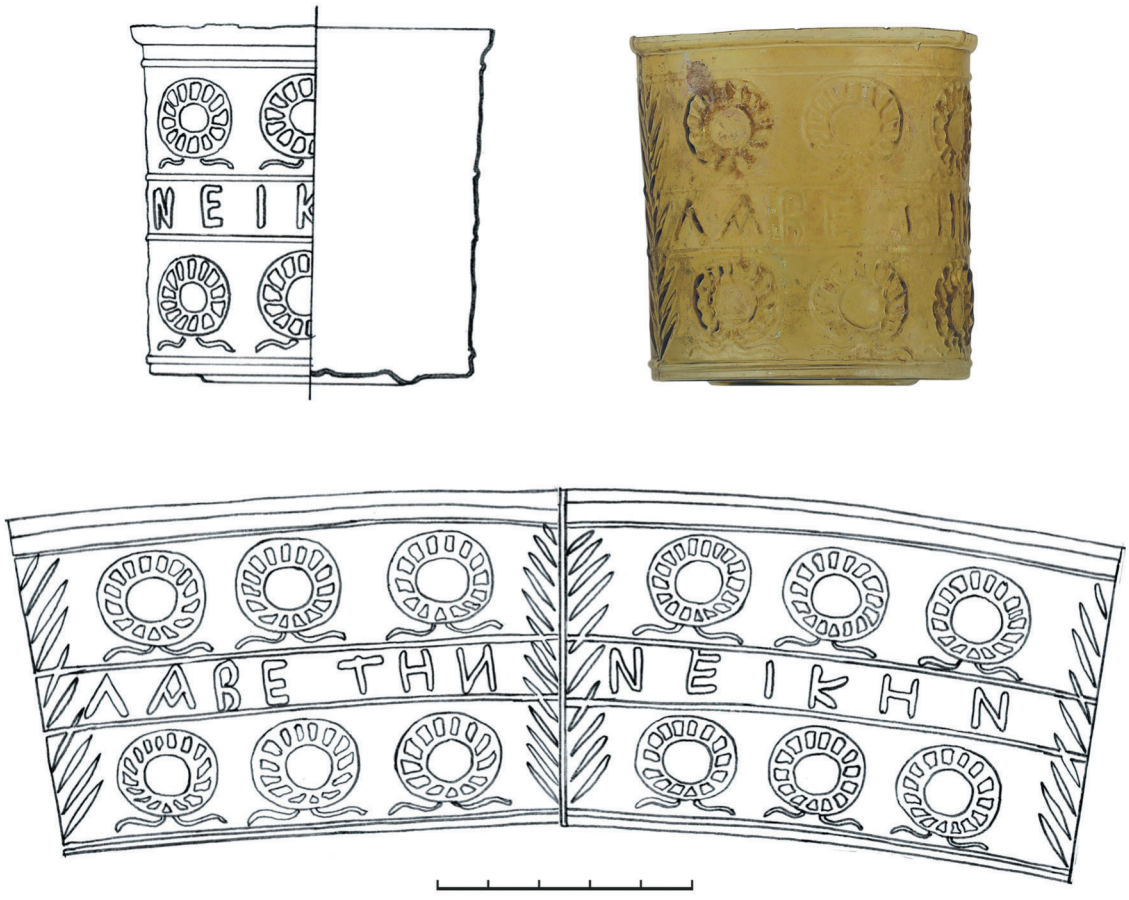

Рис. 1. Кубок из могилы 319 могильника Фронтовое 3
(рисунок А. А. Сивожелезовой, фото Т. Ш. Гацаева)

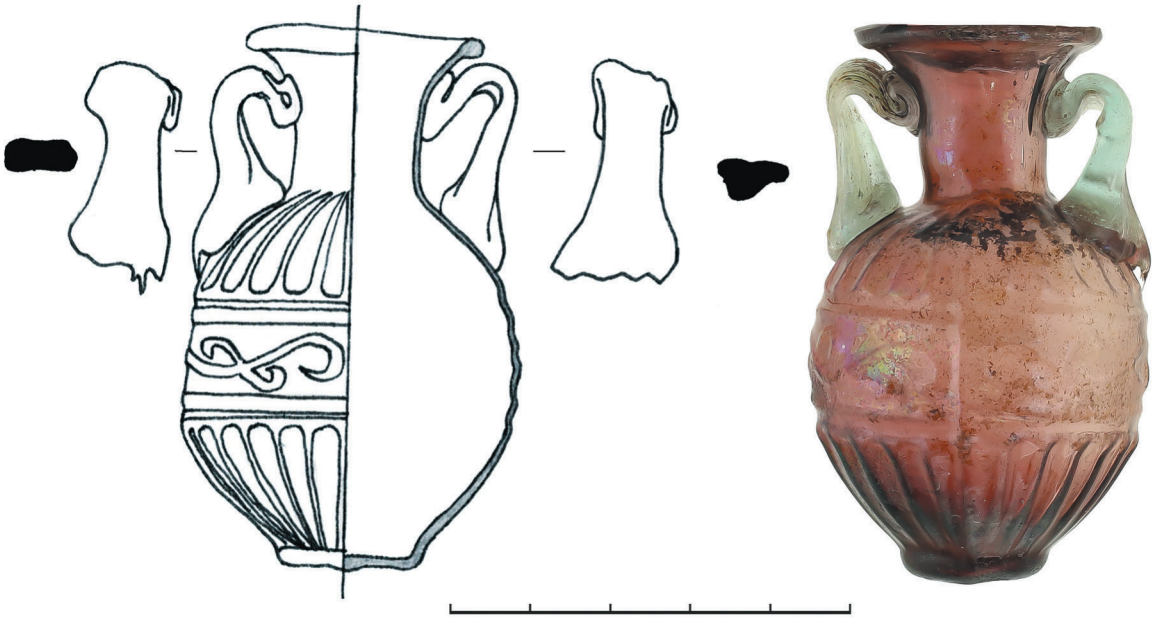

Рис. 2. Амфориск из могилы 263 могильника Фронтовое 3
(рисунок А. А. Сивожелезовой, фото Т. Ш. Гацаева)

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.54-62

СОСТАВ СТЕКЛА ИЗ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3 И ЛОКАЛЬНОЕ СТЕКЛОДЕЛАТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ[1]

Румянцева Ольга Сергеевна
Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация: В статье публикуются данные о химическом составе стеклянных изделий, происходящих из могильника Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (конец I – начало V в.), важные для понимания характера стеклоделательного производства в регионе и позволяющего предположительно определить некоторые виды продукции локальных (очевидно, херсонесских) мастерских. Согласно новым данным, они функционировали, начиная не позже, чем со второй половины II в., работая на привозных полуфабрикатах из Сиро-палестинского региона и Египта.

Ключевые слова: стеклоделательное производство, химический состав стекла, Юго-Западный Крым, Херсонес, римское время

THE COMPOSITION OF GLASS FROM THE CEMETERY OF FRONTOVOE 3 AND THE LOCAL GLASS-WORKING IN THE SOUTH-WESTERN CRIMEA

Rumyantseva, Ol'ga Sergeevna
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This paper publishes the information on the chemical composition of the glass vessels excavated at the cemetery of Frontovoe 3 in the south-western Crimea (late first to the early fifth centuries), which is important for the understanding of the nature of the glass working in the area in question and which allows the one to suppose, hypothetically, some kinds of the products of the local workshops (obviously located in Chersonese). According to the new data, these workshops existed from no late than the second half of the second century using the semi-finished materials imported from the Syro-Palestinian region and Egypt.

Keywords: glass working, chemical composition of glass, south-western Crimea, Chersonese, Roman period

В Северном Причерноморье первой половины – середины I тыс. н. э. наиболее представительные свидетельства стеклоделательного производства были выявлены в Херсонесе. Они представлены преимущественно отходами мастерских конца IV – первой половины V в. и VI в., а также комплексом печей предположительно конца III–IV в., определенных Г. Д. Беловым как стеклоделательные (*Белов,* 1965; 1969; *Голофаст,* 1998). Тем не менее, для изучения динамики развития местного производства, определения его хронологических рамок, характера и сырьевой базы, а также ассортимента выпускаемой здесь посуды необходимо больше данных. Исследователи справедливо предполагали, что данный вид ремесла существовал в городе и в более ранний

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

период; на основании морфологических признаков сосудов, находимых в Херсонесе и его окрестностях, ими высказывались предположения о том, какие именно изделия являлись продукцией местных мастерских (*Белов,* 1965; 1969; *Сорокина, Гущина,* 1980; *Голофаст,* 1998 и др.; см. также: *Gavritukhin et al.,* 2021, там же ссылки на литературу). Замечу при этом, что фрагменты изделий, найденные среди отходов мастерской, могли быть не ее продукцией, а стеклобоем, предназначенным для вторичного использования в производстве. В пользу этой версии говорят как присутствующие среди находок фрагменты оконных стекол, идеально для этого подходящие, так и в ряде случаев – характер залегания находок: «лежащие кучами обломки оконного стекла и стеклянной посуды» (*Голофаст,* 1998. С. 316).

Новые косвенные данные о стеклоделательном производстве в Юго-Западном Крыму дает анализ материалов могильника Фронтовое 3, полностью изученного в 2018 г. на окраине Севастополя экспедицией Института археологии РАН под руководством А.Н. Свиридова и С.В. Язикова[2]. Могильник датируется концом I – началом V в. (*Гавритухин и др.,* 2020а).

Представительная коллекция стеклянных сосудов могильника Фронтовое 3 насчитывает около 230 экземпляров, среди которых встречены как импорты из Восточного Средиземноморья и европейских провинций Римской империи, так и массовые формы предположительно местного производства, изготовленные, очевидно, в мастерских Херсонеса (*Гавритухин и др.,* 2020а. С. 98; *Gavritukhin et al.,* 2021. P. 100–103; *Голофаст, Свиридов,* в печати). Химический состав стекла около 150 сосудов, изученный методом сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионным анализатором (СЭМ-ЭДС), позволяет получить новую информацию о происхождении как самого стекла, так и стеклянных находок из Фронтового 3: в рассматриваемый период варка стекла и изготовление из него готовых изделий происходили в разных мастерских, часто разделенных большими расстояниями (ссылки на литературу см.: *Glass Making…,* 2014; *Румянцева,* 2011; 2015). Количественный анализ стекла выполнялся в Научном центре «Износостойкость» Московского энергетического института (технического университета); методика его проведения и результаты в настоящее время готовятся к публикации (*Румянцева,* в печати-1). Кратко остановлюсь на тех из них, которые важны для изучения локального стеклоделательного производства.

Изученное стекло относится к натриево-кальциево-кремнеземному; все оно, за исключением одного образца[3], изготовлено на основе природной соды. По химическому составу все образцы принадлежат сериям стекла, сваренного в производственных центрах сиро-палестинского региона и Египта. Изготовленное в них стекло в виде полуфабрикатов, являясь предметом торговли на дальние расстояния, использовалось для производства готовой продукции в провинциальноримских «вторичных» мастерских на территории Европы, не варивших его самостоятельно (обзор литературы по теме см.: *Glass Making…,* 2014; *Румянцева,* 2011; 2015). Стекло из могильника Фронтовое 3 относится к следующим сериям: сиро-палестинского происхождения: «римское» зелено-голубое и бесцветное; левантийской I группы[4]; египетского происхождения: обесцвеченное сурьмой (группа 4 по *Foy et al.,* 2003); группы Foy-3.2; Foy-2.1; HIMT (*Foy et al.,* 2003; *Cholakova et al.,* 2016; *Cholakova, Rehren,* 2018; *Freestone,* 2020; *Румянцева,* в печати-2). Значительная серия представлена также бесцветным стеклом «смешанного» состава (с двумя обесцвечивателями, марганцем и сурьмой), являющимся результатом использования

[2] Выражаю благодарность А.Н. Свиридову и С.В. Язикову за любезно предоставленную мне возможность работы с материалами их раскопок и публикации ее результатов.

[3] Один морфологически неопределимый фрагмент сосуда изготовлен из стекла, сваренного на основе золы растений-галофитов.

[4] К левантийской I группе принято относить естественно окрашенное, не обесцвеченное стекло. Однако одновременно с ним существовало стекло идентичного состава, но обесцвеченное марганцем, также происходящее из сиро-палестинских стекловаренных центров (*Freestone*, 2020). Для удобства изложения в данной работе именно оно определено как относящееся к левантийской I группе.

в производстве стекла вторичной переработки (стеклобоя) (*Freestone,* 2015). Как и на территории Римской империи, для материалов могильника Фронтовое 3 наблюдается переход от ранних групп «римского» стекла и стекла, обесцвеченного сурьмой, к более поздним сериям Foy-3.2; Foy-2.1; HIMT. Этот переход приходится на IV в. Лишь стекло левантийской I группы появляется здесь ранее, чем в большинстве римских провинций – не позднее середины III в. (*Румянцева,* в печати-2). Отсутствие в выборке стекла, отличающегося по составу от материала перечисленных групп, говорит об отсутствии среди материалов Фронтового 3 продукции локальных стекловаренных центров, при том, что все типичные для данного региона и периода формы здесь встречаются. Можно полагать, что мастерские Юго-Западного Крыма, из которых посуда поступала к населению, оставившему данный памятник, не варили стекло самостоятельно, а работали на привозных полуфабрикатах из Восточного Средиземноморья, как и подавляющее большинство европейских мастерских на территории Римской империи.

В некоторых погребениях могильника Фронтовое 3 встречено по два сосуда, имеющих абсолютно идентичный состав на уровне всех компонентов, определяющихся методом СЭМ-ЭДС (табл. 1; рис. 1). Различия для большинства элементов составляют сотые, для отдельных элементов – до 0,1% (табл. 1)[5]. Идентичный состав в этих случаях говорит о том, что стекло, из которого они изготовлены, не просто происходит из одного производственного центра; он маркирует единую партию стекла, не только единовременно сваренного и привезенного в мастерскую, но использованную в единый заход в процессе изготовления посуды. Как показали исследования, состав весьма ощутимо варьирует даже для одной плиты стекла, полученной в стекловаренной печи в результате одной «плавки». На конечный результат влияет также состав добавленного стеклобоя, активно использовавшегося в производстве в рассматриваемое время, как и некоторые другие факторы. Считается, что изделия абсолютно идентичного состава, как в описанных ниже случаях, получаются в результате работы мастера с одной порцией стекла, разогретой в одном тигле или в одной полости печи в мастерской неполного цикла (стеклообрабатывающей) (*Freestone et al.,* 2009). Очевидно, что сосуды, полученные из одной порции стекла, должны были также единовременно попасть к их обладателям. При этом логично предположить, что место их производства и реализации (приобретения конечными владельцами) вряд ли были разделены большим расстоянием (особенно учитывая тот факт, что во Фронтовом 3 зафиксирован не один, а серия подобных примеров). Таким образом, наиболее вероятно их локальное производство в Юго-Западном Крыму (очевидно, в Херсонесе), хотя и вероятность более далекого импорта также не может быть полностью исключена. В захоронениях они могут сопровождать разных индивидов, погребенных одновременно или с временными промежутками, не уловимыми археологически[6]. То есть, эти сосуды принадлежали и, вероятно, могли быть в использовании в семье погребенных, прежде чем попали в захоронение.

Большинство погребений с сосудами идентичного состава происходят из позднего горизонта могильника; они сконцентрированы в его юго-восточной части. Наиболее ранние из них синхронны фазе С3 центральноевропейской хронологии (300/320–350/370 гг.), наиболее поздние датируются концом IV – началом V в. (*Гавритухин и др.,* 2020б). Среди них – следующие захоронения.

Из погребения 140 происходит бутыль (колбообразный сосуд) и развал сосуда аналогичного состава, форма которого не реконструируется (рис. 1: *1*; табл. 1: *5, 6*).

Из склепа 136, содержавшего представительный набор посуды, идентичный состав имеют кувшин, тулово и горло которого декорированы спиралевидной накладной нитью, и венчик сосуда, очевидно – бутыли

[5] Для оксидов натрия и кремния они несколько выше, до 0,35%.

[6] Выражаю благодарность А. Н. Свиридову за консультацию.

(рис. 1: *2, 3*; табл. 1: *7, 8*). Ранее исследователи высказывали предположение, что близкие по форме кувшины, обвитые стеклянной нитью, производились в IV в. в херсонесских мастерских (*Храпунов,* 2002. С. 57).

Из склепа 41 происходят две бутыли идентичного состава (рис. 1: *7, 8*; табл. 1: *1, 2*); из погребения 46 – биконический кувшин с воронкообразным горлом и на кольцевом поддоне и фрагмент сосуда с оплавленным краем (рис. 1: *4*; табл. 1: *3, 4*); из склепа 155 – фрагмент бутыли и стакан с оплавленным краем, от которого сохранился венчик (рис. 1: *9, 10*; табл. 1: *9, 10*).

Таким образом, дата перечисленных захоронений в целом близка дате остатков производства, найденного в XXV квартале Херсонеса экспедицией Г.Д. Белова (*Белов,* 1965; *Голофаст,* 1998. С. 314–316). Возможно, на основании полученных данных нижнюю хронологическую границу этого периода существования стеклоделательной мастерской (или мастерских) можно синхронизировать с фазой С3 центральноевропейской хронологии (300/320–350/370) (*Tejral*, 1992 и др.).

В одном случае сосуды идентичного состава зафиксированы в могиле 250 раннего горизонта. Они сопровождали двух разных погребенных. Образцы принадлежат цилиндрическому стакану и сферической чаше; оба сосуда имеют отогнутый наружу венчик, оплавленный край и вогнутое дно. На основании погребального инвентаря данное захоронение датируется второй половиной II в. н. э. (*Суханов,* 2021; *Гавритухин,* 2022)[7]. Если предположение о местном происхождении сосудов идентичного состава верно, это позволяет сделать вывод о существовании мастерской в Херсонесе уже в этот период. Ранее Н.П. Сорокина и И.И. Гущина предполагали, что в Херсонесе стеклоделательное производство могло существовать уже в середине I – начале II в. (*Сорокина, Гущина,* 1980. С. 90–91).

Сосуды из погребения 250 изготовлены из стекла «смешанного» состава, содержащего одновременно два обесцвечивателя – марганец и сурьму. Это означает, что в качестве сырья при их изготовлении использовался стекольный бой или, вероятнее, стекло-сырец со значительной примесью стеклобоя. В данном случае речь идет о смешении «римского» бесцветного стекла левантийского происхождения с обесцвеченным сурьмой египетским, подтверждая изготовление сосудов в одной из европейских мастерских, где было широко распространено стекло обеих групп (*Румянцева,* в печати-1, там же см. ссылки на литературу). В англоязычной литературе такая практика получила название «selective recycling», т.е. вторичное использование намеренно отобранного бесцветного (или почти бесцветного) стекла. Однако это могло происходить и ненамеренно: если в ассортименте стеклянной посуды местного населения преобладало бесцветное стекло с высоким содержанием обесцвечивателя, то и собранный здесь стеклобой будет иметь соответствующий состав. В большинстве европейских провинций Римской империи эта практика характерна для более позднего периода (не ранее конца III/начала IV в.), когда высококачественное обесцвеченное сурьмой стекло начало постепенно выходить из употребления (*Румянцева,* в печати-1). Однако встречаются и более ранние примеры ее применения – в частности, в Италии она зафиксирована для разных категорий сосудов, как престижных, так и рядовых, уже в конце II – первой половине III в. (*Gliozzo et al.,* 2015). К ней, вероятно, прибегали и в мастерских на территориях, недостаточно хорошо снабжавшихся стеклом-сырцом. Положение Херсонеса вдали от основных торговых путей, по которым стекло-сырец поступало из стекловаренных центров во вторичные мастерские Римской империи, хорошо объяснило бы применение здесь данной практики.

К группе «смешанного» стекла с двумя обесцвечивателями в выборке из Фронтового 3 относится еще серия близких по форме сосудов – цилиндрических стаканов и сферических кубков синхронного периода (второй половины II – первой половины III в.), как с вогнутым дном, так и на кольцевом

[7] Выражаю благодарность И.О. Гавритухину за консультацию по хронологии данного комплекса и некоторых других погребений могильника.

поддоне, которые вполне могли бы быть продукцией местной (вероятно, херсонесской) мастерской.

Из «смешанного» стекла изготовлена также серия происходящих из Фронтового 3 бальзамариев типа I группы 2Г-Е, датирующихся по боспорским материалам концом I – серединой III в. (*Кунина, Сорокина,* 1972; *Сорокина, Гущина,* 1980. С. 90–91). Н. П. Сорокина и И. И. Гущина предполагали производство таких сосудов в мастерских Херсонеса.

Стекло «смешанного» состава встречается во Фронтовом 3 преимущественно в погребениях II–III вв. (*Румянцева,* в печати-2). Однако исключительно этот признак не говорит о местном производстве сосудов. Из такого стекла изготовлен, в частности, кубок с накладными «змеевидными» нитями. Нет оснований говорить о его местном происхождении, хотя атрибутировать его как продукцию одного из известных центров по производству таких кубков не удается (*Голофаст, Свиридов,* в печати; *Румянцева,* в печати-1).

Сосуды «с идентичным составом» из погребений позднего горизонта, для которых мы предполагаем местное производство (см. выше), изготовлены из стекла египетского происхождения, серий Foy-3.2 и Foy-2.1 (табл. 1: *3–6, 9, 10*), получивших распространение в IV в., возможно, исключая его начало, или занимающих по составу промежуточное положение между стеклом левантийского происхождения и египетским серии Foy-2.1 (табл. 1: *7, 8*) (*Cholakova, Rehren,* 2018; *Румянцева,* в печати-2). Сосуды из погребения 41 выполнены из стекла левантийской I группы (табл. 1: *1, 2*). Во всех случаях стекло обесцвечено марганцем. В период распространения этих сосудов стекло, обесцвеченное сурьмой, уже вышло из употребления. Поэтому выявить следы практики вторичного использования лишь на основании данных, полученных методом СЭМ-ЭДС, практически невозможно. Они могут быть диагностированы лишь по итогам изучения следовых элементов (методом LA-ICP-MS).

Местное производство предполагалось ранее для двух типов стаканов – I и II.2 (рис. 1: *11, 12*), выделенных на материалах могильника Дружное (*Храпунов,* 2002. С. 56). Это наиболее массовые типы сосудов в Юго-Западном Крыму, датирующиеся временем до середины III–IV в. (тип I) и второй четвертью III–IV в. (тип II.2); наибольшее распространение они получают в IV в. (*Gavritukhin et al.,* 2021. P. 102–103, *Гавритухин и др.,* 2020б. С. 240; там же см. ссылки на литературу). Среди стекла ранних серий такие сосуды практически не встречаются. Лишь один сосуд, достоверно относящийся к типу II, изготовлен из стекла, обесцвеченного сурьмой (он происходит из погребения 5). По одному сосуду каждого типа выполнены из стекла «смешанного» состава, предположительно, применявшегося в местном производстве. Они происходят из погребений 17 и 104, датирующихся не ранее середины III в. (*Гавритухин*, 2022; *Суханов и др.*, 2021). Три сосуда (один – типа II.2 и два – типа I) изготовлены из стекла левантийской I группы, погребения с ними относятся к середине/второй половине III – первой половине IV в. Семь сосудов типа I и один – типа II.2 сделаны из стекла серий Foy-3.2 и Foy-2.1, датирующихся не ранее IV в. (возможно, исключая его начало). Шесть сосудов типа II.2 образуют устойчивую серию, состав которой близок стеклу левантийской I группы, но с повышенным содержанием оксида натрия. Возможно, это – результат смешения стекла данной группы с египетским, для которого характерно более высокое содержание натрия (*Freestone,* 2020), вероятно, серии Foy-3.2 или 2.1. Точнее на этот вопрос можно будет ответить только после анализа следовых элементов. Стаканы типов I и II.2 ни разу не зафиксированы ни среди стекла сиро-палестинского происхождения ранних серий («римского» зелено-голубого и бесцветного) – очевидно, ввиду хронологических причин. Можно предположить, что в Херсонесе изготавливать такие сосуды начали не ранее середины III в., а массово – уже в IV столетии. Обесцвеченный сурьмой сосуд, возможно, является более далеким импортом; стекло прочих групп, использованное для изготовления подобных стаканов, очевидно, применялось в местном производстве.

Заключение. Все стекло, использованное для производства сосудов, обнаруженных в могильнике Фронтовое 3, происхо-

дит из стекловаренных центров Египта и сиро-палестинского региона. Стекло, которое могло бы быть сварено в исследуемом регионе, среди него не выделяется. Если предположение о том, что сосуды с идентичным составом, происходящие из серии погребений Фронтового 3, были изготовлены в Херсонесе, верно, то о стеклоделательном производстве в Юго-Западном Крыму (т. е. в Херсонесе) можно сделать следующие выводы. Наиболее ранний пример таких сосудов относится ко второй половине II в. н. э., позволяя предполагать существование производства уже в это время. В этот период здесь, вероятно, широко практиковалось вторичное использование стекла; из стекла «смешанного» состава (с двумя обесцвечивателями одновременно) производились цилиндрические стаканы и сферические чаши с оплавленным краем, с вогнутым дном или на поддоне, а также, возможно, некоторые типы бальзамариев. В более позднее время (середине III – конце IV/начале V в.) здесь производились также стаканы типов I и II.2, выделенных И. Н. Храпуновым на материалах могильника Дружное, бутыли (колбообразные сосуды) и некоторые типы кувшинов. Местные мастерские работали исключительно на привозном стекле, как левантийского происхождения, так и египетском (группы Foy-3.2, 2.1), которое здесь, вероятно, постепенно сменяет левантийское на протяжении первой половины (или второй четверти) – середины IV в. Стекло группы HIMT, также египетское, широко распространенное в западной части Римской империи, начиная с IV в. (*Nenna,* 2014), здесь, очевидно, практически (?) не использовалось: встречены лишь единичные изготовленные из него сосуды, данные об их возможном местном производстве отсутствуют. На позднем этапе здесь, как и ранее, вероятно, широко практиковалось применение в производстве стеклобоя, однако признаки его выделить сложнее.

В заключение подчеркну, что все данные, полученные на материалах могильника Фронтовое 3, можно рассматривать лишь как косвенные свидетельства возможного местного производства, а полученные выводы – как гипотетические.

ЛИТЕРАТУРА

Белов Г. Д., 1965. Стеклоделие в Херсонесе // Советская археология. № 3. С. 237–239.

Белов Г. Д., 1969. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 116. С. 80–84.

Гавритухин И. О., 2022. Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтовое 3 (типология и хронология) // Могильник римского времени Фронтовое 3 и проблемы археологии Крыма / Ред. А. В. Мастыкова.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020а. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 91–110.

Гавритухин И. О., Мастыкова А. В., Свиридов А. Н., Суханов Е. В., Язиков С. В., 2020б. Финал могильника Фронтовое 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // Stratum Plus. № 4. С. 235–247.

Голофаст Л. А., 1998. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. С. 312–326.

Голофаст Л. А., Свиридов А. Н., в печати. Стеклянный кубок с орнаментом накладными «змеевидными» нитями из могильника Фронтовое 3 // Краткие сообщения Института археологии.

Кунина Н. З., Сорокина Н. П., 1972. Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 13. С. 146–177.

Румянцева О. С., 2011. Стеклоделательное производство в римское время и эпоху раннего средневековья: источники, факты, гипотезы // Российская археология. № 3. С. 86–97.

Румянцева О. С., 2015. Стекло I тыс. н. э.: происхождение и распространение по данным химического состава и изотопного анализа // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 237. С. 20–49.

Румянцева О. С., в печати-1. Кубок с орнаментом накладными «змеевидными» нитями из могильника Фронтовое 3: состав стекла и происхождение // Краткие сообщения Института археологии. 2022.

Румянцева О. С., в печати-2. Основные итоги изучения химического состава стекла могильника Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2022.

Сорокина Н. П., Гущина И. И., 1980. Стеклянные изделия из могильников первых веков н. э. Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. М.: ГИМ. С. 89–100. (Труды ГИМ. Вып. 51).

Суханов Е. В., 2021. Краснолаковая керамика конца I – первой половины III вв. из могильника Фронтовое 3 (хронологический и планиграфический анализ) // Stratum Plus. № 4. С. 211–220.

Суханов Е. В., Гавритухин И. О., Нессель В. А., 2021. Краснолаковая керамика второй половины III – начала V в. из могильника Фронтовое 3 // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 263. С. 441–456.

Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. н. э.). Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej. 313 p.

Cholakova A., Rehren T., Freestone I. C., 2016. Compositional identification of 6th c. AD glass from the Lower Danube // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 7. P. 625–632.

Cholakova A., Rehren T., 2018. A Late Antique manganese-decolourised glass composition: Interpreting patterns and mechanisms of distribution // Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE / Eds. D. Rosenow, M. Phelps, A. Meek. I. Freestone. London: UCL Press. P. 46–71.

Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V., 2003. Caractérisation des verres de la fin de l'Antiquité en Méditerranée occidentale: l'émergence de nouveaux courants commerciaux // Échanges et commerce du verre dans le monde antique. Actes du colloque de l'AFAV. Aix-en-Provence et Marceille, 7–9 juin 2001 / Eds. D. Foy, M.-D. Nenna. Montagnac: Éditions Monique Mergoil. P. 41–85.

Freestone I. C., 2015. The Recycling and Reuse of Roman Glass: Analytical Approaches // Journal of Glass Studies. Vol. 57. P. 29–40.

Freestone I. C., 2020. Apollonia glass and its markets: An analytical perspective // Tal O. Apollonia-Arsuf. Final report of the excavations. Vol. II. Excavations outside the Medieval Town Walls. Tel Aviv: Tel Aviv University. P. 341–348.

Freestone I. C., Price J., Cartwright C. R., 2009. The batch: its recognition and significance // Annales du 17e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre / Eds. K. Janssens, P. Degryse, P. Cosyns, J. Caen, L. Van't dack. Brussels: AIHV. P. 130–135.

Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sukhanov E., Sviridov A., Yazikov S., 2021. The cemetery of Frontovoe 3: New data on the culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration Periods // Študijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej akadémie vied. 68 (1). S. 87–118.

Glass making…, 2014. Glass Making in the Greco-Roman World / Ed. P. Degryse. Leuven: Leuven University Press. 189 p. (Studies in Archaeological Sciences 4).

Gliozzo E., Lepri B., Sagui L., Turbanti Memmi I., 2015. Colourless glass from the Palantine and Esquiline hills in Rome (Italy). New data on antimony- and manganese-decoloured glass in the Roman period // Archaeological and Anthropological Sciences. 9 (2). P. 165–180.

Nenna M.-D., 2014. Egyptian glass abroad: HIMT glass and its markets // Neighbours and successors of Rome. Traditions of glass production and use in Europe and the Middle East in the later 1st millennium AD / Eds. D. Keller, J. Price, C. Jackson. Oxford, Philadelphia. P. 177–193.

Tejtal J., 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen KaiserZeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologien ab Laténezeit biz Frümilletalter / Eds. K. Godłowski, R. Madyda-Legutko R. Krakow, 1992. P. 227–248.

Таблица 1. Могильник Фронтовое 3. Сосуды с «идентичным» химическим составом (в масс. %). Метод исследования – СЭМ-ЭДС.

№ п/п	Маркировка образца	Место и номер находки	Описание	Na_2O	MgO	Al_2O_3	SiO_2	P_2O_5	SO_3	Cl	K_2O	CaO	TiO_2	MnO	Fe_2O_3	SnO_2	Sb_2O_5	PbO
1	Фр-29	погр. 41, № 817	бутыль	14,31	0,72	2,75	69,03	<0,1	0,25	0,76	0,60	8,66	0,11	1,99	0,57	<0,2	<0,2	<0,1
2	Фр-30	погр. 41, № 818	бутыль	14,30	0,73	2,75	69,11	<0,1	0,23	0,76	0,60	8,64	<0,1 (0,09)	1,95	0,59	<0,2	<0,2	<0,1
3	Фр-33	погр. 46, № 920	кувшин	18,42	0,85	2,48	66,60	<0,1	0,26	1,09	0,56	6,61	0,16	1,12	1,02	<0,2	<0,2	<0,1
4	Фр-34	погр. 46, № 922	сосуд с оплавл. краем	18,54	0,85	2,44	66,34	<0,1	0,25	1,10	0,52	6,54	0,16	1,08	0,95	<0,2	<0,2	<0,1
5	Фр-58	погр. 140, № 1334	стенки сосуда	20,79	0,86	1,84	66,99	<0,1	0,23	1,35	0,33	5,85	0,12	0,71	0,85	<0,2	<0,2	<0,1
6	Фр-59	погр. 140, № 1335	бутыль	20,73	0,86	1,84	66,89	<0,1	0,24	1,35	0,34	5,84	0,12	0,73	0,86	<0,2	<0,2	<0,1
7	Фр-77б	погр. 136, № 1668-1	кувшин	17,08	0,74	2,52	68,24	<0,1	0,21	0,97	0,71	7,54	0,12	1,24	0,74	<0,2	<0,2	<0,1
8	Фр-80	погр. 136, № 1681	бутыль?	17,10	0,71	2,47	68,08	<0,1	0,22	1,02	0,72	7,45	<0,1 (0,09)	1,26	0,69	<0,2	<0,2	<0,1
9	Фр-89	погр. 155, № 1902	стакан?	18,84	0,83	2,37	68,10	<0,1	0,23	1,02	0,66	6,93	0,12	1,10	0,81	<0,2	<0,2	<0,1
10	Фр-93	погр. 155, № 1930	бутыль	18,49	0,86	2,40	67,94	<0,1	0,22	1,00	0,65	6,87	0,13	1,13	0,82	<0,2	<0,2	<0,1
11	Фр-126	погр. 250, № 4603	кубок	17,93	0,50	2,08	69,00	<0,1	0,21	1,10	0,62	6,72	<0,1	0,61	0,46	<0,2	0,40	<0,1
12	Фр-127	погр. 250, № 4623	чаша	17,61	0,53	2,10	68,88	<0,1	0,21	1,11	0,60	6,77	<0,1	0,59	0,51	<0,2	0,41	<0,1

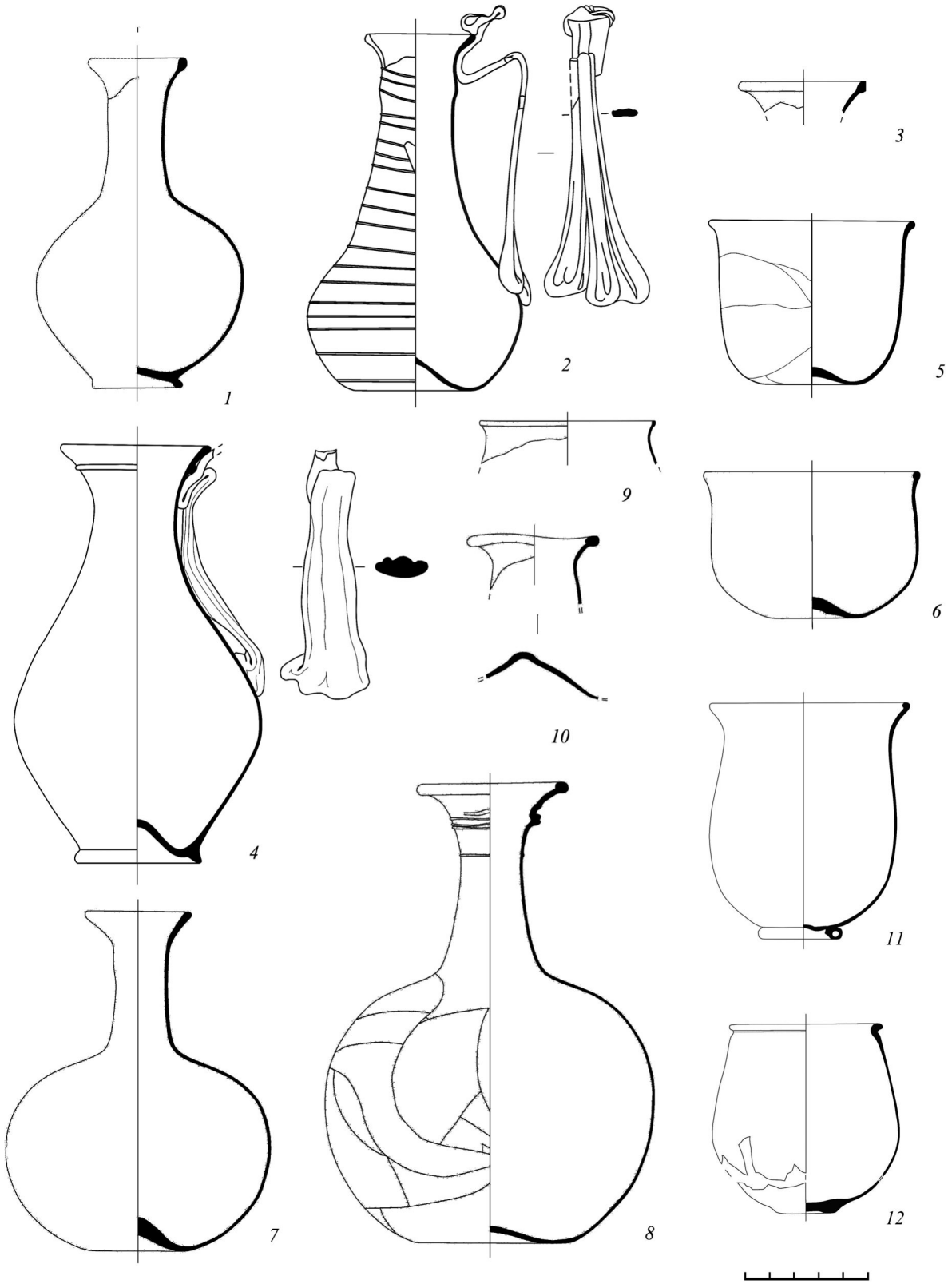

Рис. 1. Могильник Фронтовое 3.
1–10. Сосуды с «идентичным» химическим составом. Производство мастерских Херсонеса (?).
11, 12. Стаканы – предполагаемая продукция мастерских Херсонеса
(*11* – тип 1; *12* – тип II.2 по: *Храпунов*, 2002).
1 – погр. 140; *2, 3* – погр. 136; *4* – погр. 46; *5, 6* – погр. 250; *7, 8* – погр. 41; *9, 10* – погр. 155;
11 – погребение 51; *12* – погребение 13. Рисунок А.В. Тяпухиной

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.63-70

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМ ЛЕПНЫХ СОСУДОВ ИЗ ПОДБОЙНЫХ МОГИЛ И ГРУНТОВЫХ СКЛЕПОВ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3[1]

Суханов Евгений Владимирович
Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация: Подбойные могилы и грунтовые склепы – основные типы погребальных сооружений в могильнике Фронтовое 3. Статья посвящена сравнению найденных в них форм лепных сосудов. Исследование выполнено в рамках историко-культурного подхода (А. А. Бобринский). Установлена высокая степень сходства традиций создания форм лепных сосудов у населения, хоронившего в разных погребальных сооружениях. Предложено объяснение полученных данных.

Ключевые слова: Фронтовое 3, лепная керамика, формы сосудов

A COMPARATIVE ANALYSIS OF HAND-MADE VESSEL FORMS FROM THE UNDERCUT GRAVES AND BURIAL VAULTS IN THE CEMETERY OF FRONTOVOE 3

Sukhanov, Evgeniy Vladimirovich
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: Undercut graves and burial vaults were the main types of burial constructions in the cemetery of Frontovoe 3. This paper suggests a comparison of the forms of hand-made vessels excavated from the cemetery in question. The research was made according to the historical-and-cultural approach (A. A. Bobrinskii). A high degree of similarity in the traditions of hand-made vessel forms among the population that buried into different funerary structures has been established. The explanation of the data received has been offered.

Keywords: Frontovoe 3, hand-made vessels, vessel forms

Цель и методика исследования

Лепная посуда – вторая по численности группа керамики в могильнике Фронтовое 3 (109 сосудов). Почти все изделия находились в погребениях периода 2 (вторая половина III – начало V в.). Погребальные сооружения этого периода представлены двумя типами. Первый – подбойные могилы, в которых хоронили на протяжении всего времени бытования могильника. Второй тип – грунтовые склепы, появившиеся на некрополе Фронтовое 3 в IV в. Лепная керамика найдена как в подбойных могилах, так и в склепах.

Ранее мы сравнивали технологию изготовления лепной керамики из этих двух типов могильных сооружений. Изучались приспособительные навыки гончаров (*Бобринский*, 1978. С. 244–245): отбор исходного пластичного сырья, составление формовочных масс и обработка поверхности сосудов.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

Особенность этих навыков заключается в способности быстро изменяться из-за культурных влияний в срок от нескольких лет до времени жизни одного поколения.

По итогам исследования было отмечено, что доминирующий рецепт «глина + дробленая раковина + органика» распространён и в подбойных могилах, и в грунтовых склепах. Второй по численности рецепт «глина + шамот + дробленая раковина + органика» представлен, в основном, только в грунтовых склепах (за исключением одного сосуда).

Состав компонентов формовочных масс, особенности их концентрации, единообразие источников сырья и обработки поверхности свидетельствуют, что сооружение на Фронтовом 3 грунтовых склепов происходило, когда носители «шамотной» традиции уже были интегрированы в состав общины, где большинство составляли носители обряда захоронений в подбойных могилах (*Суханов*, 2021. С. 400–401).

Данная работа посвящена сравнению форм лепных сосудов из этих двух типов могильных сооружений. В ней применяется методика анализа, разработанная в рамках историко-культурного подхода к изучению керамики. В последние годы она активно используется для анализа форм средневековой керамики. Методика включает анализ на трёх уровнях: общая пропорциональность (далее – ОПП) всего сосуда (соотношение высоты и максимального диаметра сосуда), естественные структуры, показывающие состав функциональных частей, и сформированность функциональных частей, т. е. фактически особенности их очертаний (ОПП части, угол наклона боковой линии костяка). Все перечисленные параметры анализируются по ступеням универсальной шкалы качеств, разработанной Ю. Б. Цетлиным (*Цетлин,* 2018. Табл. 2, 3). Исследование проведено по трём категориям посуды, которые более или менее равномерно представлены и в подбойных могилах, и в грунтовых склепах: кувшины (29 шт.), кружки (29 шт.) и горшки (24 шт.).

Анализ

Кувшины

ОПП всего сосуда (рис. 1: *1*). У кувшинов из подбойных могил наибольшая плотность приходится на ступени 38–41. В этом диапазоне расположены 80% сосудов. В грунтовых склепах диапазон наибольшей плотности такой же, в него попадает 88,9% кувшинов. Сравнение на уровне состояний качеств показывает, что как в подбойных захоронениях, так и в грунтовых склепах, преобладают кувшины «средней»[2] ОПП – по 75% и 77,7% соответственно.

Естественные структуры (рис. 1: *2*). Почти все изученные кувшины, кроме одного, обладают пятичастными конструкциями. Различия между ними – в форме части, расположенной между туловом и шеей: плечо, предплечье или переходная функциональная часть плечо/предплечье. В подбойных могилах преобладают конструкции с плечом – 40% кувшинов, и плечом/предплечьем – 35%. В грунтовых склепах преобладают кувшины с плечом/предплечьем – 66,7%.

Теперь рассмотрим параметры функциональных частей.

По ОПП тулова кувшины из подбойных могил достаточно равномерно распределены по ступеням 26–36 (рис. 1: *3*). Самые многочисленные ступени – 29-я и 30-я, каждой соответствует по 20% сосудов. Кувшины из грунтовых склепов занимают более узкий диапазон, большинство сосудов (89%) сгруппированы в интервале ступеней 25–30. На уровне качеств ОПП обе группы демонстрируют сходство. В подбойных захоронениях и грунтовых склепах преобладают кувшины с «средней/низкой» ОПП тулова – по 75% и 88,8% соответственно.

По углам наклона тулова (рис. 1: *4*) в подбойных могилах доминируют ступени 12 и 13 – суммарно 70% кувшинов. В грунтовых склепах самая многочисленная ступень 12-я, к ней относится 44,4% кувшинов. По 22,2% относится к ступеням 11 и 14.

Теперь рассмотрим параметры частей, расположенных между туловом и шеей.

[2] Состояния качеств ОПП даются по: *Цетлин*, 2018. Табл. 2.

Разделение между ними на плечо, предплечье и плечо/предплечье выполняется по углам наклона (*Цетлин,* 2018. Табл. 7а, 7б, 7в, 8). Эти особенности уже учтены на предыдущем уровне анализа. По ОПП этих частей (рис. 1: *5*) большинство кувшинов из подбойных могил сконцентрированы в диапазоне от 29-й по 34-ю ступень. Кувшины из грунтовых склепов показывают похожее распределение: почти все соответствуют диапазону ступеней 28–36. На уровне качеств ОПП это сходство сохраняется. Как в подбойных могилах, так и в грунтовых склепах доминирует «низкая» ОПП части, расположенной между туловом и шеей: в первом случае таких кувшинов 70%, во втором – 77,8%.

По ОПП шеи (рис. 1: *7*) кувшины из подбойных могил равномерно распределены преимущественно в диапазоне ступеней 31–42. Кувшины из грунтовых склепов находятся в этом же интервале. На уровне качеств ОПП большинство кувшинов из подбойных могил относятся к «средней» и «средней/низкой» ОПП – по 45% и 25% соответственно, а из грунтовых склепов к «средней/низкой» и «низкой» ОПП – по 44,4% и 33,3% соответственно.

Угол наклона шеи (рис. 1: *6*) в подбойных могилах варьирует от 14-й до 20-й ступени. Наибольшая плотность в распределении приходится на ступени 16–18 – всего 85%. В грунтовых склепах этот же диапазон занимают 89% кувшинов.

Сравнение форм кувшинов позволяет выделить общие черты, характерные как для материалов подбойных могил, так и для грунтовых склепов:

1) ОПП всего сосуда (ступени 38–41);

2) ОПП тулова (ступени 26–34/25–30);

3) Угол наклона тулова (ступени 12/12–13);

4) ОПП плеча, предплечья или плеча/предплечья, ступени 29–34/28–36);

5) Угол наклона шеи (ступени 16–18).

Различия, присущие формам кувшинов из разных могильных сооружений, заключаются в следующем. Для подбойных могил более характерны кувшины с плечом и относительно более высокой шеей, а для грунтовых склепов – наоборот, с плечом/предплечьем и относительно более короткой шеей.

Кружки

ОПП всего сосуда (рис. 2: *1*). Для подбойных могил наиболее массовыми являются ступени 35–37 – всего 71%. Для грунтовых склепов отмечено тоже самое, в указанный диапазон попадает 91,7% сосудов.

На уровне естественных структур (рис. 2: *2*) зафиксировано 3 вида конструкций, представленных как в подбойных могилах, так и в грунтовых склепах: с шеей/шеей и предплечьем, с шеей и плечом/предплечьем, с шеей и предплечьем. В подбойных могилах наиболее многочисленна конструкция с шеей и предплечьем – 76,5% кружек. В грунтовых склепах картина аналогична, доминируют кружки с шеей и предплечьем – 67%.

Тулово (рис. 2: *4*). По ОПП этой части у кружек из подбойных могил наибольшая плотность приходится на диапазон ступеней 27–32, а у кружек из грунтовых склепов на диапазон 28–31. В обоих типах могильных сооружений доминирующим качеством ОПП является «средняя/низкая»: 82,4% кружек из подбойных могил и 100% из грунтовых склепов. По углам наклона (рис. 2: *5*) сравниваемые типы могил также оказываются похожими. Кружки относятся в основном к ступеням 12–14. В подбойных могилах в этом диапазоне находится 82,4% кружек, а в грунтовых склепах – все кружки.

ОПП предплечья или плеча/предплечья (рис. 2: *3*). Большинство кружек из подбойных могил концентрируются в диапазоне ступеней 23–27. В него попадает 70,6% кружек. Кружки из грунтовых склепов расположены в диапазоне ступеней 23–28. Наиболее многочисленны ступени 25–28, им соответствует 83,3% кружек. На уровне состояний качеств оба типа могильных сооружений показывают преобладание «средней/низкой» ОПП: 65% в подбойных могилах, 83% в грунтовых склепах.

Шея. По ОПП этой части (рис. 2: *7*) кружки из подбойных могил расположены в диапазоне от 9-й до 27-й ступени, а кружки из грунтовых склепов от 16-й до 26-й. Воз-

можно, стоит обратить внимание, что большинство кружек из грунтовых склепов тяготеет к правой части графика, т. е. к более высоким ступеням, в то время как кружки из подбойных могил распределены более широко. Данная тенденция проявляется и на уровне состояний качеств. Как в подбойных могилах, так и грунтовых склепах, преобладает «низкая» ОПП – по 71% и 58% соответственно. В грунтовых склепах доля «средней/низкой» ОПП больше, чем в подбойных могилах: 25% против 5%. По углу наклона шеи (рис. 2: *6*) кружки из подбойных могил имеют наибольшую плотность в диапазоне ступеней 15–17 – всего 70,6%, а кружки из грунтовых склепов на ступенях 15–18 – всего 91,7%.

На основании изложенных данных можно выделить общие черты, присущие формам кружек из подбойных могил и грунтовых склепов:

1) ОПП всего сосуда (ступени 35–37);

2) Конструкции (с шеей и предплечьем);

3) ОПП тулова (ступени 27–32/28–31,);

4) Угол наклона тулова (ступени 12–14);

5) ОПП плеча или плеча/предплечья (ступени 23–27/25–28);

6) Угол наклона шеи (ступени 15–17/15–18).

Различия в формах кружек из разных могильных сооружений состоят в следующем:

1) в грунтовых склепах отсутствуют самые низкие варианты ОПП тулова, ступеней 24–27. Они есть только в подбойных могилах;

2) самые высокие варианты ОПП шеи более характерны для грунтовых склепов.

Горшки

ОПП всего сосуда (рис. 3: *1*). Все горшки из подбойных могил расположены в диапазоне ступеней 35–38. Наиболее многочисленная ступень – 36-я, на неё приходится половина горшков. Сосуды из грунтовых склепов располагаются преимущественно в этом же диапазоне. Только 2 сосуда (13,3%) занимают ступени 30 и 33.

На уровне естественных структур зафиксировано 4 вида конструкций (рис. 3: *2*). Самая многочисленная как в подбойных могилах, так и в грунтовых склепах, конструкция с шеей и предплечьем. Среди горшков из подбойных могил таких 67% сосудов, из грунтовых склепов – 93%. Все другие виды конструкций единичны.

По ОПП тулова (рис. 3: *3*) горшки из подбойных могил формируют на графике два скопления: ступени 29–31 и ступени 33–35 (оба содержат по 50% сосудов). Горшки из грунтовых склепов тяготеют к первому такому скоплению и располагаются в диапазоне ступеней 28–33. На уровне состояний качеств особенности горшков из разных могильных сооружений выглядят более явно: в подбойных могилах отмечено равное соотношение «средней/низкой» и «средней» ОПП, а в грунтовых склепах преобладает «средняя/низкая» ОПП (80%). По углу наклона (рис. 3: *4*) тулова горшки из подбойных могил равномерно распределены по ступеням 12–14. Среди горшков из грунтовых склепов 87% сосудов расположены также на ступенях 12–14.

ОПП предплечья и плеча/предплечья (рис. 3: *5*). Для горшков из подбойных захоронений диапазон наибольшей плотности приходится на ступени 21–26–78% сосудов. Единичные сосуды соответствуют ступеням, расположенным в левой и правой «периферии» графика. Горшки из грунтовых склепов показывают очень похожую тенденцию. Большинство (73%) расположено в диапазоне ступеней 21–26 с довольно равномерным распределением по ним.

По ОПП щеки, шеи или щеки/шеи (рис. 3: *6*) горшки из подбойных могил занимают диапазон ступеней 9–22. Распределение равномерное. Горшки из грунтовых склепов по этому параметру относятся к ступеням 9–24. Выделяются ступени 17 и 19 – суммарно 53% горшков. По углу наклона щеки, шеи или щеки/шеи (рис. 3: *7*) горшки из подбойных могил относятся в основном к ступеням 15 и 16 – суммарно 67%. Зафиксированы также ступени 11 и 18, но они представлены слабо. По горшкам из грунтовых склепов прослеживается похожая тенденция: по массовости выделяются ступени 15 и 16, всего 73%. «Периферийные» ступени 13, 17–19 представлены слабо.

На основании изложенных данных можно выделить общие черты, присущие

формам горшков из подбойных могил и грунтовых склепов:

1) ОПП всего сосуда (ступени 35–38);

2) Конструкции (с шеей и предплечьем);

3) Угол наклона тулова (ступени 12–14);

4) ОПП предплечья или плеча/предплечья (ступени 21–26);

5) Угол наклона шеи или щеки/шеи (ступени 15–16).

В этот список, вероятно, можно добавить особенности ОПП шеи или щеки/шеи. Как в подбойных могилах, так и грунтовых склепах, по этому параметру зафиксированы сильная «размытость» и наличие разных вариантов от 9-й до 22/24-й ступени.

Наиболее существенные различия в формах горшков из разных могильных сооружений проявились в ОПП тулова. Для грунтовых склепов характерно относительно более короткое тулово («средняя/низкая» ОПП). В подбойных могилах в равной степени представлены как «средняя/низкая», так и «средняя» ОПП тулова.

Заключение

Традиции создания форм лепных сосудов, представленные в двух рассмотренных типах могильных сооружений, в целом довольно однородны. Это может объясняться двумя версиями: либо люди, хоронившие в подбойных могилах и грунтовых склепах, изначально имели очень близкие традиционные формы лепной посуды, либо достижение этой однородности произошло уже во время функционирования некрополя Фронтовое 3.

Здесь важно подчеркнуть, что лепные сосуды, найденные в разных типах погребальных сооружений, имеют свои специфические черты. Это касается всех рассмотренных категорий лепной керамики. Это, к примеру, особенности оформления шеи и плеча или предплечья для кувшинов, или же особенности ОПП тулова для кружек и горшков. Из-за этого нельзя говорить о полном сходстве традиций у людей, захороненных в подбойных могилах и грунтовых склепах и о происхождении этих традиций от какого-то общего «корня».

Поэтому более вероятной кажется версия, что ко времени появления на Фронтовом 3 грунтовых склепов, гончарные традиции населения, хоронившего в этих склепах, были интегрированы в местную культурную среду. Это подтверждается полученными ранее данными по технологии изготовления лепной посуды.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Суханов Е. В., 2021. Первые результаты изучения технологии изготовления лепной керамики могильника Фронтовое 3 // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Симферополь, Керчь. С. 398–401.

Цетлин Ю. Б., 2018. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 124–179.

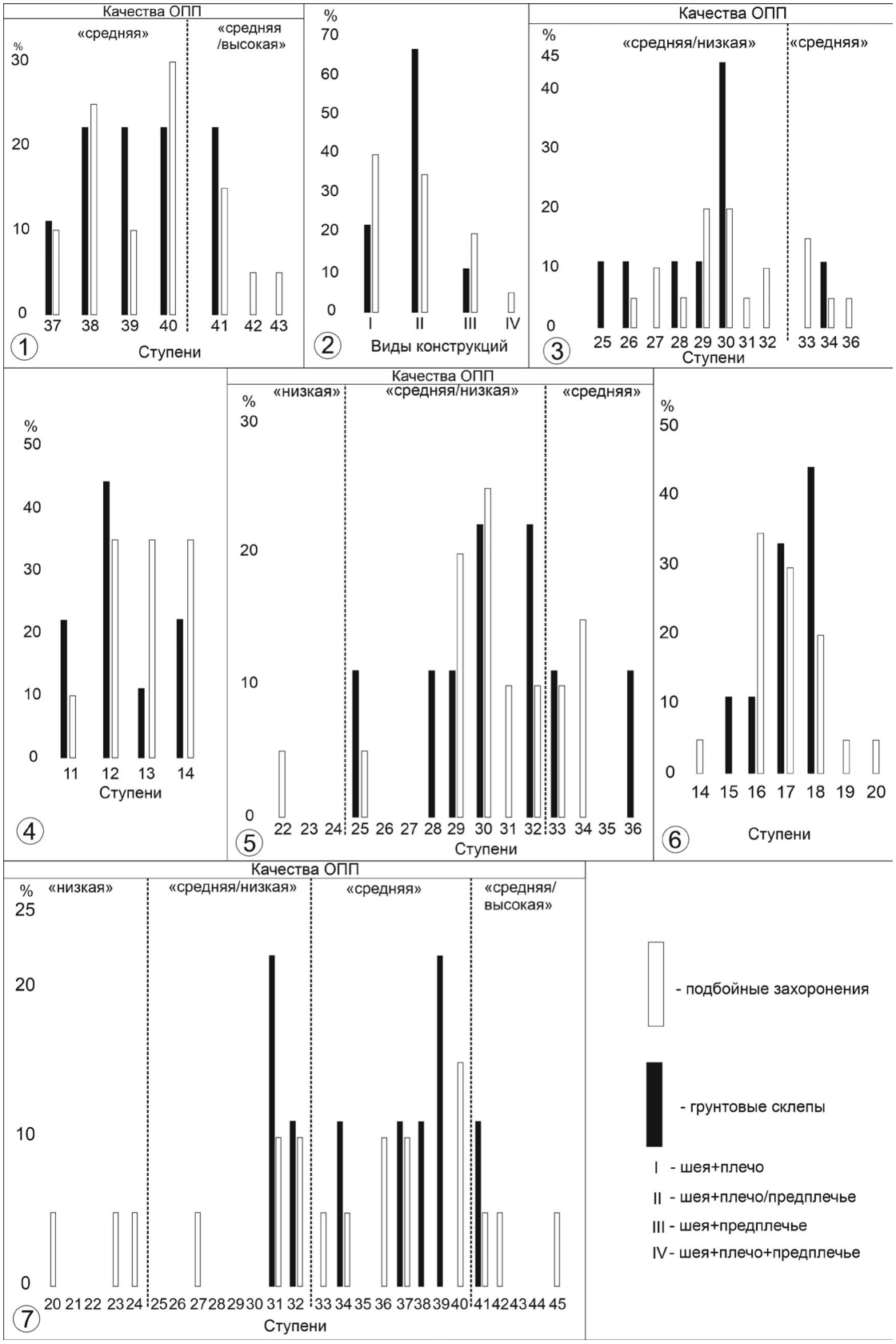

Рис. 1. Аналитические графики по кувшинам. 1 – ОПП всего сосуда; 2 – конструкции; 3 – ОПП тулова; 4 – угол наклона тулова; 5 – ОПП плеча, предплечья или плеча/предплечья; 6 – угол наклона шеи; 7 – ОПП шеи

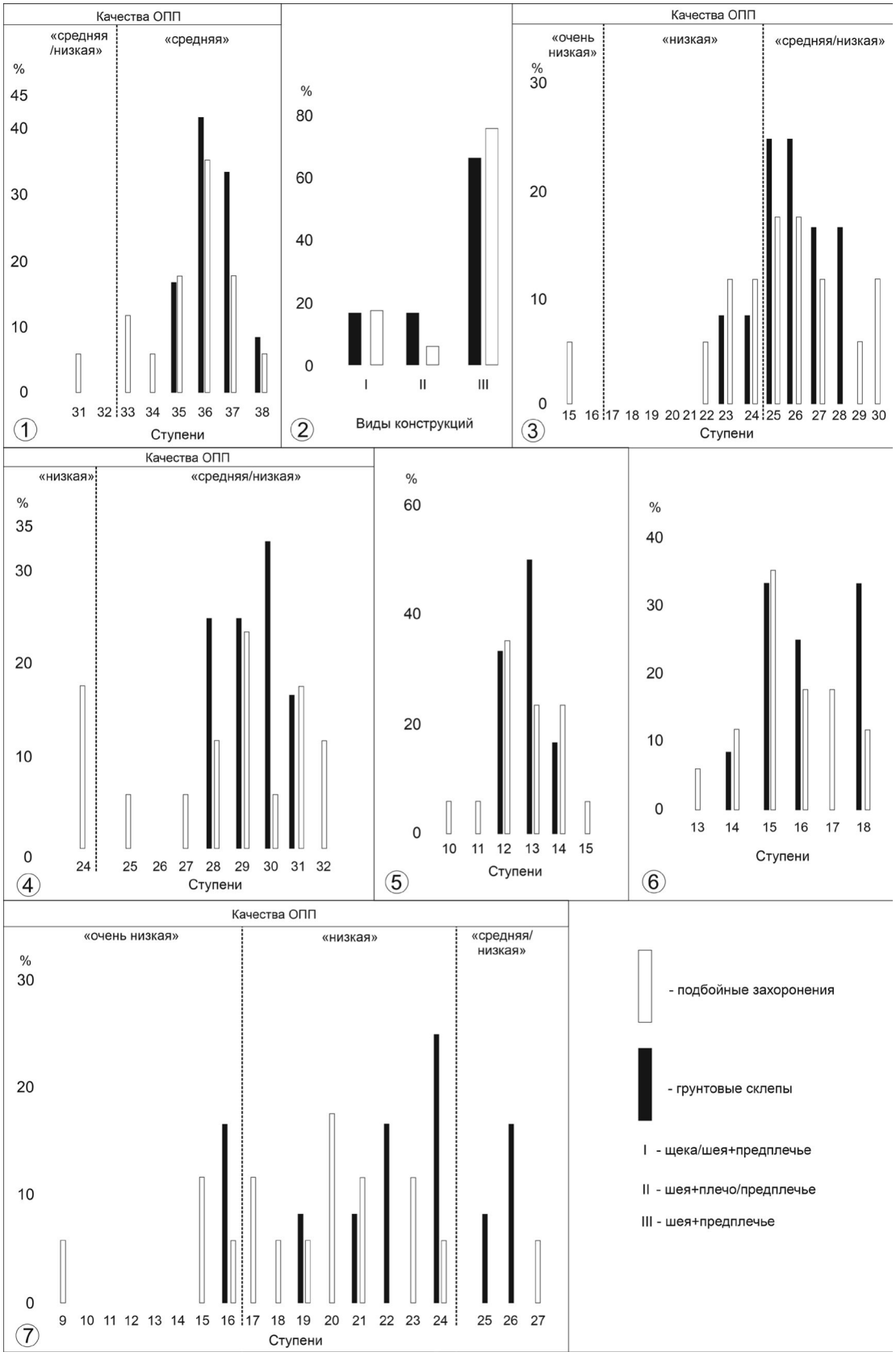

Рис. 2. Аналитические графики по кружкам. 1 – ОПП всего сосуда; 2 – конструкции; 3 – ОПП предплечья или плеча/предплечья; 4 – ОПП тулова; 5 – угол наклона тулова; 6 – угол наклона шеи; 7 – ОПП шеи

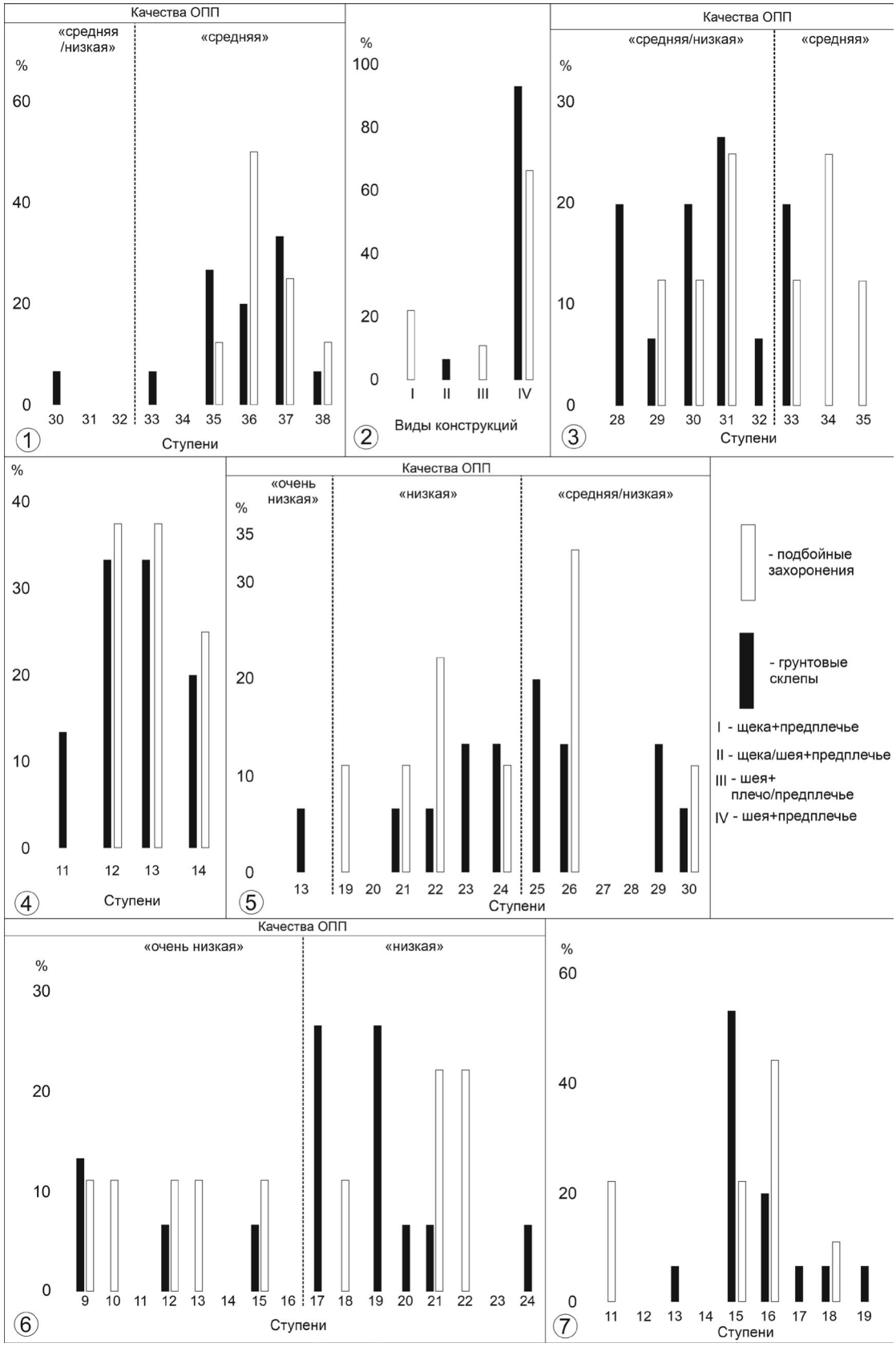

Рис. 3. Аналитические графики по горшкам. 1 – ОПП всего сосуда; 2 – конструкции; 3 – ОПП тулова; 4 – угол наклона тулова; 5 – ОПП предплечья или плеча/предплечья; 6 – ОПП щеки, шеи или щеки/шеи; 7 – угол наклона шеи

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.71-85

КРЕМАЦИОННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3[1]

Свиридов Алексей Николаевич
Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена кремационным погребениям могильника Фронтовое 3. Подобный обряд зафиксирован в 14 случаях, выявлены различные способы расположения кремированных костей в погребениях. Для более ранней зоны некрополя характерна вариативность размещения кремированных останков в могиле. Для погребений, расположенных на стыке ранней и поздней зоны могильника, преобладающим способом погребения становиться расположение в отдельной нише-подбое.

Ключевые слова: Фронтовое, могильник, погребение, кремация, население

CREMATION GRAVES IN THE CEMETERY OF FRONTOVOE 3

Sviridov, Alexey Nikolaevich
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This paper addresses cremation graves in the cemetery of Frontovoe 3. This rite has been documented in 14 cases; different ways of placing the cremated bones in the graves have been revealed. The early cemetery area is typical of varied location of cremated remains in the grave. For the burials located at the junction of the early and late zone of the cemetery, the predominant way of interment was the location of cremated remains in a separate undercut chamber.

Keywords: Frontovoe, cemetery, grave, cremation, population

Грунтовый могильник Фронтовое 3 расположен на левом берегу р. Бельбек в Нахимовском районе г. Севастополь. Памятник раскопан полностью, включает 328 могил последних десятилетий I – начала V в. (*Язиков и др.*, 2019; *Свиридов, Язиков*, 2019; *Гавритухин и др.*, 2020).

Погребальный обряд могильника не отличается сильным разнообразием. Значительно преобладают подбойные могилы, для поздних периодов характерны простые грунтовые ямы и грунтовые склепы. При исследовании могильника выявлено 14 кремационных погребений, выполненных различными способами (рис. 1). В статье приводится описание погребений и особенностей их выполнения.

Могила 4 (рис. 2: *1*). Обнаружена в центральной части ранней зоны. Представляет собой частично сохранившееся погребение в амфоре[2]. От амфоры сохранились придонная часть и частично тулово. Амфора

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

[2] Погребений в керамических урнах, вероятно, было значительно больше. Первоначально памятник был поставлен на учет как средневековое поселение Фронтовое 3. Могильник был выявлен уже в результате исследования поселения. В связи с тем, что памятник первоначально имел другие границы, с северо-запада от него строителями был снят верхний почвенный горизонт мощностью около 30–40 см. Этими работами были нарушены верхние части подбойных погребений, и, вероятно, были полностью разрушены кремационные погребения в урнах. На земляных отвалах фиксировались многочисленные фрагменты керамики.

светлоглиняная, размер фрагмента ножки 11,5 см, наибольшая ширина 8 см (рис. 2: *2*). Разрушенная амфора была вытянута по линии ЮЮВ–ССЗ, внутри нее – сожжённый костный тлен.

Могилы 28 и 30 располагаются в центральной части могильника и являются самыми крайними с севера в одной из линий рядов погребений, вытянутых с ЮЗ на СВ.

Могила 28 (рис. 2: *3*). Представляет собой могилу с двумя подбоями (размер входной ямы 1,5×0,54 м), вход в которые перекрыт каменным закладом. Заклад представлял собой каменное перекрытие в несколько рядов. Верхний уровень камней был установлен вертикально, снизу они опирались на горизонтально уложенные грубые камни.

В северо-восточном подбое (размер 1,9×0,43 м), на дне расчищено скопление кальцинированных костей. Предположительно, останки принадлежали взрослому индивиду[3].

В юго-восточной стороне подбоя найден лепной кувшин, стоящий вертикально с небольшим завалом к северу, ручкой на запад. Кувшин был перекрыт небольшим плоским камнем (рис. 2: *4*). Среди скопления пережжённых костей обнаружены два фрагмента от одного серебряного предмета (рис. 2: *5*).

В юго-западном подбое (размер 1,7×0,6 м) остатков погребения и сопроводительного инвентаря не зафиксировано. Пол подбоя располагался на 9 см ниже дна входной ямы.

Могила 30 (рис. 2: *6*). Представляет собой одноподбойную могилу (размер входной ямы 1,54×0,57 м), подбой располагается с СВ стороны и перекрыт каменным закладом. Заклад состоял из двух крупных уплощенных камней, установленных вертикально, с южной стороны они были подперты навалом из более мелких камней.

На полу подбоя (размер подбоя 1,3×0,6 м, расположен с СВ стороны) расчищено вытянутое скопление кальцинированных костей, размером 0,6×0,2 м. Предположительно, останки принадлежали взрослому мужчине.

В южной части подбоя расчищен лепной кувшин, стоящий вертикально с небольшим завалом к северу, ручкой на запад. Кувшин был перекрыт маленьким плоским камнем (рис. 2: *7*). К востоку от него расчищена крупная кость животного. При выборке заполнения обнаружен фрагмент железного ножа (рис. 2: *8*).

Могила 56 (рис. 2: *9*). Обнаружена на восточной окраине северо-восточной части могильника, ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ (размер входной ямы 1,3×0,45 м). Представляет собой могилу с одним подбоем, вход в который перекрыт каменным закладом, стоящим на грунтовой ступеньке, расположенной вдоль длинной ЮЮЗ стенки входной ямы, шириной 0,35 м и высотой 0,15 м.

Подбой расположен с СВ стороны (размер 1,1×0,47 м), на полу расчищено вытянутое скопление кальцинированных костей, размером 0,6×0,15 м. Останки принадлежат одному взрослому индивиду. Скопление расположено ближе к северной стенке подбоя. Инвентарь в погребении отсутствует.

Могила 62 (рис. 3: *38*). Расположена в центральной части могильника, на стыке ранней и поздней зоны. Представляет собой могилу с двумя подбоями, вход в которые перекрыт камнем. Входная яма ориентирована по линии ЮВ–СЗ (размер 2,12×0,68 м). Заклад в виде нескольких рядов камней, уложенных друг на друга. С юга ряды камня были поджаты бессистемным навалом камней, южный подбой перекрыт крупными вертикально установленными плитами.

На полу северного подбоя (размер 2,3×0,78 м) обнаружено погребение мужчины 35–45 лет, совершенное по обряду ингумации. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток. Череп завален на правый бок. В восточной части подбоя, за черепом зафиксированы остатки органического тлена.

[3] Здесь и далее половозрастные определения выполнены Марией Всеволодовной Добровольской и Наталией Геннадьевной Свиркиной (ИА РАН, Москва).

С южной стороны, у камней заклада, выше погребенного на 40 см обнаружена кость животного, расположенная длинной осью параллельно костяку. С южной стороны от нее расчищен небольшой железный нож, острием в сторону черепа (рис. 3: *49*).

В 15 см к северу от черепа найдена небольшая лепная уплощенная миска с ручками (рис. 3: *40*). В 10 см к западу от черепа лежала большая стеклянная бусина с зеленоватым оттенком (рис. 3: *48*). С юго-запада от черепа находился целый стеклянный бальзамарий (рис. 3: *39*). При снятии костяка, с внешней части правой бедренной кости обнаружены фрагменты серебряного перстня с каменной вставкой (рис. 3: *43*).

В южном подбое (размер 2,2×0,3 м), в восточной части, находились кремированные останки человека (женщина старше 25–30 лет), расположенные в виде небольшого скопления размером 0,4×0,2 м.

В восточной части подбоя обнаружен краснолаковый кувшин, накрытый небольшим камнем (рис. 3: *42*), с запада от него находился фрагментированный стеклянный сосуд (рис. 3: *41*) Между стеклянным и керамическим сосудами расчищены два керамических пряслица (рис. 3: *46, 47*). Непосредственно на кремированных костях располагалась бронзовая фибула с кольцом (рис. 3: *50, 51*), западнее от нее – ножны (рис. 3: *44*) и бронзовая игольница (рис. 3: *45*). Оба предмета не имели следов термической обработки.

Могила 72 (рис. 2: *11*). Расположена в центральной части могильника, на стыке ранней и поздней зоны. Представляет собой одноподбойную могилу. Входная яма ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ (размер 1,65×0,6 м). Подбой располагался с ССВ стороны (размер 1,6×0,4 м), перекрыт крупными камнями в несколько рядов.

В подбое – скопление обугленных кальцинированных фрагментов костей человека, вытянутое по линии ЮВ–СЗ. Размер скопления составляет 0,8×0,2 м.

В ЮВ части подбоя обнаружен небольшой краснолаковый кувшин с узким горлом и шаровидным туловом на кольцевом поддоне, ручка направлена на ЮЗ (рис. 2: *12*). В 3 см к СЗ от него располагалась крупная краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком (рис. 2: *13*). Внутри нее лежала кость животного, ориентированная по линии СВ–ЮЗ.

Могила 78 (рис. 3: *1*). Расположена в центральной части памятника, на стыке ранней и поздней зоны. Представляет собой могилу с одним подбоем, вход в который перекрыт камнем, уложенным друг на друга в несколько рядов. Входная яма ориентирована по линии СЗ–ЮВ (размер 1,44×0,74 м).

Подбой располагался с СВ стороны входной ямы (размер 1,33×0,54 м). На полу, в центральной части находилось истлевшее погребение ребенка (индивид 1), в западной части – скопление кальцинированных костей (кремационное погребение, предположительно, останки принадлежали взрослому индивиду 2).

В восточной части подбоя найден красноглиняный кувшин, повернутый ручкой на юг (рис. 3: *3*), с северной стороны кувшина – стеклянный бальзамарий (рис. 3: *2*). С юга от перечисленных предметов находилась небольшая красноглиняная кружка, ручкой на запад, накрыта камнем (рис. 3: *4*). В 20 см на запад от кувшина выявлено скопление предметов, вытянутое с севера на запад. Слева и справа от истлевшего черепа были найдены фрагменты бронзовых серег (рис. 3: *9, 10*), несколько бронзовых предметов (рис. 9: *12, 13*). Здесь же расчищено скопление стеклянных бус и бисера (рис. 3: *35, 36*), вероятнее всего, от ожерелья. При снятии находок в районе скопления бус и бисера обнаружены молочные зубы и бронзовый предмет (рис. 3: *15*).

К югу от описанного скопления зафиксирован железный нож (рис. 3: *22*), лежавший острием на север. В районе грудного отдела располагалась стеклянная черная орнаментированная бусина (рис. 3: *28*). Рядом с левым запястьем выявлен бронзовый браслет (рис. 3: *7*). С севера от него расчищены фрагменты железного предмета (рис. 3: *27*), к западу от которого – лежало серебряное зеркало (рис. 3: *6*), под которым находилась стеклянная бусина (рис. 3: *33*).

В западной части погребальной камеры на кальцинированных костях и рядом с ними

зафиксированы различные предметы. Ограничивал группу с востока спёкшийся фрагмент кольчуги (рис. 3: *26*) и стеклянная орнаментированная бусина (рис. 3: *37*). Поверх пережжённых костей были уложены: бронзовая серьга (рис. 3: *11*), керамическое пряслице (рис. 3: *30*), бронзовая игла (рис. 3: *24*), железный ключ (рис. 3: *25*), фрагменты железной кольчуги (рис. 3: *23*). С запада от скопления пережжённых костей расчищены: расколотое керамическое пряслице (рис. 3: *29*), свинцовое зеркало (рис. 3: *8*), светлоглиняный сосуд (рис. 3: *5*), бронзовая обойма (рис. 3: *14*). И все это присыпано разного рода бусинами и бисером (рис. 3: *31, 32, 34*).

При снятии каменного заклада в западной части могильной ямы обнаружены бронзовые части от шкатулки – пластина с отверстием, скобы, запорная часть (рис. 3: *16, 17, 19–21*). Ригель от шкатулки располагался на кальцинированных костях (рис. 3: *18*).

Могила 84 (рис. 2: *10*). Расположена в центральной части некрополя, на стыке ранней и поздней зоны. Представляет собой могилу с одним подбоем, вход в который был перекрыт камнем, наваленным в несколько рядов. Входная яма ориентирована по линии ЮВ–СЗ (размер 0,87×0,57 м).

Подбой располагался с северной стороны от входной ямы (размер 0,8×0,3 м), на его полу скопление обугленных кальцинированных фрагментов костей человека, вытянутое по линии ЗСЗ–ВЮВ. Размер скопления составляет 80×20 см. Предположительно, останки принадлежали мужчине старше 30–35 лет.

Могила 112 (рис. 4: *1*). Располагается в северо-восточной части ранней зоны некрополя. Представляет собой могилу с одним подбоем, вход в который был перекрыт камнем. Входная яма ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ (размер 2,4×0,5 м). Заклад представлял собой 2–3-х уровневый завал камней, занимавших всю площадь входной ямы.

Верхний уровень камней в западной и восточной части заклада был установлен вертикально и опирался на нижний горизонтальный ряд камней. В южной половине входной ямы камни уложены бессистемно.

Подбой располагался с СВ стороны входной ямы (размер 2,4×0,45 м). На полу – погребение, вероятно, женское (25–29 лет), совершенное по обряду ингумации. Погребенная лежала вытянуто на спине с сильным разворотом туловища на правый бок. Левая рука согнута в локтевом суставе под углом, близким к прямому.

В восточной части камеры, за черепом зафиксированы остатки органического тлена. Здесь же, у северной стенки стоял краснолаковый кувшин, накрытый сверху необработанным сколом камня (рис. 4: *2*).

Вплотную к восточной стенке в центральной части располагался железный нож, острием на СЗ (рис. 4: *22*). Рядом, у стенки в 5 см к югу от ножа находилась группа предметов от шкатулки (рис. 4: *59–61*), в том числе бронзовый ключ (рис. 4: *21*).

В 3 см к востоку от черепа, между черепом и тленом были обнаружены два керамических пряслица (рис. 4: *7, 9*).

Вплотную к затылочной кости, с ЮВ находилась смычковая фибула (рис. 4: *54*), под ней бронзовая накладка (рис. 4: *23*). В месте схождения нижней челюсти и черепной коробки найдена бронзовая серьга (рис. 4: *45*). Под нижней челюстью, в районе шейных позвонков обнаружено ожерелье из бус, среди которых выделялись прямоугольные плоские (рис. 4: *39, 47, 48*). Рядом с ними, с востока лежал стеклянный бальзамарий (рис. 4: *4*). Возле правого плечевого сустава расчищено компактное скопление смычковых фибул целых и фрагментированных (рис. 4: *26, 27*). Здесь же было расположено скопление стеклянных бус (рис. 4: *57*).

В 5 см к северу от левого локтевого сустава обнаружено компактное скопление различных предметов. В южной части несколько массивных стеклянных бусин (рис. 4: *5, 6*), возле них керамическое пряслице (рис. 4: *24*). В северной части скопления бронзовая бусина (рис. 4: *15*), которая лежала на керамическом пряслице (рис. 4: *25*). Вплотную с востока к скоплению расположена бронзовая пряжка (рис. 4: *8*). К востоку от пряжки находился деформированный бронзовый перстень (рис. 4: *10*). К ЮВ от перстня расчищена бронзовая подвеска с кольцом (рис. 4: *13,*

14). К востоку были расположены бронзовая фибула с продетым в нее кольцом (рис. 4: *28*), бронзовая игла (рис. 4: *35*). К ЮЗ от кольца фибулы, слегка заходя под него, лежала бронзовая пряжка (рис. 4: *34*). Вплотную с юга к кольцу подвески зафиксирована массивная бронзовая бусина (рис. 4: *18*). С запада от нее обнаружен железный предмет (рис. 4: *41*) и бронзовая бусина (рис. 4: *16*). Здесь же находилась крупная стеклянная бусина (рис. 4: *29*).

В процессе снятия описанных бронзовых украшений под ними были зафиксированы другие изделия, среди которых: бронзовая подвеска (рис. 4: *11*), фрагменты подвески (рис. 4: *40*), две бронзовых пряжки (рис. 4: *31, 32*), бронзовая подвеска (рис. 4: *12*), бронзовая бусина (рис. 4: *17*), фрагмент пряжки (рис. 4: *33*), фаянсовая бусина (рис. 4: *30*).

На левое запястье был надет серебряный браслет (рис. 4: *20*). На кисти левой руки было обнаружено три бронзовых перстня, расположенных в ряд с севера на юг (рис. 4: *52, 50, 58*). Здесь же, на фалангах пальцев находилась стеклянная каплевидная вставка (рис. 4: *36*). В 5 см к востоку от браслета друг на друге лежало три бронзовых перстня со вставками (рис. 4: *46, 49, 56*) и один без вставки (рис. 4: *38*).

В 10 см к северу от бедренных костей правой ноги располагался стеклянный сосуд устьем к СВ (рис. 4: *3*). На правом крыле таза расчищена фрагментированная лучковая фибула (рис. 4: *19*). На фалангах пальцев правой кисти было обнаружено два перстня со вставками (рис. 4: *51, 55*), к СЗ от них найдены еще два перстня, вероятнее всего, когда-то надетых на один палец (рис. 4: *37, 53*).

В процессе снятия костей, под черепом была зафиксирована серебряная серьга (рис. 4: *44*). В смещенном грунте были найдены фрагменты бронзовых колец (рис. 4: *42, 43*).

При снятии камней заклада в восточной половине входной ямы, на одном из крупных камней обнаружилось скопление горелых кальцинированных фрагментов костей (рис. 4: *1*). Скопление находилось между вторым и третьим уровнями камней, в 20 см от восточной стенки и в 30 см от южной стенки входной ямы. Точный размер скопления определить невозможно, так как часть костей была перемещена в процессе снятия камней. Вероятно, кремация занимала площадку 50×25 см. Предположительно, останки принадлежали взрослому индивиду. Вещей рядом с кремационным погребением не обнаружено.

Могила 184 (рис. 5: *1*). Располагается в северо-восточной части ранней зоны могильника. Представляет собой одноподбойную могилу. Входная яма ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ (размер 2,1×0,6 м). Заклад представлял собой 2–3-х уровневый завал камней. В основном, камни были расположены в два ряда. Ряд, примыкающий к камере, состоял из горизонтально уложенных камней. Подпирающий их с юга ряд навален бессистемно. Вдоль южной стенки камни отсутствовали.

Подбой располагался с СВ стороны входной ямы, его размер 2,3×0,5 м, в нем расчищено двойное погребение. На полу подбоя вытянуто на спине – погребение человека (индивид 1), на грудном отделе которого располагалось компактное скопление кальцинированных костей (индивид 2), вытянутое по линии З–В, размером 0,5×0,25 м.

Индивид 1 (женщина 20–29 лет) ориентирован головой на ВЮВ, левая рука слегка согнута в локтевом суставе. Кисть покоилась между верхних частей бедренных костей. Ноги вытянуты и сведены в коленных суставах. Берцовые кости расположены параллельно, вплотную друг к другу. Останки индивида 2, предположительно, принадлежали взрослому мужчине. Анатомический порядок костей индивида 1 не нарушен, как и каменный заклад, это дает основание предположить, что двойное погребение было совершено одновременно.

Сопроводительный инвентарь располагался за черепом, на груди и в районе ног.

В 10 см к востоку от черепа компактно лежали детали бронзовой шкатулки (рис. 5: *35, 36, 45*). С юга скопление ограничивал бронзовый ключ (рис. 5: *37*), рабочим концом он был обращен к северу, к остальным элементам шкатулки. Между ключом и скоплением лежали стеклянные бусины (рис. 5: *4, 6, 7*). Под фрагментами шкатулки была обнаружена бронзовая антропо-

морфная подвеска (рис. 5: *19*). К югу от черепа была обнаружена нижняя часть стеклянного бальзамария, горло которого было расположено на черепе (рис. 5: *3*). В районе шейных позвонков расчищена россыпь бус и подвеска (рис. 5: *8, 17*).

На грудном отделе после снятия кремированного погребения выявлено большое количество различных предметов. Вероятнее всего, часть предметов относится к индивиду 2. На центральной части грудной клетки обнаружено скопление стеклянных бус и пронизей (рис. 5: *11, 14–16, 18*). На правой стороне грудной клетки находилась бронзовая лучковая фибула с бронзовым кольцом (рис. 5: *25*). Вплотную к фибуле с запада, слегка заходя под нее, была расположена вторая лучковая фибула (рис. 5: *26*). Внутри рамки последней – бронзовая смычковая фибула (рис. 5: *20*). Острие иглы обращено к западу.

С севера от западной лучковой фибулы лежало бронзовое зеркало (рис. 5: *27*). Под ним находились следующие предметы: крупная стеклянная бусина (рис. 5: *5*), бронзовый диск с отверстием по центру и скрепленные проволокой бронзовые пластинки – фрагмент бронзового изделия (рис. 5: *42, 43*), бронзовый ключ (рис. 5: *51*).

К СВ от правого плечевого сустава лежала бронзовая лучковая фибула (рис. 5: *34*), острием иглы ориентированная к востоку. Рядом с ней находилось скопление стеклянных бус (рис. 5: *9, 10*). На правом локтевом суставе, кольцом к востоку, обнаружена бронзовая игольница (рис. 5: *30*). Изначально игольница бала расположена на футляре для ножа (?), от которого сохранилась только бронзовая обкладка (рис. 5: *29*). Обкладка вытянута по линии СЗ–ЮВ и пересекала сверху правую руку в районе локтевого сустава. На одной из пластинок футляра обнаружены две бронзовые смычковые фибулы (рис. 5: *33, 44*). В районе обкладки также найдены несколько стеклянных бус (рис. 5: *12, 13*).

На правое запястье был надет бронзовый браслет (рис. 5: *38*). В 3 см к ЮВ от браслета на нижней половине правых локтевых костей располагались смычковая фибула (рис. 5: *49*) и бронзовая игла, острием ориентированная на ЮЗ (рис. 5: *47*).

На фалангах пальцев правой кисти обнаружено два перстня со стеклянными вставками (рис. 5: *39, 40, 41*), фрагментированное серебряное кольцо (рис. 5: *32*).

Вплотную с севера к левой плечевой кости найден железный нож (рис. 5: *28*). На левой кисти располагались: на большом пальце – бронзовый щитковый перстень (рис. 5: *50*), на безымянном – перстень со вставкой (рис. 5: *46, 48*), на мизинце – серебряное витое кольцо (рис. 5: *31*). Рядом с фалангами пальцев обнаружено керамическое биконическое пряслице (рис. 5: *21*).

В районе ног найдены: с юга от правой бедренной кости – керамическое пряслице (рис. 5: *22*), еще два пряслица с юга от левой бедренной кости (рис. 5: *23, 24*). Поперек берцовых костей – кость животного, лежавшая по линии север-юг.

Вплотную к западной стенке подбоя на боку, устьем к югу, ручкой к востоку находился краснолаковый кувшин (рис. 5: *2*).

Могила 215 (рис. 4: *71*). Располагается в северо-восточной части ранней зоны могильника. Представляет собой могилу с одним подбоем. Входная яма ориентирована по линии СЗ–ЮВ (размер 1,2×0,65 м). Подбой совершен в СВ стенке входной ямы, его размер 1,2×0,33 м. Заклад представлял собой каменный навал, занимавший практически всю площадь входной ямы.

На полу подбоя обнаружено кремационное погребение, представленное компактным скоплением кальцинированных фрагментов человеческих костей. Скопление имело овальную форму, вытянутую с запада на восток, размером 0,75×0,25 м. Фрагменты костей черепа располагались с восточной стороны скопления. Предположительно, останки принадлежали мужчине старше 40 лет.

Вплотную к восточной стенке подбоя на боку лежал фрагментированный краснолаковый кувшин (рис. 4: *72*). Рядом с сохранившимися фрагментами черепа обнаружены расположенные параллельно железный нож, (рис. 4: *74*) и кость животного, лежавшие по линии ЮВ-СЗ. На восточной половине кремации была найдена фрагментированная стеклянная бусина (рис. 4: *73*).

Могила 243 (рис. 4: *62*). Располагается в северо-восточной части ранней зоны

некрополя. Представляет собой двуподбойную могилу, вход в подбои перекрыт камнем. Входная яма ориентирована по линии В–З (размер 2,15×0,7 м). У южной стенки заклад фиксируется на всю длину входной ямы, представлен уплощенными камнями, поставленными вертикально. У северной стенки заклад концентрируется в центральной части, состоит из уплощенных камней. Между перекрытием северного и южного подбоев зафиксирован каменный бессистемный наброс.

Северный подбой размером 1,7×0,4 м. На полу подбоя выявлено вытянутое по линии восток–запад скопление кальцинированных костей размером 0,6×0,2 м. Останки принадлежали взрослому индивиду. Инвентарь отсутствует.

Южный подбой размером 2,2×0,55 м, на его полу находилось погребение, вероятно женское (35–39 лет), вытянутое на спине, головой на СВ. Сохранность костей плохая, череп раздавлен, кости таза, ребер и позвоночника не сохранились.

В ЮВ углу камеры обнаружен краснолаковый кувшин, накрытый камнем (рис. 4: *63*). На груди погребенной расчищена лучковая бронзовая фибула (рис. 4: *69*). В центральной части, на месте предполагаемого расположения позвоночника найдена бронзовая смычковая фибула (рис. 4: *64*).

С внешней стороны правой бедренной кости стоял раздавленный стеклянный сосуд (рис. 4: *68*), к востоку от него лежал бронзовый перстень со стеклянной вставкой (рис. 4: *65*). Между берцовых костей зафиксировано серебряное кольцо (рис. 4: *66*). При разборе костей черепа выявлена бронзовая серьга (рис. 4: *67*) и железный нож (рис. 4: *70*).

Могила 281 (рис. 5: *52*). Располагается на краю западной части ранней зоны некрополя. Представляет собой одноподбойную могилу, входная яма ориентирована по линии СЗ–ЮВ (размер 2,1×0,55 м). Заклад представлял собой один ряд небольших камней, уложенных горизонтально вдоль восточной половины ямы. На остальной площади камни не обнаружены.

Подбой совершен в СВ стенке входной ямы, его размер 2,2×0,55 м. В подбое совершено двойное захоронение. На полу обнаружено мужское погребение (индивид 1, 40–49 лет), вытянутое на спине. На берцовых костях располагалось компактное скопление кальцинированных костей (индивид 2, взрослый), вытянутое по линии ЗСЗ–ВЮВ, размером 0,4×0,3 м.

В СВ углу подбоя, вплотную к стенке вертикально стоял краснолаковый кувшин (рис. 5: *53*). Горло закрыто крышкой, представленной необработанным сколом камня. В 2 см к ЮЗ от кувшина была размещена массивная кость животного, ориентированная по линии ЗСЗ–ВЮВ. Между кувшином и черепом погребенного располагалась краснолаковая миска (рис. 5: *54*). В миске находился железный нож, острием к востоку (рис. 5: *59*).

На центральной части правой половины грудной клетки найдена фрагментированная бронзовая смычковая фибула (рис. 5: *58*).

На СВ краю кремационного скопления костей обнаружен фрагментированный железный нож (рис. 5: *60*). К югу от ножа, на восточном краю скопления расчищен железный элемент шкатулки (рис. 5: *57*). В западной половине скопления, среди костей, зафиксирована фрагментированная железная пластина (рис. 5: *57*). В центральной части скопления лежали фрагменты краснолакового сосуда (рис. 5: *55*). На железных предметах из скопления костей имелись следы пребывания в огне.

В ходе разбора костей индивида 2 был найден фрагментированный бронзовый браслет (рис. 5: *56*).

Могила 295 (рис. 5: *63*). Располагается в северной части ранней зоны некрополя. Представляет собой одноподбойную могилу, вход в подбой перекрыт камнем. Входная яма ориентирована по линии СЗ–ЮВ (размер 1,3×0,67 м). В восточной части подбой перекрыт крупным уплощенным камнем, подпертым менее крупным. В западной части подбой перекрыт навалом мелких камней.

Подбой совершен в СВ стенке входной ямы, его размер 1,3×0,35 м. На полу подбоя обнаружено кремационное погребение, представленное компактным скоплением горелых кальцинированных фрагментов человеческих костей. Скопление име-

ло вытянутую с СЗ на ЮВ форму, размером 0,65×0,3 м. Останки принадлежали взрослому индивиду

В южном углу подбоя обнаружены фрагменты железного предмета (рис. 5: *61*). В центральной части подбоя у северной стенки, на кальцинированных костях, найден маленький стеклянный бальзамарий (рис. 5: *62*).

Датировка

Всего на памятнике выявлено 14 могил, содержащих в себе кремационные погребения. Из них 12 имеют сопроводительный материал, позволяющий определить время их совершения.

Наиболее ранними являются могилы 4, 281, 215, 295, которые можно датировать в рамках II в. н. э. Время сооружения могилы 281 определяют керамические сосуды. Тарелка формы 4.2 (здесь и далее – форма по классификации Д. В. Журавлева 2010 г.) относится ко II – первой половине III в., кувшин формы 23 – к первой – третьей четвертям II в. (*Журавлев*, 2010. С. 46–47, 85). В могиле 215 более узкую дату возможно установить по краснолаковому кувшину, морфологически близкому форме 30. По материалам могильника Бельбек IV сосуд датируется первой половиной II в. (*Журавлев*, 2010. С. 88).

В могиле 295 на дату в рамках II в. может указывать стеклянный бальзамарий, обнаруженный на костях кремации. По классификации Куниной/Сорокиной они датируются началом I – началом II в. н. э. (*Кунина, Сорокина,* 1972. С. 169). Однако, будучи одной из самых простых в исполнении форм, они, скорее всего, могли бытовать на протяжении всего римского периода. Учитывая тот факт, что могила находилась на участке с погребениями II в. н. э., ее можно отнести именно к этому времени.

Могилы 28, 30, 62, 72, 78, 112, 184, 243 по набору инвентаря и расположению на могильнике могут быть отнесены к концу II – первой половине III в.

В могилах 62, 72, 78, 112, 184, 243 обнаружены краснолаковые сосуды, которые бытовали в конце II – первой половине III в.: кувшины форм 4, 20.1 и 39, кружки формы 1, тарелки формы 4.2 (*Журавлев*, 2010. С. 46–47, 77, 83–84, 89–92). Некоторые из этих сосудов (кувшины формы 4, а также кружки и тарелки) имеют более широкую датировку, однако на Фронтовом 3 они входят в набор посуды, характерной для наиболее поздней зоны периода 1 (*Суханов*, 2021. Рис. 5).

В могиле 62 к этому же времени относятся находки бронзовой игольницы и фрагментов футляра от ножа, которые характерны для памятников Юго-Западного Крыма II – первой половины III в. н. э. (*Храпунов*, 2011. С. 41).

В могилах 112, 243 обнаружены одночленные лучковые фибулы «инкерманского» типа, серии 2 по А. К. Амброзу, которые могут быть датированы второй половиной II–III в. н. э. (*Амброз,* 1966. С. 52). В могиле 184, помимо одночленной фибулы, обнаружены две двучленные, одна из них с расширенной ножкой, относящиеся к серии 3 по А. К. Амброзу, датирующиеся первой половиной III в. н. э. (*Амброз,* 1966. С. 52).

В погребениях 184, 78, 112 обнаружены фрагменты от шкатулок. Ригели относятся к одному типу по А. А. Труфанову – ригели в виде гермы с обозначенными гениталиями, с выделенными плечами и выступами на месте рук, которые датируются серединой II – первой половиной III в. н. э. (*Труфанов,* 2020. С. 170).

В могиле 184 указанные даты подтверждает бальзамарий, который по классификации Куниной/Сорокиной относится ко II – первой половине III в. (*Кунина, Сорокина,* 1972. С. 160, 161. Рис. 1). На этот же период указывают зеркала с рельефным орнаментом, которые относятся к более позднему варианту типа 9 по классификации А. М. Хазанова и могут быть датированы II–III вв. н. э. (*Хазанов*, 1963. С. 65–67. Рис. 4; *Храпунов*, 2011. С. 37). Здесь же обнаружено зеркало с тамгообразным знаком. Подобные зеркала, по сведениям А. А. Труфанова, редки для Крымской Скифии и относятся к поздним вариантам, которые известны в захоронении конца II – середины III в. в могильнике Курское (*Труфанов,* 2007. С. 179. Рис. 6, *35*). Не противоречат указанным датам футляр для ножен, который имеет аналоги в погребениях первой половины – середины III в. из могильников Нейзац

и Дружное (*Храпунов*, 2011. С. 41). На позднюю дату указывает обнаруженный в могиле 184 ключ с расширением-упором у основания «ножки», подобные обнаружены в могиле 835 могильника Усть-Альма, датированной первой половиной III в. (*Труфанов*, 2020. С. 175).

В могиле 112 обнаружены пряжки, которые имеют аналогии в памятниках Крыма второй половины II – первой половины III в. н. э. (*Стоянова*, 2011. С. 118; *Костромичев,* 2006. С. 62. Рис. 8, *1*). Некоторые предметы, найденные здесь же, могут свидетельствовать о более широких датировках, к ним относятся шишковидные подвески, которые датируются в пределах II – первой половины III в. (*Храпунов*, 2011. С. 39), а также литая подвеска, для которых А. А. Труфанов периодом массового бытования определяет последнюю треть I–II в. н. э. (*Труфанов*, 2011. С. 251–260). Этим же временем датируются и антропоморфные подвески, из могилы 184, которые для могильника Нейзац известны в погребениях конца II – первой половины III в. (*Стоянова*, 2019. С. 133). В целом, подобные предметы в памятниках региона позднее III в. не встречаются (*Стржелецкий и др.*, 2003–2004. С. 179).

Погребения в могилах 56 и 84 совершены без сопроводительного инвентаря. Найденные в могилах 28 и 30 лепные сосуды имеют широкие даты. Поэтому обозначенные могилы по своему расположению на могильнике могут быть отнесены к периоду конца II – первой половины III в.

В частности, могилы 28, 30, 84 могут быть датированы первой половиной – серединой III в. н. э. так как они находятся среди погребений финала первого периода существования могильника, в зоне, где фиксируется смена одночленных лучковых фибул двучленными (*Гавритухин и др.,* 2020. С. 93. Рис. 1, е, ж), поэтому Могила 56 может быть датирована этим же временем по своему местоположению. Она располагается на восточном краю восточного «лепестка» ранней зоны могильника, для которой характерны погребения, датируемые концом II – первой половиной III в. Подтверждает это и краснолаковая посуда, датирующаяся концом II – первой половиной III в. Могилы с подобными керамическими комплексами концентрируются на восточной или южной периферии восточного «лепестка» (*Суханов*, 2021. С. 219. Рис. 5, *6*).

Кремационные погребения в подбойных могилах на некрополе имеют некоторую вариативность. При этом, для более ранних зон могильника, которые можно соотнести с концом I–II в. н. э., наблюдаются различные способы размещения кремированных останков в могиле – отдельно в амфоре (могила 4), в ногах ингумированного погребения (могила 281), на груди ингумированного погребения (могила 184), кремация среди камней заклада (могила 112), кремация в отдельной камере (могила 215). Для погребений конца II – середины III в., расположенных на крайнем востоке и юге восточного «лепестка», а особенно на стыке ранней и поздней зоны могильника вариативность практически исчезает. Превалирующим способом погребения становится расположение погребенных в отдельном подбое, который расположен либо с северной стороны (7 могил), либо с южной (1 могила). В одном случае сохранилась традиция биритуального обряда, в подбойной детской могиле располагались кремированные кости взрослого индивида.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К., 1966. Фибулы Юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. М: Наука. 112 с. (САИ. Вып. Д1-30).

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму // Российская археология. № 2. С. 91–110.

Журавлев Д. В., 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь. 320 с.

Костромичев Д. А., 2006. Римское военное снаряжение из Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XII. С. 43–128.

Кунина Н. З., Сорокина Н. П., 1972. Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XIII. С. 146–177.

Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2019. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 255. С. 185–201.

Стоянова А. А., 2011. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля. С. 115–151.

Стоянова А. А., 2019. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). 20 лет исследований могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 122–165.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2003–2004. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum Plus. № 4. С. 27–277.

Суханов Е. В., 2021. Краснолаковая керамика конца I – первой половины III в. из могильника Фронтовое 3 (хронологический и планиграфический анализ) // Stratum Plus. № 4. С. 211–220.

Труфанов А. А., 2007. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика / Ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 173–186.

Труфанов А. А., 2011. Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых веков н. э. // Stratum Plus. № 4. С. 251–260.

Труфанов А. А., 2020. Металлические детали шкатулок из варварских погребений Крыма I–IV вв. н. э. // История и археология Крыма. Вып. 12. С. 163–200.

Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. № 4. С. 58–71.

Храпунов И. Н., 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля. С. 13–114.

Язиков С. В., Свиридов А. Н., Алейников С. В., 2019. Раскопки могильника первых веков новой эры Фронтовое 3 // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 2. М.: Институт археологии РАН. С. 277–313.

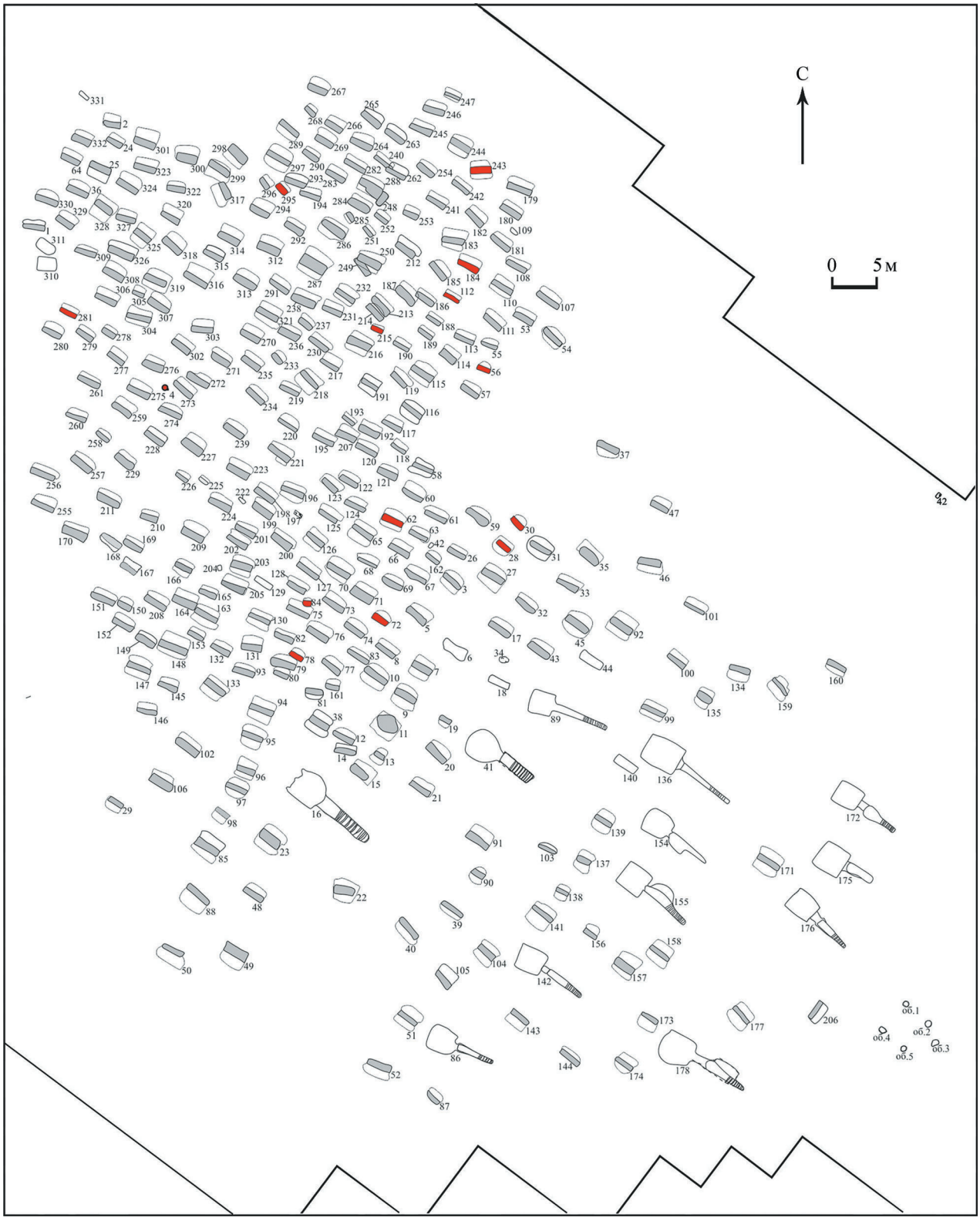

Рис. 1. План могильника Фронтовое 3 с обозначением местоположения кремационных погребений

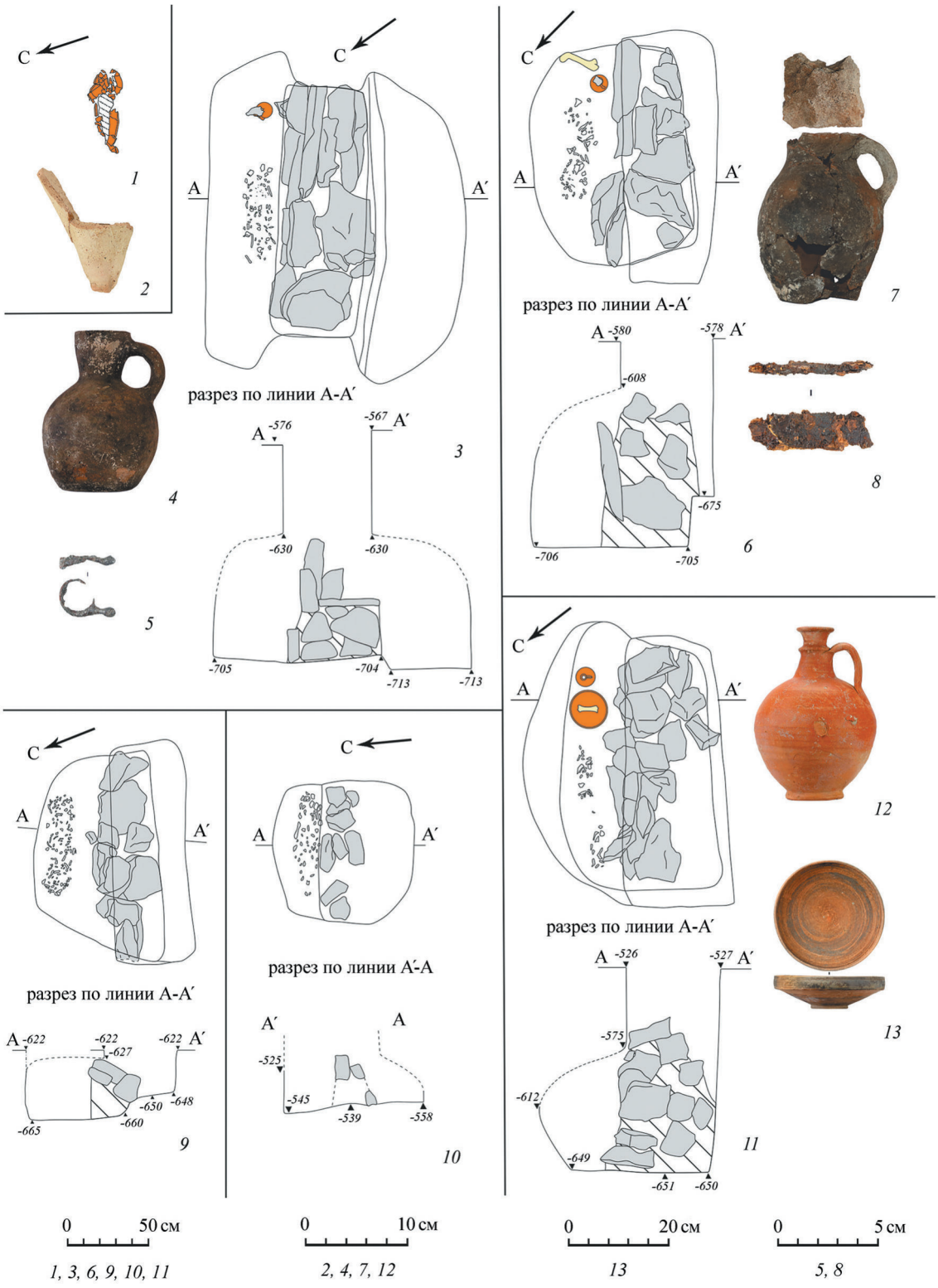

Рис. 2. Планы, разрезы и находки из погребений. *1* – могила 4; *2* – фрагмент амфоры; *3* – план и разрез могилы 28; *4* – кувшин лепной; *5* – предмет серебряный; *6* – план и разрез могилы 30; *7* – кувшин лепной с крышкой; *8* – фрагмент железного ножа; *9* – план и разрез могилы 56; *10* – план и разрез могилы 84; *11* – план и разрез могилы 72; *12* – кувшин краснолаковый; *13* – тарелка краснолаковая

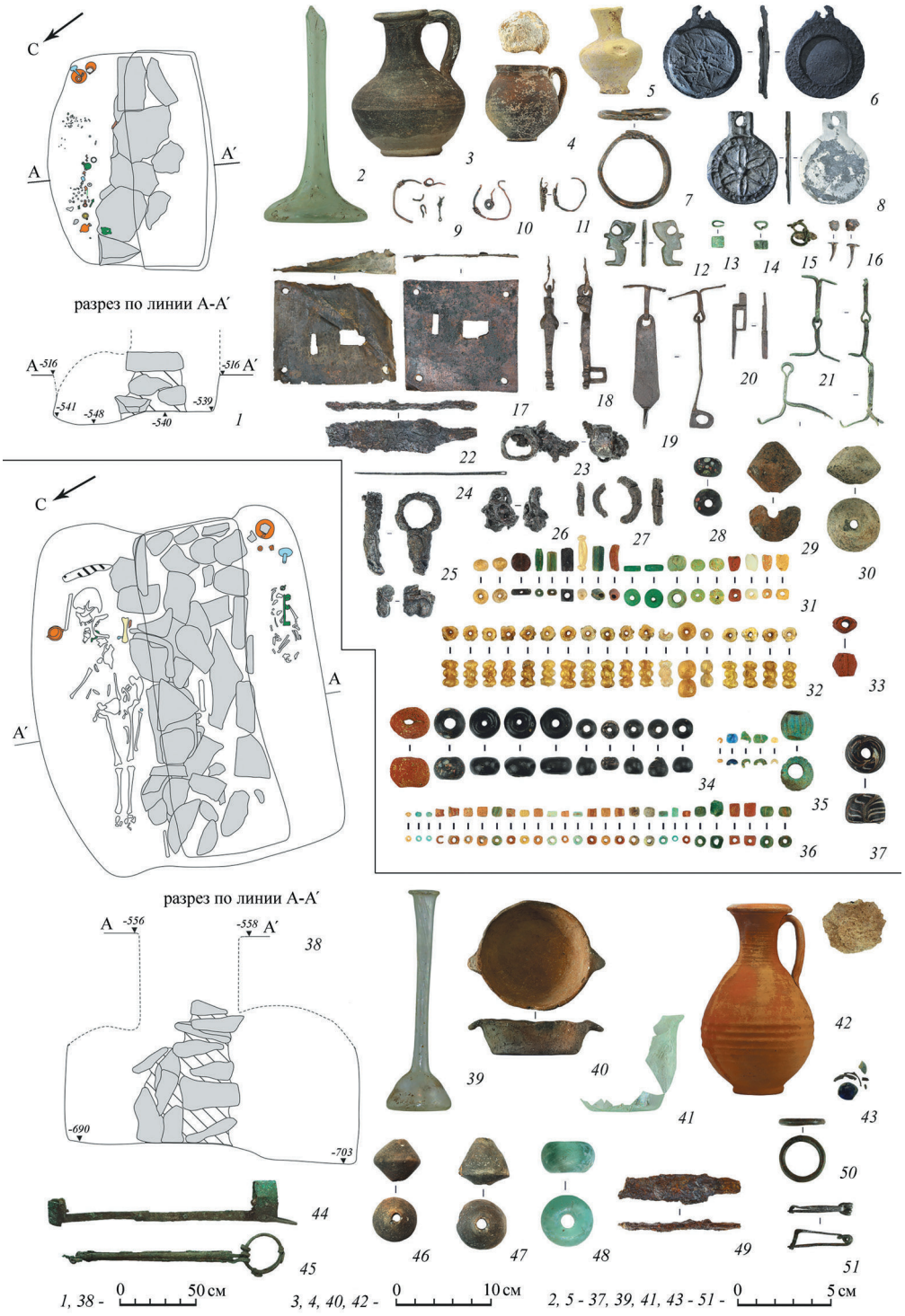

Рис. 3. Планы, разрезы и находки из погребений. *1* – план и разрез могилы 78; *2, 39* – бальзамарий стеклянный; *3* – кувшин красноглиняный; *4* – кружка красноглиняная; *5* – унгвентарий светлоглиняный; *6* – зеркало серебряное; *7* – браслет бронзовый; *8* – зеркало свинцовое; *9–11* – серьга бронзовая; *12* – накладка бронзовая; *13–15* – предметы бронзовые; *16–21* – фрагменты от шкатулки, бронзовые; *22, 49* – нож железный; *23, 26* – фрагмент железной кольчуги; *24* – игла бронзовая; *25* – ключ железный; *27* – фрагмент железного предмета; *28, 31–37, 48* – бусы; *29, 30, 46, 47* – пряслице керамические; *38* – план и разрез могилы 62; *40* – миска лепная; *41* – сосуд стеклянный; *42* – кувшин краснолаковый; *43* – вставка стеклянная с фрагментами оправы; *44* – обойма ножен, бронзовая; *45* – игольница бронзовая; *50* – кольцо бронзовое; *51* – фибула смычковая бронзовая

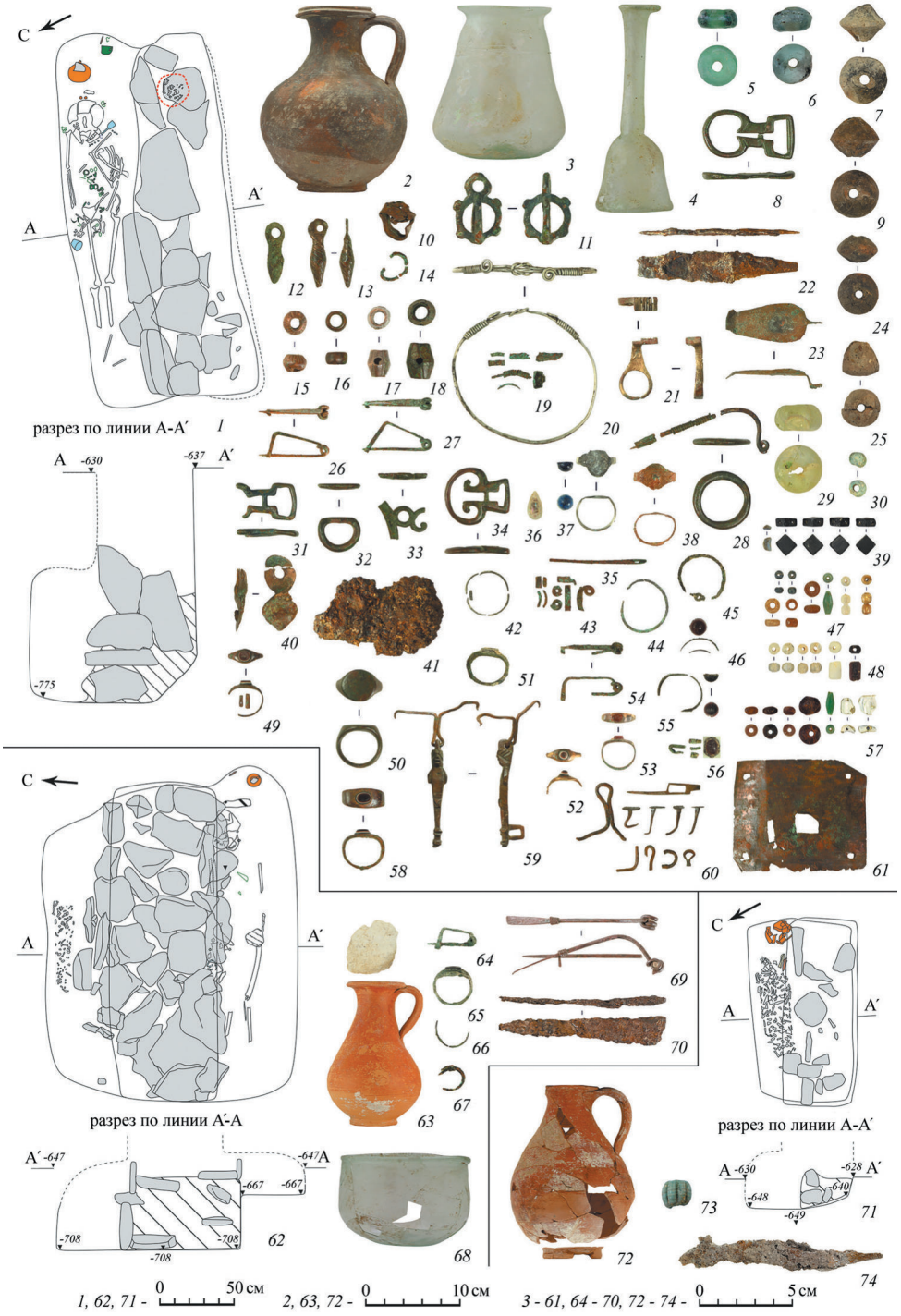

Рис. 4. Планы, разрезы и находки из погребений. *1* – план и разрез могилы 112; *2, 63, 72* – кувшин краснолаковый; *3, 68* – сосуд стеклянный; *4* – бальзамарий стеклянный; *5, 6, 29, 30, 39, 47, 48, 57, 73* – бусы; *7, 9, 24, 25* – пряслице керамическое; *8, 31–34* – пряжка бронзовая; *10, 38, 50* – перстень бронзовый; *11–13, 40* – подвеска бронзовая; *14* – кольцо бронзовое; *15–18* – бусина бронзовая; *19* – фрагменты бронзовой фибулы; *20* – браслет серебряный; *21* – ключ бронзовый; *22, 70, 74* – нож железный; *23* – накладка бронзовая; *26, 27, 54, 64* – фибула смычковая бронзовая; *28* – фибула лучковая с кольцом, бронзовая; *29, 30, 39, 47, 48, 57* – бусина; *36* – вставка стеклянная; *37, 45, 49, 51–53, 55, 56, 58, 65* – перстень бронзовый со вставкой; *41* – предмет железный; *42, 43, 46* – кольцо бронзовое; *44* – серьга серебряная; *45, 67* – серьга бронзовая; *59–61* – фрагменты шкатулки; *62* – план и разрез могилы 243; *66* – кольцо серебряное; *67* – серьга бронзовая; *69* – фибула лучковая бронзовая; *71* – план и разрез могилы 215

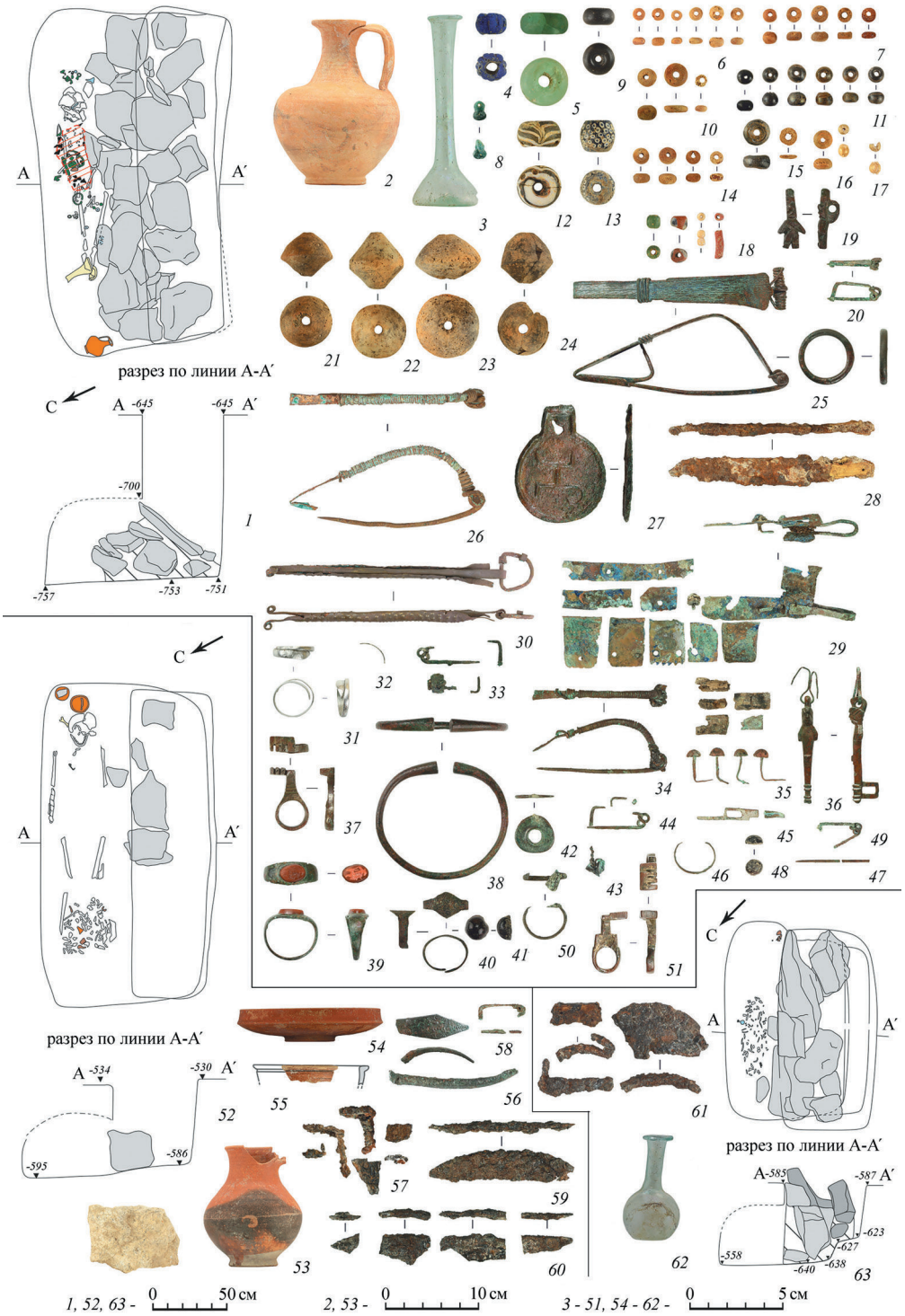

Рис. 5. Планы, разрезы и находки из погребений. *1* – план и разрез могилы 184; *2, 53* – кувшин краснолаковый; *3, 62* – бальзамарий стеклянный; *4–18* – бусы; *19* – подвеска бронзовая; *20, 33, 44, 49, 58* – фибула смычковая бронзовая; *21–24* – пряслице керамическое; *25* – фибула лучковая бронзовая с кольцом; *26, 34* – фибула лучковая бронзовая; *27* – зеркало бронзовое; *28, 59, 60* – нож железный; *29* – футляр от ножа, бронзовый; *30* – игольница бронзовая; *31, 32* – кольцо серебряное; *33, 44, 49* – фибула смычковая бронзовая; *35, 36, 45, 57* – фрагменты шкатулки; *37, 51* – ключ бронзовый; *38* – браслет бронзовый; *39, 40, 41, 46, 48* – перстень бронзовый со вставкой; *42, 43* – подвеска бронзовая; *50* – перстень бронзовый; *52* – план и разрез могилы 281; *54* – миска краснолаковая; *55* – фрагмент краснолакового сосуда; *56* – фрагмент бронзового браслета; *61* – фрагменты железного предмета; *63* – план и разрез могилы 295

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.86-94

РЕДКИЕ ОПУХОЛИ ЧЕРЕПА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3 (К ОБСУЖДЕНИЮ ЭТИОЛОГИИ)[1]

Добровольская Мария Всеволодовна
Институт археологии РАН, Москва, Россия,
Свиркина Наталия Геннадиевна
Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация: Выявление и изучение боевых травм – особое направление палеопатологических исследований, которое позволяет составить мнение о характере ведения боевых действий. Статья представляет новые данные о новообразованиях на своде черепа индивидов из погребений могильника Фронтовое 3. На основании радиологического исследования черепов сделано заключение о доброкачественности новообразований. Анализируется гипотеза о посттравматическом происхождении опухолей.

Ключевые слова: остеомы, микрофокусная рентгенография, римское время, Северное Причерноморье

RARE TUMOURS OF THE CRANIAL BONES FROM THE BURIALS IN THE CEMETERY OF FRONTOVOE 3 (DISCUSSING THE ETIOLOGY)

Dobrovol'skaia, Mariia Vsevolodovna
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Svirkina, Nataliia Gennadievna
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: Identification and analysis of battle traumas is a special field of palaeopathological research, which allows the one to form an opinion on the nature of battle actions. This paper supplies new data on the neoplasms on the cranial vaults of individuals buried in the cemetery Frontovoe 3. The radiological examination of the skulls is the background for the conclusion that these were benign neoplasms. The hypothesis of the posttraumatic origin of the tumours in question has been analysed.

Keywords: osteomas, microfocus X-ray radiography, Roman Period, Northern Black Sea Area

Введение

Палеопатологические исследования зарекомендовали себя как необходимый компонент изучения древнего населения, без которого представление о реальных исторических особенностях жизни людей сильно ограничены. Особое место в палеопатологических исследованиях занимает изучение травм боевого и бытового характера. Эти работы важны для реконструкции уровня и характера агрессии в древних обществах, а также в ряде случаев помогают установить причины смерти индивидов или вид их деятельности.

Цель исследования – представить данные о доброкачественных новообразова-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

ниях на теменных костях взрослых мужчин и женщин из могильника Фронтовое 3. В ряде случаев патологические проявления связаны с посттравматическими процессами. В свою очередь, выявление травм предоставляет независимую информацию об уровне агрессии в социуме, а также о видах ведения боевых действий. Были применены методы визуальной оценки, компьютерной томографии и микрофокусной рентгенографии. Обнаружены два случая крупных новообразований, имеющих схожую локализацию: теменная кость в месте контакта с чешуей височной кости. Размеры новообразований сходные. Они выявлены у мужчины старше 45 лет и женщины старше 50 лет. Диагностированы доброкачественные опухоли. Значение исследования состоит в представлении первых случаев подобных новообразований, описанных для представителей «варварского мира» римского времени в Северном Причерноморье. В качестве гипотезы рассматривается посттравматическая этиология. Редкие случаи подобных опухолей затрудняют обоснование причин их возникновения. Видится перспектива расширить сбор материалов по встречаемости остеом и других доброкачественных опухолей на костях свода черепа в контексте индивидуальных биоархеологических реконструкций, описывающих половозрастные характеристики, образ жизни, состояние здоровья и формы физической активности человека.

Первая половина I тыс. н. э. в истории Северного Причерноморья связана со значительными военными конфликтами. Именно на это время приходится формирование могильника Фронтовое 3. Вряд ли можно предположить, что люди, оставившие этот могильник, находились в стороне от этих ярких исторических событий. Плохая сохранность большинства скелетных останков не позволяет нам судить о репрезентативных статистических данных о травматизме. Тем важнее индивидуальные реконструкции.

При работе с палеоантропологическими материалами были обнаружены два случая редких новообразований на своде черепа. Их локализация сходная: левая теменная кость в месте контакта с чешуей височной. Столь значительное совпадение обращает на себя внимание. Эта публикация посвящена детальному анализу двух обнаруженных опухолей. Этот исследовательский сюжет следует рассматривать как часть большой комплексной программы работы с палеоантропологическими материалами, основная цель которых – характеристика особенностей образа жизни населения, оставившего могильник Фронтовое 3.

Материалы

Палеоантропологические материалы собирались во время раскопок, первичные определения и характеристика происходили в полевых условиях, поэтому для анализа были доступны все погребения некрополя. Благодаря сохранению богатого вещевого сопровождения, археологические материалы позволили выделить два этапа формирования этого обширного могильника. Первый, ранний, датируется концом I – серединой III в. н. э. Второй, поздний, – серединой III – началом V в. н. э. (*Гавритухин и др.*, 2020). Многие погребения получили еще более точную датировку. Погребальная обрядность памятника разнообразна: есть могильные ямы, ямы с подбоями и склепы.

Всего в серии для оценки присутствия палеопатологических изменений на черепе были доступны 348 скелетов детей и взрослых индивидов (около 83% от общего числа раскопанных костяков). Мелкие остеомы были обнаружены у двух взрослых индивидов. Сами по себе эти новообразования встречаются достаточно часто в любых палеопопуляциях, равно как и в группах современного населения. Их этиология не ясна, поэтому данные о частоте встречаемости одиночных мелких остеом не представляют ценности для реконструкций состояния здоровья. Другое дело – крупные новообразования, которые являются редкими и уникальными находками. Остановимся подробнее на описании индивидов с этими патологиями.

Погребение 183

Мужчина старше 45 лет. В погребении сохранились: частично разрушенный череп и значительно разрушенный посткрани-

альный скелет. Череп индивида имел следы слабой преднамеренной деформации. Отметим, что наложение деформирующих повязок на голову младенца – традиция, которая имела широкое хождение в варварской среде ираноязычных народов (сарматы, аланы) (*Belinsky, Harke,* 2018). Визуально новообразование локализуется на теменной и височной костях (рис. 1). Опухоль размером 38×24 мм и имеет мозговидную структуру. Тафономические повреждения не позволяют оценить состояние поверхностных слоев костной ткани. Никаких других патологических проявлений на скелете не было обнаружено. Однако плохая сохранность останков не позволяет исключить наличие патологических проявлений.

Погребение 317, костяк 1

В погребении обнаружены останки двух индивидов, находящихся строго один над другим без прослойки. Вероятно, это парное погребение было одновременным. Нижний индивид (317/2) на основании морфологии скелета был определён как мужчина старше 45 лет, а верхний (317/1) – как женщина старше 50 лет. Костяк 1 представлен частично разрушенным черепом с нижней челюстью и частично разрушенным посткраниальным скелетом. Опухоль размером 25×30 мм расположена на левой теменной кости вблизи чешуйчатого края (рис. 2). Поверхность опухоли гладкая. Поверхностный слой кости на прилегающей к опухоли поверхности не изменен. На внутренней поверхности лобной кости выражены неровности, обусловленные неравномерным утолщением кости. Помимо опухоли на левой теменной кости, были отмечены: прижизненная утрата нескольких моляров верхней и нижней челюсти, на сохранившихся вторых молярах верхней челюсти и премолярах отмечены кариозные повреждения. На сохранившейся левой глазнице отмечена *cribra orbitalia.* Значительные дегенеративно-дистрофические изменения отмечены на посткраниальном скелете. Это остеофиты на телах позвонков шейного, нижней части грудного и поясничного отделов, остеопороз. Узлы Шморля встречены в пяти случаях на нижней части грудного отдела позвоночника и на поясничных позвонках. Отметим, что индивид (317/2) также характеризуется прижизненной утратой зубов, следами абсцесса на верхней челюсти, возрастными дегенеративно-дистрофическими изменениями. Таковы характеристики, полученные при визуальном обследовании материалов.

Методы

Исследование скелетного материала началось с оценки пола каждого человека стандартными антропологическими методами, используя морфологию черепа и таза (*Buikstra, Ubelaker,* 1994; *Алексеев, Дебец,* 1964; *Алексеев,* 1966). Возраст смерти был определен путем оценки морфологии лобковой и ушной поверхностей, оценки черепных швов, состояния изношенности коронок зубов, состояния суставных поверхностей крупных суставов (*Brooks, Suchey,* 1990; *Buikstra, Ubelaker,* 1994; *Lovejoy et al.,* 1985). Изучение неопластических изменений на скелетных останках людей требует радиологических методов диагностики. Рентгенологическое исследование проводилось с использованием многофункциональной передвижной рентгеновской установки и аппарата компьютерной радиографии FireCR Spark.

Результаты

Проведение рентгенографирования позволило обсуждать диагностику описанных выше новообразований.

Рентгенографирование черепа из погребения 183 выявило грибовидную форму новообразования, соединяющегося с костью ножкой, неравномерно хаотично кальцинированное, с неровными наружными контурами и как бы «изъеденной» наружной поверхностью (рис. 3). Также хорошо видно, что на внутренней поверхности височной кости сформировано уплотнение чуть ниже грибовидного внешнего образования.

Опухоль может быть остеохондромой нетипичной локализации или последствием травмы. Остеохондрома – доброкачественное опухолевое поражение кости, которое внешне проявляется как разрастание костной ткани, покрытое «ша-

почкой» из хряща. Диагностику остеохондромы затрудняет невозможность оценить присутствие «хрящевой шапочки». Пик заболеваемости приходится на юный возраст (от 10 до 25 лет). Большой процент остеохондром локализуется на метафизе длинных костей, но поражению может быть подвержена и любая другая кость. Обычно рост остеохондромы прекращается по мере завершения роста костей. Эти особенности вряд ли могут быть отнесены к рассматриваемому случаю. Поэтому, даже при плохой сохранности черепа, вероятность того, что новообразование относится к остеохондроме – очень низка. Также хорошо видно, что опухоль образована хаотично разросшимся многослойным кортикальным слоем без формирования губчатого вещества, что не характерно для остеохондромы.

Поэтому мы склоняемся к тому, чтобы идентифицировать новообразование как остеому или реакцию постстрессового характера. В качестве стресса может выступать: инфекция (в том числе – сифилис), травма, подагра. Фундаментальные труды по изучению остеом и других доброкачественных новообразований не содержат информации об их этиологии (*Schajowicz,* 1994). Однако в описании отдельных случаев встречаем сведения о посттравматическом характере развития остеомы (*Kim et al.,* 2017).

На черепе костяка 1 из погребения 317, как отмечалось выше, в левой теменной кости, на границе с височной костью, отмечается локальное утолщение наружной кортикальной пластинки, с формированием картины объемного образования. Рентгенографирование подтвердило наличие широкого основания костного разрастания из наружной кортикальной пластинки, линзовидно-округлой формы, с четкими контурами. Оно плотное, однородное.

Проведение рентгенографирования позволило нам выявить добавочные особенности: утолщение и уплотнение внутренней пластины примерно в этом же месте, но со смещением в более медиальную зону кости. Объемное образование наружной кортикальной пластинки не имеет структуры. По периметру овального новообразования прослеживается зона затемнения, что связано с локальным истончением и, возможно, разряжением костной ткани (рис. 4). С одной стороны, описанная картина практически полностью совпадает с типичным описанием остеомы (*Schajowicz,* 1994; *Егоренков,* 2010), с другой – авторы не упоминают ни об уплотнении внутренней пластинки, ни о зоне истончения по периметру опухоли. Поэтому мы не можем однозначно считать, что эти признаки характерны для остеомы.

Таким образом, оба новообразования являются доброкачественными, имеют примерно сходную овальную форму, сопоставимые размеры, идентичную локализацию.

Обсуждение

Проведенные исследования, на основании которых сделана диагностика, продемонстрировали нетипичность некоторых особенностей новообразований в обоих случаях, что существенно усложняет нашу задачу. Индивиды были обнаружены в той части некрополя, которая датируется ранним периодом (конец I – начало III в. н. э.) (рис. 5) (*Гавритухин и др.,* 2020).

Жизнь двух изученных нами индивидов приходится как раз на время усложнения отношений с Боспором, сарматским миром и приходом Рима. Также упомянем, что оба случая происходят из погребений, совершенных в подбойных могилах. Этот тип погребальных сооружений типичен для сарматской традиции, и в более широком смысле – для захоронений кочевников раннего железного века. Погребения содержат богатое вещевое сопровождение, в том числе изделия из золота (погребение 317), что свидетельствует о высоком социальном статусе этих людей. В социуме кочевников раннего железного века высокий социальный статус неотделим от позиции воина. То, что к воинам могут быть отнесены и мужчины, и женщины, также не противоречит идеологическим и социальным нормам этих обществ. Обратим также внимание на то, что оба индивида характеризуются возрастом, дожитие до которого, скорее, было не столь типично в первых веках н. э. Таким образом, археологический и биоархеологический контексты объединяют этих индивидов, мы можем предположить, что

они принадлежали к аристократии варварского населения.

Возвращаясь к обсуждению диагноза и описанию самих опухолей, подчеркнем редкий размер опухолей. Основываясь на обобщающей работе В. Эшеда с соавторами (*Eshed et al.*, 2002), можно судить о том, что к крупным остеомам относятся те, размер которых превышает 0,5 см. Статистические данные по совсем крупным остеомам, как та, что была обнаружена у мужчины из погребения 183, являются большой редкостью, и поэтому какой-либо статистики об их распространенности нам обнаружить не удалось. Отдельные упоминания лишь подтверждают редкость подобного новообразования (*Shin et al.*, 2015). Таким образом, мы описали две редкие доброкачественные опухоли, отличающиеся друг от друга, но сходные в том, что обе сформированы из разрастания внешней пластинки, локализованы на теменных костях на границе с чешуей височной кости. Обе обнаружены у людей зрелого возраста. Количество совпадений провоцирует нас предположить, что и причины формирования опухолей могли быть сходными.

В обширных справочных медицинских сводах о доброкачественных опухолях костной ткани рассматриваются несколько причин, вызывающих развитие этих новообразований: наследственная предрасположенность, инфекция, механический стресс. Доказательной базы в литературе нет, так как остеомы растут очень медленно и зачастую бессимптомно, поэтому проследить связь начального импульса и результата, сформировавшегося на протяжении десятка лет, достаточно сложно.

Именно поэтому, на наш взгляд, необходим систематический сбор сведений об опухолях такого типа в археологическом контексте, а не просто подробное анатомическое и радиологическое описание.

Учитывая образ жизни изучаемой группы населения, мы предполагаем возможность травматических повреждений. Никаких травм на посткраниальных скелетах не отмечено, также нет следов травматических повреждений на черепе. Поэтому, если рассматривать характер предполагаемых травм, то это только разного рода ушибы. Безусловно, здесь мы вступаем на зыбкую почву предположений, однако отметим, что шлем был безусловным компонентом боевого защитного снаряжения и защищал свод черепа от ударов мечей, копий, стрел, пращевых пуль. Левая часть головы, шеи и лицо – наиболее часто атакуемые области при рукопашном поединке, когда бойцы встречаются «лицом к лицу». Это еще одно небольшое косвенное замечание, которое повышает возможность рассматривать эти опухоли как результат посттравматических процессов в костной ткани.

Заключение

Итак, обнаружение редких доброкачественных новообразований на черепе в двух подбойных погребениях могильника Фронтовое 3 позволяет сформулировать логически обоснованную гипотезу об их постстрессовой этиологии. Доказательных фактов в ее пользу или против, мы пока не имеем. Выход из зоны догадок и предположений о причинах возникновения этих новообразований лежит через сбор данных об аналогичных опухолях с учетом исторической и социальной специфики как древних обществ, так и конкретных археологических персон. Мы представили данные о редких доброкачественных опухолях, которые по пока неизвестным причинам сформировались у представителей варварской элиты в эпоху войн и взаимодействия с Римом, и подчеркиваем важность учета археологических и биоархеологических данных при изучении редких форм остеом и других доброкачественных новообразований.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 249 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.

Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 91–110.

Егоренков В.В., 2010. Пограничные и доброкачественные опухоли костей // Практическая онкология. Т. 11, № 1. С. 37–44.

Belinsky A.B., Harke H. (eds.), 2018. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt-Verlag. 428 p. (Archäologie in Eurasien. Bd. 36).

Brooks S., Suchey J.M., 1990. Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsádi-Nemeskéri and Suchey-Brooks methods // Human evolution. 5 (3). P. 227–238.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H., 1994. Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas Archaeological Survey Research. No. 44. 272 p.

Eshed V., Latimer B., Greenwald C.M., Jellema L.M., Rothschild B.M., Wish-Baratz S., Hershkovitz I., 2002. Button osteoma: its etiology and pathophysiology // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 118, Iss. 3. P. 217–230.

Kim S.H., Lim D.S., Lee D.H., et al., 2017. Post-Traumatic Peripheral Giant Osteoma in the Frontal Bone // Arch Craniofac Surg. 18 (4). P. 273–276.

Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Mensforth R.P., 1985. Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: a new method for the determination of adult skeletal age at death // American Journal of Physical Anthropology. No. 68. P. 15–28.

Schajowicz F., 1994. Tumors and Tumorlike Lesions of Bone. New York: Springer. 612 p.

Shin D.H., Oh C.S., Kim Y.S., Kim Y., Oh S.W., Park J.B., Lee I.S., Kim M.J., 2015. Bone tumors in pre-modern skulls from human skeletal series of Joseon Dynasty // Anatomy Cell Biology. 48 (3). P. 213–217.

Рис. 1. Индивид из погребения 183. Мужчина старше 45 лет.
Общий вид и локализация новообразования

Рис. 2. Индивид из погребения 317, костяк 1. Женщина (?) старше 50 лет.
Общий вид и локализация новообразования

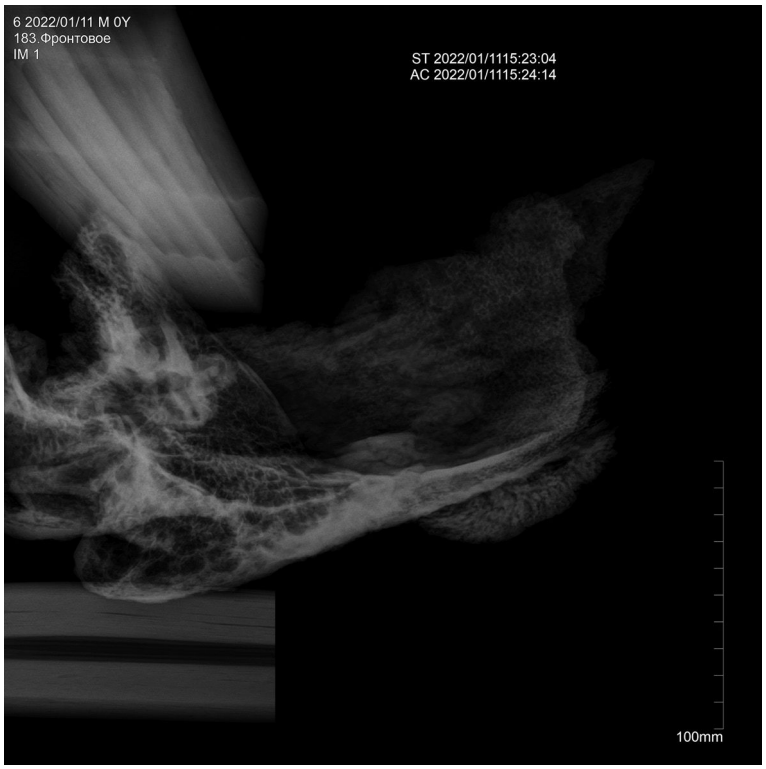

Рис. 3. Рентгенограмма новообразования на черепе индивида из погребения 183

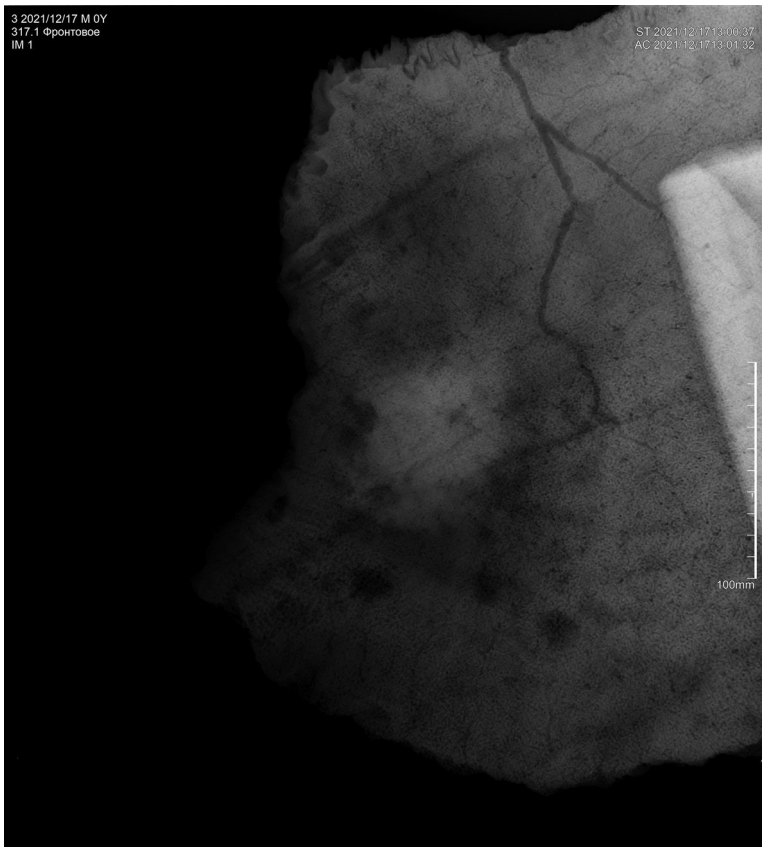

Рис. 4. Рентгенограмма новообразования на черепе индивида из погребения 317/1

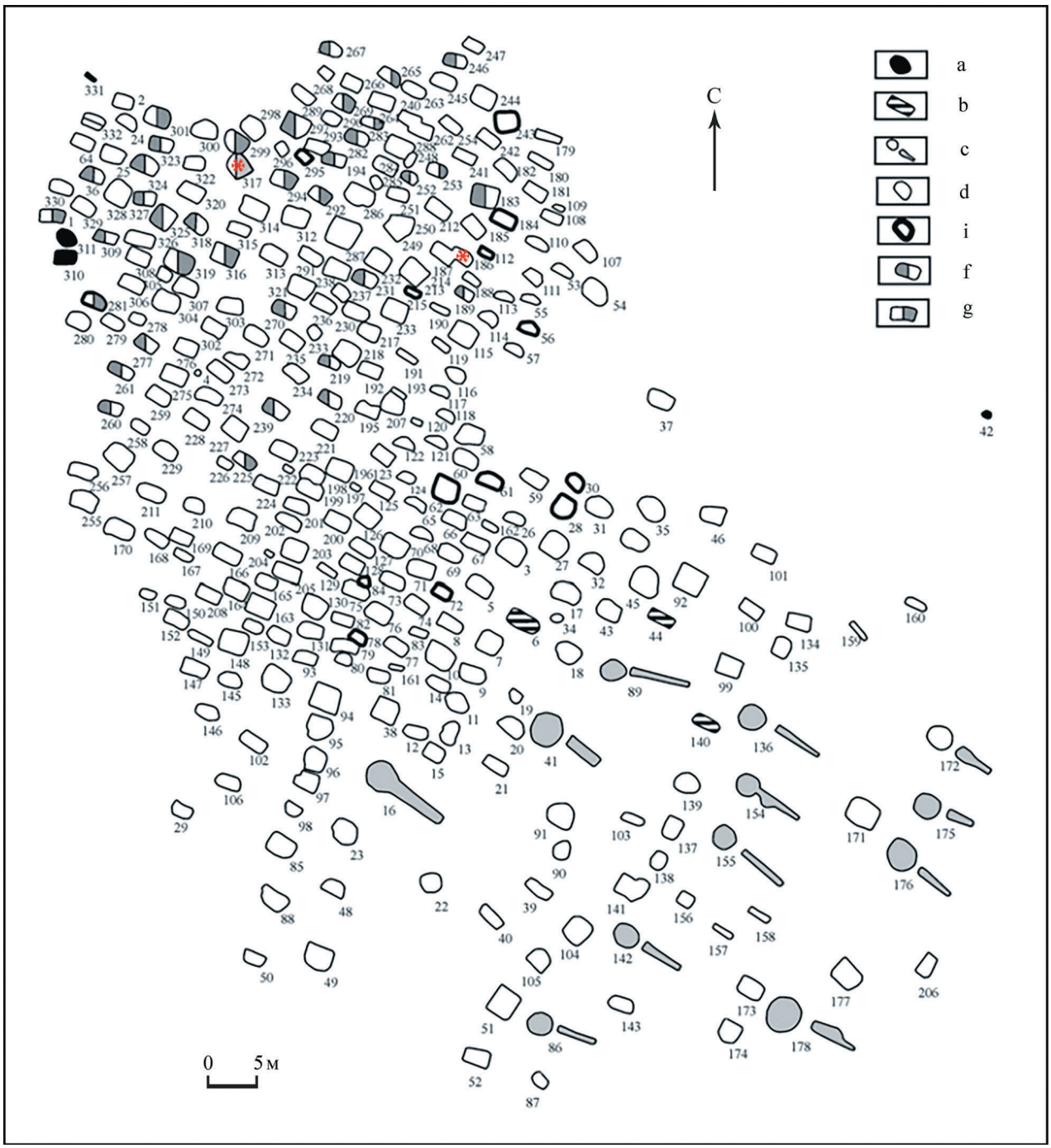

Рис. 5. План могильника Фронтовое 3.
* обозначены погребения 186 и 317

Памятники Понто-Дунайского региона

Monuments and Sites in the Pontic-Danubian Area

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.97-101

МОГИЛЬНИК ФРОНТОВОЕ 3 В КОНТЕКСТЕ СИНХРОННЫХ КРЫМСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ. ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Храпунов Игорь Николаевич
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация: Предпринята попытка оценить некоторые результаты исследований могильника Фронтовое 3, главным образом, путем сравнения с другими синхронными крымскими памятниками. Предлагается отнести Фронтовое 3 к памятникам нейзацкой археологической культуры. Делается вывод о том, что коллектив, оставивший могильник Фронтовое 3, был небольшим, существенно уступавшим численно общинам, которым принадлежали другие могильники нейзацкой культуры. Выделяется два периода использования могильника, граница между ними намечается, приблизительно, на рубеже III–IV вв. н. э.

Ключевые слова: предгорный Крым, могильник Фронтовое 3, нейзацкая археологическая культура

THE CEMETERY OF FRONTOVOE 3 IN THE CONTEXT OF SYNCHRONOUS ANTIQUITIES OF THE CRIMEA: AN OUTSIDE VIEW

Khrapunov, Igor' Nikolaevich
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract: This paper endeavors to evaluate some of the results of the studies of the cemetery of Frontovoe 3, mostly by comparison with other synchronous sites located in the Crimea. The conclusion is that that there was a small collective that created the cemetery of Frontovoe 3, and the number of these persons was considerably smaller than that of the communities who made other cemeteries of the Neizats culture. The analysis undertaken has distinguished two periods of this cemetery with the limit about the turn of the third and fourth centuries AD.

Keywords: sub-mountainous Crimea, cemetery of Frontovoe 3, Neizats archaeological culture

Могильник Фронтовое 3 отличается от всех других, относящихся к той же культуре, памятников двумя неоспоримыми преимуществами. Он раскопан целиком и не разграблен в недавнее время.

Первые результаты исследования могильника оперативно публикуются. За три года, прошедшие после раскопок, опубликовано более 10 статей. Благодаря им некоторое представление о могильнике могут составить археологи, не вовлеченные в обработку его материалов. Понятно, что эти представления поверхностны и отрывочны. Тем не менее, опубликован общий обзор, многократно публиковался план, обсуждалась хронология могильника (особенно подробно финальная стадия, определяемая первыми десятилетиями V в.), отдельная работа знакомит с погребальными обрядами, введены в научный оборот краснолаковая керамика раннего этапа, лепная керамика, подвески-лунницы, мы знакомы с первыми результатами работы антропологов и с металлографическим анализом золотых украшений (*Гавритухин и др.*, 2019; 2020а; 2020б; *Мастыкова, Свиридов*, 2021; *Сапрыкина,*

Пельгунова, 2021; *Свиридов, Язиков*, 2019; *Свиркина, Добровольская*, 2021; *Суханов*, 2020; 2021; *Суханов и др.*, 2020; *Gavritukhin et al*., 2021).

Такова база источников, доступная любому, желающему взглянуть на могильник Фронтовое 3 со стороны. Спорный вопрос, имеет ли это смысл, ведь группа высококвалифицированных археологов смотрит на объект исследования «изнутри», т. е. работает непосредственно с материалами раскопок. Все же попробовать интересно, вдруг и взгляд со стороны принесет какую-то пользу.

Могильник Фронтовое 3 обладает всеми признаками могильников, составляющих нейзацкую археологическую культуру. Он соответствует этим могильникам территориально (расположен в крымских предгорьях[1]), хронологически (датируется второй половиной I – началом V в.), по основным типам погребальных сооружений, обрядов и инвентаря. Как и все остальные памятники нейзацкой культуры, могильник Фронтовое 3 не связан ни с одним из известных поселений. Отсутствие археологически уловимых поселений – это важный признак культуры, свидетельствующий о сходном образе жизни и хозяйства оставившего ее населения. На ранее опубликованной карте памятников нейзацкой культуры теперь можно поставить еще один значок на месте могильника Фронтовое 3 (*Храпунов*, 2019).

Община, хоронившая в обсуждаемом могильнике, по-видимому, была небольшой, особенно на заключительном этапе ее истории. Сравним с могильниками Дружное (*Храпунов*, 2002) и Нейзац (*Храпунов*, 2011; 2016). В могильнике Нейзац раскопано 600 погребальных сооружений, в том числе 88 склепов, в могильнике Фронтовое 3 – 328 могил, в том числе 12 склепов. Причем могильник Нейзац раскопан не полностью. Три его границы открыты, но с четвертой, южной стороны могилы уходят под огромную насыпь, образовавшуюся во время строительства водохранилища, и потому недоступны для исследования. Ранняя часть могильника Дружное уничтожена карьером, поэтому размеры всего могильника неизвестны. Поздняя часть сохранилась, правда, трудно сказать, полностью или нет. Она состоит из 25 склепов, не считая могил других типов. Склепы во всех трех могильниках синхронны. В Дружном и Нейзаце многие склепы разграблены, а в сохранившихся хоронили, обычно, по шесть–восемь человек, в то время как в склепах Фронтового 3 зафиксированы останки одного–шести погребенных. Следовательно, коллективы, хоронившие в могильниках Дружное и, особенно, Нейзац, значительно превосходили численно общину, оставившую могильник Фронтовое 3. Сравнение с другими могильниками нейзацкой культуры невозможно из-за того, что они исследовались малыми площадями.

Среди многих важных выводов и наблюдений, которые сделали исследователи могильника Фронтовое 3, один пункт вызывает возражения. Речь идет о периодизации. Использование могильника предложено разделить на два периода – до и после середины III в. Насколько можно судить по публикациям, рубеж между периодами намечен на основании одного наблюдения: к середине III в. относятся могилы с несколькими монетами в каждой (*Гавритухин и др.*, 2020а. С. 93). Наблюдение важное и интересное. Возможно, действительно, кто-то из погребенных участвовал в Скифских (Готских) войнах. Достаточно ли этого, чтобы начинать новый период? Кажется, нет. Бросающиеся в глаза изменения в жизни людей, оставивших могильник, происходят много позже. Они проявляются в появлении склепов. Все склепы датируются IV в. Может быть, стоит границу между двумя периодами использования могильника провести приблизительно на рубеже III–IV вв.? Тем более что в это время изменяется технология изготовления лепных сосудов, в керамическом тесте появляется шамот. Этому обстоятельству исследователи, совершенно справедливо, придают серьезное значение (*Суханов и др.*, 2020. С. 273, 274).

[1] Исследователи могильника Фронтовое 3 постоянно противопоставляют географические понятия предгорный и Юго-Западный Крым. Это не верно. Юго-Западный Крым является частью предгорной провинции Горного Крыма.

В статье о лепной керамике сказано, что 86% сосудов найдено в погребениях второй половины III–IV в. (*Суханов*, 2020. С. 75). Интересно узнать, сколько из этих сосудов оказалось в могилах второй половины III в. Может быть, пара процентов? В таком случае, можно было бы говорить о появлении традиции ставить в могилы много сосудов тоже на рубеже III–IV вв. Это полностью соответствует данным, полученным при исследовании других памятников нейзацкой культуры.

Если говорить о предгорном Крыме в целом, то середина III в. ознаменовалась гибелью позднескифских поселений и, естественно, относящихся к ним могильников, а также не связанных с поселениями некрополей, расположенных в долинах рек Альма и Бельбек. Могильники нейзацкой культуры продолжали использоваться без всякого перерыва, не произошло никаких изменений в погребальных обрядах. Правда, погребений второй половины III в. известно гораздо меньше, чем погребений первой половины столетия. Последнее обстоятельство может быть объяснено как уменьшением населения, так и малым количеством вещей, уверенно датируемых второй половиной III в. Среди них можно назвать только двучленные лучковые и самые ранние прогнутые подвязные фибулы, вещи, изготовленные в позднеримском полихромном стиле, один тип лунниц, поздние варианты узкогорлых светлоглиняных амфор типа D и монеты.

В погребениях IV в. предгорного Крыма в качестве заупокойной пищи широко используются куриный яйца, появляются весьма многочисленные вещи из ареала черняховской культуры, заметны изменения в костюме, исчезают или почти исчезают шкатулки с разными мелочами, колокольчики и проч. (*Храпунов*, 2021). При взгляде со стороны нельзя понять, прослежены ли подобные инновации в могильнике Фронтовое 3. Если они зафиксированы, появится еще больше оснований для того, чтобы провести границу между периодами использования могильника приблизительно на рубеже III и IV вв.

Могильник Фронтовое 3, как и любой другой памятник из образующих нейзацкую культуру, имеет только ему присущие особенности. Их выделение – интересная и, кажется, насущная задача для тех, кто непосредственно исследует материалы некрополя. Такой опыт по отношению к другому некрополю имеется (*Храпунов*, 2013).

Еще на один аспект стоит обратить внимание. Внутри нейзацкой культуры можно попытаться выделить локальные варианты. Могильник Фронтовое 3 представляет для этого прекрасный материал, на основе которого, вероятно, удастся сформулировать особенности, присущие только памятникам Юго-Западного Крыма. Здесь сосредоточены могильники, где, как и во Фронтовом 3, наряду с господствующим обрядом трупоположения, использовали и обряд трупосожжения (Черноречeнский, Совхоз 10, Бельбек I, Скалистое III, Танковое). За пределами Юго-Западного Крыма обнаружена всего одна кремация в могильнике Опушки. При поиске истоков традиции трупосожжения стоит обратить внимание не только на германские могильники, как это делается традиционно, но и на памятники Варнутской и Байдарской долин, расположенные вблизи Фронтового 3. Там открыты могильники с кремациями, судя по небольшим раскопанным участкам, использовавшиеся до II в. включительно (*Нессель*, 2018а; 2018б; *Савеля, Савеля*, 2018; *Колодченко*, 2018). Получается, что когда начали хоронить во Фронтовом 3, совсем неподалеку жили люди, использовавшие трупосожжение при погребении своих соплеменников.

В расположенном поблизости от Фронтового 3 Черноречeнском могильнике склепы тоже использовали для небольшого количества погребений. Там, в склепах №№ 1 и 4 обнаружено по одному погребенному, в склепах №№ 3 и 5 – по два, в склепе № 2 – четыре, остальные склепы разграблены. Во всех случаях погребения совершались поперек длинной оси входной ямы (*Бабенчиков*, 1963. С. 113–119). Также лежат погребенные в единственном раскопанном склепе могильника Бельбек III (*Филиппенко и др.*, 2016), в единственном не разграбленном склепе № 1 Инкерманского могильника (*Веймарн*, 1963. С. 32, 33), в одном раскопанном склепе могильника Краснозорье (*Неневоля, Волошинов*, 2001), во всех

трех исследованных склепах могильника Суворово (*Зайцев, Мордвинцева*, 2003). Добавив положение погребенных в могильнике Фронтовое 3 и вспомнив, что за пределами Юго-Западного Крыма погребенных всегда укладывали вдоль длинной оси входной ямы, получим локальную особенность погребального обряда[2].

К особенностям погребальных сооружений Юго-Западного Крыма можно отнести значительную длину входных ям склепов, превышающую порой 5 м. В центральной части крымских предгорий входные ямы существенно короче.

Еще одно замечание касается краснолаковой керамики. Отмечается, что Готские войны нарушили экономические связи и привели к уменьшению разнообразия краснолаковой посуды (*Суханов,* 2020. С. 76). Это наблюдение не соответствует данным, полученным при исследовании других памятников. Краснолаковой керамики IV в. много во всех могильниках предгорного Крыма. Главное, ее ассортимент лишь немного уступает набору краснолаковых сосудов из античных городов Северного Причерноморья, откуда она и поступала в Крымские предгорья. Поэтому речь вряд ли может идти о нарушении экономических связей.

Ожидаемая полная публикация результатов раскопок могильника Фронтовое 3, несомненно, откроет новые возможности для изучения истории населения Крыма римского времени. Заодно она уровняет тех, кто изучает материалы замечательного памятника «изнутри», с теми, кому приходится наблюдать за этим со стороны.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенчиков В. П., 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. С. 90–122.

Веймарн Є. В., 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. С. 15–42.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2019. Некоторые перспективы изучения материалов могильник римского времени Фронтовое 3 // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции. Севастополь 17–19 сентября 2019 г. / Ред.-сост. Д. А. Костромичев. Севастополь. С. 66–69.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020а. Могильник римского времени Фронтовое 3 в юго-западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 91–110.

Гавритухин И. О., Мастыкова А. В., Свиридов А. Н., Суханов Е. В., Язиков С. В., 2020б. Финал могильника Фронтовое 3 (к изучению миграций в юго-западном Крыму на закате античности) // Stratum plus. № 4. С. 235–247.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2003. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. С. 57–77.

Колодченко П. Н., 2018. Комплекс металлических изделий из варварского могильника у с. Гончарное // Херсонесский сборник. Вып. XIX. С. 153–162.

Мастыкова А. В., Свиридов А. Н., 2021. Двурогие пластинчатые лунницы римского времени в Крыму: распределение, датировка (по материалам могильника Фронтовое 3) // Stratum plus. № 4. С. 231–243.

Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Типология и хронология сарматских погребальных катакомбных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ. С. 172–212.

[2] М. Г. Мошкова и В. Ю. Малашев, критикуя гипотезу о появлении в Крыму склепов с короткими дромосами в связи с миграциями с Северного Кавказа, указывали, что, в отличие от Кавказа, в Крыму погребенные лежали поперек длинной оси погребальной камеры Т-образных склепов, а также на большое количество погребенных в крымских склепах (*Мошкова, Малашев*, 1999. С. 195–197). Раскопки могильника Фронтовое 3 снимают эти аргументы.

Неневоля И. И., Волошинов А. А., 2001. Два комплекса IV в. н. э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М. С. 141–146. (Труды ГИМ. Вып. 118).

Нессель В. А., 2018а. Новые данные о варварском населении юго-западного Крыма рубежа эр (по материалам грунтовых могильников в окрестностях Севастополя) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦСПбГУПТД. С. 225–230.

Нессель В. А., 2018б. Керамический комплекс могильника у села Гончарное в юго-западном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. XIX. С. 217–228.

Савеля О. Я., Савеля Д. Ю., 2018. Поля погребальных урн в горах юго-западного Крыма // Херсонесский сборник. Вып. XIX. С. 269–288.

Сапрыкина И. А., Пельгунова Л. А., 2021. Золотые украшения могильника Фронтовое 3: состав и техника изготовления (предварительные данные) // Stratum plus. № 4. С. 283–297.

Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2019. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтовое 3 в юго-западном Крыму // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 255. С. 185–201.

Свиркина Н. Г., Добровольская М. В., 2021. Преднамеренно деформированные черепа из могильника Фронтовое 3 // Stratum plus. № 4. С. 149–157.

Суханов Е. В., 2020. Лепная керамика могильника римского времени Фронтовое 3 (предварительная публикация) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXV. С. 66–89.

Суханов Е. В., 2021. Краснолаковая керамика I – первой половины III вв. из могильника Фронтовое 3 (хронологический и планиграфический анализ) // Stratum plus. № 4. С. 211–220.

Суханов Е. В., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Лепная керамика могильника римского времени Фронтовое 3 (о технологии изготовления) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 261. С. 366–378.

Филиппенко А. А., Тюрин М. И., Ушаков С. В., 2016. О могильнике ВИР (Бельбек III) в Юго-Западном Крыму: новые данные // Stratum plus. № 4. С. 139–151.

Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictvo Universitetu Marii Curie-Skladowskiej. 313 с.

Храпунов И. Н., 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля. С. 13–113.

Храпунов И. Н., 2013. Особенности могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. I / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь, Бахчисарай: Доля. С. 188–207.

Храпунов И. Н., 2016. Исследования могильника Нейзац в 2011–2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 11–36.

Храпунов И. Н., 2019. Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму // Российская археология. № 1. С. 32–49.

Храпунов И. Н., 2021. Инновации IV в. н. э. в культуре населения крымских предгорий // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. С. 80–91.

Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sukhanov E., Sviridov A., Yazikov S., 2021. The Cemetery of Frontovoe 3. New data on the culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration periods // Študijneé zvesti Archeologického ústavu Slovenskej akadémie vied. Ročnik 68, číslo 1. P. 87–118.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.102-122

НЕКРОПОЛИ КРЫМСКОГО БАРБАРИКУМА I–IV ВВ. Н.Э.

Зайцев Юрий Павлович
Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», Симферополь, Россия

Аннотация: В работе представлена информация о 99 грунтовых некрополях I–IV вв. н. э. Рассмотрены их хронология, наличие/отсутствие кремаций, склепов и подбойных могил. Сделан вывод о том, что катастрофа III в. н. э. не привела к гибели позднескифской культуры. В III–IV вв. н. э. жизнь здесь продолжается в виде трех отдельных территорий: варварской округи Херсонеса, у подножия Долгоруковской и Караби-яйлы и горного массива Кубалач (Восточный Крым).

Ключевые слова: Крым, позднескифская культура, римская эпоха, некрополи, кремация

THE FIRST- TO FOURTH-CENTURY AD CEMETERIES IN THE CRIMEAN BARBARICUM

Zaitsev, Iurii Pavlovich
Historical and Archaeological Museum Preserve of Scythian Neapolis, Simferopol, Russia

Abstract: This research supplies information on 99 flat cemeteries dated from the first to fourth centuries AD. The analysis addresses their chronology, the presence/absence of cremations, burial vaults, and undercut graves. The conclusion states that the catastrophe of the third century AD did not result in the fall of the Late Scythian culture. In the third and fourth century, the life continued within three isolated areas: the barbarian environs of Chersonese, at the foot of Dolgorukovskaia Yaila (flat-summit mountain) and Karabi Yaila, and at the foot of Kubalach mountain group (eastern Crimea).

Keywords: Crimea, Late Scythian culture, Roman period, cemeteries, cremation

Первые грунтовые некрополи на территории Крыма, находящиеся за пределами античных центров и относящиеся к римскому времени, стали известны во второй половине XIX в. В 1950–1960-е гг. была окончательно сформулирована концепция о позднескифском государстве в Крыму со столицей в Неаполе Скифском, существовавшем в хронологических границах III в. до н. э. – IV в. н. э. (несколько позже финальная дата поменялась на III в. н. э.). В качестве «археологической основы» этого политического образования была определена так называемая позднескифская культура, которая считалось преемницей кочевой скифской культуры более раннего времени (*Шульц,* 1957. С. 85–88; *Шульц,* 1971). Помимо материалов поселенческих комплексов (в основном Неаполя Скифского и некоторых других городищ), такая версия изначально базировалась на подкурганных коллективных (многократных) захоронениях и, по сути, всего на одном грунтовом могильнике – Восточном некрополе Неаполя Скифского (*Бабенчиков,* 1957). В то же время более поздний некрополь – Инкерманский (III–IV вв. н. э.), был определен, как принадлежащий «по преимуществу сарматскому населению, частично ассимилировавшему… тавров Инкерманской долины» (*Веймарн,* 1957. С. 236). К настоящему времени, спустя почти полвека, погребальные памятники Крыма римского времени продолжают разделяться на позднескифские (в хронологических рамках I–III вв. н. э.) и прочие. В интерпретации «других» некрополей чрезвы-

чайно популярно сарматское направление, имеющее богатейшую историографию (*Гущина,* 1967; *Храпунов,* 2004. С. 37–40, 125–142; *Мульд,* 2001. С. 57; *Пуздровский,* 2007. С. 11–14; *Храпунов,* 2016а. С. 122), а также аланская и готская (германская) версии, также представленные большим количеством публикаций и аналитических работ (историю вопроса и библиографию см.: *Айбабин, Хайрединова,* 2017. С. 10–41). Новейшая тенденция в этой области – попытка выделения особой «нейзацкой» археологической культуры, представленной «феноменом» некрополей предгорного Крыма II–IV вв. н. э. (*Храпунов,* 2017. С. 162; *Храпунов,* 2019).

Между тем, постоянно растущее количество памятников, изменение их качественного состава (открытие некрополей с кремациями в Байдарской и Алуштинской долинах) и полномасштабные современные исследования новых некрополей (Фронтовое 3, Киль-Дере) демонстрируют ограниченность и несостоятельность многих нынешних гипотез.

Цель данной работы – рассмотреть грунтовые могильники крымского Барбарикума как самостоятельный археологический источник в хронологических рамках римского периода – I–IV вв. н. э.[1], с акцентом на трех признаках, которые традиционно используются в качестве этноопределяющих: кремационные погребения, подбойные могилы и грунтовые склепы.

Совокупность всех данных позволила получить выборку из 99 археологических памятников и объектов, которые соответствуют критериям, обозначенным в названии работы. С некоторой долей условности сюда включены два некрополя – Фронтовое 2 (№ 97[2]) и Золотое (№ 98), которые принято считать памятниками сельской округи Европейского Боспора. Вместе с тем, по целому ряду признаков они сопоставимы с объектами основной выборки и демонстрируют очевидную условность определения границ крымского Барбарикума.

Картографирование и степень изученности

Как видно по результатам картографирования[3] (рис. 1), абсолютное большинство некрополей[4] сосредоточено в южной половине Крымского полуострова и компактно расположено в горах, предгорьях и речных долинах Юго-Западного и Центрального Крыма, в плане образуя причудливую фигуру округлой формы с длинным узким «хвостом», вытянутым в северо-восточном направлении. Очевидно, что такая конфигурация не случайна и вызвана, в частности, особыми благоприятными географическими и климатическими условиями Внешней и Внутренней горных гряд Крыма. Малое количество некрополей в границах Главной гряды может объясняться несколькими причинами, среди которых – слабая изученность микрорегиона, активные оползневые процессы, сильная залесенность местности, сложный рельеф и т. п.

По степени исследованности все упомянутые некрополи могут быть разделены на семь условных групп.

В первую группу (рис. 1: *1*), где исследовано от 80 до 100 процентов памятника, входят 15 объектов: некрополи Беляус (№ 2), Кара Тобе (№ 3), Восточный некрополь Неаполя Скифского (№ 14), Дружное (№ 34), Нейзац (№ 18), Озерное III (№ 40), Фронтовое 3 (№ 65), Киль-Дере (№ 78), Совхоз 10 (№ 80), Золотое (№ 98) и «курганы-кладбища» Магарач (№ 7), Кирпичное (№ 23), колхоз им. Ильича (№ 55), Совхоз Коминтерн (№ 56), Братское кладбище (№ 74).

Однако полноценно из этой группы по всем критериям исследован толь-

[1] Таким временем, в частности, датируется единственный в Крыму полностью исследованный и целиком сохранившийся некрополь Фронтовое 3 (*Свиридов, Язиков*, 2019).

[2] Указанные в скобках номера памятников соответствуют номерам, указанным в Каталоге и на рисунках.

[3] В результате сопоставления всех доступных картографических, архивных и опубликованных материалов стало очевидно, что три пары некрополей, считавшиеся ранее разными памятниками, являются одним и тем же археологическим комплексом. В новой версии это некрополи Бельбек I / III (№ 64), Бельбек II / Холмовка (№ 66) и Опушки / Аталык-Эли (№ 16).

[4] За исключением некрополей Джан-Баба (№ 1), Беляус (№ 2), Кара-Тобе (№ 3), Фронтовое 2 (№ 97) и Золотое (№ 98).

ко некрополь Фронтовое 3. У всех остальных есть свои «отягчающие» обстоятельства: относительно давние раскопки, погрешности (с современных позиций) в методике, разрушение и недоступность части погребальных сооружений, современные ограбления и т. п.

Вторая группа (рис. 1: *2*) включает в себя некрополи, исследованные на 50 и более процентов. Их всего 6: Усть-Альминский (№ 5), Алма-Кермен/Заветное (№ 10), Битак (№ 15), Опушки (№ 16), Бельбек IV (№ 62), Лучистое (№ 95).

Третья группа – исследовано от 100 до 200 объектов (рис. 1: *3*), всего 3 некрополя: Левадки (№ 11), Скалистое III (№ 42) и Алмалык (№ 73).

Четвертая группа (рис. 1: *4*) объединяет 6 некрополей, на которых исследовано от 51 до 100 комплексов: Западный некрополь Неаполя скифского (№ 13), Суворово (№ 48), Краснозорье (№ 51), Бельбек I/III (№ 64), Чернореченский (№ 85), Чатыр-Даг (№ 93).

Пятая группа (рис. 1: *5*) с исследованностью в диапазоне от 11 до 50-ти комплексов – 23 некрополя: Кольчугино (№ 4), Брянское (№ 9), Фонтаны (№ 12), Кара-Тау (№ 26), Курское (№ 31), Перевальное (№ 36), Балта-Чокрак (№ 39), Скалистое II (№ 41), Сувлу-Кая (№ 45), Вишневое (№ 47), Тас-Тепе (№ 50), Предущельное (№ 57), Бельбек II/Холмовка (№ 66), Красный Мак (№ 72), Инкерманский (№ 76), Терновка 2 (№ 88), Варнутка (№ 89), Саманлы-Баир (№ 90), Ай-Тодор (№ 92), Лучистое 2 (№ 94), Фронтовое 2 (№ 97).

Шестая группа (рис. 1: *6*) – 16 некрополей, на каждом из которых исследовано от 1 до 10 комплексов: Джан Баба (№ 1), Магарач, (№ 6), Отаркой (№ 21), Карасу-Баши (№ 22), Алексеевка (№ 24), Мичурино (№ 25), Заречное (№ 35), Казан Таш (№ 44), Тенистое (№ 49), Долинное (№ 53), Мамай-Оба (№ 61), Лагерная балка (Мангуп) (№ 67), Танковое (№ 68), Килен-Балка (№ 77), Муловский (№ 91), Александриада (№ 96).

Седьмая группа (рис. 1: *7*) – 32 памятника, которые никогда не исследовались, но большинство в той или иной степени разрушено грабительскими раскопками: Шевченково (№ 8), Кизилташ (№ 17), Балки (№ 20), Мурза-Кой 2 (№ 27), Урус-Ходжа (№ 28), Куляба 1, 2 (№№ 29–30), Бор-Кая (№ 32), Яман-Таш (№ 33), Репино (№ 37), Балта-Чокрак II (№ 38), Мангуш (№ 43), Усть-Качинский (№ 46), Чавкели 1, 2 (№№ 52, 54), Фыщки (№ 58), Константиновка (№ 59), Теберти (№ 60), Усть-Бельбекский (№ 63), Пугу-Кая (№ 69), Танковое II (№ 70), Кузу-Кулак-Бурун (№ 71), Панайотова Балка (№ 75), Федюхины высоты 1, 2 (№№ 79, 84), Телеграфные высоты 1, 2, 3 (№№ 81–83), Кефало-Врици (№ 86), Чоргунь (№ 87), Кизилташ (№ 17), Малиновый ручей (№ 99).

Представленная картина наглядно демонстрирует современное состояние источниковой базы и, как следствие, степень достоверности выводов, сделанных на ее основании. Очевидно, со всеми возможными оговорками, что для сколько-нибудь серьезного анализа пригодны 24 объекта первых трех групп – четверть от заявленной выборки. Еще 45 памятников (четвертая – шестая группы, почти половина всех учтенных объектов) в основном позволяют, и то далеко не всегда, говорить об их хронологической привязке, основных типах погребальных сооружений и составе погребального инвентаря.

Наконец, седьмая группа – треть от общего количества некрополей – пока может выполнять лишь функцию «информационного фона» при разработке вопросов картографии и самой общей хронологии.

Хронология

Следующая показательная карта (рис. 2) – распределение всех учтенных некрополей по хронологическим блокам, определимым на сегодняшний день.

1-й блок. Некрополи, функционировавшие весь римский период (I–IV вв. н. э.). Таких памятников 9 (рис. 2: *1*) и пока они распределяются по двум неравнозначным группам. Первая – Юго-Западный Крым, долины рек Кача, Бельбек, Черная. Среди них, ожидаемо, объекты, исследованные на 80–100% (Фронтовое 3, Киль-Дере, Совхоз 10).

Из трех некрополей восточной группы два – несомненные «долгожители». На первом месте по этому показателю некрополь

Кара-Тау (№ 26) – при сравнительно малом количестве исследованных погребальных сооружений он демонстрирует непрерывное функционирование со II в. до н. э. по IV, а возможно и V в. н. э. На втором – некрополь Опушки (№ 16) с датировками I в. до н. э. – IV в. н. э.

2-й блок. 15 некрополей с датировкой I–III вв. н. э.: Усть-Альминский, Брянское, Заветное/Алма-Кермен, Левадки, Фонтаны, Западный и Восточный некрополь Неаполя Скифского, Битак, Долинное, Скалистое II, III, Балта-Чокрак, Бельбек II/Холмовка, Танковое, Бельбек IV. Их позиция на карте (рис. 2: *2*) показывает сравнительно компактный ареал, охватывающий в основном долины рек Салгир и Альма, а также куэсту Курцово-Сабловской долины. В этой категории обращает на себя внимание недавно открытый биритуальный некрополь Лучистое 2 (№ 94) – пока единственный памятник такого рода на южных склонах Крымских гор.

3-й блок. Некрополи, которые перестали использоваться в I–II вв. н. э. (рис. 2: *4*). Это 6 «курганов-кладбищ» (№№ 7, 23, 55, 56, 61, 75), 3 малоизученных некрополя (№№ 4, 6, 59) и недавно открытые некрополи с кремациями в Байдарской долине (№№ 89–91). Их равномерное распределение по территории Юго-Западного Крыма демонстрирует мобильную динамику его освоения в позднеэллинистическое и римское время.

4-й блок. 27 некрополей (рис. 2: *3*), возникших и функционировавших в III–IV вв. н. э., которые отсутствуют в центральной части ареала, но хорошо представлены в его восточной и западной частях. Системно выглядит их концентрация вокруг отрогов Долгоруковской и Караби-яйлы (№№ 19–22, 34, 36, 99), а также на изолированном горном массиве Кубалач (№№ 27, 29, 31). В конце IV в. также происходит закладка двух горных некрополей Алмалык (№ 73) и Лучистое (№ 95), основной период функционирования которых приходится уже на эпоху раннего средневековья. Необходимо упомянуть и появление в это время двух некрополей с кремациями Ай-Тодор (№ 92) и Чатыр-Даг (№ 93).

В целом, распределение и анализ некрополей по хронологическому признаку показывает динамичное развитие всей территории их распространения на протяжении III–IV вв. н. э.

Кремации

На фоне преобладающего в Крыму обряда трупоположения (ингумации) выделяется ряд памятников, содержащих кремации. По критерию их наличия/отсутствия некрополи I–IV вв. н. э. могут быть разделены на три категории.

Некрополи, в которых кремации неизвестны[5]. Таких пунктов на карте представлено 13 (№№ 5, 10, 11, 13–15, 18, 34, 40, 47, 51, 62, 95), и все они сосредоточены в северо-западной части ареала. Исключение – некрополь Лучистое в Алуштинской долине (№ 95), функционирование которого приходится в основном на эпоху раннего средневековья.

Биритуальных некрополей известно 15 (рис. 3: *2*). Большинство из них (№№ 64, 65, 68, 73, 78, 79, 80, 81, 85, 96) довольно компактно расположены в бассейнах рек Бельбек и Черная, а удельный вес кремаций в них уменьшается по мере отдаления от Херсонеса. По одному случаю кремаций зафиксировано в центральной части ареала – Скалистое III (№ 42) и Опушки (№ 16). Восточная зона показывает один случай, требующий проверки (№ 29), а территория к югу от Главной горной гряды – еще два некрополя с преобладанием кремационных захоронений: Харакс/Ай-Тодор и Лучистое 2 (№№ 92, 94).

Некрополи, в которых известны пока только кремации (рис. 4: *3*). Таких объектов сейчас известно шесть. Три пункта в Байдарской долине – Варнутка, Саманлы-Баир, Муловский – недавнее открытие, ставшее фактически сенсационным (*Савеля, Савеля,* 2018). По еще двум случаям (№№ 17, 99) необходимы полноценные исследования. Единственный некрополь этой

[5] В эту выборку включены либо полностью изученные некрополи, либо такие, в которых исследовано 50 и более захоронений.

категории, который относительно полно исследован – Чатыр-Даг (№ 93) (*Мыц и др.,* 2006). Учитывая разные обстоятельства[6], рискну предположить, что таких объектов со временем будет открыто намного больше, и большинство из них окажутся биритуальными.

Хронологическое распределение объектов данной категории показывает, что немногие известные объекты в границах Главной горной гряды демонстрируют датировки в границах II–I вв. до н. э. – IV в. н. э. (*Мыц и др.,* 2006. С. 172; *Нессель,* 2018; *Мордвинцева, Лысенко,* 2016. С. 10). Ситуация с биритуальными некрополями Юго-Западного Крыма дает хронологический диапазон уже в границах I–IV вв. н. э., с акцентом на позднеантичный период. Картину выразительно дополняет картографирование немногих зафиксированных случаев кремаций и находок обгоревших костей при исследовании каменных ящиков Байдарской долины[7] и Южного берега Крыма[8] VI–IV вв. до н. э.[9] (рис. 3: *4*) (*Лесков,* 1965. С. 58, 75, 76).

В итоге получается, что обряд кремации многократно зафиксирован[10] на южных и юго-западных склонах Главной горной гряды Крыма на протяжении VI–IV вв. до н. э. – IV в. н. э. и постоянно сосуществует с обрядом ингумации.

Подбойные могилы

Распределение подбойных могил по хронологическим блокам показано на рис. 4.

Некрополей «длинного» (I–III или I–IV вв. н. э.) хронологического интервала с явным преобладанием[11] подбойных могил учтено 21 (№№ 5, 8, 10, 11, 13, 15, 16, 18, 26, 39, 40, 41, 42, 47, 51, 62, 64–66, 78, 80, 83) (рис. 4: *1*). Могильников, отобранных по этому же признаку, но с более коротким периодом существования (I–II вв. н. э.)[12] всего 5 (№№ 3, 4, 44, 61, 75). Обе упомянутые группы распределены по нижнему и среднему течениям рек западной части ареала (Юго-Западный Крым), но, возможно, это результат слабой изученности восточной группы памятников, как показывает ситуация с некрополем Кара-Тау (№ 26).

Поздняя (III–IV вв. н. э.) группа объединяет 13 некрополей с упомянутым признаком (рис. 4: *3*) (№№ 31, 34, 36, 38, 45, 47, 49, 55, 71–73, 76, 95). Как видно, некоторая их часть зафиксирована в восточной части ареала. Большинство же, наряду с низовьями рек Кача и Черная[13], демонстрируют тенденцию постепенного освоения новых территорий – горных долин Юго-Западного Крыма.

Грунтовые склепы

Феномен грунтовых катакомб и грунтовых склепов массово появляется на территории крымского Барбарикума во II в. до н. э. и диагностирует начальный период функционирования грунтовых некрополей. Картографирование памятников по этому признаку показывает, что некрополи с непрерывной практикой использования грунтовых/вырубных склепов с начала и до конца своего функционирования расположены относительно четкой цепочкой с северо-во-

[6] Слабую степень изученности или вовсе ее отсутствие в пяти из шести случаев, трудность обнаружения в залесенной горной местности, особенности соотношения ингумаций и кремаций на биритуальных некрополях Харакс / Ай-Тодор и Лучистое 2, другие факторы.

[7] Раскопки Ю. Д. Филимонова.

[8] Раскопки А. С. Уварова в окрестностях Ялты и П. Н. Шульца к востоку от Гаспры.

[9] В данном контексте также заслуживает внимания парадоксальный комплекс некрополя Бельбек I/III – кремация № 21, отнесенная издателями к середине – второй половине III в. н. э. (*Журавлев и др.,* 2021. С. 88–89). Согласно приведенной в публикации иллюстрации, все определимые находки из него в совокупности не могут быть датированы иначе, чем VI–IV вв. до н. э.

[10] Несмотря на множество негативных факторов: потревоженность почти всех захоронений в каменных ящиках, несовершенство методики их раскопок, малое количество известных объектов, трудности их выявления и т. д.

[11] По сравнению с другими типами могил: простых грунтовых, с заплечиками, плитовых.

[12] Возможно, это результат незначительной степени их изученности.

[13] В этих случаях сравнительно узкая датировка некрополей, возможно, является результатом малой степени их изученности.

стока на юго-запад, до морского побережья (рис. 5: *1*). Таких объектов пока известно 5. Это Усть-Альминский некрополь (№ 5), Левадки (№ 11), Западный и Восточный некрополи Неаполя Скифского (№№ 13, 14), Опушки (№ 16) и Кара-Тау (№ 26). В этом же «коридоре» (или створе) расположены 4 памятника (№№ 4, 6, 7, 15), в которых наиболее поздние грунтовые склепы датированы I в. н. э. (рис. 5: *2*).

Основной же ареал некрополей Юго-Западного Крыма показывает полное отсутствие практики захоронения в грунтовых склепах на протяжении I–II вв. н. э. Первые грунтовые склепы на некрополях с «длинной» хронологией[14] (№№ 9, 10, 47, 51, 64–66, 80, 83) (рис. 5: *3*) появляются здесь в III, или даже в начале IV в. н. э. Основное же количество некрополей (20) с грунтовыми склепами относится к поздней группе (III–IV вв. н. э.); на них склеповый обряд захоронения практикуется с самого начала (№№ 19, 21, 22, 24, 27, 30, 34–36, 39, 40, 47, 49, 51, 57, 72, 76, 77, 75, 95). Распределение этой группы на карте – в соответствии с позициями самого позднего четвертого хронологического блока (рис. 2: *3*; 5: *4*) (см. соответствующий раздел).

Выводы

1. Полученная картина четко свидетельствует о том, что на определенной территории, в целом соответствующей зоне Внешней и Внутренней гряд Крымских гор, с I по IV вв. н. э. непрерывно и совместно функционировали грунтовые некрополи и поселенческие комплексы[15] (*Смекалова и др.*, 2017). Их высокая плотность и активная хронологическая динамика свидетельствуют о постоянной востребованности этих земель, оптимальных для жизни и ведения сельского хозяйства (*Смекалова,* 2017. С. 147).

2. Изначальной «культурной осью» этой территории представляется цепочка городищ и некрополей Кара-Тау – Опушки – Неаполь Скифский – Левадки – Усть-Альма, которая демонстрирует постоянную практику захоронения в грунтовых и вырубных склепах и самые длительные примеры непрерывного функционирования некрополей (Кара-Тау и Опушки).

3. Военная катастрофа III в. н. э.[16], с которой ранее связывали прекращение позднескифской культуры, на самом деле затронула только центральную часть ареала. Логично предположить, что главной целью этой акции был именно Неаполь Скифский – место сосредоточения больших запасов зерна (крупная продовольственная база) и предполагаемая ставка боспорского наместника (*Зайцев,* 2003. С. 45). Закономерным следствием этих событий выглядит запустение соответствующих земель (рис. 2: *2*) и появление новых объектов в западной и восточной частях обитаемой территории.

4. На восточном фланге, помимо прочего, произошло системное освоение пастбищ Долгоруковской и Караби-яйлы, о чем свидетельствует образовавшееся вокруг них четкое полукольцо памятников III–IV вв. н. э. (№№ 16, 18, 19, 21, 22, 24, 34, 36, 99). Еще дальше на востоке в это время весьма активно существует обособленная система крупных городищ и сторожевых крепостей в границах горного массива Кубалач (№№ 25–31) (*Зайцев, Шкрибляк,* 2017).

5. На юго-западном направлении достаточно компактная зона обитания сформировалась в границах трех речных долин (Кача, Бельбек, Черная), в непосредственной близости от Херсонеса. По совокупности признаков эту территорию заманчиво изначально рассматривать в качестве своеобразной сельской округи Херсонеса – особой буферной зоны с эллинизированным варварским населением, погребальный обряд которого изобилует предметами античного происхождения и в I–II вв. н. э. отличается от более северных территорий разнообразием могильных конструкций и отсутствием практики захоронения в грунтовых склепах.

6. Обряд кремации, вероятно, был традиционным для некоторой части населения

[14] I–IV вв. н. э.

[15] Анализ связи некрополей и поселенческих структур выходит за рамки данной работы.

[16] Современная его датировка колеблется в пределах 218–240 гг. н. э. (*Зайцев*, 2003. С. 45).

горного Крыма с раннего железного века и на протяжении VI–IV вв. до н. э. – IV в. н. э. сосуществовал здесь с обрядом ингумации. Аналогичный биритуализм хорошо известен в кобанской археологической культуре Кавказа (*Козенкова,* 1982. С. 25), которая по многим показателям близка синхронным древностям Горного Крыма. Отсюда логично предположить, что кремационные захоронения на биритуальных некрополях Юго-Западного и Центрального Крыма (рис. 3: *2*) – это свидетельство контактов и частичного смешения горного и предгорного населения, усиленное ощутимой романизацией (каменные оссуарии) ближних к Херсонесу некрополей.

7. Инновации III–IV вв. н. э. (появление склепов на уже существующих некрополях, возникновение новых некрополей, разнообразие грунтовых склепов и подбойных могил) выглядят своеобразным отражением демографического взрыва, наступления стабильного и благополучного периода в истории крымского Барбарикума вплоть до конца IV – начала V в. н. э. Помимо многочисленных некрополей с богатым и разнообразным инвентарем, об этом может свидетельствовать факт устройства новых поселений в речных долинах[17], мощность и насыщенность зольников, площадь и масштабы застройки на поселениях Мелек и Кара-Тау.

8. Очевидная пестрота материальной культуры и разнообразие форм погребальной обрядности некрополей крымского Барбарикума в I–IV вв. н. э., несомненно, связаны с неоднородностью и полиэтничностью населения, хоронившего здесь своих умерших. Однако любые построения, целью которых является отождествление предметов, погребальных сооружений, элементов погребального обряда с конкретными этносами (сарматы, аланы, германцы), а также прямое их сопоставление с событиями этнополитической истории представляются слишком упрощенными, плохо согласуются с полученной картиной и не учитывают всего комплекса данных.

Приложение

Каталог грунтовых некрополей Крымского Барбарикума I–IV вв. н.э.

1. **Джан Баба/Марьино, некрополь** (I–II вв. н. э., каменный склеп, подбойная могила) (*Ланцов и др.,* 2014).

2. **Беляус, некрополь** (II в. до н. э. – I в. н. э., грунтовые склепы/катакомбы, каменные склепы, подбойные могилы, кремации, погребение в амфоре, исследован полностью, всего исследовано 179 объектов) (*Дашевская,* 2014. С. 2).

3. **Кара Тобе, некрополь** (II в. до н. э. – I в. н. э., грунтовые склепы/катакомбы – 7, простые грунтовые – 13, с заплечиками – 1, подбойные могилы – 8, всего исследовано 29 объектов) (*Внуков, Лагутин,* 2001. С. 96).

4. **Кольчугино, некрополь** (I в. до н. э. – I в. н. э., грунтовые склепы – 6, подбойные могилы – 6, конское – 1, всего исследовано 8 объектов) (*Храпунов и др.,* 1997. С. 124–125).

5. **Усть-Альминский некрополь** (II в. до н. э. – III в. н. э., грунтовые склепы/катакомбы, могилы: плитовые – 29, подбойные, грунтовые с заплечиками, простые грунтовые, конские захоронения, всего исследовано 1315 объектов) (*Высотская,* 1994. С. 47–50; *Пуздровский, Труфанов,* 2016; 2017; 2017а; *Пуздровский и др.,* 2021; *Труфанов,* 2021. С. 21).

6. **Магарач (Вилино/Рассадное), некрополь** (I в. н. э., грунтовые склепы – 2) (*Лобода,* 1988).

7. **Магарач (Вилино / Рассадное), курган 1, «курган-кладбище»** (II в. до н. э. – I в. н. э., грунтовые склепы/катакомбы, могилы: грунтовая (?), подбойные, всего исследовано 10 объектов) (*Лобода,* 1988).

8. **Шевченково, некрополь** (предположительно I–III вв. н. э., не исследовался). Информация А. А. Волошинова.

9**. Брянское, некрополь** (I–III вв. н. э., могилы: подбойные – 8, грунтовые – 5, пли-

[17] В отличие от более ранних, укрепленных и устроенных на возвышенностях и скалах.

товые – 4, вырубной склеп, конское захоронение, всего исследовано 19 объектов) (*Труфанов,* 2005).

10. **Заветное / Алма-Кермен, некрополь** (I–III вв. н. э., грунтовый склеп, могилы: простые грунтовые, плитовые, грунтовые с заплечиками, подбойные, захоронения младенцев в амфорах, всего исследовано 336 объектов) (*Богданова,* 1989. С. 20–23; *Зайцев и др.,* 2007).

11. **Левадки, некрополь** (II в. до н. э. – III в. н. э., грунтовые склепы/катакомбы – 48, могилы: подбойные – 94, грунтовые – 44, конские, всего исследован 191 объект) (*Храпунов, Стоянова, Мульд,* 2001; *Мульд, Кропотов,* 2015).

12. **Фонтаны, некрополь** (II в. до н. э. – III в. н. э., грунтовые катакомбы – 2, могилы: подбойные – 7, простые грунтовые – 4, всего исследовано 13 объектов) (*Храпунов,* 2008. С. 239).

13. **Неаполь Скифский, Западный некрополь** (II в. до н. э. – III в. н. э., грунтовые склепы, вырубные склепы – 30, подбойные могилы, точное количество объектов не установлено, но могло достигать нескольких сотен) (*Сымонович,* 1983; *Зайцев,* 2003. С. 39; *Пуздровский,* 2007. С. 94).

14**. Неаполь Скифский, Восточный некрополь** (II в. до н. э. – III в. н. э., грунтовые склепы/катакомбы – 71, вырубные склепы – 14, могилы: подбойные – 226, могила с заплечиками – 1, погребение младенца в амфоре – 1, всего исследовано более 330 объектов, информация нуждается в уточнении) (*Бабенчиков,* 1957. С. 120; *Сымонович,* 1983; *Пуздровский,* 2007. С. 94)

15. **Битак, некрополь** (II в. до н. э. – III в. н. э., грунтовые склепы/катакомбы – 16, могилы: подбойные – 154, с заплечиками – 2, простые грунтовые – 3, конские захоронения – 3, всего исследовано 178 объектов) (*Пуздровский,* 2007. С. 31).

16. **Опушки / Аталык-Эли, некрополь** (I в. до н. э. – IV в. н. э., грунтовые склепы – 39, могилы: подбойные – 112, грунтовые – 164 (из них конские – 52), плитовая – 1, каменный склеп – 1, кремация – 1, всего исследовано 318 объектов) (*Маркевич,* 1903. С. 57; *Храпунов,* 2021. С. 254).

17. **Кизилташ, некрополь** (предположительно римское время, кремации, не исследовался) (*ИТУАК.* 1897. С. 168–169).

18. **Нейзац, некрополь** (I–IV вв. н. э., грунтовые склепы – 88, могилы: подбойные – 195, грунтовые – 320 (в т. ч. амфора с младенцем, конские, плитовые, с заплечиками и т. д.), ямы с керамикой – 21 + 22 скопления, всего исследовано 599 объектов) (*Храпунов,* 2011. С. 14–15; *Храпунов,* 2016. С. 11–12).

19. **Розенталь / Ароматное, некрополь** (III–IV вв. н. э., грунтовые склепы – 4) (*Чуркин, Шкрибляк,* 2017. С. 282–291).

20. **Балки, некрополь** (предположительно I–III вв. н. э., не исследовался). Информация В. А. Захарова.

21. **Отаркой / Александровка, некрополь** (IV–V вв. н. э., грунтовые склепы – 5) (*Чуркин, Шкрибляк,* 2017. С. 270–282).

22**. Карасу-Баши / Карасевка, некрополь** (IV в. н. э., грунтовый склеп – 1, подбойная могила – 1) (*Чуркин, Шкрибляк,* 2017. С. 266–270).

23. **Кирпичное, «курган-кладбище»** (I в. н. э., грунтовые могилы – 20). Раскопки А. А. Щепинского 1970 г.

24. **Алексеевка, некрополь** (I–IV вв. н. э., грунтовые склепы, грунтовая могила) (*Пуздровский,* 2007. С. 97). Информация Ю. П. Зайцева.

25. **Мичурино, некрополь** (предположительно II–I вв. до н. э. – III в. н. э., грунтовые склепы/катакомбы) (*Мульд,* 2001). Информация Ю. П. Зайцева.

26. **Кара-Тау, некрополь** (II в. до н. э. – IV в. н. э., грунтовые катакомбы – 5, каменные склепы – 3, грунтовые склепы – 2, могилы: подбойные – 16, простые грунтовые – 3, грунтовые с заплечиками – 1, всего исследовано 30 объектов) (*Зайцев, Шкрибляк,* 2017. С. 148).

27. **Мурза-Кой 2, некрополь** (предположительно I–IV вв. н. э., грунтовые склепы, подбои, не исследовался) (*Зайцев, Шкрибляк,* 2017. С. 150).

28. **Урус-Ходжа, некрополь** (предположительно I–IV вв. н. э., грунтовые склепы, подбойные могилы, не исследовался) (*Зайцев, Шкрибляк,* 2017. С. 149).

29. **Куляба 1, некрополь** (предположительно II–I вв. до н. э. – IV в. н. э., грунтовые склепы, подбойные могилы, не исследовался) (*Зайцев, Шкрибляк,* 2017. С. 150–151).

30. **Куляба 2, некрополь** (предположительно III–IV вв. н. э., грунтовые склепы,

подбойные могилы, не исследовался). Информация Ю. П. Зайцева.

31. **Курское, некрополь** (III–IV вв. н. э., грунтовые склепы – 4, подбойные могилы – 22, конские – 1, всего исследовано 27 объектов) (*Труфанов, Колтухов,* 2003; *Труфанов,* 2004).

32. **Бор-Кая, некрополь** (предположительно I–III вв. н. э., подбойные могилы, не исследовался). Информация Ю. П. Зайцева.

33. **Яман-Таш, некрополь** (предположительно I–III вв. н. э., не исследовался) (*Гаврилов,* 2018. С. 153).

34. **Дружное / Джафар-Берды, некрополь** (III–IV вв. н. э., грунтовые склепы – 26, могилы: подбойные – 34, грунтовые – 13, конские – 14, яма с сосудами – 1, всего исследовано 88 объектов) (*Репников,* 1940; *Айбабин,* 1994; *Храпунов,* 2002. С. 15).

35. **Заречное, некрополь** (IV в. н. э., грунтовый склеп) (*Масякин,* 2010).

36**. Перевальное, некрополь** (III–IV вв. н. э., грунтовые склепы – 9, могилы: подбойные – 8, грунтовые – 2, плитовая – 1, всего исследовано 20 объектов) (*Пуздровский,* 2007. С. 95).

37. **Репино, некрополь** (предположительно III–IV вв. н. э., грунтовые склепы, не исследовался). Информация А. А. Волошинова, И. И. Неневоли, Ю. П. Зайцева.

39. **Балта-Чокрак, некрополь** (I–III вв. н. э., могилы: подбойные – 32, простая грунтовая – 1, плитовая – 1, амфора с погребением младенца – 1, всего исследовано 38 объектов) (*Зайцев и др.,* 2005. С. 169).

38. **Балта-Чокрак II, некрополь** (III–IV вв. н. э., грунтовые склепы, не исследовался) (*Шаров, Юрочкин,* 2014).

40. **Озерное III (Скалистое IV), некрополь** (IV в. н. э., грунтовые склепы-катакомбы – 3, могилы: подбойная – 1, грунтовые – 3, всего исследовано 7 объектов на площади 2000 кв. м, предположительно, некрополь исследован полностью) (*Лобода,* 1977. С. 236–252).

41. **Скалистое II, некрополь** (I–III в. н. э., подбойные, всего исследовано 16 объектов) (*Богданова, Гущина,* 1967. С. 132–133).

42. **Скалистое III (Озерное II), некрополь** (I–III вв. н. э., могилы: подбойные – 73, плитовые – 4, грунтовые с заплечиками (в том числе с плитами на столбах) – 48, простые грунтовые – 5, погребение в амфоре, кремация – 1, всего исследован 121 объект) (*Богданова, Гущина,* 1967. С. 133–138; *Богданова и др.,* 1976. С. 121–123, *Баранов, Гарбуз,* 2012. С. 172; *Баранов, Гарбуз,* 2013).

43. **Мангуш / Прохладное, некрополь** (III–IV вв. н. э., не исследовался) (*Репников,* 1940, С. 377).

44. **Казан Таш, некрополь или «курган-кладбище»** (I в. н. э., подбойные могилы – 6) (*Зайцев,* 1997. С. 114–116).

45. **Сувлу-Кая, некрополь** (III–V вв. н. э., грунтовые склепы – 14, могилы: подбойные – 30, грунтовые с заплечиками – 2, простая грунтовая – 1, всего исследовано 47 объектов) (*Волошинов и др.,* 2019; *Волошинов, Масякин,* 2021).

46. **Усть-Качинский, некрополь** (предположительно II–III вв. н. э., могилы плитовые или с заплечиками, не исследовался) (*Репников,* 1940. С. 219–220).

47**. Вишневое / Эски-Эли, некрополь** ((III–IV вв. н. э., грунтовые склепы – 2, могилы: подбойные – 8, грунтовые с заплечиками – 4, плитовые – 6, простые грунтовые – 2, всего исследовано 22 объекта) (*Репников,* 1940. С. 219; *Пуздровский и др.,* 2001. С. 33; *Туровский,* 2002; *Колодченко,* 2014).

48. **Суворово / Аранчи, некрополь** (I–IV вв. н. э., грунтовые склепы – 13, могилы: плитовые – 6, грунтовые с заплечиками – 18, подбойные – 7, простые грунтовые – 6, конские – 2, всего исследовано 55 объектов) (*Репников,* 1940. С. 219; *Зайцев,* 1997; *Юрочкин, Труфанов,* 2003; *Зайцев, Мордвинцева,* 2003).

49. **Тенистое, некрополь** (III–IV вв. н. э., грунтовые склепы – 1, подбойные могилы – 2) (*Пуздровский и др.,* 2001. С. 32).

50. **Тас-Тепе, некрополь** (III–IV вв. н. э., грунтовые склепы – 5, подбойные могилы – 9, конское захоронение – 1, всего исследовано 15 объектов) (*Пуздровский и др.,* 2001. С. 32–33).

51**. Краснозорье / Чоткара (Красная Заря), некрополь** (I–IV вв. н. э., грунтовые склепы – 4, могилы: подбойные – 35, грунтовые с заплечиками – 6, простые грунтовые – 4, конская – 1, неопределенные – 2, всего исследовано 52 объекта) (*Репников,* 1940. С. 220; *Пуздровский и др.,* 2001. С. 32; *Волошинов, Масякин, Неневоля,* 2007. С. 303).

52. **Чавкели 1 (Речное), некрополь** (предположительно I–IV вв. н. э., грунтовые склепы, подбойные могилы, не исследовался). Информация Ю. П. Зайцева.

53. **Долинное / Топчикой, некрополь** (II–III вв. н. э., подбойные могилы – 4) (*Неневоля, Волошинов,* 2013).

54. **Чавкели 2, некрополь** (предположительно I–IV вв. н. э., подбойные могилы, не исследовался). Информация Ю. П. Зайцева.

55**. Колхоз им. Ильича, «курган-кладбище»** (I в. н. э., типы могил не установлены, зафиксировано 2 объекта) (*Высотская,* 1972. С. 72).

56. **Совхоз Коминтерн, «курган-кладбище»** (I–II вв. н. э., исследована 1 грунтовая могила, зафиксировано 5 объектов) (*Высотская,* 1972. С. 72).

57. **Предущельное, некрополь** (III–IV вв. н. э., грунтовые склепы-катакомбы – 2, подбои – 17, простые грунтовые – 2, всего исследован 21 объект) (*Волошинов, Неневоля,* 2012).

58. **Фыцки, некрополь** (предположительно II–III вв. н. э., не исследовался). Информация И. И. Неневоли.

59. **Константиновка, некрополь?** (II в. н. э., не исследовался) (*Орлов, Скорий,* 1989).

60. **Теберти / Тургеневка, некрополь** (предположительно I–II вв. н. э., не исследовался) (*Дашевская,* 1991. С. 49).

61. **Мамай-Оба / Любимовка, «курган-кладбище»** (I–II вв. н. э., исследовано 8 подбойных могил) (*Зубар, Савеля,* 1989. С. 74–83).

62. **Бельбек IV, некрополь** (I–III вв. н. э., могилы: подбойные (50%), грунтовые с заплечиками – 3, простые грунтовые – 37%, плитовые – 5, всего исследовано 335 (+84 в 2021 г.) объектов) (*Гущина, Журавлев,* 2016. С. 8–9).

63. **Имение Шталя / Алькадар / Усть-Бельбекский, некрополь** (предположительно II–III вв. н. э., плитовые могилы, не исследовался) (*Репников,* 1940. С. 241; *Журавлев и др.,* 2021. С. 92–96);

64. **Бельбек I / Бельбек III, некрополь** (II–IV вв. н. э., грунтовый склеп – 1, могилы: подбойные – 10, грунтовые с заплечиками – 1, простые грунтовые – 11, плитовые – 17, кремация – 3, неопределенной конструкции – 8, всего исследован 51 объект) (*Журавлев и др.,* 2021. С. 97; Гущина, 1974. С. 52–54; *Филипенко и др.*, 2016).

65. **Фронтовое 3, некрополь** (I–IV вв. н. э., грунтовые склепы – 12, могилы: подбойные – 305 (среди них 14 кремаций), грунтовые с заплечиками – 3, конское захоронение – 1, всего исследовано 328 объектов, некрополь изучен полностью) (*Свиридов, Язиков,* 2019. С. 185).

66**. Бельбек II / Заланкой / Холмовка, «курган-кладбище»** (I–III вв. н. э., грунтовый склеп – 1, могилы: подбойные – 6, грунтовые с заплечиками – 3, плитовые – 1, простые грунтовые – 10, неопределенной конструкции – 5, всего исследовано 26 объектов) (*Репников,* 1940. С. 246–247; *Мосберг,* 1946. С. 114–118; *Гущина,* 1974. С. 50–51; *Труфанов,* 2014. С. 183).

67. **Мангуп, Лагерная балка, некрополь** (III–IV вв. н. э., вырубные склепы, грунтовые могилы) (*Герцен и др.,* 2017. С. 35).

68. **Танковое, некрополь** (III в. н. э., грунтовые могилы с заплечиками – 6, кремации – 3) (*Вдовиченко, Колтухов,* 1994). Информация Ю. П. Зайцева.

69. **Пугу-Кая, некрополь** (предположительно III–IV вв. н. э., грунтовые склепы, не исследовался). Информация И. И. Неневоли, А. А. Волошинова.

70. **Танковое II, некрополь** (IV в. н. э., не исследовался). Информация Ю. П. Зайцева.

71. **Кузу-Кулак-Бурун (Кызык-Кулакская), некрополь** (предположительно I–III вв. н. э., не исследовался) (*Репников,* 1940. С. 236–237).

72. **Красный Мак, некрополь** (IV–V вв. н. э., грунтовые склепы – 13, подбойные могилы – 3, всего исследовано 16 объектов) (*Лобода,* 2005. С. 192, 224).

73**. Алмалык (Алмалык-Дере), некрополь** (IV–VII вв. н. э., грунтовые склепы – 75, могилы: подбойные – 19, простые грунтовые – 6, кремации – 2, конские – 3, всего исследовано 179 объектов) (*Герцен и др.,* 2017. С. 35).

74**. Братское кладбище, «курган-кладбище»** (I в. до н. э. – I в. н. э., могилы: подбойные – 5, плитовая – 1, простые грунтовые – 3, всего исследовано 9 объектов) (*Журавлев и др.,* 2021. С. 98–131).

75. **Панайотова балка, некрополь?** (предположительно II–III вв. н. э., подбойная могила, не исследовался) (*Репников,* 1940. С. 50–51).

76. **Инкерманский, некрополь** (IV–V вв. н. э., могилы: подбойные – 26, грунтовые различной конструкции – 17 (из них 4 – с заплечиками), грунтовые склепы – 7, исследовано 50 объектов) (*Веймарн,* 1963. С. 15–16).

77. **Килен-Балка, некрополь** (IV–V вв. н. э., грунтовые склепы – 9) (*Савеля, Савеля,* 1994; *Нессель,* 2003. С. 107).

78. **Киль-Дере, некрополь** (II–IV вв. н. э., могилы: подбойные – 359, плитовые – 12, простые грунтовые – 34, кремации – 4, неопределенной конструкции – 12, всего исследован 421 объект, некрополь раскопан полностью) (*Кацур,* 1963. С. 12. № 29). Информация С. В. Язикова.

79. **Федюхины высоты 1, некрополь** (предположительно I–IV вв. н. э., кремации, не исследовался) (*Кацур,* 1963. С. 12. № 26).

80. **Совхоз 10 / Совхоз «Севастопольский», некрополь** (I–IV вв. н. э., грунтовые склепы – 19, могилы: подбойные – 214 (в том числе комбинации с плитовыми – 6 и с погребениями младенцев в амфорах – 10), простые грунтовые (в том числе с заплечиками) – 71 (из них 8 с погребениями младенцев в амфорах), плитовые – 13, кремации – 30 каменных ящиков (содержали 35 оссуариев + 107 керамических урн), 357 керамических урн и 2 оссуария отдельно, грунтовая яма с 32 керамическими урнами, подбойная могила с 9 керамическими урнами, курган с плитовой могилой, 2 ямы с керамическими сосудами, всего исследовано 711 объектов, некрополь раскопан полностью) (*Стржелецкий и др.,* 2005. С. 31–32, 188–195).

81. **Телеграфные высоты 1, некрополь** (предположительно I–IV вв. н. э., кремации, ингумации, не исследовался) (*Кацур,* 1963. С. 11. № 17).

82. **Телеграфные высоты 2, некрополь** (предположительно I–IV вв. н. э., грунтовые склепы, не исследовался) (*Кацур,* 1963. С. 11. № 18).

83. **Телеграфные высоты 3, некрополь** (предположительно I–IV вв. н. э., грунтовые склепы, не исследовался) (*Кацур,* 1963. С. 11. № 19).

84. **Федюхины высоты 2, некрополь** (предположительно I–IV вв. н. э., подбойная могила, не исследовался) (*Кацур,* 1963. С. 11. № 25).

85. **Чернореченский, некрополь** (I–VII вв. н. э., грунтовые склепы – 7, могилы: подбойные – 38, простые грунтовые – 7, кремации – 33, конские – 2, всего исследовано 87 объектов, грабительские раскопки) (*Бабенчиков,* 1963. С. 90–123).

86. **Кефало-Вриси / Балаклава, некрополь** (предположительно I–IV вв. н. э., грунтовые склепы, могилы) (*Репников,* 1940. С. 7–8).

87. **Чоргунь / Черноречье, некрополь** (предположительно I–IV вв. н. э., грунтовые склепы – 3) (*Репников,* 1940. С. 27; *Кацур,* 1963. С. 12. № 21).

88. **Терновка 2, некрополь** (III–IV вв. н. э., могилы: плитовые – 7, грунтовые с заплечиками – 7, всего исследовано 16 объектов) (*Беляев,* 1972. С. 19–32).

89. **Гончарное / Варнутка, некрополь** (II–I вв. до н. э. – II в. н. э., урновые кремации – 26) (*Колодченко,* 2018; *Нессель,* 2018; *Савеля, Савеля,* 2018. С. 271–272).

90. **Передовое / Саманлы-Баир, некрополь** (I в. до н. э. – I в. н. э., кремации – не менее 16 объектов) (*Савеля, Савеля,* 2018. С. 269).

91. **Муловский, некрополь** (II–I вв. до н. э. – I в. н. э., кремации) (*Савеля, Савеля,* 2018. С. 269–271).

92. **Ай-Тодор/Харакс, некрополь** (III–IV вв. н. э., кремации – 45, ингумации – 2, всего исследовано 47 объектов) (*Блаватский,* 1951. С. 262–275; *Орлов,* 1987; *Мыц и др.,* 2006. С. 177; *Строков и др.,* 2020).

93**. Чатыр-Даг, некрополь** (II–IV вв. н. э., кремации – 55) (*Мыц и др.,* 2006. С. 177).

94. **Лучистое 2, некрополь** (I–III вв. н. э., грунтовые могилы – 2, кремации, всего исследовано 17 объектов) (*Лысенко и др.,* 2014; 2015; *Мордвинцева, Лысенко,* 2016).

95. **Лучистое / Фуна, некрополь** (IV–XVIII вв. н. э.) (грунтовые склепы, могилы: подбойные, грунтовые. Всего исследовано более 300 объектов) (*Айбабин, Хайрединова,* 1998; 2001; 2008; 2014; 2016).

96. **Александриада, некрополь** (предположительно I в. н. э., кремации, ингумации, всего исследовано 12 объектов) (*Мыц и др.,* 2006. С. 177; *Селиванова,* 2016. С. 55–58).

97. **Фронтовое 2, некрополь** (II–III вв. н. э., могилы: простые грунтовые – 10, грунтовые с заплечиками – 6, плитовые – 3,

подбойные – 4, «каменные ящики», всего исследовано 29 объектов) (*Корпусова,* 1972).

98. **Золотое, некрополь** (II в. до н. э. – II в. н. э., грунтовые катакомбы/склепы – 11, могилы: подбойные – 3, грунтовые с заплечиками – 46, плитовые – 4, кремации – 3, конское – 1, всего исследовано 94 объекта) (*Корпусова,* 1983. С. 15–22, 74).

99. **Малиновый ручей, некрополь** (III–IV вв. н. э., кремации, не исследовался). Информация Ю. П. Зайцева.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1994. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. С. 89–131.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 1998. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. С. 74–90.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2001. Новые ранние комплексы из могильника у села Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. С. 274–311.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2008. Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь, Керчь. 336 с.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2014. Могильник у с. Лучистое. Том II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь, Керчь. 400 с.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.

Бабенчиков В. П., 1957. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П. Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР. С. 94–141.

Бабенчіков В. П., 1963. Чорноріченский могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Киев: Вид-во АН УРСР. С. 90–123.

Баранов В. И., Гарбуз И. А., 2012. Раскопки могильника римской эпохи Юго-Западного Крыма Скалистое III в 2011 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. № 2. С. 171–173.

Баранов В. И., Гарбуз И. А., 201. Раскопки могильника римской эпохи Юго-Западного Крыма Скалистое III в 2012 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. № 2. С. 177–179.

Беляев С. А., 1973. Отчет о работе херсонесского отряда в 1972 году // Научный архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. Фонд 24. Опись 1. Дело № 29. 146 с.

Блаватский В. Д., 1951. Харакс // Материалы по археологии северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Наука. С. 250–291. (МИА. № 19).

Богданова Н. А., 1989. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М. С. 17–70. (Труды ГИМ. Вып. 70).

Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И., 1976. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // Советская археология. № 4. С. 121–152.

Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г., 1994. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма // Ред. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия. С. 82–88.

Веймарн Е. В., 1957. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П. Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР. С. 219–237.

Веймарн Е. В., 1963. Археологічні работи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Киев: Вид-во АН УРСР. С. 15–89.

Внуков С. Ю., Лагутин А. Б., 2001. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. М. С. 96–121. (Труды ГИМ. Вып. 118).

Волошинов А. А., Масякин В. В., Неневоля И. И., 2007. Два комплекса с римскими импортами из Краснозоринского некрополя // Древняя Таврика / Ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 303–318.

Волошинов А. А., Неневоля И. И., 2012. Охранные археологические исследования могильника у с. Предущельное» // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы и докладов и сообщений / Отв. ред. А. И. Айбабин, А. Г. Герцен и др. Бахчисарай. С. 51–52.

Волошинов А. А., Масякин В. В., Соломоненко А. Е., 2019. Исследования могильника Сувлу-Кая III–V вв. н. э. в 2018 г. (г. Бахчисарай) // История и археология Крыма. Вып. XI. С. 59–64.

Волошинов А. А., Масякин В. В., 2021. Склепы особой конструкции как индикаторы связей населения Юго-Западного Крыма и Боспора в IV–V вв. н. э. // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь, Керчь. С. 76–85.

Высотская Т. Н., 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка. 192 с.

Гаврилов А. В., 2018. Городище Яман Таш и рвы в Старокрымской долине // История и археология Крыма. Вып. VII. С. 149–175.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю., 2017. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М., СПб.: Нестор-История. 357 с.

Гущина И. И., 1967. О сарматах в Юго-Западном Крыму // Советская археология. № 1. С. 40–50.

Гущина И. И., 1974. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ. С. 32–64.

Гущина И. И., Журавлев Д. В., 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч. 1. М.: ГИМ. 272 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).

Дашевская О. Д., 1991. Поздние скифы Крыма. М.: Наука. 141 с. (САИ. Вып. Д1-7).

Дашевская О. Д., 2014. Некрополь Беляуса. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс». 284 с.

Журавлев Д. В., Фирсов К. Б., Бельский С. В., 2021. Могильник Бельбек I и курган у Братского кладбища в Юго-Западном Крыму: археологические раскопки Н. М. Печёнкина в 1903–1905 гг. СПб.: Алетейя. 172 с.

Зайцев Ю. П., 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: Сонат. С. 102–116.

Зайцев Ю. П., 2003. Неаполь скифский. II в. до н. э. – III в. н. э. Симферополь: Универсум. 209 с.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2003. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. С. 57–77.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., Неневоля И. И., Фирсов К. Б., Радочин В. Ю., 2005. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК // Херсонесский сборник. Вып. XIV. С. 169–196.

Зайцев Ю. П., Волошинов В. В., Кюнельт Э., Масякин В. В., Мордвинцева В. И., Фирсов К. Б., Флесс Ф., 2007. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н. э. в Юго-западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика / Ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 249–290.

Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И., 2017. Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований / Ред. Ю. П. Зайцев. Симферополь: Тарпан. С. 139–153.

Зубар В. М., Савеля О. Я., 1989. Новий сарматський могильник другої половини I – початку II ст. н. е. в південно-західном Крим // Археологія. № 2. С. 74–83.

ИТУАК. 1897. Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 27. С. 168–169.

Кацур Н. П., 1963. Археологічна карта Інкерманської долини // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Киев: Вид-во АН УРСР. С. 7–14.

Козенкова В. И., 1982. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // Советская археология. № 3. С. 14–34.

Колодченко П. Н., 2014. Варварский могильник I–III вв. у с. Вишневое // Наукові студії. Вип. 7. Культові та поховальні пам'ятки у Вісло-Дніпровському регіоні: проблеми інтерпретації. Львів, Винники: Апріорі. С. 184–196.

Колодченко П. Н., 2018. Комплекс металлических изделий из варварского могильника у с. Гончарное // Херсонесский сборник. Вып. XIX. С. 153–162.

Корпусова В. М., 1972. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. Вип. 6. С. 41–54.

Корпусова В. Н., 1983. Некрополь Золотое. Киев: Наукова думка. 184 с.

Ланцов С. Б., Власов В. П., Смекалов С. Л., Шапцев М. С., 2014. Археологические исследования на некрополе городища Джан-Баба // Историческое наследие Крыма / Ред. Н. О. Гриненко. Симферополь: Антиква. С. 191.

Лесков А. М., 1965. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка. 197 с.

Лобода И. И., 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // Советская археология. № 4. С. 233–252.

Лобода И. И., 1988. Охранные раскопки в Юго-Западном Крыму // Археологические открытия 1987 года. М.: Наука. С. 304–305.

Лобода И. И., 2005. Раскопки Красномакского могильника в 1983–1984 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XI. С. 192–251.

Лысенко А. В., Мордвинцева В. И., Сударев Н. И., Юрочкин В. Ю., 2014. Исследования могильника римского времени Лучистое-II в Южном Крыму // Историческое наследие Крыма / Ред. Н. О. Гриненко. Симферополь: Антиква. С. 210.

Масякин В. В., 2010. Склеп позднеримского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика / Ред. А. Е. Пуздровский, Ю. П. Зайцев. Донецк: Донбасс. С. 278–284. (Археологический альманах. № 22).

Масякин В. В., Волошинов А. А., Неневоля И. И., 2013. Склепы начала эпохи Великого переселения народов из некрополя Сувлу-Кая // II Бахчисарайские научные чтения Е. В. Веймарна / Отв. ред. А. И. Айбабин, А. Г. Герцен. Бахчисарай. С. 31–32.

Мордвинцева В. И., Лысенко А. В., 2016. Исследования могильника римского времени Лучистое 2 (Южный Крым) // Археологічні дослідження в Україні 2015 р. Киев: Стародавній Світ. С. 7–10.

Мосберг Г. И., 1946. К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма // Советская археология. VIII. С. 113–119.

Мульд С. А., 2001. Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. С. 51–66.

Мульд С. А., Кропотов В. В., 2015. Позднескифский могильник Левадки в Центральном Крыму (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. С. 117–130.

Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В., 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История. 208 с.

Неневоля И. И., Волошинов А. А., 2001. Два комплекса IV в. н. э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма. М. С. 141–146. (Труды ГИМ. Вып. 118).

Неневоля И. И., Волошинов А. А., 2013. Раскопки могильника Долинное // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь, Бахчисарай: Доля. С. 70–76.

Нессель В. А., 2003. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // Херсонесский сборник. Вып. XII. С. 107–123.

Нессель В. А., 2018. Керамический комплекс у с. Гончарное в Юго-Западном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. XIX. С. 217–228.

Орлов К. К., 1987. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма / Отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка. С. 106–133.

Орлов К. К., Скорый С. А., 1989. Комплекс з бронзовим посудом римского часу з поховання в Центральному Криму // Археологія. № 2. С. 63–73.

Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.

Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 2001. Новые памятники III–IV вв. н. э. в Юго-западном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. С. 3–50.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2016. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь: ИП Бровко. 308 с.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2017а. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь: ИП Бровко. 372 с.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2017б. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. Симферополь: ИП Зуева. 300 с.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 2021. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 1997–1999 гг. Симферополь: Мандарин. 408 с.

Савеля О. Я., Савеля Д. Ю., 1994. Могильники позднеантичной – ранневизантийской поры на Гераклейском полуострове (по материалам раскопок могильника в Килен-Балке в 1991–1992 гг.) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тезисы докладов международной научной конференции. Симферополь, 1994.

Савеля О. Я., Савеля Д. Ю., 2018. Поля погребальных урн в горах Юго-Западного Крыма (по материалам разведок 2014–2015 гг. в Байдарской и Варнаутской долинах) // Херсонесский сборник. Вып. XIX. С. 269–288.

Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2019. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 255. С. 185–201.

Селиванова О. В., 2016. Бороздин Илья Николаевич // МИРАС – Наследие / Отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. Казань: Астер-Плюс. С. 55–85.

Смекалова Т. Н., 2017. Система расселения, пространственная структура и хозяйственные типы поздних скифов Крыма // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.) / Ред. А. И. Иванчик, В. И. Мордвинцева. Симферополь, М.: ИП Зуева. С. 124–147.

Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П., 2015. Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. СПб.: Алетейя. 244 с.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2005. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum Plus. № 4. 2003–2004. С. 27–277.

Строков А. А., Камелина Г. А., Свиркина Н. Г., 2020. Ай-Тодорский грунтовый могильник (Харакс) в контексте позднеантичных и раннесредневековых древностей Северного Причерноморья // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре / Ред. К. М. Андреев и др. Том II. Самара. С. 186–188.

Сымонович Э. А., 1983. Население столицы позднескифского царства. Киев: Наукова думка. 195 с.

Труфанов А. А., 2005. Исследования могильника у с. Брянское в 1995–1996 гг. // Херсонесский сборник. Вып. XIV. С. 315–326.

Труфанов А. А., 2012. Склеп IV в. н. э. из некрополя у с. Курское в Крыму // Российская археология. № 2. С. 34–41.

Труфанов А. А., 2014. Могильник I–III вв. н. э. у с. Холмовка и впускные погребения первых веков н. э. в курганах Юго-Западного Крыма // История и археология Крыма. Вып. I. С. 183–209.

Труфанов А. А., Колтухов С. Г., 2003. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму // Stratum plus. № 4. 2001–2002. С. 278–295.

Туровский Е. Я., 2002. Раскопки скифского могильника римского времени у с. Вишневое // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища / Отв. ред. В. Ю. Зуев. Часть 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 118–120.

Филиппенко А. А., Тюрин М. И., Ушаков С. В., 2016. О могильнике ВИР (Бельбек III) в Юго-Западном Крыму: новые данные // Stratum plus. № 4. С. 139–151.

Храпунов И. Н., 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Вып. VI. 240 с.

Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. н. э.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Curie-Sklodowskiej. 313 с.

Храпунов И. Н., 2008. Позднескифский могильник Фонтаны (По результатам раскопок 2000–2001 гг.). Симферополь: Доля. 58 с.

Храпунов И. Н., 2011. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля. С. 13–114.

Храпунов И. Н., 2016а. Население Горного Крыма в позднеримское время // Вестник древней истории. № 1. С. 118–134.

Храпунов И. Н., 2016б. Исследования могильника Нейзац в 2011–2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II: 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 11–36.

Храпунов И. Н., 2019. Археологическая культура позднеримского времени в Предгорном Крыму // Российская археология. № 1. С. 32–49.

Храпунов И. Н., 2021. Исследования могильника Опушки: итоги и перспективы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД. С. 235–259.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А., Мульд С. А., 2001. Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. II / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия-Плюс. С. 105–168.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2016. Могила № 9 (35) из Чернореченского могильника в Крыму // Краткие сообщения Института археологии. № 244. С. 166–194.

Чуркин А. С., Шкрибляк И. И., 2017. Новые позднеантичные некрополи в Центральном Крыму // Stratum plus. № 4. С. 265–293.

Шаров О. В., Юрочкин В. Ю., 2014. Разведки в Бахчисарайском районе // Историческое наследие Крыма / Ред. Н. О. Гриненко. Симферополь: Антиква. С. 215.

Шульц П. Н., 1957. Исследования Неаполя скифского (1945–1950 гг.) // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П. Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР. С. 94–141.

Шульц П. Н., 1971. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. М: Наука. С. 127–142. (МИА. № 177).

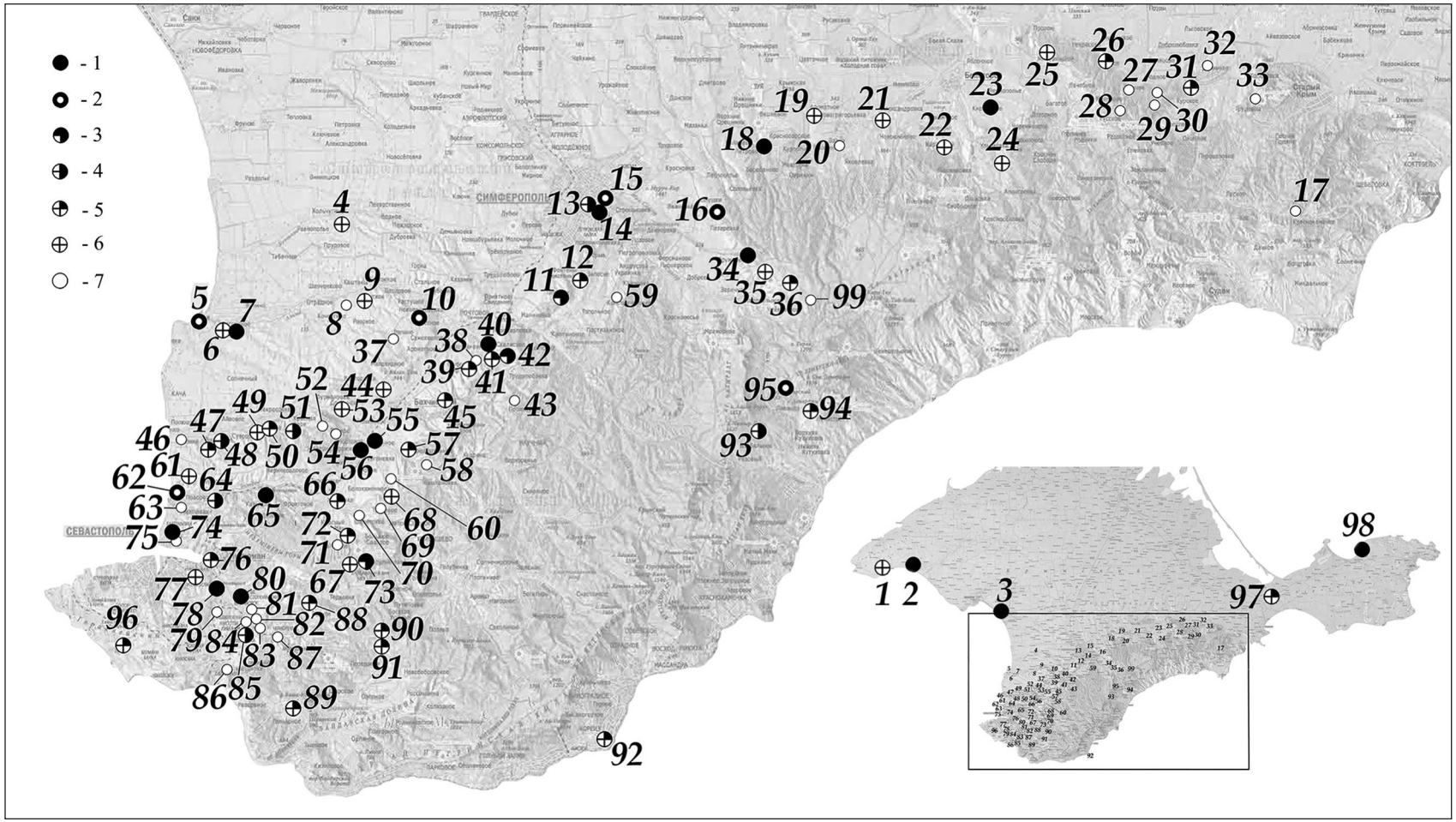

Рис. 1. Карта Крыма с обозначением грунтовых некрополей, период функционирования которых полностью или частично приходится на I–IV вв. н. э. Условные обозначения, показывающие степень изученности некрополя: 1 – исследован на 80–100%; 2 – исследовано 50 и более процентов площади; 3 – исследовано более 100 погребальных сооружений; 4 – исследовано от 51 до 100 погребальных сооружений; 5 – исследовано от 11 до 50 погребальных сооружений; 6 – исследовано от 1 до 10 погребальных сооружений; 7 – исследований не проводилось. Сквозная нумерация памятников соответствует их позиции в приложении-каталоге

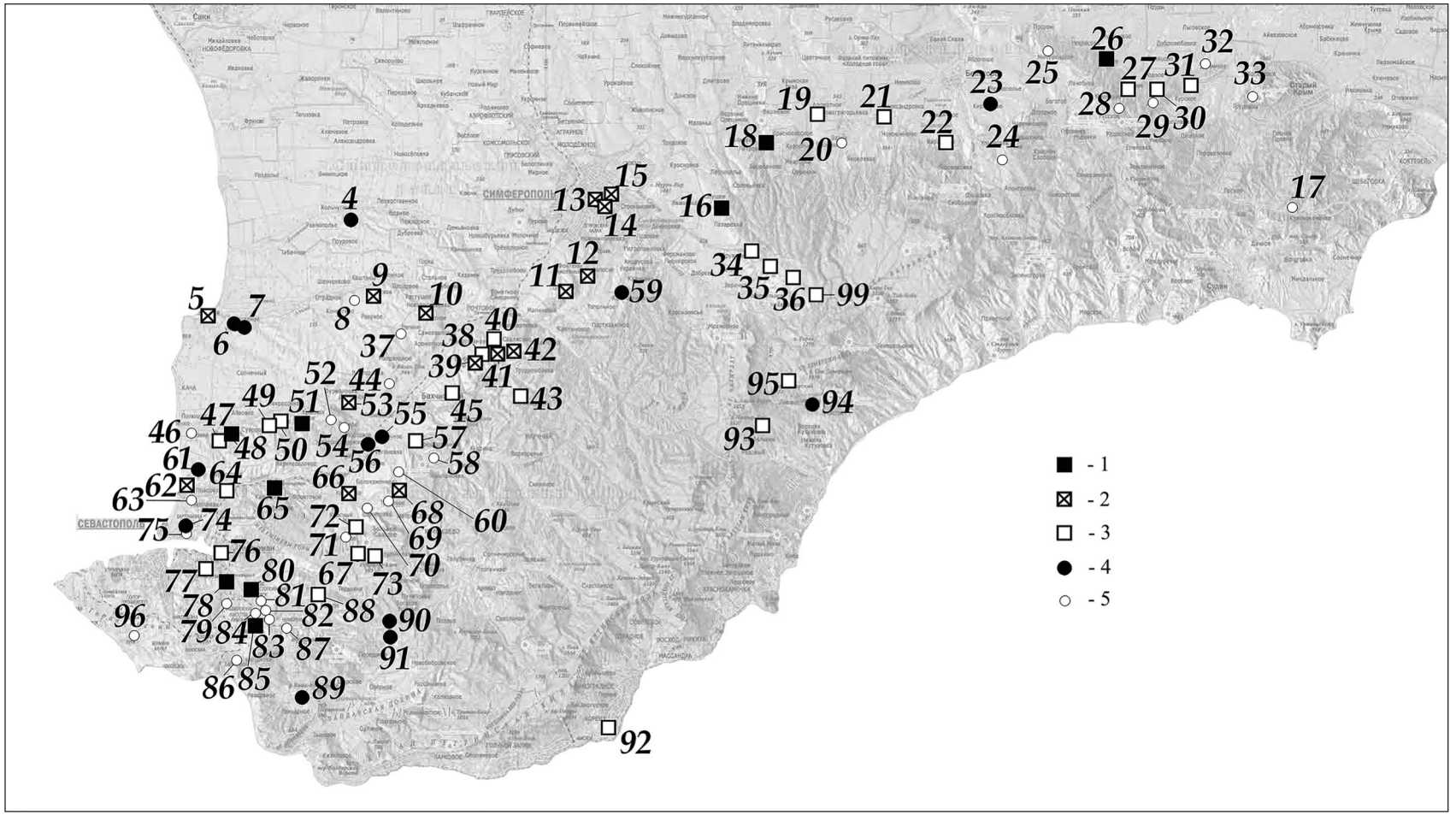

Рис. 2. Карта южной части Крымского полуострова с обозначением грунтовых некрополей и их хронологических позиций. Условные обозначения: 1 – функционирование некрополя в I–IV вв. н. э.; 2 – функционирование некрополя в I–III вв. н. э.; 3 – функционирование некрополя ограничено III–IV вв. н. э. или продолжается позже; 4 – функционирование некрополя прекращается ранее III в. н. э.; 5 – некрополь не исследовался, данных недостаточно. Сквозная нумерация памятников соответствует их позиции в приложении-каталоге

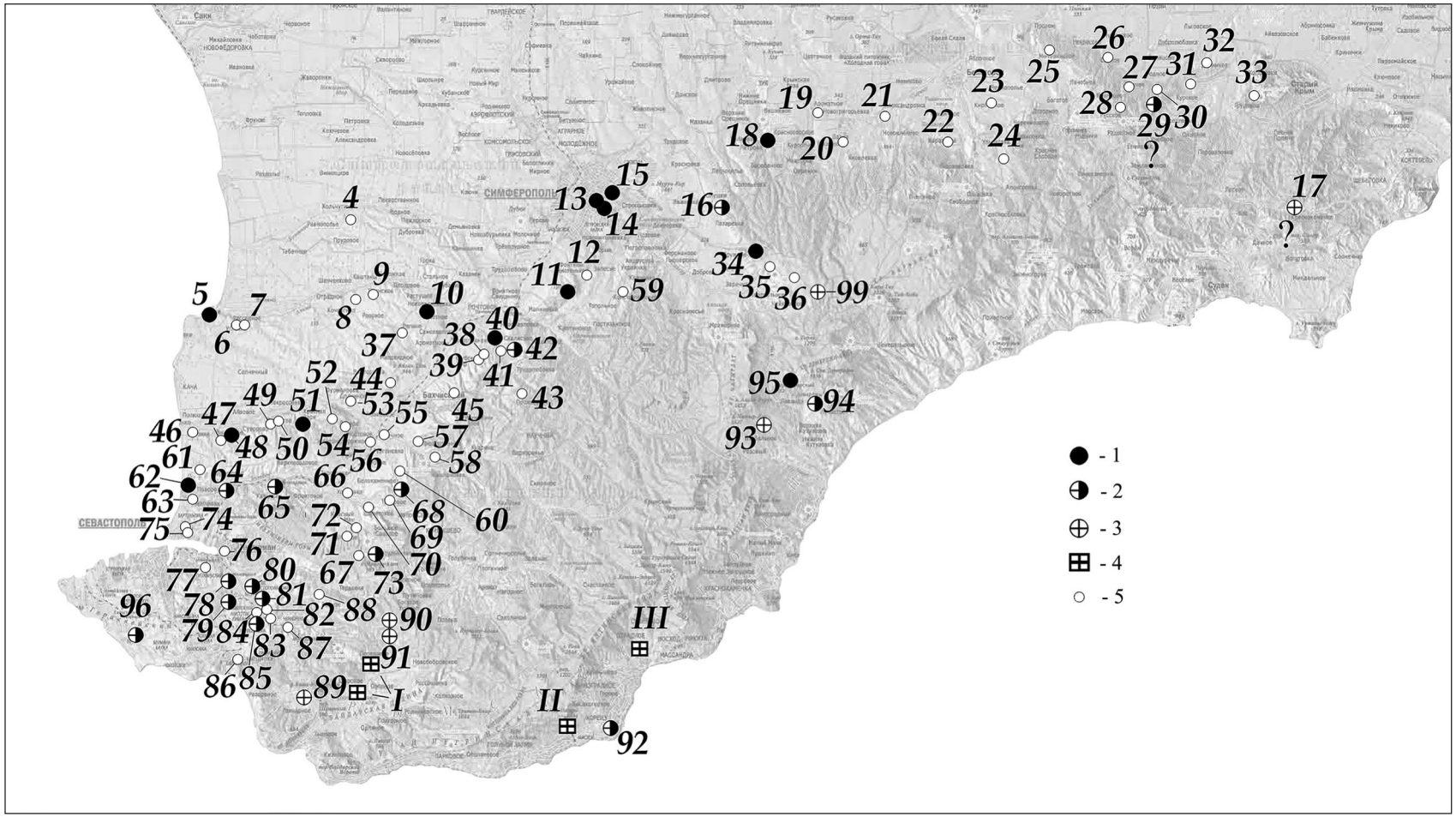

Рис. 3. Карта южной части Крымского полуострова с обозначением случаев кремации и ингумации на грунтовых некрополях I–IV вв. н. э. Условные обозначения: 1 – некрополи, на которых исследовано более 50 погребальных комплексов, но кремации неизвестны; 2 – некрополи с совместными случаями кремаций и ингумаций; 3 – некрополи с обрядом кремации; 4 – кремации в погребальных памятниках VI–IV вв. до н. э. (I–III); 5 – прочие некрополи. Сквозная нумерация памятников соответствует их позиции в приложении-каталоге

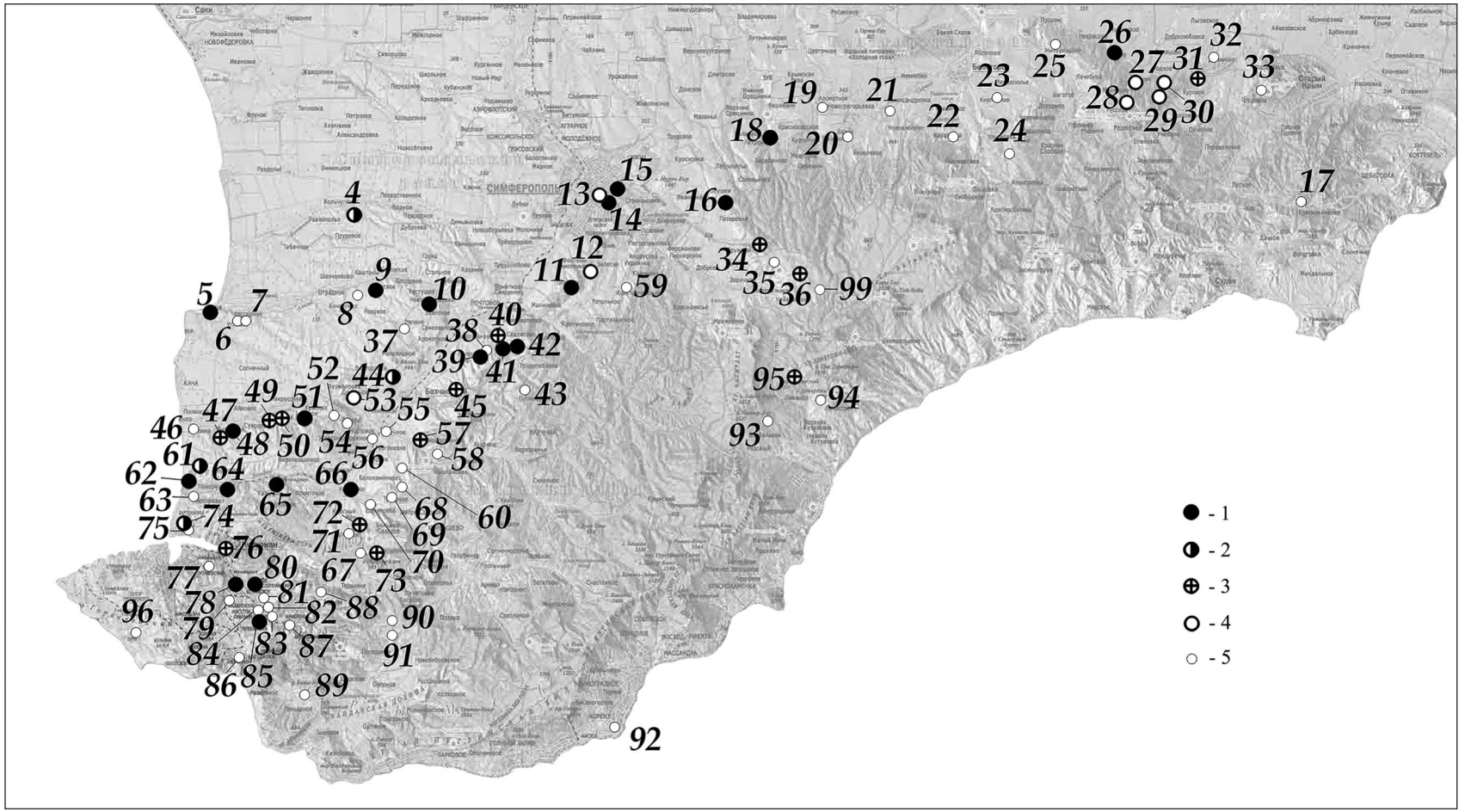

Рис. 4. Карта южной части Крымского полуострова с обозначением грунтовых некрополей, в которых захоронения в подбойных могилах доминировали среди других типов могил. Условные обозначения: 1 – в I–IV вв. н. э.; 2 – в I–II вв. н. э.; 3 – в III–IV вв. н. э., синхронно с распространением грунтовых склепов; 4 – данных недостаточно; 5 – данные о подбойных могилах отсутствуют. Сквозная нумерация памятников соответствует их позиции в приложении-каталоге

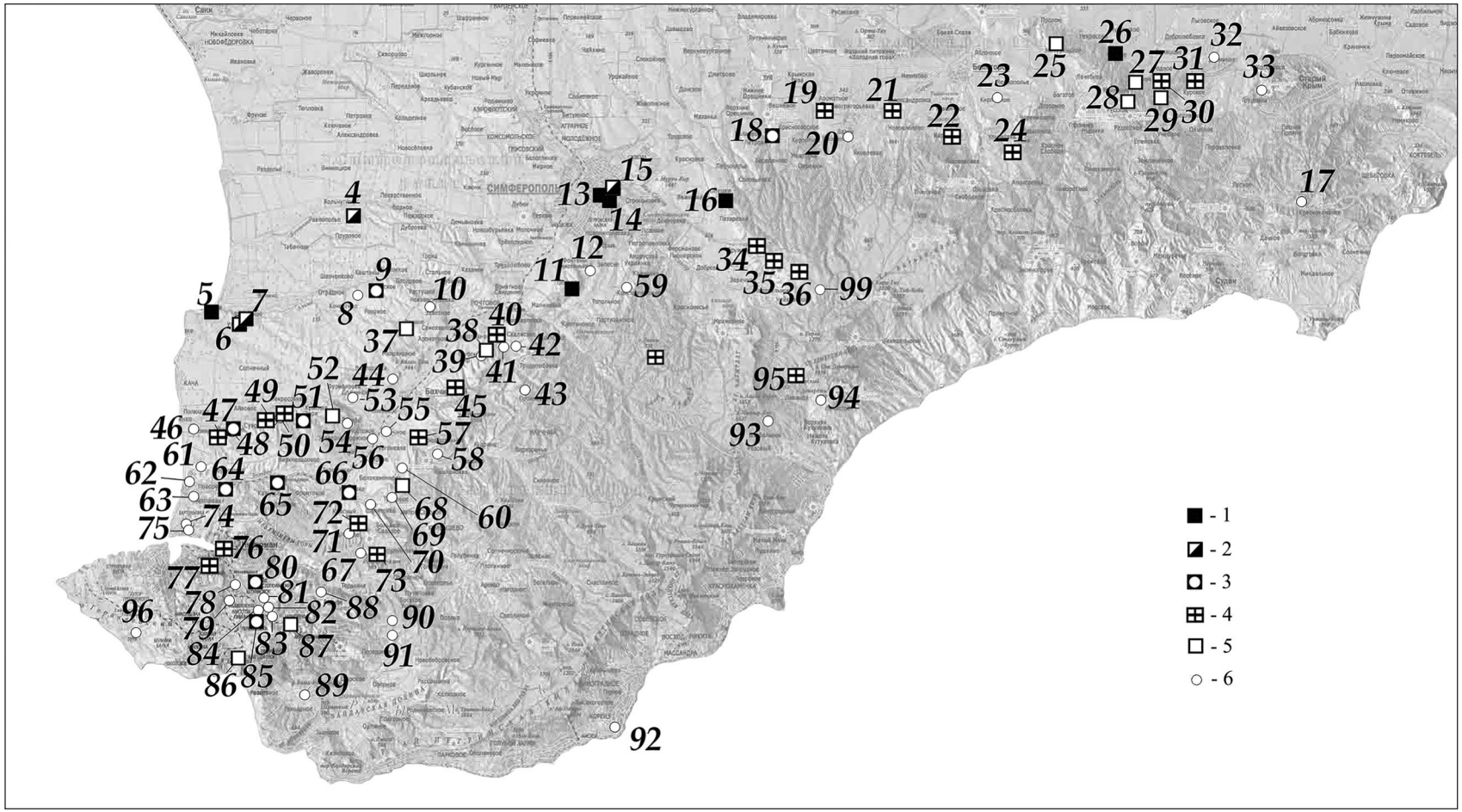

Рис. 5. Карта южной части Крымского полуострова с обозначением грунтовых некрополей, в которых зафиксированы грунтовые склепы. Условные обозначения: 1 – склепы на протяжении всего периода функционирования – II–I вв. до н. э. – III–IV вв. н. э.; 2 – склепы датируются не позже, чем I–II вв. н. э.; 3 – склепы появляются в III–IV вв. н. э. на более ранних некрополях, где до этого практиковался обряд захоронения только в могилах; 4 – склепы появляются в III–IV вв. н. э., на начальном этапе функционирования некрополя; 5 – данных недостаточно; 6 – данные о грунтовых склепах отсутствуют. Сквозная нумерация памятников соответствует их позиции в приложении-каталоге

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.123-135

ВАРВАРЫ И ОБОРОНА ПОНТИЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Казанский Михаил Михайлович
Лаборатория UMR 8167 «Восток и Средиземноморье» Национального центра научных исследований (CNRS), Париж, Франция

Аннотация: В Юго-Западном Крыму Империя организовывала оборону границы двумя способами: вассализация и милитаризация окрестного населения; расселение инородных варваров, чуждых местному населению. Некрополи данного региона имеют ряд общих черт, обусловленных включением варваров в сферу римской военной политики: милитаризация некоторых групп населения, эгалитарность могил с оружием и конским снаряжением, наличие значительного количества импортов и монет.

Ключевые слова: Позднеримское время; Юго-Западный Крым; оборона границы; некрополи

THE BARBARIANS AND THE DEFENCE OF THE PONTIC FRONTIER IN THE SOUTH-WESTERN CRIMEA IN THE AGE OF THE LATE EMPIRE

Kazanski, Michel
UMR 8167 "Orient and Mediterranean" Laboratory at the National Centre f or Scientific Research (CNRS), Paris, France

Abstract: In case of the south-western Crimea, the Empire organized the defence of its frontier in two ways: by vassalization and militarization of local population, or by settling barbarians of foreign origin who were strange to the locals there. The cemeteries of the region under analysis have several common features appeared when the barbarians were included into the sphere of the Roman military policy: militarization of certain population groups, elite graves containing weapons and horse tack, and the presence of a big number of imported wares and coins.

Keywords: Late Roman Period, south-western Crimea, frontier defence, cemeteries

К началу IV в. жизненные центры Римской империи перемещаются на Восток, о чем свидетельствует перенос столицы в Константинополь (330 г.). Очевидно, оборона этого региона, и в частности понтийской границы, приобретает особое значение для Рима, тем более что военные события III в. показали, насколько быстро бассейн Черного и Эгейского морей может оказаться под ударом варварских флотилий.

На западном берегу Черного моря римская армия имела в тылу мезийские провинции с развитой инфраструктурой, а союзный договор с визиготами 332 г. обеспечивал включение варваров к северу от Дуная в орбиту оборонной политики Империи (см. подробнее: *Demougeot,* 1979. P. 69; *Вольфрам,* 2003. С. 94, 95). Кроме того, на северном берегу Дуная, на территории современной Мунтении, судя по археологическим данным, размещается военизированное население, скорее всего, находящееся на службе Рима (*Kazanski,* 1991. P. 502–508, там же библиография).

В Восточном и Северо-Восточном Причерноморье к первой половине II в., как свидетельствует «Перипл» Арриана (134 г.) и другие источники, возникают вассальные «государства-клиенты», подчиненные Риму. Это Лазика/Эгриси, царства апсилов, абасгов и санигов, Боспор Киммерийский (см. обзоры: *Воронов,* 2010. С. 125–127; *Воронов,* 2014. С. 99–104; *Kazanski,* 1991. P. 488–493, 508–512; *Shchukin, Kazanski, Sharov,* 2006. P. 83–100, там же библиография). Эти политические образования, по сути, формировали линию римской обороны вдоль восточного берега Черного моря, которую поддерживала цепь римских крепостей непосредственно на морском побережье (*Леквинадзе,* 1969).

Иначе сложилась военно-политическая ситуация в Юго-Западном Крыму, которая и будет предметом нашего рассмотрения. Оборона морской границы здесь осложняется отсутствием стратегической глубины – Барбарикум начинается прямо у берега моря. Здесь римляне удерживают на побережье лишь опорные пункты, такие как Херсонес и в течение какого-то времени некоторые крепости, например Харакс, где можно разместить только ограниченные по количеству гарнизоны, последние явно не могут противостоять значительным силам варваров (*Kazanski,* 1991. P. 494–502; *Shchukin, Kazanski, Sharov,* 2006. P. 77).

Представляется, что Империя пыталась здесь усилить оборону понтийской границы двумя способами. Во-первых, это вассализация и милитаризация окрестных варваров. Такая политика принесла ощутимые результаты в эпоху Юстиниана, когда Прокопий Кесарийский отмечает здесь наличие готской страны Дори (о ней подробнее: *Айбабин, Хайреди нова,* 2017), под эгидой Византии. Во-вторых, это депортация и расселение на чувствительных участках границы инородных варваров, не связанных по происхождению с регионом, т. е. чуждых местному населению (подробнее: *Казанский,* 2016а).

Эти два процесса должны были оставить в Юго-Западном Крыму конкретные археологические следы, которые здесь будут рассмотрены.

Варварские некрополи округи Херсонеса

Херсонес представлял собой главную военную базу Империи на Северном Понте (рис. 1: *1*). Естественно, его защита была крайне важной для Рима, и, скорее всего, местные варвары были задействованы в организации обороны Херсонеса. Это варварское население херсонесской округи, в долинах рек Черная, Бельбек и Кача, в позднеримское время (середина III – рубеж IV в.) известно, в первую очередь, по большим некрополям (рис. 1: *4–19*), которые я в свое время предложил объединить в памятники типа Инкерман (*Kazanski,* 1991. P. 499–502)[1]. Эти могильники раскапывались широкой площадью, их материал в значительном объеме введен в научный оборот. Можно назвать такие памятники как Инкерман, Черная Речка, Бельбек I–III, Совхоз 10, Килен-Балка, Суворово, Вишневое, Тенистое/Тас-Тепе, Красная Заря, Красный Мак, Танковое, Фронтовое 3, Киль-Дере 1, а также более удаленные Озерное III, Сувлу-Кая, Алмалык-Дере и др.[2] (см. обзоры: *Kazanski,* 1991. P. 499–502; *Айбабин,* 1999. С. 14–26; *Shchukin, Kazanski, Sharov,* 2006. P. 77–81; *Айбабин, Хайреди нова,* 2017. С. 41–59; *Гавритухин, Свиридов, Язиков,* 2020. С. 91–110; *Храпунов,* 2021. С. 81, 87; *Gavritukhin et alli,* 2021. P. 87–118; *Язиков, Свиридов,* 2021. С. 455–461, там же библиография и карты памятников). В целом, по А. И. Айбабину, эти памятники делятся на три хронологические группы от 240 по 400 гг. (*Айбабин,* 1999. С. 14). Похожие, но отличающиеся в некоторых деталях схемы, предлагают и другие исследователи (*Юрочкин, Труфанов,* 2007).

В целом, данные могильники принадлежат населению скифо-сарматского происхождения, их этноним для позднеримского времени остается нам неизвестным, хотя их частично идентифицируют с аланами (*Айба-*

[1] Эти могильники, где часто соседствуют кремациии и ингумации, видимо, следует отличать от монообрядных некрополей культуры Нейзац (о ней см.: *Храпунов*, 2019), расположенных восточнее.

[2] В качестве примера можно упомянуть Бельбек IV, погр. 245, с поздней пряжкой, скорее всего IV в. (*Гущина, Журавлев*, 2016. С. 176. Табл. 171, *4*).

бин, 1990. С. 23, 24; *Храпунов,* 2004. С. 137–140, 149, 153) и с сарматами (*Храпунов,* 2004. С. 136, 137, 149). Предполагается миграция ираноязычных степняков с Северного Кавказа в середине III в. и на рубеже III–IV вв., что проявляется в архитектуре погребальных сооружений и в сопровождающем инвентаре (*Храпунов,* 2004. С. 137–142, 149, 153; *Храпунов,* 2021. С. 86, 87). В это же время происходит и миграция различных германских племен с территории современной Украины (о путях вторжения см.: *Казанский,* 2016б), что также находит отражение в археологическом материале. Так, среди культурных черт варварского населения Юго-Западного Крыма следует отметить присутствие германских элементов, связанных с черняховской, вельбаркской и пшеворской культурами. Они проявляются в погребальном обряде, керамике, костюме, вооружении (*Казанский,* 2006. С. 26–29; *Shchukin, Kazanski, Sharov,* 2006. P. 79–81; *Храпунов,* 2004. С. 145, 146; *Храпунов,* 2021. С. 86). Кроме того, фибула из клада в Долинном (рис. 1: *20*) показывает присутствие и негерманских оседлых варваров, в данном случае карпов (*Kazanski,* 1991. P. 500). Однако при этом на могильниках в ряде случаев наблюдается преемственность в функционировании с предыдущей эпохой, что предполагает выживание местного населения, хотя военные стрессы, связанные отчасти с мигрантами, археологически и нумизматически засвидетельствованы для III в. (см., например: *Пуздровский, Зайцев, Неневоля,* 2001. С. 34–36; *Храпунов,* 2004. С. 146).

В некоторых могильниках довольно высок процент погребений с оружием. Так, в некрополе Озерное III оружие найдено в 6 из 11 захоронений (т.е. приблизительно 55%) (например, рис. 2), в Бельбеке I – в 5 из 22 захоронений (примерно 23%), в Инкермане – в 11 из 56 (приблизительно 20%) (*Kazanski,* 1991. P. 499). На других могильниках позднеримского времени оружия меньше, несмотря на большое количество исследованных могил. Например, в некрополе Черная Речка их всего 7 из 86 исследованных могил (около 8%), или в могильнике Совхоз 10, где к позднеримскому времени отнесены только 10 комплексов с оружием и конским снаряжением (*Стржелецкий и др.,* 2005. С. 143, 144). Исследователи отмечают, что количество оружия в захоронениях возрастает ко второй половине IV в. (*Айбабин, Хайрединова,* 2017. С. 51).

Впрочем, традиция погребений с оружием восходит к более раннему времени. Уже в I–II вв. «позднескифские» некрополи Юго-Западного Крыма содержат немало оружия и конского снаряжения – мечи, кинжалы, стрелы удила и пр. (см., например: *Волошинов, Масякин,* 2007; *Пуздровский,* 2007. С. 66–72; *Гущина, Журавлев,* 2016. С. 73–77). Поэтому присутствие воинской экипировки и конского убора в погребальном контексте не является здесь специфичным для позднеримского времени.

Вооружение из могил интересующего нас периода – это мечи-спаты, кинжалы (рис. 2: *17, 29, 30*), в том числе с вырезами у рукояти, копья, реже умбоны и манипулы щитов (рис. 2: *21, 28*), а также предметы конского снаряжения, чаще всего удила (*Айбабин, Хайрединова,* 2017. С. 50, 51). Набор вооружения характеризует местное варварское войско как конницу, вооруженную длинными мечами и копьями, что типично для населения Северного Понта в римскую эпоху. Считается, что «германский» компонент в вооружении представлен щитами с металлическими умбонами и манипулами (рис. 2: *21, 28*). Однако практика их использования, независимо от происхождения конкретных типов умбонов и манипул, могла появиться у варваров Юго-Западного Крыма не только под влиянием германцев, но и римской армии, например, вместе с размещенными в Крыму во II–III вв. мезийскими ауксилиями, сформированными из фракийцев, у которых обычай помещения щитов в могилы хорошо зафиксирован (*Kazanski,* 1991. P. 501, 502; *Казанский,* 2018)[3].

[3] Для более раннего времени отметим находки шпор в могильнике Скалистое III, погр. 28, группы Гинальский E (см.: *Ginalski*, 1991. S. 59–64), последней трети II – начала III в. (*Богданова, Гущина, Лобода*, 1976. Рис. 8, *48*; *Kazanski*, 1994. P. 431), и в могильнике Битак, склеп 155, в Симферополе, рубеж I в. до н.э. – I в.н.э., восходящей к группам Гинальский C–D (см: *Ginalski*, 1991. S. 57–59), I–II вв. (*Пуздровский*, 2007. С. 72, Рис. 43, *18*). Как известно, шпоры типичны для погребений оседлых варваров Центральной и Восточной Европы, а также

Необходимо подчеркнуть, что некрополи в ряде случаев находятся в стратегических местах, например, в долинах рек Черная и Кача, на путях, ведущих из степи к Херсонесу. Показательно, что могильники, в целом, и погребения с оружием, в частности, содержат большое количество римских импортов, в первую очередь, стеклянных сосудов (рис. 2: *23*), краснолаковой керамики (рис. 2: *25*), амфор (рис. 2: *24*), элементов костюма (например, бус), а также римские монеты. Как только что было сказано, наличие щитов с умбонами и манипулами в погребениях может свидетельствовать о влиянии погребальной практики римских вспомогательных войск.

При общем богатстве в могилах сопровождающих вещей отсутствуют захоронения, которые можно было бы характеризовать как вождеские, хотя последние для позднеримского времени хорошо известны у германцев Центральной Европы или у алано-сармат.

Южный берег Крыма

Участок морского побережья в Южном Крыму играл особую стратегическую роль, поскольку отсюда можно было контролировать морскую дорогу из Херсонеса на Боспор Киммерийский. К позднеримскому времени здесь относится два некрополя с кремациями, Ай-Тодор и Чатыр-Даг, составляющие отдельную группу памятников типа Ай-Тодор (обзоры: *Kazanski*, 1991. P. 494–499; *Айбабин,* 1999. С. 24–29; *Казанский,* 2006. С. 29–32; *Kazanski,* 2002. P. 409–414; *Shchukin, Kazanski, Sharov,* 2006. P. 81–83; *Айбабин, Хайрединова,* 2017. С. 33–41). Как показал О. В. Шаров, эти могильники появляются на рубеже II–III вв., после Маркоманнских войн (*Шаров,* 2013. С. 144, 148). Памятники оставлены населением, размещенным в стратегически важных пунктах – на месте римской крепости Харакс на побережье (Ай-Тодор) и над выходом с Ялтинского перевала (Чатыр-Даг) (рис. 1: *2, 3*).

Погребальный обряд могильников Южного побережья Крыма близок восточногерманскому, но представленное здесь сочетание элементов не характерно для вельбаркской, пшеворской и черняховской культур, с которыми обычно сопоставляют памятники типа Ай-Тодор. Зато параллели южнобережным могильникам нашлись на другом конце Барбарикума, в Норвегии, где трупосожжения с каменными конструкциями и оружием широко распространены в римское время (подробнее: *Kazanski,* 1991. P. 496; *Казанский,* 2006. С. 30–32; *Шаров,* 2010а. С. 126; *Казанский,* 2016а. С. 64, 65). Естественно, между крымскими и скандинавскими некрополями имеются и различия. Но было бы наивно ожидать простую трансплантацию всех черт археологической культуры скандинавских германцев на другой конец Европы. Материальная и духовная культура группы мигрантов неизбежно трансформируется, прежде всего, за счет включения в эту группу инородных элементов (инкорпорация воинов, смешанные браки, захват пленных и заложников и др.) (см.: *Kontny,* 2013). При этом признаки, характерные для памятников типа Ай-Тодор, в Норвегии в таком сочетании в одних и тех же комплексах не встречаются, и, кроме того, хронологически их распространение охватывает весь римский период (*Stylegar,* 2011. P. 230–232). Поэтому вряд ли стоит воспринимать эти параллели, как доказательство прямого переселения каких-то групп германцев из Норвегии в Крым (подробнее: *Казанский,* 2016а. С. 64, 65). Однако тот факт, что весь набор признаков встречается только в этих двух регионах Европы, не может быть случайным.

Присутствие в понтийском бассейне германской этнонимии, имеющей параллели в Северной Европе, несомненно. Это всем

фракийцев Западного Понта и практически полностью отсутствуют в погребальном контексте Северного Причерноморья и алано-сарматский степи римского времени. Совсем не исключено, что находки этих шпор свидетельствуют о проникновении в Крым каких-то северных варваров ранее готских нашествий середины III в. По крайней мере, шпоры из Скалистого по времени совпадают с «прибалтийско-скандинавской» (по терминологии О. В. Шарова) волной северных импортов второй половины II – начала III в. в Северном Причерноморье (см. подробнее: *Васильев,* 2005; Шаров, 2010б. С. 277; *Шаров,* 2013. С. 143, 144; *Шаров, Чореф,* 2015. С. 366–368). С другой стороны, их появление в могилах также можно объяснить влиянием погребальных обычаев римских ауксилий фракийского происхождения.

известные герулы/эрулы (*Heruli/Eruli*), бораны (*Borani*) (последняя работа о них: *Мызгин, Диденко,* 2021), сопоставимые с народом *Varini*, последние проживали в римское время где-то у основания Ютландского полуострова, а также евдусиане (*Εὐδοσιανοι*), известные по Периплу Псевдо-Арриана (V–VI вв.) на черноморском побережье Кавказа и говорившие на готском языке. Германский народ с очень похожим названием, *Eudoses*, известен в I в. н. э. в Ютландии (см. подробнее: *Казанский,* 2016а. С. 62–64, там же библиография и источники).

Обычно полагают, что «северные» народы попадают на Понт в результате миграции из Балтийского бассейна через территорию Центральной и Восточной Европы. Видимо, в большинстве случаев так и было, однако возможны и другие пути миграции этих северян на Черное море. В этом смысле показательны военно-морские приключения франков. Около 280 года франки на Нижнем Рейне разбиты императором Пробом и депортированы на другой конец Империи, куда-то на Понт, для охраны границ. Это довольно распространенная римская практика, вспомним хотя бы переселение сармат в Британию во II в. или депортацию вандалов из Северной Африки в Месопотамию при Юстиниане. Однако в данном случае мероприятие сорвалось – ссыльные варвары восстали и морем вернулись домой на многочисленных, захваченных у римлян кораблях. По дороге они разгромили Грецию, напали на сицилийский город Сиракузы, а также были отражены у стен Карфагена в Африке, после чего через Гибралтар и Атлантику добрались наконец до родины (см. подробнее: *Казанский,* 2016а. С. 63, 64, там же библиография и источники). Эта неординарная история демонстрирует еще один возможный путь попадания северных варваров на Черное море – их депортация и расселение здесь римскими властями с целью укрепления обороноспособности понтийской границы.

Важно отметить, что варвары Южного берега Крыма несомненно включены в систему обороны понтийской границы Империи. Это, скорее всего, военные поселенцы, союзники Империи (*Kazanski,* 1991. P. 494–502; *Мыц и др.,* 2005. С. 179; *Казанский,* 2016а. С. 64–67). Может быть, не случайно кремации Южного Крыма, с умбонами, пиками и римскими кирками-топорами римских легионеров, т. н. *dolabra* (рис. 4: *4*) (ср.: *Bishop, Coulston,* 1993. Fig. 32, *1*; 62, *2*; 111, *1, 2*) напоминают могилы западных союзников Рима (ср.: *Казанский,* 2016а. С. 65, Рис. 6).

Процент погребений с оружием от общего числа на Чатыр-Даге невысок – 5 из 55 (*Шаров,* 2010а; *Шаров*, 2019), т. е. менее 10% (например, рис. 3; 4). Однако здесь фиксируются явно «воинские» погребальные обряды, такие как помещение в могилу ритуально согнутого меча (рис. 3: *4*), что подчеркивает выраженную милитаризация населения, оставившего некрополь. Захоронения с оружием концентрируются на некоторых участках памятника. Так, погребения 2 и 3 находятся рядом в южной части могильника, а погребения 12, 20, 55, также расположенные поблизости одно от другого, вытянуты в линию на западном участке в северной части памятника (*Мыц и др.,* 2006. Табл. 2, *13*; *Шаров,* 2010а), не исключено, что это какие-то особые (семейные?) группы захоронений.

На могильнике Ай-Тодор (*Блаватский,* 1951; *Орлов,* 1987; *Строков, Камелина,* 2021) оружие и конское снаряжение встречено в 9 погребениях из 42, что составляет примерно 25% от общего числа (например, рис. 5). Они расположены более или менее равномерно по всему раскопанному участку и явно свидетельствуют о значительной милитаризации оставившего памятник населения. Набор оружия (мечи-спаты, кинжалы, копья, топоры, щиты с металлическими умбонами и манипулами) характеризует варварское войско, оставившее некрополи типа Ай-Тодор, как пехоту – скутариев.

Наконец, оба памятника содержат значительное количество римских импортов – стекло, красный лак, амфоры (рис. 3: *5*; 4: *5*) и пр., а также римские и боспорские монеты.

* * *

Рассмотренные памятники Юго-Западного Крыма имеют ряд общих черт:

– выраженная милитаризация некоторых групп, оставивших некрополи, проявившаяся в значительном числе погребений с оружием или же в погребальных обычаях, связанных с воинскими ритуалами;

– при отсутствии бесспорных погребений воинских предводителей наблюдается некая эгалитарность могил с оружием и конским снаряжением;

– присутствие большого количества импортных изделий римского происхождения: стекло, красный лак, амфоры и пр., что свидетельствует, во-первых, о зажиточности населения, оставившего эти памятники, а во-вторых, о его значительной вовлеченности в экономическую и культурную орбиту Рима («римский образ жизни»?).

Эти черты можно объяснить римским влиянием, когда трансформация социальных структур местных варваров, вызванная их втягиванием в сферу римского военно-политического влияния, отражается в милитаризации населения, и в то же время римские выплаты распределяются относительно равномерно и позволяют поддерживать общий материальный уровень. Скорее всего, эта «римская вуаль» отражает включение варваров Юго-Западного Крыма в систему обороны понтийской границы Империи.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 352 с.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква. 368 с.

Блаватский В. Д., 1951. Харакс // Материалы и исследования по археологии СССР. № 19 (Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I) / Отв. ред. В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков. М.: Изд-во АН СССР. С. 250–291.

Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И., 1976. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // Советская археология. № 4. С. 121–152.

Васильев А. А., 2005. О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен / Ред. И. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 343–349.

Волошинов А. А., Масякин В. В., 2007. Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскопки 2005–2006 гг.) // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 291–302.

Вольфрам Х., 2003. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб.: Ювента. 656 с.

Воронов Ю. Н., 2010. Тайна Цебельдинской долины // Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. III. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований. С. 5–140.

Воронов Ю. Н., 2014. Очерки истории Абхазии // Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. IV. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований. С. 69–168.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 91–110.

Гущина И. И., Журавлев Д. В., 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. М.: Исторический музей. Ч. 1. 272 с.; Ч. 2. 320 с.

Казанский М. М., 2006. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху великого переселения народов // Готы и Рим / Ред. М. Е. Левада. Киев: Стилос. С. 26–41.

Казанский М. М., 2016а. «Понтийский лимес» в эпоху позднеримской империи и варвары // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXI. С. 57–82.

Казанский М. М., 2016б. Пути проникновения готов на Боспор Киммерийский и природные условия Северного Причерноморья в III в. // Боспорские исследования. Вып. XXXIII. С. 137–162.

Казанский М. М., 2018. Погребения со щитом в Северном и Восточном Причерноморье в позднеантичное время: истоки обряда // Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения ученого-кавказоведа Ю. Н. Воронова / Отв. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: Дом печати. С. 133–144.

Леквинадзе В. А., 1969. «Понтийский лимес» // Вестник древней истории. № 3. С. 75–93.

Лобода И. И., 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // Советская археология. № 4. С. 236–252.

Мызгин К. В., Диденко С. В., 2021. Бораны Зосима, Боспорское царство и поход на Трапезунд // Światowit. Supliment Series C: Pontica et Caucasica II. Interdisciplinary research on the antiquity of the Black Sea / Eds. M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. С. 311–336.

Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В., 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История. 208 с.

Орлов К. К., 1987. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма / Отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка. С. 106–133.

Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.

Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 2001. Новые памятники III–IV вв. в Юго-Западном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. С. 32–50.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2005. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. № 4. С. 27–277.

Строков А. А., Камелина Г. А., 2021. Материалы Ай-Тодорского могильника в собрании Государственного исторического музея из раскопок В. Д. Блаватского: новое обращение к забытой коллекции // Stratum plus. № 4. С. 383–400.

Храпунов И. Н., 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Симферополь, Керчь. 240 с.

Храпунов И. Н., 2019. Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму // Российская археология. № 1. С. 32–49

Храпунов И. Н., 2021. Инновации IV в. н. э. в культуре населения крымских предгорий // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 3. С. 80–91.

Шаров О. В., 2010а. Воинские погребения могильника Чатыр-Даг // Inter ambo maria. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время. Тезисы докладов. Симферополь. С. 118–128.

Шаров О. В., 2010б. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // Stratum plus. № 4. С. 251–285.

Шаров О. В., 2013. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. С. 118–155.

Шаров О. В., 2019. Воинские погребения могильника Чатыр-Даг в Восточном Крыму // Stratum plus. № 4. С. 285–310.

Шаров О. В., Чореф М. М., 2015. К вопросу о датировке *tabula ansata* с именем Юлия Каллисфена // Stratum plus. № 4. С. 357–378.

Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А., 2007. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 359–382.

Язиков С. В., Свиридов А. Н., 2021. Новый могильник римского времени Киль-Дере 1 в Инкерманской долине: первые итоги исследования // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь-Керчь: Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета, Институт археологии Крыма РАН, Благотворительный фонд «Деметра». С. 455–461.

Bishop M. C., Coulston C. N., 1993. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. London: B. T. Batsford Ltd. 256 p.

Demougeot E., 1979. La formation de l'Europe et les invasions barbares. 2.1. De l'avènement de Dioclétien au début du VIe siècle. Paris: Auber. 410 p.

Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sviridov A., Sukhanov E., Yazikov S., 2021. The Cemetery of Frontovoe 3: New Data on the Culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration Periods // Študijné zvesti. 68. P. 87–118.

Ginalski J., 1991. Ostrogi kabłąkove kultury przworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny. Vol. 38. P. 53–84.

Kazanski M., 1991. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas- Empire // Travaux et Mémoires. Vol. 11. P. 487–526.

Kazanski M., 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lubin, Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg. S. 429–485.

Kontny B., 2013. New Traces to Solve the riddle: Weapons from Chatyr-Dag // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegard. Kristiansand, Simferopol: Dolya. P. 196–212.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et a l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. British Archaeological Reports. 482 p. (BAR International Series 1535).

Stylegar F.-A., 2011. Weapon graves in Roman and Migration period Norway (AD 1–550) // Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegard. Kristiansand, Simferopol: Dolya. P. 217–235.

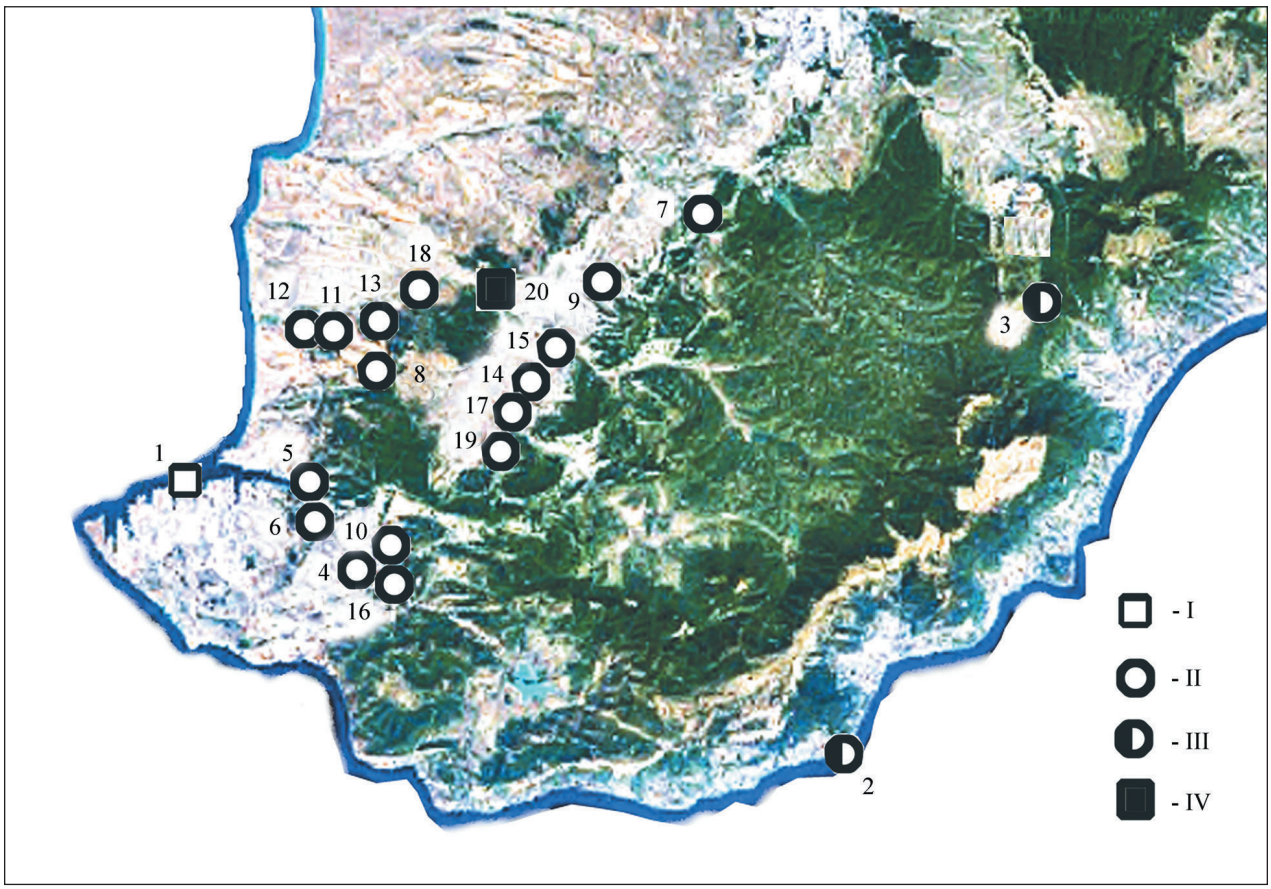

Рис. 1. Памятники Юго-Западного Крыма позднеримского времени.
I – Херсонес; II – основные могильники типа Инкерман (херсонесская округа);
III – могильники типа Ай-Тодор; IV – клад.
1 – Херсонес; 2 – Ай-Тодор; 3 – Чатыр-Даг; 4 – Черная Речка; 5 – Инкерман; 6 – Килен-Балка;
7 – Озерное III; 8 – Бельбек I–III; 9 – Сувлу-Кая; 10 – Совхоз 10; 11 – Суворово; 17 – Красный Мак;
18 – Красная Заря; 19 – Алмалык-Дере; 20 – Долинное (по: *Айбабин, Хайрединова*, 2017; *Храпунов*, 2021,
с дополнениями). Учитывая масштаб карты, локализация памятников приблизительна

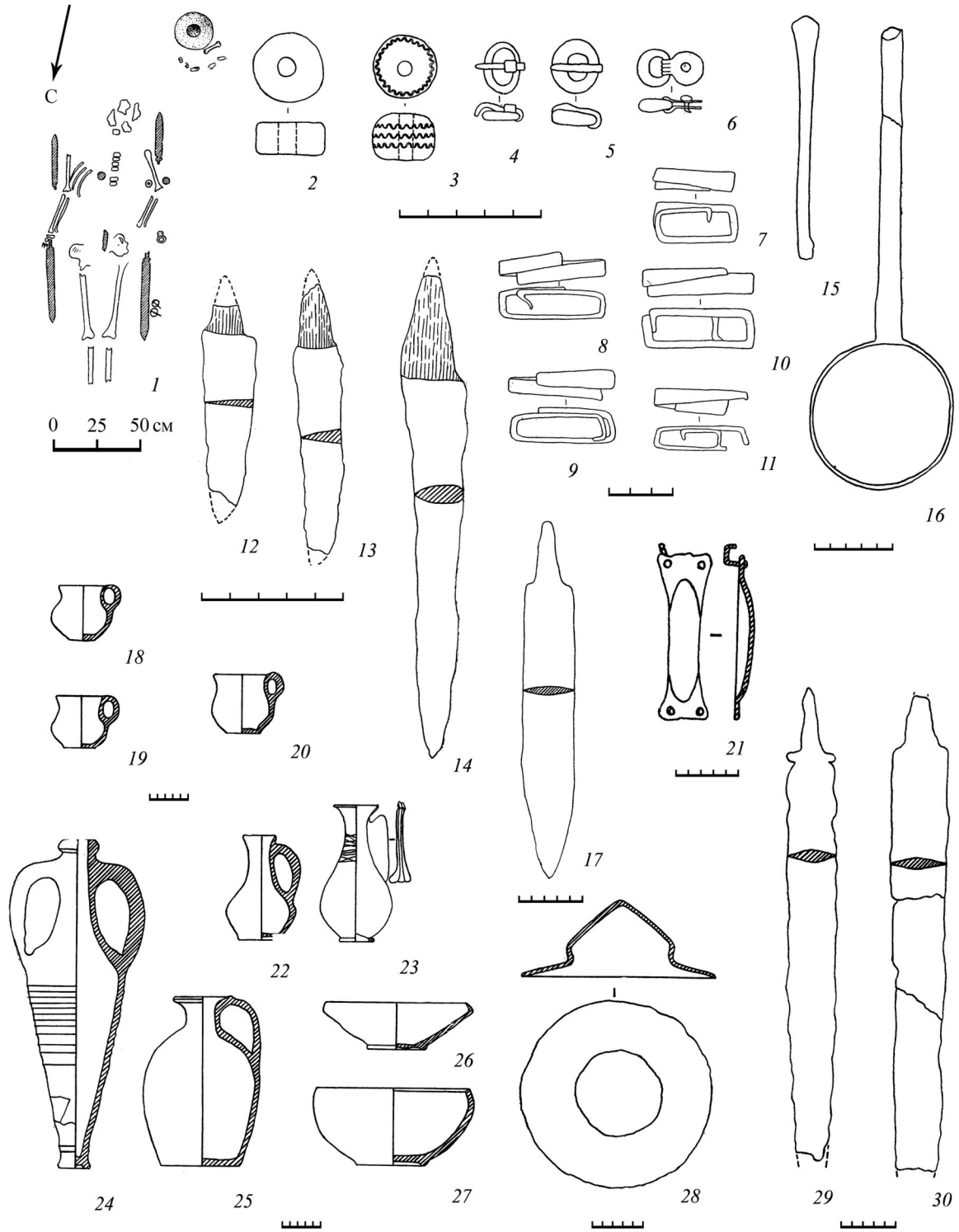

Рис. 2. Могильник Озерное-III, склеп 2 (с монетой 308–327 гг.)
(по: *Лобода*, 1977. Рис. 3; 6; 7).

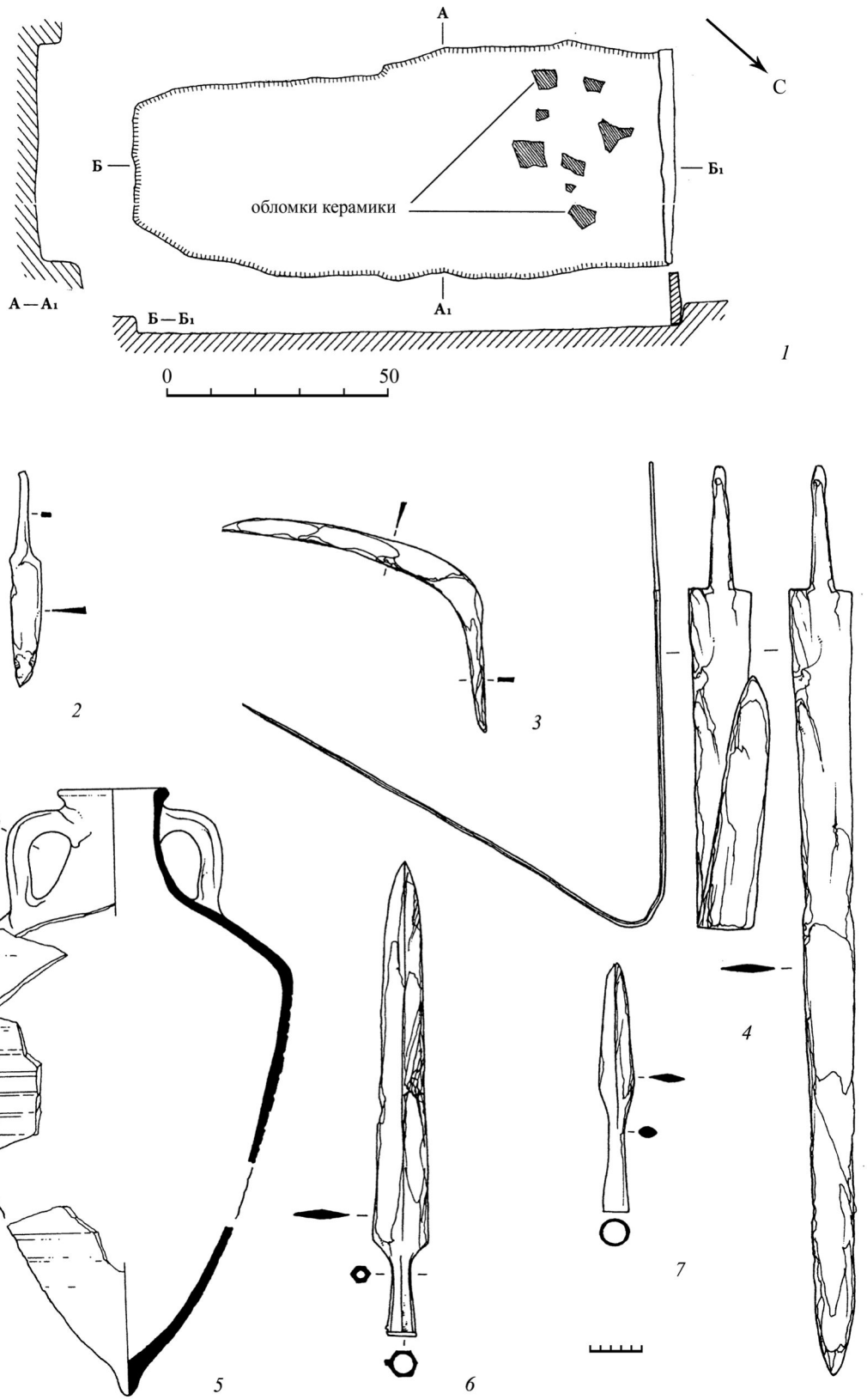

Рис. 3. Могильник Чатыр-Даг, погребение 2
(по: *Мыц и др.*, 2006. Рис. 5; 6)

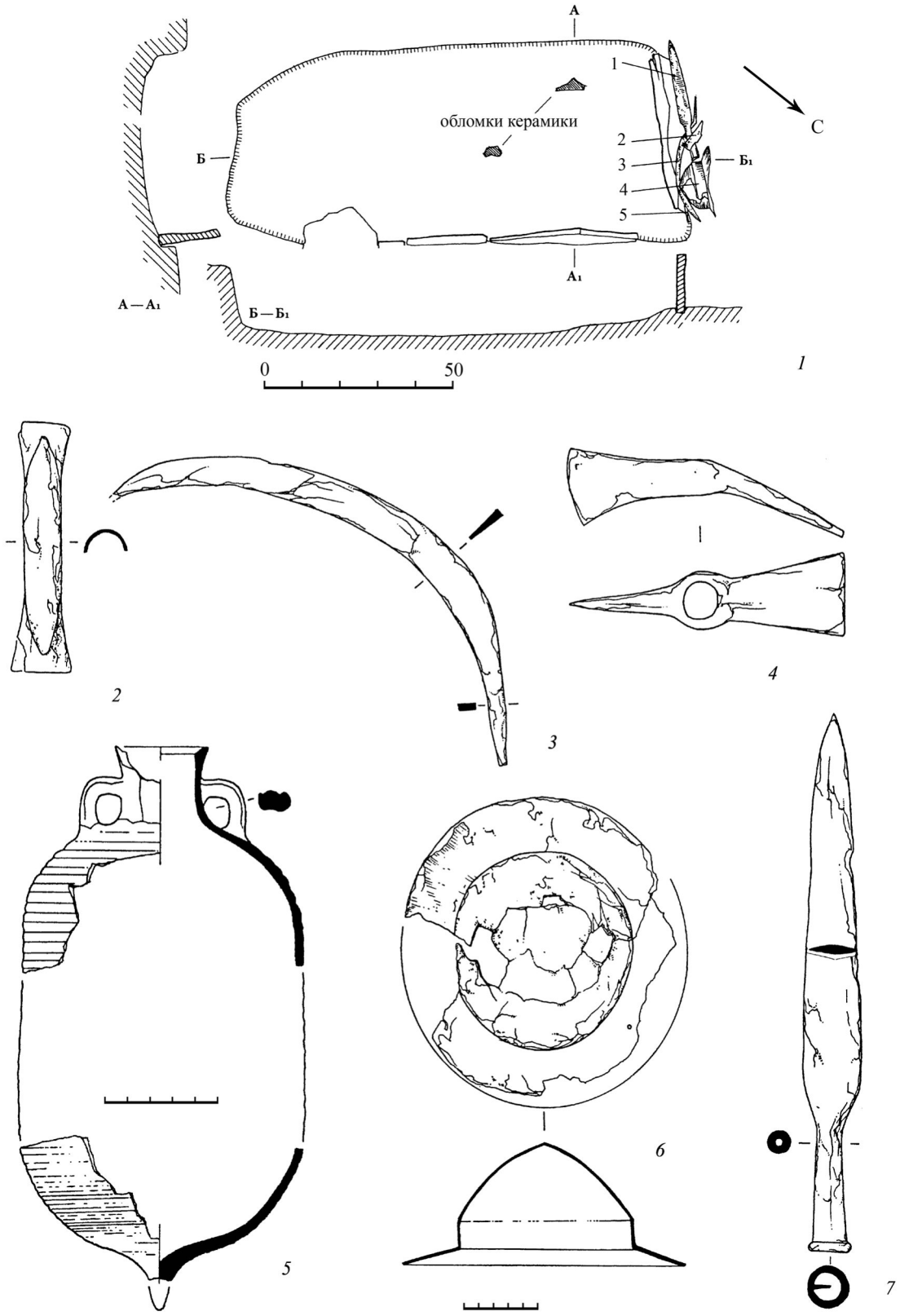

Рис. 4. Могильник Чатыр-Даг, погребение 3
(по: *Мыц и др.*, 2006. Рис. 5; 7)

Рис. 5. Могильник Ай-Тодор, погребение 11
(по: *Строков, Камелина*, 2021. Рис. 7–9)

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.136-145

МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ КИЛЬ-ДЕРЕ 1. ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Язиков Сергей Владимирович
Институт археологии РАН, Москва, Россия
Свиридов Алексей Николаевич
Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена новому памятнику римского времени, исследованному в Инкерманской долине – некрополю Киль-Дере 1. На площади около 9000 кв. м. изучена 421 могила, большинство из которых было разграблено в начале XXI века. Всего сохранилось 28 нетронутых погребений. Погребальные конструкции представлены подбойными могилами, грунтовыми ямами, каменными ящиками и кремациями в амфорах. С памятника происходит уникальная для всего Причерноморского региона коллекция надгробных плит.

Ключевые слова: Киль-Дере, некрополь, Инкерманская долина, надгробия, разрушение

THE ROMAN PERIOD CEMETERY OF KIL'-DERE 1: THE RESULTS OF FIELD RESEARCHES

Yazikov, Sergey Vladimirovich
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Sviridov, Alexey Nikolaevich
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This paper addresses a new Roman-Period site, the cemetery of Kil'-Dere 1, which was excavated in the Inkerman Valley. The excavations of the area of about 9,000 square meters uncovered 421 graves, most of which were plundered in the early twenty-first century. In total, 28 intact graves survived. Burial constructions comprised undercut graves, ground pits, cists, and cremations in amphorae. There is a collection of tombstones, unique for the whole Black Sea Area, originating from the site.

Keywords: Kil'-Dere, cemetery, Inkerman Valley, tombstones, destruction

Могильник Киль-Дере 1 расположен на левом берегу реки Черная, в центральной части Инкерманской долины, в 9,6 км к юго-востоку от Херсонеса. Работы проводились в октябре 2020 – мае 2021 г. сотрудниками отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН. Всего на площади около 9000 кв. м были открыты и полностью исследованы 421 могила.

Некрополь сильно пострадал от «черных копателей». Перед началом исследований на территории могильника зафиксировано более 120 грабительских ям. После вскрытия дернового слоя и выхода на уровень фиксации могильных пятен было обнаружено, что грабительские траншеи проложены от одной могилы к другой. В центральной части, где плотность погребений значительно больше, грабительские лазы были прорыты из одной погребальной камеры в другую. На стенках многих могильных ям были обнаружены следы от щупов. Могильник, судя по всему, разрушался профессионально и методично, грабители имели четкое представление о планиграфии могильника, его структуре и погребальном обряде. Судя по оставленным следам (бу-

тылки из-под пива и воды, пачки сигарет, инвентарь и др.), могильник активно грабился в период 2007–2008 гг. Из 421 могилы только 28 оказались не затронутыми грабителями. Несмотря на сильное разрушение, можно привести предварительные выводы по структуре могильника, погребальному обряду, инвентарю и датировке памятника.

Планиграфически некрополь можно разделить на несколько частей: центральную, северную, юго-восточную, северо-восточную (рис. 1). Центральная часть могильника расположена на вершине холма и на юго-западе заходит на южный склон; с запада, востока и юго-востока ограничена скальным выходом. Несколько погребений вырублено было и в самом скальном выходе. Для этого участка характерна высокая плотность захоронений, здесь представлены могилы с подбоями, простые грунтовые могилы, грунтовые могилы с каменными ящиками. Именно для этой части характерно обнаружение серии надгробных стел. Большинство погребений, как уже говорилось, ограблены, однако по немногим сохранившимся можно предварительно определить хронологию участка. Могила № 58 датируется концом II – началом III в. н. э., погребенный в ней мужчина может быть связан с римским военным контингентом (*Дорошко и др.,* 2021). Отличительной особенностью этого участка являются захоронения в каменных ящиках, которые в некоторых случаях прорезают более ранние погребения. В некрополе Совхоз 10, расположенном в северной части Инкерманской долины, каменные ящики появляются не ранее второй половины III в. н. э. (*Стржелецкий и др.,* 2003–2004).

Юго-восточная часть могильника расположена на южном склоне холма, с севера и северо-запада ограничена скальным выходом, который отделяет его от центральной части могильника. Восточная граница проходит по краю дорожного откоса, в этом месте, вероятнее всего, часть могильника была уничтожена в ходе строительства автодороги из Инкермана. На данном участке фиксируется рядность погребений в направлении запад–восток. Случаев прорезания или перекрытия могил одна другой не выявлено. Погребальные конструкции в подавляющем большинстве представлены подбойными могилами, помимо них выявлено несколько простых грунтовых ям. Обнаруженный в погребениях сопроводительный инвентарь соотноситься с концом I–II в. н. э.

Северная часть могильника расположена на северном крутом склоне холма. На этом участке погребения расположены разряжено, здесь, так же как на южном участке, прослеживается рядность погребений. Отличительной особенностью участка является наличие погребений, выбивающихся из общей ориентировки захоронений данного некрополя – выявлены могилы, расположенные по оси восток–запад. Особый интерес представляет могила № 211, в ней изначально было совершено погребение в каменном ящике, позже над ящиком в западной стенке была сделана подбойная погребальная камера, а на самом ящике сооружен каменный заклад. Сложная конструкция уберегла нижнее погребение в ящике от разграбления, разрушенным оказалось только верхнее подбойное захоронение.

На северо-восточном участке исследования проводились в марте–мае 2021 г., с юго-запада, запада и севера он ограничен скальным выходом. Плотность расположения могил высокая, как на центральном участке. Среди могил рассматриваемого участка открыты погребения IV в. н. э.

Погребальные конструкции могил представлены несколькими типами. Основную массу составляют грунтовые могилы с одним или двумя подбоями, всего их зафиксировано 359, что составляет около 85% от всех погребальных конструкций. Преобладают одноподбойные с расположением подбоя в длинной западной стенке входной ямы, подобных открыто 255 (рис. 2: *2*). Могил с двумя подбоями обнаружено 104 (рис. 2: *1*). В единичных случаях у подбойных могил выявлены особенности в конструкции – в могиле 14 в длинной стенке ямы была сделана ниша, в которой обнаружен сопроводительный инвентарь и кости животных. Второй по численности являются простые грунтовые могилы, их 33 (7,8% от общего числа) (рис. 2: *3*). Отдельной категорией являются грунтовые

могилы с каменными ящиками внутри, подобных зафиксировано 13 (3% от общего числа) (рис. 3: *1, 2*). В 4-х случаях известен обряд кремации в амфоре (рис. 3: *3, 4*). У 12 могил тип не был определен из-за сильного разрушения.

Большинство могил имеет ориентировку по линии север–юг с небольшим отклонением. В северной части некрополя выявлена группа погребений, имеющих ориентировку по линии запад–восток. Судя по сохранившимся костякам и набору инвентаря, погребения были совершенны головой на юг, а в случаях с ориентировкой могил по линии запад–восток – головой на запад. Некоторые погребения были парные.

Яркой отличительной чертой некрополя, значительно выделяющей его из других синхронных памятников, исследованных в Инкерманской долине и Юго-Западном Крыму, является наличие большой серии каменных надгробий (рис. 4) (*Язиков и др.,* 2021). Коллекция состоит из 78 экземпляров, представленных различными типами: антропоморфные стелы, стелы-менгиры, одноярусные рельефы, многоярусные рельефы, основания-базы. Часть надгробий была зафиксирована *in situ* в южной части могильных ям, в изголовье погребенных (могилы №№ 2, 3, 4, 6).

На сегодняшний день это самая значительная коллекция лапидарных памятников, полученная когда-либо при раскопках сельских могильников римского времени в Крыму. На ближайших могильниках, расположенных в Инкерманской долине (Совхоз 10, Черная речка, Инкерманский), суммарно обнаружено около 15 надгробий подобного типа. В целом коллекция из Киль-Дере составляет более 50% варварских надгробий первых веков н. э. в Северном Причерноморье. Каменные надгробия, вероятнее всего, устанавливались на погребениях знатных людей.

Сохранившийся погребальный инвентарь представлен 2281 предметом и в целом типичен для памятников подобного круга в Юго-Западном Крыму. В основном, сохранились фрагменты керамической и стеклянной посуды, предметы украшений.

Керамическая посуда в большинстве представлена краснолаковыми сосудами: кувшины, тарелки и миски. Некоторые тарелки украшены клеймами, чаще всего – «*planta pedis*» (рис. 5: *9, 10*). Яркой находкой является фрагмент книдской патеры из могилы № 38, обнаруженной в южной части могильника (рис. 5: *8*). Аналогичная патера была найдена на могильнике Совхоз 10 (*Стржелецкий и др.,* 2003–2004). Лепная посуда немногочисленна, представлена фрагментами горшков. Интересными находками являются несколько небольших остроребериых сосудов, свидетельствующих о наличии черняховского культурного влияния (рис. 6: *2*). В погребениях северо-восточной части обнаружены позднегераклейские узкогорлые светлоглиняные амфоры варианта С IVF по С. Ю. Внукову (рис. 6: *1*) (*Внуков,* 2016).

Целых и фрагментированных стеклянных сосудов обнаружено около 235. Большинство сильно разрушены, но много и археологически целых. Преобладают бальзамарии, стаканы, кувшины небольшого размера (рис. 5: *4–7*). Привлекает внимание фрагмент сосуда с туловом в виде головы молодого Диониса с венком из виноградных листьев (рис. 5: *3*). Весь обнаруженный комплекс стеклянных сосудов может быть датирован периодом I–IV вв. н. э.

Элементы костюма представлены подвесками, фибулами, пряжками, аппликациями, накладками на ремни и др. Из центральной части могильника происходят одночленные лучковые и двучленные лучковые фибулы. Встречаются подвески из металла, представленные литыми шишечками различных размеров, антропоморфными фигурками, сферическими подвесками различного размера, в южной части обнаружена золотая бочковидная подвеска, амулетница. Единично встречены подвески из египетского фаянса (рис. 6: *5*). Интересна коллекция бус (рис. 6: *3, 4*). Пряжки немногочисленны, представлены типами, характерными для памятников этого хронологического периода.

Большинство обнаруженных браслетов имеет уплощенные окончания в виде стилизованных змеиных голов (рис. 5: *1*). Встречаются браслеты из крупного в сечении стержня, концы которых, оформленные в виде крючка и петельки, декорирова-

ны спирально навитой проволокой. Предметы вооружения и конской узды единичны, интересен комплекс из могилы № 58 (рис. 5: *2*).

Несмотря на то, что могильник Киль-Дере 1 был фактически полностью уничтожен в середине 2000-х годов грабительскими «раскопками», проведенные исследования дают уникальный материал по варварскому населению римской эпохи в регионе. Полученные находки позволяют определить хронологию некрополя и культурную принадлежность общества, населявшего данную территорию. Погребальный инвентарь свидетельствует о том, что могильник начал функционировать на рубеже I–II вв. н. э. и прекратил существование в конце IV в. Погребальная обрядность местного населения с течением времени испытывала влияние носителей других культур, что отразилось на изменение обряда – в III в. н. э. появляются погребения в каменных ящиках и кремации в амфорах.

Киль-Дере 1 во многом по характеру погребального обряда, коллекции находок схож с ближайшими памятниками, изученными в Инкерманской долине и ее округе в разное время. Широкие аналогии находятся в материалах могильников Севастопольский (Совхоз 10), Чёрнореченский, Инкерманский, Фронтовое 3 (*Веймарн,* 1957; *Стржелецкий и др.,* 2003–2004; *Бабенчиков,* 1963; *Гавритухин и др.,* 2020).

Материалы могильника Киль-Дере 1 значительно дополняют информационную базу по погребальному обряду населения, жившего в рассматриваемом регионе в начале первого тысячелетия. Расположение памятника, сохранившийся погребальный инвентарь, коллекция каменных надгробий свидетельствуют об особом социальном статусе этого некрополя.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенчиков В. П., 1963. Чорноріченский могильник // Археологічні памятники УРСР. Т. XIII. Киев. С. 90–122.

Веймарн Е. В., 1957. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР. С. 219–237.

Внуков С. Ю., 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // Российская археология. № 2. С. 36–47.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 91–110.

Дорошко В. В., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2021. Уздечный набор из раскопок погребения 58 могильника Киль-Дере 1 // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы V Международной научной конференции (Севастополь, 2–6 июня 2021 г.) / Отв. ред. В. В. Лебединский. М.: ИВ РАН. С. 81–84.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2003–2004. Население округи Херсонеса в первой половине 1 тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10» // Stratum plus. № 4. 278 с.

Язиков С. В., Свиридов А. Н., Волошинов А. А., 2021. Каменные надгробия могильника Киль-Дере 1 (предварительная информация) // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года / Ред. А. В. Зайков, Д. А. Костромичев, Е. С. Лесная. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический». С. 370–379.

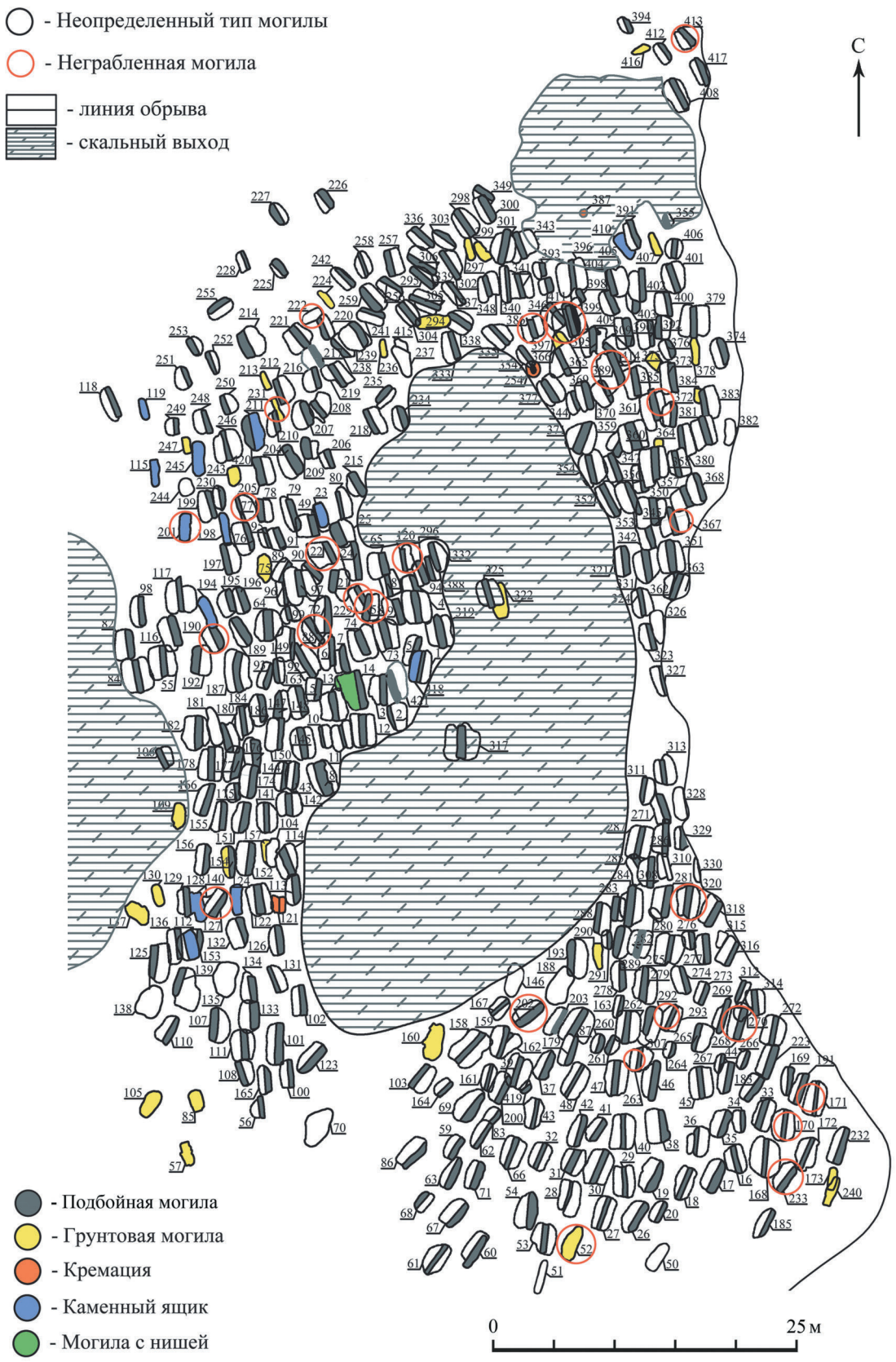

Рис. 1. Общий план могильника Киль-Дере 1

1

2

3

Рис. 2. Типы погребальных сооружений могильника Киль-Дере 1: *1* – двуподбойная могила № 320; *2* – одноподбойная могила № 397; *3* – грунтовая могила № 52

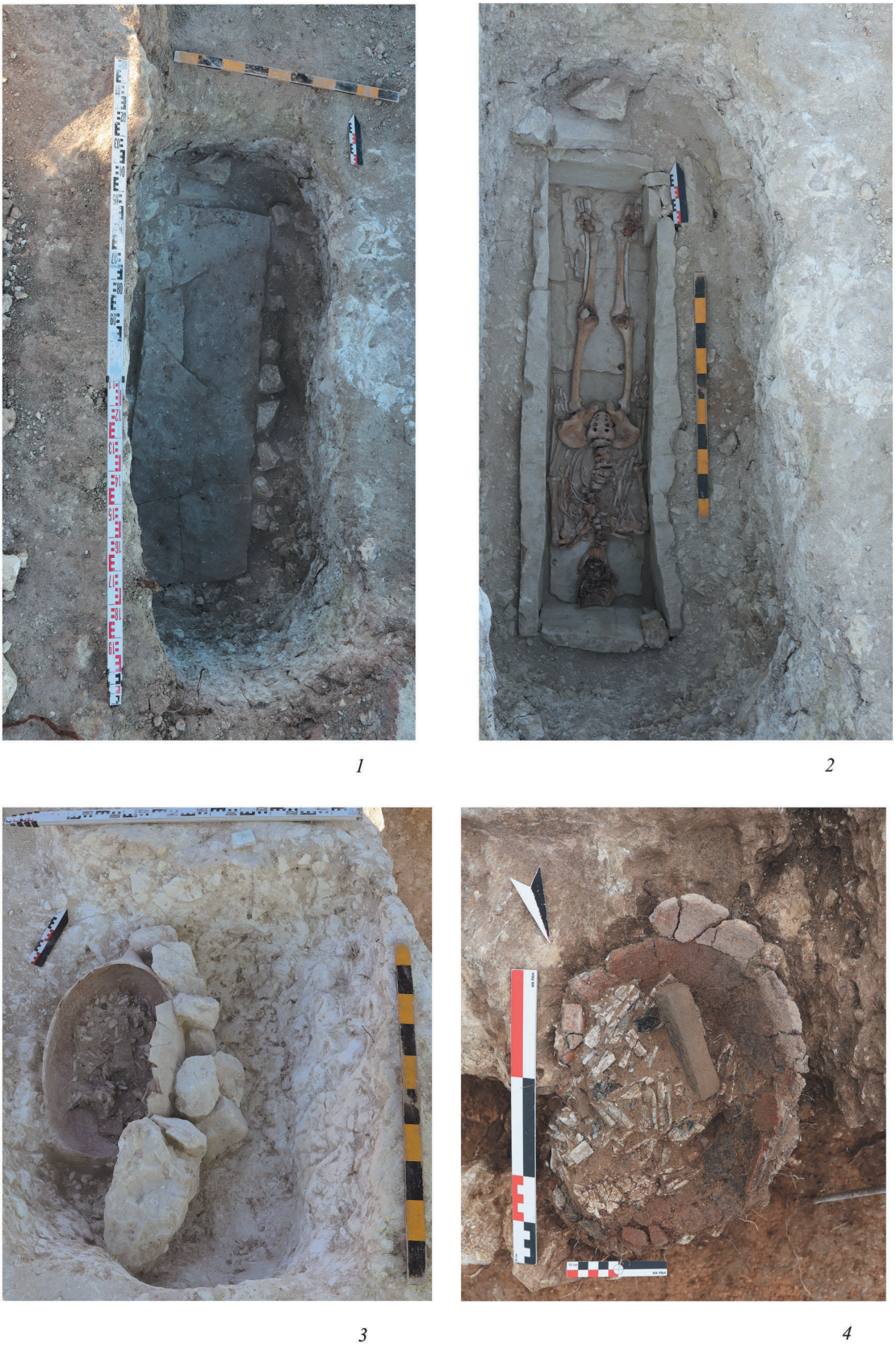

Рис. 3. Типы погребальных сооружений могильника Киль-Дере 1: *1, 2* – каменный ящик в могиле № 201; *3* – кремационное погребение № 121; *4* – кремационное погребение № 387

Рис. 4. Надгробные стелы могильника Киль-Дере 1: *1, 2* – могила № 187; *3* – могила № 97; *4* – в предматериковом слое центральной части могильника

Рис. 5. Находки из могил. *1* – серебряный браслет из могилы № 73; *2* – уздечный набор из могилы № 58; *3* – стеклянный сосуд из могилы № 61; *4* – стеклянный бальзамарий из могилы № 22; стеклянный бальзамарий из могилы № 52; *6, 7* – стеклянные сосуды из могилы № 67; *8* – краснолаковая патера из могилы № 38; *9, 10* – краснолаковые тарелки из могилы № 127

Рис. 6. Находки из могил. *1* – амфора светлоглиняная из могилы № 397; *2* – миска из могилы № 97; *3* – грибовидные янтарные подвески из могилы № 389; *4* – бусина фаянсовая из могилы № 4; *5* – подвеска фаянсовая из могилы № 324

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.146-173

МОГИЛЬНИК СУВЛУ-КАЯ III – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ V В. В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ: ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ИНВЕНТАРЯ

Волошинов Алексей Александрович
Институт археологии РАН, Москва, Россия
Масякин Вячеслав Вадимович
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

Аннотация: Некрополь Сувлу-Кая (г. Бахчисарай) возник в конце II – начале III в. Ранняя группа погребений совершена в подбойных могилах. Во второй половине/последней четверти IV – первой половине V в. появляется новая группа населения, оставившая погребения в склепах, для которых характерно необычно большое количество предметов вооружения. Эти группы населения имели различную демографическую структуру.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, подбои, склепы, римское время, Эпоха переселения народов

THE THIRD- TO THE FIRST HALF OF THE FIFTH-CENTURY CEMETERY OF SUVLU-KAIA IN THE SOUTH-WESTERN CRIMEA: THE FEATURES OF THE FUNERAL RITE AND GRAVE GOODS

Voloshinov, Aleksei Aleksandrovich
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Masiakin, Viacheslav Vadimovich
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract: The cemetery of Suvlu-Kaia (located in the territory of the modern town of Bakhchisarai) appeared in the late second or early third century AD. The earliest group of burials was made into undercut graves. In the second half / last quarter of the fourth and the first half of the fifth century, there appeared a new population group, who made burials in the vaults, featuring unusually big number of weapons. The above-mentioned population groups had different demographic structure.

Keywords: south-western Crimea, undercut graves, burial vaults, Roman Period, Great Migration Period

Территория могильника Сувлу-Кая расположена в пределах пониженной части продольной долины между Предгорной и Внешней грядами Крымских гор, поверх Северного структурного склона Внутренней гряды Крымских гор и приурочена к верхнему уступу их куэсты. С севера и юга участок ограничивают эрозионные балки Боклы-Дере и Эрмени-Дере – безводные балки реки Чурук-Су. Поверхность рельефа ровная, с уклоном к северо-западу.

Некрополь расположен в 7-м микрорайоне г. Бахчисарай. Наиболее вероятно, памятник относится к поселению Топ-Кая, находящемуся в 0,3 км к западу. Площадь поселения, на которой встречена керамика и отдельные находки II–IV вв., составляет около 30 гектар.

Могильник Сувлу-Кая был открыт местными жителями в 1995 г. при рытье котлована под строительство жилого дома. В ходе археологических исследований 2009–2021 гг. изучено 47 погребальных сооружений: 14 склепов, 30 подбойных могил, 2 грунтовые ямы с плитовым перекрытием и 1 простая грунтовая яма.

Некрополь был устроен в мощном (5–10 м) слое суглинка, заполнившем тектонический разлом, ныне представляющий собой небольшую низину, направленную к западу–северо-западу и ограниченную с севера и юга выходами нуммулитовых известняков. Территория могильника вытянута на длину около 400 м, ширину 50–70 м и составляет не менее 2,0–2,5 га.

Компактное залегание суглинка определило высокую плотность погребений на исследованных участках некрополя. Однако погребальные сооружения крайне редко «перерезали» друг друга, поскольку их входные ямы на поверхности отмечались вертикально установленными обломками известняка. Подобным образом резервировалось пространство и для будущих могил, что зафиксировано над склепом 40.

Могилы конца II–III в. располагались с соблюдением рядов. Большая часть погребальных сооружений этого времени ориентирована по общей оси запад–восток. Склепы IV–V вв. на периферии некрополя, где отсутствовали погребения более ранней группы, также образовывали ряды. Там, где погребения III в. н. э. все же присутствовали, склепы аккуратно встраивались между могилами, практически не нарушая целостность их конструкции (склеп 7). Место расположения камер на поверхности, очевидно, не обозначалось. Входные ямы более поздних склепов и подбойные могилы III в. н. э. оказывались очень близко к камерам ранних склепов, либо непосредственно над ними. Так, входная яма склепа 25 обрушила свод склепа 18, и в нем были сделаны ступени.

Продольно-осевые склепы ориентированы различно. Те, что тяготели к тальвегу ложбины – вытянуты вдоль нее (З-В), другие развернуты камерами в сторону северного склона, наиболее выраженного на местности (СВ-ЮЗ).

Погребальные сооружения и обряд

Подбойные могилы

Могилы с одним подбоем (рис. 3: *1–5*; 4: *1*). Наиболее ранние погребальные сооружения этого типа относятся к концу II – первой половине III в. (могилы 1, 4, 5, 6, 9, 13, 11, 14, 15, 17, 23, 24, 26, 27, 29). Для конструкции подбойных могил этого периода (рис. 3: *1–4*) характерны подпрямоугольные в плане входные ямы длиной 1,8–2,8 м, шириной 0,42–1,0 м и глубиной 1,68–2,68 м. Стенки некоторых из них имели отрицательный уклон (могила 13). Дно входных ям, как правило, ровное, однако в отдельных случаях, имеет наклонную в сторону камеры поверхность (могила 31).

Камеры-подбои, устроенные в длинной стенке входной ямы, имеют подпрямоугольные, подтрапециевидные либо овальные в плане очертания, длина их составляет 1,54–2,95 м, ширина 0,45–0,98 м, глубина 1,7–2,7 м. Камеры перекрывались закладами высотой 0,5–1,34 м, состоящими из необработанных плит известняка. Плиты устанавливались на ребро под незначительным уклоном в сторону камеры, иногда опираясь на уложенные плашмя уплощенные обломки известняка, либо на подсыпку из суглинка (могилы 29, 34). Дно камеры, как правило, ниже дна входной ямы на 0,09–0,12 м. Реконструируемая высота подбоев составляет 0,46–1,05 м.

В отдельных случаях подбойные могилы использованы для многократных погребений, в их камерах найдены останки двух–трех человек. Даже в том случае, когда в подбое не хватало свободного пространства, погребенные укладывались один поверх другого (могила 9), при этом, заметных прослоек грунта между костяками не прослежено. В могиле 23 оба погребенных находились в одном гробу.

Погребения совершались по обряду ингумации, в деревянных колодах или гробах, длина которых незначительно превышала рост человека, а ширина соответствовала ширине тела. Длина гробов/колод 1,55–2,18 м, ширина 0,4–0,57 м. Гроб или колода иногда устанавливались на подсыпку из суглинка мощностью в 0,05–0,28 м, в некоторых случаях, вероятно для придания устойчивости, под них подкладывались небольшие плоские камни. В могиле 24 зафиксировано наличие в подсыпке мелких углей.

Захоронения в могилах с одним подбоем совершены на спине, в нескольких случаях тело уложено с незначительным

доворотом на левую сторону (№№ 5, 13, 23, 26), лицевая часть черепа, как правило, развернута к югу (№№ 4, 5, 6, 9, 13, 23, 26) и к северу (№ 17). Наиболее частое положение рук – вытянуто вдоль тела, часто кисть одной (№№ 4, 17) или обеих (№№ 9, 24, 29) рук уложены на бедро. Ноги, чаще всего, вытянуты прямо, сближены в голенях и стопах, изредка (№№ 5, 13, 17) перекрещены в голенях.

Керамические и стеклянные сосуды, напутственная пища (кости животных) и нож располагались за головой погребенного (т. е. за границами гроба/колоды) и/или поверх гроба/колоды. В последнем случае (могилы 4, 13) расположение перечисленных предметов (область головы, груди, в ногах) позволяет предположить, что первоначально они укладывались на деревянную посуду или подставку.

Подбойные могилы (№№ 4, 13, 23, 24) на поверхности маркировались небольшой насыпью и двумя необработанными плитами известняка высотой 0,3–0,55 м, шириной 0,2–0,3 м, толщиной 0,07–0,08 м. В древности маркеры вкапывались вертикально в верхней части заполнения и прислонялись плоской стороной к торцевым сторонам входной ямы, возвышаясь над могильной насыпью на 0,1–0,3 м (впоследствии маркеры были повреждены многолетней вспашкой). В случае повторного совершения захоронения, как в могилах 9 и 20, входная яма вскрывалась частично, и в качестве отметки оставался только один из камней.

По данным антропологического исследования (*Казарницкий*, 2016. С. 204, 207, 211, 214), погребения в подбойных могилах принадлежали, чаще всего, мужчинам зрелого возраста с фиксируемым высоким травматизмом и традицией искусственной деформации головы. Захоронения детей и подростков единичны. В погребениях № 6 и № 9 найдены останки индивидов, не достигших половой зрелости (15–18 и около 18 лет). При этом соотношение женщин (6) и мужчин (18) – один к трем. Все это в совокупности позволило предположить, что погребения в подбойных могилах с одним подбоем принадлежат кратковременному коллективу с практически нулевой рождаемостью. Костные останки из подбойных могил (например, №№ 5, 9) несут следы серьезных, иногда смертельных повреждений не бытового характера, некоторые из ран имеют следы заживления. Подобные травмы свойственны, в основном, мужским погребениям. Средний возраст умерших достигает 40 лет.

Представляет большой интерес тот факт, что при наличии боевых травм на костных останках, в инвентаре подбойных могил практически отсутствуют предметы вооружения. Исключение составляет боевой топор из могилы 4.

Усредненная краниологическая характеристика позволяет сопоставить материалы из подбойных могил некрополя Сувлу-Кая с серией черепов из погребений позднесарматской археологической культуры низовьев Дона и Волги.

Изотопный анализ показал, что основу рациона погребенных составляла мясная пища, в нем также могли присутствовать молочные продукты (*Кулькова, Синай, Нестеров*, 2017. С. 229, 232).

Для конструкций погребальных сооружений второй половины III–IV в. (могилы 2, 33, 34, 38, 39, 45, 46) характерны прямоугольные или подтрапециевидные входные ямы длиной 1,6–2,86 м, шириной 0,54–1,1 м и глубиной 1,05–2,87 м (рис. 3: *5*; 4: *1*). Дно входных ям, как правило, ровное, однако в отдельных случаях, имеет выраженную наклонную в сторону камеры плоскость. Продольные стенки отдельных входных ям имели выраженный отрицательный уклон (например, могила 34).

Высота каменных закладов составляет 0,48–1,08 м, в большинстве случаев они сложены из небольших уплощенных обломков известняка, а в отдельных (могила 45) они частично представляли собой сырцовую конструкцию. Длина подтрапециевидных, овальных или подпрямоугольных в плане подбоев составляет 1,53–2,7 м, ширина 0,8–1,6 м, глубина 1,18–3,0 м, первоначальная (реконструируемая) высота свода – 0,57–0,92 м. Плиты заклада иногда были установлены на плоские обломки известняка (могила 2), либо на подсыпку из суглинка мощностью 0,11 м (могила 33). Пол камеры ниже дна входной ямы на 0,9–0,16 м. Переход оформлен в виде наклонной ступени.

Данные о положении тел в подбойных могилах немногочисленны, т. к. половина могил ограблена в древности. Одно из погребений (№ 45) имеет диаметральную, западную ориентировку.

Захоронения совершены по обряду ингумации, вытянуто на спине. В одном случае тело уложено с незначительным доворотом на левую сторону (могила 2), лицевая часть черепа развернута к югу (№№ 1, 2, 33). Наиболее частое положение рук – вытянуто вдоль тела, иногда (№ 33) они незначительно согнуты в локтях, кисть одной (№ 2) или обеих (№ 33) рук уложены на бедра, в одном случае в области паха (№ 1). Ноги вытянуты прямо, уложены параллельно (№ 33), либо сближены в голенях и стопах (№№ 1, 2).

В случаях, когда в камере двое погребенных (№№ 2, 38), они уложены рядом, а не один поверх другого, как в могилах предшествующего периода.

В отдельных погребениях отчетливо прослеживаются остатки прямоугольных колод или гробов, установленных на подсыпку из суглинка. Их длина во взрослых погребениях 1,7–2,07 м, ширина 0,32–0,72 м, в детских могилах длина составляет 0,85–1,1 м, а ширина 0,2–0,35 м.

Сосуды и кости животных (напутственная пища) располагались за головой, т. е. за границами гроба/колоды. По сравнению с предшествующим периодом, в погребальном инвентаре увеличилось количество сосудов (от двух до девяти) и возникает традиция установки мисок стопками (одна в другую). В наборе инвентаря появляются стеклянные сосуды и лепная керамика, а в качестве напутственной пищи активно используются яйца, мясо птиц, в том числе относительно целых туш (могила 33) и мясо крупного рогатого скота. Ножи и яичная скорлупа найдены в мисках. Нововведением является положение ножа у берцовых костей (могила 2), этот обычай встречается также в склепах.

Могилы с двумя подбоями (рис. 4: *2, 3*). Наиболее ранние погребальные сооружения этого типа относятся к концу II – первой половине III в. Их конструкция, в целом, аналогична могилам с одним подбоем. В нескольких случаях могилы имели две камеры, овальные, подтрапециевидные или подпрямоугольные в плане (могилы 20, 21, 28, 36). Различная глубина камер в одном и том же погребальном сооружении (рис. 4: *2*), возможно, говорит о том, что подобные могилы сооружались и использовались как минимум в два этапа. Длина входных ям 2,46–2,8 м, ширина 0,66–0,8 м, глубина 1,52–2,22 м. Длина камер составляет 1,98–3,12 м, ширина 0,5–1,15 м, глубина 1,85–2,24 м. Реконструируемая высота подбоев 0,8–1,0 м. Пол камеры ниже дна входной ямы на 0,02–0,43 м. Переход оформлен в виде прямой (отвесной) либо наклонной ступени.

Высота каменных закладов составляет 0,54–1,28 м. Плиты заклада в отдельных случаях устанавливались на подкладки из небольших плоских обломков известняка либо на подсыпку из суглинка мощностью 0,26 м (рис. 4: *2*). Погребения совершались по обряду ингумации, одна из камер в могиле 36 использована под кенотаф.

В этом же погребении прослежены остатки гроба или колоды, ширина которого составляет не менее 0,4 м.

Захоронения ориентированы головой на восток, совершены на спине. В зависимости от того, с какой стороны от входной ямы находится подбой, имеются вариации в положении головы и туловища. В случае если подбой расположен к северу от входной ямы, тело уложено с незначительным доворотом на правую сторону, а лицевая часть черепа развернута к северу (№№ 21, 36) (рис. 4: *2, 3*). Если подбой устроен справа, в южной продольной стенке входной ямы, то тело уложено с доворотом на левую сторону, а лицевая часть черепа развернута к югу (№ 20). Руки вытянуты вдоль тела или незначительно согнуты в локтях, кисть одной или обеих рук на бедрах. Ноги вытянуты прямо, уложены параллельно, либо перекрещены в голенях (№№ 20, 21).

Сосуды располагались за головой. Остатков напутственной пищи (костей животных) не прослежено. Положение ножа в могиле 36 у бедренной кости (рис. 4: *2*) является единичным случаем среди могил и встречено в склепах IV–V вв.

Погребения в могилах с двумя подбоями датируются III–IV вв. и, судя по небогатому набору погребального инвентаря, статус таких захоронений был невысок.

Склепы

Склепы представлены исключительно длинными Т-образными продольно-осевыми конструкциями (рис. 1; 2). В Юго-Западном Крыму подобные сооружения обнаружены в некрополях Красный Мак, Алмалык-Дере, Суворово, Сувлу-Кая, Фронтовое 3, в Инкерманском и Краснозоринском некрополях.

Входные ямы на уровне современной поверхности в плане имели форму вытянутой трапеции (первоначально прямоугольную?), превышая длину камеры в 1,5–2 раза. Длина входных ям в среднем составляет 5–6 м, ширина 0,27–0,86 м. Наибольшая глубина входной ямы – у входа в дромос, составляет 2,88–4,04 м. В целом, входные ямы имеют достаточно близкие габариты, за исключением тех случаев, когда строителям склепов приходилось обходить более ранние могилы. Так, в склепе 16 длина входной ямы была увеличена до 8 м.

Для спуска во входную яму в западной, юго-западной ее части выкапывалось от 6 до 13 ступеней высотой 0,16–0,4 м. Ширина первых из них зачастую не превышала 0,2–0,3 м, а последних (нижних) – 0,8 м. Входная яма в поперечном сечении трапециевидная, поскольку продольные стенки имели отрицательный уклон, увеличивавшийся у входа в камеру[1]. Пол в этой части входных ям, как правило, имеет горизонтальную или наклонную в сторону дромоса поверхность. В нижней, наиболее широкой части восточной/северо-восточной торцевой стенки входной ямы (1,0–1,4 м) выкапывался дромос, ведущий в подземную камеру.

Стенки погребальных сооружений выкапывались инструментом с плоским лезвием шириной 7–10 см, его следы сохранились на стене склепа 18.

В заполнении входных ям найдены остатки тризны: фрагменты костей животных (склепы 3, 10, 40, 47) и немногочисленные обломки амфор. Входная яма при очередном подзахоронении не стояла долго открытой и не вскрывалась полностью, вынималось заполнение ближе ко входу в камеру. Об этом говорит состояние непотревоженных склепов и характер заполнения входных ям. Широкая часть входной ямы отмечалась на поверхности вертикально стоящим уплощенным обломком известняка, что зафиксировано при раскопках склепа 47 (рис. 1).

Вход в дромос закрывался подпрямоугольной известняковой плитой (высотой 0,88–1,36 м, шириной 0,86–1,0 м и толщиной 0,1–0,2 м), нередко имеющей следы подтески. Иногда верхняя часть плиты имела полуциркульное завершение (склеп 43). Плита устанавливалась на ребро, с небольшим уклоном в сторону камеры, опираясь на небольшую подсыпку или дно входной ямы, в котором в нескольких случаях прослежено отдельное углубление для фиксации плиты. Щели вокруг плиты закрывались мелким камнем, или кладкой из мелких плит (склеп 32). Зафиксированы случаи смещения плиты с первоначального места установки в сторону выхода из входной ямы на 0,9–1,6 м (склепы 32, 44).

Дромос длиной до 0,8 м, шириной 0,5–0,8 м и высотой 0,48–0,53 м полностью сохранился только в склепе 42. Из дромоса в камеру, как правило, ведут от одной до пяти отвесных либо покатых ступеней высотой 0,08–0,36 м, высеченных в материковой глине. Высота всех ступеней (от пола дромоса до пола камеры) варьируется в пределах 0,22–0,75 м. Впрочем, в камеры отдельных погребальных сооружений (склепы 7, 40) от пола дромоса, без дополнительных ступеней, вел отвесный переход высотой 0,2–0,44 м.

Камеры, подквадратные либо подтрапециевидные в плане, имели полуциркульный в поперечном сечении свод и размеры от 2,1–2,57×2,6 м до 3,6×3,67 м, при глубине 3,5–5,0 м и реконструируемой высоте потолков 1,5–2,0 м.

Внутреннее пространство камеры использовалось для многократных погребений, совершавшихся в один ярус по линии входной ямы и дромоса, головами ко входу (№№ 3, 7, 10, 25, 32, 47) и лишь единожды (№ 47) ко входу ногами (рис. 1: *1, 2*). Сле-

[1] Возможно, это обусловлено тем фактом, что по мере углубления входной ямы, выбирать из нее суглинок становилось неудобно, для чего и подрубались стенки под отрицательным углом (*Аксёнов*, 2016. С. 237).

ва от входа, вдоль северной (северо-западной) стенки в двух случаях фиксировались наиболее значимые по инвентарю погребения. В дальней стенке камеры устраивались полки или ниши для посуды. Так, в склепе 42, в дальней от входа восточной стенке камеры, непосредственно под потолком, устроена ниша-полка длиной 1,9 м, шириной 0,33 м, глубиной 0,32 м и высотой 0,52 м. Остатки ниши шириной 0,5 м и глубиной 0,28 м прослежены также в тыльной стенке камеры склепа 35.

Зафиксированы случаи, когда на стенки камеры опирались предметы вооружения, например, щиты в склепах 10 и 25. Так называемый кинжал с вырезами у основания клинка из склепа 7 был найден на высоте около метра от пола и, вероятно, изначально был прислонен к стенке острием вверх, будучи закреплённым на деревянном древке.

Количество погребенных в непотревоженных склепах варьировалось от семи до десяти человек; в склепе 10, например, было погребено семеро взрослых и трое детей. Случаев, когда погребенные укладывались один поверх другого, не зафиксировано. Если для нового захоронения не хватало места, кости предыдущих частично или полностью (склепы 10, 47) сдвигались в сторону, а погребальный инвентарь перемещался на свободное от погребений пространство в углах и по периметру камеры, либо укладывался поверх соседних захоронений. В отдельных случаях сосуды были полностью разбиты и разбросаны по всей площади камеры. Вместе с инвентарем могла быть передвинута часть костей погребенных и напутственная пища.

Захоронения в склепах совершены вытянуто на спине, лицевая часть черепов чаще всего развернута на север, иногда голова была уложена прямо, в отдельных случаях – лицевой частью на юг. Зафиксированы отдельные случаи доворота тела на правую сторону. Руки чаще всего вытянуты вдоль тела, в отдельных случаях одна или обе кисти рук уложены на бедра. Ноги вытянуты прямо и уложены параллельно, либо сближены в голенях и стопах.

Напутственная пища состояла из яиц, мяса птиц (наиболее вероятно – *Gallus gallus*, т.е. домашней курицы), в том числе относительно целых туш (№ 47), и мяса крупного рогатого скота. Ножи и яичная скорлупа найдены в лепных и краснолаковых мисках и краснолаковых блюдах.

Сосуды и остатки напутственной пищи располагались за головой или в ногах погребенного (т.е. за границами гроба/колоды), нередко и поверх костяков. Судя по положению ножей и костей животных в склепе 47 (рис. 1: *1*), часть напутственной пищи была уложена на деревянную посуду, в некоторых случаях, возможно, была установлена на деревянную подставку или столик.

Под напутственную пищу использовались краснолаковая и лепная керамика (от 9 до 39 сосудов в одном погребальном сооружении). При этом миски и тарелки иногда устанавливаются стопками, одна в другую. Некоторые из сосудов имеют признаки использования в быту (нагар, шлифовка сломов, вторичное использование и т. д.).

Состав и расположение погребального инвентаря в склепах имеет свои особенности. Во всех склепах найдено оружие. В составе инвентаря склепов обязательно присутствуют железные ножи, общее количество которых составляет от 3 до 16 в одном погребальном сооружении. При этом, как правило, каждому погребенному соответствовал нож, размещавшийся у берцовых костей или по линии талии, остальные ножи, вероятно, первоначально укладывались вместе с напутственной пищей.

Для погребального инвентаря некоторых из склепов (№№ 10, 35, 40, 47) характерно наличие от шести до восьми глиняных пряслиц.

Границы колод или гробов в склепах фиксируются либо в виде тонких линий органического тлена, заметных еще до выявления костных останков (склеп 10), либо в виде пятен органического тлена, расширяющихся к голове (склеп 47) (рис. 1: *2*). Длина гроба/колоды варьируется от 1,73 до 1,95 м, ширина от 0,17–0,21 м в стопах и до 0,36–0,52 м в плечах и голове.

В некоторых случаях под головную часть гроба/колоды подкладывались небольшие плоские камни максимальными размерами

0,2×0,34 м. Они были предназначены, вероятно, для фиксации гробов или колод (рис. 3: *1*; 4: *2*, 3).

Антропологические исследования останков из склепов (*Казарницкий*, 2016. С. 204–214) демонстрируют во многом полярную картину, по сравнению с могилами конца II–III в. В склепах лишь один из погребенных (склеп 3) имел травму, к тому же, не имеющую следов заживления. Отличаются и общие демографические данные, близкие к паритетному соотношению полов в нормальных, долговременных и сравнительно благополучных популяциях. Дети и подростки до 18 лет составляют 24%, а соотношение женщин и мужчин – 37,5% к 62,5%. Более равномерным является и распределение скелетов по возрастным когортам. При этом доля доживших до возраста старше 50 лет составляет 15,5%. Средний возраст умерших составляет 32,8 года, без учета детской смертности – 38,6 лет. «Скорость убыли населения (lx) заметно повышается в период 25–39 лет, однако в последующих когортах нарастает равномерно и медленнее, чем в серии из подбоев» (*Казарницкий*, 2016. С. 204–214).

Ряд склепов был потревожен в древности. Наибольший интерес представляет собой ситуация, зафиксированная в склепе 44, расположенном на периферии могильника. Кости погребенных, находившиеся еще в сочленениях, были сдвинуты к центру камеры. Состояние костных останков, по мнению антрополога М. В. Добровольской, указывает на ограбление, совершенное, когда мягкие ткани были еще не совсем истлевшими[2]. При этом некоторые из погребенных могли быть уже совсем скелетированы, а двое были погребены не так давно. Со времени их погребения прошло всего от нескольких месяцев до года.

Минимальное количество разломанных сосудов, практически полный набор ременной и обувной гарнитуры, ожерелье бус из полудрагоценных камней, меч на полу камеры позволяют поставить вопрос о цели подобных действий. Не исключено, что они не являются признаками ограбления и носили ритуальный характер (так называемое обезвреживание).

Грунтовые ямы с плитовым перекрытием и грунтовыми заплечиками

Расположены на периферийных участках некрополя, относящихся ко второй половине III–IV в. (могилы 8, 37). Представляют собой овальные и подпрямоугольные в плане ямы длиной 1,7–2,0 м, шириной 0,42–0,66 м и глубиной 1,1–1,28 м (рис. 4: *4*). Перекрытие, состоящее из горизонтально уложенных плоских обломков известняка, опирается на выкопанные по периметру ямы «плечи» шириной 0,1–0,28 м и высотой 0,3–0,4 м.

Длина могил вместе с заплечиками составляет 1,75–2,4 м, ширина 0,75–0,77 м. В могиле 37 прослежены остатки деревянной колоды длиной 1,83 м и максимальной шириной 0,33 м (рис. 4: *4*).

Погребения в грунтовых ямах с плитовым перекрытием совершены на спине. Ориентированы на северо-запад–юго-восток и северо-восток–юго-запад. Лицевая часть черепа в могиле 8 уложена прямо, в могиле 37 – развернута к западу. Одна рука вытянута вдоль тела, другая согнута в локте, ее кисть на бедре. Ноги вытянуты прямо и уложены параллельно.

Погребения в могилах этого типа датируются III–IV вв. Погребенные, вероятно, имели невысокий социальный статус. На это, помимо практически полного отсутствия инвентаря (исключение – глиняное пряслице в могиле 8) и остатков напутственной пищи (костей животных), указывает и количество затраченного труда – погребения совершены в неглубоких ямах.

Изотопный анализ зубов показал, что для индивидуума из могилы 8 был характерен низкопротеиновый характер питания, основу которого могли составлять растительные злаки и, в незначительном количестве, мясо (*Кулькова, Синай, Нестеров*, 2017. С. 229, 232).

[2] Благодарим М. В. Добровольскую за антропологическое определение.

Кремация в склепе

В юго-западном углу камеры склепа 40, на полу, среди нескольких ограбленных в древности погребений, совершенных по обряду ингумации, обнаружены кальцинированные человеческие кости, первоначально помещенные в амфору типа Делакеу. Обломки амфоры были разбросаны по всей площади камеры, находясь в заполнении камеры на разных уровнях от пола. Содержимое амфоры и отдельные ее обломки были зачищены на полу склепа в виде пятна размерами 1,26×0,88 м. Оно представляло собой скопление коричнево-серого органического тлена и мелких костных кальцинированных останков со следами интенсивной температурной обработки. Общий вес костей составил 758 г, что соответствует одному индивиду. Было восстановлено первоначальное положение амфоры – она была вытянута по оси ЮВ–СЗ и уложена горловиной в направлении ко входу в камеру.

Погребальный инвентарь кремации представлен бусами, бронзовым перстнем, серебряной серьгой, фрагментом римской шарнирной Т-образной фибулы и фрагментом костяного трехслойного гребня.

Хронология

В связи с тем, что к настоящему времени изучена незначительная часть памятника, делать выводы о хронологических рамках и этапах функционирования некрополя в целом представляется преждевременным. Исследованные погребения можно разделить на три хронологические группы. К первой группе конца II – первой половины III в. относится большая часть погребений в подбойных могилах. Погребения второй группы, относящиеся ко второй половине III – первой половине IV в., также совершенные в подбоях, не многочисленны. К этой же группе относится трупосожжение в амфоре. Третья группа включает все погребения в склепах и отдельные захоронения в подбоях. Хронологические рамки этой группы определяются в пределах второй половины IV – первой половины V в., с возможной корректировкой нижней даты до последней четверти IV в.

Общая характеристика погребального инвентаря

Группа 1 (конец II – первая половина III в.)

В погребениях этой группы найдены узкогорлые светлоглиняные амфоры гераклейского производства типа D по Д. Б. Шелову, или C IVD по С. Ю. Внукову (рис. 5: *1*) (*Шелов*, 1972; *Внуков*, 2016). Краснолаковые сосуды представлены кувшинами форм 4 (рис. 6: *2*), 11.2 (рис. 6: *3*), 39 (рис. 6: *1*), мисками формы 17.1.1 (рис. 6: *4*), тарелкой формы 6.3 (рис. 6: *5*) по Д. В. Журавлеву (*Журавлев*, 2010). Лепные сосуды в погребениях отсутствуют. В могиле 1 найден стеклянный кубок оливкового оттенка полусферической формы с оплавленным краем типа 96 по К. Айсингс (рис. 6: *20*) (*Isings*, 1957).

Фибулы относятся к лучковым одночленным 4 и 5 вариантов по А. К. Амброзу, 4 варианту по В. В. Кропотову, варианту IB.1.d.2 по К. Хельстрём (рис. 8: *1–3*) (*Амброз*, 1966; *Кропотов*, 2010; *Hellström*, 2018). Кроме того, найдены фибулы «инкерманского» типа, представленные одночленными застёжками с пластинчатой спинкой, украшенной проволочной «змейкой», II серии по А. К. Амброзу, 4 варианта II серии по В. В. Кропотову, варианта IB.1e.2 по К. Хельстрём (рис. 8: *5, 6*).

Одним экземпляром представлена двусоставная фибула «инкерманского» типа со сплошной обмоткой дужки, игла и пружина которой изготовлены из отдельного отрезка проволоки (рис. 8: *7*). А. К. Амброз такие фибулы не выделял в отдельный вариант, полагая, что подобная конструкция связана с тем, что мастер не рассчитал необходимый для изготовления застёжки отрезок проволоки (*Амброз*, 1966. С. 52). И. Н. Храпунов и В. В. Масякин высказали предположение, что такие фибулы представляют собой особый вариант конструкции, являющейся переходной к конструкции «классических» двучленных застёжек, и производились на протяжении короткого отрезка времени (*Храпунов, Масякин*, 1998. С. 140–143). Это предположение было поддержано А. А. Труфановым (*Труфанов*, 2009. С. 213) и К. Хельстрём, включившей подобные изделия в группу III, объединяющую

двучленные фибулы (*Hellström*, 2018. S. 84). В. В. Кропотов считает рассматриваемую конструкцию результатом ремонта (*Кропотов*, 2010. С. 135–136). В большинстве случаев лучковые фибулы в погребениях сопровождались одной или двумя «смычковыми» фибулами (рис. 8: *8, 9*).

Бронзовая пряжка с прогнутым в центре язычком и прямоугольным щитком из погребения 4 относится к типу 3Гз по В. Ю. Малашеву (рис. 8: *10*) (*Малашев*, 2000). Подобные морфологические особенности имеют и железные пряжки без щитков (рис. 8: *11–13*). Количество бус и украшений в погребениях этой группы не значительно, что, вероятно, объясняется преобладанием мужских погребений.

Найденные в погребениях зеркала относятся к типу IX по А. М. Хазанову.

Единственный предмет вооружения, обнаруженный в комплексах первой группы – железный топор с узким лезвием с секировидным окончанием и выделенным обухом (рис. 8: *14*), может носить и утилитарный характер.

Группа 2 (вторая половина III – первая половина IV в.)

Погребения этой группы немногочисленны. Показательные хронологические индикаторы происходят из могилы 21 с двумя подбоями. К ним относится двучленная лучковая фибула III серии по А. К. Амброзу и В. В. Кропотову, варианта III.1.b по К. Хельстрём (рис. 8: *4*), краснолаковая чашка с конусовидной ручкой варианта 4 по классификации посуды из некрополя Совхоз 10 (рис. 6: *6*) (*Стржелецкий и др.*, 2005). Отметим, что аналогичный сосуд найден в слое разрушения середины III в. городища Алма-Кермен (*Высотская*, 1972. Рис. 29, *8*). К этой же группе принадлежит могила 38 с двумя детскими погребениями, сопровождавшимися красноглиняным одноручным кубком, расписанным белой краской (рис. 6: *9*), набором разнообразных бус, в том числе, янтарных грибовидных подвесок, римской бронзовой буллой. К этой же хронологической группе относится трупосожжение в амфоре типа «Делакеу» (рис. 5: *4*), найденное в склепе 40. По классификации Д. Кассаб Тезгёр[3] амфора относится к переходному типу между группами B Snp II и C Snp I (вариант «Гудава») и датируется концом III – первой половиной IV в. (*Kassab Tezgôr et al.*, 2007). Среди вещей, относящихся к кремации, также обнаружены фрагмент римской Т-образной шарнирной фибулы варианта 1b по Ф. Прёттелю, датирующийся 250–320 гг. (*Pröttel*, 1988. Abb. 11), серебряная серьга с овальным плоским щитком с сердоликовой вставкой и витой дужкой, фрагмент костяного гребня. Инвентарь, найденный в склепе и относящийся к ингумациям, характерен для комплексов 3 группы. Таким образом, урна с кремированными останками была помещена в более позднее погребальное сооружение. Не исключено, что в данном случае фиксируется перезахоронение из первоначального места погребения.

Группа 3 (вторая половина/последняя четверть IV – первая половина V в.)

В погребениях этой группы найдены узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F по Д. Б. Шелову или C IVF по С. Ю. Внукову (рис. 5: *2*), в склепе 44 обнаружена амфора MRA 3 (Mid Roman Amphora), типа 54 по Т. Бежецкому (рис. 5: *3*) (*Bezeczky*, 2013).

Краснолаковые сосуды[4] представлены блюдами форм 1 (рис. 6: *14*) и 3 (рис. 6: *15*) понтийской краснолаковой керамики (Pontic Red Slip ware, PRS) по К. Домжальскому (*Arsen'eva, Domżalski*, 2002), формы 2B фокейской (Late Roman C / Phocean Red Slip) (рис. 6: *16*) по Дж. Хейсу (*Hayes*, 1972), тарелками типа I.4 (рис. 6: *12*), мисками типа I.6 (рис. 6: *13*), кувшинами типа IV.4,6 (рис. 6: *8*) по В. А. Нессель (*Нессель*, 2003), чашками формы 9 (рис. 6: *10*) по О. С. Ивановой (*Иванова*, 2009). Особую важность для хронологии представляет собой высокий кувшин (рис. 6: *11*) типа IV.1 по В. А. Нессель (*Нессель*, 2003. С. 118). Кувшины этого типа воспроизводят форму парадных металличе-

[3] Выражаем признательность Д. Кассаб Тезгёр за помощь в определении типа амфоры.

[4] Выражаем признательность А. В. Смокотиной за помощь в определении некоторых типов сосудов.

ских сосудов, происходящих из комплексов последней четверти IV–V в. (Керчь, два склепа 24 июня 1904 г., клады Петроаса, Севсо и др.) (*Засецкая*, 1993. Табл. 41, *184*).

Для захоронений поздней группы характерно помещение в могилу значительного количества лепных сосудов. Среди них выделяется два лепных кувшина, найденные в склепах 7 и 10 (рис. 7: *1, 2*). Судя по характеру примесей в глине, они сделаны непосредственно на месте. Кувшины имеют поддон, биконическое тулово и узкое высокое горло с отогнутым наружу венчиком, и в деталях повторяют форму черняховских гончарных кувшинов, найденных в наиболее поздних комплексах этой культуры (*Петраускас*, 2008. С. 6. Рис. 5, *2, 30*). Судя по инвентарю, сопровождающему черняховские погребения, они синхронны захоронениям в рассматриваемых склепах. При этом тулово одного из кувшинов украшено горизонтальным волнообразным налепом в виде «змеи», который, вероятно, является элементом местного декоративного искусства.

Наиболее характерными типами стеклянных сосудов этого периода являются стаканы на кольцевом поддоне с оплавленным краем (рис. 6: *19*) и кувшины на кольцевом поддоне, украшенные спиралевидно навитой нитью (рис. 6: *17*). В склепе 30 найден кубок конической формы (рис. 6: *22*), наиболее близкая аналогия которому происходит из погребения 501 черняховского могильника Бырлад–Валя Сяке в Румынии (*Gavritukhin*, 2017. P. 95. Fig. 9, *1*). В погребении найден солид Констанция II (337–350 гг.), однако по составу инвентаря комплекс относится к гуннскому времени[5]. Еще один кубок близкой формы обнаружен в погребении 3 черняховского могильника Картал (*Бруяко*, 2020. Рис. 1, *4*).

В погребениях рассматриваемой группы найдены двучленные прогнутые подвязные фибулы 3 варианта по А.К. Амброзу, вариантов Б2а (рис. 8: *15*) и Б3а (рис. 8: *16*) по Е.Л. Гороховскому (*Гороховский*, 1988), двупластинчатая варианта ІБА по А.К. Амброзу с одной пружиной и нижней тетивой (рис. 8: *17*). Двупластинчатая фибула обладает признаками, характерными для группы крымских экземпляров первой половины V в., однако имеет относительно короткую ножку. Наиболее близкие аналогии происходят из Херсонеса и склепа 155/2003 Алмалыкского некрополя (*Gavritukhin*, 2002. Fig. 8, *21*; *Mączyńska et al.*, 2016. Taf. 166, *2*). Кроме того, по пропорциям фибула близка отдельным находкам из памятников финального этапа черняховской культуры, обладающим более крупными размерами (Курники, Журавка 2) (*Gavritukhin*, 2002. Fig. 11, *8, 9, 15–17*).

Детали ременной гарнитуры представлены разнообразными типами и являются предметом для специального исследования (рис. 9; 10). Отметим, что преобладают пряжки с язычком, охватывающие переднюю часть рамки на всю высоту, а также пряжки с «хоботовидным» язычком, характерные для гуннского времени (*Айбабин*, 1990. С. 27–29; *Малашев и др.*, 2015. С. 99; *Гавритухин и др.*, 2020. С. 238). Аналогии пряжке с прямоугольной рамкой (рис. 10: *1*) происходят из погребений могильника Лучистое (*Айбабин, Хайрединова*, 2001. Рис. 3, *3*; *Айбабин*, 2002. Рис. 2, *11*; 4, *5*), с более сложным язычком с зооморфным окончанием – из некрополя Фронтовое 3 (*Гавритухин и др.*, 2020. Рис. 2, *1*). Пряжка найдена в мужском погребении с наконечником дротика. На черепе погребенного зафиксирована боевая травма, не имеющая следов заживления. Вероятно, распространение подобных пряжек в варварской среде связано с влиянием имперской военной моды (*Казанский*, 2019).

Особого внимания заслуживает набор серебряных деталей ременной гарнитуры из склепа 41 (рис. 9: *5–9*), представленный пряжками, портупейными кольцами и наконечником ремня, аналогичный обнаруженному в склепе 88 могильника Лучистое (*Айбабин, Хайрединова*, 1998. Рис. 16; *Айбабин, Хайрединова*, 2017. Рис. 79). Среди инвентаря склепа с рассматриваемым набором найден фоллис Элии Флациллы (379–386/8 гг.). Отметим также набор обувной гарнитуры

[5] Благодарим И.О. Гавритухина за уточнение датировки этого погребения.

с мечевидными наконечниками и луновидными накладками из склепа 25, характерными для комплексов гуннского времени (рис. 9: *1, 2*). Подобные предметы найдены и в некрополе Фронтовое 3 (*Гавритухин и др.*, 2020. Рис. 2, *18–23*).

Украшения костюма наиболее выразительно представлены в женском погребении VI склепа 7 (*Masyakin et al.*, 2013. Abb. 10; 11). В области ключиц и верхней части грудной клетки были зафиксированы 58 золотых бляшек трех типов, которыми, очевидно, был обшит ворот одежды (рис. 11: *1, 2*). Близкий по составу комплект происходит из склепа 485 могильника Нейзац (*Khrapunov, Stoyanova*, 2018. Fig. 3; 4). Традиция украшать одежду нашивными бляшками из золотой фольги связана с культурами скифо-сарматского круга, в римское время она проникает на Боспор. В эпоху Великого переселения народов эта традиция распространяется и в германской среде и становится частью интернациональной моды (*Мастыкова*, 2014; *Мастыкова*, 2021; *Айбабин, Хайрединова*, 2017. С. 113–115). В этом же погребении в области шеи найден набор из восьми серебряных пластинчатых ромбовидных подвесок с проволочными витыми петельками (рис. 11: *3*). В Крыму известно несколько отдельных находок подобных подвесок (*Мыц и др.*, 2006. С. 141, 161–162. Табл. 25, *8*; *Стоянова*, 2011. С. 124. Рис. 1, *19*; *Журавлев, Фирсов, Бельский*, 2021. Рис. 28, *4*). Почти все достоверно известные находки таких подвесок происходят из ареала черняховской культуры. Наиболее близкий набор обнаружен в погребении 63 некрополя Сынтана де Муреш в Румынии и также был расположен в области шеи. По мнению О. В. Гопкало, такие подвески использовались для украшения волос (*Гопкало*, 2012, С. 110–111. Рис. 5). Отдельные находки подобных изделий известны на территории Центральной Европы (*Prohaszka*, 2004. Kep. 104).

Для наборов бус третьей группы характерны крупные полихромные изделия, янтарные грибовидные подвески, сердоликовые четырнадцатигранные пронизи, мелкие четырнадцатигранные бусы из прозрачного синего стекла (рис. 12).

Показательной находкой для поздней хронологической группы является костяная пиксида из склепа 43 (рис. 11: *4*). Такие изделия известны в погребениях варварских некрополей Крыма и на Боспоре, синхронных рассматриваемым (см., например: *Айбабин, Хайрединова*, 2017. Рис. 74, *9, 10*; *Mączyńska et al.*, 2016. Taf. 168, *5*; 317, *1, 2*; 318, *4, 5*; *Ворошилова*, 2018).

Предметы вооружения найдены во всех исследованных склепах. К наиболее распространенному типу относятся так называемые кинжалы с вырезами у основания пяты клинка (рис. 13: *4*). Высказано предположение о том, что эти предметы являлись наконечниками древкового оружия (*Схатум*, 2004; *Масякин*, 2010. С. 282–283. Рис. 7). Материалы некрополя Сувлу-Кая, на наш взгляд, подтверждают это предположение: кроме зафиксированного характерного положения клинка в области черепа острием вверх, в ряде случаев, с противоположной стороны, в области ног, обнаружены железные и бронзовая оковки окончания древка бочковидной формы (рис. 13: *5*). Такие находки зафиксированы и в погребениях других некрополей, например, в могильниках Лучистое и Фронтовое 3 (*Айбабин, Хайрединова*, 2009. Рис. 3, *5*; *Айбабин, Хайрединова*, 2021. С. 88; *Гавритухин и др.*, 2020. С. 242. Рис. 2, *27*).

В четырех склепах найдены длинные мечи или их фрагменты без металлического навершия и перекрестия (рис. 13: *9*). В двух погребениях обнаружены детали щитов – умбоны и рукояти (рис. 13: *1, 6, 7*). Также, как и в погребениях могильника Фронтовое 3, щиты были прислонены к стенкам склепов (*Gavritukhin et al.*, 2021. P. 112). Умбоны относятся к типу K1 по Н. Цилингу, рукояти близки к типу 5dg по Й. Илькеру (*Zieling*, 1989. Taf. 14, *2*; *Ilkjaer*, 1990. Abb. 200). Наиболее репрезентативный набор вооружения найден в погребении VI склепа 10 (рис. 13: *2–9*). Кроме деталей щита, длинного меча и клинка с вырезами, он содержал наконечники копья (рис. 13: *3*) и дротика (рис. 13: *2*), характерных для Северной Европы типов (*Волошинов, Масякин*, 2016). Последний относится к специфическому виду оружия, характерному для Скандинавии, и принадлежит к типу 15 по классификации Й. Илькера (*Ilkjaer*, 1990. Abb. 198; *Bemmann, Hahne*, 1994. Abb. 67, *1*). В этом же погребении найден набор на-

конечников стрел (рис. 13: *8*), который состоит из 19 экземпляров, 15 из которых железные и 4 – костяные. Железные наконечники относятся к пяти типам, лишь один из которых (2 экземпляра) связан с причерноморской традицией. Остальные типы характерны для Забайкалья, Монголии и Средней Азии. Появление таких наконечников стрел в Северном Причерноморье связывают с гуннским вторжением (*Засецкая*, 1983. С. 70–84). Костяные наконечники стрел, экзотичные для Крыма, имеют многочисленные аналогии в памятниках культур Приуралья (*Иванов*, 1984. Рис. 4; 9). По своему составу рассматриваемый комплект вооружения, прежде всего, щит, длинный меч, копье, стрелы, находит соответствия в некоторых германских погребениях, имеющих особое положение в иерархии воинских захоронений (*Kazanski*, 2018).

Отметим, что в погребениях отсутствуют детали конской сбруи.

В целом, в захоронениях, совершенных в склепах, фиксируется необычно высокое содержание предметов вооружения, которое рассматривается в качестве оружия профессиональных воинов (длинные мечи, щиты), требующего особых навыков обращения, в отличие от универсального (топоры, копья, стрелы) (*Магомедов, Левада*, 1996. С. 312).

Таким образом, исходя из имеющихся к настоящему времени результатов исследования памятника, можно заключить, что некрополь возник в конце II – начале III в. Население, оставившее раннюю группу погребений, совершенных в подбойных могилах, отличалось аномальной демографической структурой. Подавляющее большинство погребений принадлежало взрослым мужчинам, зафиксирован высокий травматизм среди погребенных. Во второй половине или последний четверти IV в. появляется новая группа населения, оставившая погребения в склепах, для которой характерны другие демографические показатели, отвечающие признакам сравнительно благополучной популяции, и этим существенно отличаются от группы людей, похороненных в подбойных могилах (*Казарницкий*, 2016). При этом, значительное количество находок оружия, в том числе, профессионального, вероятно, свидетельствует о высокой степени милитаризации общества. С другой стороны, нельзя исключить, что такая особенность связана с определенными нормами погребального обряда. Безусловно, сделанные выводы имеют предварительный характер и, вероятно, будут корректироваться в ходе дальнейших исследований памятника.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. I. С. 3–86, 175–241.

Айбабин А. И., 2002. Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2002. Вып. IX. С. 37–52.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 1998. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. С. 74–90.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2001. Новые ранние комплексы из могильника у села Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. С. 274–311.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2009. Римская воинская пряжка из Лучистого // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XV. С. 15–25.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква. 366 с.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2021. Погребения с напутственной пищей эпохи Великого переселения народов из могильника у с. Лучистое (Юго-Западный Крым) // Stratum plus. № 4. С. 79–123.

Аксёнов В. С., 2016. Погребальное сооружение и некоторые аспекты погребальной практики аланского населения Верхнего Салтова с точки зрения археолога-землекопа // Археология восточноевропейской лесостепи: материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18–20 декабря 2015 г. Воронеж. С. 235–245.

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н э. – IV в. н. э. М.: Наука. 112 с. (САИ. Вып. Д1-30).

Бруяко И., 2020 Новый памятник черняховской культуры в низовьях Дуная // Forum Olbicum III: до 70-річчя з дня народження В. В. Крапівіної. Матеріали міжнародної археологічної конференції, 4–6 травня 2020 р. Миколаїв, 2020. С. 136–139.

Внуков С. Ю., 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // Российская археология. № 2. С. 36–47.

Волошинов А. А., Масякин В. В., 2016. Германские элементы из некрополя Сувлу-Кая // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь. С. 119–126.

Ворошилова О. М., 2018. Пиксиды позднеантичной Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 4. С. 122–134.

Гавритухин И. О., Мастыкова А. Н., Свиридов А. Н., Суханов Е. В., Язиков С. В., 2020. Финал могильника Фронтовое 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // Stratum plus. № 4. С. 235–247.

Гопкало О. В., 2012. Прикраси волосся у дівочому вбранні населення черняхвськоі культуры // Археологія і давня історія України. Вип. 8. С. 109–116.

Гороховский Е. Л., 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V международного конгресса славянской археологии. Киев. С. 34–46.

Журавлев Д. В., 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь. 318 с.

Журавлев Д. В., Фирсов К. Б., Бельский С. В., 2021. Могильник Бельбек I и курган у Братского кладбища в Юго-Западном Крыму: археологические раскопки Н. М. Печёнкина в 1903–1905 гг. СПб.: Алетейя. 172 с.

Засецкая И. П., 1983. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV–V вв. н. э.) // История и культура сарматов. Саратов. С. 70–84.

Засецкая И. П., 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н. э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. С. 23–105.

Иванов В. А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука. 88 с.

Иванова О. С., 2009. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XV. С. 26–88.

Казанский М. М., 2019. О поясах с накладными узкими пластинами из могильника Лучистое // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Симферополь: Антиква. С. 60–64.

Казарницкий А. А., 2016. Антропологическая экспертиза скелетных материалов из позднеантичного могильника Сувлу-Кая (Юго-Западный Крым) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 243. С. 203–218.

Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина. 384 с.

Кулькова М. А., Синай М. А., Нестеров Е. М., 2017. Реконструкция диеты по данным изотопного состава углерода и азота в костной ткани и зубах человека на памятниках крымского полуострова // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.): коллективная монография / Ред. А. И. Иванчик, В. И. Мордвинцева. М., Симферополь: ИП Зуева. С. 225–234.

Магомедов Б. В., Левада М. Е., 1996. Оружие черняховской культуры // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. С. 304–323.

Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.

Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С., 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии: Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала: МавраевЪ. 452 с.

Мастыкова А. В., 2014. Княжеский костюм с золотыми аппликациями в Эпоху великого переселения народов // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 232. С. 136–150.

Мастыкова А. В., 2021. Золотые аппликации и трубочки-пронизи в престижном женском костюме в гуннское время // Археологическое наследие. № 1 (4). С. 146–159.

Масякин В. В., 2010. Склеп позднеримского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский. Донецк: Донбасс. С. 279–284. (Археологический альманах. № 22).

Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В., 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История. 208 с.

Нессель В. А., 2003. Краснолаковая керамика из могильника Килен-балка // Херсонесский сборник. Вып. XII. С. 107–123.

Петраускас О. В., 2008. Хронология некоторых типов гончарных кувшинов черняховской культуры лесостепной Украины // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград. С. 88–103.

Стоянова А. А., 2011, Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля. С. 115–151.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2005. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. № 4/2003–2004. С. 27–277.

Схатум Р. Б., 2004. О назначении вырезов у рукояти на кинжалах V–VII вв. // Магистериум. Вып. 2. Краснодар. С. 40–47.

Труфанов А. А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. № 4/2005–2009. С. 117–328.

Храпунов И. Н., Масякин В. В., 1998. Могила с двумя подбоями III века нашей эры из некрополя Дружное // Российская археология. № 4. С. 133–149.

Шелов Д. Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 156. С. 16–21.

Arsen'eva T. M., Domżalski K., 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Bd. 8. S. 415–491.

Bemmann J., Hahne G., 1994. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Skandinavien, Studie zur zeitlichen Ordnung anhand der norwegischen Funde // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 75. S. 283–640.

Bezeczky T., 2013. The Amphorae of Roman Ephesus. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 389 S.

Gavritukhin I., 2002. On the study of double-plate fibulas of the first subgroup // A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. XLIV. P. 113–184

Gavritukhin I., 2017. Glass vessels of the final of the Chernyakhov culture // Na hranicích impéria. Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. narozeninám. Brno. P. 83–92.

Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sukhanov E, Sviridov A., Yazikov S., 2021. The cemetery of Frontovoe 3. New data on the culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration periods // Študijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej akadémie vied. R. 68 (1). S. 87–118.

Hayes J. W., 1972. Late Roman Pottery. London. 478 p.

Hellström K., 2018. Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr.–3. Jh. n. Chr.). Bonn. 382 S. (Archäologie in Eurasien. 39).

Ilkjaer J., 1990. Illerup Ådal. Die Lanzen und Speere. Textband. Aarhus. 404 S. (Jutland archaeological societt publications. 25/1).

Isings C., 1957. Roman glass from dated finds. Groningen; Djakarta: J. B. Wolters. 185 p.

Kassab Tezgör D., Kebuladze N., Lomitashvili D., Zamtaradze M., 2007. Les sites de Gudava et d'Ilori (Colchide): amphores de Sinope et amphores locales de l'époque romaine // Anatolia Antiqua. XV. P. 197–214.

Kazanski M., 2018. Bowmen's Graves from the Hunnic Period in Northern Illyricum // "To make a fairy's whistle from a briar rose". Studies presented to Eszter Istvánovits on her sixtieth birthday. Nyíregyháza. P. 407–417.

Khrapunov I. N, Stoyanova A. A., 2018. Gold jewellery from the necropolis of Neyzats 2018 // "To make a fairy's whistle from a briar rose". Studies presented to Eszter Istvánovits on her sixtieth birthday. Nyíregyháza. P. 275–295.

Masyakin V., Voloshinov A., Nenevolja I., 2013. Die Nekropole von Suvlu-Kaja // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skithen – Goten. Bonn.

Mączyńska M., Gercen A. G., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I., 2016. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des RGZM. 205 S. (Monografien des RGZM, Bd. 115).

Prohászka P., 2004. Az osztrópatakai vandál királysír. Esztergom. 144 p.

Pröttel Ph. M., 1988. Zur Chronologie der Zwiebelknopffibeln // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 35. Teil 1. S. 347–372.

Voloshinov A. A., 2012. The horizontal stone slabs as grave-marks in the Late Scythian Necropolises of the South-Western Crimea (3rd c. AD) // Archaeology and Linguistics in the modern world. Exchange of knowledge in the History of Mankind. Simferipol, Yalta. P. 42.

Zieling N., 1989. Studien zu germanischen Schilden der Spätlaténe und römischer Kaiserzeit un freien Germanien. Teil III. Oxford. 313 p. (BAR International Series. 505).

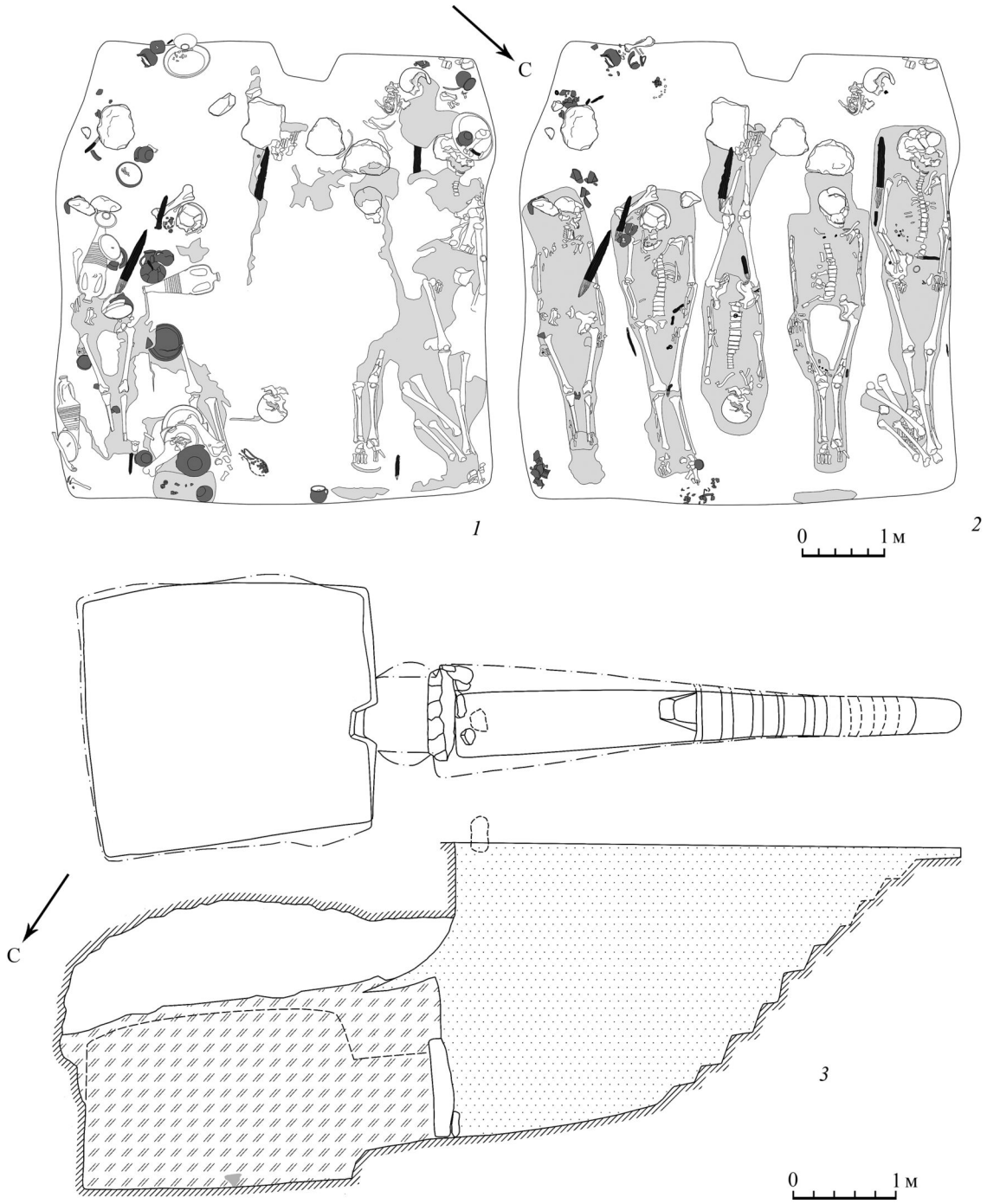

Рис. 1. Типология погребальных сооружений могильника Сувлу-Кая. Склеп 47

Рис. 2. Могильник Сувлу-Кая. Склеп 44.
Фотограмметрическая проекция

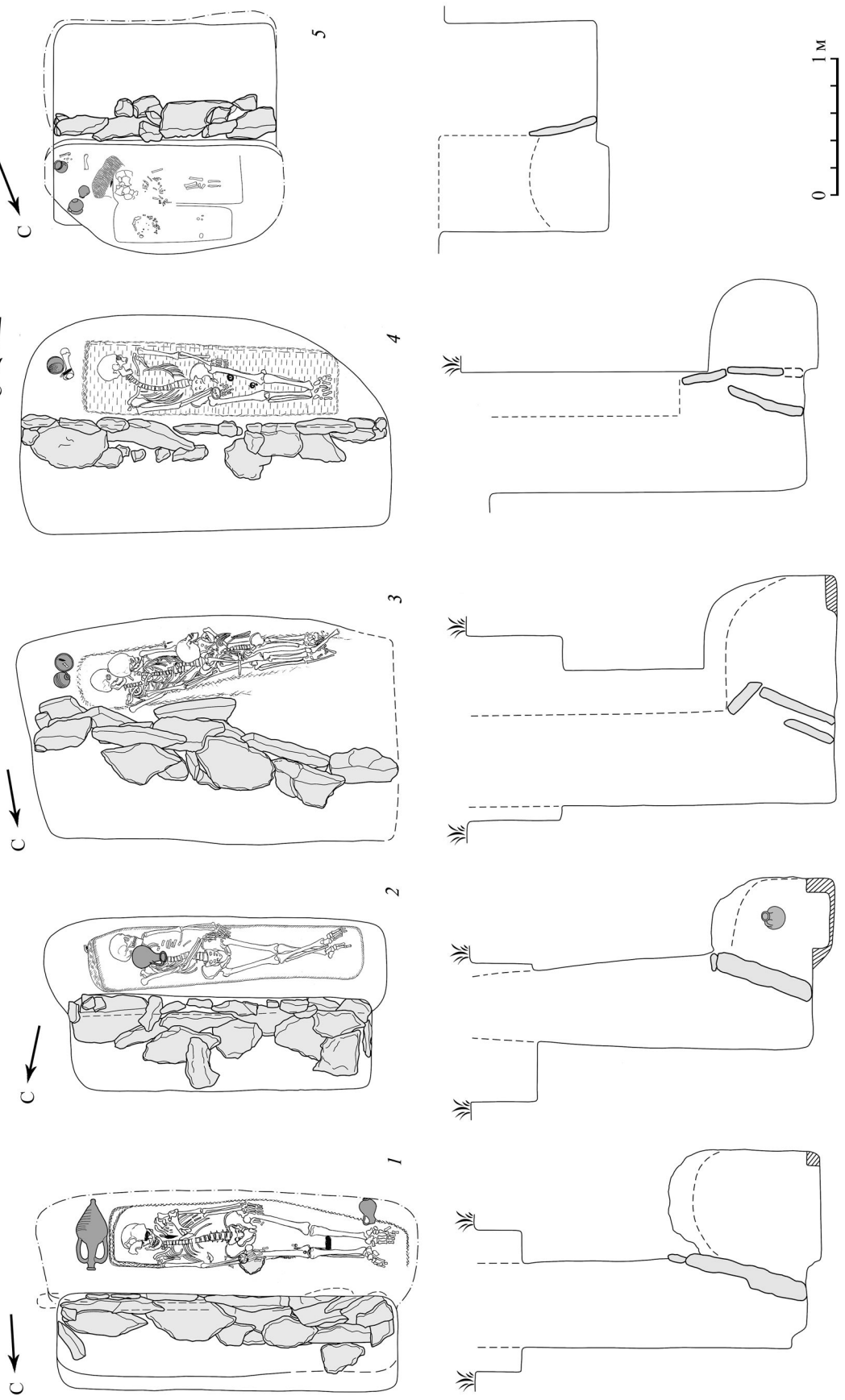

Рис. 3. Типология погребальных сооружений могильника Сувлу-Кая. Могилы с одним подбоем (*1* – могила 4; *2* – могила 13; *3* – могила 9; *4* – могила 1; *5* – могила 38)

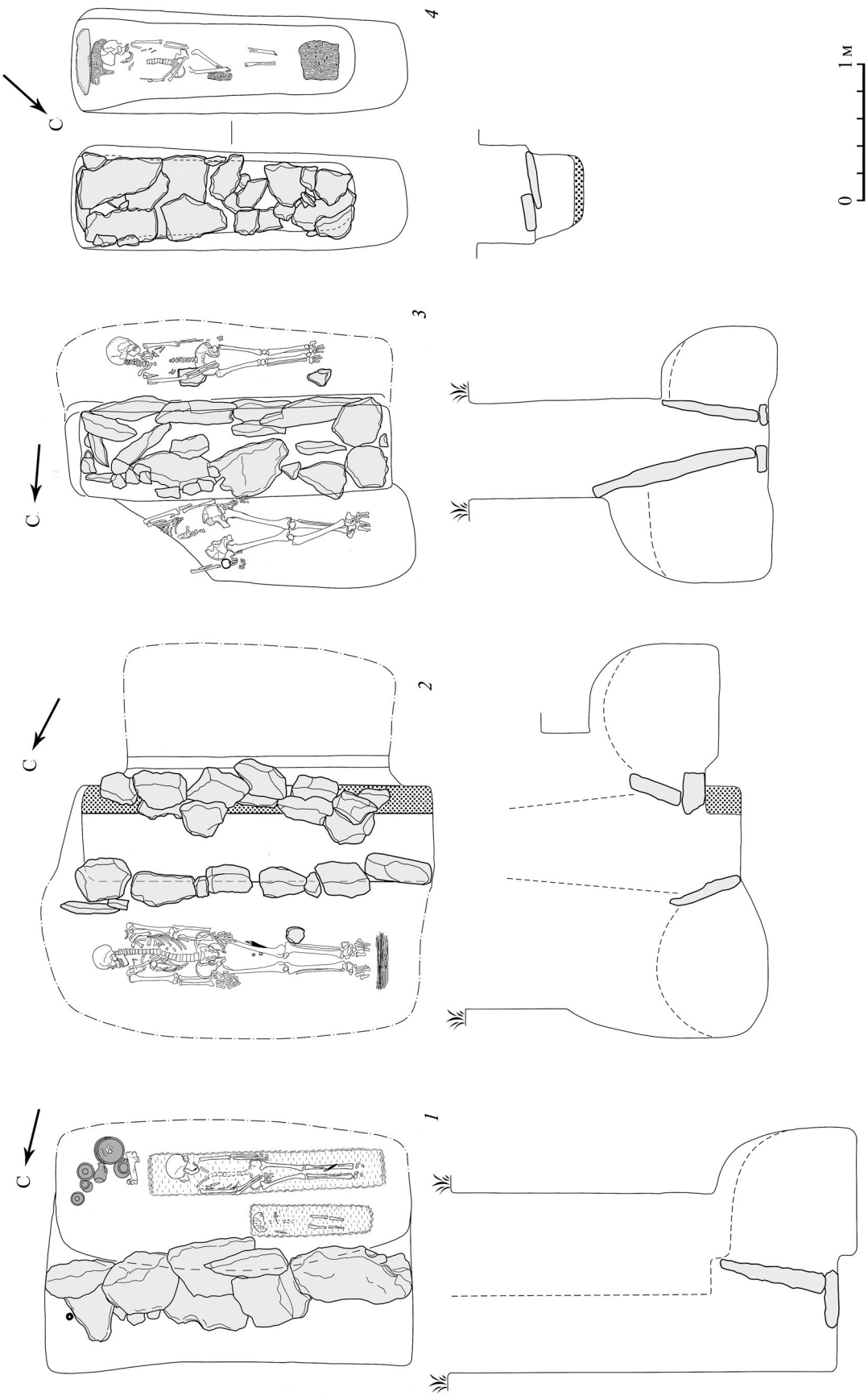

Рис. 4. Типология погребальных сооружений могильника Сувлу-Кая. Могилы с одним подбоем (*1* – могила 2), могилы с двумя подбоями (2 – могила 36; *3* – могила 20), грунтовые ямы с плитовым перекрытием (*4* – могила 37)

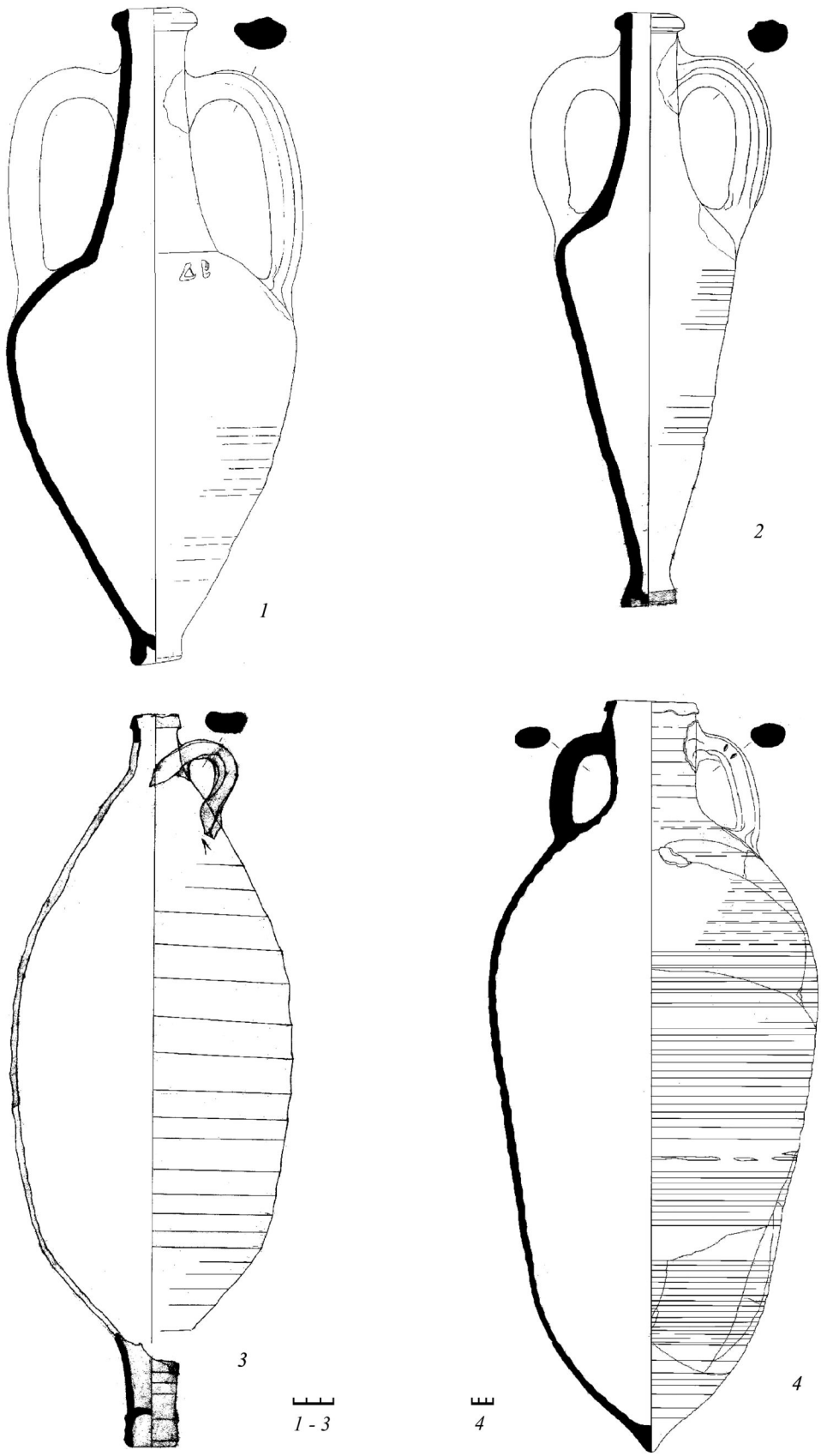

Рис. 5. Могильник Сувлу-Кая. Основные типы амфор.
1 – могила 4; *2* – могила 10; *3* – могила 44; *4* – могила 40

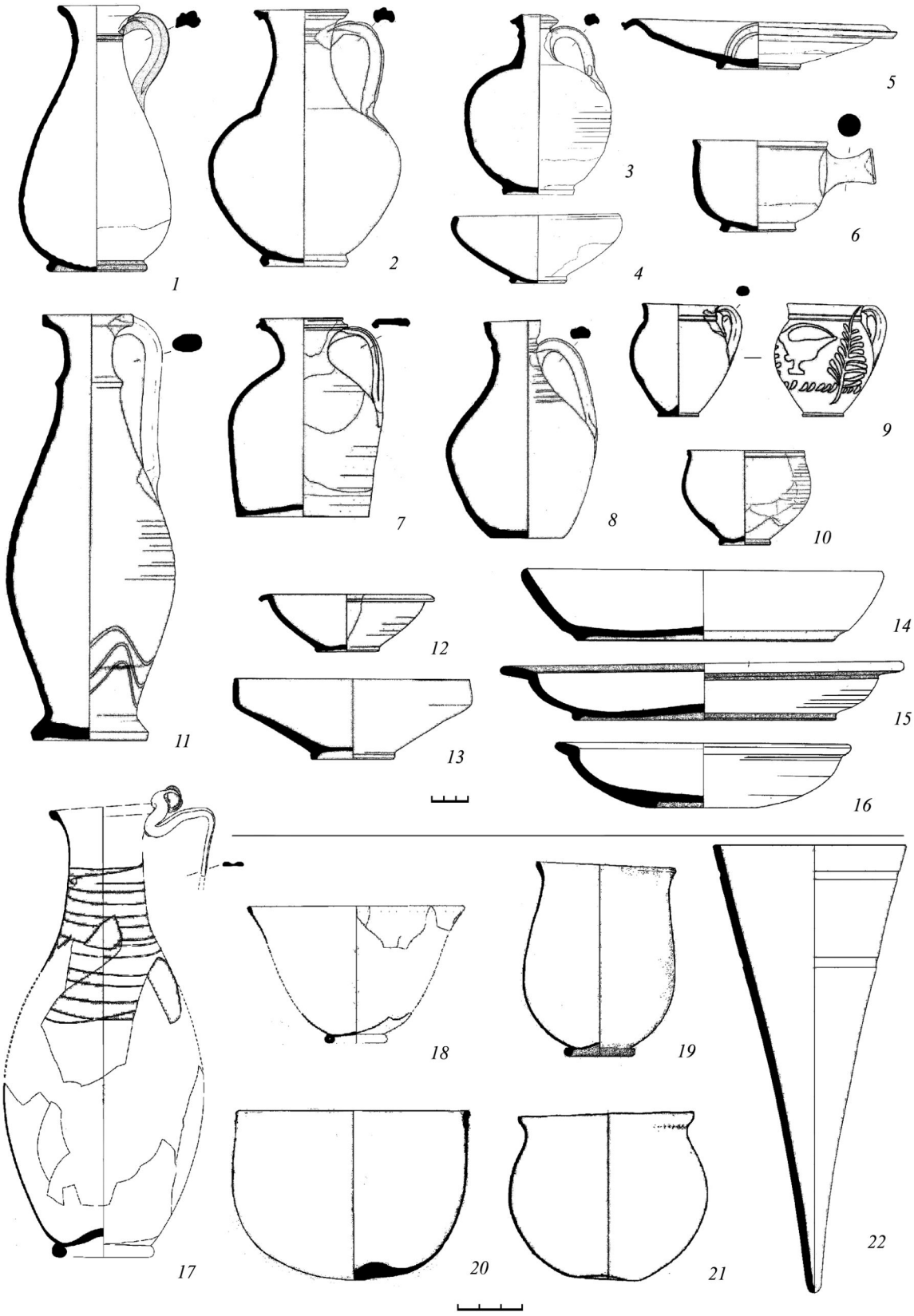

Рис. 6. Могильник Сувлу-Кая. Основные типы краснолаковых (*1–16*) и стеклянных (*17–22*) сосудов. *1* – могила 13; *2* – могила 5; *3, 4* – могила 9; *5* – могила 20, подбой 1; *6* – могила 21, подбой 1; *7, 12* – могила 35; *8* – могила 7; *9* – могила 38; *10, 11, 13–16* – могила 10; *17, 18* – могила 47; *19* – могила 2; *20* – могила 1; *21* – могила 33; *22* – могила 30

Рис. 7. Могильник Сувлу-Кая. Лепные кувшины.
1 – могила 7; *2* – могила 10

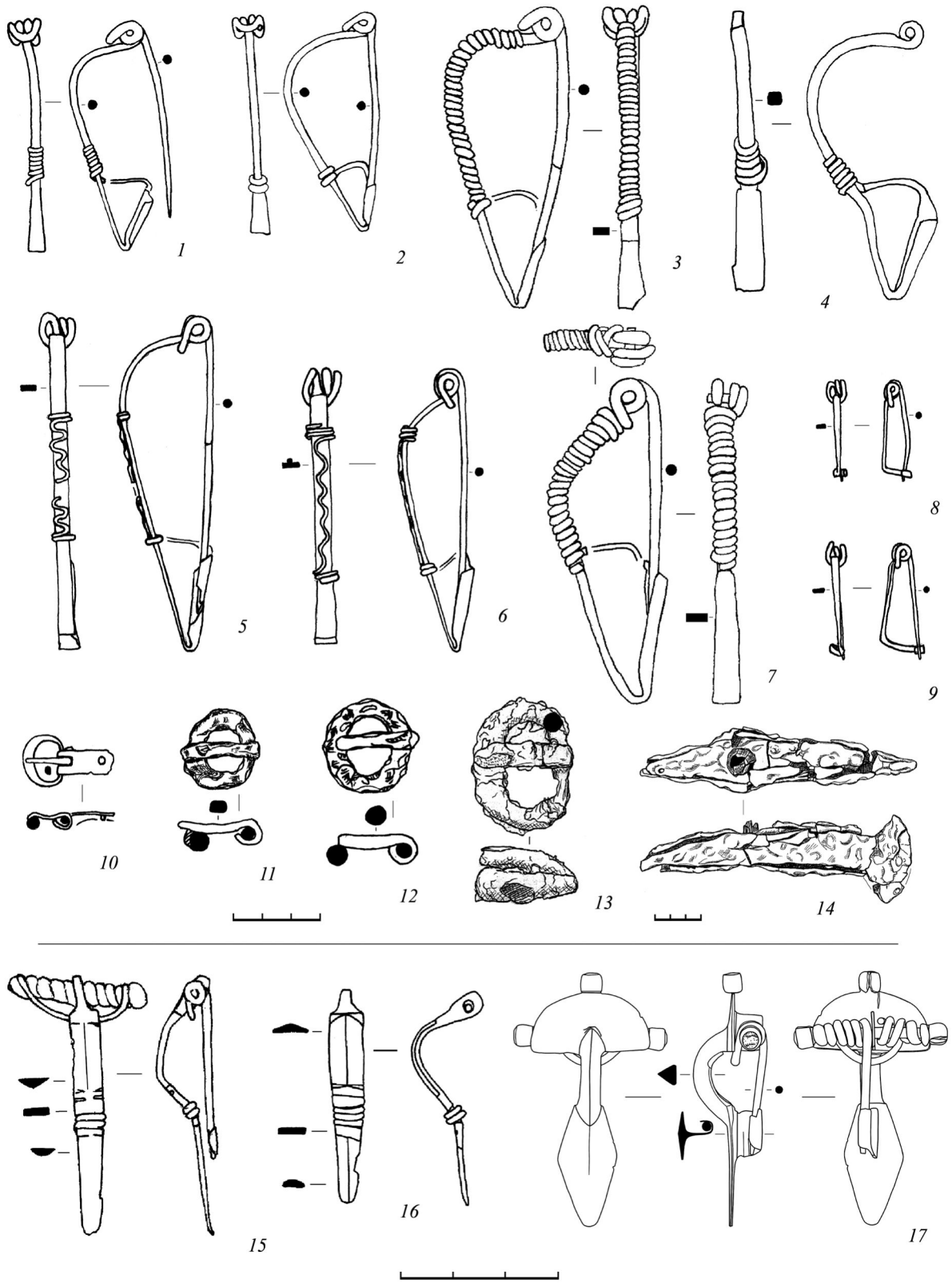

Рис. 8. Могильник Сувлу-Кая. Фибулы (*1–9, 15–17*), пряжки (*10–13*) и топор (*14*).
1, 12 – могила 20, подбой 1; *2* – могила 20, подбой 2; *3* – могила 23; *4* – могила 21, подбой 2; *5, 8–10, 14* – могила 4; *6, 11* – могила 6; *7* – могила 29; *13* – могила 1; *15* – могила 10; *16* – могила 35; *17* – могила 42

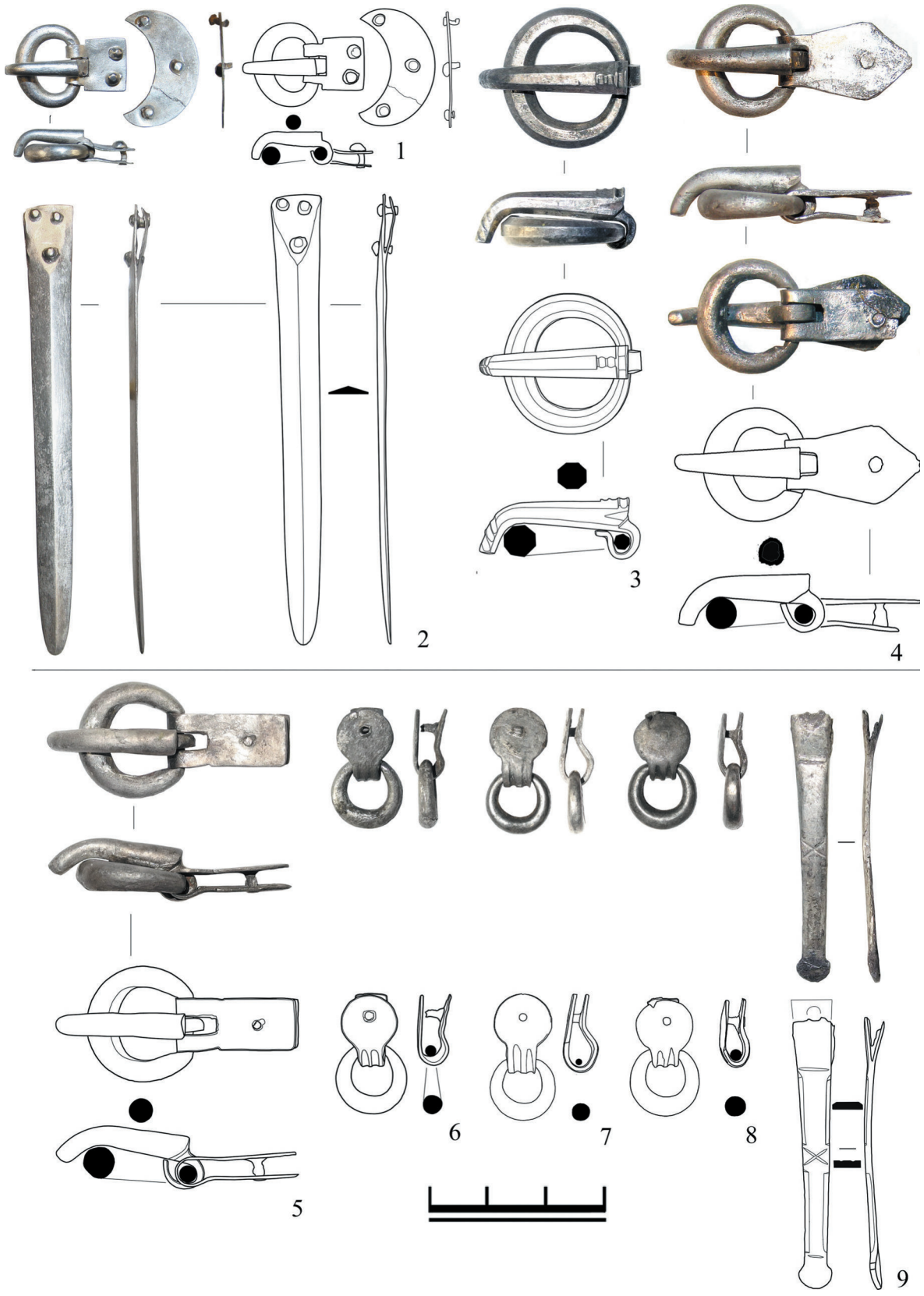

Рис. 9. Находки из могильника Сувлу-Кая. Набор обувной гарнитуры (*1–2*), пряжки (*3–4*) и детали ременной гарнитуры (*5–9*). *1, 2* – могила 25; *3, 5–9* – могила 41; *4* – могила 47

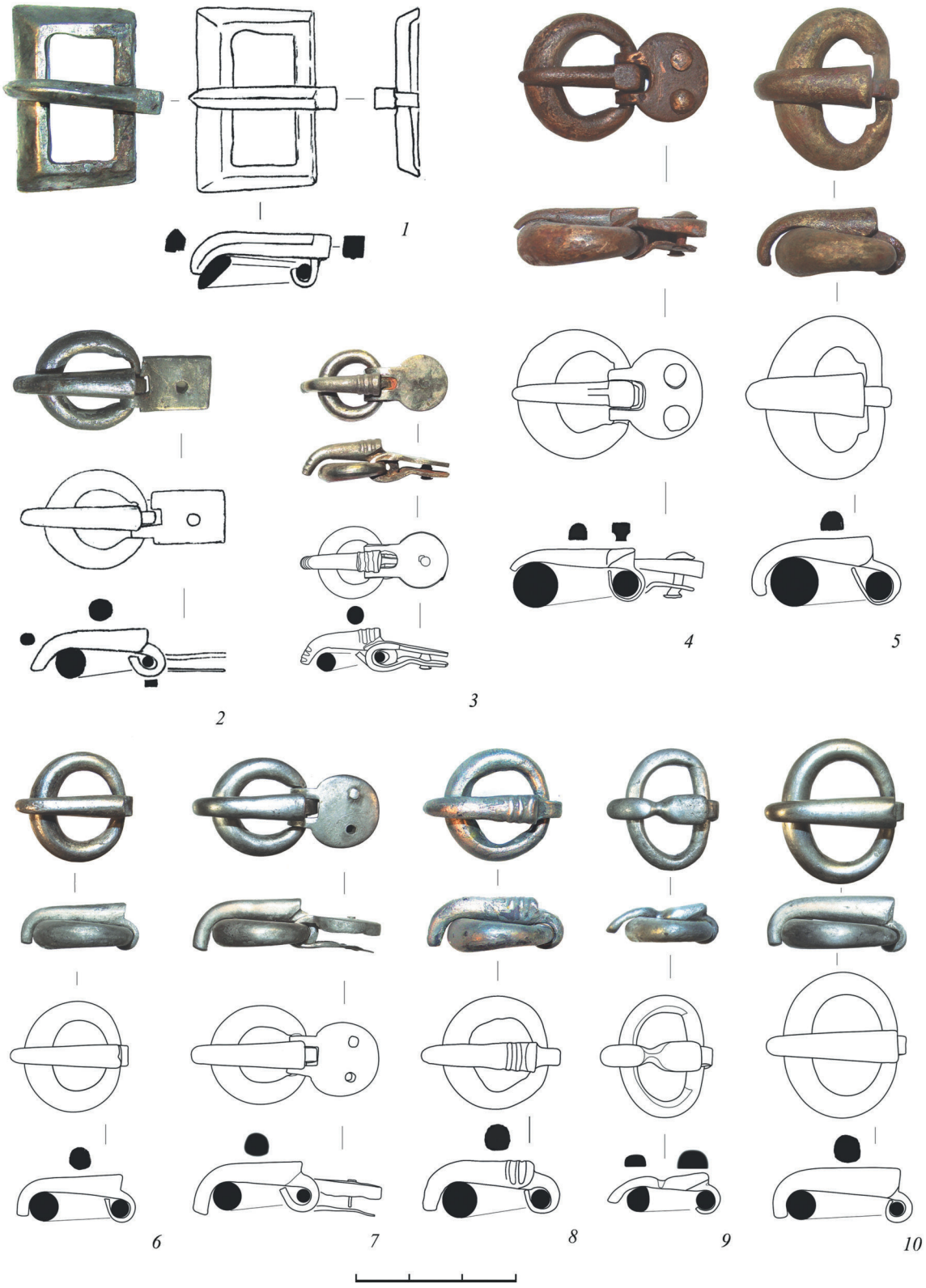

Рис. 10. Могильник Сувлу-Кая. Пряжки. *1* – могила 3; *2* – могила 16; *3* – могила 41; *4, 5* – могила 47; *6, 7, 10* – могила 44; *8* – могила 47; *9* – могила 43

Рис. 11. Могильник Сувлу-Кая. Золотые бляшки (*1*–*2*), серебряные подвески (*3*) и костяная пиксида (*4*). *1*, *3* – могила 7, погребение VI; *2* – могила 10; *3* – могила 43; *4* – могила 43

Рис. 12. Могильник Сувлу-Кая. Наборы бус из склепа 47.
1 – погребение I; *2, 3* – погребение II; *4* – скопление у входа

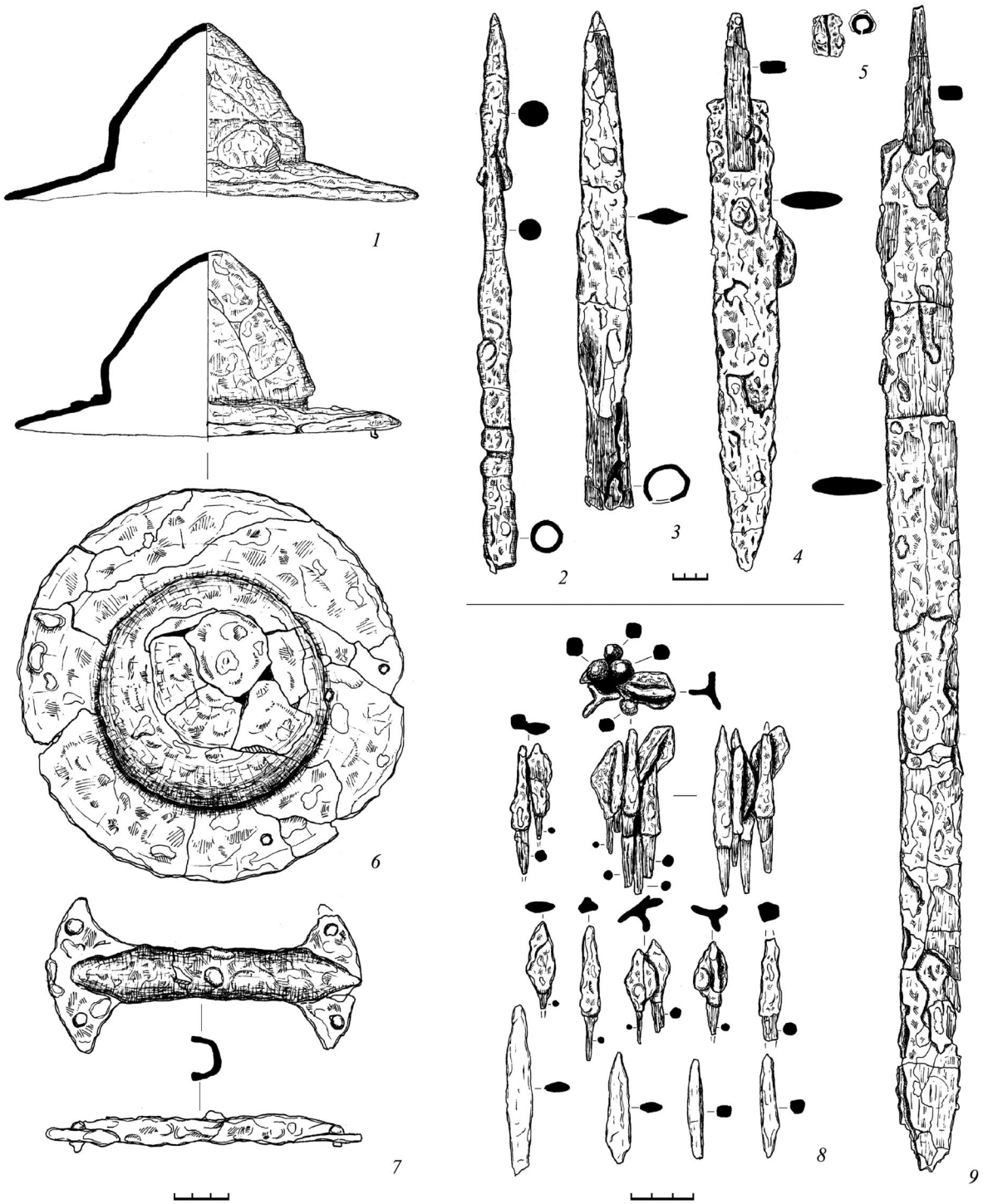

Рис. 13. Могильник Сувлу-Кая. Предметы вооружения.
1 – могила 25; *2–9* – могила 10, погребение VI

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.174-182

АЙ-ТОДОРСКИЙ МОГИЛЬНИК IV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ V В.: НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ И ИНВЕНТАРЕ[1]

Строков Антон Александрович
Институт археологии РАН, Москва, Россия
Камелина Галина Алексеевна
Государственный исторический музей, Москва, Россия

Аннотация: Работа посвящена анализу погребального обряда и инвентаря Ай-Тодорского могильника у подножия крепости Харакс, исследованного в 1932 и 1935 гг. В. Д. Блаватским. Могильник является биритуальным, однако подавляющее большинство захоронений представляют собой кремации. В основном они помещались в урны (амфоры или пифосообразные сосуды). Инвентарь представлен предметами вооружения, бусами, ведерковидными подвесками, краснолаковой керамикой, а также стеклянными сосудами. Датировка могильника укладывается в рамки IV – середины V вв.

Ключевые слова: музейная коллекция, грунтовый могильник, кремация, монеты, оружие, орудия труда

THE FOURTH- TO THE FIRST HALF OF THE FIFTH-CENTURY CEMETERY OF AI-TODOR: NEW DATA ON THE FUNERAL RITE AND GRAVE GOODS

Strokov, Anton Aleksandrovich
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Kamelina, Galina Alekseevna
State Historical Museum, Moscow, Russia

Abstract: This study analyses the funereal rite and grave goods of the cemetery of Ai-Todor located at the foot of the fort of Charax, which was excavated in 1932 and 1935 by V. D. Blavatskii. Although this is a bi-ritual cemetery, the overwhelming majority of graves were cremations. Generally, cremations were placed in urns (amphorae or pithos-like vessels). The grave goods comprised weaponry, beads, bucket-shaped pendants, red-slip vessels, and also glass vessels. The cemetery dates from the fourth to the mid-fifth century.

Keywords: museum collection, flat cemetery, cremation, coins, weapons, tools

Ай-Тодорский могильник, расположенный в поселке Гаспра Большой Ялты в Крыму, является одним из ключевых северопричерноморских памятников позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов. Исследованием могильника в 1932 и 1935 гг. занимался В. Д. Блаватский, опубликовавший большую статью, посвященную раскопкам римской крепости Харакс и прилегающего некрополя (*Блаватский,* 1951). В литературе могильник зачастую также именуется, как и крепость, Харакс (*Гей, Бажан,* 1997. С. 31–34; *Aibabin*, 1993) – традиция, которую заложил в сво-

[1] Работа выполнена в рамках плановой темы № 122011200264-9 ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

Авторы выражают глубокую признательность О. Ю. Самар за возможность работы с материалами из раскопок Харакса/Ай-Тодора в фондах ГМИИ им. А. С. Пушкина и О. В. Григорьевой за ознакомление с отчетами В. Д. Блаватского в архиве ИИМК РАН.

ей публикации В.Д. Блаватский. Мы считаем более корректным использование названия Ай-Тодорский могильник, предложенное К.К. Орловым (*Орлов*, 1987), так как он возник уже после гибели крепости Харакс и не был с ней связан, по крайней мере напрямую.

В.Д. Блаватским было исследовано 33 погребения. Часть из них оказалась разрушена при строительстве санатория Харакс. Следует отметить, что автор раскопок опубликовал лишь очень краткие описания могил и избранные находки из них. В 1977 г. К.К. Орлов предпринял попытку доследования могильника и вскрыл еще 4 захоронения к северу от ориентировочного места работ В.Д. Блаватского. К.К. Орлов отмечал, что ему не удалось локализовать место раскопа своего предшественника (*Орлов,* 1987). Предположительно в конце XIX – начале XX в. великим князем Александром Михайловичем было раскопано еще некоторое количество погребений, предметы из которых находятся в коллекции Ялтинского историко-литературного музея (*Масякин, Турова,* 2015).

В.Д. Блаватский передал находки из раскопок в Государственный исторический музей (погребения 1–11, а также предметы из слоя над погребениями, некоторые пакеты с костями животных и человека) и Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (погребения 12–33). Некоторые предметы в фондах ГИМ были депаспортизированы, однако нам удалось восстановить их контекст (см.: *Строков, Камелина,* 2021). Публикации и документация В.Д. Блаватского, к сожалению, содержат лишь общий план раскопа и фото отдельных погребений. Планы и чертежи погребений практически отсутствуют. Нами были обработаны все доступные архивные материалы и коллекции находок в двух музеях. На основании этого можно по-новому взглянуть на давно известный памятник, материалы которого постоянно привлекают внимание исследователей, однако практически никто не обращался к первоисточнику – музейным коллекциям. В подавляющем большинстве работ авторы используют лишь краткую и далеко не полную публикацию В.Д. Блаватского (1951).

Для погребального обряда Ай-Тодорского могильника характерен биритуализм, однако преобладающей формой захоронения была кремация. Из 33 погребений только два были ингумационными. В.Д. Блаватский отмечал, что грунт, в котором совершались погребения, очень плотный и небольшой по толщине. Могильная яма выкапывалась до материковой скалы, в большинстве случаев пятно ямы не прослеживалось. Шесть погребений повреждены: два – современными строительными работами и четыре – в древности.

Кремации

Всего по этому обряду совершено 31 погребение (рис. 1: *1*). В.Д. Блаватский отмечал, что, в основном, они производились на стороне, а затем прах помещался в урну или непосредственно на дно могильной ямы. В некоторых случаях автор раскопок зафиксировал прокал грунта в могиле и сделал вывод о сожжении на месте. В фондах ГИМ сохранились кости погребенных из нескольких кремаций (погребение 3 и еще несколько депаспортизированных пакетов). Судя по цвету останков, умершие кремировались при температуре более 700°С в то время, когда на теле оставались мягкие ткани, то есть, скорее всего, сразу после смерти (*Строков, Камелина, Свиркина,* 2020. С. 187).

Могильные ямы, если были определимы, в плане обычно имели неправильную продолговатую форму. Глубина ям составляла от 0,3 до 0,7 м.

В 23 погребениях кости умерших помещались в урну. В 16 случаях это были амфоры. Горло амфор в большинстве своем ориентировано на ЮВ (11 погребений), 1 погребение ориентировано на ЮЗ, 1 – на ЮЮВ, 2 – на В, в 2 случаях ориентация не прослежена из-за повреждения погребения. В 9 погребениях у амфоры было закрыто горло (В.Д. Блаватский отмечает, что амфоры положены на бок, вероятно поэтому прикрывался не венчик, а горло). В качестве крышки использовались: чаша, лепной сосуд или его дно, кирпич, камни и солен. В двух могилах плечи и горло амфоры прикрыты нижней частью другой амфоры или краснолаковой

миской. В шести случаях данные о крышках отсутствуют. Пять погребений в амфорах сверху были закрыты закладом из рваных камней. В одном (погребение 33) кремация была двойной – в погребение помещено две амфоры с прахом умерших (рис. 2: *2*).

В шести захоронениях вместо амфор использовали другие типы сосудов: пифосообразный сосуд, кувшин, простые гончарные (?) и лепные сосуды (рис. 1: *1*). Сосуды-урны сверху закрывались чашей или краснолаковой миской. Одно погребение, совершенное в пифосообразном сосуде, сверху было закрыто каменным закладом.

В восьми погребениях жженые кости компактной массой располагались на дне могильной ямы и лишь в одном сверху были закрыты сероглиняной миской. В. Д. Блаватский отмечает, что некоторые из таких компактных скоплений могли быть помещены в какую-либо мягкую оболочку и положены в могилу. Тем не менее, стоит отметить, что эта теория слишком умозрительна, так как сам автор раскопок не приводит никаких сведений о находках органики. В одном случае (погребение 1) захоронение было сильно разрушено строительными работами и установить детали обряда не представляется возможным. Следует также отметить, что в нескольких захоронениях были найдены кости животных (в основном зубы, но также и другие виды костей).

Отметим, что кремации в амфорах концентрируются в южных и восточных квадратах, раскопанных В. Д. Блаватским (*Блаватский,* 1951. Рис. 7). Судя по плану, могилы группируются в ряды, тянущиеся по линии ЮЗ–СВ. Если учитывать, что захоронения, исследованные к северу от раскопа 1932 и 1935 гг., датируются более ранним временем, то развитие могильника происходило, скорее всего, с СЗ к ЮВ. Амфорные захоронения тяготеют к более позднему ряду юго-восточных могил. Тем не менее, это лишь предварительное соображение, и оно требует проверки.

Ингумации

Исследовано лишь два трупоположения (погребения 4 и 17). Ориентация погребенных В–ЮВ и Ю. Одно из погребений сверху было заложено закладом из рваных камней. В погребении 4 захоронено двое детей, с которыми был помещен череп и отдельные кости взрослого индивида. Один из детей, умерший в возрасте около 2 лет, страдал младенческой цингой (болезнь Моллера-Барлоу), что могло стать причиной его смерти (*Строков, Камелина, Свиркина,* 2020. С. 187). В погребении 17 был захоронен взрослый индивид. Он был уложен непосредственно на выходы скалы, некоторые его кости сломаны (рис. 2: *1*). Автор раскопок предположил, что это было сделано намеренно, дабы вместить тело в выемки скалы.

Погребальный инвентарь

Инвентарь могил, как правило, достаточно беден. В основном это 1–2 бронзовых пряжки, бронзовые браслеты, стеклянные бусы (см. распределение основных категорий находок на рис. 1: *2*). Достаточно часто встречены ножи (в 15 погребениях). В некоторых захоронениях найдены лишь фрагменты керамики. Однако в отдельные могилы был помещен чрезвычайно богатый инвентарь. Так, например, погребение 11 содержало умбон и ручку щита, топор, меч с вырезами у рукояти, два бронзовых перстня, бронзовое височное кольцо (?) с подвязными концами, а также орудия труда – серп и рыболовные крючки. В погребении 18 найдены железные топор и наконечник копья, оселок, несколько монет, бронзовые браслеты, бусы, фрагменты стеклянных сосудов. Погребение 28 содержало представительный набор бус, фрагменты стеклянных сосудов, монеты, фибулу, перстень и пряслице, а также железный ключ от шкатулки. К той же группе богатых захоронений относится погребение 33, где найдены бронзовые браслет, фибула, наконечник ремня, 4 стакана с каплями синего стекла, глиняное пряслице (рис. 2: *2*).

Кратко остановимся на хронологии могильника. В. Д. Блаватский датировал его второй половиной III – серединой IV в. (*Блаватский,* 1951. С. 290). Н. П. Сорокина приняла эту датировку и при анализе стаканов с каплями синего стекла считала экземпляры из Ай-Тодора одними

из наиболее ранних в Северном Причерноморье (*Сорокина,* 1971. С. 93). Тем не менее, при ознакомлении со всем комплексом находок из Ай-Тодорского некрополя следует согласится с А.И. Айбабиным, который считает, что он использовался до середины V в. (*Айбабин,* 1990. С. 67). В пользу этого могут свидетельствовать, прежде всего, находки монет в погребениях, в большом количестве найденных в Ай-Тодорском могильнике (в 10 погребениях из 33). В основном, это поздние боспорские статеры первой или второй четверти IV в. (последних Рискупоридов), либо римские монеты Константина и его сыновей, что дает нам *terminus post quem* – около середины IV в. Также следует отметить находки характерных уже для раннегуннской эпохи ременных гарнитур, прежде всего, пряжек с хоботковым язычком и массивной рамкой (рис. 3: *1–7*), типичных для фазы D1 центральноевропейской хронологии, и находки стеклянных стаканов типа I-Д-б по Н.П. Сорокиной (рис. 3: *8, 9*) (*Сорокина,* 1971. С. 89), которые по современным представлениям могут быть датированы последней четвертью IV – серединой V в. (*Засецкая,* 2000. Рис. 1, *8*). Стаканы из погребения 33 (4 экземпляра) найдены вместе с прогнутой подвязной фибулой «южной» (крымской) серии, которые А.К. Амброз относил к IV в. (*Амброз,* 1966. С. 66. Рис. 11, *16, 18*). На данный момент, прежде всего, на основании боспорских материалов, эти находки хорошо датируются фазами D1 (360/370–400/410 гг.) и D2 (380/400–440/450 гг.) (*Ščukin, Kazanski, Sharov*, 2006. p. V) эпохи Великого переселения народов (*Казанский,* 1999. С. 278). Таким образом, вряд ли можно говорить о какой-либо ранней дате стаканов с каплями синего стекла в Ай-Тодоре.

В качестве подтверждения предложенных датировок стоит привести результаты анализа керамического материала из слоя Ай-Тодорского могильника в фондах Исторического музея. Несмотря на то, что эти находки фактически депаспортизированы, они указывают на время после середины IV в. Это, прежде всего, два фрагмента краснолаковых блюд, относящихся к группе Pontic Red Slip Ware (PRSW) формы 2 и 3 (рис. 4: *3*, *4*), основное производство которой относится ко второй половине IV – середине V в. (*Arsen'eva, Domzalski,* 2002. P. 422–428; *Крапивина, Домжальский,* 2008. С. 78–79. Рис. 1, *3–5*). Три разбитые амфоры типа Делакеу первой половины IV – начала VI в. (*Смокотина,* 2011. С. 358), вероятнее всего, использовались в качестве погребальных урн (рис. 4: *1*, *2*). Кроме гончарной керамики в коллекции присутствуют фрагменты лепных горшков и полный профиль лепной миски (рис. 4: *5*). Схожие по форме миски найдены в склепах 4 и 20 могильника Совхоз 10, датируемых IV – началом V в. (Высотская, 1997. С. 266. Рис. 3, *14, 18*). Также стоит упомянуть находку монеты Лициния 307–323 гг. с отверстием для подвешивания из «пункта 16» (разрушенного погребения?), которая также указывает на время не ранее второй четверти – середины IV в. н.э.

Таким образом, нам удалось собрать весь доступный архивный материал о раскопках В.Д. Блаватского в Хараксе, а также обработать коллекцию находок в Государственном историческом музее и ГМИИ им. А.С. Пушкина. Это позволило уточнить, а во многих случаях восстановить потерянный археологический и исторический контекст находок, уточнить датировку памятника и отдельные элементы погребального обряда, который использовало население, оставившее этот могильник.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. I. С. 3–86.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Главная редакция восточной литературы. 111 с. (САИ. Вып. Д1-30).

Блаватский В.Д., 1935. Отчет В. Блаватского о раскопках в Хараксе (Ай-Тодор) в 1935 г. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1935, № 76. 14 л.

Блаватский В. Д., 1951. Харакс // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Вып. I / Ред. В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков. М.: АН СССР. С. 250–291. (МИА. № 19).

Гей О. А., Бажан И. А., 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа. М.: ИА РАН. 114 с.

Засецкая И. П., 2000. О двух классификациях стеклянных сосудов с декором из напаянных капель и нитей синего стекла // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. С. 209–237.

Казанский М., 1999. Готы на Боспоре Киммерийском // 100 лет черняховской культуре / Ред. М. Е. Левада. Киев. С. 277–297.

Крапивина В. В., Домжальский К., 2008. Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен» / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История. С. 73–81.

Масякин В. В., Турова Н. П., 2015. Забытая коллекция из раскопок Харакса // Terra Alustiana MMXI / Ред.-сост. В. Г. Рудницкая, И. Б. Тесленко. Симферополь: Антиква. С. 279–288.

Орлов К. К., 1987. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. / Отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка. С. 106–133.

Смокотина А. В., 2011. О хронологии амфор типа C Snp I («Делакеу») // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья / Ред. В. Н. Зинько. Керчь. С. 355–360.

Сорокина Н. П., 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // Советская археология. № 4. С. 85–101.

Строков А. А., Камелина Г. А., 2021. Материалы Ай-Тодорского могильника в собрании Государственного исторического музея из раскопок В. Д. Блаватского: новое обращение к забытой коллекции // Stratum Plus. № 4. С. 383–400.

Строков А. А., Камелина Г. А., Свиркина Н. Г., 2020. Ай-Тодорский грунтовый могильник (Харакс) в контексте позднеантичных и раннесредневековых древностей Северного Причерноморья // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: СГСПУ. Т. II. С. 186–188.

Aibabin A., 2003. Zur Datierung des germanischen Einfalls auf der Krim // Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus / Hrsg. von C. von Carnap-Bornheim. Neumünster: Wachtholz. S. 65–78.

Arsen'eva T. A., Domźalski K., 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 8. S. 415–491.

Ščukin M., Kazanski M., Sharov O. 2006. Des les goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas-empire et a l'epoque des grandes migrations. Oxford: British Archaeological Reports. 490 pp. (BAR International Series 1535).

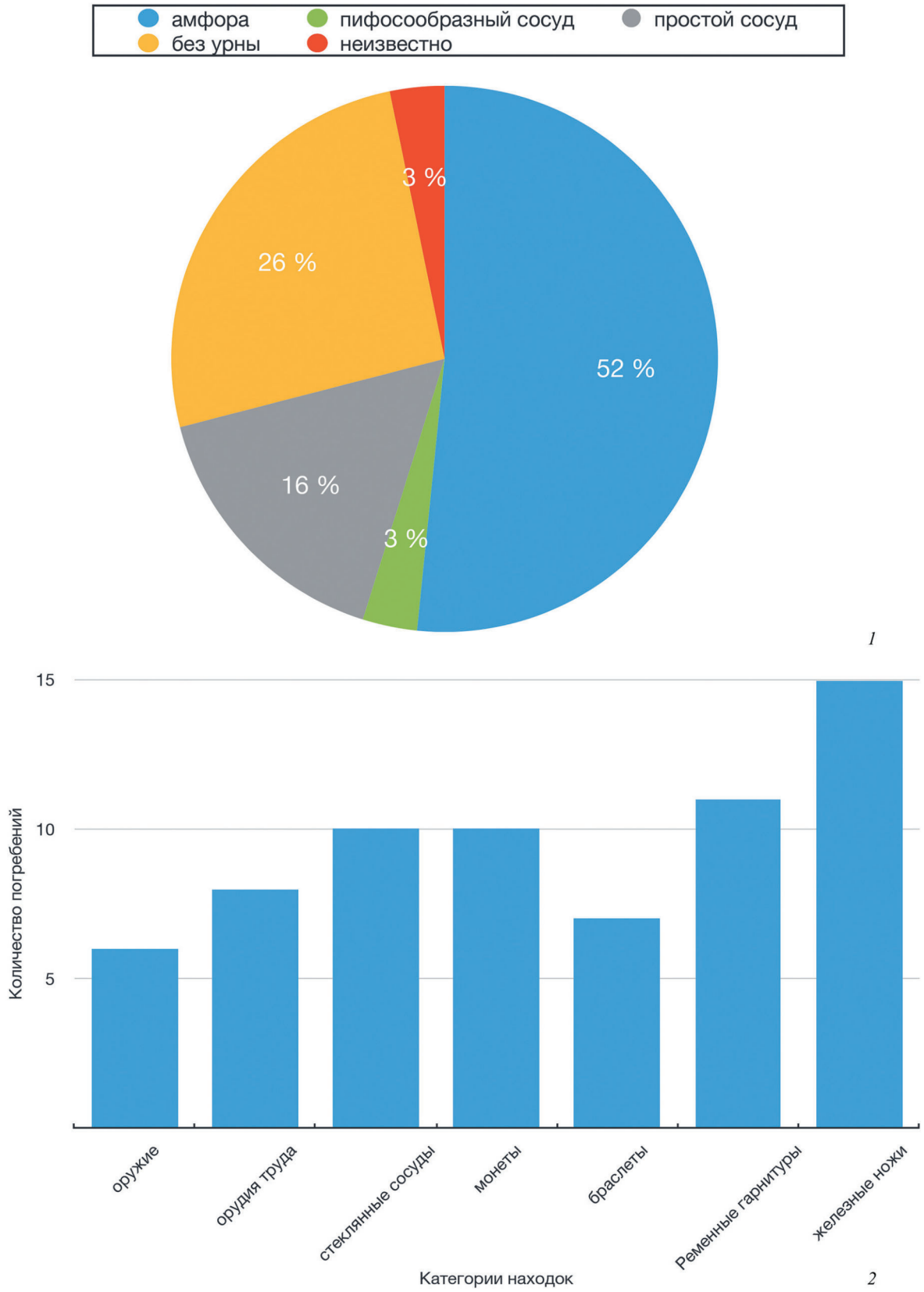

Рис. 1. Некоторые характеристики погребального обряда и инвентаря Ай-Тодорского могильника. *1* – соотношение урновых и безурновых кремаций; *2* – количественный график находок основных категорий инвентаря

1

2

Рис. 2. Фото погребений Ай-Тодорского могильника (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Номера на фотографиях не соответствуют номерам погребений, судя по всему, это нумерация некой описи, которая не сохранилась.
1 – погр. 17 (Блаватский, 1935. Л. 32); 2 – погр. 33 (*Блаватский*, 1935. Л. 27)

Рис. 3. Хроноиндикаторы из погребений Ай-Тодорского могильника.
1–3 – погр. 1; *4* – погр. 7; *5* – погр. 16; *6, 7* – погр. 17; *8* – погр. 15; *9* – погр. 33.
1–3, 7 – бронза; *4–6* – серебро; *8, 9* – стекло

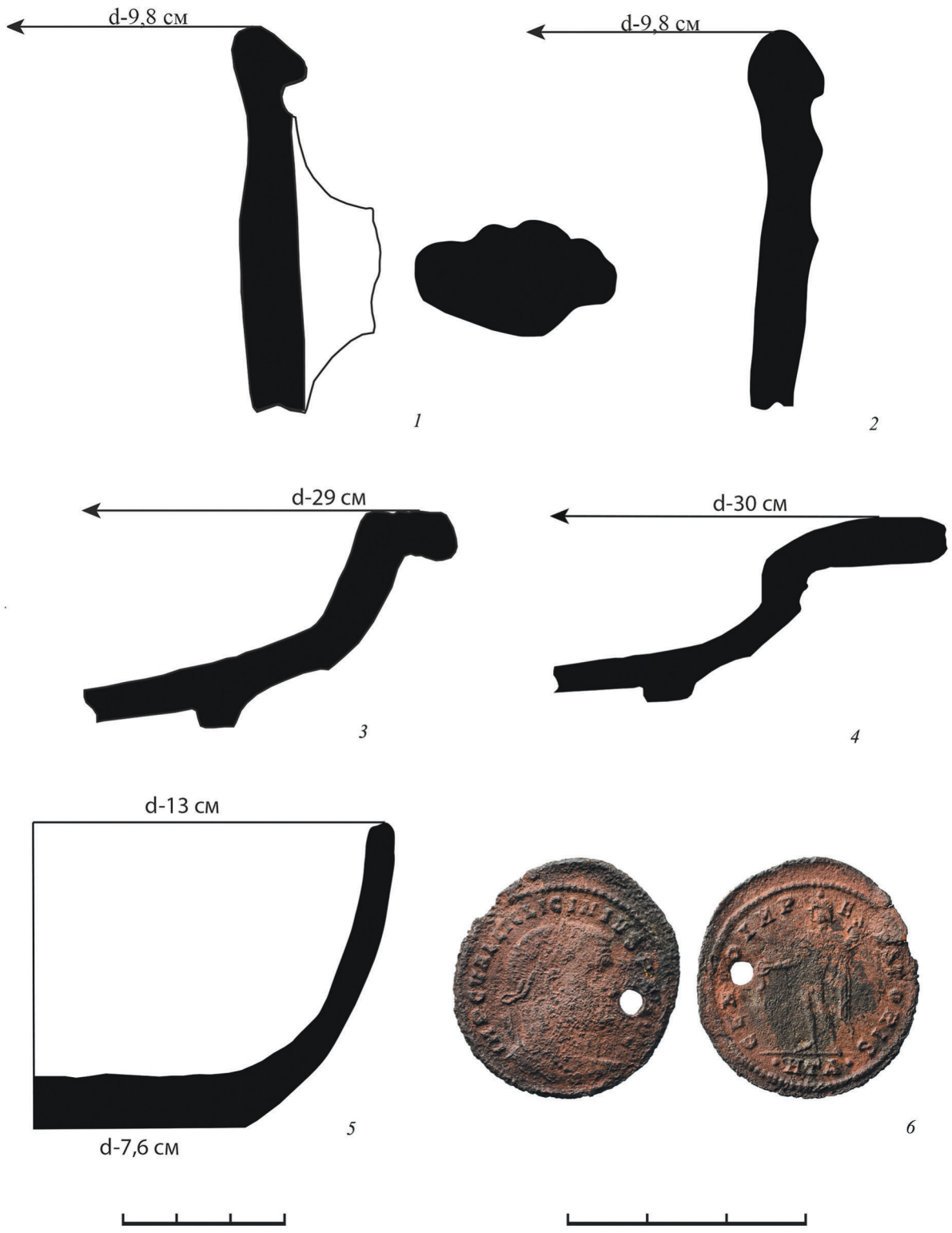

Рис. 4. Находки из слоя Ай-Тодорского могильника.
1–5 – керамика; *6* – монета Лициния из «пункта 16»

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.183-194

АЛМАЛЫКСКИЙ МОГИЛЬНИК В ДОКРЕПОСТНОЙ (ПОЗДНЕРИМСКИЙ) ПЕРИОД ИСТОРИИ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА

Науменко Валерий Евгеньевич
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
Герцен Александр Германович
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
Набоков Артур Игоревич
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

Аннотация: Могильник Алмалык-дере появляется во второй половине/конце IV в. в результате переселения однокультурной группы населения, в которой аланский компонент доминировал. Анализ погребального обряда свидетельствует об отсутствии принципиальных инноваций в течении V-VII вв. На позднем этапе функционирования рассматривается как типичный гото-аланский некрополь области Дори в Юго-Западном Крыму.

Ключевые слова: Крым, Мангуп, Алмалык-дере, гото-аланы, некрополь

THE CEMETERY OF ALMALYK IN THE PRE-FORTRESS (LATE ROMAN) PERIOD OF THE MEDIAEVAL TOWN OF MANGUP

Naumenko, Valerii Evgen'evich
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
Gertsen, Aleksandr Germanovich
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
Nabokov, Artur Igorevich
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract: The cemetery of Almalyk-Dere appeared in the second half / late fourth century in result of the migration of a single-culture population group with predominant Alanic component. The analysis of the funeral rite supply evidences for the lack of fundamental innovations throughout the period from the fifth to seventh centuries. At the latest period, this site was a typical Gotho-Alanic cemetery in the region of Dory in the south-western Crimea.

Keywords: Crimea, Mangup, Almalyk-Dere, Gotho-Alans, cemetery

Современное состояние изученности памятника. Могильник Алмалык-дере, расположенный в одноименной балке на юго-восточном склоне Мангупского плато, является самым известным раннесредневековым некрополем Мангупского городища (рис. 1). Его существование предполагал еще Е.В. Веймарн, который в 1938 г. провел здесь небольшие разведки и отметил памятник на сводном плане известных к началу 1950-х гг. археологических объектов Мангупа (*Веймарн,* 1953. С. 420–421. Рис. 2, *22*). В 1978 г. обнаружен первый ограбленный склеп, что дало основание тому же Е.В. Веймарну опубликовать описание местоположения некрополя (*Веймарн,* 1980. С. 27–28). В 1982–1983 гг. первые раскопки могильника были проведены В.А. Сидоренко. Им изучены несколько склепов VII – начала VIII в. в центральной части памятни-

ка, но изданы материалы раскопок лишь одного из них (*Сидоренко,* 1984. С. 329–330). Эти исследования сразу заняли важное место в общих работах по истории Мангупской крепости (*Герцен,* 1990. С. 133). В конце XX – начале XXI в. могильник подвергся тотальному разграблению. В связи с этим, его регулярные раскопки в 1996–2008 гг. носили характер охранно-археологических исследований, направленных на фиксацию разрушенных археологических комплексов, и лишь некоторая часть погребальных сооружений была изучена полностью. Тем не менее, результаты этих работ оказались весьма значительными. Они позволили отнести появление некрополя ко второй половине IV – началу V в. (*Gertsen, Mączyńska,* 2000) и окончательно сформировать современную концепцию истории Мангупского городища в эпоху раннего средневековья (*Герцен,* 2003. С. 97–102).

В 2006–2008 гг. Алмалыкский некрополь стал объектом исследований международного проекта «Готы в Крыму», в ходе которого совместно со специалистами Римско-германского центрального музея г. Майнц изучались крупнейшие «пещерные города» Юго-Западного Крыма – Мангуп и Эски-Кермен. Помимо продолжения полевых работ, был составлен его план и систематизированы коллекции вещественных материалов из прежних раскопок. Главным итогом исследований стала монография с каталогом раскопанных в 1996–2008 гг. погребальных сооружений и находок из них, а также с аналитическим разделом, написанным М. Мончыньской, в котором представлена хронология и атрибуция памятника – готo-аланский могильник, возникший во второй трети – второй половине IV в. (период C3/D1, около 320/330–400/410 гг., по хронологии европейского Барбарикума), еще до появления гуннов в Крыму в конце IV в., и использовавшийся вплоть до конца VII в. (*Mączyńska et al.,* 2016. S. 1–19). Издание получило в целом положительный отзыв со стороны специалистов (*Казанский, Мастыкова,* 2017), однако, как нам представляется, его не следует переоценивать. Многие вопросы истории и археологии некрополя, в том числе его стратиграфия, историческая топография, анализ такой важной этнопоказательной группы археологического материала, как лепная керамика, связь памятника с историей Мангупского городища и пр., остались не изученными. Ряд ключевых результатов исследования, в частности, представленные в монографии обстоятельства появления могильника, получили в историографии иную интерпретацию. Так, А. И. Айбабин и Э. А. Хайрединова, соглашаясь с этнокультурной атрибуцией некрополя, включают его в состав группы новых для Горного Крыма могильников типа Суук-Су/Лучистое, возникших в конце IV – начале V в. в связи с захватом гуннами предгорий полуострова и миграцией живших там алан (*Айбабин Хайрединова,* 2017. С. 104). И. Н. Храпунов рассматривает Алмалык-дере как один из поздних некрополей Нейзацкой археологической культуры II–IV вв. в предгорном Крыму. По его мнению, некрополь появился в середине – второй половине IV в. в результате внутренних миграций носителей этой культуры – сарматов и алан, то есть еще в догуннский период истории региона (*Храпунов,* 2016. С. 124–125, 127; *Храпунов,* 2019). При этом, И. Н. Храпунов отрицает какую-либо связь памятника с поселением на Мангупском плато этого времени (*Храпунов,* 2017. С. 55).

После 2008 г. исследования Алмалыкского могильника уже не носили масштабного характера. В ходе раскопок 2011–2013 гг. изучены семь новых погребальных сооружений. Два из них – ранняя подбойная могила № 42/2012 (около 350–450 гг.) и разрушивший ее поздний (первой половины VII в.) склеп № 202/20212 с византийской свинцовой печатью с титулом «хартулярий», опубликованы (*Gertsen,* 2015; о печати: *Seibt,* 2015). В 2015–2017 гг. на основе изотопных и антропометрических исследований антропологической коллекции из раскопок Алмалык-дере установлено, что на протяжении всей истории могильника в питании населения, оставившего его, преобладал белковый компонент со значительной долей рыбы и включением растительной пищи; практика искусственной деформации головы применялась у мужчин и женщин многие поколения, была устойчивой и не являлась внешним заимствованием (*Герцен, Науменко, Шведчикова,* 2017. С. 248–249).

Современный этап изучения некрополя в балке Алмалык-дере начинается в 2019 г., когда в его южной части был исследован новый тип погребальных сооружений – курган второй половины/конца IV в. с центральным погребением в подбойной могиле № 43/2013. Планиграфически он представляет собой насыпь, ограниченную двумя кольцевыми конструкциями – каменной обкладкой (кромлехом) и внешним ровиком (*Герцен и др.*, 2020. С. 114–115. Рис. 9). Открытие этого уникального погребального комплекса, не имеющего аналогов на других могильниках позднеримского времени в Горном Крыму, потребовало полной ревизии материалов раскопок памятника и новых натурных обследований. В ходе архивных изысканий установлено наличие двух частично раскопанных ранее подобных археологических объектов – с Т-образной могилой № 1/2007, перекрытой грунтовой насыпью и окруженной каменной кольцевой обкладкой (*Mączyńska et al.*, 2016. S. 159–161. Taf. 298–304), а также с уже упомянутой подбойной могилой № 42/2012 внутри кольцевого ровика (раскопки 2012 г.). Еще, по меньшей мере, три крупных курганных комплекса обнаружены на могильнике в процессе археологических разведок 2020–2021 гг.

Нужно отметить, что работы 2020–2021 гг. на памятнике носили характер археолого-топографических исследований и охватывали всю территорию балки Алмалык-дере. Их основным результатом стал общий план балки с нанесенными на него известными и новыми археологическими объектами (рис. 1). Были значительно уточнены границы и внутренняя топография Алмалыкского могильника, территория которого оказалась ограниченной северной частью одноименной балки. В ее южной части выявлены три новых участка с погребальными комплексами, являющимися продолжением некрополя Алмалык-дере или, что также вероятно, новыми могильниками. Непосредственно в тальвеге балки обнаружены и картографированы следы средневекового поселения, на ее юго-западном склоне – участок сельскохозяйственных террас. В верховьях балки и вдоль ее юго-восточного склона прослежена трасса средневековой дороги, выводящей к Мангупской крепости. В целом эти разведки расширили наши представления об исторической топографии балки Алмалык-Дере. Отныне она не рассматривается исключительно как местоположение одноименного раннесредневекового некрополя. Появление новых разноплановых объектов археологии свидетельствует о разнообразном использовании балки населением Мангупской крепости на протяжении всей эпохи средневековья.

В настоящей работе результаты исследований Алмалыкского могильника в 2019–2021 гг. использованы широко. Необходимо лишь отметить, что, с учетом заявленной в ней проблематики, основное внимание уделено проблемам ранней истории памятника, охватывающей период с момента его возникновения во второй половине/конце IV в. и вплоть до сооружения на Мангупе крупной византийской крепости в 50–60-х гг. VI в.

Историческая топография, хронология и погребальный обряд раннего могильника в Алмалык-дере. Некрополь расположен в северной (нижней) части ныне сильно облесенной балки Алмалык-дере, в пределах, главным образом, природной и относительно пологой террасы, которая является нижней частью северо-восточного склона Мангупского плато. Эта терраса по оси север–юг имеет протяженность около 600 м, расширяясь от 50 м в северном и до 200 м в южном направлении. С севера и востока она ограничена природными ступенями над равнинной частью долины Джан-дере и вдоль тальвега балки, с запада – началом крутого склона Мангупского плато. Ее южная граница практически не выражена на местности, плавно переходя в юго-восточной склон Мангупа и тальвег балки. Размеры могильника Алмалык-дере в целом совпадают с размерами описанной природной террасы на склоне Мангупского плато. Общая известная площадь памятника составляет, на сегодняшний день, около 7 га.

На территории могильника хорошо прослеживаются три топографических участка, отделенные друг от друга микробалками и особенностями рельефа местности.

Однако, ни один из них не имеет прямого отношения к хронологии памятника. Как сейчас становится ясным, некрополь возник сразу, на всей территории природной террасы на юго-восточном склоне Мангупского плато, в течение жизни 1–2 поколений оставившего его населения; речь не идет о его пространственной эволюции и постепенном освоении всей площади, как это обычно бывает (рис. 2). Вытянутая вдоль склона Мангупа форма могильника может быть также объяснена наличием здесь средневековой дороги, трасса которой была проложена по тальвегу балки и, скорее всего, совпадает с трассой современной автомобильной дороги. Расположенные вдоль нее курганные насыпи, хорошо видимые при движении, вероятно, свидетельствуют об этом.

О расположении курганов на территории некрополя следует сказать особо. В ходе исследований 2020–2021 гг. 6 крупных курганных насыпей диаметром от 10 до 30 м и высотой до 2 м были впервые картографированы двумя «кустами» в центре северного и южного участков памятника. Как показывают материалы раскопок трех из них (2007, 2012 и 2019 гг.), все они, вероятно, относятся к числу наиболее ранних погребальных сооружений могильника, возникших во второй половине/конце IV в. и являвшихся затем на протяжении длительного промежутка времени его топографическими доминантами и особо почитаемыми объектами (рис. 3; 4). Раскопки 2019 г. кургана с кромлехом и кольцевым ровиком в южной части памятника, вокруг которого еще во второй половине V – первой половине VI в. все новые погребения осознанно совершались в ровике либо за пределами курганной насыпи, очевидно, свидетельствуют об этом (*Герцен и др.*, 2020. С. 114–115. Рис. 9).

Всего за многие годы исследований Алмалыкского могильника на его территории обнаружено 266 грунтовых погребальных конструкций, из которых археологически изучено 119: 81 склеп (68%), 27 подбойных могил (23%), 4 могилы с заплечиками, Т-образная могила, 6 обычных прямоугольных могил, в том числе 4 – с конскими захоронениями. К сожалению, единственное выявленное кремационное погребение в округлой яме не имеет точной атрибуции и хронологии (*Mączyńska et al.*, 2016. S. 17–18). Погребальные сооружения, как правило, ориентированы входными ямами по оси запад–восток, то есть поперек склона. Почти все они имеют следы ограбления в древности или в конце XX – начале XXI в. На всей площади могильника отмечена их значительная, но не чрезмерная, плотность и хорошо выраженная порядовка. На разных участках памятника фиксируются от 4 до 11 рядов могил по оси восток–запад, следующих рельефу местности.

Общая хронология Алмалыкского некрополя, в пределах второй половины/конца IV – конца VII в., установленная в 2016 г. М. Мончыньской, остается неизменной. Отмеченная выше дискуссия вокруг точной даты его возникновения является, по большей части, концептуальной и связана с различными представлениями ее участников о характере и последовательности этнокультурных процессов в истории Юго-Западного Крыма в поздне-римский период. Благодаря аналитическим и натурным исследованиям 2019–2021 гг., удалось конкретизировать наши знания об основных периодах внутренней истории некрополя, дополнив их картографированием разновременных археологических комплексов на план могильника (рис. 2) и анализом основных типов погребальных конструкций в пределах отдельных хронологических фаз, прежде всего, на примере наиболее многочисленных грунтовых склепов (рис. 5).

Первая фаза в истории некрополя датируется второй половиной/концом IV – первой половиной V в. и связана с начальным этапом его функционирования. Ранние погребения фиксируются на всей территории могильника, но особо высокая их плотность отмечена для северной оконечности памятника. Погребальные конструкции отличаются разнообразием. К данному периоду времени относятся все открытые курганы и конские захоронения в прямоугольных ямах, Т-образная могила, 3 из 4 могил с заплечиками, значительная часть подбойных могил и склепов. Т-образные склепы представлены типами А1, А2, В1 и В2, общей особенностью которых является наличие небольшого коридорчика между входной ямой (дромосом) и погребальной каме-

рой. Для наиболее ранних склепов типов А1 (склеп № 2/1996) и А2 (всего 14; расположены локальной группой в северной части могильника), характерны длинные трапециевидные дромосы с несколькими ступенями в задней части; в склепах типов В1 (всего 9) и В2 (всего 22) они заменены вырубленными нишами-ступенями. Все перечисленные типы склепов имеют ступени у входа в погребальную камеру с коробовым или килевидным сводом; в задней стенке камер часто встречаются небольшие треугольные ниши. Для типов В1 и В2 известны примеры двускатного свода погребальных камер с четким переходом в вертикальные стенки.

Вторая хронологическая фаза Алмалыкского могильника также ограничена докрепостным периодом в истории Мангупского городища и относится ко второй половине V – первой половине VI в. В этот период продолжают сооружаться типичные подбойные могилы с прямоугольной входной ямой, как правило, одной погребальной камерой-подбоем с коробовым сводом и закладом из мергелевых плит или каменной кладкой; по-прежнему используются склепы типов В1 и В2. В то же время нет новых курганных комплексов, могил с заплечиками и склепов типов А1 и А2. Новыми погребальными сооружениями являются склепы типов С1 (всего 9) и С2 (всего 10) с прямоугольными дромосом и трапециевидной (или подквадратной) в плане камерой с таким же, как и прежде, коробовым, килевидным или двускатным сводом; коридорчик между дромосом и камерой слабо выражен, отсутствуют какие-либо ступени в них. Картографирование археологических объектов показывает, что они в основном сосредоточены в средней и южной частях некрополя; почти не используется для погребений его северная оконечность. В целом, можно говорить о достаточной интенсивном использовании и внутреннем росте могильника Алмалык-дере в этот период времени. По количеству захоронений он почти не уступает первой фазе истории памятника.

Ввиду сильной ограбленности реконструкция погребального обряда Алмалыкского могильника для первых двух фаз его функционирования может быть выполнена лишь в самом общем виде. Очевидно, речь идет о некрополе, на котором совершались мужские, женские и детские погребения по обряду ингумации, в вытянутом трупоположении на спине, головой на запад либо, реже, на восток. В подбойных могилах и могилах с заплечиками в это время фиксируются одиночные либо парные погребения. В склепах количество погребенных колеблется от 1 до 5, но совсем не применяется практика многоярусных захоронений, что может свидетельствовать об их непродолжительном, в пределах 1–2 поколений, использовании. Для ранних этапов истории могильника отмечается применение в погребальном обряде деревянных сооружений, часто установленных на каменных подставках, однако, пока любые статистические выкладки или детализация таких конструкций представляются преждевременными. Отметим лишь уникальную деревянную конструкцию в виде помоста либо неглубокого дощатого гроба без крышки, открытого при раскопках склепа № 203/2019 второй половины V – первой половины VI в. (*Герцен др.*, 2020. С. 115. Рис. 12). Еще одна отличительная черта погребального обряда Алмалык-дере для интересующего нас периода времени – широкое использование заупокойной пищи (яйца, кости птиц, крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, домашней птицы, диких животных), помещенной в лепной или краснолаковой посуде. Безусловно, в ходе раскопок памятника встречались указания и на другие погребальные обряды и практики, однако они оказались недостаточно хорошо задокументированными в материалах исследований.

Умерших погребали в повседневном или парадном костюме, сопровождая их предметами вооружения и хозяйственного инвентаря (ножи, шилья, керамические пряслица). Анализ характерных категорий этого погребального инвентаря, выполненный М. Мончыньской (*Mączyńska et al.*, 2016. S. 3–11), избавляет нас от повторений. Отметим лишь, что для погребального обряда первой и второй хронологических фаз могильника показательным является наличие в погребениях большого количества разнообразных стеклянных, краснолаковых и лепных сосудов, детальное изучение которых еще предстоит.

Последующие хронологические фазы могильника Алмалык-дере – третья (второй половины VI – начала VII в.) и четвертая (VII в.), связаны уже с функционированием византийской крепости на Мангупском плато, построенной, как уже говорилось, в 50–60-е гг. VI в. Картографирование археологических комплексов этого времени показывает резкое уменьшение количества захоронений на площади могильника, особенно для заключительной фазы его истории. Практически единственным видом погребальных сооружений являются грунтовые склепы. До конца VI в., вероятно, продолжают использоваться склепы типов С1 и С2. Новые погребальные конструкции представлены менее крупными склепами типов Д (всего 9) и Е (всего 2) с короткими дромосами и прямоугольными в плане погребальными камерами с низкими полусферическими сводами, без коридорчиков, ступеней и ниш. Погребальный обряд также упрощается (почти нет деревянных конструкций, заупокойной пищи, керамических и стеклянных сосудов в составе погребального инвентаря), хотя погребения продолжают совершаться в вытянутом трупоположении на спине. Анализ находок – деталей костюма и украшений, позволяет надежно рассматривать Алмалыкский могильник VI–VII вв. как один из типичных готo-аланских некрополей области Дори византийских источников в Юго-Западном Крыму. Одновременно и несколько позднее, в течение VIII в., на южной периферии Мангупского городища функционировали еще три могильника населения Мангупа-Дороса этого времени – Адым-Чокрак, Южный I и Южный II.

Выводы. Безусловно, могильник в балке Алмалык-дере нельзя рассматривать в качестве наиболее раннего некрополя, возникшего на Мангупе еще в III в. неукрепленного поселения. Он появляется во второй половине или в самом конце IV в. в результате единовременного переселения крупной однокультурной группы населения, в которой аланский, в широком смысле, этнокультурный компонент доминировал. Многие ранние погребальные конструкции на территории могильника, прежде всего, курганы с кромлехами и кольцевыми ровиками и глубокие склепы типа А1 и А2, уникальны или, по крайней мере, необычны для жителей Горного Крыма во второй половине IV – первой половине V в. Как нам представляется, переселенцы оказались способными быстро адаптироваться к новым условиям обитания и стать частью формирующегося крупного социума на Мангупе. Анализ зафиксированного погребального обряда на некрополе в V–VII вв., несмотря на его последовательное упрощение, свидетельствует в целом об эволюции погребальной практики и отсутствии принципиальных инноваций, которые можно было бы связать с новыми мигрантами.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква. 368 с.

Веймарн Е. В., 1953. Разведки оборонительных стен и некрополя // Материалы и исследования по археологии СССР. № 34. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 419–429.

Веймарн Е. В., 1980. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия? // Античная древность и средние века. Вып. 17. С. 19–33.

Герцен А. Г., 1990. Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. I. С. 87–166.

Герцен А. Г., 2003. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Античная древность и средние века. Вып. 34. С. 94–112.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю., 2017. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб.: Нестор-История. 272 с.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К., Иожица Д.В., Набоков А.И., 2020. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1968 г. », Алмалыкский могильник // История и археология Крыма. Вып. XIII. С. 111–128.

Казанский М.М., Мастыкова А.В., 2017. Рец. на: M. Mączyńska, A. Gercen, O. Ivanova, S. Černyš, S. Lukin, A. Urbaniak, J. Bemmann, K. Schneider, I. Jakubczyk. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des RGZM, 2016. 180 s., 387 taf. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXII. С. 568–573.

Сидоренко В.А., 1984. Исследования склонов горы Мангуп // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука. С. 328–330.

Храпунов И.Н., 2016. Население горного Крыма в позднеримское время // Вестник древней истории. № 1 (76). С. 118–134.

Храпунов И. Н, 2017. О времени и обстоятельствах появления поселения на горе Мангуп-Кале // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXII. С. 54–61.

Храпунов И.Н., 2019. Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму // Российская археология. № 1. С. 32–49.

Gertsen A., Mączyńska M., 2000. Ein frűhvőlkerwanderungzeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-dere bei Mangup auf der Krim // Die spätrőmishe Kaiserzeit und die frűhe Vőlkerwanderungzeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź: Wydawnictwo uniwersytetu Łódzkiego. S. 522–544.

Gertsen A., 2015. A Vault with a Byzantine Seal in the Cemetery of Almalyk // Byzantine and Rus' Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography / Eds. H. Ivakin, N. Khrapunov, W. Siebt. Kyiv: Sheremetievs' Museum. P. 25–33.

Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I., 2016. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des RGZM. 205 S. (Monografien des RGZM, Bd. 115).

Seibt W., 2015. The Sel of a Chartoularios from Mangup // Byzantine and Rus' Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography / Eds. H. Ivakin, N. Khrapunov, W. Siebt. Kyiv: Sheremetievs' Museum. P. 33–35.

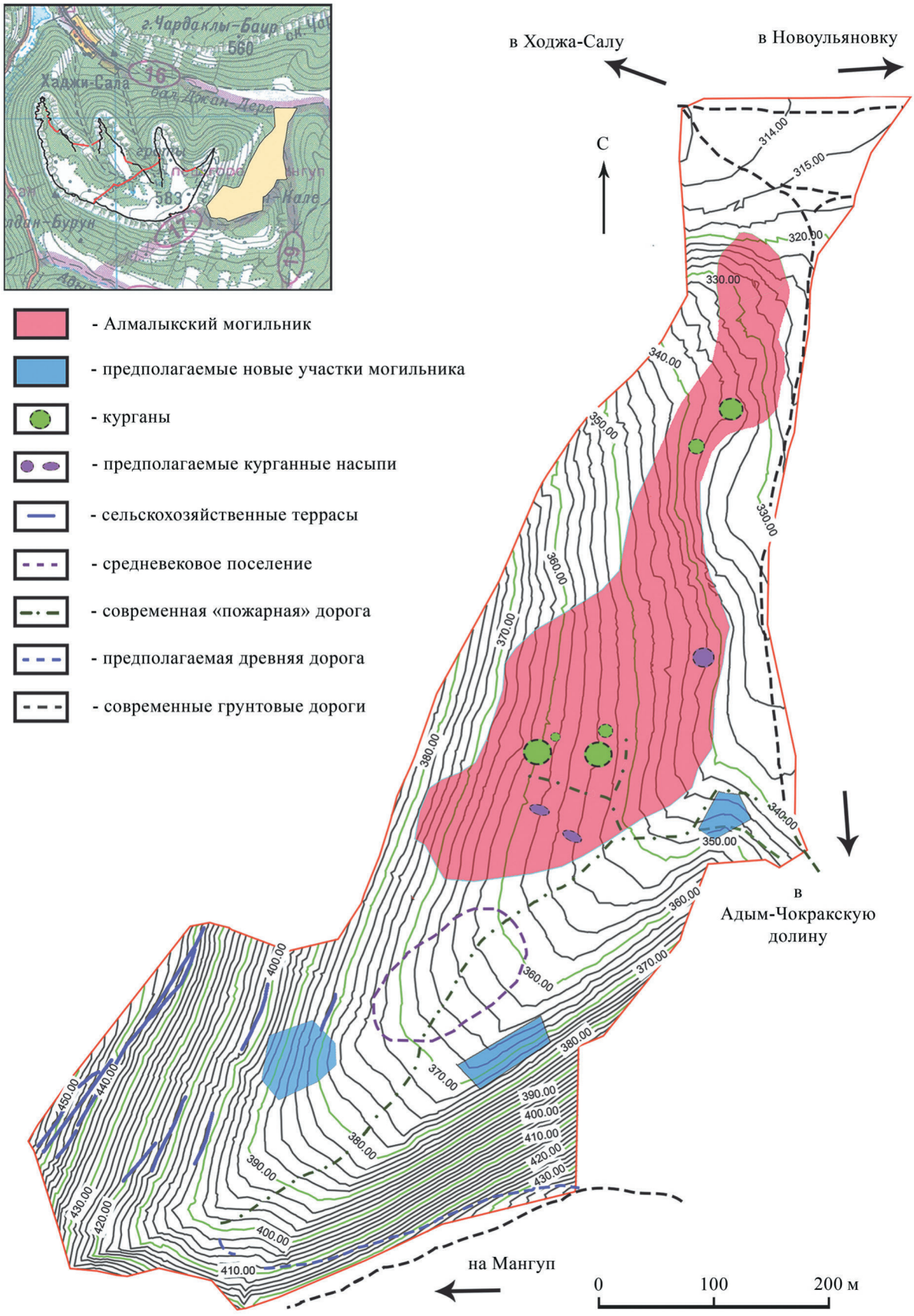

Рис. 1. Общий план балки Алмалык-дере с указанием известных археологических объектов (по материалам археолого-топографических исследований 2020–2021 гг.)

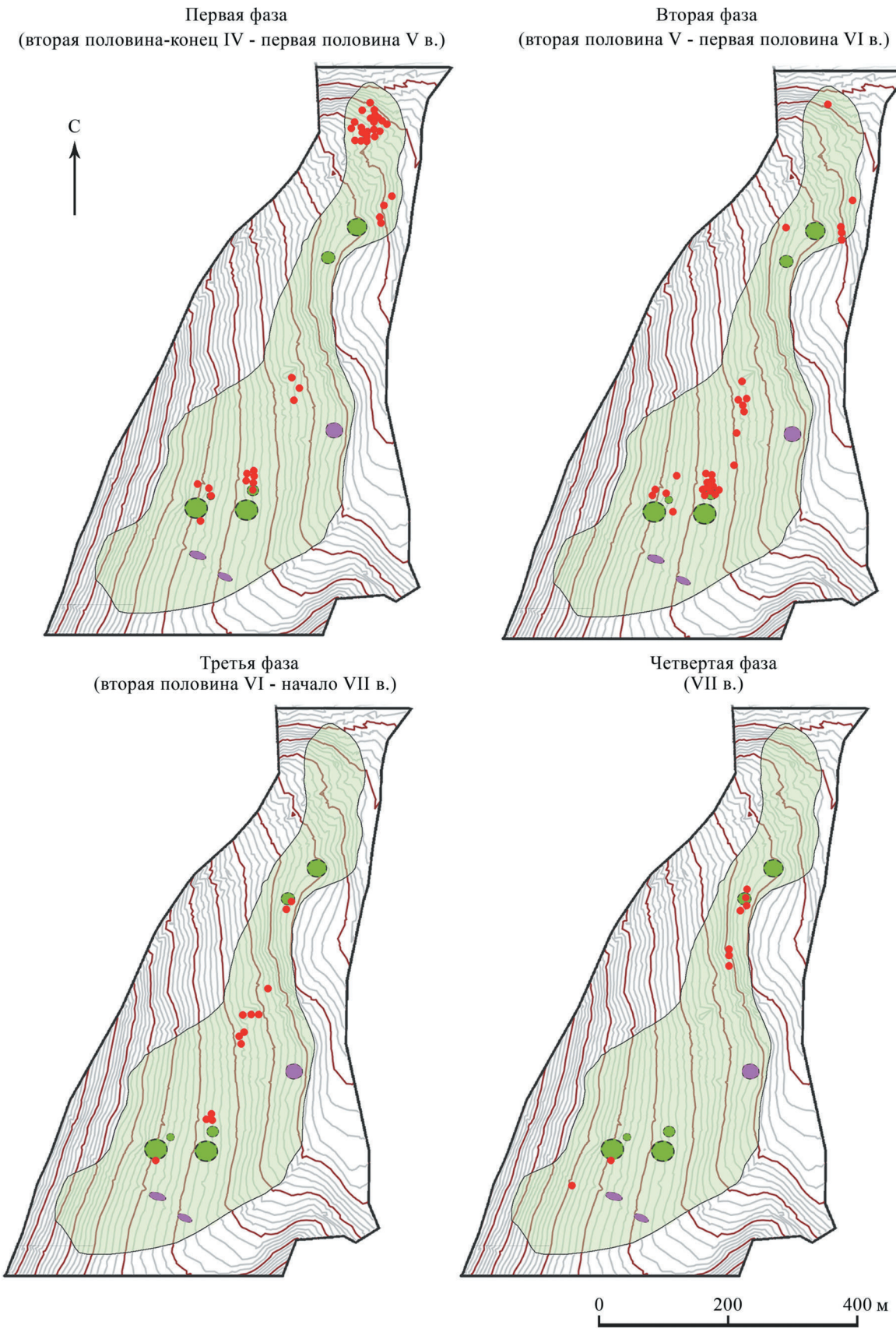

Рис. 2. Могильник Алмалык-дере. Общие планы исследованных погребальных сооружений в пределах отдельных хронологических фаз в истории памятника

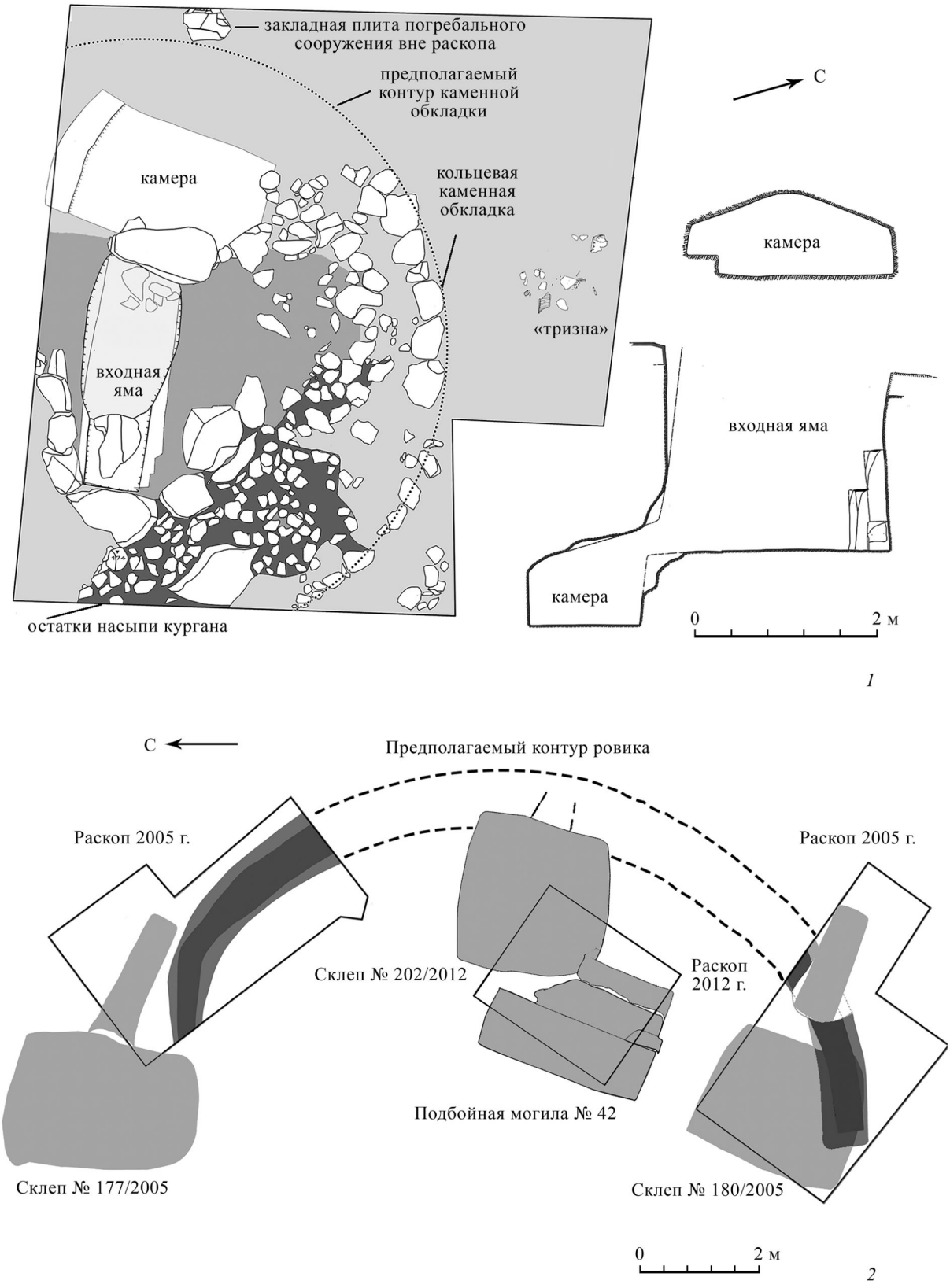

Рис. 3. Могильник Алмалык-дере. *1* – курганный комплекс с Т-образной могилой № 1/2007 и каменной обкладкой. Общий план участка исследований, архитектурные разрезы Т-образной могилы; *2* – курганный комплекс с подбойной могилой № 42/2012 и кольцевым ровиком. Общий план участка исследований со склепами № 177/2005 и № 180/2005 (раскопки 2005 г.)

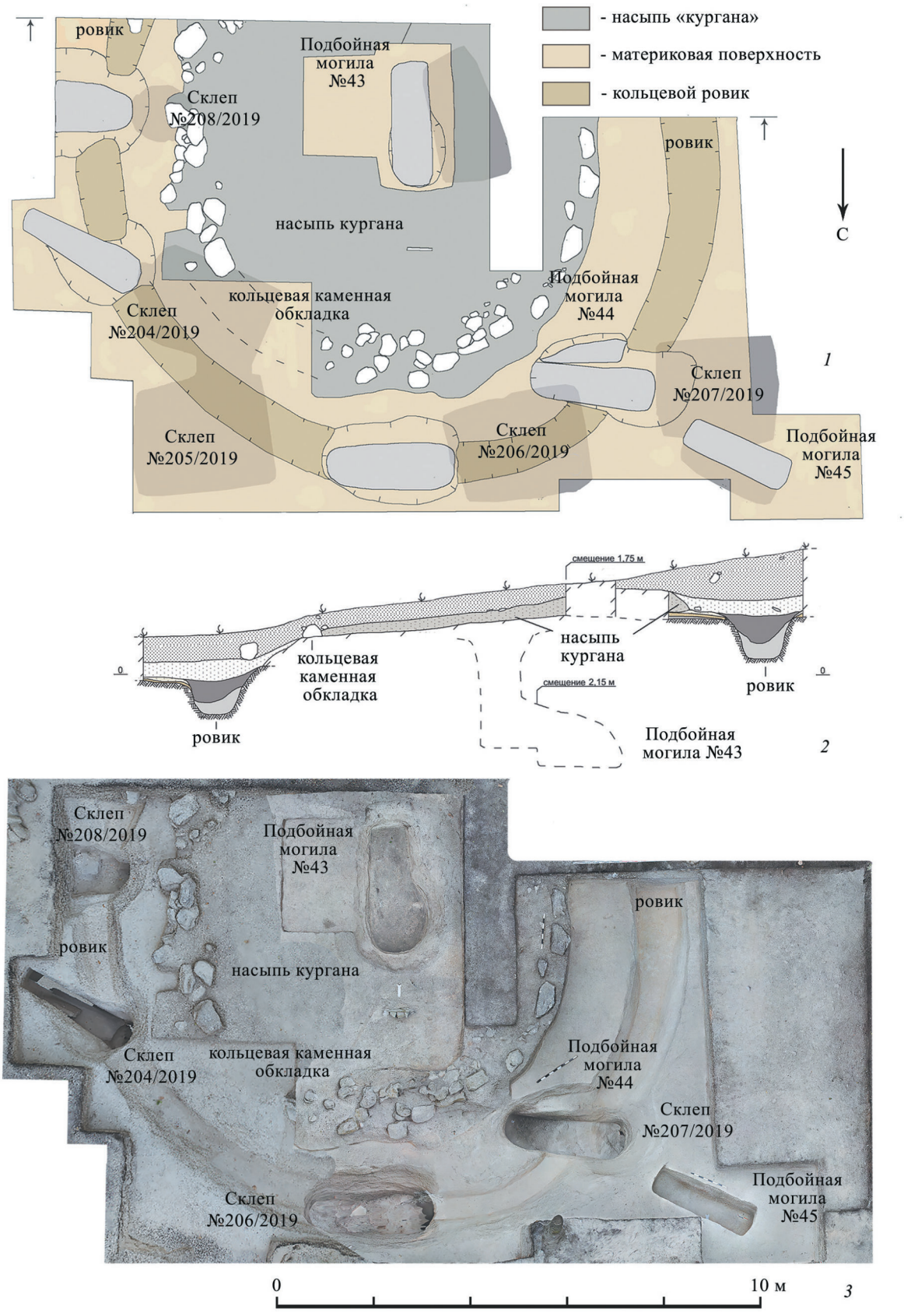

Рис. 4. Могильник Алмалык-дере. Курганный комплекс с подбойной могилой № 43/2013, каменной обкладкой (кромлехом) и кольцевым ровиком (раскопки 2019 г.). *1* – общий план участка исследований; *2* – стратиграфический разрез через центральную часть комплекса; *3* – ортофотоплан

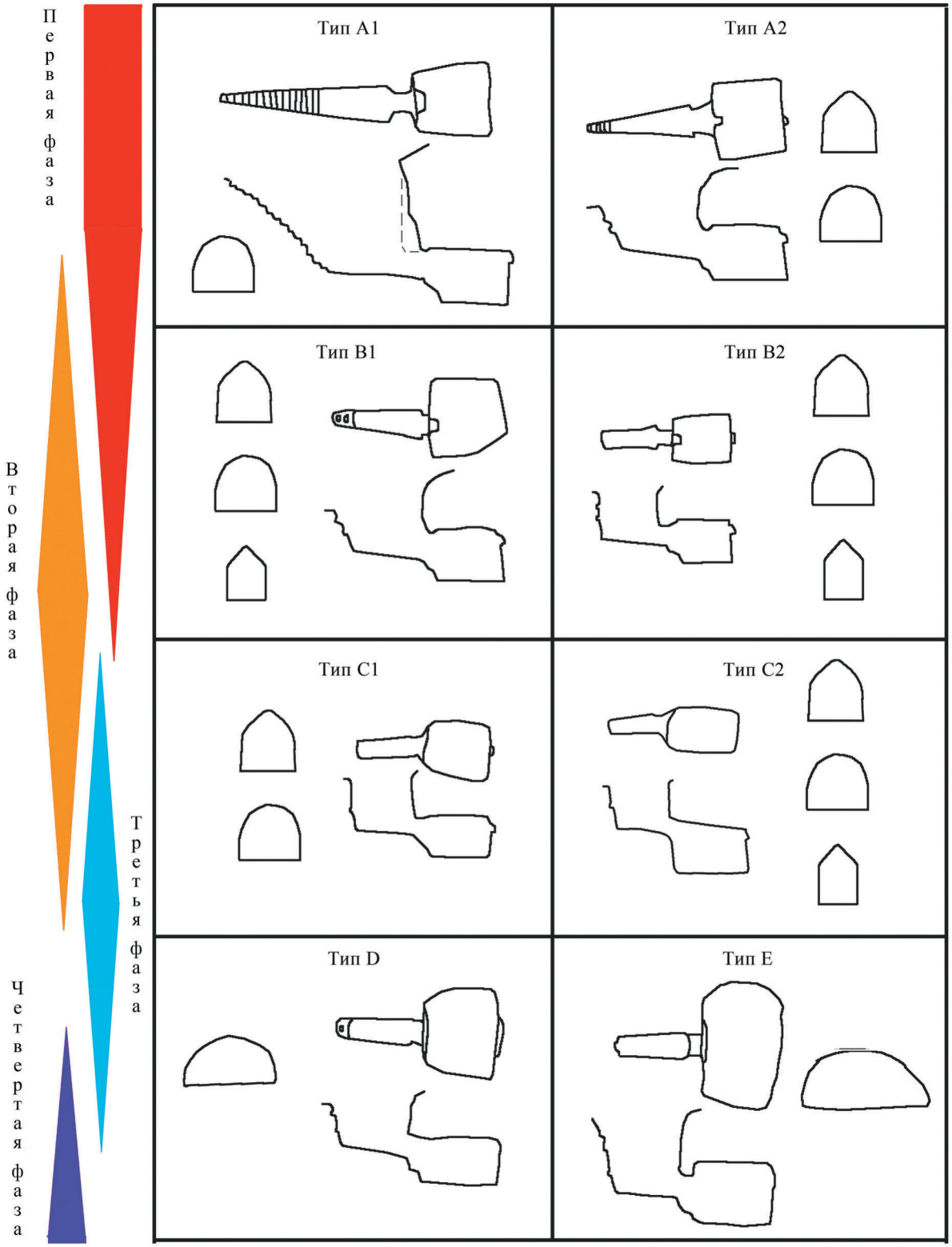

Рис. 5. Могильник Алмалык-дере.
Классификация Т-образных грунтовых склепов

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.195-199

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ РАННИХ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКОВ У С. ЛУЧИСТОЕ И ЭСКИ-КЕРМЕН

Радочин Владимир Юрьевич
НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация: В работе представлены результаты предварительного сравнительного анализа антропологического материала из ранних погребений на могильнике у с. Лучистое и некрополя Эски-Кермена. В ходе исследования были проанализированы демографические показатели сравниваемых серий и рассмотрен ряд вопросов, касающихся патологических изменений, отмеченных на костном материале обеих выборок. Один из аспектов сравнительного анализа был посвящен некоторыми устойчивыми культурными традициями, в частности, рассмотрены некоторые особенности, связанные с преднамеренной, искусственной деформацией черепа.

Ключевые слова: Крым, антропология, Лучистое, Эски-Кермен, патологии, искусственная деформация черепа

SEVERAL RESULTS OF A COMPARATIVE ANALYSIS OF PALAEOANTHROPOLOGICAL MATERIALS FROM THE EARLY GRAVES IN THE CEMETERIES NEAR THE VILLAGE OF LUCHISTOE AND ESKI-KERMEN

Radochin, Vladimir Yur'evich
History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract: This paper presents the results of preliminary comparative analysis of palaeoanthropological materials from the early graves in the cemeteries near the village of Luchistoe and Eski-Kermen. In the course of research demographic indexes of the series under comparison have been analysed and a series of aspects concerning pathological changes documented on the bone material in both series has been considered. An aspect of the comparative analysis undertaken addressed some stable cultural traditions, particularly some peculiarities connected with the deliberate artificial skull deformation.

Key words: Crimea, physical anthropology, Luchistoe, Eski-Kermen, pathologies, artificial skull deformation

Результаты антропологических исследований, в контексте возросшего интереса к междисциплинарным направлениям в историко-археологической среде, безусловно, являются одним из важнейших источников информации. Многолетние систематические раскопки под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой на могильнике у с. Лучистое и некрополе на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен позволили серьезно расширить и детализировать информационную базу по средневековой истории Крыма.

Могильник у с. Лучистое, находящийся в горном Крыму у подножия горы Демерджи, возник на рубеже IV–V вв. в результате переселения аланских племен со склонов Третьей гряды вглубь Крымских

гор (*Айбабин*, 1999. С. 82; *Айбабин, Хайрединова*, 2008. С. 6). В целом, костный материал серии из Лучистого отличается плохой степенью сохранности. Вероятно, данное обстоятельство связано не только с геологической ситуацией, но и с химическими особенностями грунта северо-восточного и северо-западного участков некрополя. Таким образом, для исследования оказалась пригодна лишь треть костяков от общего числа. Важной особенностью антропологической серии из могильника Лучистое, по сравнению с хронологически синхронными памятниками, является наличие погребений IV–V вв., относящихся к самому раннему этапу функционирования памятника и составляющих на сегодняшний день около 5% от общего числа раскопанных захоронений.

В силу возникшей угрозы со стороны кочевников, вторгавшихся в последней четверти VI в. на территорию Крымского полуострова, Византия активизировала строительство крепостей на своих границах, с размещением в них гарнизонов из местных алано-готов (*Айбабин, Герцен, Храпунов*, 1993. С. 38, 171). Вероятно, именно они составляли население гарнизонов крепостей, возникших на плато Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Мангуп, Бакла, а также сельских общин, хоронивших на могильниках у с. Лучистое, Суук-Су, Скалистое и др. (*Айбабин, Хайрединова*, 2017. С. 10). Городище Эски-Кермен, площадью 8,5 га, находится в Бахчисарайском районе, в 5 км юго-западнее села Залесное, на плато столовой горы. Часть юго-восточного склона городища занимает могильник, возникший одновременно с крепостью в конце VI в.

Осознавая все риски, связанные с недоисследованностью могильников и крайне плохим состоянием костного материала из могильника Лучистое, попробуем сделать осторожный предварительный анализ серий по некоторым показателям, отражающим, как нам кажется, условия обитания и некоторые особенности культурной составляющей.

Соотношение погребенных мужчин и женщин, в обеих сериях, практически одинаковое, с незначительным преобладанием женщин в серии из Лучистого (27,7% – М, 30,7% – Ж) и небольшим преобладанием мужчин в Эски-Кермене (31,1% – М, 28,8% – Ж). Детские погребения в Лучистом составили 37,0%, в Эски-Кермене – 35,5% от общего числа. Вопрос числа детских погребений на обоих памятниках требует более тщательного изучения, так как соотношение женских и детских погребений (почти один к одному) представляется заниженным.

Средний возраст смерти с учетом детской группы для населения Лучистого составил 22,4 года и, соответственно, 31,3 года без учета детской смертности. Пики смертности для мужского населения приходятся на возрастной интервал 30–40 лет, для женской серии – 19–25 лет.

Средний возраст смерти населения, оставившего могильник на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен, составил 21,4 года с учетом детской части населения и 31,6 года без нее. Пики мужской смертности приходятся на возраст 25–35 лет. Для женской серии показательна высокая смертность в репродуктивный период жизни, с пиковыми показателями в возрасте 25–29 лет.

Показатели детской смертности для обеих серий схожи. На смерть до первого года жизни приходится 11% погребенных детей в Лучистом и 14% – в Эски-Кермене. Остальные возрастные отрезки демонстрируют относительно ровные показатели на уровне 15–20%. Исключение составляет возрастной период 4–7 лет (для обоих памятников), на который приходится наибольший процент умерших детей (40% для Лучистого и 47% для Эски-Кермена).

Вызывает интерес заниженное число подростковых погребений мужского пола, как в Лучистом, так и в Эски-Кермене. Вероятно, может иметь место некоторое особенное «бережное» отношение к данной категории.

На полученном материале фиксировался ряд патологических изменений, для удобства объединенных в группы. Зубочелюстные патологические изменения на материале из Лучистого отмечены почти у половины исследованных погребенных. На серии из Эски-Кермена зубочелюстные патологи отмечены почти у 80% населения. Наиболее частой для обеих серий была прижиз-

ненная утрата зубов. На материале из Лучистого прижизненная утрата зубов отмечена почти у 20% населения, для материала из Эски-Кермена этот показатель составил 25%. Отложение зубного камня отмечено у 10,6% населения из Лучистого и 25% из Эски-Кермена. Для серии из Лучистого у мужчин зубной камень отмечен в два раза чаще, чем у женщин.

Кариозное поражение отмечено в серии из Лучистого у 19,3%, в Эски-Кермене у 18% погребенных. На обоих некрополях кариес на мужских сериях отмечен в два раза чаще чем на женских. Для обеих серий характерно отсутствие кариеса на зубах из детских погребений.

Эмалевая гипоплазия на серии из Лучистого отмечена поровну на мужских и женских костяках и составила 4% от всех исследованных. Для погребенных на могильнике Эски-Кермена данный стрессовый маркер отмечен у 7,3% погребенных. На материале из Эски-Кермена отмечается некоторая диспропорция по количеству погребенных с данным стрессовым маркером из разных по конструкции погребальных сооружений.

Погребенные на могильнике у с. Лучистое индивидуумы в 19,6% имели те или иные патологические изменения позвоночника. Для Эски-Кермена этот показатель составил 29,8%. На обоих некрополях наиболее часто фиксировались такие заболевания, как остеохондроз, остеофитоз, спондилоартроз, спондилоз, узлы Шморля. Упомянутые заболевания позвоночника фиксировались на обоих могильниках у индивидуумов среднего возрастного периода. В возрастном интервале после 45 лет число погребенных с дегенеративными изменениями позвоночника достигает практически 90% для обоих некрополей. На материале из Лучистого патологии позвоночника отмечались в два раза чаще на мужских костяках, преимущественно у погребенных в склепах. Для жителей Эски-Кермена патологические изменения несколько чаще отмечены у женской части населения, в основном у погребенных в могилах.

Патологии крупных суставов верхних и нижних конечностей в серии из Лучистого отмечены у 5,5%, для серии из Эски-Кермена – у 14,6% погребенных. Наиболее частыми были проявления остеоартроза. На обеих сериях подавляющее большинство патологий в суставах приходится на мужскую часть населения.

Патологические изменения, связанные с воспалительными процессами, отмечались как на краниологических сериях, так и на костях посткраниальных скелетов из обоих могильников. Для материала из Лучистого признаки воспалительных процессов отмечены у 5,6% населения, для Эски-Кермена данная цифра составила 19,3%. Наиболее частыми для обеих серий были проявления, связанные с периоститом.

Характерные для хронического отита изменения, отмеченные внутри слухового канала и на прилегающей наружной поверхности, фиксировались только на материале из Лучистого, как у мужчин, так и у женщин. Зафиксировано и несколько случаев мастоидита, развившегося, вероятнее всего, как следствие запущенного отита, хотя нельзя исключать и травматические поражения.

Следы хронического синусита выявлены на мужских и женских костяках только на материале из Эски-Кермена и носили запущенный, хронический характер. Данное заболевание, развивается как осложнение при вирусных инфекциях, переохлаждениях, аномалиях развития и др., в том числе и при поражении верхнечелюстного зубного аппарата (*Козлов*, 2003. С. 274–276; *Яременко и др.*, 2015. С. 834–837).

Маркеры физиологических стрессов, такие как поротический гиперостоз костей черепа и его частный случай *cribra orbitalia*, отражающих некоторые специфические состояния организма, отмечены на костях из обеих серий. Поротические изменения костей отмечены на серии из Лучистого в 15,6% случаев. Для серии из Эски-Кермена этот показатель составил 52%. Для обеих серий *cribra orbitalia* значительно чаще отмечалась у женщин, в то время как поротический гиперостоз на костях черепа (преимущественно на теменных и затылочных) – у мужчин. Проявления поротического гиперостоза у детей из обеих серий отмечены на трети детских костяков от общего числа погребенных.

На материале из Лучистого травматические поражения прослежены на 6% иссле-

дованных костяков. Большинство травм отмечено на костях рук и ног и могут характеризоваться как бытовые. Всего три травмы, отмеченные на мужских костяках, можно с высокой степенью достоверности отнести к разряду боевых. К ним относятся две рубленые раны плечевых костей и ранение стрелой в тазовую кость. Был зафиксирован вклиненный наконечник трехлопастной стрелы, насквозь пробивший правую подвздошную кость. При этом, некоторое время после ранения индивидуум продолжал жить, о чем свидетельствует процесс облитерации, практически закончившийся со стороны входного отверстия. На этом же костяке обнаружено разрушение теменной кости черепа (предположительно, вследствие удара тупым предметом).

Серия из Эски-Кермена показала, что 10,6% населения имели те или иные травматические поражения. Наибольшее количество зафиксированных травм приходится на травмы черепа. Травматические поражения, которые можно считать боевыми, отмечены в двух случаях: рубленая рана лобной кости из женского погребения и колотая рана надколенника из мужского погребения. Обе боевые травмы зафиксированы у погребенных в склепах.

Одним из маркеров патологического перенапряжения костного аппарата является энтезопатия. Энтезопатии для материала из Лучистого прослежены на 18% исследованных костяков и в подавляющем большинстве отмечены на костях ног, преимущественно на надколенниках, большеберцовых и пяточных костях. Для материала из Эски-Кермена энтезопатия отмечена у 11% захороненных, в подавляющем большинстве на костях из мужских погребений в склепах. Чаще всего энтезопатия локализовалась на задней поверхности локтевого отростка локтевой кости, надколеннике, большой бугристости большеберцовой кости и пяточной кости в области прикрепления ахиллова сухожилия.

Некоторые культурные традиции, присущие определенным группам, либо внутригрупповым слоям, являются достаточно устойчивыми на протяжении длительного времени и могут являться маркерами самоидентификации. Таким элементом, несомненно, может быть преднамеренная искусственная деформация черепа. Погребения с деформированными черепами были зачищены в склепах и могилах на обоих некрополях.

Деформированные черепа, полученные при раскопках могильника у с. Лучистое, составляют 24% от общего числа (данные с учетом степени сохранности материала). Среди антропологических материалов раннего хронологического промежутка (конец IV – начало V в.) выявлен только один случай преднамеренной искусственной деформации черепа женщины, погребенной в склепе. С середины VI в. на памятнике фиксируется резкий рост числа костяков с искусственно деформированными черепами. Практически все они деформированы по типу двойного бандажирования с хорошо читаемыми линиями перетяжки. Искусственно измененные черепа фиксировались в равной степени у обоих полов. Интересно отметить, что резкое увеличение количества искусственно деформированных черепов совпадает с появлением несколько отличных краниометрических характеристик на недеформированной выборке внутри серии и некоторыми изменениями в конструкциях погребальных сооружений, в частности склепов.

Материал из Эски-Кермена дал краниологическую серию, в которой 72% черепов имели следы искусственной деформации. Деформация отмечена практически поровну на мужских и женских костяках, захороненных в подбойных могилах и склепах. В подавляющем большинстве, изменения проводились по типу циркулярного сплошного бандажирования, в результате чего черепа имели башенную форму, либо были вытянуты кзади.

В заключение можно констатировать, что население Эски-Кермена испытывало повышенные (по сравнению с серией из Лучистого) стрессовые нагрузки на организм по целому ряду показателей, характеризующих здоровье исследуемой группы в целом.

Резкое увеличении числа искусственно деформированных черепов, найденных на некрополе у с. Лучистое в погребениях, начиная со второй половины VI в., изменения в конструкции склепов и некото-

рые краниометрические отличия, по сравнению с более ранним материалом, могут быть связаны с притоком нового родственного населения на данную территорию, однако данное предположение требует более детального изучения вопроса, возможно, и на более высоком технологическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н., 1993. Основные проблемы этнической истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. С. 211–222.

Айбабин А. И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 352 с.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2008. Могильник у села Лучистое. Том 1. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь, Керчь. 336 с.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква. 368 с.

Козлов В. А., 2003. Воспалительные заболевания тканей челюстно-лицевой области. Стоматология. Учебник для медицинских вузов и последипломной подготовки специалистов / Ред. В. А. Козлов. СПб.: СпецЛит. 512 с.

Яременко А. И., Матина В. Н., Суслов Д. Н., Лысенко А. В., 2015. Хронический одонтогенный верхнечелюстной синусит: Современное состояние проблемы (обзор литературы) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 10. С. 834–837.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.200-205

BARBARIAN POWER CENTRES AND OUTSTANDING CEMETERIES IN THE EAST CARPATHIANS AND THE CARPATHIAN BASIN DURING LATE ROMAN – EARLY MIGRATION PERIODS

Grumeza, Lavinia
Institute of Archaeology of the Romanian Academy, Iași, Romania

Abstract: In the Late Antiquity, the territories of nowadays Romania had a significant place in the European history. In the east of the Carpathians and Transylvania had flourish the Sântana de Mureș – Cherniakhov culture. Recent excavations have shown that the barbarian elite of the mid- / second half of the fifth century AD is very well represented in the Carpathian Basin.

Keywords: Late Antiquity, East Carpathians, Carpathian Basin, Sântana de Mureş – Cherniakhov culture, barbarian elite

ВАРВАРСКИЕ ЦЕНТРЫ ВЛАСТИ И ВЫДАЮЩИЕСЯ МОГИЛЬНИКИ В ВОСТОЧНЫХ КАРПАТАХ И КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ В ПОЗДНЕРИМСКИЙ ПЕРИОД И В НАЧАЛЕ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Грумеза Лавиния
Институт археологии Румынской академии, Яссы, Румыния

Аннотация: В эпоху Поздней античности территория современной Румынии играла существенную роль в истории Европы. В Восточных Карпатах и Трансильвании активно развивалась черняховская культура. Недавние раскопки показали, что варварская элита середины – второй половины V в. н. э. была очень хорошо представлена в Карпатском бассейне.

Ключевые слова: Поздняя античность, Восточные Карпаты, Карпатский бассейн, черняховская культура, варварская элита

1. Before the Late Antiquity

Throughout the ancient times, the territories in the vicinity of the Carpathian Basin were part of the major European history only occasionally. M. Shchukin believed that under *Burebista rex* († 44 BC) *Dacia* was part of the "arena of the world history" (*Shchukin*, 1989. P. 84). It will "reappear" during the reign of *Decebalus rex* (AD 87–106), while later, the territories north of the Lower Danube would be either integrated in the Roman Empire (regions of the Carpathian Basin and Walachia) or remain outside its borders, in the so-called *Barbaricum* (the East Carpathians region).

Rome's involvement in nowadays Romania was complicated, with fluctuating frontiers and changing policies. Around AD 271/275, under various internal and external pressures (usurpations, Goths and Carpi attacks, etc.) emperor Aurelian decided to abandon the territories north of the Danube (*Hügel*, 2003). Even though such withdrawal was part of a long-term process (and not a sudden end), from this point on, the historical landscape of the region would drastically change.

2. East of the Carpathians

After the loss of Dacia (*Dacia amissa*), in the east of the Carpathians would flourish the Sântana de Mureș-Chernyakhov culture, characterized by open settlements and large cemeteries, e. g. Bârlad-Valea Seacă/Vaslui with 547 graves (*Palade*, 2004), Mihălășeni/Botoșani with 520 graves (*Şovan*, 2005) or Bogdănești/Vaslui with 150 graves (*Mamalaucă*, 2018).

R. Harhoiu argues that the Sântana de Mureş-Chernyakhov culture had an "invisible elite", recognition of community leaders being

difficult, as grave goods are standardised and homogeneous (*Harhoiu,* 2021. P. 40–42. Abb. 19). However, in the last decades, both Eastern and Western scholars (e.g. *Bierbrauer,* 1986; *Кравченко,* 1987; *Гопкало,* 2011) have shown that there is a stratification of the Sântana de Mureş-Chernyakhov communities and it is possible to recognise local elites, especially in exhaustively excavated cemeteries. I also believe that inhumations with gold medallions, graves with an outstanding number of vessels (both glass and/or pottery) and even graves with mosaic beads are the burials places of community leaders, who received gifts from emperors and special attention from the community (Fig. 2).

In 2020, I have started to compile all Roman products discovered east of the Carpathian Mountains (Vaslui county) within the international project (initiated by the German Archaeological Institute): *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum/CRFB* (https://www.dainst.org/-/corpus-der-romischen-funde-im-europaischen-barbaricum). The volume *CRFB Rumänien 2. Kreis Vaslui* is a work in progress and will be published in 2022. I would like to highlight here that the majority of Roman products (and Roman-influenced products) cluster in Sântana de Mureș- Chernyakhov sites, during late 3rd century – early 5th century AD. For instance, in the graves from Bârlad-Valea Seacă, Roman gold medallions were found, probably symbols of the local Gothic elite. Such items were documented in two richly furnished graves. The adult buried in grave 501 had beside the gold medallion – a solidus of Constans (345/347–348), minted in Trier – two glass vessels, one amber bead, various bronze and iron tools, one comb and 12 ceramic vessels. The adult (likely female) buried in grave 507 was also rich in grave goods: a golden medallion – solidus of Constantius II (353–355), minted in Aquileia – one silver-golden buckle, one bronze buckle, a glass beaker, various iron and bronze tools and 9 ceramic vessels. All these spectacular finds show that important Barbarian power centres could be located in the region of Bârlad-Prut interfluve. These local elite strove to be like Romans, or at least to have a Roman lifestyle. The important quantities of wine or olive amphorae documented in settlements and cemeteries also confirm our supposition. However, some of the Roman items found *extra fines Imperii* (i.e. gold coins and prestige Roman goods, such as large Roman beads with the imperial portrait), were probably not commodities arrived via trade, but *stipendia* or even *ornamenta dignitas*, received by local leaders and allies of Rome in the heart of the *Barbaricum*. Nonetheless, only after the collection of the entire Roman products from the Eastern Carpathian *Barbaricum* we shall be able to draw further conclusions regarding the barbarian *gentes* and their affinity with the Romans and Roman products.

The Hunnic conquest led to disappearance of such large Sântana de Mureș-Chernyakhov cemeteries and the emergence of small cemeteries or single lavish graves (Fig. 1), of various ethnic influences (*Harhoiu,* 2021, S. 39: … *dominieren das archäologische Mosaik der Zeit und illustrieren die Spannbreite eines der spektakulärsten Vorgänge der Weltgeschichte*). The Late Roman/Post- Chernyakhov finds from Buhăieni/Iași, Mărițeia/Suceava, and Conceşti/Botoșani (*Казанский,* 2014; *Фурасьев, Шаблавина,* 2019) would bring the region east of the Carpathians for the last time in the "arena of the world history" through extraordinarily rich grave goods and the links of the Barbarian leaders with a wider world, stretching from Asia to Western Europe.

3. Carpathian Basin

In case of Transylvania, the entire 5th century AD has a special place in late European ancient history. The spectacular finds from Apahida or Someșeni (Cluj county) are already well known in the archaeological literature (*Horedt,* 1986). The 5th century is a moment of cultural connections across Europe, a moment when the Barbarians were accepted in great number in the Roman army, many becoming leaders, not only in the army but also in new Barbarian kingdoms, such as Childeric in Western Europe or Omahar in Eastern Europe (*Opreanu,* 2005).

The Barbarian kingdoms, political heirs of the Roman power and considered (until recently) a reality specific only to Western Europe, may be highlighted today even in the Eastern European regions due to the advancement of archaeological research. Recent excavations have shown that not only the high leaders of the Barbarian communities, but also the aristocratic class of the mid/early second half of the 5th century are very well represented in the Car-

pathian Basin and Transylvania (Fig. 3). Graves, such as at Turda/Cluj (*Bărbulescu,* 2008) or Sânpaul/Cluj (*Grumeza, Cupcea,* 2020) display the same symbols of status and similar ranks. Such prestigious dress accessories – large silver-gilded brooches, belts, and other spectacular parts of clothing – are spread on large geographical area and most of the times are difficult to ethnically attribute. Another common feature of this upper class graves from Transylvania is the selection and characteristics of the burial site. All funerary features mentioned above are part of very small grave groups or are single burials. Also, in the case of recently excavated graves – such as Turda or Sânpaul – it was noted that the deceased were buried in Roman settlements (very likely with buildings still standing, at that time). Thus, the imperial legacy did not fade and Rome – through the ruins of the former *Dacia Porolissensis* – was still a tool for powerful leaders to show their ambition, even in death.

The Roman luxury items, the symbols of the emperor protection and validation (found in various Late antiquity graves from Carpathian Basin and east Carpathian region) or the inhumations inside the abandoned Roman cities of Transylvania show there was no end to Roman influence and legacy (especially for the Barbarian elite), but a period of history characterized by transformations, reinterpretations and long-distance contacts.

Acknowledgment: This work was supported by a grant of the Romanian Ministry of Education and Research, CNCS – UEFISCDI, project number PN-III-P1-1.1-TE-2019-0783, within PNCDI III.

REFERENCES

Гопкало О.В., 2011. Относительная хронология мужских погребений черняховской культуры. К постановке проблемы // OIUM. Черняхівська культура: матеріали досліджень. № 1. Київ, Луцьк. С. 66–96.

Казанский М.М., 2017. Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // Stratum Plus. № 4. С. 229–336.

Кравченко Н.М., 1987. О методике социологического анализа погребального обряда черняховской культуры // Исследования социально-исторических проблем в археологии / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: Наукова думка. С. 209–227.

Фурасьев А.Г., Шаблавина Е.А., 2019. Концешти – княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 243 с.

Bărbulescu M., 2008. Mormântul princiar de la Turda / Das germanische Fürstengrab von Turda. Cluj-Napoca: Ed. Tribuna. 387 p.

Bierbrauer V., 1986. Ostgermanische Oberschichtgräber der Römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters // Archaeologia Baltica. Vol. 8. P. 39–106.

Grumeza L., Cupcea G., 2020. Migration Period Graves Recently Discovered in Sânpaul (Jud. Cluj/RO) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 50/3, S. 413–427.

Harhoiu R., 2021. Die Hunnenzeit im unteren Donaubecken // Attila's Europe? Structural Transformations and Strategies of Success in the European Hun Period / Eds. Zs. Rácz, G. Szenthe. Budapest: Dürer Nyomda Ltd. P. 21–76.

Horedt K., 1986. Siebenbürgen im Frühmittelalter. Bonn: Dr. Rudolf Habelt Veralg. 225 S.

Hügel P., 2003. Ultimele decenii ale stăpânirii romane în Dacia (Traianus Decius – Aurelian). Cluj-Napoca: Ed. Nereamia Napocae. 266 p.

Mamalaucă M., 2018. Descoperiri din perioada Antichității târzii în podișul Central Moldovenesc. Necropolele de la Bogdănești-Fălciu, Pogonești și Polocin. Iași: Demiurg. 669 p.

Shchukin M.B., 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe. 1st Century B.C. – 1st Century A.D. Oxford: BAR, 491 p. (BAR Intern. Series 542).

Şovan O.L., 2005. Necropola de tip Sântana de Mureş–Černjacov de la Mihălăşeni (jud. Botoşani). Târgoviște: Cetatea de Scaun. 354 p.

Opreanu C.H., 2005. Childeric și Omahar. Doi regi barbari federați ai Imperiului Roman Târziu // Relații interetnice în Transilvania (secolele IV–XIII) / Eds. Z.K. Pinter, I.M. Țiplic, M.E. Țiplic. București: Ed. Economică. P. 7–15.

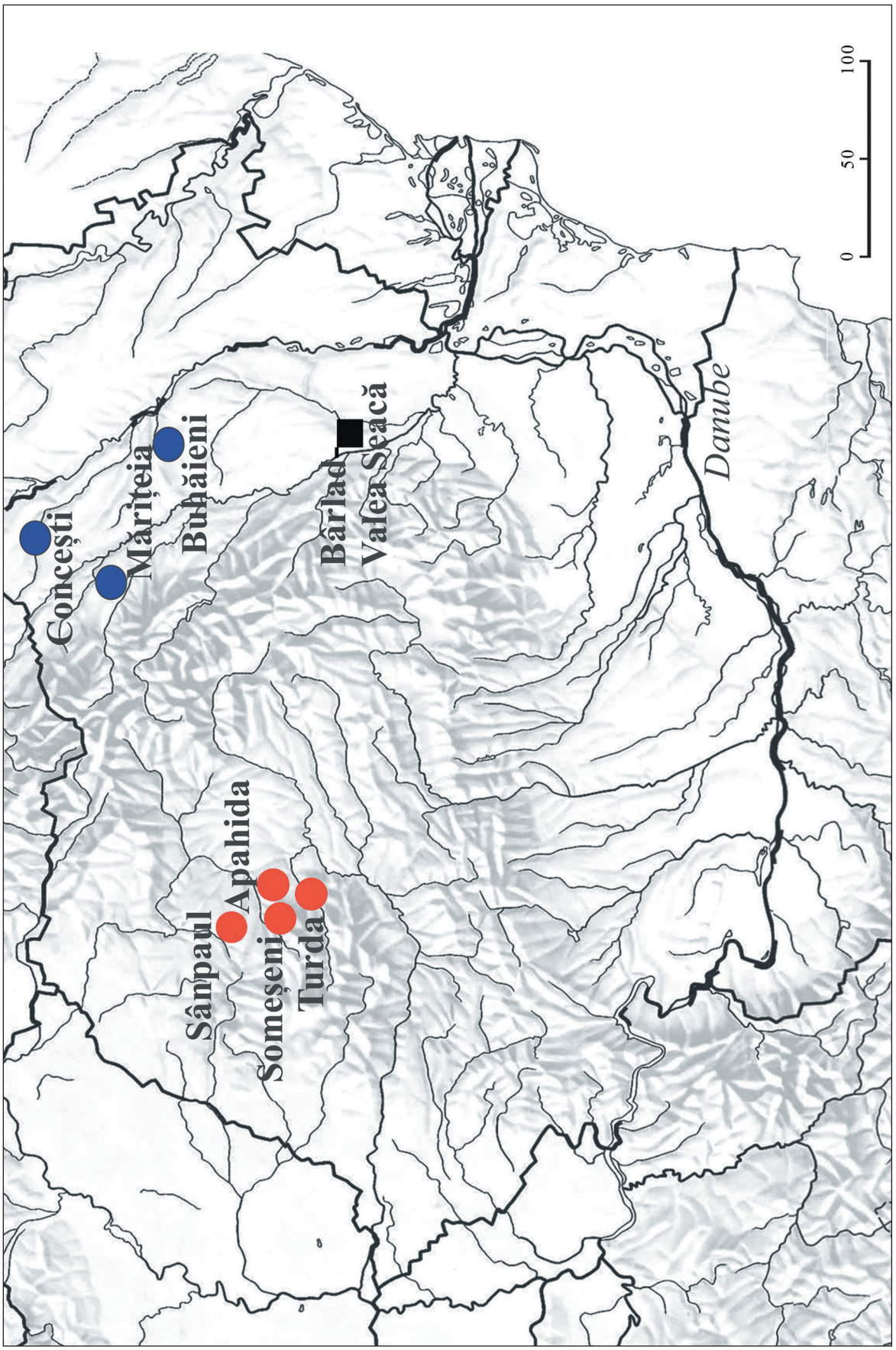

Fig. 1. Representative graves and cemeteries of Late Antiquity: ● Elite graves from the 5th century AD (Transylvania and East Carpathians); ■ The Bârlad – Valea Seacă cemetery

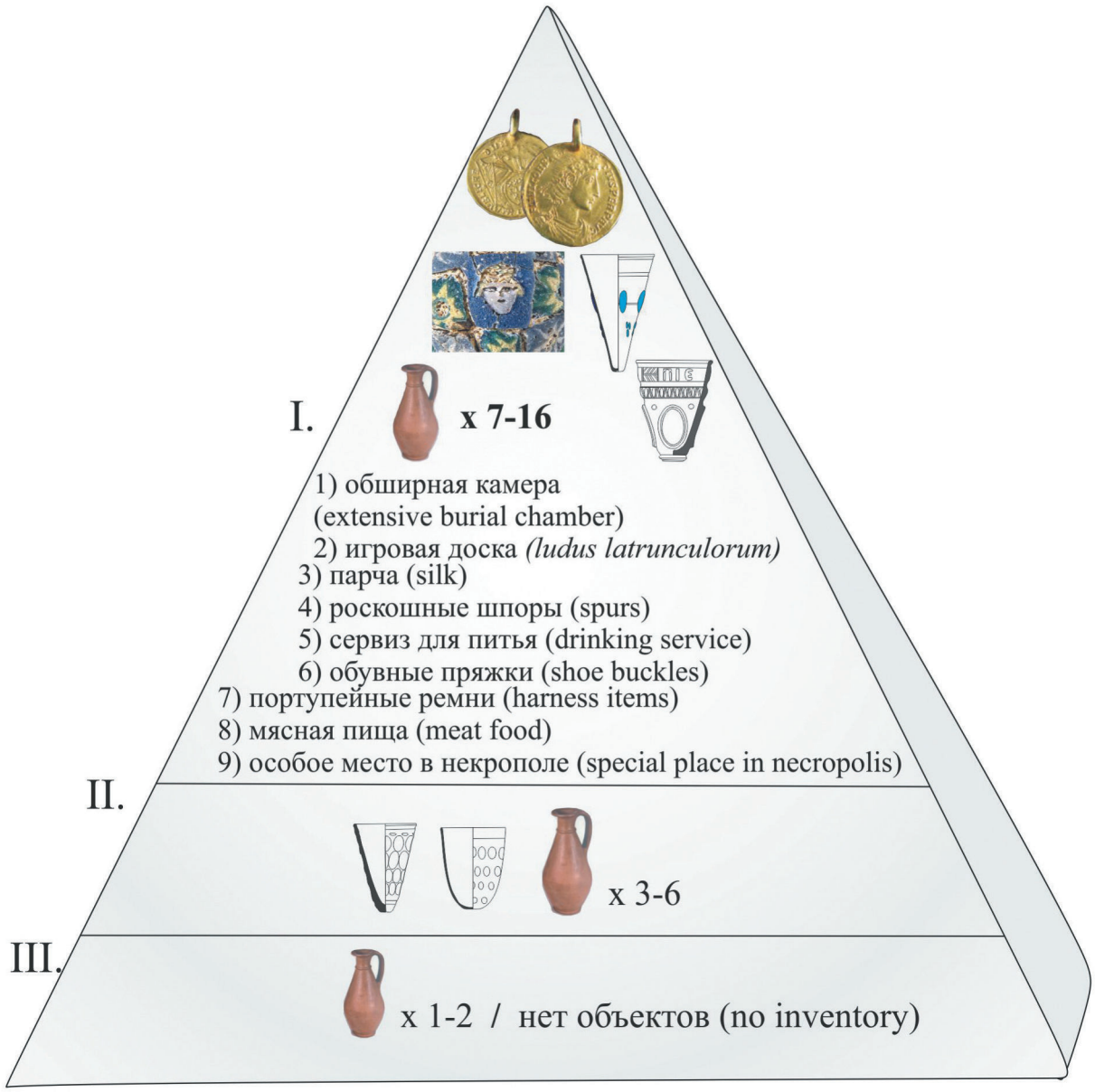

Fig. 2. Clasification of the rituals and funerary inventory in Sântana de Mureș-Chernyakhov culture, in Romania (adapted after: *Bierbrauer*, 1986; *Кравченко*, 1987; *Гопкало*, 2011; additions: L. Grumeza)

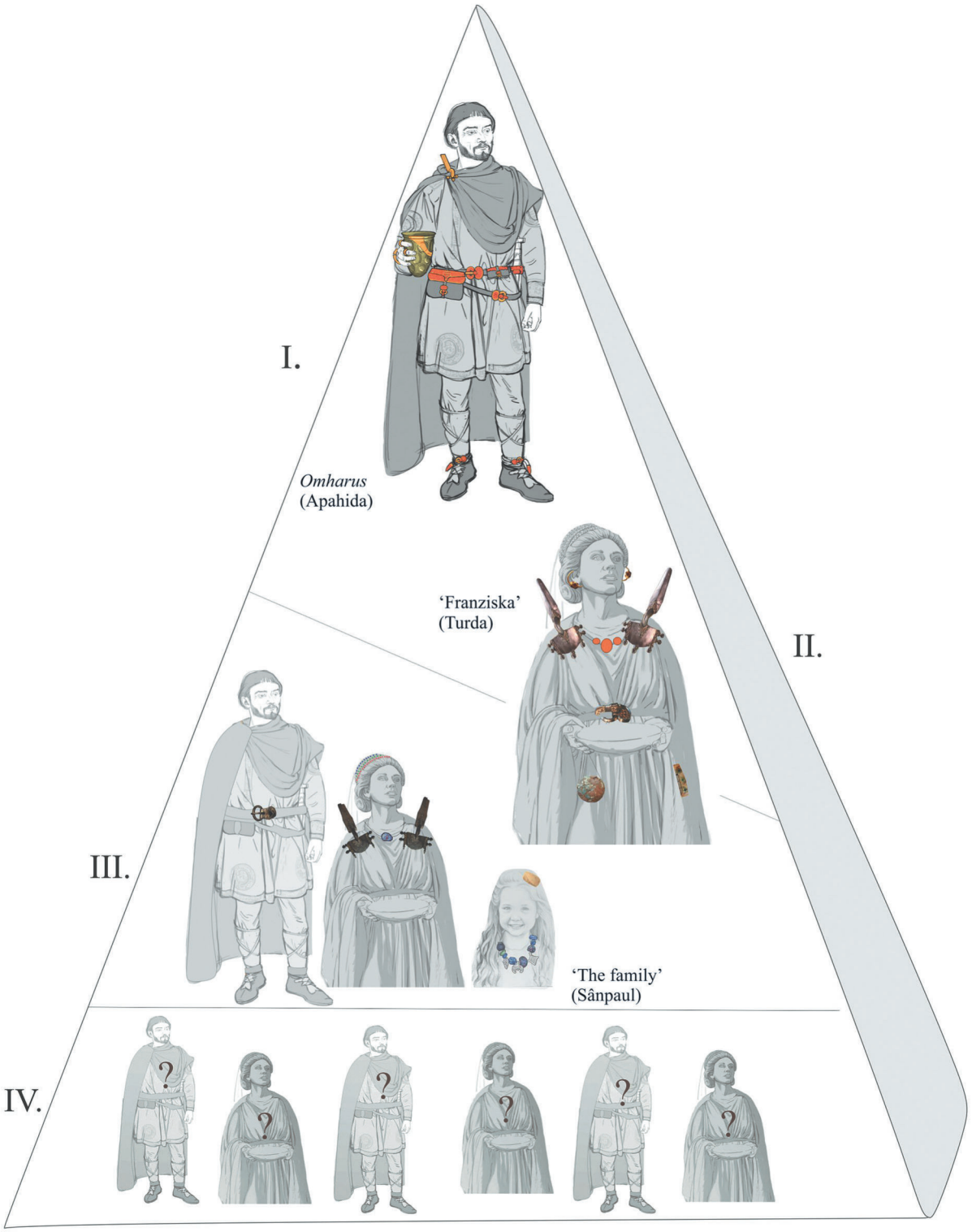

Fig. 3. The princely and aristocratic elite of Transylvania during the mid/second part of the 5th century (drawings: R. Oltean & L. Grumeza)

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.206-215

SARMATIAN BURIALS AND CEMETERIES EXCAVATED IN RECENT YEARS IN SOUTH-WESTERN ROMANIA

Bârcă, Vitalie
Institute of Archaeology and Art History of the Romanian Academy, Cluj-Napoca, Romania
Grumeza, Lavinia
Institute of Archaeology of the Romanian Academy, Iași, Romania

Abstract: In the last years, rescue excavations were conducted (prior the construction of Arad-Timişoara Motorway) in several archaeological sites ascribed to the Sarmatian culture. The results of this large-scale excavations provide new data concerning the chronology of the Sarmatian culture and the interaction of the Sarmatae with the Roman Empire.

Keywords: Sarmatians, cemeteries, south-western Romania, rescue excavations, second to fourth centuries AD

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ, ИССЛЕДОВАННЫЕ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУМЫНИИ

Быркэ Виталий
Институт археологии и истории искусств Румынской академии, Клуж-Напока, Румыния
Грумеза Лавиния
Институт археологии Румынской академии, Яссы, Румыния

Аннотация: В статье рассматриваются спасательные раскопки нескольких археологических памятников сарматской культуры, которые велись в последние годы (перед началом строительства шоссе Арад – Тимишоара). В результате этих широкомасштабных раскопок появились новые данные, касающиеся хронологии сарматской культуры и взаимодействий сарматов и Римской империи.

Ключевые слова: сарматы, могильники, юго-западная Румыния, спасательные раскопки, II–IV вв. н. э.

In more recent years, rescue archaeological excavations were conducted in several archaeological sites and features ascribed to the Sarmatae culture (Fig. 1).

In 2010, prior the construction of the Arad-Timişoara Motorway, the Arad-Seceani sector, within the boundary of the **Hunedoara Timișană** village (Șagu commune, Arad county, Romania) were discovered and investigated **17** inhumations, to which add the goods yielded by a grave destroyed subsequent to the building of an early medieval house (*Bârcă,* 2014. P. 12–14). These burials represent a small part of the cemetery related to the settlement lying to its westward side (*Bârcă,* 2014. P. 14). Based on bone remains and their location, it was concluded that 14 of the deceased lay buried with head towards N, NNW and NNE (*Bârcă,* 2014. P. 80). 15 of the graves, plus that destroyed, clustered within an 80 m long and between 28 and 45 m wide area, set in the form of two groups with approximately a 30 m distance in-between. The other two graves (Gr 15 and Gr 16)[1] were found at a distance of

[1] Abbreviations: T = Tumulus; Gr = Grave.

145–165 m south the burials in the two larger groups (*Bârcă,* 2014. P. 71). The first group of graves lay in the northern area of the cemetery (Gr 4, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 and the grave destroyed by the medieval house). The central point seems to be Gr 10, the entire group being located in an area with a 25–30 m diameter. The second group lay at ca. 30 m south the first and consisted of graves 1, 2, 3, 5, 6, 17, arranged on two lines.

The two burial groups from Hunedoara Timișană were not delimited in-between by grooves or other structures. The existence of these distinct groups within the cemetery could imply we are dealing with a division of the funerary space according to ethnic (affiliation to a specific distinct group) or social criteria. Furthermore, it is not excluded that between the two existing groups there was a small chronological gap. The grave goods, consisting of pottery, household and domestic objects, jewellery and dress items are indicative of a date between late 2nd century and 3rd quarter of the 3rd century. Among the jewellery and dress artefacts, most numerous are beads (Gr 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 14, 15, 16, 17), followed by brooches (Gr 1, 3 (2 ex.), 4, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 17, to which adds the specimen from the destroyed grave), pendants (Gr 3, 9, 13, 15, 17), earrings (Gr 3, 4, 14, 17) and collars (Gr 7, 17). In only one case was discovered a metal bracelet (Gr 14). The find spot of the beads within some of the graves indicate they formed necklaces, bracelets, however mainly that these were attire components (sewed to clothing in the neck area, the lower part of the apparel or composed braids, together with pendants). Brooches are represented by enamelled disc exemplars (type Riha 3.15.1) (Fig. 4: *2*), box/capsule type disc brooches (Dosenfibel/Kapselfibel) (Fig. 5: *1*), brooches with returned foot with external chord (Fig. 5: *8*), brooches of type Almgren group VII, series I, the versions with and without headknob and external chord (Fig. 5: *9*) and crossbow brooches without headknob.

During the rescue archaeological excavations conducted prior the construction of the mentioned motorway, in the same year were identified and investigated other three Sarmatian graves (**Arad, site B0_6**), found in an area situated on a terrace at ca. 2.2 km east the road linking Arad to Timişoara (Fig. 1) and ca. 3.5 km north-west the Tisa Nouă village (*Bârcă,* 2014. P. 12–14). The deceased in this small cemetery lay in the gravepit with head towards NNE and NNW. The grave goods date to the late 2nd century – first decades of the 3rd century (*Bârcă,* 2014. P. 102, 108, 110, 147–148. Pl. 1–3, 44, 47, 48, 72, *1–2*. Fig. 23, *3*). Such date is confirmed by the presence in Gr 3 of a knee brooch (type Cociș 19a6a1b) (Fig. 5: *7*), with the spring inserted through a half roll (*Cociş,* 2004. P. 94, 95–96; *Bârcă,* 2014. P. 108, 110). From Gr 2 come beads yet also a trapezoid bronze buckle with iron prong (Fig. 4: *6*), while at 1 meter from Gr 1 was discovered a mirror with round flat disc (Fig. 4: *8*) (*Bârcă,* 2016. P. 55–61).

The rescue archaeological excavations conducted on the same Arad-Timişoara motorway sector, yet within the boundary of the **Giarmata** village (Timiş county) yielded another Sarmatae cemetery (Giarmata – Site 10) of which 32 burials were investigated (*Grumeza,* 2014. P. 185–198). The burials lay in four groups, with distances from a few tens of meters to over one hundred meters in-between, the burial "nests" being delimited one from the other by ditches (*Grumeza,* 2014. P. 38. Pl. 21/1; *Bârcă, Grumeza,* 2014. P. 161–162). Such ditches did not enclose certain graves (as in the previously mentioned case), but vertically delimit certain grave groups. It is thus possible that within the Giarmata cemetery we are dealing, similarly to other Sarmatae cemeteries from the Great Hungarian Plain, with a division of the burial space according to social and even ethnic criteria (distinct groups).

In the Giarmata cemetery there seems to be no chronological or ritual differentiation between grave groups I, II and III. Emerging differences are noted in grave goods and the preservation degree of the skeletal remains between the first three grave groups, where skeletons survived poorly or not at all and the fourth group, where skeletons survived almost intact (*Grumeza,* 2014. P. 38; *Bârcă, Grumeza,* 2014. P. 162). Beside the preservation degree of the deceased and the quality of the grave goods, among the graves in the first three groups and those from group IV also emerge chronological differences. Based on archaeological inventories (mainly knee, fretted brooches, with returned foot and the enamelled brooch of type Feugère 27D1 (Fig. 4: *1*), the burials in the first

three groups date sometime by late 2nd century and third quarter of the 3rd century AD, while those in the fourth group to the period comprised between the last quarter of the 3rd century – late 4th century AD (*Grumeza,* 2014. P. 39; *Bârcă,* 2014. P. 72). Similarly to the cemetery of Hunedoara Timișană, all female burials from Giarmata contained a significant number of beads: 2204 beads in glass, amber, coral and carnelian (*Grumeza,* 2014. P. 185–198).

Four Sarmatian burials, whose deceased lay in the rectangularly-shaped gravepits with the head towards the north were yielded by the same rescue archaeological excavations conducted within the range of the **Murani** village (Timiş county). Unfortunately, the graves were looted, so their secure date is impossible to establish.

Other two graves (Gr 1, 2) (Fig. 3: *4*) with large gravepits (4×2.66 m and 3.84×2.5 m) were found in the autumn of 2011 following the rescue archaeological excavations prior the construction of the Nădlac-Arad motorway, within the boundary of the **Nădlac** village (Arad county). In both graves, looted from ancient times, were identified the remains of a structure made of wooden beams. The two graves were each enclosed by a flat circular ditch with slightly bevelled walls towards the base and flat bottom. The maximum external diameter of the ditch was of 12 m respectively 12.3 m. Owing to the lack of human bones in anatomical connection, the position and orientation of the deceased could not be established (*Bârcă, Cociș,* 2013). The two Nădlac graves belonged to elite members of the Sarmatae society in this region. We believe that such conclusion is supported by the large gravepits where the burials lay, their wooden internal structure (box type coffins made of wooden beams/planks/casings) and the flat circular ditch that enclosed the graves. Such hypotheses are also supported in our view by the fact that both graves were looted, which evidences, alike in the case of many such graves from the remainder of the space inhabited by the Sarmatians, that these were richly furnished.

Subsequent to the rescue archaeological excavations on the Nădlac-Arad motorway, the Nădlac-Pecica sector (Site 3 M) (Fig. 3: *1*), in the summer of 2014 were investigated other 28 Sarmatae burials, most looted from ancient times. Amongst, two were surrounded with a ditch (Fig. 3: *2, 3*), whose diameter was of 10 m respectively 12 m (*Grumeza, Ursuțiu,* 2016. P. 195–196). The two graves from within the internal area had not very large gravepits (2.95×1.20 m and 1.87×1.02 m). Based on the graves goods identified in the 28 burials it may be concluded these date *grosso modo* to the 3rd century – early 4th century AD.

The most recent find of Sarmatae funerary remains comes from **Timişoara – "Hladik 1"**, where in 2019–2020 were investigated 139 burials, 13 of these being surrounded by a flat circular ditch. To the latter add other three only partially investigated. The majority of the graves had the deceased placed with the head to the south, south-west or south-east, orientation dominating the Sarmatae milieu of the Great Hungarian Plain over the course of their entire inhabitancy in this area. The grave goods discovered in these burials, the majority looted from ancient times, are rather varied, being represented by domestic objects, various classes of jewellery and dress items (beads, brooches, earrings, bracelets, collars etc.), toiletries (pyxides, mirrors), bronze and silver Roman coinage, weapons and handmade or wheel-thrown pottery. Until the graves and their artefacts are completely processed, one may argue that the burials from Timişoara – "Hladik 1" date *grosso modo* to the 3rd century AD.

The results of the recent large scale archaeological research from today's western Romania (the counties of Timiș and Arad) provide a large array of new data concerning the interaction of the Sarmatae with the Roman and Germanic worlds, more specifically the following:

1. There is much evidence that the Sarmatae settled the territory south of the Lower Mureș only after the Marcomannic Wars, possibly with Roman approval and under their careful supervision (Fig. 2). The analysis of the archaeological information leads to the conclusion that in the period until the cease of the Marcomannic Wars the Romans did not allow the Sarmate to settle the Banat plain area, very close to the *limes*. Such archaeological facts evidence that territories around the south-western borders of Roman Dacia were under Roman control. The find of Sânnicolau-Mare dated sometime by early 2nd century AD, possibly after the events of AD 107–108 or by ear-

ly Hadrian's reign, is isolate (*Bârcă,* 2014. P. 62, 68–69).

2. The Sarmatae remains (cemeteries, settlements) from the area between the Lower Mureș, Tisza and the Danube evidence that the plain part of the Banat was not incorporated in the province of Dacia, but lay outside the south-western border (*extra provinciam).*

3. The elements defining the archaeological horizon of the late 2nd century – 3rd century AD count the following: rectangular gravepits oriented on the N–S axis, deposition of the deceased in graves with head southwards (the northward orientation is also found, rarely those to the east or west). The northern orientation is specific mainly to the Sarmatae from the north-Pontic steppes, however it also emerges with the Sarmatae from the Great Hungarian Plain towards late 2nd century AD, subsequent to the displacement in the Marcomannic Wars' aftermath of a group of Sarmatae from the north-west Pontic area. The flat circular ditched structures, with internal graves, frequently present in the Sarmatae inhabitancy area of the Great Hungarian Plain, were brought together with other elements and new-eastern features (for instance, the barrow graves), most likely by the immigrants arriving from the north-west Pontic steppes starting with late 2nd century AD (*Bârcă,* 2020. P. 348). Jewellery and dress items illustrate a rather high typological variety. Some of these were broadly diffused in the Sarmatae world, a part being imports from other cultural environments, mainly Roman and Germanic.

4. The conclusion of the Marcomannic Wars did not mean for the Roman empire the elimination of the potential military danger posed by the Sarmatians. The analysis of the Sarmatian remains from the Great Hungarian Plain evidence that the Marcomannic Wars rather enhanced the Sarmatae component in this territory and expanded the inhabitancy space into areas which they were not previously allowed to settle. Similarly to other chronological intervals over the course of the 2nd century AD and the following century, the Sarmatae threat was real for the Roman provinces by the Middle and Lower Danube especially for *Pannonia Inferior* and *Moesia Superior*, a fact later mirrored by the name this limes sector received, that of *ripa Sarmatica.* A series of military conflicts between the Sarmatae from the Great Hungarian Plain and the Roman empire occurring during the 3rd century are also reflected in the accounts of certain ancient literary sources (cf. Historia Augusta, *Probus*, 16, 2; *Carus*, *Carinus*, *Numeianus*, 9, 2; *Madgearu,* 2011. P. 27–28, 30 with references).

5. The last period of the Sarmatae culture in the Banat is comprised between late 3rd century and early 5th century AD. Many of the burial phenomena of the former period survive, yet not similarly extensive. Culturally, two Sarmatae groups may be identified in the period. The first bury its dead according to the same rules as previously: in flat burials, oriented south – north, in some of the cases coffins being also present. In this late period are also noted other cemeteries, with distinct burial rituals. They likely belong to a last wave of archaeologically identified Sarmatae. These newcomers from the north-Pontic area settled mainly southern Banat. Their burial specificities include the following: the north-south orientation, flat graves, the presence among the grave goods of weapons, ritual wares and a highly rich female dress, of eastern influences, yet also Roman or Germaic (*Grumeza,* 2014. P. 149–154). Once with the early 5th century, Roman influences and interest decrease constantly in the Carpathian Basin. The emergence of increasingly heterogeneous migratory populations augment the difficulty of associating artefacts with well defined ethnic groups, yet this represents another historical phase in the territories from western Romania and the entire Great Hungarian Plain.

REFERENCES

Bârcă V., 2014. Sarmatian vestiges discovered south of the Lower Mures River. The graves from Hunedoara Timișană and Arad. Cluj-Napoca: Mega Publishing House. 285 p.

Bârcă V., 2016. A disk mirror recently discovered South the Lower Mureș // Journal of Ancient History and Archaeology. Vol. 3, No. 3. P. 55–61.

Bârcă V., 2020. Funerary Ditched Enclosures in the Sarmatian Funerary Ritual. Observations Regarding Their Introduction, Distribution, Use, and Dating // Ziridava Studia Archaeologica. Vol. 34. P. 325–376.

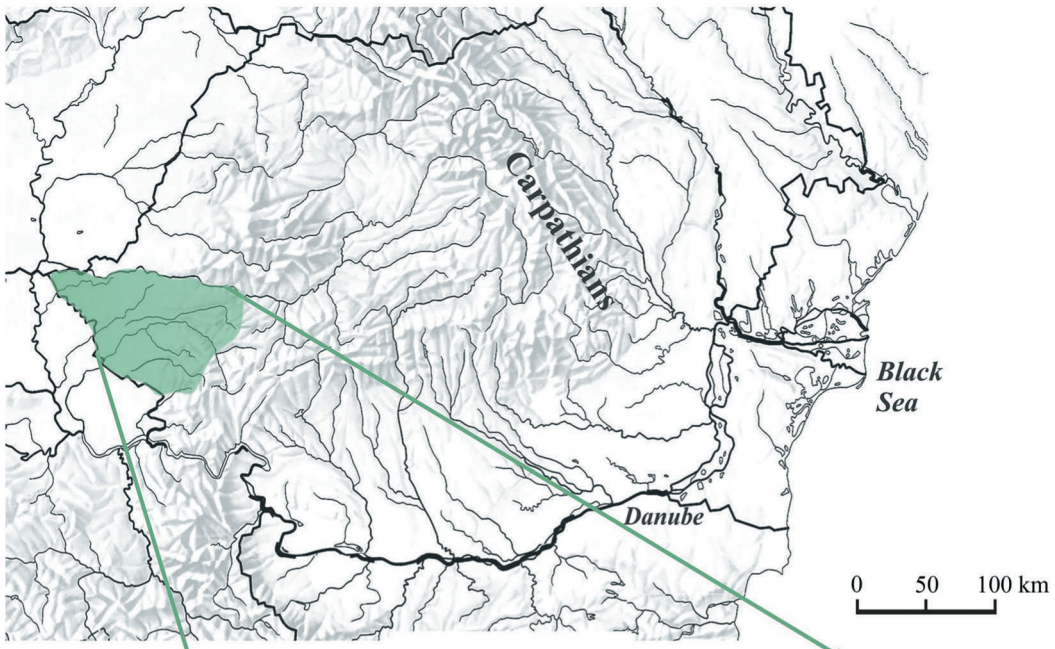
Bârcă V., Cociș S., 2013. Sarmatian Graves Surrounded by Flat Circular Ditch Discovered at Nădlac (Arad County, Romania) // Ephemeris Napocensis. Vol. XXIII. P. 31–50.

Bârcă V., Grmueza L., 2014. Sarmatian burials in coffins and funerary timber features recently discovered in the Western Plain of Romania // Ephemeris Napocensis. Vol. XXIV. P. 157–194.

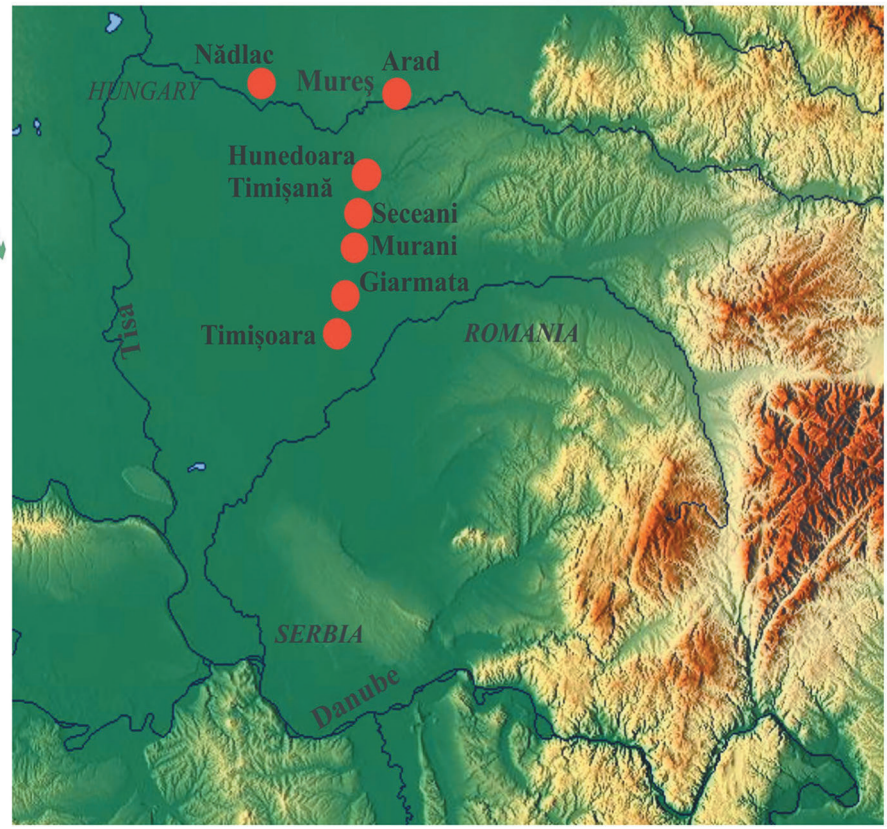
Grumeza L., 2014. Sarmatian Cemeteries from Banat (Late 1st – Early 5th Centuries AD). Cluj-Napoca: Mega Publishing House. 413 p.

Grumeza L., Ursuțiu A., 2016. Amenajări funerare circulare descoperite pe tronsonul autostrăzii Nădlac-Arad, Siturile Nădlac 3 M Nord și 4 M // Arheologia Moldovei. Vol. XXXIX. P. 195–213.

Madgearu A., 2011. Istoria militară a Daciei post-romane 275–614. Târgovişte: Cetatea de Scaun. 320 p.

1a

1b

Fig. 1. Map with recent finds of Sarmatae burials from south-western Romania, prior to major infrastructure works (mainly the Arad-Timișoara motorway)

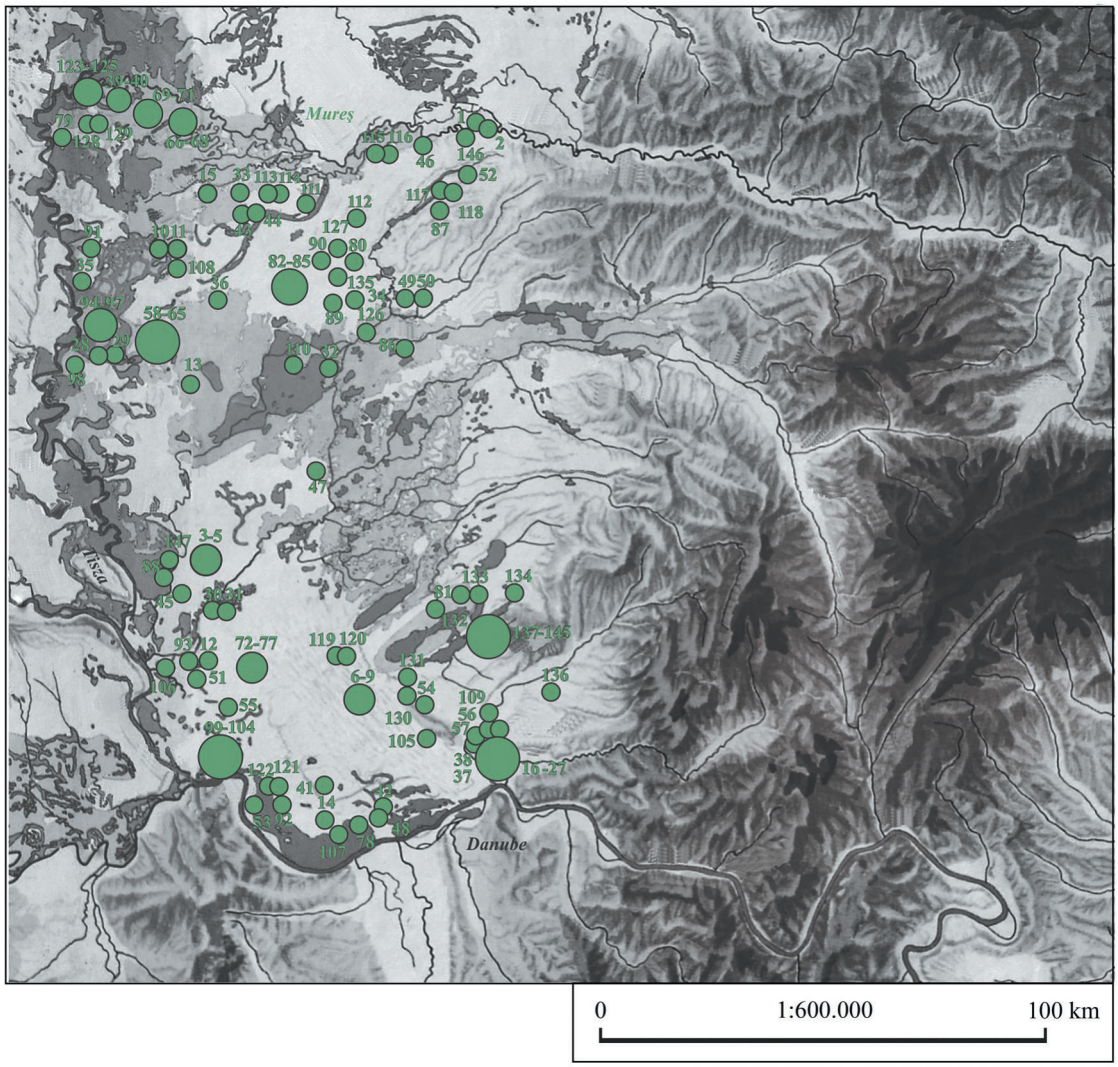

Fig. 2. Map with the location of the Sarmatae burial finds in the area comprised between the Lower Mureș, Tisza and the Danube rivers and the ancient geographical landscape, highly floodable

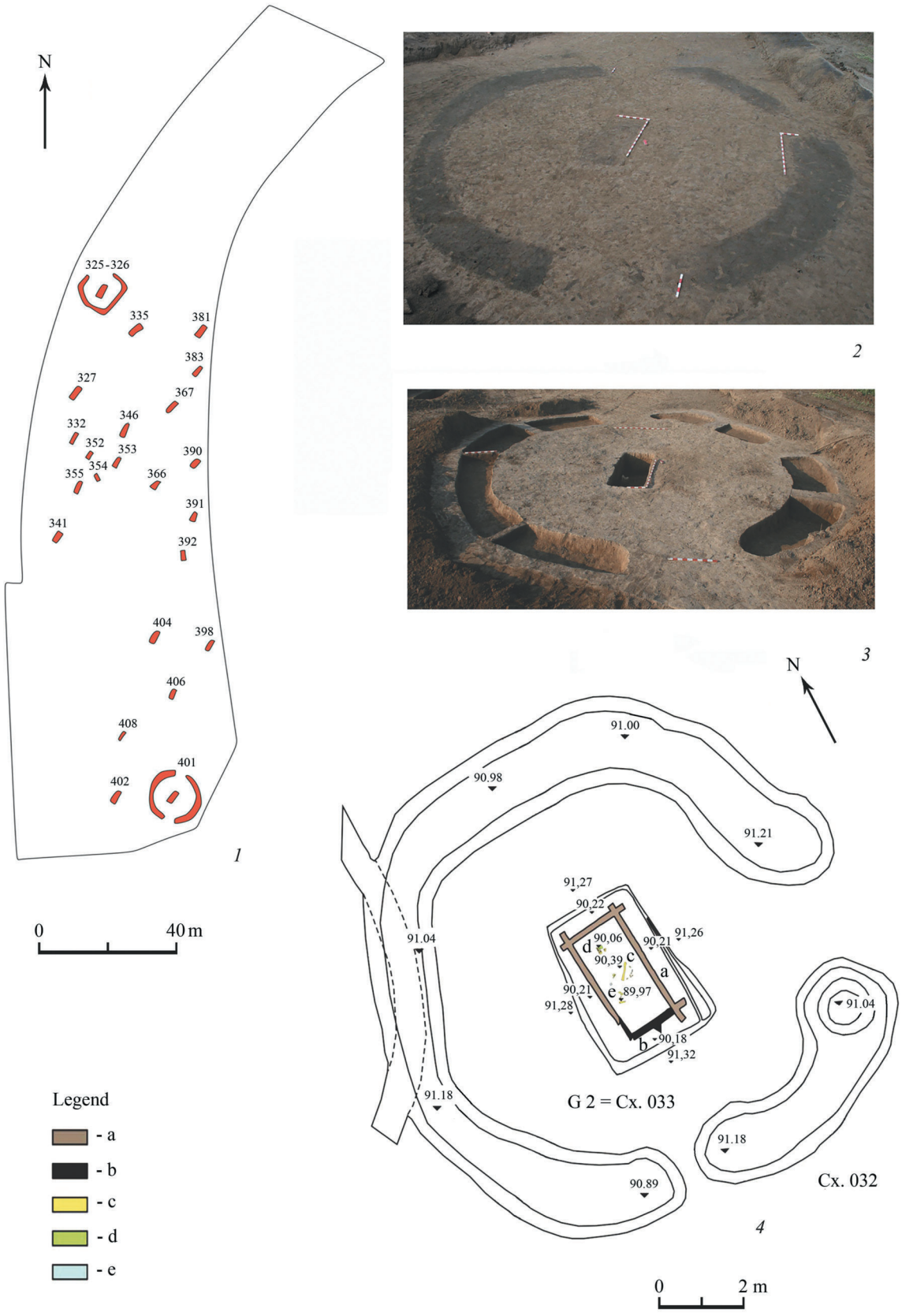

Fig. 3. *1–3* – The Nădlac 3M Nord site and the grave surrounded by ditch Gr 401 (after *Grumeza, Ursuțiu*, 2016); *4* – The funerary set up with circular ditch and grave within (Gr 2) from the 1 M site of Nădlac (after *Bârcă, Cociș*, 2013). a – beam prints; b – beam print of compact consistency; c – human bone remains; d – ceramic pot; e – fragments from an iron piece/s

Fig. 4. Artefacts from Sarmatae graves recently discovered in south-western Romania. Giarmata (site 10) – 1 (Gr 30); Hunedoara Timișană – 2 (Gr 8), 4 (Gr 14), 5 (Gr 9), 7 (Gr 3), 9 (Gr 7), 10 (Gr 17); Arad (site B0_6) – 6 (Gr 2), 8 (Gr 1); Neudorf – 3

Fig. 5. Artefacts from the Sarmatae graves recently discovered in south-western Romania. Hunedoara Timișană – 1–2 (Gr 3), 3 (Gr 15), 4 (Gr 7), 5 (Gr 17), 6 (Gr 13), 8 (Gr 14), 9 (Gr 10); Arad (site B0_6) – 7 (Gr 1)

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.216-226

THE SARMATAE CEMETERY OF TIMIȘOARA – "HLADIK 1" (TIMIS COUNTY, ROMANIA). PRELIMINARY NOTES

Bârcă, Vitalie

Institute of Archaeology and Art History of the Romanian Academy, Cluj-Napoca, Romania

Abstract: The 2019–2020 archaeological campaigns conducted nearby Timișoara (site Hladik 1) yielded a Sarmatae cemetery, out of which 139 burials, some enclosed in a circular ditch, were investigated. The preliminary analysis of the grave goods generally points to the third century AD dating of this grave group.

Keywords: Sarmatae, Iazyges, burials, artefacts, Great Hungarian Plain, Banat

САРМАТСКИЙ МОГИЛЬНИК В ТИМИШОАРЕ – «ХЛАДИК 1» (ЖУДЕЦ ТИМИШ, РУМЫНИЯ). ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Быркэ Виталий

Институт археологии и истории искусств Румынской академии, Клуж-Напока, Румыния

Аннотация: В результате археологических раскопок 2019–2020 гг. в окрестностях Тимишоары (на памятнике Хладик 1) был открыт сарматский могильник, на котором исследованы 139 могил, некоторые из которых окружал круглый ровик. Предварительный анализ погребального инвентаря в целом указывает на то, что данная группа погребений относится к III в. н. э.

Ключевые слова: сарматы, языги, погребения, артефакты, Большая венгерская низменность, Банат

The archaeological site within the range of Timișoara – Hladik 1 locality (Fig. 1), has been known in the academic literature as of 1982, when it was identified subsequent to field surveys. Until the summer of 2019, data regarding the Hladik 1 site was scarce, while the presence of a cemetery within the site's identified limits remained unknown. Large part of the site, where three different date inhabitancies were found, could be investigated prior the construction of the southern by-pass of Timișoara city[1], which crossed the site's area.

In the 2019 campaign **119** Sarmatae inhumations were investigated (Fig. 2: 2), while in 2020, another **20** burials added. The archaeological excavations successfully identified the southern and south-western limits of the cemetery. The fieldwalks carried out in the area outside the excavated boundaries, evidenced that the Sarmatae cemetery extended within the territory located to the north and north-east as well, while the settlement to which the cemetery was associated lay in the northern and north-western part.

All **139** burials belong to the same inhumation cemetery related to the settlement where, during the two archaeological campaigns, were excavated several features (waste pits, trenches, sunken houses etc.). The investigations delimited the cemetery's layout and established the orientation of the graves, the gravepit types, as well as the orientation and position of the deceased.

[1] The excavations were performed by archaeologists Cristinel Fântâneanu, Anca Matiș, Cristian Florescu and Liviu Bălan with the National Museum of the Union in Alba Iulia, whom we thank this way too for making available to us for examination the investigated Sarmatae remains.

Within the cemetery, **13** burial structures with flat circular ditch and related graves were identified and fully excavated, some of these exhibiting damaged portions (Fig. 2: *2*; 3). To these add other three, partially excavated subsequent to the extension of the examined area to the north-east. Within the space of the majority of such structures lay a single burial feature, while in the case of the ovoid ditch Cx 124 there were four burials. All ditched burial structures were provided, similarly to the cases in the rest of the Sarmatae world (see *Bârcă,* 2020. P. 334–345) with access to the internal area. Their diameters range between 7 and 11.8 m, while ditch widths vary between 0.7 and 1.2 m. The 16 structures surrounded by a circular trench in this cemetery added to the other few discovered during the last decade in south-western Romania (*Bârcă,* 2020. P. 342–343).

At Timișoara – "Hladik 1" it may be noted, alike the rest of the Sarmatae cemeteries from the Great Hungarian Plain, that only some of the graves were enclosed in a ditch and that a single burial feature lay within them (Fig. 2: *2*; 3). Trench-enclosed burials are in a dominating rectangular shape, some being larger compared to graves lacking such enclosure type.

Most of the burials had the deceased placed with the head to the south, south-west or south-east, orientation dominating in the Sarmatae environment of the Great Hungarian Plain during their entire inhabitancy of the area, although the northward orientation is also found, those to the east or west being rare (*Kulcsár,* 1998. P. 16–22). The southern orientation is the most common tradition of the Iazyges Sarmatae, prevailing in most part of said geographical area (*Kulcsár,* 1998. P. 16–18, 93, 109). The southern orientation dominance with the Sarmatae of the Great Hungarian Plain is also confirmed by the archaeological excavations performed in the last decades on Hungarian territory. The southern orientation is predominant as well in Sarmatian burials from the territory comprised between the Mureș, Tisza and the Danube/Banat (*Grumeza,* 2014. P. 48–50).

Although in the Sarmatae milieu of the Great Hungarian Plain dominate cemeteries where only the southern orientation of the deceased is present, there are several cases where in certain cemeteries graves with a northern, eastern or western orientation are also found (*Kulcsár,* 1998. P. 16–22). Similar cases are found in the Romanian Banat too (*Grumeza,* 2014. P. 49–52; *Bârcă,* 2014. P. 80). In the Sarmatae environment of the Great Hungarian Plain cemeteries where all graves are oriented north-south are rare, these being present in the southern part of the Romanian Banat (*Grumeza,* 2014. P. 50–51). In the area south of the Lower Mureș, the northern orientation emerges sometime by late 2nd – early 3rd century AD, being though frequent in late burials. Worth mentioning is the fact that the northward setting of the deceased is found in the case of the barrow graves from this territory as well (*Grumeza,* 2014. P. 51).

The deceased in the investigated graves mainly lay on their back, with hands and feet alongside the body (Fig. 4). This type of burial deposition was dominant in the entire Sarmatae world, the burials in the Banat included.

The grave goods in the Timișoara – "Hladik 1" burials, even though most were looted from Antiquity, are rather varied and rich, being represented by handmade or wheel-thrown wares, domestic and household objects, toiletries, silver coins, jewellery and dress items, weapons etc.

The pots were discovered in approximately half of the 139 burials, these including wheel-thrown (Fig. 5: *5–14*), and handmade wares (Fig. 5: *1–4*). Wheel-thrown pottery consists of beakers, cups, jars, bowls, dishes, vessels duplicating kantharos shapes, jugs etc. They are made of fine and semifine fabric, whose colour is dominantly grey of various hues, however there is a series of vessels made of yellowish-red or orange fabric (beakers, two-handles pots, the amphoroid jug with the surface covered in a red slip in the form of stripes (marbled decoration). The majority of pots were discovered in the northern side of the gravepits, in the feet area, similarly to most of the Sarmatae graves from the Great Hungarian Plain (*Kulcsár,* 1998. P. 66–69, 99, 115). Cases when two or several pots were deposited are rare, while the presence in some graves of pots set in the upper body part, near the hand or in the head area, is deemed an anomaly (*Kulcsár,* 1998. P. 66–69, 99, 115). For the area between the Lower Mureș, the Tisza and the Danube, it was noted that only one pot was mainly placed by the feet of the

deceased, yet also that there are grave groups in which pots are set in the upper body part of the deceased, mainly in the head area (*Grumeza,* 2014. P. 128). Regarding the handmade pottery, vessels are made of coarse fabric, the majority being fired in reducing atmosphere. Prevailing hues are grayish-brown, dark-gray, light-gray, almost black, and rarely yellow, and even then with a strong gray tinge. Part of the pots in this class display traces of secondary firing, mainly due to long use on open fire. Functionally, food making and storing wares dominate. Last but not least, we wish to mention that their deposition is independent of gender, age or social standing of the deceased.

The domestic and household artefacts are represented by spindle whorls and iron knives. The first were identified in 17 burials, while knives in two cases. Spindle whorls, discovered mainly midway the grave, are biconical and conical in shape, being modelled of clay and fired in either oxidising or reducing atmosphere.

Among toiletries, the fragmentary disc mirror from Gr[2] 61 stands out. The specimen is very similar to mirrors framed in group X, variation a, type "Corstopitum" (*Lloyd-Morgan,* 1981. P. 95–98, Fig. 8, *8a*), characterised by a slightly convex side of the disc and decoration composed only of a lather carved circle set at equal distances from the mirror edge, like in the case of the mirror at Timișoara – "Hladik 1". Most mirrors in group X date by late 2nd – 3rd century AD (see *Niezabitowska-Wiśniewska,* 2012. P. 215–220).

Coins were discovered in 20 graves. These are Roman dinars issued during the reigns of emperors Vespasian (3 exemplars); Trajan (1 exemplar); Hadrian (2 exemplars); Antoninus Pius (Faustina I – 3 exemplars; Marcus Aurelius Caesar – 1 exemplar); Marcus Aurelius (1 exemplar; Lucius Verus – 1 exemplar; Faustina II – 2 exemplars; Lucilla Augusta – 1 exemplar); Septimius Severus (2 exemplars; Publius Septimius Geta – 1 exemplar); Severus Alexander (1 exemplar). To these also adds a burnt unidentifiable coin from Gr 40.

In the Sarmatae environment of the Great Hungarian Plain, coins emerge in burial features under Roman influence once with the end of the 2nd century – early 3rd century AD (*Vaday,* 2002. P. 221). Except for a few cases, they are lacking from Sarmatae burials of the eastern territories.

Jewellery and dress items are by far the most numerous class of artefacts, being represented by collars, bracelets, earrings, links, buckles and belt fittings, pendants, bells, brooches and beads. Collars were discovered in 6 of the graves, bracelets in 12, earrings in 10, buckles and belt fittings in 8, while links in 7 of the graves. In 29 cases were identified brooches, in 5 being found 2 specimens each. It is worth mentioning that in two graves were present *Cypraea* pendants (Fig. 6: *1*). The latter emerge in the Sarmatian environment of the Great Hungarian Plain once with the last third of the 2nd century AD, being present until the second half of the 3rd century AD III, when they are discontinued and re-emerge in the last third of the 4th century AD (*Kovács, Vaday,* 1999. P. 259), likely carried by new Iranian groups. The most numerous and diversified class of artefacts recorded in the graves from this cemetery are the beads (67 graves). The raw material of which these were made includes as follows: glass, limestone, chalcedony, coral, amber or shell. These are represented in graves from a few tens to hundreds of exemplars. The large number of the beads is specific to the Sarmatian environment of the Great Hungarian Plain and is explained firstly by their multiple functionalities. In some cases, their number within the graves amount to hundreds. The situation is similar to the Sarmatae burial features in the area south of the Lower Mureș (*Grumeza,* 2014. P. 93–104; *Bârcă,* 2014. P. 120–133; *Grumeza, Bârcă,* 2020). Beads composed bracelets, necklaces and earrings, however they were most often sewn onto apparel (especially in the collar, sleeves and hem areas, the waist area or on trousers), yet also on belts, braids, bags or footwear, the beading of clothing and accessories being a feature of the female dress.

The preliminary analysis of the beads indicated that most exemplars in dull monochrome translucent glass originate most likely from

[2] Abbreviation: Gr = Grave.

the workshops at Tibiscum. Similar origin may be inferred for chalcedony examples or large part of the polychrome beads.

Chronologically, most beads yielded by the graves at Timișoara – "Hladik 1" date, in the Sarmatae cemeteries from the area between the Lower Mureș, Tisza and the Danube, from late 2nd century to 4th century AD. According to the internal chronology of well investigated Sarmatae cemeteries, it may be noted that certain types (and type combinations) are specific to the time span corresponding to the late 2nd century – last third of the 3rd century AD (certain monochrome bead types mixed with globular or sandwich beads, carnelian beads (and less likely those in amber) and polychrome beads decorated in the *Millefiori* technique).

Earliest brooches within the researched graves are knee brooches (graves 39 and 73). These are hinged, while the spring is inserted through a half-coil, in use between the seventh decade of the 2nd century and the first decades of the 3rd century AD (*Cociș,* 2004. P. 94–96, tip 19a6). Another type includes those with fork shaped body, either springed and hinged, and arms provided each with a terminal knob, while the foot is vertical, faceted and sharp. Their dating is comprised between late 2nd century – first half of the 3rd century AD (*Cociș,* 2004. P. 136–137, tip 34). Through most numerous are brooched with returned foot (graves 23, 104, 122, 123 etc.), all made in bronze. Their majority is not massive, being springed, yet there are a few exemplars which are hinged, or are single piece (Gr 123) (Fig. 6: *5*). Those springed are mostly two piece and have the chord inserted underneath. Brooches with similar morphology, yet which are in fact Germanic in origin, are specific mainly to phases C1a-C2 (AD 180–310) (see in this respect *Bârcă,* 2014a; *Cociș,* 2014; *Andrzejowski,* 2017; *Andrzejowski,* 2018). Among springed specimens stands out the example from Gr 3, with a headknob, element which emerges on brooches with returned foot by mid-3rd century AD (*Cociș,* 2004. P. 147). Among hinged brooches stands out the brooch in Gr 45, with trapezoid body, rectangular in cross section, decorated with two rows of double lines (type Cociș 37b1). Crossbow brooches (Fig. 6: *7*) are represented too in a few graves (graves 20, 63, 55, 75, 98, 139). These belong to type Cociș 36a1 and date to the 3rd century AD (*Cociș,* 2004. P. 139). Through a few specimens (graves 79, 83 etc.) are also present the T-shaped brooches (type Cociș 39a3 and Cociș 39b1) (Fig. 6: *6*), dated to the 3rd century AD (*Cociș,* 2004. P. 150, 151). Last but not least, we mention the disc box/capsule type brooch (Gr 129) made of two circular bronze plated attached by a rivet of the same metal. The external side of the front plate is plated with a golden leaf in the granulation and filigree technique. Its making type, decoration technique and fastening mechanism point to a dating to the 3rd century AD and the fact it is a Roman artefact (see for such brooches *Bârcă,* 2016).

Until the graves and yielded artefacts are fully processed, it may be argued that the investigated grave group dates *grosso modo* to the 3rd century AD.

The research results in this cemetery provide a multitude of data regarding the interaction of the Sarmatae with the Roman and Germanic worlds and represent, beside other recent finds (Foeni, Giarmata, Hunedora Timișană, Moșnița Veche, Murani, Nădlac, Seceani etc.), further evidence of the Sarmatae settlement in the territory south of the Lower Mureș only in the Marcomannic Wars's aftermath. In this context, the analysis of the archaeological information leads to the conclusion that in the period until the end of the Marcomannic Wars the Romans did not allow the Sarmatae to settle the plain area of the Banat.

The remains at Timişoara – „Hladik 1", evidence together with the remaining Sarmatae finds (cemeteries, settlements) in the area between the Lower Mureș, Tisza and the Danube that the plain part of this territory was not incorporated in the province of Dacia, lying outside the latter's south-western border, at not great distance from the last forts westwards along the Lederata-Berzobis-Tibiscum road. Concurrently, it is obvious that this territory, although under Roman control, lay *extra provinciam*.

REFERENCES

Andrzejowski J., 2017. Dwuczęściowe zapinki z podwinięta nóżka I górna cieciwa. Wariant Spychówko-Drozdowo // Římské a Germánské spony ve střední Evropě (Archeologie barbarů 2012) / Eds. E. Droberjar, B. Komoróczy. Brno: Archeologický ústav AV ČR. P. 347–361.

Andrzejowski J., 2018. Jartypory-type brooches – traces of a 'living culture' or just a research construct? // Kulturkonzepte und konzipierte Kulturen. Aussagemöglichkeiten und Grenzen einer systematischen Erfassung archäologischer Funde des eisenzeitlichen Mittel-und Nordeuropas. Akten des Internationalen Colloquiums anlässlich des 100. Jahrestages des Erscheinens des Fundkataloges von Erich Blume im Jahr 1915, Puszczykowo 2015, 6.-9. Mai / Eds. A. Michałowski, J. Schuster. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. P. 99–128. (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 23).

Bârcă V., 2014. Sarmatian vestiges discovered south of the Lower Mures River. The graves from Hunedoara Timișană and Arad. Cluj-Napoca: Mega Publishing House. 285 p.

Bârcă V., 2014a. Returned foot exterior chord brooches made of a single metal piece (Type Almgren 158) recently discovered in the Western Plain of Romania. Notes on origin and chronology // Journal of Ancient History and Archaeology. Vol. 1, No. 2. P. 21–39. DOI: 10.14795/j.v1i2.50.

Bârcă V., 2016. Disc brooches of box/capsule type (Dosenfibel/Kapselfibel) in the Sarmatian environment of the Great Hungarian Plain. A few notes on their dating and origin // Orbis Romanus and Barbaricum. The Barbarians around the Province of Dacia and Their Relations with the Roman Empire / Eds. V. Bârcă. Cluj-Napoca: Mega Publishing House. P. 251–282.

Bârcă V., 2020. Funerary Ditched Enclosures in the Sarmatian Funerary Ritual. Observations Regarding Their Introduction, Distribution, Use, and Dating // Ziridava Studia Archaeologica. Vol. 34. P. 325–376.

Cociş S., 2004. Fibulele din Dacia romană / The Brooches from Roman Dacia. Cluj-Napoca: Mega Publishing House. 454 p.

Cociş S., 2014. Die Fibeln mit umgeschlagenem Fuss und mit äusserer Sehne vom Typ Almgren 158 und 166 (Neue Beiträge zur Chronologie der spätrömischen Kaiserzeit in Westrumänien) // Archäologische Beiträge – Gedenkschrift zun hundertsten Geburtstag von Kurt Horedt / Eds. S. Cociș. Cluj-Napoca: Mega Publishing House. P. 127–137.

Grumeza L., 2014. Sarmatian Cemeteries from Banat (Late 1st – Early 5th Centuries AD). Cluj-Napoca: Mega Publishing House. 413 p.

Grumeza L., Bârcă V., 2020. Glass beads discovered in the Sarmatian cemeteries from south-western Romania // Archaeology and Early History of Ukraine / Археологія і давня історія України. Vol. 3 (36). P. 402–415.

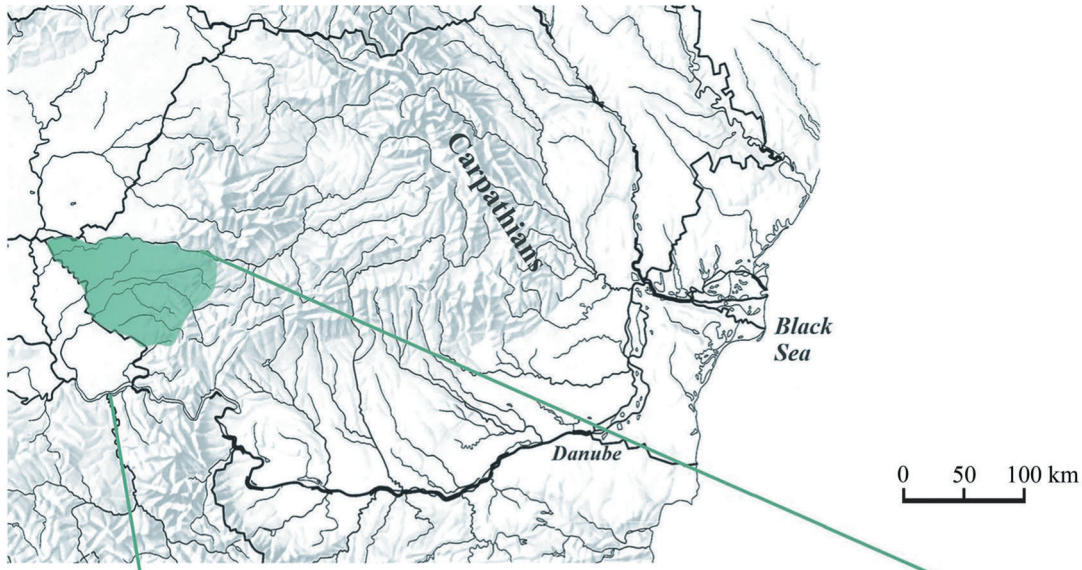
Kovács L., Vaday A., 1999. On the problem of the marine gastropod shell pendants in the Sarmatian Barbaricum in the Carpathian Basin // Pannonia and Beyond – Studies in Honour of László Barkóczi / Eds. A. Vaday. Budapest. P. 247–277. (Antaeus. Vol. 24. 1997–1998).

Kulcsár V., 1998. A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai. Aszód: Osváth Gedeon Múzeumi Alapítvány. 153 p.

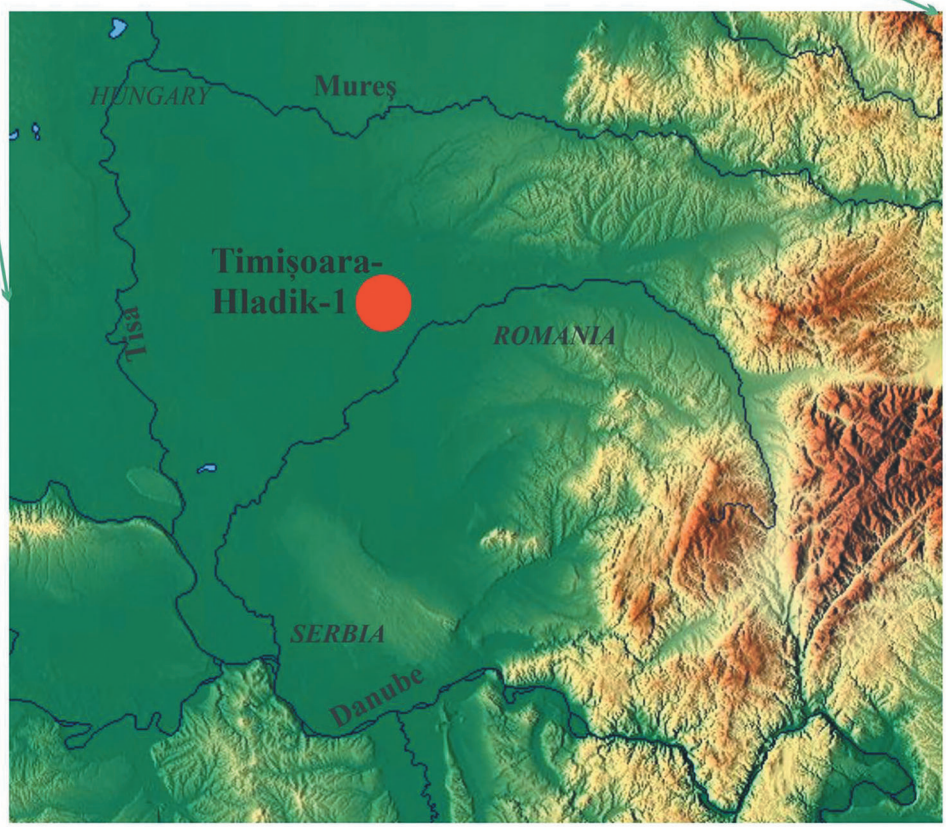
Lloyd-Morgan G., 1981. The Mirrors, including a description of the Roman mirrors found in the Netherlands, in other Dutch museums. Description of the Collections in the Rijksmuseum G. M. Kam at Nijmegen. Vol. IX. Nijmegen: Ministry of Culture, Recreation and Social Welfare.

Niezabitowska-Wiśniewska B., 2012. Distribution of Roman Mirrors in Scandinavia and in the Crimea – the Differences and Similarities // The Younger Generation „Akten des ersten Lublin-Berliner Doktorandenkolloqiums am 09.-10.06.2010 in Lublin" / Eds. P. Łuczkiewicz. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. P. 181–342.

Vaday A., 2002. The world of beliefs of the Sarmatians // Specimina. Nova. Vol. XVI. P. 215–226.

1a

1b

Fig. 1. Map with the location of the Timişoara – "Hladik 1" site

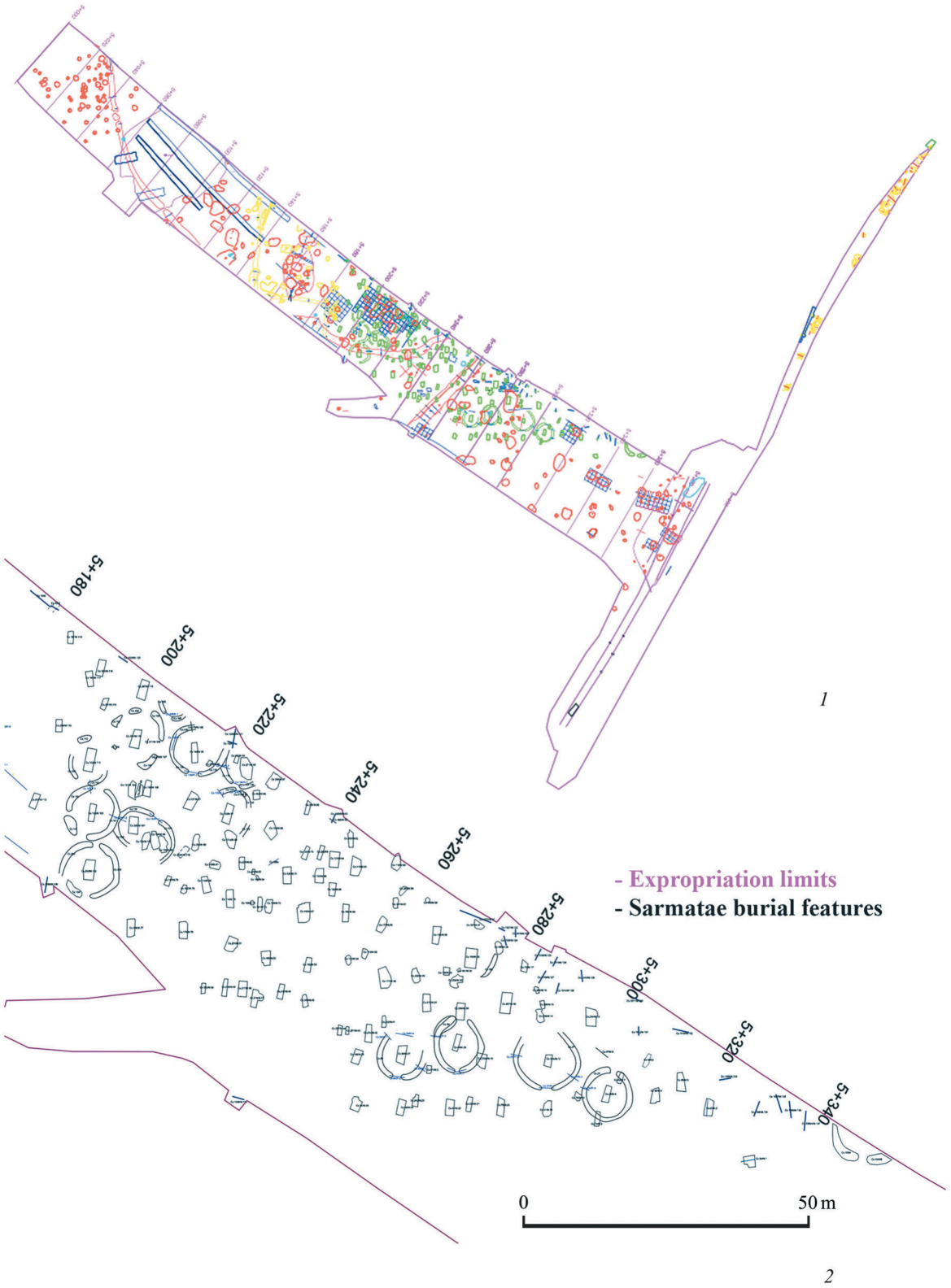

Fig. 2. Spread general plan (*1*) and location of the Sarmatae burial features within the excavated area of the site at Timişoara – "Hladik 1" (*2*)

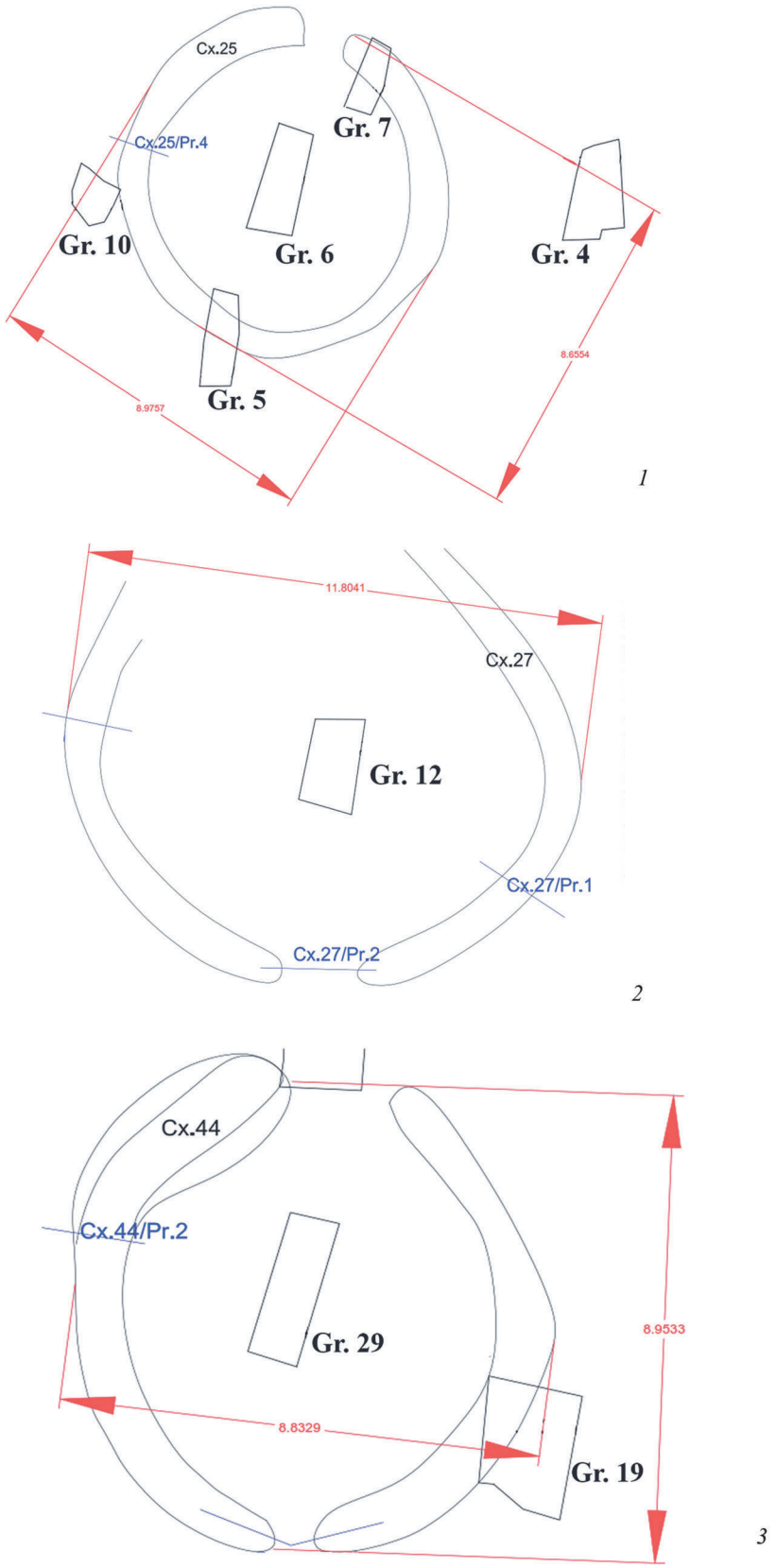

Fig. 3. Burial structures with circular ditch and burials in the internal space in the Timişoara – "Hladik 1" cemetery

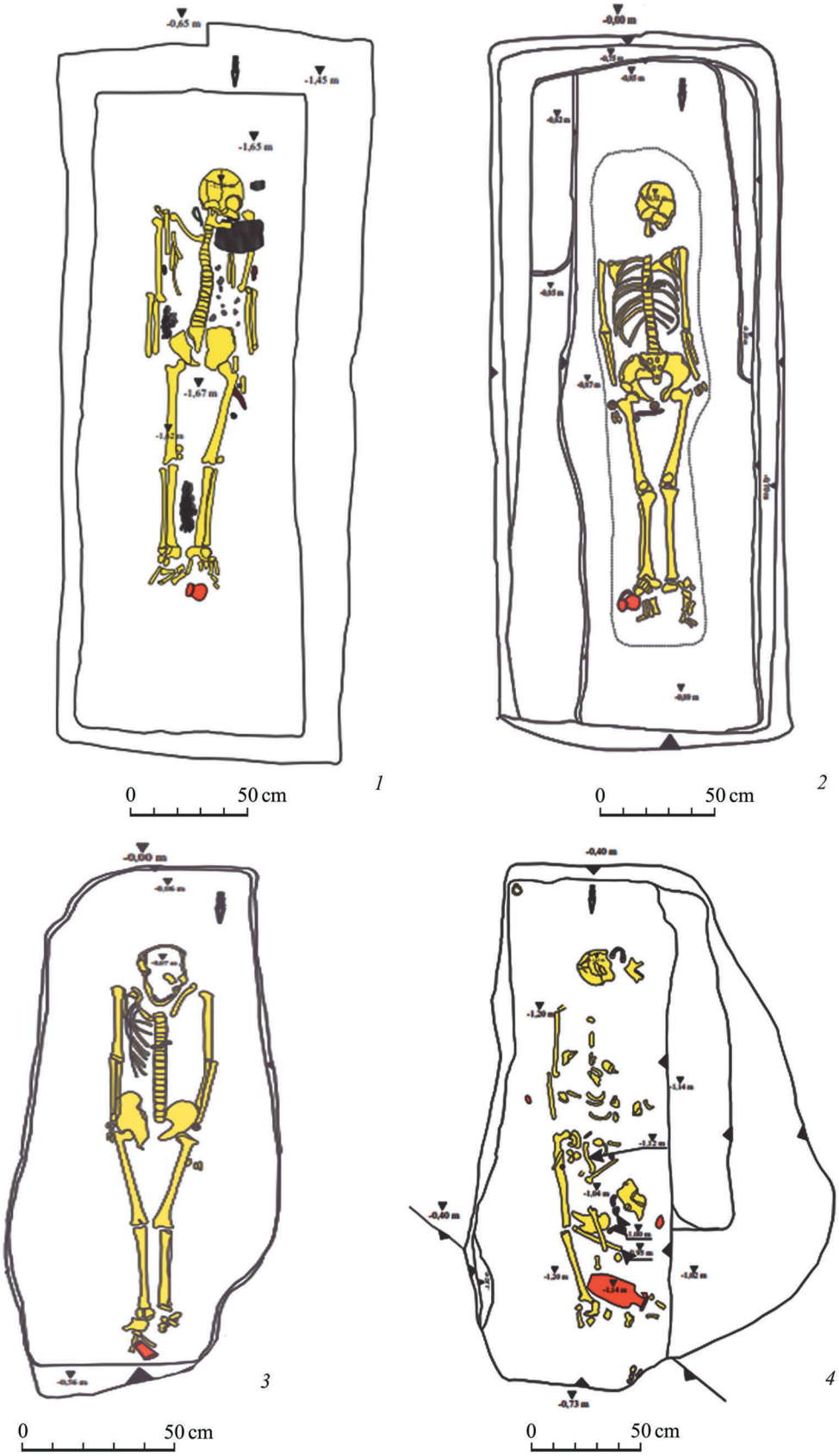

Fig. 4. Plans of Sarmatae burials in the Timişoara – "Hladik 1" cemetery

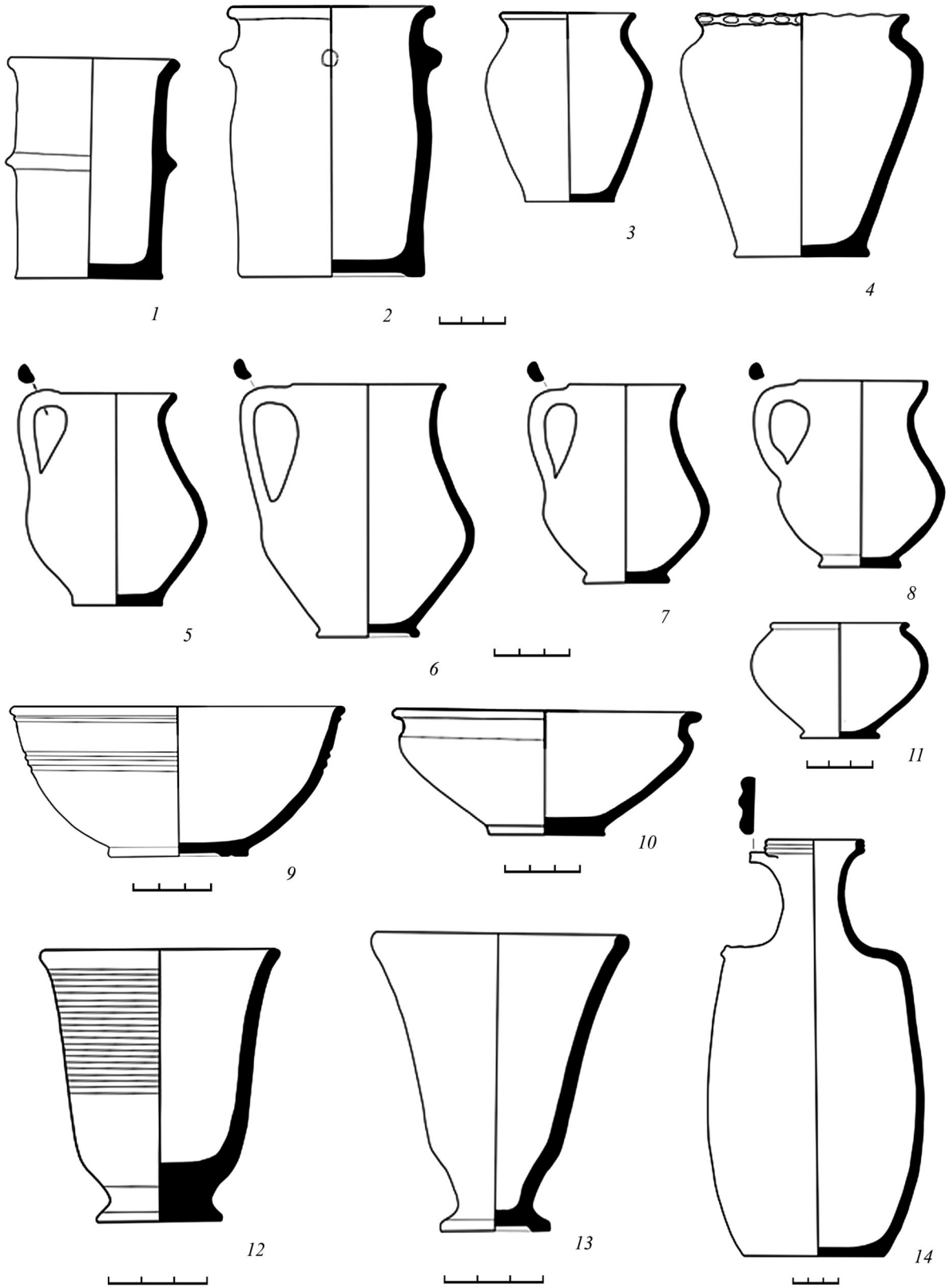

Fig. 5. Handmade and wheel-thrown wares from certain burials in the Timişoara – "Hladik 1" site

Fig. 6. Artefacts among the Sarmatae grave goods at Timişoara – "Hladik 1"

Контекст вещевого комплекса

Context of the Complex of Artefacts

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.229-238

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПОДВЯЗНЫХ ЛУЧКОВЫХ ФИБУЛ[1]

Гавритухин Игорь Олегович
Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация: В статье рассмотрены важнейшие вехи в эволюции взглядов на типологию лучковых фибул и датировку их вариантов. Особое внимание уделено новейшим исследованиям, основанным на обширном круге источников, дискуссионным вопросам, северной периферии ареала этих фибул.

Ключевые слова: Восточная Европа, I–IV вв., фибулы, историография

ON THE HISTORY OF RESEARCH OF THE BOW-SHAPED BROOCHES WITH RETURNED FOOT

Gavritukhin, Igor' Olegovich
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This paper analyses the most important milestones in the evolution of the scholars' views of the typology of the bow-shaped brooches and the chronology of their variants. Especial attention has been paid to the most recent researches based on the wide circle of sources, disputable issues, and the northern periphery of the distribution area of the brooches in question.

Keywords: Eastern Europe, first to fourth centuries AD, brooches, historiography

Предлагаемая статья относится к циклу исследований фибул из могильника Фронтовое 3 (общие сведения о памятнике см.: *Гавритухин, Свиридов, Язиков,* 2020; *Gavritukhin et al.,* 2021)[2]. Поэтому вопросы, связанные с происхождением лучковых фибул и разных вариантов подвязных конструкций, здесь не рассматриваются. Эти темы имеют свой круг источников, слабо связанных с материалами некрополя во Фронтовом, и свою историографию.

Ниже я ограничиваюсь лишь работами, в которых предложены существенно новые, по сравнению с предшественниками, подходы к типологии и хронологии подвязных лучковых фибул. Это не снижает в моих глазах ценности опубликованных выборок таких находок из ряда регионов или отдельных памятников, публикаций памятников или отдельных комплексов, исследований по историческому и общественному контексту разных вариаций фибул и тому подобные работы, которые трудно даже перечислить. Все лучковые фибулы, о которых пойдет речь, являются подвязными, и далее эта характеристика не упоминается.

Тип застежек, которым посвящена данная статья, выделил **О. Альмгрен** и отнес его к двум вариантам – 156 (одночленные) и 157 (двучленные); причем вариант 156, отмеченный в Керчи, Ольвии, на Северном Кавказе, рассматривался как основа развития не только варианта 157, но и всех подвязных фибул, составляющих стержень

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

[2] См. также статью «Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник Фронтовое-3. Общие сведения и характеристика погребального обряда» и ряд других в данном сборнике; там и более полная библиография.

группы VI по не потерявшей актуальность типологии, созданной этим замечательным специалистом (*Almgren,* 1898. S. 74–76, 189, 189–190. Taf. VII, *156, 156a, 157*).

Основу современного этапа изучения этих фибул заложил другой корифей – **А. К. Амброз**, отнесший их к группе 15 (*Амброз,* 1966. С. 47–54; уже без сослагательности в ряде суждений в: *Амброз,* 1969. С. 251–253). Неоднозначность и/или неточность атрибуций некоторых фибул по этой системе, встречающиеся у ряда исследователей, делает полезным ее напоминание.

Серия I (проволочные одночленные) разделена А. К. Амброзом на варианты:

1) с узкой ножкой и относительно низкой дужкой (дополнительные характеристики: спинка изогнута плавно или круто в передней части; завязка нередко находится посередине дужки, у других вариантов – ближе к ножке; тетива верхняя, лишь у части ранних – нижняя)[3], датированный I в. н. э., «возможно, больше» его первой половиной;

2) с низкой дужкой (как у варианта 1) и расширенной ножкой (как у варианта 3), датированный I в., но, «по-видимому», его второй половиной, возможно, началом II в.[4];

3) с высокой мягко изогнутой полого спускающейся к пружине дужкой, расширенной ножкой, верхней тетивой (уже «полностью развитый», «классический» тип); дата – II в., «возможно, больше» его первая половина;

4) с дужкой, круто спускающейся к пружине, датированный второй половиной II в., возможно, с заходом в начало III в.;

5) с прогибом верхней части дужки, часто нависающей над пружиной, которая «чаще других» сочетается с фигурной или простой длинной обмоткой, ряд экземпляров – маленькие; дата – III в., возможно появились в конце II в.

Серия II, так называемая инкерманская (крупные одночленные, с нижней тетивой, профилировкой, как у вариантов 3–5 серии I), в целом датирована второй половиной II – III в., но отмечены варианты: 1) с проволочной спинкой и короткой пружиной; 2) с узкой пластинчатой спинкой, постепенно расширяющейся к концу ножки; 3) с проволочной спинкой и длинной пружиной; 4) с широким корпусом, расширяющимся к головке.

Серия III (двучленные, с расширенной ножкой, широким кольцом для удержания оси пружины) разделена на два главных (наряду с локальным третьим) варианта: 1) с дужкой из массивного стержня и гладкой ножкой, датированного II–III вв., лишь в Поволжье – до IV в., а на Кавказе давшие локальный вариант V–VI вв.; 2) отличающихся наличием фасеток на ножке, что на территории юга СССР распространилось с III в.

Вскоре вышла статья **Г. Дьякону**, который находки двучленных лучковых фибул на территории Румынии отнес к так называемому сарматскому типу. Было отмечено, что они могут быть D-образными и с прогибом корпуса, расположенным ближе к пружине (варианты 1 и 2), влияние на них так называемого дакийского (отличающегося профилировкой) и римского (с другими профилировкой и способом крепления пружины) типов, распространение (кроме 1 экземпляра) к востоку от границ римской провинции Дакия; а наличие монет на тех же памятниках и отсутствие таких фибул в черняховских могильниках определяло дату 210–250 гг. (*Diaconu,* 1971. S. 249–251, 258; там же ссылки на более ранние публикации). Стилистические связи, наличие экземпляров с фасетированной ножкой (для более восточных регионов этот признак датирован не ранее распространения черняховской культуры во второй половине III в.), наличие в музее г. Бырлад двух фибул вариантов Альмгрен-156 и 156а, при том, что в окрестностях этого города не известно сарматских могильников, – послужили подтверждени-

[3] Характеристика приемника мной опущена, так как для других вариантов этот признак не рассматривался. Как правило, не отмечен и материал изготовления этих вещей, т. к. многими авторами более поздних работ этот признак не привлекался, а в соответствии с современными требованиями, он заслуживает специальных исследований. Особенно ненадежны сделанные на глазок различия «бронзовых» и «серебряных» изделий.

[4] Отмечу, что сам автор сомневался в отнесении к этому варианту некоторых экземпляров (показательно: *Амброз*, 1966. С. 49. Табл. 9, *7*).

ем точки зрения о местном происхождении фибул «сарматского» типа.

Г. Бикир, обобщивший свои исследования в двух монографиях, опубликованных практически одновременно с упомянутой статьей Г. Дьякону и несколько позднее, опирался на более обширную подборку румынских находок фибул варианта Альмгрен-157. Особенно много их было найдено на памятниках типа Милитарь – Килия в Мунтении, хотя находки отмечены у сарматов и на соотносимых с группой дакийского населения памятниках севера Румынской Молдовы, а 1 экземпляр – в Добрудже (то есть на римской территории к югу от Дуная), но контекст памятников, в том числе монеты от Элагабала до Галиена и Аврелиана, свидетельствовал о дате в рамках III в., в основном его второй половины (*Bichir,* 1976. P. 94, 96; *Bichir,* 1984. P. 50).

Обратившийся к этим же материалам **И. Иониц**э отнесся к некоторым выводам соотечественников весьма скептически, призывая коллег уделять больше внимания деталям/признакам, как это делал А.К. Амброз (наиболее концентрированно в: *Ioniță,* 1998. S. 231–235; там же библиография). Наряду с эссе о формировании (в Северном Причерноморье, как считал и О. Альмгрен) и распространении разных типов подвязных фибул, он отметил, что появление двучленных лучковых фибул есть больше оснований связывать с кругом культур Крыма, Ольвии, Тиры, где многочисленны их одночленные прототипы (а в Тире есть и полуфабрикат), хотя это и нуждается в подтверждении узко датированными комплексами. Сказано и о том, что двучленные лучковые фибулы все же есть в черняховских могильниках Мунтении, делая зыбкими утверждения Г. Дьякону. Отмечу, что они встречаются и на более восточных могильниках черняховской культуры.

А.С. Скрипкин соотнес распространение вариантов фибул с ритмами развития сарматских культур, что имело важное значение для понимания лучковых фибул на востоке Европы (*Скрипкин,* 1977. С. 101–109; с выжимками в: *Скрипкин,* 1984. С. 43–44; *Скрипкин, Кривошеев,* 2006 и ряде других публикаций). По его наблюдениям, варианты 1 и 2 серии I (по А.К. Амброзу) встречены в среднесарматской культуре I – середины II в., причем автор отмечает маленькие размеры как характеристику этих вариантов. Вариант 3, судя по комплексу с зеркалом, имеющим боковую петлю и конический выступ на обороте, появляется не позднее начала II в., а показателен для его первой половины. Характерный уже только для позднесарматской культуры вариант 4, скорее всего, сменяется вариантом 5 около конца II в., а их поступление во второй половине III в. прекращается. На смену им приходят двучленные лучковые фибулы, что связано с гибелью Танаиса и других нижнедонских центров, снабжавших кочевников одночленными лучковыми и другими фибулами (специально оговорено, что этот вывод сделан только для рассматриваемой территории). Отмечу и источниковедческую скрупулезность А.С. Скрипкина, исправившего ряд атрибуций фибул, сделанных А.К. Амброзом без знакомства с оригиналами.

Б.Ю. Михлин, фактически положивший начало современной дискуссии о формировании подвязной конструкции лучковых фибул, по материалам Беляуса отметил бытование лучковых застежек варианта 1 серии I (по А.К. Амброзу) в основном в первой половине I в. н. э., не исключая появление в конце I в. до н. э., причем из 15 таких фибул 9 были железными, а 2 – с нижней тетивой (*Михлин,* 1980. С. 205). В рамках этого варианта он предложил рассматривать вариацию с высокой завязкой как рудимент эпохи формирования лучковых фибул (*Михлин,* 1980. С. 206).

М.Ю. Трейстер, публикуя фибулы из Горгиппии с учетом всех находок из Азиатского Боспора, отметил ряд случаев их совстречаемости с монетами, что позволило говорить о появлении одночленных лучковых фибул варианта 1 серии I (по А.К. Амброзу) во второй половине I в. до н.э. (было отмечено и то, что все они маленькие), варианта 3, вероятно, во второй половине I в. н. э., двучленных – незадолго перед разгромом Горгиппии в середине 230-х гг. (*Трейстер,* 1982. С. 151–159).

Е.Л. Гороховский в неопубликованной диссертации привел свод лучковых фибул из Буго-Днепровской лесостепи, рассмотрев

их на фоне всех опубликованных к тому времени разработок по таким изделиям и по комплексам, с учетом своей хронологии пряжек и других данных. Он отметил, что фибулы с «крутой» спинкой появились, видимо, раньше, чем вторая половина II в.; среди «инкерманских» фибул те, что имеют плоскую или обвитую спинку, не являются самыми ранними; двучленные экземпляры появились в середине III в., характерны для его второй половины, спорадически встречаются и позднее. Эти наработки были использованы и при публикации фибул из Тиры (*Гороховский,* 1988. С. 40–41, 214–215; *Гороховский, Сон,* 1989. С. 75–76).

В. М. Косьяненко, публикуя фибулы из Кобякова городища на Нижнем Дону, посчитала необходимым вновь обратиться к вопросам типологии. Она пришла к выводу, что признаки, использовавшиеся предшественниками для выделения вариантов лучковых фибул, не имеют четких границ и поэтому мало информативны. В основу своей типологии она положила способ орнаментации спинки фибул, выделив по рассмотренной коллекции типы: 1) с короткой обмоткой, датированный I (может быть с его середины или второй половины) – II в.; 2) со сплошной спиральной обмоткой, датированный второй половиной II – началом III в.; 3) с фигурной обмоткой, датированный II – началом III в. (*Косьяненко,* 1987. С. 53–58; практически повторено в: *Косьяненко,* 2008. С. 93–101). Следует иметь ввиду, что эти даты получены во многом по авторским же разработкам для других типов фибул и ряда других категорий находок.

Собственный подход к выделению признаков лучковых фибул, значимых для хронологии, предложила и **Т. Н. Высотская** при публикации могильника Усть-Альма из Юго-Западного Крыма. К наиболее ранним (первая половина I в. н. э.) она отнесла две фибулы, имеющие спиральную обмотку и длину 3,8–4,0 см, а 7 экземпляров длиной более 7 см, тоже со спиральной обмоткой, – ко II–III вв.; для 4 штук с фигурной обмоткой предложена дата II в.; многочисленные экземпляры без обмотки длиной 2,5 и 3,5 см, а также железные лучковые фибулы датированы I – началом II в., варианты с высокой спинкой отнесены ко второй половине II в., крупные, в основном с верхней тетивой – ко II–III вв.; пластинчатые с нижней тетивой, имеющие украшение «змейкой» или «широкую» обмотку и длину 8,5–10 см, названы самыми поздними и датированы III в. (*Высотская,* 1994. С. 101–102). Конечно, для таких выводов желательно иметь специальное обоснование периодизации и календарной датировки, что, к сожалению, в рассматриваемой публикации отсутствует. Отмечу, что эти наработки не использованы даже самим их автором при работе с частично синхронными Усть-Альминскому некрополю материалами могильника Совхоз 10 близ Севастополя. В этом случае была применена типология В. М. Косьяненко, а в итоге для вариантов лучковых фибул получены очень широкие даты (*Стржелецкий и др.,* 2005. С. 158–159).

М. П. Абрамова находки с Северного Кавказа наиболее полно рассмотрела при публикации фибул из могильника Хумара. В основном она придерживалась наблюдений А. К. Амброза, однако отметила, что разница в оформлении лучковых фибул вариантов 4 и 5 серии I очень слаба и едва ли они имеют разную хронологию, а двучленные лучковые фибулы распространяются со второй половины III в., хотя единственное исключение зафиксировано в погребении 90 из Нижнего Джулата, но остальной инвентарь этого комплекса невыразительный и его ранняя дата предполагается исходя из датировки остальных раскопанных здесь погребений (*Абрамова,* 1996. С. 102–103).

Ряд новаторских наблюдений предложили при публикации нескольких комплексов из Дружного (Предгорный Крым) **И. Н. Храпунов и В. В. Масякин**. Лучковые фибулы, имеющие пружину, часть которой намотана на спинку, было предложено считать не несущими следы ремонта/работы над ошибками, как думали А. К. Амброз и другие исследователи, а показателем локальной школы мастеров в Юго-Западном Крыму. Орнамент «змейкой», возможно, имитирует фигурную обмотку; сначала он появился на проволочных экземплярах, затем стал причиной появления более приспособленных для него лучковых фибул с раскованной (переходная форма) и пло-

ской спинкой. Эта орнаментация появилась на рубеже II и III в., а фибулы с завязкой пружины на спинку – еще позднее, вероятно, распространившись во второй четверти – середине III в. Даты обосновывались исходя из представления о процессах, происходивших в конце позднескифской культуры, и предполагаемых датах гибели некоторых ее центров, а также методом «цепочки аналогий» (*Храпунов, Масякин,* 1998. С. 140–143).

К лучковым фибулам неоднократно обращался **В. Ю. Малашев**, прежде всего, для датировок выделенных им типов деталей ременных гарнитур восточных групп сармат и Северного Кавказа II–IV вв., периодов позднесарматской культуры Приуралья, раннеаланской Северного Кавказа, памятников типа Львовский – Паласа-Сырт на востоке Кавказского региона, сопровождавшихся и введением в научный оборот огромных массивов ценнейшего материала (*Малашев,* 2000; *Малашев, Яблонский,* 2008. С. 60, 61. Рис. 210–211; *Габуев, Малашев,* 2009. С. 132–133, 135. Рис. 137; *Малашев, Гаджиев, Ильюков,* 2015. С. 88, 117–118. Рис. 226, 227, 229–230).

Согласно В. Ю. Малашеву (им использовалась классификация А. К. Амброза), на Северном Кавказе одночленные лучковые фибулы варианта 2 встречены в комплексах хронологической группы 1 (I – первая половина II в.), варианта 4 – в основном в комплексах группы 3 (конец II – первая половина III в.) и единично 2 (середина II – начало III в.). Фибулы вариантов 4 и 5 для Приуралья датированы в пределах хронологических групп 1 и 2 (от второй половины II до середины III в.).

Анализ оснований хронологии варианта лучковых фибул, характеризующегося широкой раскованной орнаментированной ножкой, привел к выводу об их датировке серединой – второй половиной III в., а сам этот вариант рассматривался как локальная серия, распространенная в позднесарматской культуре, в основном южноуральских степей, и у ее соседей, в том числе северных оседлых (уточнения и дополнения приведены в: *Малашев,* 2014. С. 133. Рис. 2, *1–9*).

Среди двучленных лучковых фибул предложено выделять крупные, датируемые серединой – второй половиной III в., и более мелкие, показательные для IV в., причем варианты, представленные в Паласа-Сырте, отнесены к середине – второй половине IV в., а новые материалы (*Малашев и др.,* 2020. С. 198. Рис. 7, *1–6*) подтверждают предложенные даты.

Для изучения ранних вариантов лучковых фибул Северного Кавказа важное значение имеет выделение памятников группы Чегем – Манаскент. Основной период ее бытования отнесен ко II в. до н. э. – I в. н. э., в начале/первой половине II в. происходит ее угасание, а в итоге она становится субстратом в формировании раннеаланской культуры Кавказа (*Малашев, Маслов,* 2021). Лучковые фибулы из этих памятников представлены только проволочными одночленными вариантов 1 и 2. Замечу, что фибула из Нижнего Джулата, отнесенная к варианту 3 и датированная около середины II в. (*Малашев, Маслов,* 2021. С. 89. Рис. 8, *21*), принадлежит варианту 2, если четко следовать классификации А. К. Амброза, что даже лучше подтверждает общие выводы В. Ю. Малашева и В. Е. Маслова.

Несколько наблюдений, связанных с исследованием восточных групп сарматских культур, предложил **М. В. Кривошеев**. Для лучковых одночленных фибул в Волго-Донском регионе он отметил совстречаемость вариантов 3 и 4 (по А. К. Амброзу). Распространение варианта 4 в регионе связал с экспансией позднесарматской культуры, ассимилировавшей остатки среднесарматской с середины/второй половины II до конца II – начала III в. (с ней исчезают и обычные в этой культурной группе сильно профилированные фибулы). Пик бытования варианта 4 был отнесен к концу II – первой половине III в., причем его отличие от значительно более редкого варианта 5 было охарактеризовано как довольно условное (*Кривошеев,* 2005).

Обзор находок двучленных лучковых фибул в комплексах с монетами привел **С. И. Безуглов**, придя к выводу, что эти застежки вошли в массовое употребление около середины III в., особенно популярны были во второй половине III – начале IV в., вышли из моды около середины IV в. (*Безуглов,* 2008. С. 287). В связи с находками на Дону

лучковых одночленных фибул с фигурной обмоткой было отмечено, что они показательны для ряда комплексов всадниче-ского горизонта середины II – середины III в., к списку комплексов с монетами было добавлено погребение 186/2008 из Танаиса, датируемое монетой Савромата II 198 г., отмечено отсутствие значимых отличий между фибулами вариантов 4 и 5 (*Безуглов, Глебов, Парусимов,* 2009. С. 92).

Новый этап в изучении позднескифской культуры Крыма ознаменован серией обобщений, наиболее полно представленных в публикациях 2000-х гг., что, конечно, отразилось и на понимании лучковых фибул.

Ю. П. Зайцев создал новую картину этапов развития этой культуры на примере ее центра в Неаполе Скифском. Для интересующих нас фибул он использовал классификацию А. К. Амброза. В поздней группе горизонта С (с рубежа эр до середины I в. н. э.) отмечены лучковые одночленные фибулы вариантов 1 и 2, в горизонте В (вторая половина I – третья четверть II в.) – вариантов 2 и 3, в горизонте А (четвертая четверть II – первая половина III в.) – лучковые с резким изгибом спинки (очевидно, вариантов 4 и 5), сплошной или фигурной обмоткой, причем для датировки времени разгрома этого центра не исключалась связь с событиями, датируемыми от 218 до 230–240 гг. (*Зайцев,* 2003. С. 33, 36, 39, 45).

Очень дробную хронологию позднескифской культуры предложил **А. Е. Пуздровский** (2007; там учтены и его основные более ранние публикации), в классификации фибул следовавший А. К. Амброзу, но сделавший и ряд уточнений. Правда, обоснование дат разбросано в разных частях этой книги, и зачастую для ряда комплексов предложенная датировка трудно проверяема (ныне это отчасти компенсируется началом систематической публикации Усть-Альминского некрополя).

Появление проволочных лучковых фибул варианта 1 было отнесено ко второй половине I в. до н. э.; к середине I в. н. э. сформировалась их устойчивая форма (небольшие, с невысокой дужкой, равномерно расширенной ножкой, верхней тетивой), особенно многочисленная в середине – третьей четверти I в. (*Пуздровский,* 2007. С. 82–83, 86, 177).

Вариант 2 (с незначительно расширенной ножкой, иногда с нижней тетивой), появился не позже третьей четверти I в., характерен для четвертой четверти I – начала II в., а для первой четверти II в. показательны уже формы с более высокой и изогнутой дужкой, трудно отличимые от образцов варианта 3 (*Пуздровский,* 2007. С. 177, 182, 185).

«Классический» вариант 3 оформляется во второй четверти II в.; около середины II в. появляется сплошная и фигурная обмотка; в третьей – начале четвертой четверти II в. сначала еще встречается вариант 3, но чаще переходные формы от варианта 3 к варианту 4, а со второй половины II до середины III в. преобладают варианты 4 и 5; к позднейшим относятся и крупные железные фибулы варианта 4 (*Пуздровский,* 2007. С. 188–189, 191, 193, 195).

В конце четвертой четверти II – первой четверти III в. появляются крупные инкерманские фибулы, расширяющиеся к концу ножки, гладкие или со «змейкой»; во второй четверти – середине III в. бытуют и инкерманские с широкой спинкой, орнаментированной «змейкой» (*Пуздровский,* 2007. С. 193, 195). Позднейшие вариации – серебряные инкерманские с очень широкой спинкой (не ранее второй четверти III в.) – известны и во второй половине III в.; к середине III в. отнесена форма, которая рассматривается как переходная к двучленным лучковым фибулам (*Пуздровский,* 2007. С. 195, 196).

А. А. Труфанов разработки по фибулам и другим категориям находок базировал на своей же хронологической системе позднескифской культуры, представленной на уровне современных требований, понятной и открытой для возможных корректировок. Заметное место в ней отведено и лучковым фибулам, в отношении которых он следует терминологии А. К. Амброза, предлагая свою группировку признаков, значимых для хронологии (*Труфанов,* 2009. С. 209–210, 213–214, 271–274, 276–278, 292–300. Рис. 55–57, 81–103; с детализацией некоторых сюжетов в: *Труфанов,* 2004; *Труфанов,* 2010. С. 150, 155, 182, 184, 191–194).

В рамках варианта 1 им выделяются маленькие бронзовые проволочные фибулы с узкой ножкой, которые отнесены к Хр-12 (так обозначаются номера хронологических индикаторов), показательного для хронологической группы 2 (вторая треть или вторая – третья четверти I в.).

Для вариантов 2, 3 и 4 отмечено много переходных форм, необходимость учета характера обмотки, наличия стержня в пружине и других признаков; пока же выделяется Хр-42 (маленькие, с профилировкой варианта 2/3) – индикатор для даты не ранее середины I в., бытующий долго, включая хронологическую группу 5 (125/150–190/200 гг.). Крупные фибулы со сплошной обмоткой (Хр-76) появляются в группе 5, но встречаются в основном в группе 6 (первая половина – середина III в.). В этих рамках датируются и фибулы с верхней тетивой и фигурной обмоткой (Хр-71). Для группы 6 показательны также: фибулы варианта 5 по А.К. Амброзу (Хр-92); крупные, с обмоткой до половины высоты спинки (Хр-91); с плоской спинкой, украшенной «змейкой» (Хр-87).

Для фибул, у которых часть пружины намотана на спинку, был предложен термин «двусоставные». Они (Хр-106) показательны для группы 6-Б (вероятно, с 220-х гг., но не позднее середины III в.). К позднейшим отнесена фибула из могилы 793 в Усть-Альме, сочетающая признаки двусоставных и двучленных. Для группы 7 (250/250–310/325 гг.) определяющими названы двучленные лучковые фибулы и появление ранних вариантов двучленных прогнутых подвязных застежек.

Фундаментальное исследование о фибулах сарматской эпохи представил **В.В. Кропотов** (2010; там же ссылки и на его более ранние публикации; позднее, насколько мне известно, его точка зрения на лучковые фибулы не менялась). Особую ценность имеют наиболее полные своды и карты этих фибул по типам и вариантам, публикация ряда находок в собственных прорисовках, критический разбор типологии, хронологии и других вопросов их изучения. Наряду с монетами и другими хроноиндикаторами, базовой для хронологии стала периодизация и датировки периодов средне- и позднесарматской культур, основанные на разработках А.С. Скрипкина и других специалистов. В исследовании лучковых фибул он, в основном, следовал наблюдениям А.К. Амброза, переименовав таксономические единицы и уточнив характеристики некоторых вариантов, в том числе рассматривая в рамках разных серий лучковые фибулы с верхней и с нижней тетивой (*Кропотов,* 2010. С. 68–165; *Кропотов,* 2011. С. 32–33).

Среди лучковых одночленных фибул с нижней тетивой им выделены: вариант 1, длиной 6–10 см, в основном железные, обычно с низкой часто угловатой спинкой и другие вариации, датированные второй половиной или четвертой четвертью I в. до н.э. – серединой I в. н. э.; вариант 2, куда включены изделия вариантов 1 и 2 по А.К. Амброзу, длиной 2,5–5,0 см, показательные для расцвета среднесарматской культуры от рубежа эр до начала II в. н. э.; вариант 3, аналогичный варианту 3 у А.К. Амброза, характерный для 1-го этапа позднесарматской культуры на протяжении большей части II в.; вариант 4, объединяющий варианты 4 и 5 по А.К. Амброзу, датированный заключительной частью II – первой половиной III в.

Среди одночленных фибул с нижней тетивой выделены варианты древнейший, 1, 2, 3, аналогичные по остальным признакам соответствующим вариантам фибул с верхней тетивой (вариант 2 включает и более крупные экземпляры); вариант 4, объединяющий инкерманские фибулы по А.К. Амброзу, с выделением форм по характеру дужки и орнаментации, но рассматриваемые как одновременные.

Двусоставные (по А.А. Труфанову) фибулы В.В. Кропотовым не выделяются, поскольку связываются с последствиями ремонта, отмеченного у разных фибул широкого хронологического и географического диапазонов. Крупные двучленные лучковые фибулы рассматриваются в целом, их распространение относится ко времени после событий середины III в., но не ограничивается только второй половиной III в.

Ценными каталогом и обзорами отличается и работа **К. Хелльстрём**, посвященная фибулам сарматского времени в Северном

Причерноморье. В рамках одночленных лучковых фибул с проволочной или ленточной спинкой (тип IB.1) она выделяет варианты: IB.1a, исходный (близкий «раннему» варианту по: *Скрипкин,* 2003), длиной 4–8 см, за единичным исключением из катакомбы 390 в Усть-Альме (чуть меньше 4 см); IB.1b (как с круглой в сечении, так и с чуть уплощенной спинкой), IB.1c (длиной до 5,5 см, иногда со спиральной обмоткой), IB.1d (длиной 3,5–8,2 см; подвариант с нижней тетивой характерен для Крыма, в отличие от более широко распространенного подварианта с верхней тетивой), IB.1e (длиной 5,3–12,3 см, с подвариантами, как у варианта IB.1d) – они в основном близки соответственно вариантам 1, 2, 3, 4 фибул с нижней и верхней тетивой по В. В. Кропотову, по которому даны и датировки, с учетом наблюдений в статье Н. И. Храпунова и В. В. Масякина (*Hellström,* 2018. S. 52–56).

В рамках двучленных лучковых фибул она выделяет двусоставные, по А. А. Труфанову и И. Н. Храпунову с В. В. Масякиным (тип III.1a), связанные с традициями варианта IB.1e2, датированные первой половиной III в., и собственно двучленные (тип III.1b, длиной 4,4–8,7 см, лишь в Николаевке 2,3 см), отнесенные к III в., но в основном к его второй половине (*Hellström,* 2018. S. 84–85).

Следует отметить и серию работ **о северной периферии** лучковых фибул, в которых, помимо традиционного использования импортных или сделанных по их образцам изделий для датировки местных комплексов, контекст находок важен для взгляда на лучковые застежки в целом.

Несколько фибул, соотносимых с вариантом 1 серии I (по А. К. Амброзу) или «раннему» варианту (по: *Скрипкин,* 2003), связываются с местом сражения на периферии кратковременного поселения Нижнее Казачье-5 (южнее г. Задонска на Верхнем Дону) и горизонтом потрясений на Окско-Донском водоразделе, датированных по совокупности находок в пределах I в. н. э. (*Обломский,* 2010. С. 24. Рис. 6, *3, 4*; *Воронцов, Столяров,* 2019. С. 61–64. Рис. 11, *2, 3*). Варианты фибул серии I (по А. К. Амброзу), рассмотренные в контексте пьяноборской, азелинской и мазуниской культур в Прикамье, хорошо соотносятся с ритмами развития этих древностей, прослеживаемым по местным материалам (*Лаптева,* 1996. С. 712, 713. Рис. I; IV, *1, 2, 7, 8, 10, 13*; *Лешинская,* 2010. С. 134–136, 138–139. Рис. 1–4; *Сабирова,* 2019. С. 25, 39, 42–44. Рис. 36-1 ; 46; 47; 65, *2*; *Красноперов,* 2021).

На северо-западе лучковые фибулы распространены, как минимум, до бассейна Западного Буга, где известно не менее 6 находок (благодарю за любезную консультацию Анджея Коковского). Проволочная лучковая фибула с верхней тетивой (судя по публикации, довольно крупных размеров) из могильника Масломенч-15 зафиксирована в слое сожжений, перекрывающего захоронения в его южной части и датированного не ранее ступени C2 по хронологии Европейского Барбарикума, т. е. не ранее второй половины III в. (*Kokowski,* 1991. Ryc. 93, *7*; *Kokowski,* 1995. S. 48). Из слоя сожжений происходят и два фрагмента лучковых фибул. Согласно А. Коковскому, остальные находки из этого слоя относятся к ступеням C3 и C3/D1 (не ранее IV в.), а могильник существовал от ступени B2/C1 до ступени D, т. е. от эпохи, связанной с Маркоманскими войнами 166–180 гг., до эпохи Великого переселения народов. В отношении еще одной лучковой фибулы есть информация, что она найдена в комплексе ступени C1a (не позднее первых десятилетий III в.). Все эти находки польские коллеги рассматривают в контексте контактов культур бассейна Вислы с сарматским миром (*Kokowski,* 2003).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1996. Фибулы Хумаринского могильника (II–III вв. н. э.) // Историко-археологический альманах. Вып. 2. М.; Армавир. С. 100–105.

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука. 112 с. (САИ. Вып. Д1-30).

Амброз А. К., 1969. Фибулы из раскопок Танаиса // Античные древности Подонья–Приазовья / Отв. ред. Д.Б. Шелов. М.: Наука. С. 248–272. (МИА. № 154).

Безуглов С.И., 2008. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии: (сб. памяти Владимира Александровича Башилова) / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Таус. С. 284–301.

Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н., 2009. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый). Ростов-на-Дону: Медиа-Полис. 128 с.

Воронцов А.М., Столяров Е.В., 2019. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // Stratum plus. № 4. С. 51–74.

Высотская Т.Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса. 208 с.

Габуев Т. А, Малашев В.Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с.

Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 91–110.

Гороховский Е.Л., 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н.э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Дисс. … канд. ист. наук. Киев. 461 с.

Гороховський Є.Л., Сон Н.О., 1989. Фібули з Тіри // Археологія. № 3. С. 69–77.

Зайцев Ю.П., 2003. Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум. 212 с.

Косяненко В.М., 1987. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // Советская археология. № 2. С. 45–62.

Косяненко В.М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. 544 с. (Донские древности. Вып. 9).

Красноперов А.А., 2021. Значение лучковых фибул в хронологии памятников среднего Прикамья // Вестник Брянского государственного университета. № 4 (Исторические науки и археология). С. 59–66.

Кривошеев М.В., 2005. Фибулы из сарматских комплексов второй половины II – первой половины III вв. н. э. в южной части Волго-Донского междуречья // Материалы IV Кубанской археологической конференции / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар. С. 144–147.

Кропотов В.В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина. 384 с.

Кропотов В.В., 2011. Фібули з південносхідної ділянки некрополя Неаполя скіфського (за матеріалами розкопок В.П. Бабенчикова 1947–1948 рр.) // Археологія. № 3. С. 31–35.

Лаптева Т.А., 1996. Бронзовые фибулы Прикамья // Congressus primus historiae Fenno-Ugricae / Ed. K. Julku. Oulu: Societas Historiae Fenno-Ugricae. С. 711–731. (Historia Fenno-Ugrica. I).

Лещинская Н.А., 2010. Фибулы Тарасовского могильника: информационный потенциал // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». С. 134–144.

Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232. (Материалы и исследования по археологии Дона. I).

Малашев В.Ю., 2014. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. С. 130–140.

Малашев В.Ю., Гаджиев М. С, Ильюков Л.С., 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии: Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. Махачкала: Мавраевъ. 452 с.

Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кадзаева З.П., 2020. Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-е курганы» на территории Чеченской Республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16, № 2. С. 439–460.

Малашев В.Ю., Маслов В.Е., 2021. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н. э. (памятники типа Чегем – Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 81–132.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература. 365 с.

Михлин Б. Ю., 1980. Фибулы Беляусского могильника // Советская археология. № 3. С. 194–231.

Обломский А. М., 2010. Новые памятники первых веков нашей эры в Верхнем Подонье // Старожитності Лівобережного Подніпров'я / Ред. О. Б. Супруненко. Київ; Полтава: Гротеск. С. 23–35.

Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.

Сабирова Т. М., 2019. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. Ижевск: Шелест. 238 с.

Скрипкин А. С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // Советская археология. № 2. С. 100–120.

Скрипкин А. С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та. 149 с.

Скрипкин А. С., Кривошеев М. В., 2006. Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития // Российская археология. № 1. С. 124–136.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2005. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. № 4. С. 27–277.

Трейстер М. Ю., 1982. Фибулы из Горгиппии // Горгиппия. II. Материалы Анапской археологической экспедиции / Общ. ред. И. Т. Кругликовой. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во. С. 150–166.

Труфанов А. А., 2004. Некоторые датирующие признаки в конструкции лучковых фибул Северного Причерноморья // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников / Ред. М. Ю. Вахтина и др. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 152–158.

Труфанов А. А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. № 4. С. 117–328.

Труфанов А. А., 2010. Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя // Stratum plus. № 4. С. 145–195.

Храпунов И. Н., Масякин В. В., 1998. Могила с двумя подбоями III в. н. э. из некрополя Дружное в Крыму // Российская археология. № 4. С. 133–149.

Almgren O., 1897. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Stockholm: Druck von I. Haeggström. 243 S., 11 Taf.

Bichir Gh., 1976. The Archaeology and History of the Carpi from the Second to the Fourth Century A. D. Parts 1–2. Oxford. 211 p., 188 pl. (BAR Supplementary Series. 16, 1–2).

Bichir Gh., 1984. Geto-dacii din Muntenia în epoca romană. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România. 176 p.

Diaconu Gh., 1971. Űber die Fibeln mit umgeschlagenem Fuss in Dazien // Dacia. N. S. Vol. XV. P. 239–267.

Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sviridov A., Sukhanov E., Yazikov S., 2021. The Cemetery of Frontovoe 3: New Data on the Culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration Periods // Študijné zvesti. 68. S. 87–118.

Hellström K., 2018. Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.). Bonn: Dr. Rudolf Habelt-Verlag. 284 S., 94 Taf. (Archäologie in Eurasien. 39).

Ioniță I., 1998. Die Fibeln mit umgeschlagenem Fuß Almgren Gruppe VI,1 // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren / Hrsg. J. Kunow. Wünsdorf. S. 231–240. (Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd. 5).

Kokowski A., 1991. Lubelszczyzna w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie Rzymskim. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 235 s.

Kokowski A., 1995. Grupa masłomęcka. Z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 335 s.

Kokowski A., 2003. Zur Geschichte der gotisch-sarmatischen Beziehungen im Licht der Masłomęcz-Gruppe und der Kulturen des Goten-Kreises // Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12.-16. Februar 1998 / Hrsg. C. v. Carnap-Bornheim. Neumünster: Wachholtz. S. 275–301.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.239-247

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФИБУЛ ВАРВАРСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ КРЫМСКИХ ПРЕДГОРИЙ И АЛЬФЕЛЬДА В РИМСКОЕ ВРЕМЯ[1]

Иштванович Эстер
Музей имени Андраша Йожа, Ньиредьхаза, Венгрия
Кульчар Валерия
Сегедский университет, Сегед, Венгрия
Стоянова Анастасия Анзоровна
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

Аннотация: В работе проведен сравнительный анализ фибул из погребений римского времени предгорного Крыма и Венгерской низменности. Основное внимание уделено типам застежек, их количеству в комплексах, расположению в захоронениях. Выявлены общие закономерности и особенности использования фибул в костюме населением отдаленных друг от друга регионов, входивших в ареал сарматской культуры.

Ключевые слова: Крым, Венгерская низменность, римское время, костюм, фибулы

THE USE OF BROOCHES BY THE BARBARIAN POPULATIONS IN THE CRIMEAN SUB-MOUNTAINOUS AREA AND IN ALFÖLD IN THE ROMAN PERIOD

Istvánovits, Eszter
Jósa András Museum, Nyíregyháza, Hungary,
Kulcsár, Valéria
University of Szeged, Szeged, Hungary,
Stoianova, Anastasiia Anzorovna
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract: This paper presents a comparative analysis of the brooches discovered in the Roman-Period graves in the sub-mountainous Crimea and the Great Hungarian Plain. Especial attention has been paid to the types of the brooches, their quantity in assemblages, and location in graves. General trends and particular features of the use of the brooches in the costume of the populations living in the regions located far from each other but nevertheless in the Sarmatian culture area have been singled out.

Keywords: Crimea, Great Hungarian Plain, Roman Period, costume, brooches

Исследование посвящено анализу способов использования фибул жителями двух удаленных регионов распространения сарматской культуры. Именно эти аксессуары, их число и расположение в погребениях, являются для римского времени одной из общепринятых основ реконструкции моделей костюма и, как следствие, определения характера межэтнических и межкультурных взаимодействий.

[1] Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 19-59-23001 «Население горного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты» и проекта № 124944 Венгерского бюро по исследованиям, развитию и инновации (NKFIH) «Онлайн публикация погребений римского времени и ранней эпохи переселения народов Барбарикума Карпатского бассейна».

Крым

У населения крымских предгорий фибулы появляются во второй половине или конце II в. до н. э. Распространение традиции использования застежек в костюме исследователи связывают с влиянием латенской культуры, но вопрос о происхождении застежек, найденных в комплексах II–I вв. до н. э., остается пока дискуссионным (*Пуздровский*, 2007. С. 76). Использование фибул в этот период не было массовым, застежки встречаются редко (*Сымонович*, 1963. С. 140; *Мордвинцева, Зайцев,* 2003). Преимущественно это гладкопроволочные застежки среднелатенской схемы «неапольского» варианта (рис. 1: *1*). Почти все фибулы происходят из склепов с коллективными погребениями, зачастую ограбленных, поэтому судить об их расположении на костяках затруднительно. Немногочисленные данные свидетельствуют о том, что в этот период использовали одну фибулу, которая носилась с левой стороны груди или на левом плече. Носили застежки преимущественно взрослые, как мужчины, так и женщины; в детских захоронениях они встречаются редко.

Значительно чаще фибулы фиксируются в позднескифских склепах с коллективными захоронениями I в. до н. э. – II в. н. э., причем в это время наблюдается особое разнообразие типов. Наиболее распространенными становятся одночленные лучковые подвязные (рис. 1: *8, 10*) и смычковые (рис. 1: *6*) фибулы, застежки со сплошным приемником (рис. 1: *7*), сильнопрофилированные северопричерноморского типа (рис. 1: *5*), римские шарнирные дуговидные (рис. 1: *4*) и пружинные фибулы-броши (рис. 1: *2, 3*). Но для людей, хоронивших в склепах, фибула еще не являлась неотъемлемым аксессуаром одежды. Об этом говорит статистика. Только в двух комплексах зафиксированы относительно многочисленные коллекции фибул. В склепе 944 Усть-Альминского некрополя с 24 погребенными найдено около 30 застежек (*Пуздровский, Труфанов,* 2017. С. 86–96. Рис. 188–205). 26 фибул найдены в склепе № 3 из Опушкинского могильника, в котором было похоронено не менее 38 человек. В остальных случаях наблюдается иная ситуация. Например, в опушкинском склепе № 42 найдено только 6 фибул, хотя количество погребенных в нем около 130 человек (*Храпунов, Мульд, Стоянова*, 2009. С. 11–12, 33), в склепе № 10 Кольчугинского могильника фибула сопровождала только одно из 16 погребений (*Храпунов, Масякин, Мульд,* 1996. С. 84, 86), в склепе № 155 из Битакского некрополя с 27 захоронениями найдено 4 застежки (*Пуздровский,* 2002. С. 162, 169). Эти примеры свидетельствуют о том, что в позднескифской среде преобладал бесфибульный костюм, хотя присутствие 1 фибулы на костяке фиксируется чаще, чем в предшествующий период. Застежки располагаются, в основном, в центральной части грудной клетки, единичны случаи находок этих предметов на плече, у черепа и у щиколоток. Появляется традиция использования двух и даже трех фибул. Последний вариант зафиксирован в склепе 944 из Усть-Альмы: у двух погребенных фибулы располагались у предплечий вместе с различными мелкими предметами (зеркала, бусы, колокольчики, подвески), которые, возможно, были надеты на шнурок или лежали в мешочке, и с помощью фибулы крепились к одежде.

Иная картина наблюдается в подбойных и грунтовых могилах с индивидуальными погребениями I–II вв. н. э. Для этого времени показательны данные из могильника Бельбек IV (*Гущина, Журавлев*, 2016. Прил. 1). Здесь застежки обнаружены в 56% комплексов, т. е. каждый второй умерший был облачен в костюм с фибулой. Среди наиболее ранних комплексов второй половины I в. н. э. застежки найдены в 21 погребении (26 фибул); 63 фибулы обнаружено в 50 комплексах конца I – начала II в.; в погребениях II в. н. э. найдено 120 фибул (96 могил). К началу III в. количество комплексов в Бельбекском некрополе сокращается, а вместе с этим уменьшается и число фибул. 77% погребений с фибулами содержали одну застежку, 20% – две. Лишь в 6 могилах обнаружено по три фибулы, причем все они – женские и, кроме одного, датируются в диапазоне от середины II до первой половины III в. н. э. Около половины всех обнаруженных в могильнике фибул связано с женскими погребениями, 8 засте-

жек – с мужскими, 21 – с детскими[2]. Чаще всего фибулы располагаются на груди в разных вариациях, только в четырех могилах конца I – первой половины II в. н. э. застежки зафиксированы на правом или левом плече. В трех могилах второй половины II в. н. э. фибулы обнаружены у черепа погребенных, в одном случае – возле ног. Иногда застежки располагались вместе с другими мелкими предметами в районе грудной клетки или руки и могли служить креплением к одежде мешочка или низки украшений.

Картина, продемонстрированная на материалах могильника Бельбек IV, типична для комплексов I–II вв. н. э. других некрополей крымских предгорий. Исключением являются несколько погребений из могильников Заветное и Скалистое III, в которых отмечены необычно многочисленные наборы смычковых фибул (до 20 экз.), сконцентрированных преимущественно в районе груди (*Зайцев и др.*, 2007. С. 251, 254, 356. Рис. 6, *16*) или у черепа (*Богданова и др.*, 1976. С. 143). Авторы публикации материалов из Заветного отмечают, что такие фибулы были снабжены щитками, некоторые – с позолотой. Возможно, в таких случаях фибулы выполняли декоративную функцию, дополняя ожерелья из бус.

В позднеримское время, до середины III в. н. э., ситуация с фибулами принципиально не меняется, но сокращается разнообразие типов застежек: доминирующими становятся лучковые подвязные фибулы 4 и 5 вариантов по классификации А. К. Амброза (рис. 1: *9, 11*) и «инкерманской» серии (рис. 1: *13*). Более заметные трансформации происходят во второй половине III в. н. э. Меняются типы фибул: после середины III в. почти единственный вид застежек – это двучленные лучковые подвязные (рис. 1: *14*), а в IV в. преобладающими становятся прогнутые подвязные фибулы из бронзы или серебра (рис. 1: *12*) и так называемые воинские, изготовленные из железа (рис. 1: *15*). Последние встречаются, в основном, в мужских погребениях. Сокращается количество застежек. Например, из 220 фибул, найденных в Нейзацком могильнике, к комплексам второй половины III–IV в. относятся только 36 штук (*Khrapunov, Stoyanova,* 2018. P. 468). Анализ женских погребений из могильников Дружное и Нейзац показал, что в IV в. фибулы сопровождали только 16% захоронений, тогда как во II – первой половине III в. н. э. они найдены в каждом втором. В погребениях фибулы встречены по 1 экземпляру, располагались они в районе груди или, гораздо реже, – на правом плече. По всей видимости, в IV в. н. э. продолжает бытовать традиция скреплять края верхней плечевой одежды одной фибулой, но, судя по редкости этих вещей, более распространенным становится бесфибульный костюм.

Альфельд

На территории Венгерской низменности фибулы найдены в более чем трети сарматских погребений (табл. 1). Многие из этих комплексов ограблены, поэтому возможности анализа расположения фибул в могилах сильно ограничены.

Большинство фибул представлены римскими типами. Наиболее многочисленные подвязные застежки производились, во всяком случае отчасти, самими сарматами по римским образцам (на это указывают, например, остатки бронзолитейной мастерской в Тисафёльдваре / Tiszaföldvár, см.: *Vaday,* 2005). Вероятно, сарматы занимались и производством брошей разных форм со вставками из стекла, янтаря и полудрагоценных камней. Подвязные фибулы различных вариантов (одно- и двучленные с подогнутой ножкой и отогнутым приемником, рис. 2: *12–14*) появляются в памятниках Альфельда не раньше III в. н. э. и составляют примерно половину всех известных нам экземпляров. Следует отметить, что в III–IV вв. население Карпатского бассейна, а вместе с тем и число погребений,

[2] Судя по публикации материалов могильника Бельбек IV, пол погребенных определялся на основании набора инвентаря, поэтому для значительной части погребений, не содержавших вещей, обычных для женских могил, пол не указан. Возможно, именно это обстоятельство объясняет столь незначительное число мужских захоронений с фибулами.

Табл. 1. Фибулы в сарматских погребениях Альфельда

Пол	Все погребения, с антропологическим определением	Погребения с фибулами	Кол-во фибул	Материал фибул[3]			
				Au	Ag	Бронза	Fe
Женщина	610	207 (34%)	265	1	45	190	28
Мужчина	449	155 (34%)	165	–	10	85	69
Ребенок	320	57 (18%)	63	–	10	40	9
Всего	1379	419 (30%)	493	1	65	315	106

увеличиваются в разы, по сравнению с раннеримским временем, то есть такое обилие фибул с подвязной ножкой может объясняться просто количественным сдвигом находок вообще.

Вторые по численности провинциальные коленчатые фибулы (рис. 2: *7–8*) характеризуют средний период альфельдских сарматов (начало II – начало IV в.)[4]. За ними следуют так называемые фибулы-самострелы альфельдского типа (Almgren VII.1) (рис. 2: *6*), которые были популярны с середины II до первой половины III в. Этот тип чаще встречается у женщин. То же самое можно сказать о редких типах (римские броши в форме фигурок животных, клещевидные, якоревидные, фибулы с луковичными кнопками), которым сарматские женщины отдавали предпочтение. Единственный тип застежек, которые носили почти исключительно женщины (иногда – дети) – это различные броши с эмалью или вставками (рис. 2: *10–11*). Такие фибулы появляются уже на рубеже I–II вв., их наплыв наблюдается после маркоманнских войн, и они остаются в моде в течение всего III в. (*Vaday*, 1989. P. 81–86)

В погребениях Альфельда изредка встречаются германские типы фибул (рис. 2: *9*), но их небольшое количество не позволяет говорить о серьезном германском влиянии на сарматский костюм. За одним исключением, все эти застежки найдены в женских могилах.

Наиболее ранний период распространения сарматов в Карпатском бассейне, так называемый золотой горизонт, относится к концу I – началу II в. н. э. Известно 3 погребения, надежно датирующихся этим временем, из которых происходят две шарнирные (рис. 2: *1–2*) и одна сильнопрофилированная фибула. Последний тип бытует до второй половины II в. (рис. 2: *3–5*). Пока нерешенным остается вопрос о том, принесли ли мигранты с собой в Альфельд сами вещи или только обычай их ношения. По крайней мере, типы трех альфельдских фибул находят соответствие в восточном степном материале. В этой связи интересны еще два комплекса. Один из них найден на квадо-сарматском пограничье, в Хурбаново / Hurbanovo (Словакия), и представляет собой типичный комплекс «золотого горизонта» язигов. Он включает в себя две шарнирные фибулы-броши в виде ромба и лунницы. Фибула-лунница происходит также из погребения Будапешт-X. Керестури ут / Budapest-X. Keresztúri út 162 (*Istvánovits, Kulcsár,* 2017. P. 208–210. Fig. 160; *Istvánovits, Kulcsár,* 2018. P. 213, 214). Эти фибулы являются наиболее ранними во всем альфельдском материале. Такие типы встречаются на всей территории Римской империи вплоть до конца I в. н. э., но не слишком часто. Есть они и в степном материале.

Подавляющее большинство погребений ранней эпохи принадлежит женщинам, мужских почти нет. Несмотря на это, одна из пяти фибул происходит из мужской могилы. В трех погребениях обнаружено по 1 фибуле в районе груди. Пол хурбановского скелета не определен, обе фибулы были найдены в районе шеи. Расположение будапештской фибулы неясно.

К середине II в. число фибул в Альфельде увеличивается. Как и в более ран-

[3] Материал недостающих фибул неизвестен.

[4] При указании хронологии фибул Альфельда использованы каталоги фибул римских провинций и германского Барбарикума, в частности: *Ettlinger*, 1973; *Jobst*, 1975; *Peškař*, 1972.

ний период, они представлены, в основном, застежками римских типов и изготовлены, главным образом, из бронзы. В погребениях присутствует по одной фибуле, в редких случаях – по две. Из-за сильной ограбленности могил и трудностей с датировками, в дальнейшем при анализе фибул мы не будем выделять узких хронологических периодов в рамках сарматской эпохи в Альфельде. За пределами нашего внимания в этой работе также остается вопрос о том, откуда и как эти изделия попадали на территорию Венгерской низменности. В данном случае нас интересует только способ ношения фибул.

В раннем периоде застежки использовались, в основном, как элемент женского костюма, хотя, в виде исключения, они присутствовали и в мужских могилах. Если принимать во внимание всю сарматскую эпоху, можно сказать, что фибулы играли практически одинаковую роль и в женском, и в мужском костюме. Меньше всего застежек найдено в детских могилах (табл. 1).

В могильнике Ньиредьхаза-Дьебраштанья / Nyíregyháza-Gyebrás-tanya[5] в 49 погребениях с фибулами лишь в 6 или 7 случаях костяки сопровождались двумя застежками, в 2 случаях – тремя. Это означает, что костюм с одной фибулой был самым распространенным. Две фибулы были встречены в 3 или 4 случаях у женщин, в 2 случаях – у детей и только один раз в мужском погребении. В могилах с тремя фибулами был похоронен ребенок (*juvenis*?) и две женщины. Фибулы не парные, часто одна из них или обе – эмалевые или дисковидные броши. Декоративное назначение таких фибул, возможно, объясняет отсутствие этих вещей в мужских погребениях.

В некрополе Мадараш / Madaras, где хоронили с рубежа II–III вв. до рубежа IV–V вв., 49% женщин носили фибулы, что в целом соответствует общей альфельдской традиции. При этом, фибулы зафиксированы только в 28% мужских погребений и в почти половине детских – это необычайно большое количество (*Kőhegyi, Vörös*, 2011. P. 264, 279, 297). В Ньиредьхазском могильнике, большинство погребений которого относятся к II – концу III в., пропорции иные. Здесь из 140 исследованных могил только в 50 были фибулы, но из них 22 погребения принадлежало женщинам (44%), 12 – мужчинам (24%) и только 13 – детям (26%). Тем не менее, очевидно, что у детей фибулы присутствовали чаще, чем у мужчин.

Для альфельдских сармат изначально характерен костюм с одной фибулой. Но уже с середины II в. появляются, хотя и в небольшом числе, погребения с двумя не парными фибулами разных типов. Этот вопрос заслуживает более детального изучения. Согласно общепринятому мнению, в раннюю эпоху переселения народов пара фибул на плечах служит для скрепления пеплоса, а корни такого способа ношения уходят к носителям вельбаркской и черняховской культур (*Мастыкова,* 2011. С. 342). В то же время, использование двух фибул есть и у сарматов. Раннее появление этого обычая в Альфельде показывает, что в данном случае о вельбаркском или черняховском влиянии речи идти не может. В то же время, в степном костюме этот элемент редок – там, за небольшим исключением, находят по одной фибуле в погребении.

В Альфельде известны случаи, когда фибула точно не использовалась для скрепления одежды. Например, в пружине фибулы из могильника Тисадоб / Tiszadob была найдена нить, при помощи которой вещь пришивалась к одежде. В качестве броши, пришитой к одежде, могли пользоваться фибулой из Эгерлёвё / Egerlövő, где на иглу были нанизаны бусы[6], что исключало возможность применять застежку по прямому назначению. Известны экземпляры, которые попадали в погребения уже без игольного аппарата.

В тех случаях, когда в погребении зафиксирована одна фибула, у погребенных обоих полов чаще всего она располагается на груди или под подбородком. У мужчин ненамного больше случаев нахождения застежки у плеча, у женщин – минимально преобладает

[5] Раскопки Э. Иштванович, не опубликовано.
[6] Устное сообщение автора раскопок Эмеше Ловас.

область груди. Ношение нескольких фибул больше характерно для женщин, в мужских и детских захоронениях они встречаются намного реже. По две фибулы в погребениях встречаются редко в течение всего сарматского времени, а 3 и больше – только в исключительных случаях.

Редки погребения, в которых фибула располагается в районе бедра, таза, запястья или руки. В погребении 102 Ньиредьхазского могильника (юноша 14–16 лет) фибула явно скрепляла сумку. То же самое можно предположить в отношении мужского погребения из Сольнок-Сандасёлёш / Szolnok-Szandaszőlős, где железная фибула найдена рядом с кистью руки вместе с бронзовой монетой Максимиана, железным кольцом, ножом и другими железными фрагментами (*Vaday,* 1989. P. 270). Фибулы у таза или запястья встречаются нечасто, но в течение длительного времени – со II в. вплоть до начала V в. В отдельных случаях фибулы встречаются у ног, например, в погребении 361 могильника Мадараш найдены 3 фибулы, 2 из них вместе с другими вещами были помещены в шкатулку (*Kőhegyi, Vörös,* 2011. P. 114–115).

* * *

Фибулы активно использовались населением обеих территорий, причем как во взрослом, так и в детском костюме. В Крыму этот аксессуар появляется примерно на два столетия раньше, но вплоть до середины I в. н. э. преобладал, по всей видимости, бесфибульный костюм; доминирует эта модель костюма и во второй половине III–IV в. В ранних сарматских комплексах Альфельда фибулы встречаются чрезвычайно редко, но уже с середины II в. и до конца сарматской эпохи застежки встречаются повсеместно.

В Крыму и в Карпатском бассейне использовались разные фибулы, но в обоих регионах были распространены застежки римских типов. Особенно они характерны для сарматского Барбарикума Альфельда, окруженного римскими провинциями. В крымских предгорьях римские фибулы типичны для первых двух столетий нашей эры, но в течение всего римского периода преобладают фибулы местного, севернопричерноморского производства. Интересно, что и в Альфельде, и в предгорьях Крыма римские фибулы-броши использовались, в основном, в женском костюме, выполняя не только утилитарную, но и декоративную функцию.

Подавляющее большинство фибул в комплексах двух регионов найдено в районе груди или шеи, по 1 экземпляру, что свидетельствует о доминировании однофибульного костюма, в котором застежкой на груди скреплялась верхняя распашная одежда, скорее всего – куртка или распашной халат. Двухфибульный костюм («пеплос») редок, особенно в Альфельде, а три фибулы и более встречаются в единичных случаях (но об этом можно судить осторожно из-за высокого процента ограбленности), хотя в Крыму такие ситуации фиксируются чаще, чем в Карпатском бассейне. Примечательно, что в обоих регионах зафиксирована традиция использовать фибулы не только для соединения краев одежды или ее декора (когда фибулы пришивались к материалу): с помощью застежек, найденных в скоплениях предметов возле рук или в районе таза, вероятно, крепились к верхней одежде сумки или мешочки, а поломанные фибулы выполняли в погребении совершенно иную, не понятную нам роль, не связанную с функциональным назначением этих изделий.

Несмотря на значительное сходство традиций использования фибул в костюме, вряд ли можно говорить о прямых контактах или взаимовлиянии населения двух отдаленных регионов. Фибулы являлись атрибутом, характерным для всего сарматского, и не только сарматского, мира, а однофибульный костюм преобладал в римский период на обширной территории от Волги до Дуная. Более надежным маркером контактов жителей крымских предгорий и Карпатского бассейна может, вероятно, выступать обычай надевать на иглу фибулы различные предметы – кольца, перстни, бусы и т. д. В Крыму этот феномен был широко распространен в I–III вв. н. э., в Альфельде встречается крайне редко, что позволяет говорить о том, что для альфельдских сарматов этот обычай чужд и был привнесен извне и, скорее всего – именно с территории Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И., 1976. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму // Советская археология. № 4. С. 121–151.

Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнельт Э., Масякин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф., 2007. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н. э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 249–290.

Мастыкова А.В., 2011. Женский костюм черняховской культуры с двупластинчатыми фибулами // Библиотека Stratum Plus. Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О.В. Шаров. СПб., Кишинев: Университет «Высшая антрополоическая школа». С. 341–365.

Мордвинцева В.И., Зайцев Ю.П., 2003. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // Российская археология. № 3. С. 135–154.

Пуздровский А.Е., 2002. Грунтовый склеп рубежа н.э. из окрестностей Неаполя скифского // Северное Причерноморье в античное время / Ред. П.П. Толочко. Киев. С. 162–172.

Пуздровский А.Е., 2007. Крымская Скифия III в. до н.э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.

Пуздровский А.Е., Труфанов А.А., 2017. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь: ИП Бровко. 372 с.

Сымонович Э.А., 1963. Фибулы Неаполя скифского // Советская археология. № 4. С. 139–151.

Храпунов И.Н., Масякин В.В., Мульд С.А., 1996. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред.-сост. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия. С. 76–155.

Храпунов И.Н., Мульд С.А., Стоянова А.А., 2009. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь: Доля. 94 с.

Ettlinger E., 1973. Die römischen Fibeln in der Schweiz. Bern: Francke. 198 S.

Jobst W., 1975. Die römischen Fibeln aus Lauriacum. Forschungen in Lauriacum 10. Linz: Oberösterreichisches Landesmuseum. 246 S.

Istvánovits E., Kulcsár V., 2017. Sarmatians – History and Archaeology of a Forgotten People. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Band 13. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 491 p.

Istvánovits E., Kulcsár V., 2018. "… aligha állhat nekik bármely csatarend ellent." Egy elfelejtett nép, a szarmaták. A Jósa András Múzeum Kiadványai 74. Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről 5. Nyíregyháza, Szeged: Jósa András Múzeum – Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke. 539 p.

Khrapunov I., Stoyanova A., 2018. Fibulae in the cemetery of Nejzac // Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin / Red. B. Niezabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiewicz, S. Sadowski, M. Stasiak-Cyran, M. Erdrich. Tom I. Lublin. P. 456–479.

Kőhegyi M., Vörös G., 2011. Madaras-Halmok. Kr.u. 2–5. századi szarmata temető. Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről 1. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke. 455 p.

Peškař I., 1972. Fibeln aus der römischen Kaiserzeit in Mähren. Praha: Academia. 212 S.

Vaday A., 1989. Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums. Antaeus. Budapest. 290 S.

Vaday A., 2005. Adatok a szarmaták fémművességéhez (Tiszaföldvár-Téglagyár) / Angaben zur Metallurgie der Sarmaten (Tiszaföldvár-Téglagyár/Ziegelei) // Szántó Kovács Múzeum Évkönyve. 7. P. 151–197.

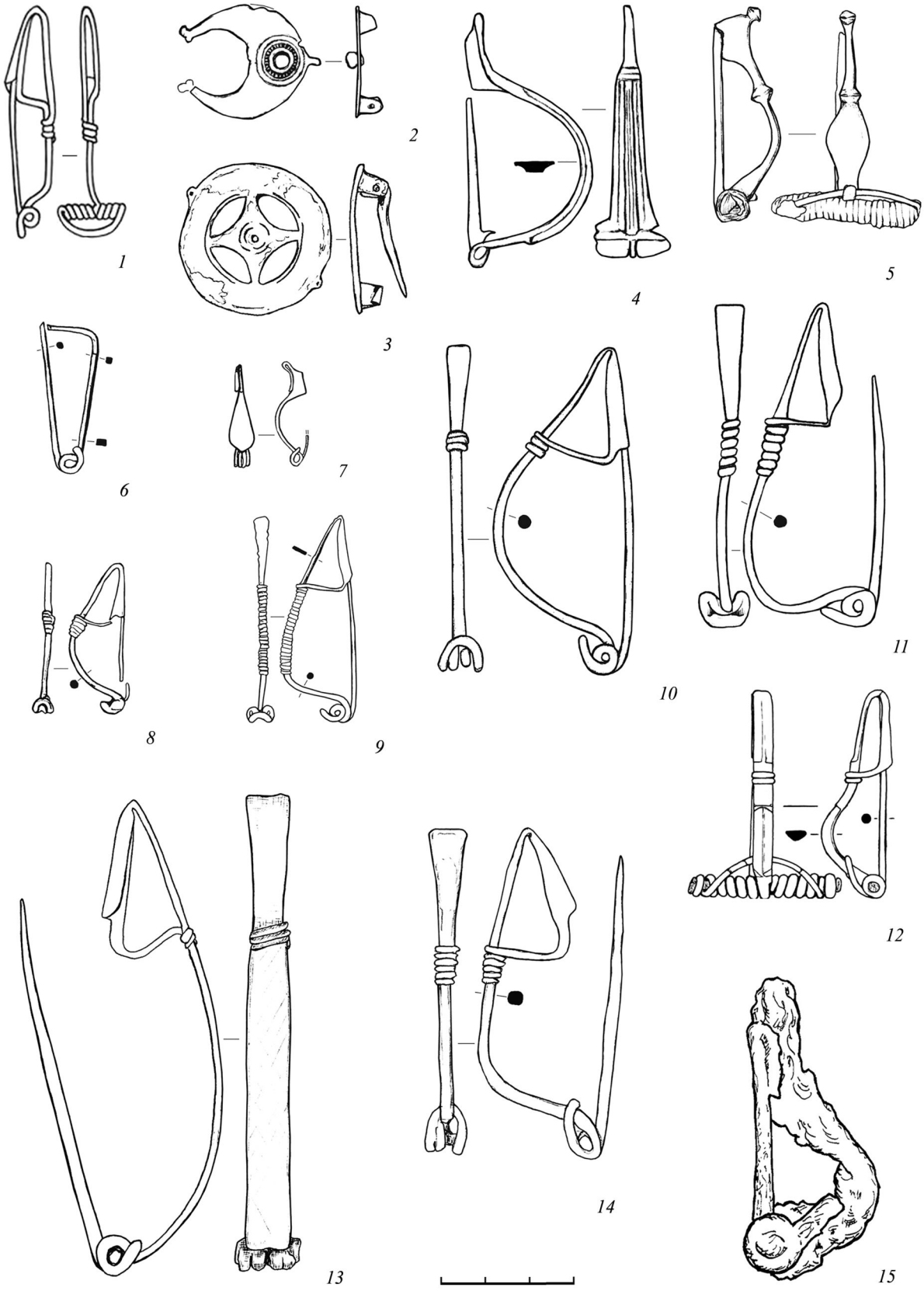

Рис. 1. Фибулы из памятников предгорного Крыма

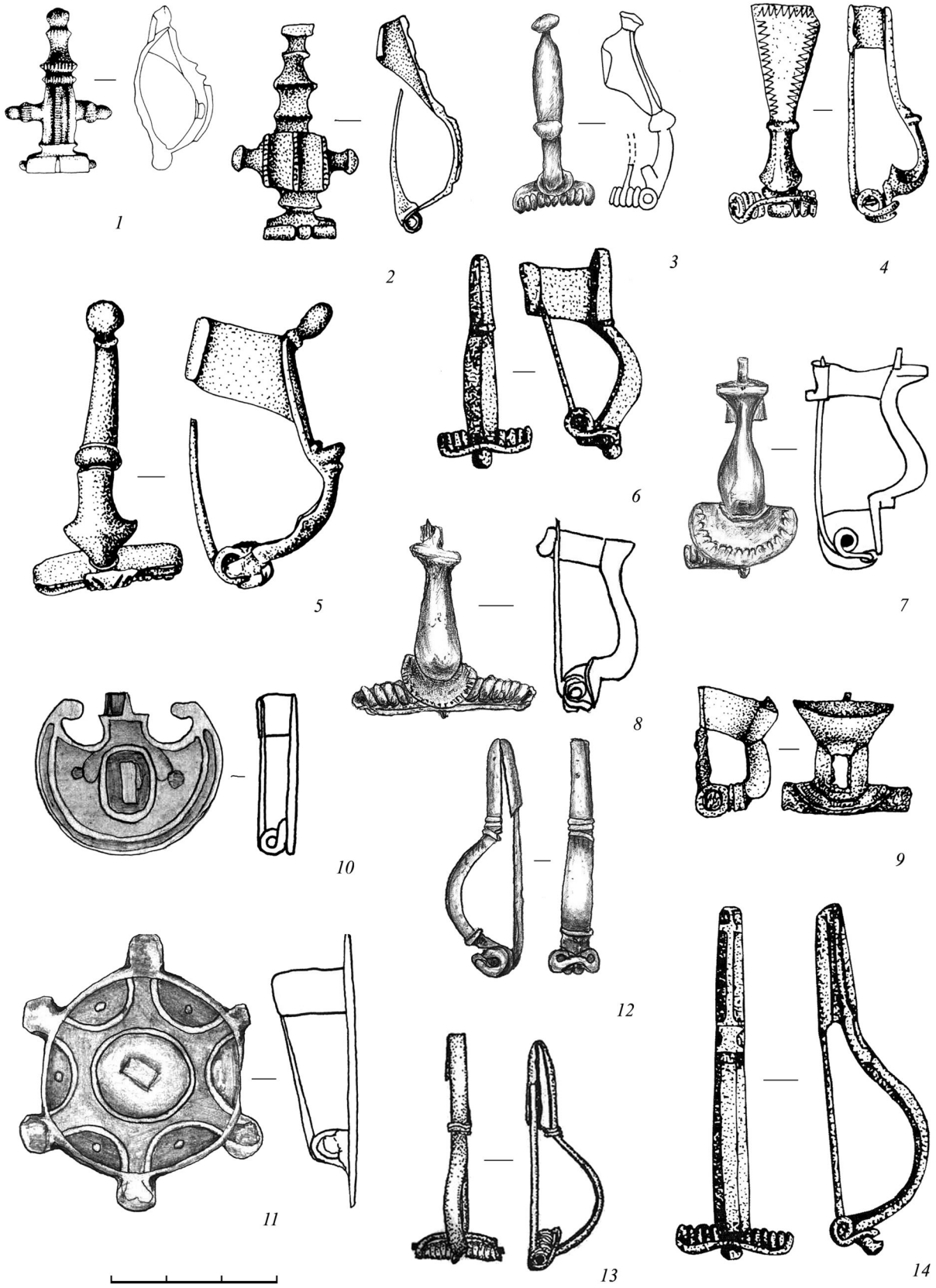

Рис. 2. Фибулы из сарматских памятников Альфельда

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.248-259

BROOCHES OF TYPE ALMGREN GROUP VII, SERIES I, VARIATION WITH HEADKNOB AND VERTICAL CATCHPLATE FROM THE TERRITORY OF ROMANIA

Bârcă, Vitalie
Institute of Archaeology and Art History of the Romanian Academy, Cluj-Napoca, Romania
Cociş, Sorin
Institute of Archaeology and Art History of the Romanian Academy, Cluj-Napoca, Romania

Abstract: We attempt herein to analyse, based on archaeological finds, brooches of type Almgren VII, series I, variation with headknob, external chord and vertical catchplate discovered in Romania. A number of 85 such brooches were examined, from several sub-variants, dated to certain chronological spans of the period comprised between the last decades of the second century – first decades of the fourth century AD.

Keywords: brooches, workshops, moulds, Dacia, Przeworsk culture, Barbaricum, Sarmatae, Vandals, Germanic peoples

ФИБУЛЫ ГРУППЫ АЛЬМГРЕН VII, СЕРИЯ I, ВАРИАНТ С КНОПКОЙ НА ГОЛОВКЕ И ВЫСОКИМ ПРИЁМНИКОМ С ТЕРРИТОРИИ РУМЫНИИ

Быркэ Виталий
Институт археологии и истории искусств Румынской академии, Клуж-Напока, Румыния
Кочиш Сорин
Институт археологии и истории искусств Румынской академии, Клуж-Напока, Румыния

Аннотация: Авторы данной статьи анализируют археологические находки фибул группы Альмгрен VII, серия I, вариант с кнопкой на головке, внешней тетивой и высоким приемником, выявленные на территории Румынии. Материалом для исследования стали 85 фибул данного типа, принадлежащие к нескольким подвариантам и датирующиеся разными хронологическими отрезками в рамках периода между последними десятилетиями II – первыми десятилетиями IV в. н. э.

Ключевые слова: фибулы, мастерские, литейные формы, Дакия, пшеворская культура, Барбарикум, сарматы, вандалы, германцы

Introduction

Brooches of this type have a fastening system consisting in a spring made of eight to forty coils set individually, or in groups of two or three, with exterior chord. The brooch body is strongly curved. The body surface features one or two middle grooves while there is a small neck at the place where the foot meets the body. Ornaments include the pearl system made either by granulation or by decoration with notched wire which gives the pearling appearance. The brooch head is incorporated into the terminal part of the body. It occasionally ends with a projecting knob, which, in some versions, flattens (being rendered more schematically), even joining the support (by casting). The attachment support of the spring may display one to three orifices depending on the type of spring simple, double or triple. The foot is either short or long, may be facetted, and most often ends in a knob. The catchplate is rectangu-

lar, short or long, parallel or oblique to the foot. These brooches consist of two elements, namely the brooch proper, made of one metal piece, and the separate spring. Bronze is the metal most frequently used for making such brooches; at a certain stage there also appear silver specimens, or, exceptionally, ones of iron.

Short history of the research

Over the years, brooches of the Almgren VII group have enjoyed the attention of several scholars (for the history of research of these brooches with complete bibliography see *Cociș, Bârcă,* 2014. P. 191–195), who assigned their origin to the Danubian and Rhine provinces (M. Párducz), the eastern Germanic world (E. Patek), the southern Banat and the eastern territories (M. Párducz), or the Central-European Barbarian area on the middle Danube (R. Kenk). For Slovakia, T. Kolnik believed that we are dealing with a local development, while for the territory of Moravia their emergence is related by I. Peškař to contacts between the Quadi and the Sarmatians. The existence of a local production of such brooches in the Upper Dniester area was supported by M. Yu. Smishko. A. Vaday revisits the Sarmatae, but also Dacian or Roman provincial origin of the discussed type. Likewise, M. Maczyńska believes that the origin of this type should be sought in the Sarmatae world of the Great Hungarian Plain and the area east of the Roman province of Dacia (Romanian Moldavia and Muntenia), where the brooches in question developed under the influence of certain brooch types specific to the provinces of Pannonia and Dacia, later diffusing to the northern territories.

T. Schulte divides Almgren VII brooches in three series, without yet considering the closing mechanism (the spring and chord design) as main factor, while the absolute chronology of the brooches of the type is briefly discussed.

In the last two decades have been published numerous studies with significant and very important contributions concerning the brooches in group Almgren VII from the area of the Chernyakhov and Kiev cultures. These were written by A. M. Oblomskij, M. B. Lyubichev, B. B. Didyk, E. L. Gorokhovskij, O. V. Gopkalo or K. I. Bakumenko *et alii* and significantly complete existing information from previous works. Subsequent to the analysis of brooches in group Almgren VII from the region east of the Dnieper, M. B. Lyubichev assumed they originate from the Wielbark environment.

In the recent typology of the brooches in the headknob and external chord variant drafted for Roman Dacia and the Barbarian milieu of the Tisza river basin (*Cociș, Bârcă,* 2013; *Cociș, Bârcă,* 2014), it was noted that their diffusion area, together with the finds area indicative of their production, clearly amass in the Barbarian world, mainly that Germanic or in its close connection, and that the brooches in this version were born in the Przeworsk culture environment, from where they diffused southwards and eastwards.

Typology

A new typology of the brooches in group Almgren VII, series I (*Cociș, Bârcă,* 2014. P. 196–197) was suggested based on the rich material existing today and starting from T. Kolnik's classification, whose main criterion was the chord position: either internal or external (*Kolník,* 1965, P. 189–199). According to the body and catchplate shape and the attachment of the spring, two main variations were proposed: variation **A** (internal chord) and variation **B** (external chord). Variation **B** was sub-divided based on the chord attachment into **B1** (external chord and attachment support) and **B2** (external chord and headknob). Subvariant **B2** was subdivided depending on the spring making, material, presence or lack of ornament etc. (see in this respect *Cociș, Bârcă,* 2014. P. 196–197).

In the study here we considered only subvariant **B2**, represented by a larger number of specimens, yet also the existing workshops (Fig. 6) where the subvariant was produced (for additional information on workshops see *Cociș, Barca,* 2013). Chronologically, these production centres date to the last decades of the 2nd century AD and early/first quarter of the 4th century AD.

Geographical delimitation of the investigated area

The investigated area comprises the territory of the Roman province of Dacia and the nearby regions, located in Romania.

1. Roman Dacia

In the current state of research of the territory of the former Roman province of Dacia, **32** brooches in this variation (Fig. 1: *1–20*) and two moulds (Fig. 5: *7, 12*) are known. To these also add other six brooches from the border borough of Porolissum (Fig. 2: *1–6*). The brooches are diffused, with a single exception (Micia) throughout Dacia Porolissensis (Fig. 5). Out of the **32** bronze specimens, yielded by nine findspots, **19** have a secure findspot (forts (9 expls.); Napoca (1 expl.); the amphitheatre of Porolissum (1 expl.); the border borough of Porolissum (6 expls.); the Călugăreni settlement (1 expl.); the civil baths of Sutoru (1 expl.). Numerically, most are known from Porolissum (19 expls.), from where also comes the bronze mould (*Cociș, Bârcă,* 2013. P. 170. Fig. 5), evidence of production in this important military, economic and trading Roman centre located by the north-western border of the province of Dacia. Nevertheless, it is very likely that in the customs area of Porolissum were active Germanic origin Barbarian artisans who made such brooch types.

Among the specimens in Dacia, **31** belong to subvariant **B2a1a1**, whose main features are the sizes under 4 cm; external chord, spring made of 10–15 coils; strongly arched body with headknob; faceted foot which commonly ends in a knob; short, rectangular catchplate, parallel to the foot. The **32**nd example (the border borough of Porolissum) has the spring support in a rectangular shape, long catchplate oblique to the faceted foot (Fig. 2: *6*). It had the spring chord composed of 14–20 coils inserted through the second support hole (type **B2a1b3**).

On the basis of the specimens yielded by well dated archaeological contexts, it may be assumed that the use period of brooches in subvariant **B2a1a1** from Dacia mainly frame in the chronological interval between the last two decades of the 2nd century AD and mid 3rd century AD. The specimen with chord inserted through the second orifice of the support dates to the first half of the 3rd century AD.

The relatively small number of such brooches from the territory of Dacia, the cluster of finds exclusively in the northern side of the province and their lack from the remaining Roman provinces by the Lower and Middle Danube, indicate these were not used by the Romans, but must be related to the presence by the borders of Dacia of the Vandals and some Germanic elements on province territory.

2. The Barbarian environment from the west, north and north-west of Dacia

Overall, for these territories it was succeeded to identify a number of seven brooches from six findspots (Fig. 5). Of their total, two come from burials (Fig. 2: *7*) and four from settlements (Fig. 2: *8–12*) located in the territories north and north-west of the province border.

Typologically, there may be distinguished five bronze exemplars in subvariant **B2a1a1** (Fig. 2: *7–11*) and four in silver in subvariant **B2b2b1a**, originating from a grave at Medieșul Aurit (Fig. 2: *12*) and a settlement from Zalău.

Subsequent to the analysis of the specimens yielded by a series of well datable features, it was noted that brooches in subvariant **B2a1a1** were used in territories located to the west and north-west of Roman Dacia (the Sarmatae and Daco-Vandal worlds) during the chronological span between the last two decades of the 2nd century AD and mid 3rd century AD (phases C1a-C1b) (*Cociș, Bârcă,* 2014; *Bârcă,* 2019).

Type **B2b2b1a** specificities include sizes over 4 cm. The double spring is formed of 10–40 coils; the headknob, occasionally rendered schematically, is decorated (pearled) with one or two lines. The support is rounded, while the body and foot are also decorated with pearl lines made of coiled pearled wire. The catchplate is much larger and oblique to the usually facetted foot. Another specificity is that the decorated catchplate is pierced, with one or two rods decorated by their ends with silver pearled wire inserted through it.

Similar bronze and silver specimens, with pierced and decorated catchplate were also discovered in Poland, in both the Przeworsk culture area as well as in that of the Wilbark culture area where are dated to phases C1a-C1b (*Andrzejowski,* 2001. P. 56–57, 62. Fig. 2).

The silver and bronze brooches with double spring with external chord, head ending in a double hemispherical knob and decorated body were also discovered in the area between the Upper Dniester and Severskij Donets (*Любичев, Дидык,* 2001–2002. P. 340–342. Fig. 1; 2, *9*; *Любичев,* 2003. P. 76. Fig. 4; *Гороховский, Гопкало,* 2004. P. 110, 118–119. Fig. 5, *1–2, 4*; 6, *8–9*).

These were used, according to their area of origin, starting with the second third of the 3rd century AD, mainly its mid and second part, however these could remain in use also by early 4th century AD.

3. The Barbarian environment from the east and south-east of Dacia

In the current state of research, in the eastern and south-eastern territories of Romania, are known **46** specimens yielded by **27** findspots (Fig. 5).

The exemplars in subvariant **B2a1a1**, as well as the majority of exemplars from Dacia and the western territories are represented by two examples (Fig. 3: *1–2*). The specimen of Cucorăni dates to the final stage of phase C1a – etapa C1b, while that in the Lețcani grave is dated to the 4th century AD is a relic.

Other **12** brooches (Fig. 3: *4–10*) belong to subvariant **B2a1a2.** These are large in size (4–5.5 cm), the spring is formed of 10–40 coils, while the headknob is sometimes rendered schematically. The support of the brooches in this subvariant is rounded, while the catchplate is much larger. The main specificity is represented by the oblique catchplate in relation to the foot, commonly, faceted.

Exemplars differentiating from those in the previous subvariant by X or incised lines decoration existing on the catchplate (type **B2a1b2**) are represented by the exemplar in the Barboși settlement, for which there is no secure archaeological context.

The brooches in the two subvariants from the eastern and south-eastern space of Romania, show they were mainly used during phase C1b – phase C2. To this chronological segment in fact date such brooches from other neighbouring areas (*Maczyńska,* 2003. P. 309, Pl. 6, *6–7*; *Гороховский, Гопкало,* 2004. Pl. 2. Fig. 11; *Любичев,* 2003. P. 71–81).

Another subvariant (**B2a1b3**) is represented by three specimens, characterised by much smaller sizes (commonly under 4 cm). The brooch head has a well marked knob, the bow is half-round, while the short foot ends in a knob. The catchplate is short. Its main specificity consists in the chord's insertion through the second orifice of the support (Fig. 3: *11–12*; 4: *1*), a system characteristic to the Barbarian world that also emerges with other brooch types (*Cociș,* 2004. Cat. no. 333–334; *Bârcă,* 2016. P. 245). Although there is no intact example in this subvariant, we believe that these brooches, although provided with two orifices in the attachment support, were not able to carry two springs. The three specimens come from features and contexts indicative *grosso modo* of a dating to the first half of the 3rd century AD (end stage of phase C1a – phase C1b).

Type **B2a1b4** (7 expls.) differentiates from the previous by much larger sizes, the spring commonly made up of 14–20 coils, rectangularly-shaped spring support, spring chord inserted through the second support hole, long catchplate oblique to the foot, usually faceted (Fig. 4: *2*). The brooches in this type were discovered in the Przeworsk environment (*Kenk,* 1977. P. 334–335; *Czopek, Podgórska-Czopek,* 2004. Fig. 7, d) and Sântana de Mureș-Chernyakhov milieu (*Любичев, Дидык,* 2001–2002. Fig. 4, *4–5*). Chronologically, they frame, based on parallels, in phases C1b-C2, although the graves which yielded some of them (Pâncești T 2, Poienești Gr 1410)[1] evidence a dating to phase C1b and early phase C2 as well.

Another subvariant is represented by specimens characterised by large sizes and an existing double spring on rectangular support (**B2b1a2**). For the rest, it exhibits the same morphological specificities as the previous subvariant.

The first exemplar which may be ascribed with certainty to this subvariant with double spring comes from the Bârlad-Valea Seacă settlement. The brooch was dated to late 3rd century AD – early 4th century AD (*Palade,* 2004. P. 223). The second example comes from a grave in the bi-ritual cemetery of Gabăra-Moldoveni. The specimens with double spring in bronze are rather rare in the Barbarian world, likely duplicating and simplifying (in terms of ornaments) those in silver. Chronologically, they belong, based on analogies, to the chronological span corresponding to stages C1b-C2.

A number of 17 specimens although providing important information, for the lack of the

[1] Abbreviations: T = Tumulus; Gr = Grave.

spring may be part of any of the two subvariants, respectively with spring and chord inserted through the rectangular support (**B2a1b4**) or two-springed (**B2b1a2**) (Fig. 4: *3–6*).

In parenthesis, we wish to mention that the number of fragmentary brooches for which it is impossible to identify an accurate sub-typology is identical in all areas where such brooches were identified.

Although fragmentary, many of these brooches chronologically frame, based on find contexts and features of origin, as well as their parallels, to the chronological span between the third decade of the 3rd century – first decades of the 4th century AD (phase C1b – early phase C3).

Beside these bronze specimens, in the discussed area were also discovered a few silver pieces.

The first was yielded by the Domnești-Sat settlement (Fig. 4: *7*) and belongs to subvariant **B2b2a2**, whose features include sizes over 4 cm to 5.5 cm. The double spring is composed of 10–40 coils, the headknob being occasionally rendered schematically, while the support is rounded. The catchplate is large compared to the brooch body and is oblique to the faceted foot.

Two of the silver specimens (one fragmentary) come from the Mătăsaru settlement (Fig. 4: *8*), belonging to subvariant **B2b2b1a.** Closest parallels come from finds in the Barbarian setting of north-western Romania (Zalău, Medieşul Aurit), discussed above. Based on parallels, yet also the find contexts, we believe that the three silver brooches from the eastern and south-eastern area of Romania may be dated to phase C2, while their bearers were individuals in the society elite.

Out of the total analysed exemplars, **35** were discovered in settlements and **11** in graves, out of which four were identified in inhumations. Out of the total brooches, only three are in silver, while with respect to the spring making type, **24** are single springed, five are provided with a double spring while in the case of **17** exemplars, it was impossible to say with certainty whether they had a single spring and chord inserted through the second hole of the support (type **B2a1b4**) or were double-springed (type **B2b1a2**).

Based on the analysis of the brooches in this type from the eastern and south-eastern Romania as well as of the contexts and features where these were found, it may be concluded that chronologically they date in the said area mainly to phase C1b – early phase C3, emerging though by early 3rd century AD.

In the latter area, one may currently assume that these brooches were made only at Bucharest-Străulești, where a specimen served as printing example (see *Cociș, Bârcă,* 2020. P. 148).

The analysis of the specimens discovered in some graves shows they were worn in pairs (Gabăra-Moldoveni, Lețcani, Sohodor, Pâncești, Poienești), which is a custom specific mainly to the Germanic world, while their wearing was ascribed to women. In this respect, additional evidence is provided, beside the results supplied by anthropological analyses, by the artefacts with which they were discovered in association within the graves (beads, combs, brooches, pendants, earrings, mirrors etc.).

The massive presence of the discussed brooches must be related to the territories located to the north and north-west of Romania. They are a marker (beside other artefacts as well) of the entry and settlement of new groups of Germanic populations in territories lying nearby the province of Dacia, once with phase C1a.

In the current context of the research, it is unfortunately impossible to provide more secure information about the bearers of these brooches, although it is not excluded that certain subvariants from the eastern and south-eastern space of Romania represented an indicator of the entry of the early phase bearers (beginning) of the Sântana de Mureș-Chernyakhov culture in these territories.

REFERENCES

Гороховский Е.Л., Гопкало О.В., 2004. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. Киев: ИА НАНУ. С. 103–130.

Любичев М.В., 2003. К вопросу о времени появления памятников черняховской культуры на днепродонецком водоразделе // Российская археология. № 3. С. 71–81.

Любичев М.В., Дидык В.В., 2001–2002. Об одной группе фибул позднеримского времени в днепро-донецкой лесостепи // Stratum plus. № 4. С. 335–342.

Andrzejowski J., 2001. Późnorzymska zapinka, z Łubnic, woj. Świętokrzyskie // Wiadomości Archeologiczne. Vol. LV. P. 55–63.

Bârcă V., 2014. Sarmatian vestiges discovered south of the Lower Mures River. The graves from Hunedoara Timișană and Arad. Cluj-Napoca: Mega Publishing House. 285 p.

Bârcă V., 2016. Disc brooches of box/capsule type (Dosenfibel/Kapselfibel) in the Sarmatian environment of the Great Hungarian Plain. A few notes on their dating and origin // Orbis Romanus and Barbaricum. The Barbarians around the Province of Dacia and Their Relations with the Roman Empire / Eds. V. Bârcă. Cluj-Napoca: Mega Publishing House. P. 251–282.

Bârcă V., 2019. Notes on a clay mould for brooch casting recently discovered in the Great Hungarian Plain // Journal of Ancient History and Archaeology. Vol. 6, No. 3. P. 119–133. DOI: 10.14795/j.v6i3.446

Cociş S., 2004. Fibulele din Dacia romană / The Brooches from Roman Dacia. Cluj-Napoca: Mega Publishing House. 454 p.

Cociş V., Bârcă V., 2013. The workshops and production of "Sarmatian" brooches (Almgren Group VII, Series I) // Dacia N.S. Vol. LVII. P. 161–175.

Cociş S., Bârcă V., 2014. The "sarmatian" brooches (headknob and full catchplate variant, Almgren group VII, series I) in the Dacia province and the barbarian environment of the Tisza river basin // Dacia N.S. Vol. LVIII. P. 189–214.

Cociş S., Bârcă V., 2020. Brooches of type Almgren group VII, Series I, variation with headknob and vertical catchplate from the east and south-east of Romania (the Barbarian world) // Ephemeris Napocensis. Vol. XXX, P. 137–180. DOI: 10.33993/ephnap.2020.30.137

Czopek S., Podgórska-Czopek J., 2004. Osada z okresu rzymskiego w Grodzisku Dolnym, stan. 22 w świtle dotychcyasowzch badań // Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu IV / Eds. P. Łuczkiewicz. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. P. 71–77. (Monumenta Studia Gothica. No. 4).

Kenk R., 1977. Studien zum Beginn der jüngeren römischen Kaiserzeit in der Przeworsk- Kultur, dargestellt am Beispiel der Gräberfelder von Chorula und Spicymierz // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Vol. 58. P. 161–446.

Kolník T., 1965. K typológii a chronológii niektorých spón z mladsey doby rimskej na juhozápadnom Slovensku // Slovenská Archeologia. Vol. 13, No. 1. P. 183–231.

Maczyńska M., 2003. Przeworsk-Kultur. Jüngere und späte Römische Kaiserzeit // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 23 / Eds. H. Beck, D. Geuenich, H. Steuer. Berlin, New-York: De Gruyter. P. 553–567.

Opreanu C.H., Cociş S., Lăzărescu V., 2020. Barbarian brooches in Roman context. Analysis of the finds from the frontier marketplace at Porolissum (Romania) // Experiencing the Frontier and the Frontier of Experience: Barbarian perspectives and Roman strategies to deal with new threats / Eds. A. Rubel, H.-U. Voss. Oxford: Archaeopress. P. 67–93.

Palade V., 2004. Aşezarea şi necropola de la Bârlad-Valea Seacă (sfârşitul secolului al III-lea – a doua jumătate a secolului al V-lea). Bucharest: Arc 2000.

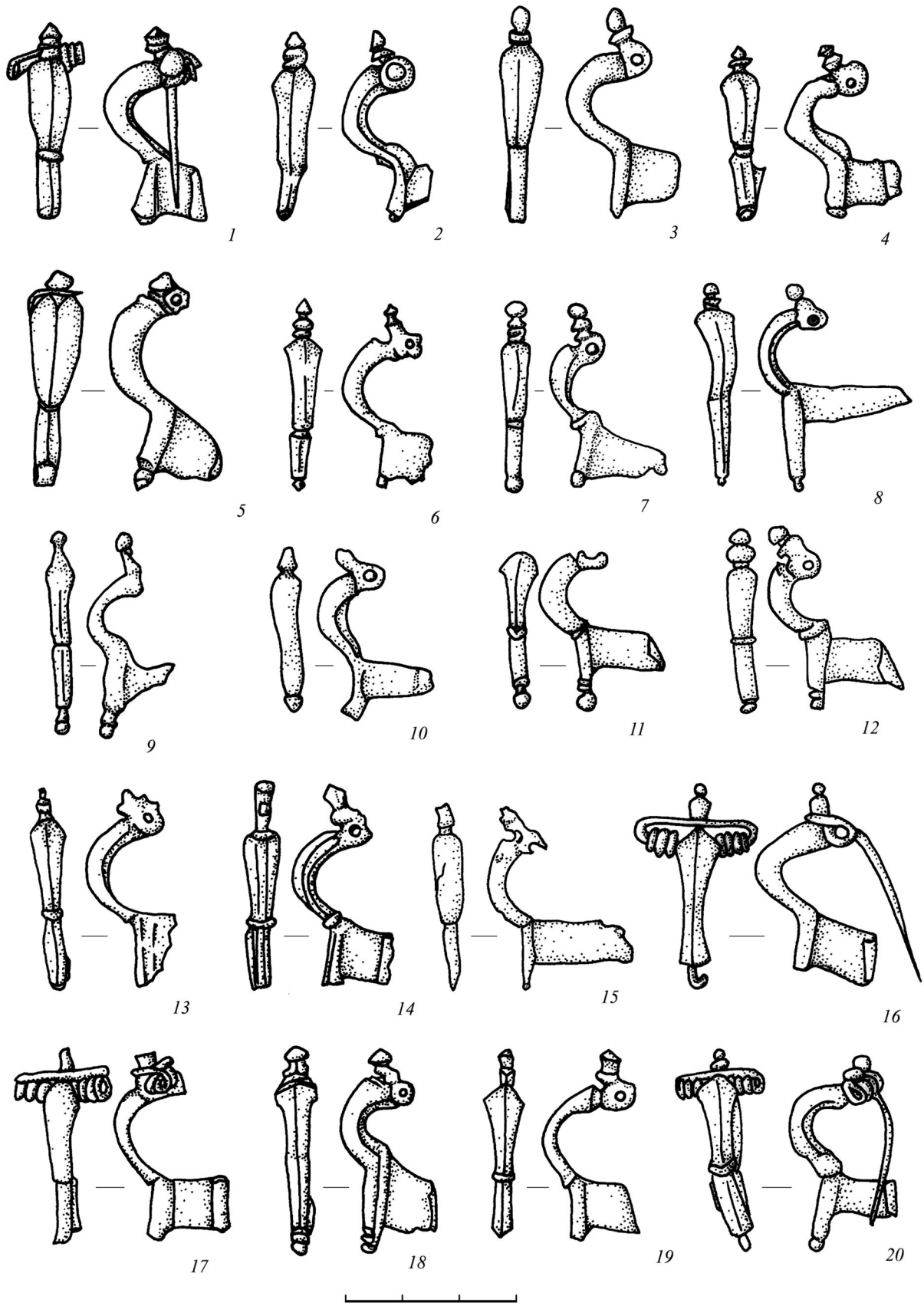

Fig. 1. Brooches in the variation with headknob, external chord and vertical catchplate (Almgren group VII, series I) from Roman Dacia. *1–12* – Porolissum; *13* – Ilişua; *14, 15* – Bucium; *16* – Gherla; *17, 18* – Potaissa; *19, 20* – Micia. *1–20* – Bronze

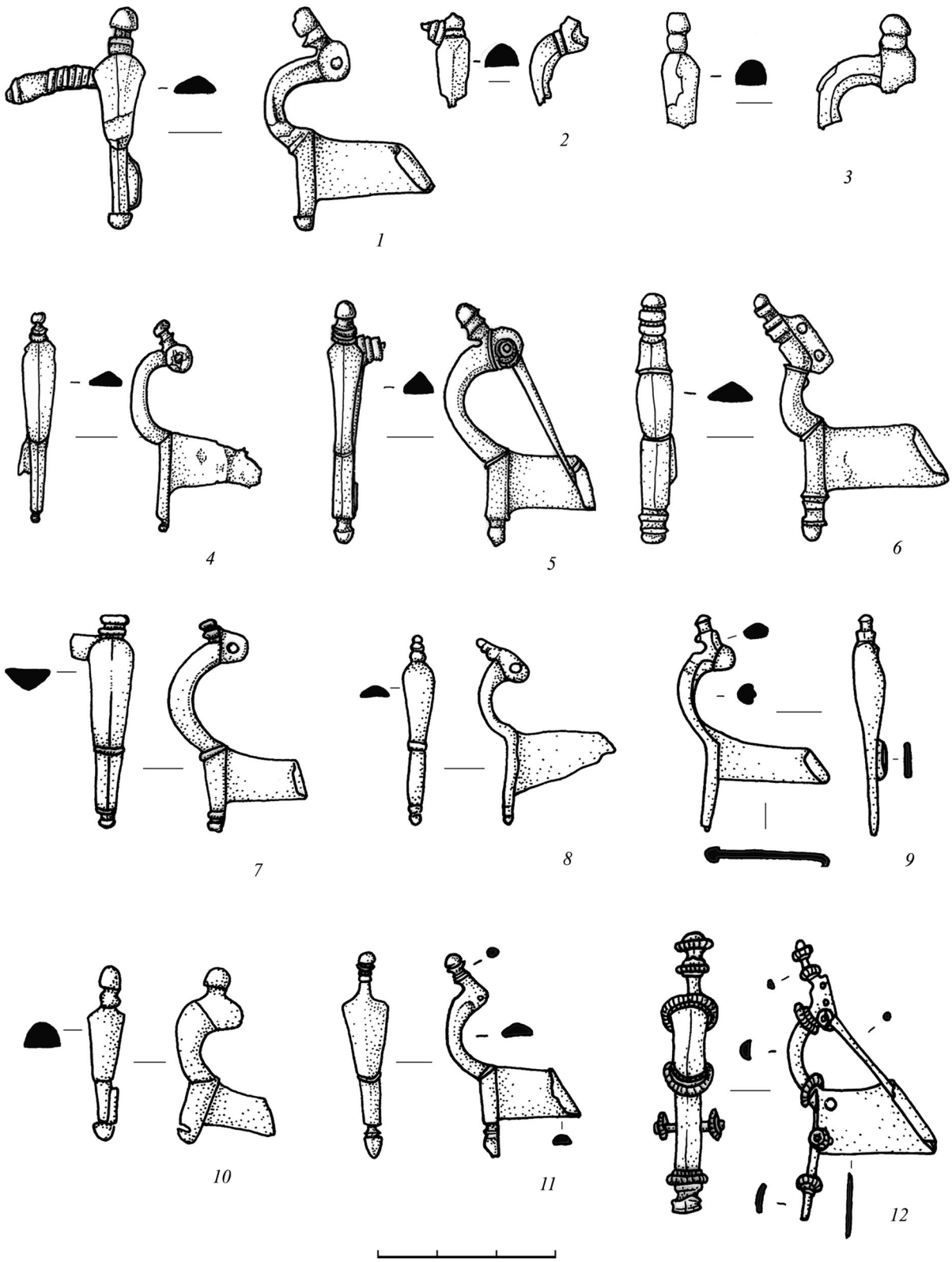

Fig. 2. Brooches in the variation with headknob, external chord and vertical catchplate (Almgren group VII, series I) from the border borough of Porollisum (*1–6*) and the Barbarian environment nearby the western and north-western territories of Roman Dacia (*7–12*). *7* – Hunedoara Timișană; *8, 12* – Medieşul Aurit; *9* – Culciu Mic; *10* – Doh; *11* – Berveni. *1–11* – Bronze, *12* – Silver (*1–6* – after *Opreanu, Cociş*, *Lăzărescu*, 2020)

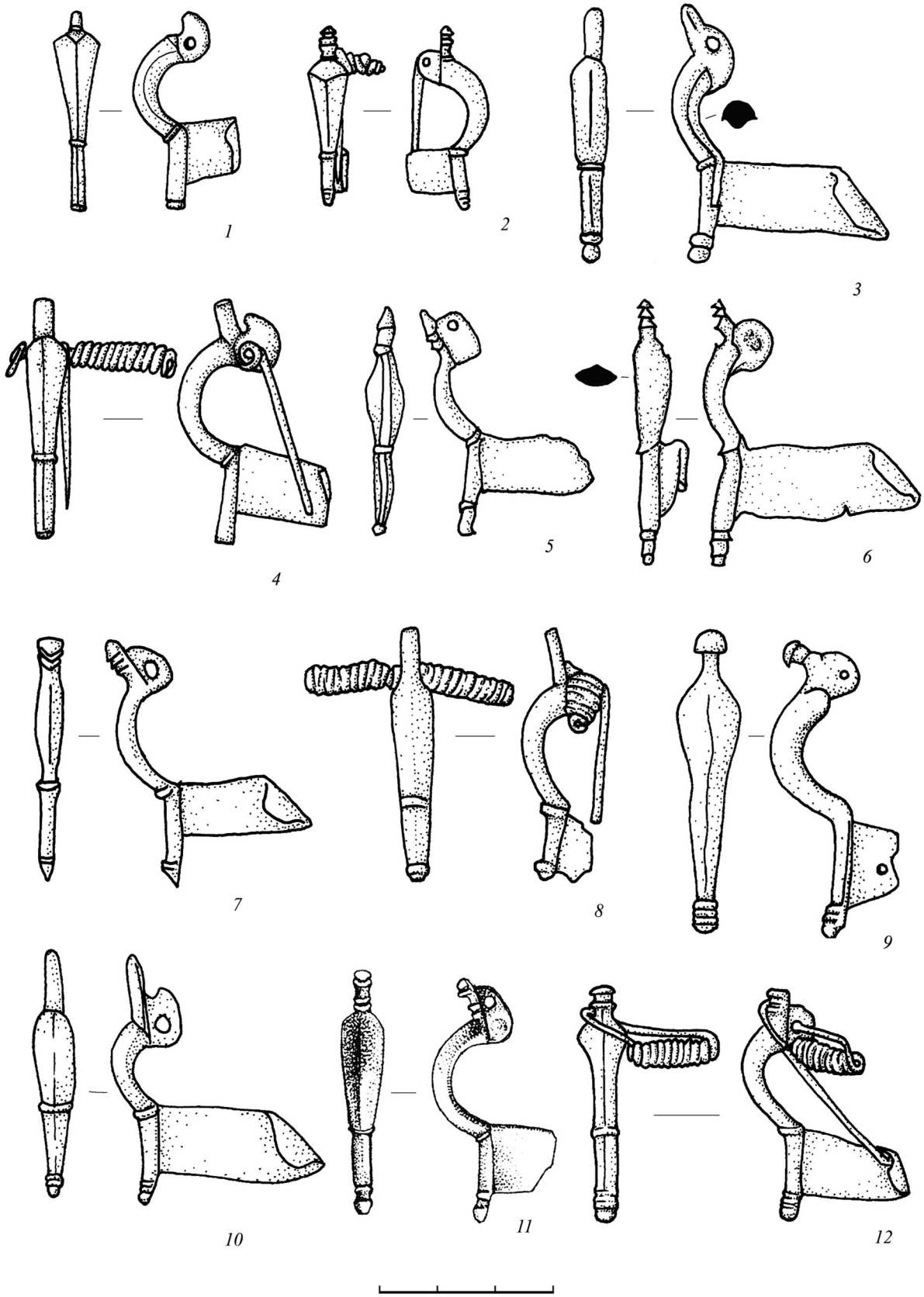

Fig. 3. Brooches in the variation with headknob, external chord and vertical catchplate (Almgren group VII, series I) from the Barbarian environment in the eastern and southern territories of the Carpathians. *1* – Cucorăni; *2* – Lețcani; *3* – Băiceni; *4* – Cucorăni; *5* – Dobrovăț; *6* – Piatra Neamț-Dărmănești; *7* – Poienești; *8* – Sohodor; *9* – Șirna; *10* – Udeni; *11* Chiscani-Sat; *12* – Cucorăni. *1–12* – Bronze

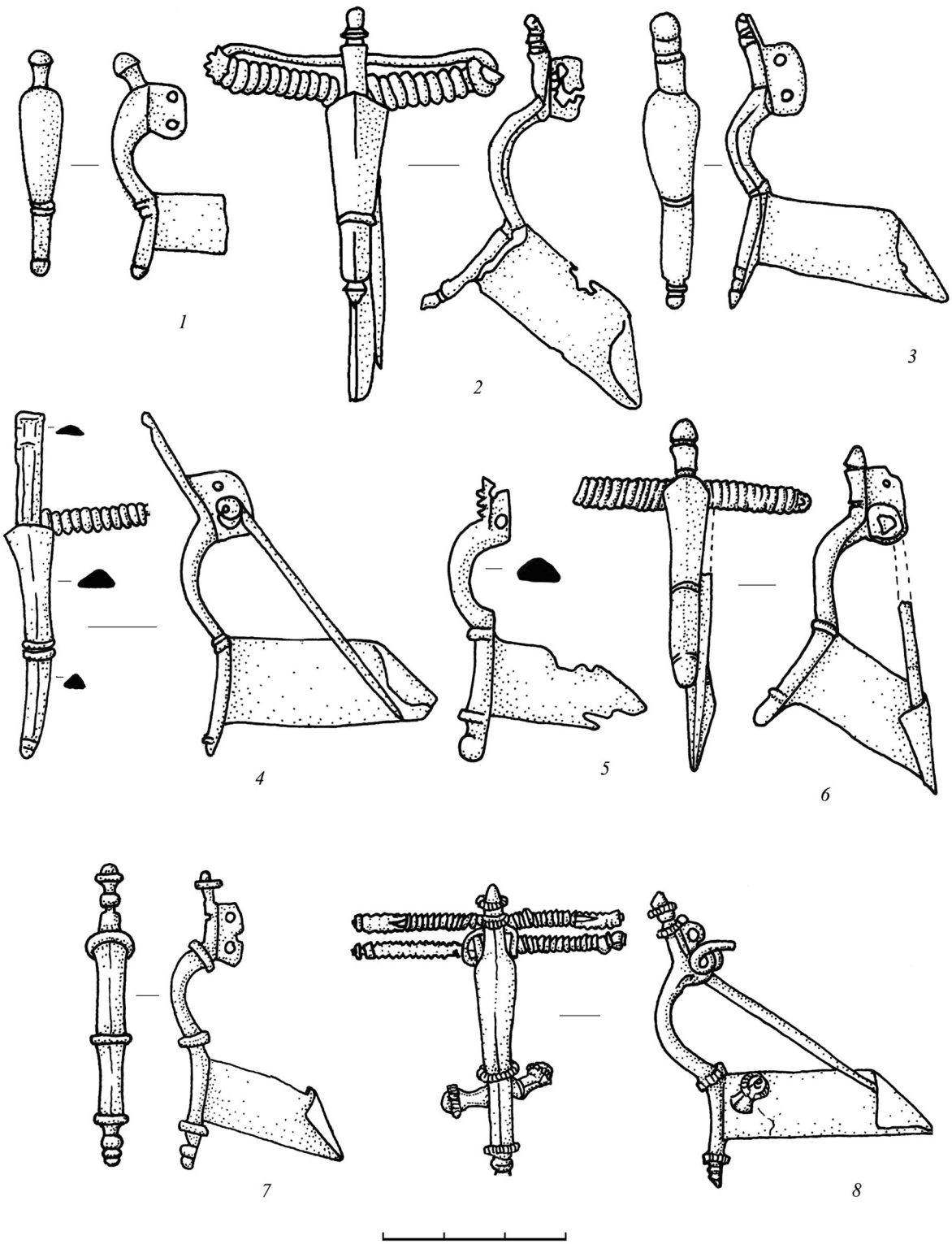

Fig. 4. Brooches in the variation with headknob, external chord and vertical catchplate (Almgren group VII, series I) the Barbarian environment in the eastern and southern territories of the Carpathians. *1* – Poiana Dulceşti; *2* – Poienești; *3* – Bârlad-Prodana; *4* – Bârlad-Valea Seacă; *5* – Târgșor; *6* – Sohodor; *7* – Domnești-Sat; *8* – Mătăsaru. *1–7* – Bronze, *8* – Silver

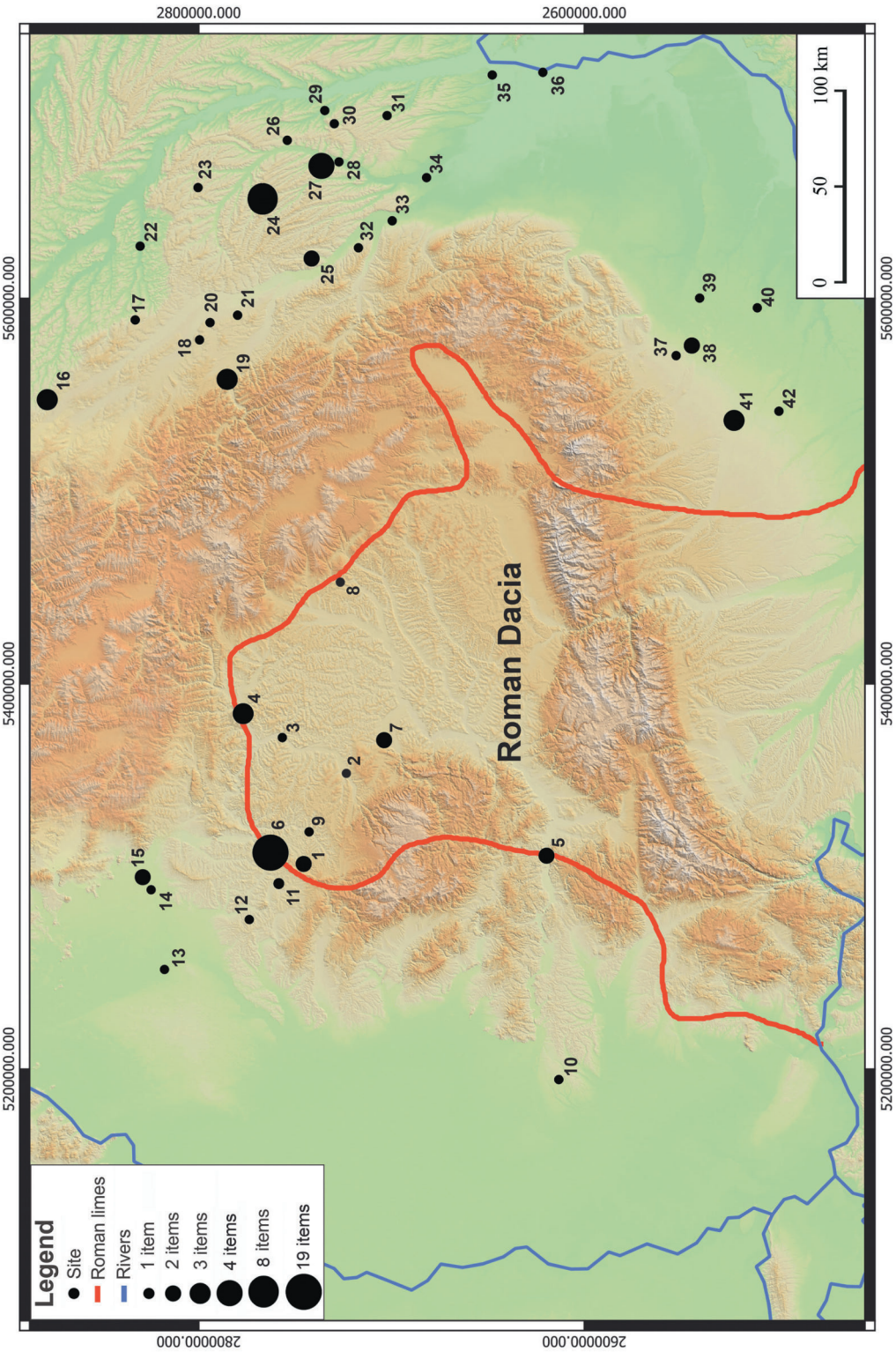

Fig. 5. Map of brooch finds in the variation with headknob, external chord and vertical catchplate from Romania. 1 – Buciumi; 2 – Napoca (Cluj-Napoca); 3 – Gherla; 4 – Ilișua; 5 – Micia (Vețel); 6 – Porolissum (Moigrad-Porolissum); 7 – Potaissa (Turda); 8 – Călugăreni; 9 – Sutoru; 10 – Hunedoara Timișană; 11 – Zalău; 12 – Doh (Măierișțe); 13 – Berveni; 14 – Culciu Mic; 15 – Mediașul Aurit; 16 – Cucorăni; 17 – Băiceni-Silișțe; 18 – Văleni; 19 – Piatra Neamț-Dărmănești; 20 – Poiana-Dulcești; 21 – Gabăra-Moldoveni; 22 – Lețcani; 23 – Dobrovăț; 24 – Poienești; 25 – Sohodor-Horgești; 26 – Gura-Idrici; 27 – 4. Bârlad-Valea Seacă; 28 – Bârlad-Prodana; 29 – Murgeni; 30 – Măluşteni; 31 – Lunca; 32 – Pâncești; 33 – Domnești; 34 – Tecuci-Rateș; 35 – Barboși; 36 – Chiscani-Sat; 37 – Târgșor; 38 – Șirna: 39 – Lipia-Maidan; 40 – București-Străulești; 41 – Mătăsaru; 42 – Udeni

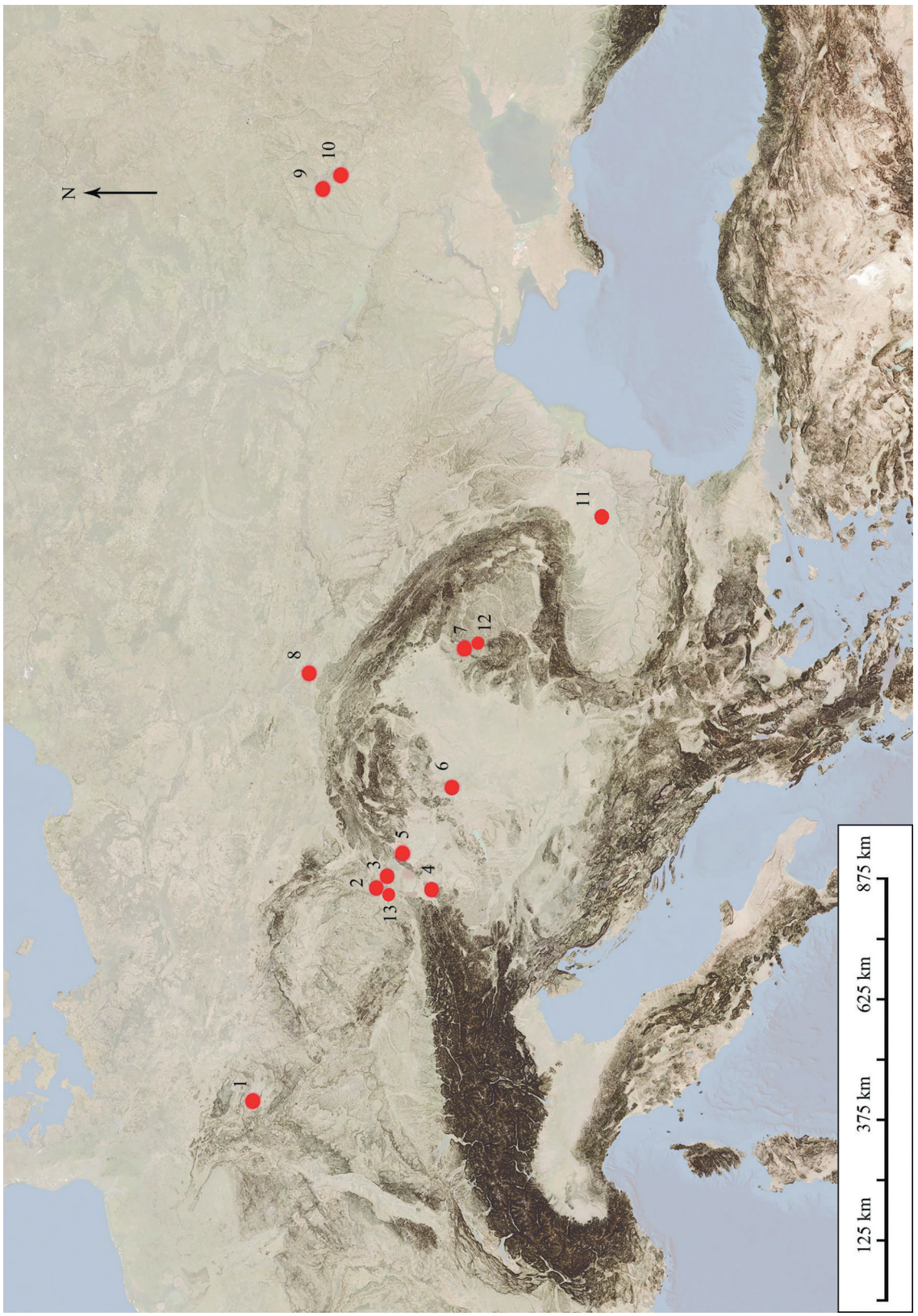

Fig. 6. Distribution area of the workshops making brooches with headknob, external chord and vertical catchplate (Almgren group VII, series I). 1 – Neunheilingen; 2 – Pasohlávky; 3 – Bernhardstahl; 4 – Kleinhöflein; 5 – Zvončín; 6 – Ecser; 7 – Porolissum; 8 – Grodzisko Dolne; 9 – Ogultzy; 10 – Paseki; 11 – București-Străulești; 12 – Sânmihaiu Almașului; 13 – Drnholec – *Holenická pole*

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.260-283

ПАРАДНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ БОЕВОГО КОНЯ ИЗ ФАНАГОРИИ В КОНТЕКСТЕ ВСАДНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ[1]

Ворошилов Алексей Николаевич
Институт археологии РАН, Москва, Россия
Ворошилова Ольга Михайловна
Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена узде конца II – первой трети III в. н.э. с серебряными ажурными колесовидными псалиями. Их декор близок композициям на римской упряжи и армейской амуниции. Такие вещи известны в воинских погребениях кочевников. Максимально близки фанагорийским псалии из могильника Фронтовое. Это снаряжение демонстрирует связь воинской культуры Боспора со всадническими традициями Римской империи и варварского окружения.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, ажурный стиль, колесовидные псалии

PARADE BATTLE HORSE TACK FROM PHANAGOREIA IN THE CONTEXT OF THE LATE ROMAN PERIOD HORSEMAN CULTURE IN THE NORTHERN BLACK SEA AREA

Voroshilov, Aleksei Nikolaevich
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Voroshilova, Ol'ga Mikhailovna
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This paper addresses the horse-bridle with openwork silver wheel-shaped cheek-pieces from the late second and the thirst third of the third centuries AD. The decoration of the artefacts in question resembles the compositions on the Roman horse tack and warrior's ammunition. The artefacts in question appeared in nomadic warriors' graves. The cheek-pieces from Phanagoreia are most close to the finds from the cemetery of Frontovoe. The horse tack under study uncovers the connection of the warriors' culture in Bosporos and the horse-riders' traditions of the Roman Empire and its barbarian neighbours.

Keywords: Northern Black Sea Area, openwork style, wheel-shaped cheek-pieces

Комплексное изучение всадниче ских древностей античной эпохи находится в тренде современной науки. Об этом недвусмысленно свидетельствует мощный поток свежих публикаций об открытиях в этой сфере (*Антипенко и др*., 2021; *Казанский*, 2021; *Мастыкова и др*., 2021; *Симоненко*, 2021; *Спасская и др*., 2021; *Трейстер*, 2020; *Храпунов и др*., 2019; *Храпунов, Шабанов*, 2021). Высокая заинтересованность современных ученых сюжетами о древних всадниках и их конях стала поводом для написания этой работы, посвященной уникальному для Боспора Киммерийского комплексу парадного снаряжения боевого коня (рис. 1), оформленному в традициях римского военного снаря-

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

жения II–III вв. н. э. Наиболее значимая деталь узды – ажурные псалии, выполненные в стиле, который сменяет декоративное оформление оружия и снаряжения римской раннеимператорской армии. Процесс смены стилей начался при правлении Антонина Пия, в честь которого это явление получило название «революция Антонина» (*Bishop, Coulston*, 1992. P. 109). С этим процессом изменения декора металлических деталей снаряжения римской армии связано появление «сарматского стиля» (*Костромичев*, 2016. С. 133–134), в котором изготовлена парадная упряжь коня из Фанагории. Снаряжение в «сарматском стиле» было не столь популярно, как римское военное снаряжение в «кельтском стиле», однако эти явления одного порядка (*Костромичев*, 2016. С. 134). Именно поэтому открытие в Фанагории погребения верхового коня с полным комплектом парадной упряжи в «сарматском стиле» является ярким эпизодом истории изучения всаднической культуры позднеримского времени на северных берегах Черного моря.

Захоронения коней в Фанагории довольно редки. Раскопки последних полутора десятков лет выявили всего 23 конских захоронения. Некоторые из них были интерпретированы как свидетельство притока в Фанагорию «аспургиан» – выходцев из меото-сарматского мира Прикубанья, которые находились на службе у боспорских правителей (*Медведев*, 2014. С. 274, 278–280). Попытка напрямую связать археологические реалии с нарративом выглядит заманчивой. Но детальное рассмотрение археологических материалов, которые лежат в основе этих выводов, не позволяет считать эту историческую реконструкцию столь однозначной. Публикуя результаты своих раскопок, А. П. Медведев связал исследованные в 2006–2007 гг. захоронения коней (объекты 59, 65, 82 и 95) с обнаруженными рядом человеческими могилами (*Медведев*, 2014). Однако остальные находки конских погребений (16 объектов) не были привязаны к конкретному человеческому погребению и, за исключением рассматриваемого погребального комплекса, не содержали узко датирующего материала. Связь конских могил фанагорийского некрополя с человеческими захоронениями при детальном анализе археологического контекста выглядит далеко не очевидной (*Ворошилов*, *Ворошилова*, 2021. С. 19–21).

Необходимо сказать, что в римское время коней часто хоронили взнузданными. Наглядным примером этого может служить могильник Опушки, где из 52 погребенных животных только шесть не были взнузданы (*Храпунов, Шабанов*, 2021. С. 50). В Фанагории же ни один из коней не был взнуздан. Жители большого города римского времени хоронили коней в отдельных могилах вдоль дороги и, как правило, без инвентаря.

В этой группе археологических комплексов Фанагории особенное место занимает объект 297/2017, конскому снаряжению из которого посвящена данная статья.

Конь был похоронен в прямоугольной могиле в необычном положении (рис. 1), ранее в столичном некрополе не встречавшемся. Аналогичное положение животного нам известно лишь в шахте подбойного погребения 3 могильника Городской на Кубани (*Сазонов*, 1992. С. 253–254; *Simonenko, Marčenko, Limberis*, 2008. P. 376. Taf. 202–203). В фанагорийском комплексе был найден скелет верхового жеребца возрастом около 8 лет (*Ворошилов*, *Ворошилова*, 2021. С. 21–22). Вместе с ним найдено парадное снаряжение боевого коня, которое не было закреплено соответствующим образом, а лежало рядом с животным (рис. 1). Находки элементов конского снаряжения сгруппированы в двух областях.

Первая область находится у брюха лошади (рис. 1: *1*) и, вероятно, связана с амуницией, крепившейся на туловище животного (рис. 2). У живота обнаружен бронзовый оконцеватель ремня с подвижным кольцом (рис. 1: *I*; 2: *1*). Рядом зафиксированы отпечатки органического тлена кожаных ремней (рис. 1: *I*), декорированных семью серебряными полусферами (рис. 2: *2*). Дважды они группировались парами по ширине ремня. Еще три бляшки были сгруппированы в равнобедренный треугольник на тлене окончания кожаного ремня. У копыт передних ног коня найдены два железных стержневидных предмета (рис. 1: *I*; 2: *3*) и большая железная прямоугольная пряжка (рис. 2: *4*), вероятно, подпружная.

Находки элементов амуниции у туловища коня.

1. Оконцеватель ремня бронзовый (рис. 2: *1*). Длина – 5,2 см. Состоит из обоймы и кольца. Обойма плотно охватывала окончание ремня сечением 0,6×0,9 см. Ее конструкция усилена за счет обхвата ремня двумя слоями металла. Сначала ремень полностью оковывался тыльной стороной обоймы, затем поверх нее накладывалась и оковывалась лицевая часть обоймы. При загибании центральная узкая и более толстая часть заготовки превращалась в петлю для подвижного кольца. Для максимально прочного соединения ремня и обоймы использовались две сквозные заклепки с полусферическими головками. В петлю обоймы вставлялось овальное в сечении (ширина прута 0,3 см) кольцо диаметром 1,9 см. Для придания кольцу особенной прочности, окончания заготовки скрепляла аккуратная заклепка. То есть, здесь использовали технику изготовления колец кольчуги. Эта деталь конского снаряжения была рассчитана на серьезные нагрузки.

2. Серебряные полусферические бляшки-заклепки (рис. 2: *2*). Диаметр шляпки 0,8 см, высота 0,3 см. Обнаружено 7 штук, включая отпечатки несохранившихся предметов. На внутренней стороне одной бляшки зафиксированы фрагменты металла, которые могли быть остатками стержня заклепки или шплинта. Находки подобных бляшек происходят из крымских комплексов второй половины II – начала III в. с деталями конской сбруи (*Храпунов*, 2011. С. 36. Рис. 33, *24–29*; 2016. Рис. 8, *1*). В позднесарматской культуре такими бляшками украшали ножны мечей, конские уздечки, налобники и т. д. (*Безуглов,* 1988. С. 105, 106. Рис. 2, *14*; 3, *31*; *Максименко, Безуглов*, 1987. С. 185. Рис. 2, *6*; *Храпунов и др*., 2019. С. 17).

3. Предметы железные стержневидные (рис. 2: *3*). Два стержня соединились в результате коррозии (9,1×2,4 см, диаметр сечения стержня – 0,8×0,9 см).

4. Пряжка железная прямоугольная подпружная (рис. 2: *4*). Длина – 6,1 см, ширина – 3,2 см, размер сечения рамки – 1,0×0,9 см. Подвижный язычок не сохранился, вероятно, он крепился к торцевой части рамки, проходил по длинной оси пряжки и окончанием опирался на противоположную сторону рамки. Пряжки подобного типа известны в синхронных погребальных комплексах коней и всадников. В могиле «конюха» из элитного некрополя у центральных ворот Неаполя Скифского в комплексе с колесовидными псалиями найдена подобная пряжка (*Зайцев*, 2003. Рис. 118, *14*; *Зайцев, Мордвинцева*, 2007. С. 86. Рис. 6; 9, *19*). Еще несколько похожих предметов происходят из конских могил некрополя городища Артезиан в Крымском Приазовье (*Виноκуров*, 2014. С. 54, 88, 120–121. Рис. 207; 381, *5*; 592, *3*; 599, *3*). Известны такие застежки и на Кубани, в частности в материалах «Золотого кладбища» (*Гущина, Засецкая*, 1994. С. 45. Табл. 8, *74/1, 74/2*).

5. Наконечник кожаного ремня (рис. 1: *I*), возможно, подпружного. Длина – 4,0 см, ширина – 2,6 см. Зафиксирован в виде отпечатка органического тлена. С лицевой стороны был украшен тремя сферическими бляшками-заклепками. Ширина наконечника совпадает с шириной зафиксированных рядом отпечатков ремней.

Вторая область находок более компактна, она расположена между правой стороной черепа и стеной могилы (рис. 1, *II–III*). Здесь обнаружен главный компонент амуниции верхового коня – комплект парадной узды с колесовидными псалиями. Среди его элементов: железные удила (рис. 2: *5*), пара серебряных ажурных псалиев (рис. 3), пара серебряных (?) подвижных зажимов повода (рис. 8: *1–5*), комплект из серебряных пряжки и наконечника ремня (рис. 8: *6–7*), по 6 экземпляров каменных (рис. 9: *1–6*) и серебряных пронизей (рис. 9: *7–12*), два типа парных бронзовых подвесок (рис. 10), три идентичные серебряные ворворки (рис. 9: *13*), три круглые аппликации из желтого металла (рис. 9: *14–16*). Рассмотрим эти находки более подробно[2].

6. Удила железные двухчастные с прямыми грызлами, округлыми в сечении (рис. 2: *5*). Состоят из двух звеньев-грызл

[2] Нумерация сквозная для всех категорий находок из комплекса.

разной длины, концы которых завернуты в круглую петлю. Сохранились не полностью: у обоих грызл разрушены коррозией внешние петли. Короткое звено сохранилось лучше, на его стержне вплотную к обломку внешней петли сохранился отпечаток окислов серебряного псалия. Общая длина удил составляла не менее 17,6 см, при этом сохранившаяся длина короткого звена превышала 7,7 см, а длинного – 11,1 см. Диаметр сечения стержня удил – 0,9×1,0 см. Диаметр внутренних петель звеньев – 2,3 см. В первые века нашей эры подобные удила были широко распространены на территории Северного Причерноморья и Предкавказья (*Симоненко*, 2010. С. 151–154; *Антипенко*, 2016. С. 84 и др.).

7. Псалии (рис. 3) серебряные ажурные колесовидные – 2 экз. Изготовлены в форме сферического круга высотой 1,2 см, диаметром 7,6 см, из пластины металла толщиной 0,25–0,35 см. В центре диска круглое отверстие диаметром 0,7 см (соответствует первоначальной толщине грызла до деформаций, вызванных коррозией). В наиболее хорошо сохранившемся псалии в центральном отверстии имеется корродированная часть длинного грызла. Этот факт, наряду с положением узды в могиле *in situ* и отпечатками зеленых окислов на коротком грызле, свидетельствует о том, что псалии надевались через центральные отверстия непосредственно на стержни удил, после чего окончания грызл загибались. Псалии имеют следы преднамеренной деформации.

Диск каждого из псалиев украшен изящным прорезным орнаментом. Элементы ажурной композиции декора имеют индивидуальные размеры и пропорции, что свидетельствует о «ручной» разметке. Псалии имеют уникальный орнамент в виде вписанной в круг квадратной фигуры с прогнутыми внутрь сторонами, углы которой не доходят до внешнего пояса диска. При этом на каждый из углов как бы накладывается пельтовидная фигура или лунница, основанием упирающаяся в центральную часть диска. Обе волюты каждой из четырех лунниц соединяются с внешним ободом через короткие «спицы», которых на каждом псалии 8.

По наиболее современной типологии псалиев из погребальных комплексов Северного Причерноморья, разработанной А. В. Антипенко (*Антипенко*, 2016. С. 84–109), фанагорийские экземпляры можно отнести к типу II – колесовидные псалии. При этом псалии из Фанагории имеют наибольшее сходство с подобными элементами узды, выделенными в варианты 3 и 4 этого типа (*Антипенко*, 2016. С. 89–90). Несмотря на морфологическую, конструктивную и хронологическую близость этих вариантов псалиев и фанагорийских находок, последние невозможно отнести ни к одному из выделенных исследователем вариантов. Они могут стать еще одним вариантом колесовидных псалиев – без четко выделенных спиц с ажурным оформлением всей поверхности сферического круга.

Обозначим круг ближайших аналогий.

Большие ажурные фалары (*Ильюков*, 2000. С. 122. Рис. 6, *10–11*) из погребения 2, кургана 1 могильника Кировский I на Нижнем Дону из всех известных аналогий имеют максимальное сходство с фанагорийскими элементами узды (рис. 4: *1–2*). Они тоже декорированы четырьмя пельтовидными фигурами/лунницами, имеют треугольные и Т-образные прорези, но изготовлены из тонкой железной пластины, плакированной золотой фольгой (*Ильюков*, 2000. С. 102). Дата комплекса лежит в границах II – первой половины III в. н. э. (*Ильюков*, 2000. С. 111).

Еще одной близкой аналогией (рис. 4: *3*) является псалий из уздечного набора погребения 319 могильника Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (*Гавритухин и др.,* 2020. С. 100, 105. Рис. 7, *10*). От вышеописанных он отличается более простой формой – отсутствуют треугольные прорези и материалом, он серебряный, как и находки из Фанагории. Комплекс относится к раннему периоду функционирования некрополя (*Гавритухин и др.,* 2020. Рис. 1) и, вероятно, датируется II – первой половиной III в. н. э.

Иной по декору, но схожий по конструкции ажурный псалий (рис. 4: *5*) происходит из подбойного погребения 149 некрополя Бельбек IV в Юго-Западном Крыму (*Гущина, Журавлев*, 2016а. С. 94; 2016б. Табл. 92, *1*). Здесь псалии использовались в качестве амулетов и были найдены на груди и руках покойного среди другого погребального инвентаря, относящегося

к концу I – началу II в. н. э. (*Гущина, Журавлев*, 2016а. С. 150).

К рассматриваемым псалиям стилистически очень близка дисковидная бляха (рис. 4: *4*), происходящая из окрестностей городища Яман-Таш в Юго-Восточном Крыму (*Гаврилов*, 2018. С. 153, 173. Рис. 9, *1*). Она удивительным образом повторяет тамгообразный знак, положенный в основу орнаментального сюжета фанагорийских псалиев – треугольник над пельтовидной фигурой/лунницей, который четырежды повторяется на каждом псалии, формируя симметричную композицию. Художественное решение соединения лунницы и внешнего круга очень похоже на то, как это реализовано у фанагорийских псалиев.

В качестве аналогии представляют интерес колесовидные псалии, найденные на Нижнем Дону. Например, в воинском погребении 1 кургана 8 могильника Камышевский I, датируемом последней четвертью II – первой третью III в. н. э. (*Безуглов*, 2017. С. 84, 105–108. Рис. 6, *1, 2).* Их прорезной орнамент выполнен в форме четырех треугольников (рис. 5: *1–2*).

Еще один комплект колесовидных псалиев (рис. 6: *1–2*) с тремя пельтовидными прорезями, симметрично расположенными по краю диска, происходит из погребения 73 некрополя Кобякова городища (*Ларенок*, 2013. Фото 3, *29*, *30*).

Из погребения 2 кургана 26 у с. Старица в Нижнем Поволжье происходит находка близких по размеру и конструкции ажурных псалиев (рис. 6: *3–5*), четыре трапециевидные спицы которых декорированы завитками, загнутыми по часовой стрелке (*Шилов*, 1961. Табл. XXIV, *3*). Этот комплекс датируется в рамках второй половины II – первой половины III в. н. э. (*Кривошеев*, 2005. С. 69).

Аналогичный вышеописанному орнамент имеют серебряные ажурные псалии (рис. 7: *1–2*) из междуречья Дона и Волги, которые обнаружены в позднесарматском кенотафе 2 кургана у пос. Котлубань (*Скрипкин*, 1989. С. 172. Рис. 1, *2*, *3*). Комплекс датируется концом II – первой половиной III в. н. э. (*Малашев*, 2000. С. 209.) Орнамент этих псалиев несколько сложнее, чем у псалиев из Старицы: к трем завиткам на спицах добавляются еще три волюты, отходящие непосредственно от центрального диска псалиев и чередующиеся со спицами. Дополнительной чертой, сближающей эти элементы узды с фанагорийским убором, является форма псалиев в виде сферического круга.

Аналогии со спицами в виде завитков представлены находками плакированных золотом железных псалиев (рис. 7: *3*) из могильника Городской в Адыгее (*Сазонов и др.*, 1995. Рис. 7, *20*), серебряных предметов (рис. 7: *4–5*) из могильника Лебедевка VI в Южном Приуралье (*Мошкова*, 2001. С. 181). Значительная серия подобных элементов конской узды происходит из Крыма: псалии (рис. 7: *6*) из могильника Битак (*Пуздровский*, 2007. Рис. 106, *II*), несколько наборов псалиев (рис. 7: *7*) из погребений Усть-Альминского некрополя (*Пуздровский*, 2007. Рис. 107, *1–2)* и др.

Аналогии пельтовидным фигурам на псалиях находятся на предметах римского оружия и снаряжения. В частности, крайне близка форма бутеролей отдельных римских мечей конца II–III в. н. э., которые помимо волют имеют во внутренней части пельты аналогичный треугольный выступ (*Miks*, 2007a. P. 334–335; 2007b. Taf. 243, *B17.29; B20.19; B37.2; B179.2*). Характерные Т-образные прорези между пельтовидными фигурами псалиев и форма волют этих фигур находят параллели с прорезями рамки и волютами ажурных пряжек с пельтовидной рамкой, активно использовавшихся на территории Римской империи во второй половине II – первой половине III в. н. э., отнесенных Д. А. Костромичевым к подтипу А1 (*Костромичев*, 2015. С. 308–315. Рис. 8–11). Похожий ажурный орнамент зафиксирован на дисковидных элементах римского воинского снаряжения из римского лагеря Дура-Европос, поселения Мэтэшау и могильника Чернелив-Русский (*Гопкало, Тылищак,* 2010. С. 86. Рис. 4, *1*).

Отдельного рассмотрения заслуживают аналогии фанагорийским псалиям и их тамгообразному декору среди предметов конской упряжи, возникших в римской среде, но, вероятно, под сарматским влиянием. Особой близостью орнаментального сюжета отличаются следующие элементы узды

с тамгообразными знаками: ажурные псалии из подкурганного фракийского погребения первой половины II в. н. э. у с. Брезово в Болгарии (*Костромичев,* 2016. С. 129. Рис. 2, *4*) и ажурная деталь римской упряжи из Сисции (*Воронятов*, 2012. С. 418. Рис. 2; *Костромичев,* 2016. С. 131. Рис. 3, *6*). В целом, следует отметить, что ажурные псалии круглой формы обычны для римского кавалерийского снаряжения II–III вв. н. э. (*Костромичев,* 2016, С. 129).

Таким образом, большинство аналогий колесовидным ажурным псалиям из Фанагории происходит из провинциально-римских и варварских комплексов конца II – первой половины III в. н. э. (*Безуглов*, 1988. С. 106. Рис. 3, *5–6*; *Скрипкин*, 1979. С. 173. Рис. 1, *2*, *3*; *Кривошеев*, 2005. С. 69–72 и др.), а схема декора псалиев находит параллели в ажурных деталях римского военного костюма и конского снаряжения. Подобные элементы конского убора исследователи относят к предметам так называемого «сарматского стиля» в оформлении римского военного снаряжения II в. н. э. (*Костромичев*, 2016. С. 129). Некоторые авторы полагают, что происхождение этих псалиев может быть связано с римским конным снаряжением (*Зайцев, Мордвинцева*, 2007. С. 90). Высказывается предположение, что выполненные из серебра конские уборы из погребений кочевников азиатской Сарматии могли быть изготовлены на Боспоре как наградные за службу Боспору (*Трейстер*, 2020. С. 153).

8. Подвижные серебряные (?) стержневидные зажимы повода (рис. 8: *1–4*) – 2 экз. Выполнены в виде прямой граненой штанги, на одном конце которой находится круглая петля, на другом – зажим для ремня повода. Длина составляет около 11,5–12 см. Внешний диаметр кольца равен 1,3 см, внутренний – 0,6 см. Кольцо в сечении треугольной формы, с лицевой стороны рельефное, с оборотной – плоское. Штанга от кольца до зажима имеет пятигранное сечение с плоской тыльной стороной. В месте перехода штанги в зажим она декорирована рельефным равнобедренным треугольником, обращенным вершиной в сторону кольца. Сохранившаяся на одном из предметов зажимная часть имеет квадратное сечение и длину 3 см. При этом прорезь для ремня имеет в длину 2,5 см. В пластинах зажимной части сделано по два отверстия для заклепок. Толщина повода составляла 0,4 см. В одном из колец зажима сохранился фрагмент внешнего кольца железного грызла, таким образом оконцеватели повода надевались на внешние кольца грызл после монтажа псалиев. Оба зажима перед депонированием были сознательно повреждены в древности. Один разломан на две части, другой согнут под прямым углом. Аналогичные находки происходят из синхронных комплексов с колесовидными псалиями. В качестве примера аналогичной схемы монтажа удил, псалиев и зажимов можно назвать уздечный набор из Битака (*Пуздровский*, 2007. С. 147, 380. Рис. 106, *II*). Две пары близких по форме зажимов были найдены в погребении конца II – первой трети III в. н. э. с колесовидными псалиями кургана у станицы Камышевской (*Безуглов*, 2017. Рис. 6, *5–8*).

9. Пряжка серебряная (?) литая с рамкой пельтовидной формы и прорезью для крепления в задней части (рис. 8: *6*). Края фасетированы. Задняя часть трапециевидной формы без выделенного перехвата. Язычок квадратный в сечении. На верхней плоскости его основания – рельефно выделенная площадка без декора. Окончание тыльной части язычка расковано и загнуто в петлю вокруг литой оси рамки. Длина предмета – 2 см, размер рамки – 1,3×1,1 см, размеры сечения рамки – 0,1×0,2 см, язычка – 0,2×0,2 см. Застежка относится к варианту В укороченных дугоконечных пряжек по типологии, предложенной А. А. Труфановым. Автор отмечает, что на западе такие пряжки были в моде между 141 и 222 гг. н. э. и производились провинциально-римскими мастерами, работающими для варваров (*Труфанов*, 2004. С. 167–168. Рис. 5, *15*). По типологии Д. А. Костромичева, она близка так называемому сарматскому подтипу ажурных пряжек с пельтовидной рамкой. Исследователь объединил подобные экземпляры с прямоугольной задней частью без расширения и внутренних завитков рамки в подтип D2. Основная часть их находок происходит из сарматских погребений Венгрии и Северного Причерноморья (*Костромичев*, 2015. С. 328). Территориально самые близкие

аналогии обнаружены в Крыму. Это находки из Усть-Альминского некрополя (9 экз.) и некрополя Неаполя Скифского (1 экз.) (*Костромичев*, 2015. С. 328–329). На Боспоре эти пряжки происходят из погребальных комплексов, связываемых с сарматской знатью (*Šarov*, 2003. Abb. 8). Несколько подобных пряжек найдено в позднесарматских погребениях Нижнего Подонья (*Костромичев*, 2015. С. 328–329). Отсюда происходит и самая близкая фанагорийской пряжке аналогия (правда, с металлическим щитком). Она найдена в воинском позднесарматском погребении могильника Центральный VI в составе аналогичного сбруйного набора с серебряными колесовидными псалиями (*Безуглов*, 1988. Рис. 2, *22*). Еще одна морфологически близкая находка происходит из могилы № 183 могильника Нейзац, она датируется первой половиной III в. н. э. (*Антипенко*, 2015. Рис. 3, *2*). По мнению Д. А. Костромичева, пряжки подтипа D2 являются разновидностью, возникшей в сарматской среде, и изготавливались они на варварских территориях, так как их находки практически полностью отсутствуют на территории Римской империи.

Аналогичные пряжки нередко входят в состав конского снаряжения второй половины II – первой половины III в. н. э. (*Максименко, Безуглов*, 1987. С. 185. Рис. 2, *16*, *17*; *Антипенко*, 2018. С. 73, 83. Рис. 1, *7*). Хронология подтипов ажурных бляшек не дает узких дат, все они появляются во второй четверти – середине II в. и прекращают использоваться к середине III в., при этом пик использования приходится на вторую половину II в. н. э. (*Костромичев*, 2015. С. 328–331). Принимая во внимание наблюдения специалистов относительно эволюции этого элемента ременных гарнитур, а именно то обстоятельство, что самые ранние пряжки имеют узкую и короткую заднюю часть (в основном они датируются II в.), которая со временем удлиняется и расширяется (*Костромичев*, 2015. С. 331), можно с определенной вероятностью сказать, что пряжка из Фанагории имеет пропорции, характерные более для поздних пряжек, у которых задняя часть чуть меньше, чем ширина рамки. Это позволяет допустить узкую датировку предмета в границах конца II – первой половины III в.

Расположение этой единственной в уздечном комплексе небольшой пряжки рядом с псалиями и удилами, вероятно, объясняется ее назначением. Интересной, хотя и несколько более поздней аналогией использования пряжки в конской узде на морде лошади могут служить хорошо сохранившиеся наборы парадной конской упряжи из погребения с Золотой маской в Керчи. В обоих наборах на кольцо одного из удил была закреплена некрупная пряжка (*Шаров*, 2012. Рис. 10–11). О. В. Шаров, подробно рассмотревший этот элитный погребальный комплекс, склонен датировать его первой третью IV в. н. э. (*Шаров*, 2012. С. 234). Несмотря на эту дату, приведенная аналогия, позволяет предположить, что и в публикуемой узде пряжка, скорее всего, находилась на ремне рядом с псалиями.

10. Наконечник ремня (рис. 8: *7*) серебряный (?) литой плоский (4,1×0,8×0,1 см) в виде прямоугольной пластины. В центральной части симметричные прямоугольные прорези. Задний конец с прямоугольной петлей для крепления щитка или ремня, передний – с округлым окончанием, на внешней поверхности которого расположена круглая декоративная вставка из стекла (?). Морфология и размеры предмета свидетельствуют в пользу того, что наконечник и пряжка составляли один ременной гарнитур. Практически идентичный набор происходит из склепа 438 крымского некрополя Усть-Альмы (*Пуздровский*, 2007. С. 140, 372. Рис. 98, *1–6*). Подобные ременные гарнитуры характерны для комплексов середины II – начала III в.

11. Каменные пронизи (рис. 9: *1–6*) представлены двумя разновидностями: 5 халцедоновых и 1 хрустальная. Халцедоновые округлые бочковидные пронизи изготовлены из относительно твердого камня цвета слоновой кости с тонкими розовыми прожилками (2,4×1,4–1,7 см). Их вес колеблется от 14,57 до 19,14 гр. Диаметр высверленных с одной стороны отверстий для ремня составляет 0,6–0,7 см. На одной пронизи видны отпечатки въевшейся ржавчины от удил. Две пронизи из пяти при том же диаметре имеют заметно меньшую высоту и более округлые торцевые грани. Бочковидная округлая пронизь из горного хрусталя (2,5×2,1 см)

имеет вес 20,75 г. Отверстие высверлено с одной стороны, его диаметр составляет 0,65–0,7 см. Особенностью хрустальной пронизи является характерная сработанность внешних граней отверстия. В то время как все поверхности идеально отшлифованы и пронизь выглядит прозрачной, кромки отверстия с обеих сторон покрыты радиальными микросколами. Возможно, эти повреждения появились в результате долгого постоянного соприкосновения граней с металлическими элементами сбруи. Не исключено, что такими деталями были металлические пронизи, ограничивавшие с обеих сторон эту крупную деталь узды.

Аналогичные пронизи нередко встречаются в составе уздечных наборов из погребений II–III вв. н. э.: пронизи из погребения 22 могильника у хутора Городского (*Сазонов и др.*, 1995. Рис. 6, *18*), набор каменных пронизей из могильника Кировский I (*Ильюков*, 2000. Рис. 7, *1–7*) и др.

12. Серебряные (?) бочковидные пронизи (рис. 9: *7–12*) в количестве 6 экземпляров имеют разную сохранность. Судя по наиболее сохранившимся предметам, они имели следующие размеры: длина – 1,3 см, ширина – 1,3 см, толщина – 1–1,2 см. Пронизи имеют характерную форму, возможно, обусловленную технологией изготовления. Лицевая сторона выпуклая, тыльная – плоская, в форме овальной площадки, по оси которой проходит шов-стык концов заготовки. Наименее сохранившиеся экземпляры в результате коррозии «разошлись» по этому шву. Судя по морфологии предметов, изготавливались они из литой заготовки, которая впоследствии расковывалась до необходимой формы. Не исключено, что пронизи со свободными концами могли играть роль зажимов, при этом разомкнутость концов заготовки позволяла варьировать толщину пропускаемых и скрепляемых таким образом ремней. Такие наборы пронизей известны в комплектах конской узды второй половины II – первой половины III в. н. э. В качестве наглядного примера можно привести: набор из 8 аналогичных пронизей из воинского погребения у станицы Камышевской на Дону (*Безуглов*, 2017. Рис. 8, *3–10*); набор из 6 пронизей уздечного гарнитура из Котлубани (*Скрипкин*, 1989. С. 173. Рис. 1, *14*); набор из 6 пронизей (одну, вероятно, утерянную, заменили крупной бусиной из египетского фаянса) из Старицы (*Шилов*, 1961. Табл. XXIV, *2*).

Общее количество пронизей (12 экземпляров) свидетельствует в пользу того, что каменные и бронзовые бусины могли быть парными: 6 каменных и 6 бронзовых. Возможно, они использовались в качестве ворворок и украшали ремни узды с обеих сторон морды коня – с каждой по 3 каменные и 3 бронзовые. В целом, каменные, бронзовые, железные, а иногда и деревянные бусы часто встречаются в уздечных наборах II–III вв. (*Безуглов*, 1988. С. 106. Рис. 3, *13*; *Максименко, Безуглов*, 1987. С. 185. Рис. 2, *10*, *11, 14*; *Скрипкин*, 1989. С. 173. Рис. 1, *14*; *Пуздровский*, 2007. С. 378, 380. Рис. 104, *III*; 106, *II*; *Храпунов*, 2011. С. 94. Рис. 30, *4–10*; *Гущина, Журавлев*, 2016а. С. 75–76, 169, 153; 2016б. Табл. 151, *12–15*; *Ильюков*, 2000. С. 123. Рис. 7, *1–10*; *Антипенко*, 2018. С. 74, 83. Рис. 1, *12–17 и др.*).

13. Подвески (рис. 10: *3–4*) бронзовые плоские в виде диска с прямоугольным ушком для подвешивания в верхней части – 2 экз. Размеры 2,6×2,2×0,2 см, внешние размеры петли – 1,2×0,6 см, внутренние – 0,6×0,2 см. Форма подвесок очень похожа на форму сарматских зеркал с боковой петелькой, возможно, подвески имитируют эти предметы. Подобные подвески широко использовались в конской сбруе конца II–III в. н. э., в том числе и с колесовидными псалиями. Похожие подвески происходят из позднесарматских погребений на Нижнем Дону (*Безуглов*, 1988. С. 106. Рис. 3, *32*, *33*), в междуречье Дона и Волги (*Скрипкин*, 1989. Рис. 1, *12*), на Нижней Волге (*Шилов*, 1961. Табл. XXIV, *1*), крымских могильников (*Храпунов*, 2011. С. 35, 96. Рис. 32, *1–4*; *Пуздровский*, 2007. С. 378. Рис. 104, *III*), памятников Южноуральского региона (*Малашев, Яблонский*, 2008. С. 331. Рис. 207, *8–11*).

14. Подвески (рис. 10: *1–2*) бронзовые плоские в виде прямоугольной пластины с прямоугольным же ушком для подвешивания в верхней части и четырьмя привесками в нижней – 2 экз. Размеры щитка 2,4×1,3×0,2 см, внешние размеры петли – 1,2×0,6 см, внутренние – 0,6×0,4 см. Вдоль нижнего края пластины имеется четыре отверстия для крепления

привесок. Эти детали подвесок в виде цилиндрического стержня со скругленным нижним окончанием имели длину 2,2–2,5 см и диаметр – 0,3–0,4 см. К верхнему окончанию привесок крепилась тонкая проволока, продевавшаяся в отверстие прямоугольной пластины и сворачивавшаяся в петлю. Два оборота проволоки вокруг своего основания надежно фиксировали петлю, оставляя привеску подвижно висящей под пластиной. Такое устройство делало эти подвески шумящими. В прямоугольной петле одной из подвесок сохранился фрагмент бронзовой обоймы для крепления к ремню. Это свидетельствует о том, что обнаруженные в комплексе фрагменты обойм (рис. 11: *5–9*) шириной 0,5–0,6 см, скорее всего, принадлежали именно подвескам, а не пряжке или наконечнику ремня (хотя и этот вариант реконструкции исключать нельзя). Количество обломков обойм позволяет предположить, что обоймами были оснащены оба типа подвесок – и прямоугольные, и круглые.

15. Ворворки серебряные (3 экз.) с рельефным орнаментом в виде рифления (рис. 9: *13*) изготовлены из тонкой пластины и сохранились крайне плохо. Полевой чертеж-реконструкция наиболее сохранившейся *in situ* ворворки позволяет представить форму и размеры этих элементов оголовья коня. Ворворки имели раструбовидную форму, в поперечном сечении – трапециевидную. Диаметр основания – 2,5 см, верхний диаметр – 1,0 см, толщина металла – около 0,1 см. Вся поверхность предмета была покрыта поперечным рифлением. По форме и декору эти пронизи имеют сходство с серебряными пряжками, происходящими из гарнитур позднесарматских мечей (*Безуглов*, 2000. С. 190–191. Рис. 4, *7*; 5, *2*). Одна такая пряжка происходит из воинского захоронения последней трети II – первой половины III в. н. э. (*Ворошилов*, 2018. С. 45, 52. Рис. 5, *7*; 14), открытого на том же участке некрополя Фанагории, что и рассматриваемый комплекс.

16. Три круглые рельефно орнаментированные аппликации из фольги желтого металла (рис. 9: *14–16*). Сохранность предметов хорошая, слегка помяты, края обрезаны ножницами, на одной бляшке есть отверстие неправильной формы, очевидно результат неудачного оттиска. По периметру проходит рельефный бортик шириной около 0,1 см с жемчужным орнаментом – имитация зерни. Внутри него в центре композиции пятилучевая звезда, между лучами которой расположены пять жемчужин. Бляшки оттиснуты с одного рельефного штампа. Орнамент близок изображению на более поздней золотой пластине из некрополя Фанагории и штампу из Фанагорийского монетного клада (*Абрамзон и др.*, 2020. С. 34–35. Рис. 1, *4*; 6). Размеры аппликаций: 1,4×1,2×0,1 см, 1,3×1,3×0,1 см, 1,2×1,2×0,1 см. Находки аппликаций из золотой фольги известны в комплексах с деталями конского убора (*Ильюков*, 2000. С. 123, 124. Рис. 7, *13–21*; 8, *16–19*; *Гущина, Журавлев*, 2016а. С. 154; 2016б. Табл. 152, *11–12* и др.).

Отметим, что элементы оголовья, обнаруженные в погребении, безусловно являются единым дорогим комплектом узды, изготовленным в «сарматском стиле». Особенное изящество в исполнении псалиев и других элементов конской сбруи свидетельствует о высоком социальном статусе воина, владевшего этим престижным элементом всаднической культуры.

Большая часть аналогий дорогому конскому снаряжению из Фанагории происходит из всаднических и конских захоронений второй половины II – первой половины III в. н. э. Анализ хронологических позиций элементов снаряжения фанагорийского коня позволяет допустить более узкую датировку комплекса в границах конца II – первой трети III в. н. э.

Конструкция узды, находки аналогичных наборов в воинских погребениях и характерные особенности остеологических материалов недвусмысленно свидетельствуют о том, что погребенное животное было боевым конем. Зафиксированный в некрополе Фанагории археологический контекст свидетельствует о довольно сложной погребальной церемонии. Положение элементов амуниции верхового коня в погребении говорит о том, что сбруя была брошена рядом с конем. Два скопления элементов конской упряжи точно соотносится с подпружным набором и уздой. Ремни и фурнитура подпруги обнаружены между туловищем и передними ногами коня. Парадная узда

найдена рядом с черепом. Как отмечалось выше, для Фанагории ситуация погребения коня с упряжью уникальна.

Особенного внимания заслуживает зафиксированный обряд преднамеренной порчи узды. В частности, обнаружены повреждения дисков ажурных псалиев. На псалии хорошей сохранности удалось зафиксировать надрывы внешнего обода и части ажурного орнамента. Второй псалий был разломлен на две части. Находка всех элементов узды *in situ* не позволяет усомниться в этой интерпретации археологического контекста. Подобные повреждения металлического предмета, найденного в неплохой сохранности, не могли произойти случайно при жизни коня или уже после погребения в результате давления грунта и прочих факторов. Наиболее ярким свидетельством ритуальной порчи узды является повреждение обоих подвижных зажимов поводьев. Один из этих элементов был согнут по центру под прямым углом (рис. 8: *2–3*). Второй – переломлен посередине (рис. 8: *4–5*). Место слома деформировано характерным образом (рис. 8: *5*), его изгиб свидетельствует о нескольких последовательных перегибах штанги оконцевателя поводьев: ее сначала сильно согнули (под острым углом), затем перегнули в другую сторону. Эти манипуляции продолжались до полного перелома серебряного стержня. В результате этих целенаправленных действий повод был разомкнут в самом прочном месте – на металлической части уздечки. Скорее всего, так пытались подчеркнуть дальнейшую невозможность использования этого престижного элемента сбруи для управления боевым конем. Необходимо отметить, что преднамеренная ритуальная порча предметов встречается в археологических комплексах римского времени. В частности, широко известны находки порубленных, погнутых, фрагментированных элементов конского снаряжения (в частности повода) и военных трофеев в болотных памятниках Германии и Дании первой половины III в. н. э. (*Лау*, 2008. С. 210–214). Погребения воинов римского времени с преднамеренно поврежденным оружием обнаружены и в некрополях периферии Азиатского Боспора, например, в Цемдолинском некрополе (*Малышев*, 2008. С. 13–16, 280). Широкую известность получили и находки поврежденных элементов римского военного снаряжения в святилище у перевала Гурзуфское Седло в Крыму (*Новиченкова*, 1998).

Выявленные особенности погребальной церемонии позволяют выдвинуть предположение о жертвенном характере конского погребения из Фанагории. Маловероятно, что помещение роскошной узды вместе с жеребцом в могилу может объяснятся исключительно эмоциональным контекстом, например, благодарностью хозяина своему боевому товарищу. Исключать подобный мотив полностью, безусловно, нельзя (ведь дорогую сбрую могли заменить для проведения церемонии ее имитацией[3] или рядовой уздой), однако представляется, что причины появления престижной узды в конском погребении могли быть более сложными.

В этом контексте особенное значение приобретает высказанная ранее гипотеза об осаживании коня в яму еще живым и последующем его умерщвлении уже в могиле (*Ворошилов*, *Ворошилова*, 2021. С. 22). Вероятно, подобная процедура могла иметь место во время обряда жертвоприношения, при погребении знатного воина-всадника. Надо заметить, что в непосредственной близости от захоронения коня такого погребального комплекса пока не найдено. Между тем, объект 297/2017 находится на краю раскопа и к югу от него еще могут располагаться погребения. Это предположение подтверждает синхронное захоронение всадника с плетью и длинным всадническим мечом в ножнах (*Ворошилов*, 2018. С. 39–55), обнаруженное на расстоянии около 45 метров от объекта 297/2017, в границах этого же раскопа Восточного некрополя Фанагории (вероятно, под исчезнувшей курганной насыпью). Это воинское погребение хорошо

[3] Об использовании в погребальной церемонии имитаций ременных гарнитуров из драгоценных металлов населением Фанагории и Боспора см.: *Ворошилова*, 2011; *Ворошилов, Ворошилова*, 2018.

датируется многочисленными находками, типичными для комплексов «всаднического» позднесарматского горизонта в границах конца II – первой трети III в. н. э. (*Ворошилов*, 2018. С. 53–54), то есть тем же временным интервалом, что и захоронение коня.

Таким образом, синхронные погребения боевых коней и всадников Фанагории совершены в сложную историческую эпоху после Маркоманнской войны, это время масштабных военных конфликтов и миграций варварских племен. Столичный статус Фанагории обусловил самое активное участие ее жителей в исторических событиях римской эпохи. Поэтому неудивительно, что черты ее всаднической культуры имеют сходство не только с другими городами Боспора Киммерийского, но и с традициями всадников римской армии и воинов варварского окружения. Широкий культурный и территориальный спектр аналогий делает практически невыполнимой задачу этнической атрибуции комплекса. Конечно, нельзя однозначно утверждать, что идентификация фанагорийских всадников римской эпохи с аспургианами Страбона (Strab. XI. 2, 11; Ptol. V. 19, 17) не имеет под собой серьезного основания (*Медведев*, 2014. С. 278–280), однако современное состояние археологических источников не позволяет делать категоричные выводы в отношении принадлежности воинов-всадников Боспорского государства исключительно к группе служилых людей, военных поселенцев, дружинников и соплеменников боспорских царей, в которых современные исследователи видят аспургиан (*Сокольский*, 1976. С. 106–107; *Масленников*, 1990. С. 81; *Сапрыкин*, 2002. С. 138–141, 177–179). В целом, далеко идущие интерпретации в области этнической принадлежности хозяина коня не выглядят перспективными и убедительными. Не вызывает сомнений лишь то обстоятельство, что хозяин коня являлся жителем столицы Азиатского Боспора позднеримского периода и, судя по всему, относился к воинской элите города. Принимая гипотезу о наградном значении ажурных псалиев (*Трейстер*, 2020. С. 153–154), можно полагать, что владелец коня мог быть заслуженным конным воином, имевшим награды за службу Боспорскому государству.

В завершение хотелось бы отметить, что публикуемый комплекс парадного снаряжения боевого коня из Фанагории является ярким свидетельством использования кавалерией Боспора сбруи, аналогичной сарматской. Декоративные особенности узды из некрополя столицы Азиатского Боспора демонстрируют связь воинской культуры ее защитников со всадническими традициями Римской империи и варварского окружения.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., 2020. Золотые индикации с римских монет из нового склепа позднеантичной Фанагории // Hyparnis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 2 / Ред. В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин. М.: ИА РАН. С. 27–36.

Антипенко А. В., 2015. Реконструкция снаряжения верхового коня III в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. С. 109–120.

Антипенко А. В., 2016. Типология псалиев I–V вв. н. э. (по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXI. С. 84–109.

Антипенко А. В., 2018. Снаряжение верхового коня из склепа 4 (77) Чернореченского могильника // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXIII. С. 70–85.

Антипенко А. В., Смекалова Т. Н., Новичихин А. М., Мульд С. А., 2021. Латунные уздечные наборы позднесарматского времени из Северного Причерноморья // Краткие сообщения Института археологии. № 262. С. 223–242.

Безуглов С. И., 1988. Позднесарматское погребение знатного война в степном Подонье // Советская археология. № 4. С. 103–115.

Безуглов С. И., 2017. Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону // Вести Танаиса. Вып. 4. Ростов-на-Дону. С. 84–127.

Безуглов С. И., 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 169–193. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I).

Винокуров Н. И., 2014. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). Киев: ТОВ «Оранта Арт Бук». 680 с.

Воронятов С. В., 2012. Алано-сарматские мотивы в инвентаре «королевского» погребения позднеримского времени около Муштова в Южной Моравии // Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко. Киев: ИД «Скиф». С. 417–431.

Ворошилов А. Н., 2018. Воинское захоронения с плетью из Фанагории // Материалы по истории и археологии Фанагории. Вып. 4 / Ред. В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин. М.: ИА РАН. С. 39–55. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Вып. 7).

Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., 2018. Позднеантичное захоронение с погребальным ременным гарнитуром из Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. С. 125–142.

Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., 2021. Погребение боевого коня из Фанагории позднеримского времени // Hyranis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 3 / Ред. В. Д. Кузнецов. М.: ИА РАН. С. 18–41.

Ворошилова О. М., 2011. Об имитациях деталей ременной гарнитуры из некрополя Фанагории // Боспорский феномен: Население, языки, контакты / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб. С. 321–324.

Гаврилов А. В., 2018. Городище Яман Таша и рвы в Старокрымской долине // История и археология Крыма. Вып. VII. С. 149–175.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 91–110.

Гопкало О. В., Тылищак В. С., 2010. Римские импорты из металла на могильнике Чернелив-Русский // Germania – Sarmatia II / Ред. О. А. Щеглова и др. Калининград; Курск. С. 79–95.

Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн. 172 с.

Гущина И. И., Журавлев Д. В., 2016а. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч. 1. М.: Исторический музей. 272 с.

Гущина И. И., Журавлев Д. В., 2016б. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч. 2. М.: Исторический музей. 320 с.

Зайцев Ю. П., 2003. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум. 212 с.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2007. Элитный некрополь 2 в. н. э. у Центральных ворот Неаполя Скифского // Древняя Таврика / Ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 81–108.

Ильюков Л. С., 2000. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 100–140. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I).

Казанский М. М., 2021. Жертвоприношения коней в «княжеских» могилах поздней фазы Великого переселения народов на римско-германском Западе: восточные параллели // Stratum plus. № 4. С. 95–108.

Костромичев Д. А., 2015. Ажурные пряжки с пельтовидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения // Stratum plus. № 4. С. 299–356.

Костромичев Д. А., 2016. Тамга солдата: сарматский стиль в римском военном снаряжении // Stratum plus. № 4. С. 125–138.

Кривошеев М. В., 2005. Комплексы позднесарматского времени могильника Старица // Археологические записки. Вып. 4. С. 65–72.

Ларенок В. А., 2013. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг. I. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом. 448 с.

Лау Н., 2008. Следы преднамеренной порчи на элементах конского снаряжения из болотного памятника Торсберг // Germania – Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов / Ред. О. А. Радюш, К. Н. Скворцов. Калининград: Янтарный сказ. С. 210–214.

Максименко В. Е., Безуглов С. И., 1987. Позднесарматские погребения в курганах на р. Быстрой // Советская археология. № 1. С. 183–193.

Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I).

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература. 365 с.

Масленников А. А., 1990. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М.: Наука. 232 с.

Мастыкова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., 2021. Воин и боевой конь у эстиев: первые результаты исследования «всаднического» погребения римского времени на могильнике Романово-Пугачевский пруд // Stratum plus. № 4. С. 61–78.

Медведев А. П., 2014. О погребениях с конями в античном некрополе Фанагории // Античный мир и археология. Вып. 17. С. 272–288.

Мошкова М. Г., 2001. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1 / Ред. И. В. Сергацков. Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та. С. 236–249.

Новиченкова Н. Г., 1998. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло // Вестник древней истории. № 2. С. 51–67.

Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.

Сазонов А. А., 1995. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Изд-во Магарин О. Г. С. 244–274.

Сазонов А. А., Спасовский Ю. Н., Сахтарьек З. Н., Тов А. А., 1995. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи. Майкоп: Мсоты. С. 113–137.

Сапрыкин С. Ю., 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука. 271 с.

Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 328 с.

Симоненко А. В., 2021. К хронологии «кладов» конского снаряжения раннесарматского времени // Stratum plus. № 4. С. 25–48.

Скрипкин А. С., 1989. Погребальный комплекс уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // Советская археология. № 4. С. 172–181.

Сокольский Н. И., 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука. 128 с.

Спасская Н. Н., Канторович А. Р., Маслов В. Е., Петренко В. Г., Белинский А. Б., Васильева Е. Е., Колпакова А. В., Мошинский А. П., Рябкова Т. В., Саблин М. В., Шишлов А. В., Федоренко Н. В., Павлинов И. Я., 2021. Экстерьерные особенности лошадей скифского времени из археологических памятников Северного Кавказа // Stratum plus. № 3. С. 63–120.

Трейстер М. Ю., 2020. Ажурные псалии и бляхи конской узды парадных конских уборов кочевников позднесарматского времени // Від античності до християнства. Збірник наукових статей, присвячений 70-річчю Віталія Михайловича Зубаря / Ред. А. В. Буйських, Н. О. Сон. Киев: ІА НАН України. С. 145–161.

Труфанов А. А., 2004. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // Российская археология. № 3. С. 160–170.

Храпунов И. Н., 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля. С. 13–113.

Храпунов И. Н., 2016. Две подбойные могилы III в. н. э. из некрополя Нейзац (Крым) // Российская археология. № 2. С. 132–149.

Храпунов И. Н., Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А. А., 2019. Конская сбруя сарматского времени в Крыму и в Альфельде // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXIV. С. 12–34.

Храпунов И. Н., Шабанов С. Б., 2021. Погребения коней в могильнике Опушки // Stratum plus. № 4. С. 49–60.

Шаров О. В., 2012. Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // Stratum plus. № 4. С. 201–237.

Шилов В. П. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции 1961 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 2380б.

Bishop M. C., Coulston J. C. N., 1992. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of the Rome. London.

Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sukhanov E., Sviridov A., Yazikov S., 2021. The Cemetery of Frontovoe 3. New data on the culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration periods // Študijneé zvesti Archeologického ústavu Slovenskej akadémie vied. Ročnik 68, číslo 1. P. 87–118.

Miks C., 2007a. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzait. Text. Rahden: Leifdorf. 522 s.

Miks C., 2007b. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzait. Katalog und Tafeln. Rahden: Leifdorf. 416 s.

Simonenko A. V., Marčenko I. I., Limberis N. J., 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Mainz. 626 s.

Šarov O., 2003. Gräber der sarmatischen Hochadels am Bospor // Kontakt – Kooperation – Konflikt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrh. Nach Christus. Marburg: Wacholz Verlag. P. 35–64.

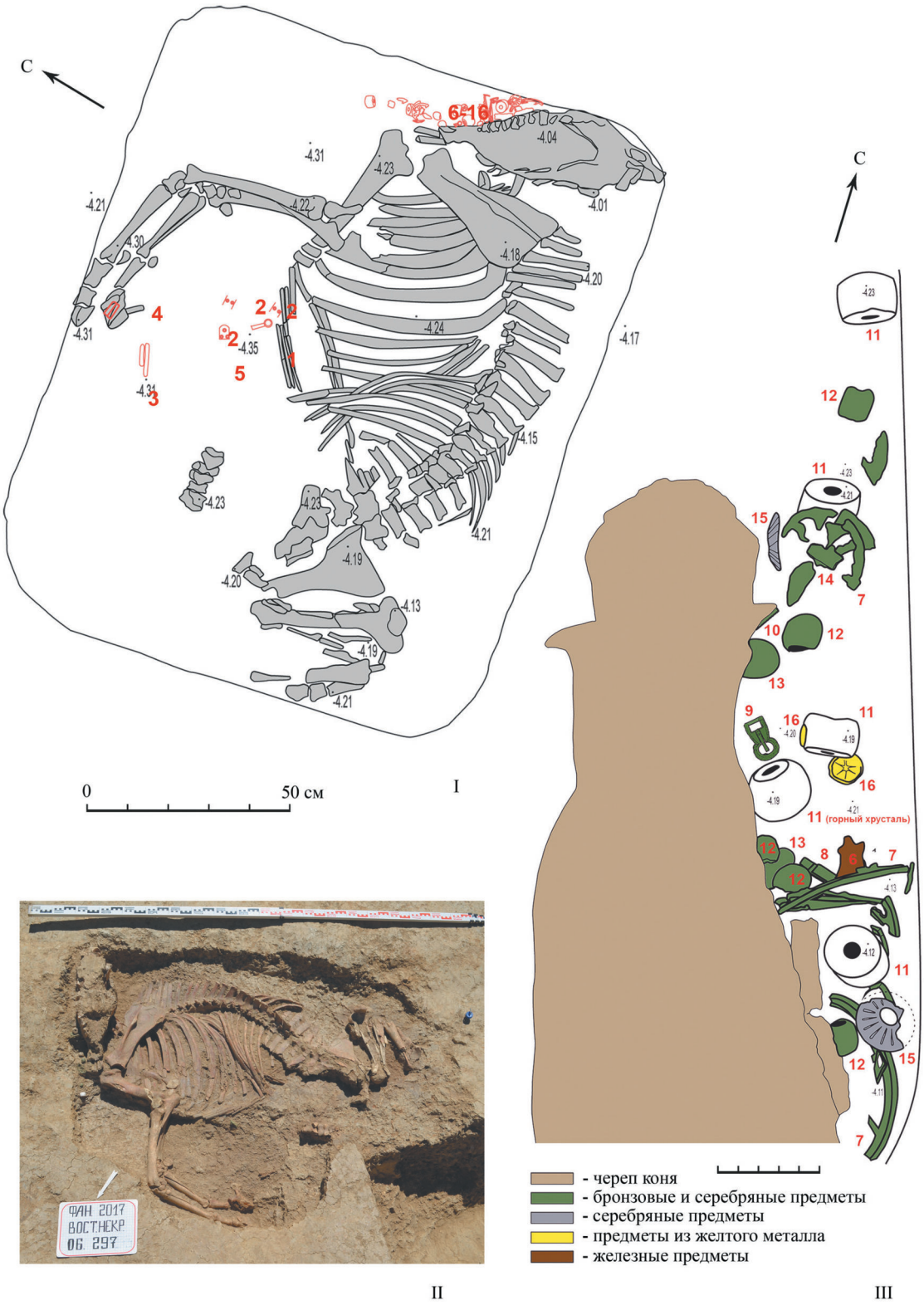

Рис. 1. Погребение боевого коня из Фанагории (объект 297/2017). I – План могилы. II – Фото погребения. III – Уздечный набор у головы коня *in situ*. Элементы снаряжения коня (нумерация единая для илл. I и III): *1* – оконцеватель ремня; *2* – бляшки-заклепки полусферические; *3* – предметы стержневидные; *4* – пряжка железная; *5* – кожаный наконечник ремня; *6* – удила; *7* – псалии ажурные; *8* – зажимы повода; *9* – пряжка серебряная; *10* – наконечник ремня серебряный; *11* – пронизи каменные; *12* – пронизи серебряные; *13* – подвески дисковидные; *14* – подвески прямоугольные; *15* – ворворки серебряные; *16* – аппликации из желтого металла

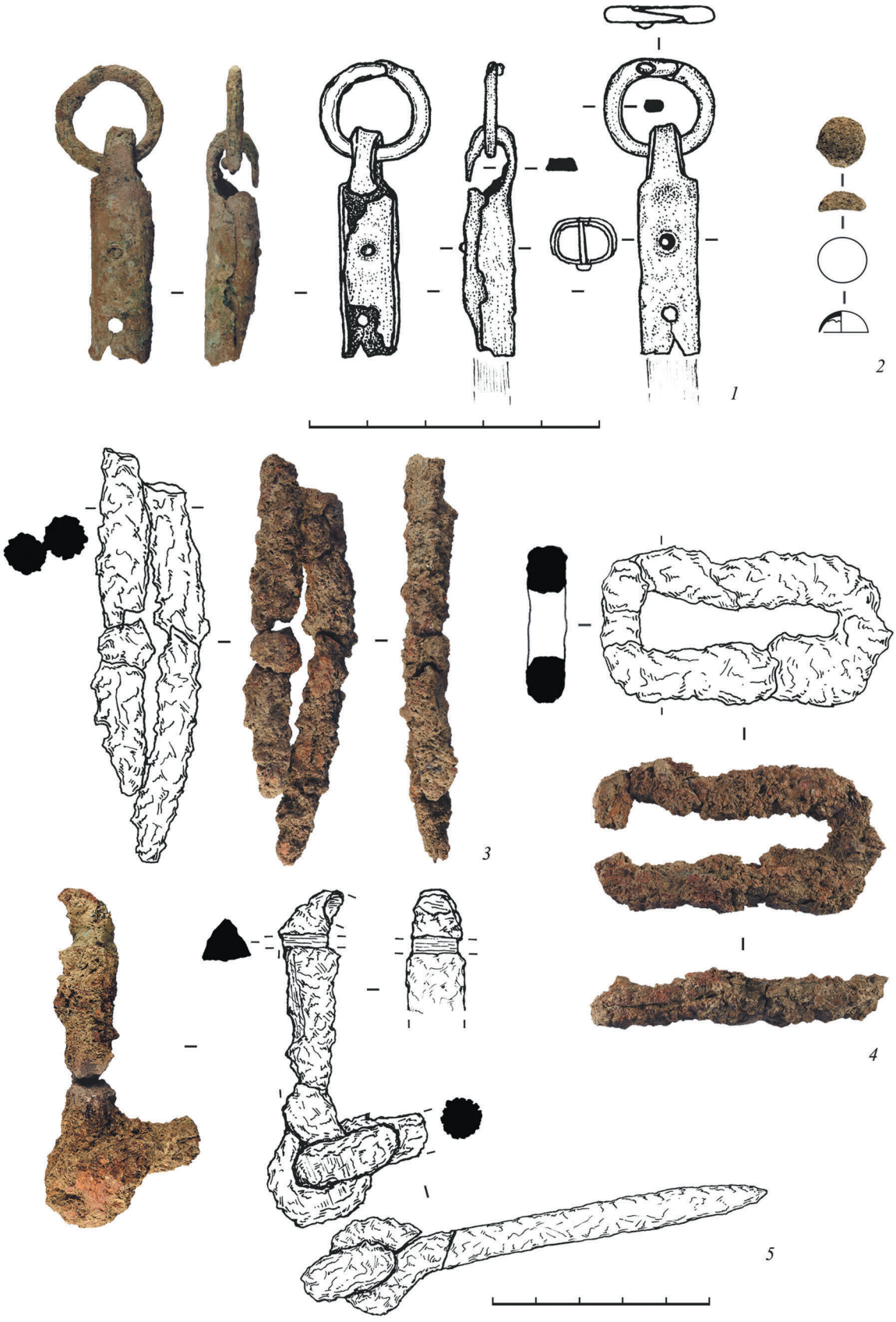

Рис. 2. Элементы снаряжения коня: *1* – оконцеватель ремня бронзовый; *2* – бляшки-заклепки полусферические серебряные; *3* – предметы стержневидные железные; *4* – пряжка железная; *5* – удила железные

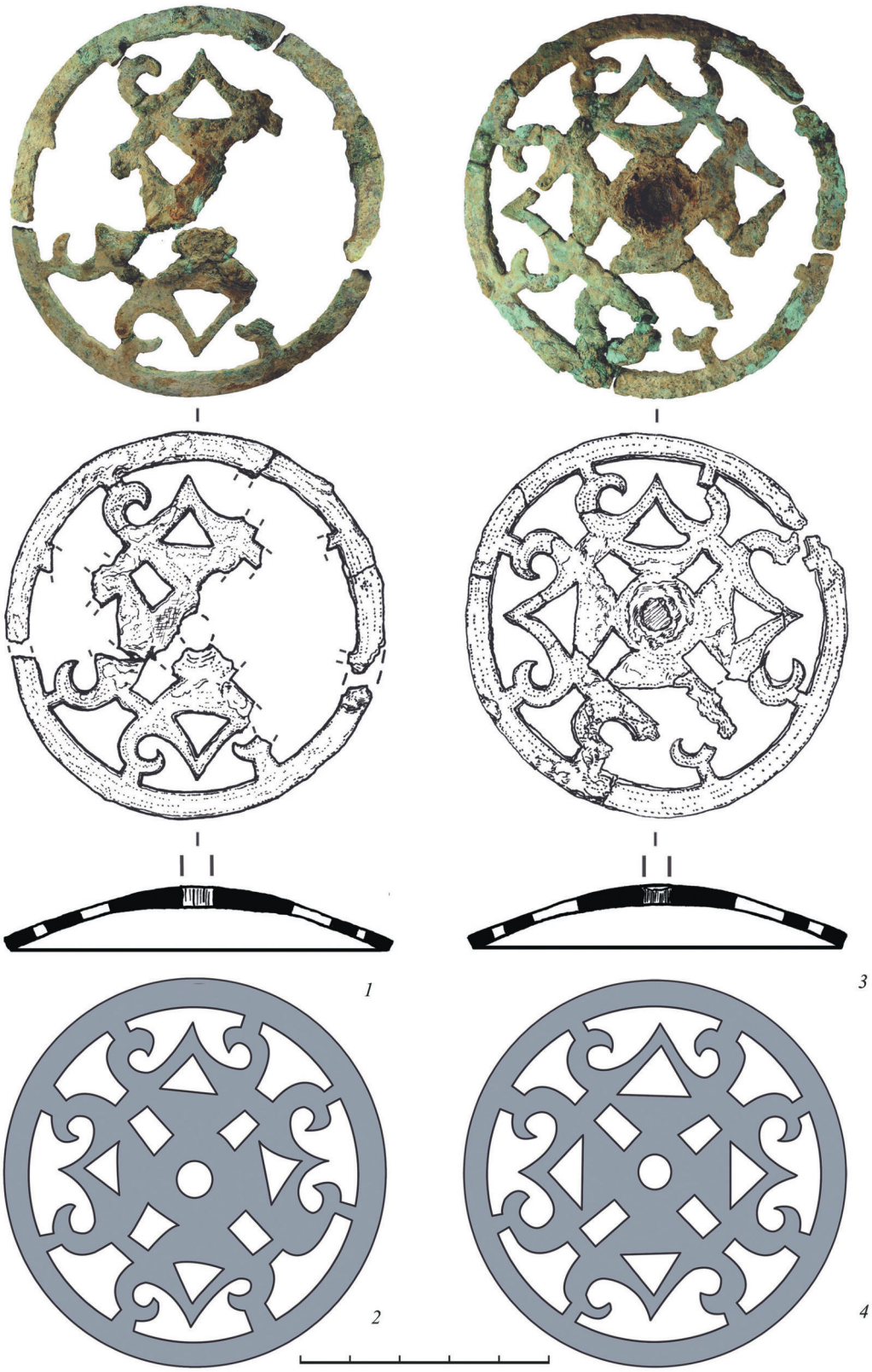

Рис. 3. Псалии серебряные: *1*, 2 – первый псалий; *3*, *4* – второй псалий (*2*, *4* – реконструкция).

Рис. 4. Аналогии псалиям из Фанагории: *1, 2* – фалары из могильника Кировский I (по: *Ильюков*, 2000. Рис. 6, *10–11*); *3* – псалий из могильника Фронтовое 3 (по: *Gavritukhin et al.*, 2021. Fig. 6, *12*); *4* – бляха из окрестностей городища Яман Таш (по: *Гаврилов*, 2018. Рис. 9, *1*); *5* – псалий из некрополя Бельбек IV (*Гущина, Журавлев*, 2016б. Табл. 92, *1*; 310, *3*)

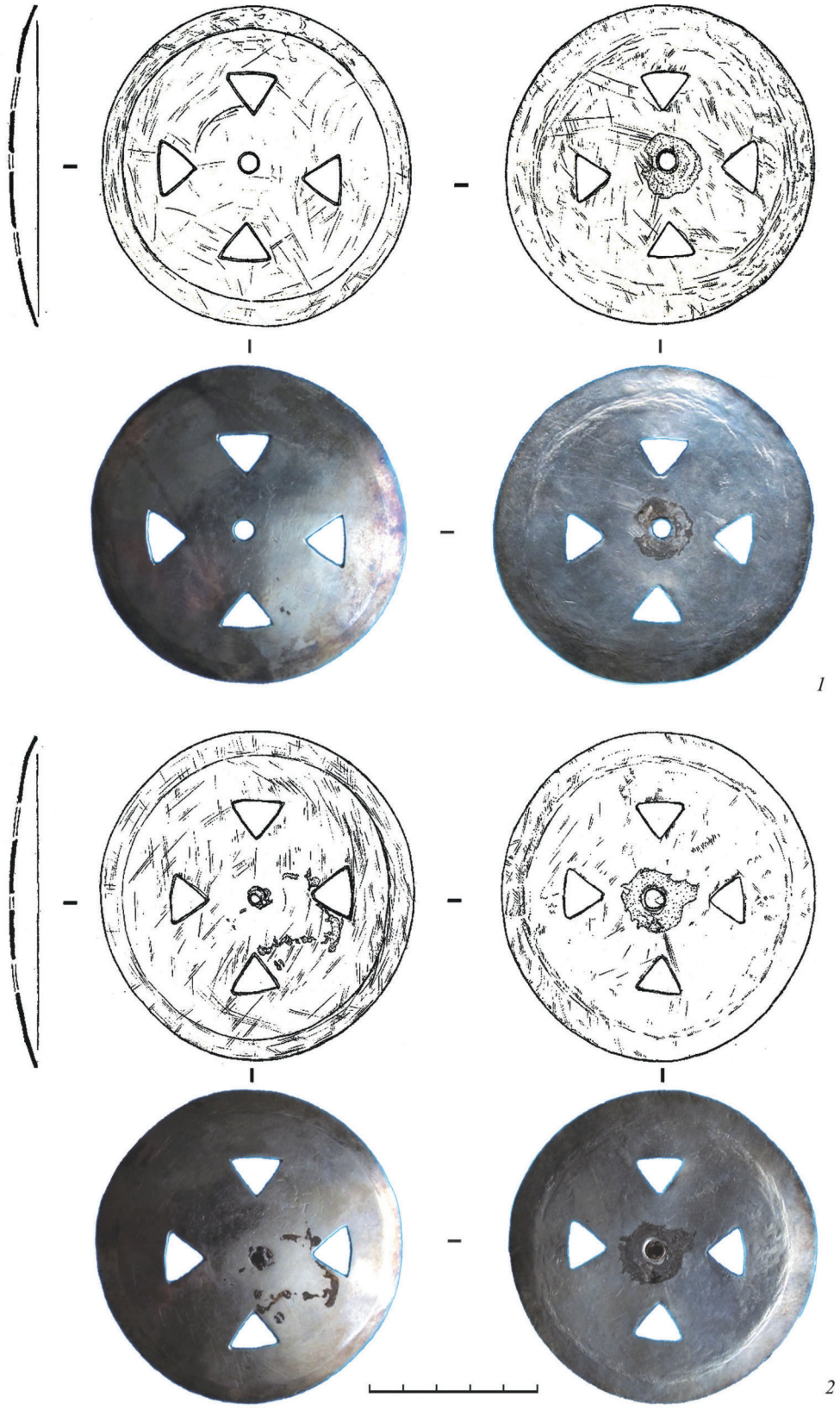

Рис. 5. Аналогии псалиям из Фанагории: *1, 2* – псалии из могильника Камышевский I (по: *Безуглов*, 2017. Рис. 6, *1, 2*; 12, *1, 4*)

Рис. 6. Аналогии псалиям из Фанагории: *1, 2* – псалии из некрополя Кобякова городища (по: *Ларенок*, 2013. Фото 3, *29, 30*); *3, 4* – псалии из кургана у с. Старица (по: *Шилов*, 1961. Табл. XXIV, *3*); *5* – псалии из кургана у с. Старица после реставрационных работ (по: *Трейстер*, 2020. Рис. 3, *1*)

Рис. 7. Аналогии псалиям из Фанагории: *1, 2* – псалии из кургана у пос. Котлубань (по: *Скрипкин*, 1989. Рис. 1, *2, 3*); *3* – псалий из могильника Городской (по: *Сазонов и др.*, 1995. Рис. 7, *20*); *4, 5* – псалии из могильника Лебедевка VI (по: *Мошкова*, 2001. С. 181); *6* – псалий из могильника Битак (по: *Пуздровский*, 2007. Рис. 106, *II*); *7* – псалий из склепа 830 Усть-Альминского некрополя (*Пуздровский*, 2007. Рис. 107, *I*)

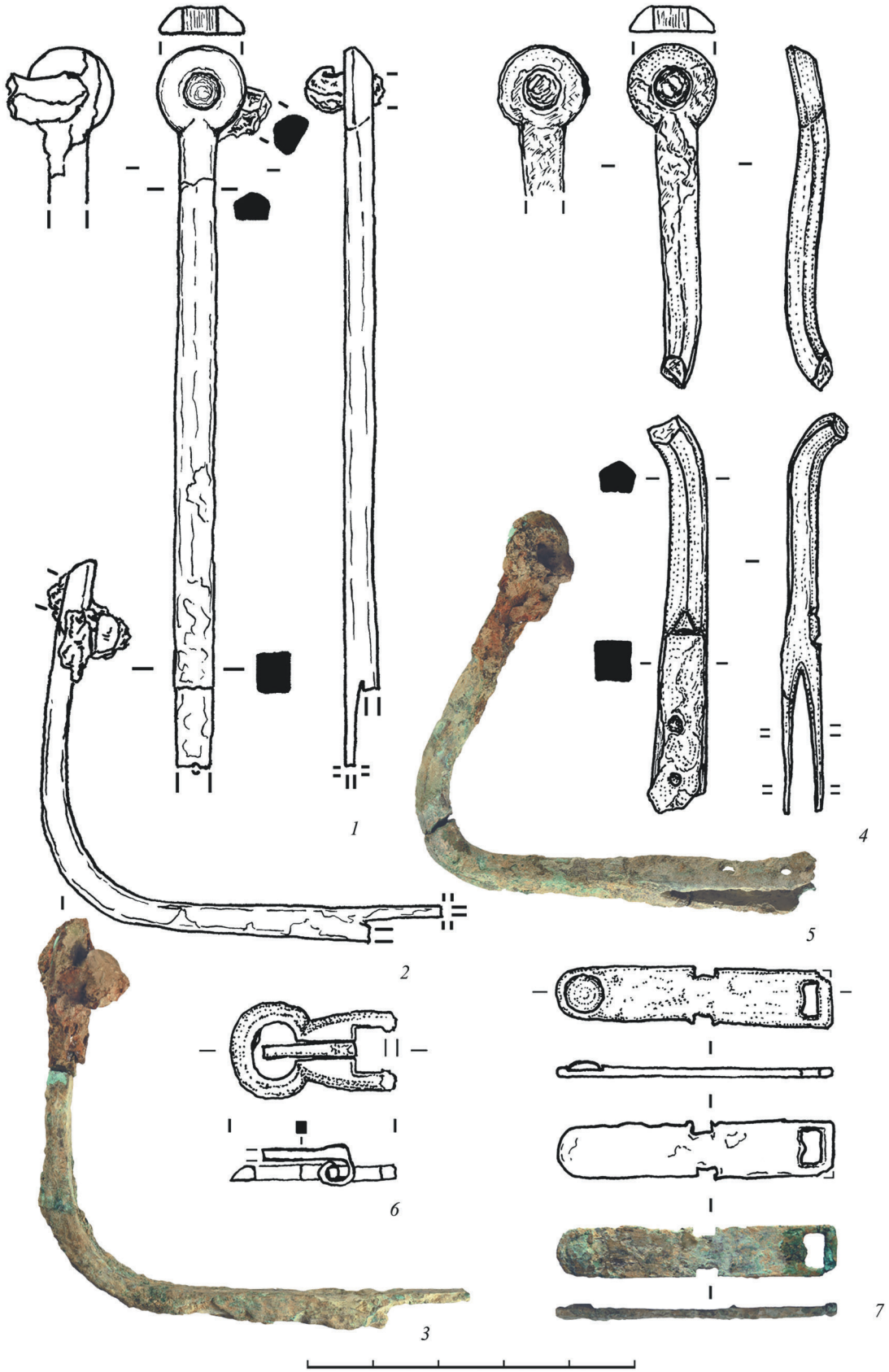

Рис. 8. Элементы узды: *1–3* – первый зажим повода серебряный (*1* – реконструкция); *4, 5* – второй зажим повода серебряный; *6* – пряжка серебряная; *7* – наконечник ремня серебряный

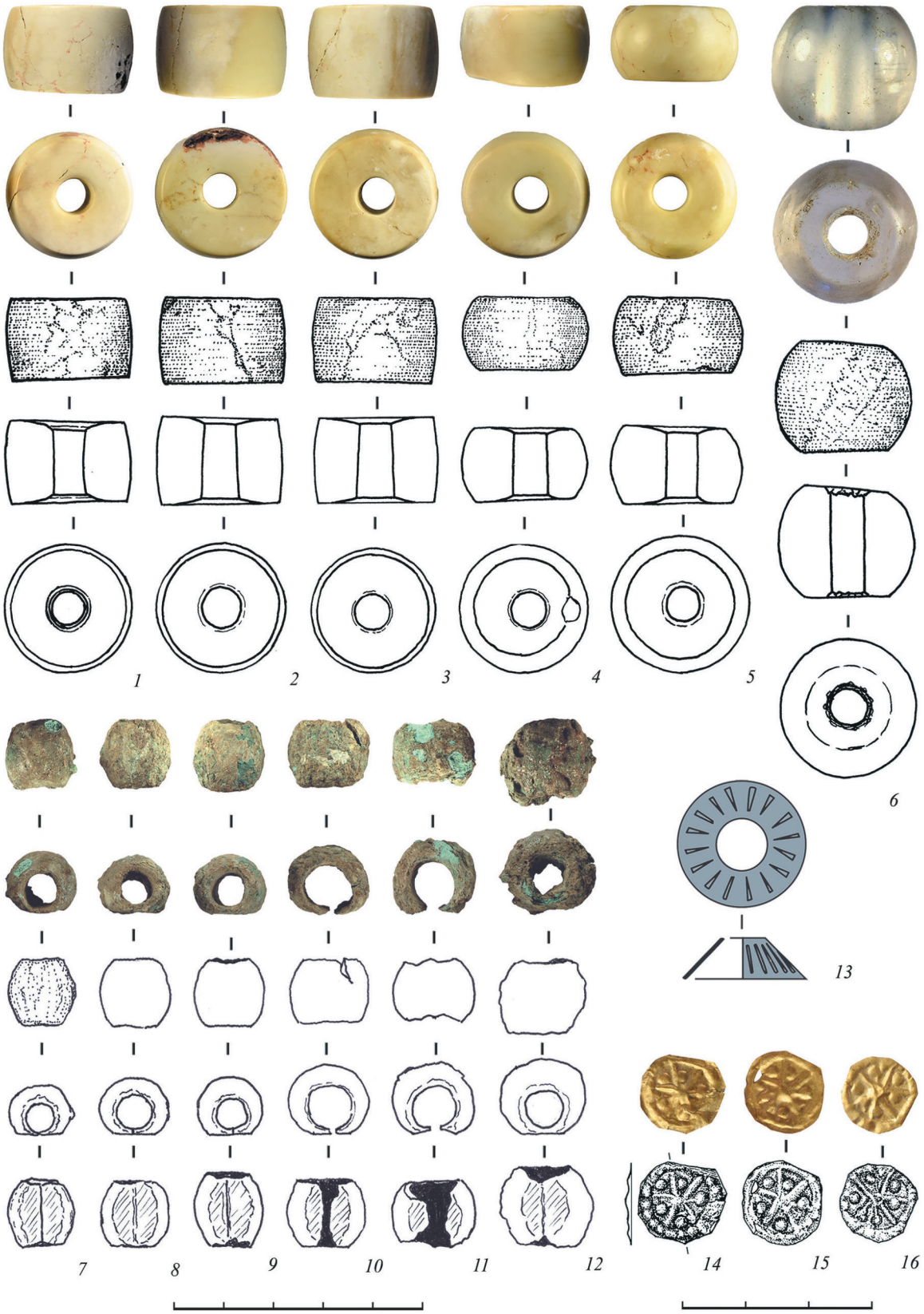

Рис. 9. Элементы узды: *1–5* – пронизи из халцедона; 6 – пронизь из горного хрусталя; *7–12* – пронизи серебряные; *13* – ворворка серебряная (реконструкция); *14–16* – аппликации из желтого металла

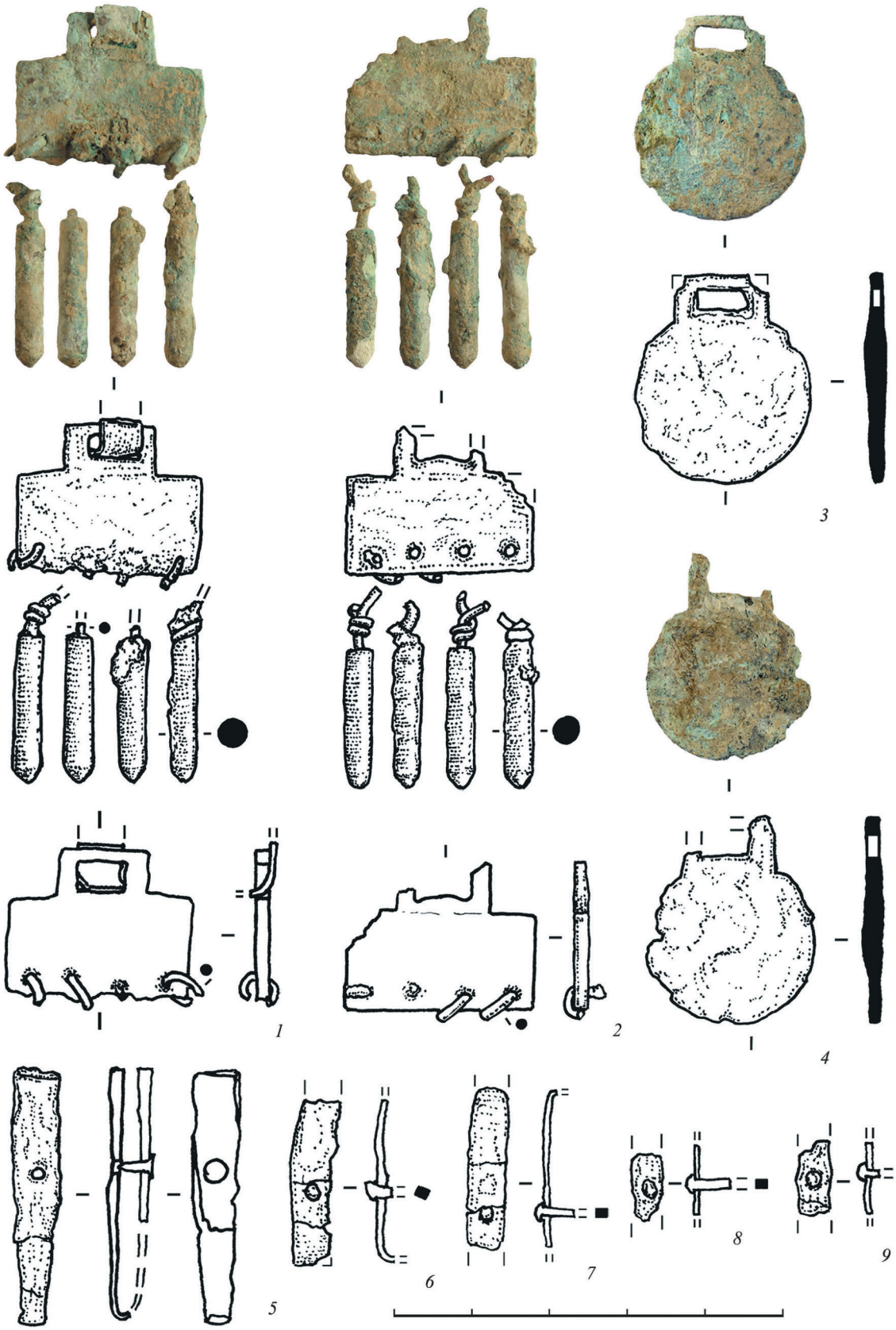

Рис. 10. Подвески: *1, 2* – прямоугольные; *3, 4* – дисковидные; *5–9* – обоймы подвесок (?)

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.284-290

О НЕКОТОРЫХ ХРОНОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ТИПАХ БУС И ПОДВЕСОК ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Стоянова Анастасия Анзоровна
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

Аннотация: В статье предпринята попытка выделить из огромного массива крымских бус и подвесок показательные в хронологическом отношении типы. В этом аспекте, в частности, рассмотрены выполненные в определенной технике глазчатые бусы и пронизи с изображениями лиц из стекла, металлические подвески-лунницы, восьмерковидные подвески из янтаря, а также устойчивые наборы бус из захоронений позднеримского периода.

Ключевые слова: Крым, римское время, хронология, бусы, подвески

ON SOME CHRONOLOGICALLY SIGNIFICANT TYPES OF BEADS AND PENDANTS FROM THE ROMAN-PERIOD SITES IN THE SUB-MOUNTAINOUS CRIMEA

Stoianova, Anastasiia Anzorovna
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract: This paper presents an attempt of identification of chronologically representative types in the vast array of Crimean beads and pendants. In this connection, the paper particularly analyses the glass beads showing images of faces and eyed beads, which are made in specific technique, metal *lunula* pendants, amber octagonal pendants, and also stable sets of beads found in the graves from the Late Roman Period.

Keywords: Crimea, Roman Period, chronology, beads, pendants

Бусы и подвески – самая многочисленная и разнообразная категория находок в могильниках предгорного Крыма римского времени, однако их хронологии уделяется мало внимания – лишь в тех случаях, когда в комплексах иные, более выразительные и надежные хроноиндикаторы отсутствуют. В этой работе предпринята попытка выделить из огромного массива крымских бус и подвесок некоторые типы, контексты находок которых позволяют определить относительно узкий период их бытования в регионе и использовать в качестве хронологических маркеров.

Для раннеримского времени (до середины II в. н. э.) такими индикаторами являются бусы с глазчатым орнаментом. В погребениях этого периода из предгорного Крыма наблюдается большое разнообразие декорированных глазками пронизей. Среди них существенно преобладают округлые бусы из красного или синего стекла со слоистыми глазками из белого и синего стекла (типы 27г и 33[1]) (рис. 1: *1, 2*). Около 90% обнаруженных в регионе глазчатых бус разных типов сосредоточено или в позднескифских склепах с инвентарем I в. до н. э. – пер-

[1] Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, типы бус даны по классификации Е. М. Алексеевой (*Алексеева*, 1975; 1978; 1985).

вой половины II в. н. э. (*Храпунов, Масякин, Мульд,* 1997. С. 119; *Храпунов, Мульд, Стоянова,* 2009. С. 27; *Мульд, Масякин,* 2003. Табл. 1), или в индивидуальных погребениях I–II вв. н. э. (*Стоянова,* 2012. С. 84), причем в одном склепе коллекция таких бус составляет нередко несколько десятков экземпляров. В позднеримское время бусы с глазчатым орнаментом почти выходят из употребления. В могильнике Нейзац, например, из более чем 50 тысяч бус, найденных в погребальных сооружениях II–IV вв. н. э. (*Храпунов,* 2016. С. 12. Табл. 1), всего около 50 глазчатых пронизей. В могилах они найдены по 1–2 экземпляра и сосредоточены, в основном, в грунтовых и подбойных могилах II – первой половины III в. н. э. В могильнике Дружное, где доминируют погребения IV в., бусы рассматриваемого вида представлены только тремя экземплярами (*Хайрединова,* 1995. С. 69).

Подобная ситуация наблюдается и с бусами, выполненными в мозаичной технике. Каждый тип таких бус нуждается в специальном изучении для уточнения хронологии, но уже Е. М. Алексеева отметила, что период их бытования ограничен второй половиной I в. до н. э. – первой половиной II в. н. э., а расцвет мозаичной техники приходится на I в. н. э. (*Алексеева,* 1982. С. 37). Материалы из некрополей крымских предгорий такой вывод подтверждают, при том, что мозаичных бус здесь найдено гораздо больше, чем учтено в своде Е. М. Алексеевой. В качестве примера можно привести бусы с изображением человеческих лиц. В крымских памятниках встречаются две формы пронизей с таким орнаментом: шаровидные, на которых квадраты с изображением лиц (по 3 на бусине) составляют орнаментальный пояс, расположенный в центральной части ядра (типы 408–411) (рис. 1: *6, 7*), и в форме плоских дисков, где лица нанесены с двух сторон бусины (типы 448–452) (рис. 1: *10*). Обе формы сосуществуют. Бусы этих типов достаточно редки. Большинство известных находок сосредоточено в позднескифских склепах могильников Левадки, Опушки, Неапольском, в индивидуальных захоронениях отмечена взаимовстречаемость таких бус с фибулами с пластинчатым приемником I – первой половины II в. н. э. или 1-го варианта одночленных лучковых подвязных[2].

Для периода середины II – первой половины III в. н. э. к числу хроноиндикаторов можно отнести пронизи в форме плоских дисков из полупрозрачного темно-лилового стекла (рис. 1: *5*), глухого или полупрозрачного серо-голубого (рис. 1: *4*) или синего (рис. 1: *3*) стекла (типы 72, 74, 75). Эти украшения встречаются нечасто, в погребениях представлены единичными экземплярами, не образуют самостоятельных наборов, дополняя небольшие ожерелья или браслеты. Лиловые и синие бусы – самые многочисленные среди пронизей этой формы и, в отличие от бус других цветов, хронологически компактны, по крайней мере в Крыму. Е. М. Алексеева датирует их в пределах II–III вв. н. э. Большая часть собранных ею экземпляров происходит из дореволюционных раскопок погребений римского времени из античных центров (*Алексеева,* 1978. С. 68). Новые данные позволяют уточнить предложенную Е. М. Алексеевой датировку. В погребениях из могильников Нейзац, Опушки, Фонтаны, Курское, Совхоз 10 такие бусы устойчиво сочетаются с лучковыми подвязными фибулами 4-го и 5-го вариантов и застежками «инкерманской» серии, зеркалами типа Хазанов-IX (*Труфанов, Колтухов,* 2001–2002. С. 279; *Труфанов,* 2004. С. 511; *Стоянова,* 2005. С. 274–275; *Храпунов, Мульд,* 2004. Табл. 1; *Храпунов, Стоянова,* 2021. Табл. 1). Примечательно отсутствие таких пронизей в позднескифских склепах раннеримского времени, что позволяет говорить о появлении этих украшений у жителей крымских предгорий во второй половине II в., возможно, ближе к концу столетия. Время максимального распространения приходится на первую половину III в. н. э. В комплексах позже середины этого столетия такие бусы встречаются редко (*Храпунов, Стоянова,* 2013. С. 191. Табл. 1; *Хайрединова,* 1995. С. 65; *Храпунов,* 2018. С. 143. Рис. 8, *16, 17*).

[2] Здесь и далее типы фибул приведены по классификации А. К. Амброза (*Амброз,* 1966).

В качестве хроноиндикаторов для этого времени можно также рассматривать пронизи цилиндрической формы из глухого белого, красного и зеленого стекла (типы 55, 57), призматические уплощенные бусы из красного, белого и зеленого стекла (типы 117, 116 и 120), 14-гранные пронизи из зеленого или лилового стекла (типы 128, 131) (рис. 1: *16*). Эта группа бус в могильниках античных городов представлена очень слабо, поэтому Е. М. Алексеева датировала их в широких рамках всего римского времени, отмечая, что чаще всего они встречаются в комплексах I–III вв. н. э. (*Алексеева,* 1978. С. 67–70). В варварских некрополях Крыма, напротив, такие бусы исчисляются сотнями, причем в погребениях ранее середины II в. н. э. они встречаются нечасто и в единичных экземплярах. Но как раз наборы таких украшений, содержащие иногда до тысячи пронизей, в хронологическом отношении очень выразительны. Наиболее устойчивая их взаимосвязь проявляется с одночленными лучковыми подвязными фибулами 4-го и 5-го вариантов и с фибулами «инкерманской» серии. На основании датировок фибул можно сделать заключение о появлении таких наборов в предгорном Крыму во второй половине II в. н. э., возможно, ближе к концу столетия, и их использовании всю первую половину III в. н. э. Подтверждается этот вывод сочетанием наборов с зеркалами типа Хазанов-IX, монетами и подвесками-лунницами, о которых речь ниже. Эти бусы являлись частью костюма женщин старше 20 лет, ими, по всей вероятности, обшивался подол платья, штаны или голенища сапог.

В III в. н. э. населением Крыма использовались своеобразные подвески-лунницы из серебра и бронзы, представленные двумя типами. К первому относятся крупные плоские или подтреугольные в сечении изделия с петелькой из гладкой или рифленой пластинки (рис. 1: *11*). Такие подвески известны в могильниках Нейзац, Курское, Опушки, Усть-Альма, Черноречeнский, Фронтовое 3, Совхоз 10 (*Стоянова,* 2016. С. 135–136; *Мастыкова, Свиридов,* 2021. С. 239). За исключением находок в нейзацких склепах №№ 306 и 509, и опушкинского склепа № 124, содержавших инвентарь как III, так и IV вв., остальные лунницы сопровождали погребения, надежно датируемые фибулами и монетами первой половиной – серединой III в. н. э. В комплексах подвески встречены с одночленными лучковыми подвязными фибулами 4 и 5 вариантов и застежками «инкерманской» серии. В могильнике Совхоз 10 крупные лунницы найдены в погребениях вместе с монетами Каракаллы (211–217 гг. н. э.) и Гордиана III (238–244 гг. н. э.) (*Стржелецкий и др.,* 2005. С. 265. Прил. 3. Табл. 3, *5*; 4, *39*). К числу самых поздних находок, по всей видимости, можно отнести подвеску из могилы № 94 некрополя Фронтовое 3, где она обнаружена вместе с двучленной фибулой и другим инвентарем второй половины III в. н. э. (*Мастыкова, Свиридов,* 2021. С. 232–233. Рис. 3, *2*). Лунницы второго типа меньше в размерах, их концы заострены и загнуты внутрь (рис. 1: *12, 13*). Находки таких украшений в некрополях Нейзац, Перевальное, Дружное, Чатыр-даг, Фронтовое 3, а также в памятниках за пределами полуострова связаны с комплексами второй половины III в. н. э. (*Стоянова,* 2016. С. 136; *Мастыкова, Свиридов,* 2021. С. 238–239). По всей видимости, около середины столетия подвески второго типа постепенно вытесняют из обихода лунницы первого типа, при этом эволюция формы украшений идет в сторону уменьшения их размеров и большей загнутости концов.

В погребениях второй половины III и, особенно, IV в. н. э. количество бус существенно сокращается, многие ранее распространенные типы пронизей выходят из употребления. Типичными для этого времени становятся мелкие округлые, усеченобиконические или короткоцилиндрические бусы из зеленого и синего стекла (типы 8, 9, 15, 166, 94) (рис. 1: *15*). Они бытовали на протяжении всей античной эпохи, но хронологически значимыми для IV в. н. э. становятся два критерия – размеры бусин (3–5 мм в диаметре) и расположение их единым набором в несколько десятков экземпляров, чаще всего, в районе шейных позвонков погребенных. Такие бусы сочетаются в комплексах с украшениями, выполненными в «сердоликовом» стиле, как, например, в могилах № 14 из Опушкинского могиль-

ника, в детском погребении D в склепе № 18, у погребенного E в склепе № 21, в захоронении 2 в склепе № 1 некрополя Дружное, в могиле № 195 Совхоза 10 (*Храпунов, Стоянова,* 2013. С. 190; *Храпунов,* 2002. С. 18, 20; *Айбабин,* 1995. С. 90; *Высотская, Рыжова,* 1999. С. 117; *Стржелецкий и др.,* 2005. Табл. 26), железными т. н. воинскими фибулами (погребение D в склепе № 78 из Дружного, могилы №№ 78 и 503 из Нейзацкого могильника) (*Храпунов,* 2002. С. 34).

В перечисленных случаях и во многих других погребениях в состав таких ожерелий входят янтарные восьмерковидные подвески, причем не единичными экземплярами, а наборами (рис. 1: *14*). Например, в ожерелье из упомянутой могилы № 195 из некрополя Совхоз 10 таких подвесок было 27 штук (*Высотская, Рыжова,* 1999. С. 117). Восьмерковидные или грибовидные подвески из янтаря (тип 21), по общепринятому мнению, также являются хронологическими маркерами позднеримского времени, а для Крыма – IV в. н. э. Для крымских комплексов IV в. характерно присутствие целых наборов таких украшений, тогда как в III в. встречаются, в основном, единичные экземпляры (подробно см.: *Мастыкова,* 1999. С. 174; *Мастыкова,* 2016; *Стоянова,* 2016. С. 129–130). Правда, стоит обратить внимание на неоднократно встречающееся сочетание наборов янтарных подвесок с украшениями в «сердоликовом» стиле, например, в детских погребениях в склепе № 133 (*Храпунов,* 2020. Рис. 7) и в склепе № 124 из Опушкинского могильника (*Храпунов,* 2018), захоронении № 1 из Дружного (*Айбабин,* 1995. С. 89–90), в могиле № 2 Черноречeнского могильника (*Бабенчиков,* 1963. С. 92). Учитывая датировку таких изделий в рамках второй половины III – первой половины IV в. н. э. (*Храпунов, Стоянова,* 2018), вполне резонно допускать, что и наборы янтарных подвесок могли использоваться уже после середины III столетия.

Специфическими для рассматриваемого периода являются удлиненные бусы из темного одноцветного стекла, изготовленные из спирально навитого жгута (тип 203) (рис. 1: *8*). Они сделаны небрежно, на бусине хорошо видны плотно подогнанные друг к другу и не заглаженные витки. Е. М. Алексеева датирует такие пронизи в пределах III–IV вв. н. э. (*Алексеева,* 1978. С. 75). В предгорнокрымских могильниках они встречены в погребениях с инвентарем IV столетия, в частности в склепах с короткими дромосами и большим количеством лепной посуды, в захоронениях с прогнутыми подвязными фибулами и пряжками с загнутыми за рамку язычками (*Зайцев, Мордвинцева,* 2003. Рис. 5, *3г*; *Хайрединова,* 1995. С. 68, тип 61; *Храпунов,* 2002. Рис. 170, *19–22*; 206, *22*; *Айбабин,* 1995. Рис. 5, *14–32*).

Еще один тип бус, зафиксированных в комплексах IV в., представлен удлиненными веретеновидными пронизями из темного на вид стекла (рис. 1: *9*). Как и описанные выше пронизи, они производились путем навивки стеклянного жгута, но подвергались дополнительной обработке, в результате которой поверхность бусины становилась более или менее гладкой (*Труфанов,* 2012. Рис. 2, *31*; *Филлипенко и др.,* 2016. Рис. 5, *40–44*). В Нейзацком могильнике набор таких пронизей сопровождал погребение в могиле № 238 в сочетании с серебряной прогнутой подвязной фибулой (комплекс не опубликован).

В этом кратком обзоре представлены далеко не все типы бус и подвесок с относительно недолгим периодом бытования у населения крымских предгорий. Недолгим, по сравнению с другими бусами, датировку которых трудно определить уже чем в несколько столетий, а то и всей античной эпохой. В отличие от монет, фибул, поясной гарнитуры, амфор или краснолаковой керамики, традиционно выступающими основными хронологическими маркерами, бусы вряд ли могут дать содержащему их погребению узкую дату в пределах 50 или хотя бы 100 лет, хотя некоторые подвески и наборы с устойчивым сочетанием типов бус, как показано выше, вполне могут служить реперами для определения периода формирования комплекса. С другой стороны, в отличие от тех же фибул, детальное изучение мелких украшений в контексте хронологии древностей юго-восточной Европы римской эпохи до недавнего времени не проводилось, а главной опорой при датировке бус и комплексов, при отсутствии в них хронологически значимых

вещей, была и остается работа Е. М. Алексеевой. Стоит отметить, что приведенные автором фундаментального свода северопричерноморских бус датировки в целом остаются актуальными до сих пор, хотя и нуждаются в некоторой корректировке с учетом накопленного за последние десятилетия огромного массива нового материала.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1995. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. С. 89–131.

Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука. 94 с. (САИ. Вып. Г1-12).

Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12).

Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12).

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука. 111 с. (САИ. Вып. Д1-30).

Бабенчиков В. П., 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Київ: Наукова думка. С. 90–122.

Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., 1999. Бусы могильника «Совхоз 10» (Севастопольский) // Древности. 1997–1998. Харьковский историко-археологический ежегодник / Ред. В. И. Кадеев. Харьков: АО «Бизнес-Информ». С. 116–133.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2003. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. С. 57–77.

Мастыкова А. В., 1999. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре / Ред. М. И. Гладких. Киев. С. 171–202.

Мастыкова А. В., 2016. О происхождении янтарных грибовидных бус-подвесок римского времени в Понто-Кавказском регионе // Stratum plus. № 4. С. 173–189.

Мастыкова А. В., Свиридов А. Н., 2021. Двурогие пластинчатые лунницы римского времени в Крыму: распространение, датировка (по материалам могильника Фронтовое 3) // Stratum plus. № 4. С. 231–243.

Мульд С. А., Масякин В. В., 2003. Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. С. 5–31.

Стоянова А. А., 2004. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V. С. 274–275.

Стоянова А. А., 2012. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля. 100 с.

Стоянова А. А., 2016. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 122–165.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2005. Население округи Херсонеса впервой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum plus. № 4. С. 27–277.

Труфанов А. А., 2004. Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник / Ред. Н. М. Куковальская. Киев, Судак: Академпериодика. С. 495–521.

Труфанов А. А., 2012. Склеп IV в. н. э. из некрополя у с. Курское в Крыму // Российская археология. № 2. С. 34–41.

Труфанов А. А., Колтухов С. Г., 2001–2002. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum plus. № 4. С. 278–295.

Филлипенко А. А., Тюрин М. И., Ушаков С. В., 2016. О могильнике ВИР (Бельбек III) в Юго-Западном Крыму: новые данные // Stratum plus. № 4. С. 139–151.

Хайрединова Э. А., 1995. Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия. С. 59–87.

Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. н. э.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 314 с.

Храпунов И. Н., 2016. Исследования могильника Нейзац в 2011–2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 11–36.

Храпунов И. Н., 2018. Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). III / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко. С. 137–169.

Храпунов И. Н., 2020. Склеп с монетами III в. н. э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 247–278.

Храпунов И. Н., Масякин В. В., Мульд С. А., 1997. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред.-сост. И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия. С. 76–155.

Храпунов И. Н., Мульд С. А., 2004. Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. VII. С. 299–326.

Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А., 2009. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь: Доля. 96 с.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2013. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху / Отв. ред. Е. В. Смынтына. Киев: Видавець Олег Філюк. С. 184–207.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2018. Украшения в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки в Крыму // Stratum plus. № 4. С. 255–262.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2021. Склеп с многократными погребениями III в. н. э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 217–250.

Рис. 1. Хронологически значимые типы бус и подвесок из крымских памятников римского времени: *1–10, 14, 16* – могильник Опушки; *11, 15* – могильник Нейзац; *12, 13* – могильник Фронтовое 3 (*1–7, 10, 14–16* – рис., фото А. А. Стоянова; *8, 9, 11* – рис. С. А. Мульд; *12, 13* – по: *Мастыкова, Свиридов*, 2021. Рис. 2, *2, 3*)

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.291-296

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ВАРВАРСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА (ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ)

Шабанов Станислав Борисович
Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», Симферополь, Россия

Аннотация: В середине III в. н. э. в Северном Причерноморье происходят значительные этнополитические изменения, связанные с так называемыми «готскими» походами. В крымских предгорьях появляются новые погребальных традиции, происходит смена погребального инвентаря, в т. ч. и стеклянной посуды. Наряду с ближневосточной продукцией отмечается присутствие в местной варварской среде стеклянных сосудов из Западной и Центральной Европы.

Ключевые слова: предгорный Крым, позднеримское время, могильники, стеклянные сосуды

THE LATE-ROMAN-PERIOD GLASS VESSELS FROM THE BARBARIAN SITES IN THE SUB-MOUNTAINOUS CRIMEA: THE PROBLEM OF THEIR ORIGIN AND DISTRIBUTION

Shabanov, Stanislav Borisovich
"Heritage of Millennia" Non-Profit Foundation, Simferopol, Russia

Abstract: In the mid-third century AD, important ethnic and political changes happened in the Northern Black Sea Area in relation to the so-called Gothic Wars. In the Crimean foothill area, there appeared new funeral traditions and there happened the change of grave goods, glass vessels in particular. Aline with the Near East artefacts, the barbarian environment received glass vessels from West and Central Europe.

Keywords: sub-mountainous Crimea, Late Roman Period, cemeteries, glass vessels

В Северном Причерноморье стеклянная посуда появляется на рубеже VI–V вв. до н. э. вместе с греческими колонистами. В эллинистическую эпоху ее количество пока незначительно, и представлена она сосудами, изготовленными в технике «сердечника», *millefiori* и литья (см.: *Кунина,* 1997). В римское время стеклянная посуда попадает и в крымские предгорья (*Шабанов,* 2021. С. 261). Разнообразные бальзамарии и флаконы, стаканы и кубки, кувшины, арибаллы и амфориски, наряду с прочими античными импортами, входят в погребальный инвентарь скифо-сарматских захоронений предгорного Крыма. Результаты многолетних исследований показали, что наибольшее количество стеклянной посуды происходит из могильников, расположенных в Юго-Западном Крыму, где найдено более 300 стеклянных сосудов в погребениях I – первой половины III в. н. э.

В середине III в. н. э. в Северном Причерноморье происходят значительные этнополитические изменения, связанные с так называемыми готскими походами (*Айбабин, Хайрединова,* 2017. С. 33). Затронули эти процессы и предгорный Крым, где появляются новые погребальные традиции и изменяется погребальный инвентарь (см.: *Храпунов,* 2021). Это касается и стеклянной посуды. Заметно меняется ее ассортимент: полностью исчезают отдельные типы стаканов, чаш и кувшинов, а также некоторые категории и целые группы изделий. Им на смену приходят новые формы и типы сосудов. Если наиболее распространенной категорией стеклянных сосудов до середины III в. н. э. в крымских предгорьях

были бальзамарии или флаконы, то во второй половине столетия и в IV в. н. э. их место занимают **стаканы** с округлым туловом на полом кольцевом поддоне (рис. 1: *3*; 3: *1*). В середине – второй половине III в. н. э. в предгорьях появляются и в дальнейшем получают широкое распространение стаканы с округлым туловом и утолщенным дном (рис. 1: *2*). Наряду с ними в погребениях позднеримского времени также продолжают встречаться появившиеся еще в начале III в. н. э. стаканы со сферическим туловом без поддона (рис. 1: *1*). Отличались они между собой только устройством венчика: у более ранних экземпляров из могильников Усть-Альма, Совхоз 10, Танковое и Нейзац край сосуда загибался внутрь и образовывал валик, а у сосудов второй половины III–IV в. н. э. – был сильно отогнут и не обработан. На смену стаканам с цилиндрическим туловом приходят высокие сосуды со слегка выпуклыми стенками и необработанным краем (рис. 1: *4*). Интерес вызывает группа толстостенных сосудов, украшенных шлифованным орнаментом в виде овалов (типы Eggers 223, 230, 236) или геометрических фигур (тип Frunzovka, Sigersted-Ganzkow) (рис. 1: *6, 7, 9, 13*), найденных в могильниках Нейзац, Дружное, Опушки и Суворово. Происходят они из хорошо датированных склепов IV в. н. э. Место производства этих сосудов пока остается неизвестным, однако их появление в Крыму стоит связывать с контактами местного населения и носителями черняховской культуры. Таким же образом в крымские предгорья, видимо, попали и стаканы на массивном кольцевом поддоне (тип Eggers 239) из могильника Опушки (рис. 3: *2*) (*Шабанов,* 2020. С. 116, Рис. 2, *6*) и орнаментированные кубки типа Eggers 195 из могильника Нейзац (рис. 3: *5*) (*Шабанов,* 2011. С. 153, Рис. 6, *45, 46*). В крымских погребениях IV в. н. э. встречаются также стаканы с «сотовым» орнаментом типа Isings 107a (рис. 1: *8*) (*Шабанов,* 2019. С. 316) и сосуды, украшенные каплями синего стекла (рис. 1: *10, 12*)[1]. Последние получают широкое распространение в финале античности как на территории Римской империи, так и за ее пределами, в т. ч. и в Северном Причерноморье (см.: *Сорокина,* 1971).

Наряду со стаканами в комплексах позднеримского времени встречаются стеклянные **чаши** полусферической (рис. 1: *14, 15*) и усеченно-конической формы (рис. 1: *16, 17*), среди которых стоит выделить необычный экземпляр второй половины IV в. н. э. из могильника Совхоз 10 (рис. 3: *11*). Наиболее распространенным типом среди **кувшинов** становятся сосуды с округлым, расширяющимся в нижней части туловом на кольцевом поддоне или без него (рис. 2: *1, 2, 5*; 3: *6–8*). Часто такие сосуды украшались наплавленными нитями из того же стекла, что и сам сосуд. Иногда встречаются кувшины с диагонально-спиралевидным рифлением (рис. 2: *3*) или необычным накладным декором (рис. 2: *4*). **Колбы** или **бутыли**, напротив, не отличались большим разнообразием форм, что отвечало их главному назначению – хранению продуктов (рис. 2: *6–8*; 3: *9, 10*). Как и до середины III в. н. э., в крымских погребениях позднеримского времени продолжают встречаться, но в единичных экземплярах, стеклянные **тарелки** на высоком кольцевом поддоне (рис. 2: *10, 11*) и **гуттусы** (рис. 2: *9*). Одним экземпляром из могильника Нейзац представлено крупное **блюдо** из толстого зеленого стекла на кольцевом поддоне (рис. 2: *12*).

Большая часть стеклянных сосудов, найденных в предгорном Крыму, находит аналогии в античных центрах Причерноморья и на территории Римской империи. Они имеют малоазийское, сиро-палестинское и египетское происхождение. Во время и после так называемых готских походов в крымские предгорья попадают стеклянные сосуды из западноримских провинций империи. К таким изделиям также можно отнести **ритоны**[2] из могильников Скалистое III (*Богданов и др.*, 1976. С. 135, Рис. 11; *Румянцева, Трифонов,* 2021. С. 58, Рис. 1, *1*) и Совхоз 10 (рис. 2: *13*) (*Стржелецкий и др.*, 2003–2004. С. 239, Табл. 35, *15*).

[1] В могильнике Нейзац в комплексе IV в. н. э. найден пока только один стакан, украшенный каплями из синего, зеленого, желтого и оранжевого цветов. Скорее всего, в отличие от сосудов с синими каплями, нейзацкий экземпляр имеет не ближневосточное, а западноевропейское происхождение (*Шабанов*, 2016. С. 170).

[2] В отечественной и зарубежной археологический литературе такие изделия также называют «питьевой рог» или «рог для питья» (англ. *drinking horn*).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква. 366 с.

Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И., 1976. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // Советская археология. № 4. С. 121–152.

Зайцев Ю. П., 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 / Отв. ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: Сонат. С. 102–116.

Кунина Н. З., 1997. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во АРС. 360 с.

Масякин В. В., 2010. Склеп позднеримского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский. Донецк: Донбасс. С. 278–284. (Археологический альманах. № 22).

Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 2001. Новые памятники III–IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. С. 32–50.

Романчук А. И., 2008. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1. Античный полис. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та. 807 с.

Румянцева О. С., Трифонов А. А., 2021. Питьевой рог и шпоры из погребения 28 могильника Скалистое III в Юго-Западном Крыму: состав стекла и эмали и данные о происхождении // История и археология Крыма. Вып. XIV. С. 57–70.

Сорокина Н. П., 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // Советская археология. № 4. С. 85–101.

Стржелецкий С. Ф, Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2003–2004. Население округи Херсонеса в первой половине I тыс. новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. № 4. С. 27–277.

Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo UMCS. 313 с.

Храпунов И. Н., 2021. Инновации IV в. н. э. в культуре населения крымских предгорий // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. С. 80–91.

Шабанов С. Б., 2011. Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVII. С. 141–191.

Шабанов С. Б., 2012. Два стеклянных кубка позднеримского времени из могильника Нейзац // Inter Ambo Maria. Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю. Тезисы докладов / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь. С. 263–269.

Шабанов С. Б., 2013. Стеклянные сосуды из раскопок Инкерманского и Чернореченского могильников (из коллекции Бахчисарайского заповедника) // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь, Бахчисарай: Доля. С. 155–170.

Шабанов С. Б., 2015. Римское стекло. Стеклянные сосуды из собрания Центрального музея Тавриды. Симферополь: Н. Оріанда. 160 с.

Шабанов С. Б., 2016. Стеклянный кубок группы Nuppengläser из погребального комплекса позднеримского времени могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 167–179.

Шабанов С. Б., 2018. Два стеклянных сосуда из комплекса позднеримского времени могильника Опушки в Предгорном Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). III / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 180–187.

Шабанов С. Б., 2019. Стеклянные кубки с «сотовым» орнаментом позднеримского времени из Северного Причерноморья и Кавказа // Херсонесский сборник. Вып. XX. С. 319–325.

Шабанов С. Б., 2020. Стеклянные сосуды римского времени из могильника Опушки в Предгорном Крыму (по материалам раскопок 2003–2019 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. С. 110–134.

Шабанов С. Б., 2021. Стеклянные сосуды I – первой половины III вв. н. э. из варварских памятников предгорного Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД. С. 260–275.

Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А., 2003. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII. С. 199–225.

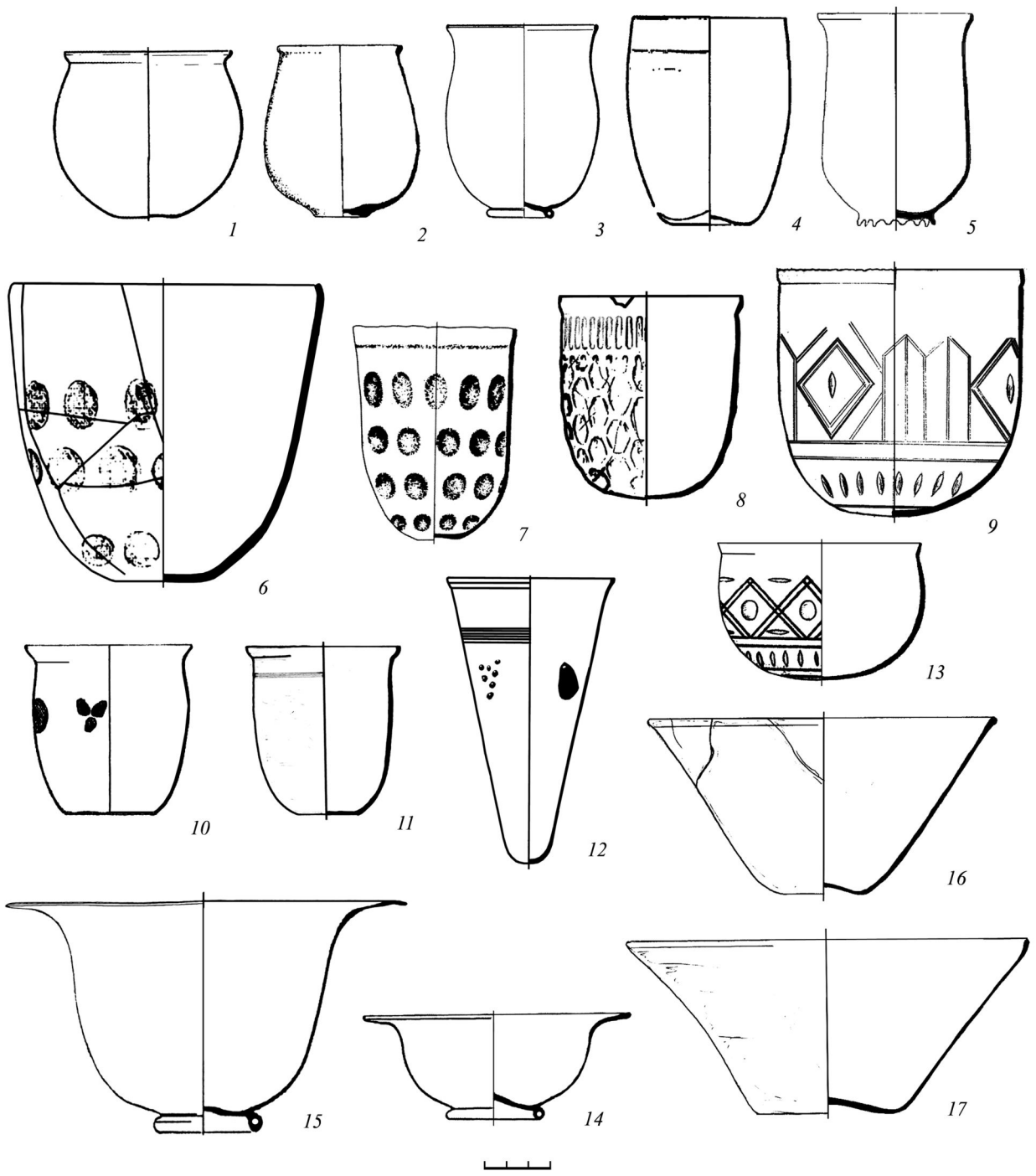

Рис. 1. Стеклянные сосуды.
1 – Дружное, мог. 21 (по: *Храпунов,* 2002. Рис. 99, *8*); *2* – Красная Заря, мог. 36 (по: *Пуздровский,* 2001. Рис. 2, *20*); *3, 4* – Нейзац, мог. 180, 125 (по: *Шабанов,* 2011. Рис. 2, *12*; 4, *33*); *5* – Опушки, мог. 124 (по: *Шабанов,* 2018. Рис. 2, *1*); *6* – Нейзац, мог. 139 (по: *Шабанов,* 2011. Рис. 5, *34*); *7* – Дружное, мог. 3 (по: *Храпунов,* 2002. Рис. 71, *14*); *8* – Суворово, мог. 30 (по: *Зайцев,* 1997. Рис. 64); *9* – Нейзац, мог. 4 (по: *Шабанов,* 2011. Рис. 6, *40*); *10, 11* – Совхоз 10, мог. 278, 284 (по: *Стржелецкий и др.,* 2003–2004. Табл. 33, *29, 51*); *12* – Нейзац, мог. 115 (по: *Шабанов,* 2011. Рис. 6, *42*); *13* – Суворово, мог. 38 (по: *Юрочкин, Труфанов,* 2003. Рис. 2, *7*); *14* – Заречное, склеп 1992 г. (по: *Масякин,* 2010. Рис. 2, *5*); *15* – Нейзац, мог. 148 (по: *Шабанов,* 2011. Рис. 11, *68*); *16, 17* – Совхоз 10, склеп 8 (по: *Стржелецкий и др.,* 2003–2004. Табл. 35, *17, 21*)

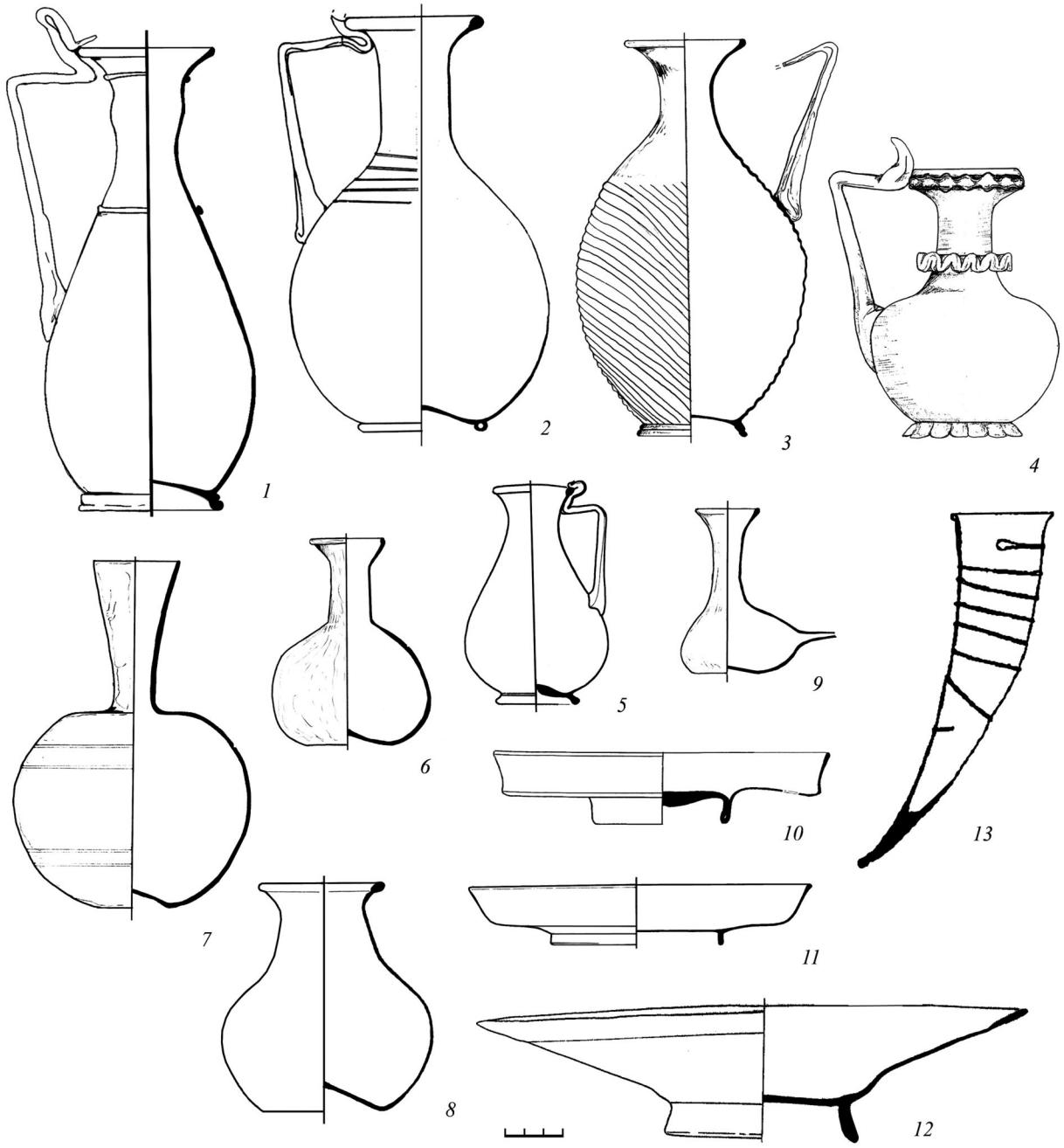

Рис. 2. Стеклянные сосуды.
1 – Совхоз 10, мог. 81 (по: *Стржелецкий и др.,* 2003–2004. Табл. 12, *58*); *2* – Нейзац, яма с сосудами 16 (по: *Шабанов,* 2011. Рис. 9, *57*); *3* – Совхоз 10, мог. 251 (по: *Стржелецкий и др.,* 2003–2004. Табл. 30, *21*); *4* – Черная речка, мог. 2 (7) (по: *Шабанов,* 2013. Рис. 1, *4*); *5* – Нейзац, мог. 4 (по: *Шабанов,* 2011. Рис. 7, *52*); *6, 7* – Совхоз 10, мог. 260, 75 (по: *Стржелецкий и др.,* 2003–2004. Табл. 31, *37*; 11, *18*); *8* – Нейзац, мог. 180 (по: *Шабанов,* 2011. Рис. 9, *61*); *9* – Совхоз 10, мог. 76 (по: *Стржелецкий и др.,* 2003–2004. Табл. 12, *52*); *10–12* – Нейзац, мог. 200, 306, 4 (по: *Шабанов,* 2011. Рис. 11, *71–73*); *13* – Совхоз 10, склеп 7 (по: *Стржелецкий и др.,* 2003–2004. Табл. 35, *15*)

Рис. 3. Стеклянные сосуды.
1 – Дружное, мог. 66 (по: *Шабанов,* 2015. Кат. 72); *2* – Опушки, мог. 262 (фото автора); *3* – Нейзац, мог. 301 (по: *Шабанов,* 2015. Кат. 78); *4* – Дружное, мог. 78 (по: *Шабанов,* 2015. Кат. 81); *5* – Нейзац, яма с сосудами 11 (по: *Шабанов,* 2012. Рис. 1); *6* – Дружное, мог. 5 (по: *Шабанов,* 2015. Кат. 84); *7, 8* – Нейзац, мог. 4 (по: *Шабанов,* 2015. Кат. 85, 86); *9* – Опушки, мог. 124 (по: *Шабанов,* 2018. Рис. 1, *1*); *10* – Нейзац, яма с сосудами 2 (по: *Шабанов,* 2015. Кат. 92); *11* – Совхоз 10, мог. 77 (по: *Романчук,* 2008. Рис. 94)

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.297-305

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ МОГИЛЬНИКА КИЛЕН-БАЛКА

Нессель Виктория Александровна
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь, Россия

Аннотация: Керамический комплекс из раскопок позднеантичного могильника Килен-балка в округе Херсонеса состоит из краснолаковой, простой гончарной и лепной посуды. Краснолаковая керамика представлена, в основном, продукцией понтийских мастерских римского и позднеантичного периода, привозные сосуды присутствуют единично. Многие формы простых гончарных сосудов аналогичны краснолаковым, что позволяет предположить их синхронное изготовление в одинаковых производственных центрах.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, могильник Килен-балка, позднеантичный период, керамический материал

CERAMIC COMPLEX FROM THE CEMETERY OF KILEN-BALKA

Nessel', Viktoriia Aleksandrovna
State Historical and Archaeological Museum Preserve of Tauric Chersonese, Sevastopol, Russia

Abstract: The complex of ceramic wares excavated at the Late Antique cemetery of Kilen-Balka in the environs of Chersonese comprised red-slip, simple wheel-made, and hand-made vessels. The red-slip ware mainly shows the products of the Pontic workshops from the Roman and Late Antique Periods; there also are very few imported vessels. As many forms of simple wheel-made vessels are the same as of red-slip artefacts, there are reasons to suppose that they were made synchronously in the same production centres.

Keywords: south-western Crimea, cemetery of Kilen-Balka, Late Antique Period, ceramic finds

Могильник Килен-балка находится в восточной части Гераклейского полуострова, примерно в 7,5 км к востоку от античного Херсонеса. Памятник расположен на западном и восточном склонах одноименной балки и простирается вдоль скальных обрывов на расстоянии около 1 км. Могильник был выявлен и частично исследован экспедицией Херсонесского музея-заповедника под руководством О. Я. Савели в 1968 и 1991–1992 гг. (*Савеля,* 1968. Л. 1–4; *Савеля, Савеля,* 1992. Л. 23–42). В результате проведенных спасательных раскопок было изучено 8 погребальных сооружений – склепов, в которых было обнаружено около 20 захоронений. Вырубленные в скальных выходах на крутых склонах балки склепы, как правило, в плане Т-образной формы, имеют четырехугольные погребальные камеры, продольной осью ориентированные вдоль обрыва скалы (*Савеля, Савеля,* 1994. С. 60–61). По мнению автора раскопок, могильник связан с варварским населением, обитавшим в округе Херсонеса в позднеантичную эпоху; в его устройстве и обрядности устойчиво сохраняются черты, присущие синхронным могильникам Юго-Западного Крыма, а также проявляются особенности,

свойственные погребальным памятникам Херсонеса в этот период (*Савеля, Савеля,* 1994. С. 61; 1997. С. 72).

Погребальный инвентарь, состоящий из стеклянной и глиняной посуды, оружия, украшений, монет, позволяет установить время совершения захоронений в могильнике в течение IV в. (*Савеля, Савеля,* 1994. С. 61). По представительности в данном комплексе заметно преобладает глиняная посуда. Керамические сосуды были обнаружены как непосредственно возле погребенных, так и стоящими отдельно на специально устроенных полочках и в нишах. Подавляющее большинство находок – это гончарная посуда, чаще всего – с лаковым покрытием, однако есть и лепные сосуды. У многих сосудов на стенках и дне сохранились следы органических веществ – остатков заупокойной пищи.

Значительная часть коллекции краснолаковой керамики из раскопок в Килен-балке ранее уже была введена в научный оборот (*Nessel',* 2001. P. 175–182; *Нессель,* 2003. С. 107–123), однако к настоящему моменту, в связи с большим массивом появившихся за последнее время публикаций материалов позднеантичного времени из Крыма и Северного Причерноморья в целом, многие наши прежние предположения подлежат пересмотру. Всего эта категория находок насчитывает 57 экземпляров, как целых, так фрагментированных; в настоящем исследовании данная керамика представлена по группам, согласно хронологии и центрам производства.

Доминирующее положение в рассматриваемом комплексе занимает посуда, изготовленная в понтийском регионе (87% находок). Среди этой керамики отдельно выделяются сосуды группы «Понтийская сигиллата» (*Журавлев,* 2007. С. 366–448; 2010. С. 40–95; *Hayes,* 1985. P. 92–96; *Kuehnelt,* 2008. S. 43–45) (3 экземпляра), имеющей общую дату I–III вв. н. э., основной же массив находок (52 экземпляра) принадлежит группе «Понтийская краснолаковая керамика», датируемой IV–V вв. (*Arsen'eva, Domżalski,* 2002. P. 415–491). Сосудов импортного производства обнаружено крайне мало; в то же время, присутствие их в погребальном инвентаре весьма показательно для получения информации о разнообразии столовой посуды, бытовавшей в позднеантичное время в регионе, а также для корреляции хронологии всего массива находок из могильника Килен-балка.

ПОНТИЙСКАЯ СИГИЛЛАТА (PS). Сосуды данной группы представлены поздними вариантами широко распространенных в первых веках н. э. форм.

Форма 1 (*Hayes,* 1985) – 1 экземпляр; «тарелка» с вертикальным бортиком и сильно скошенными стенками, на кольцевом поддоне (рис. 1: *1*)[1]. Название «тарелка» дано условно, т. к. сосуд довольно миниатюрный, однако обладает всем набором морфологических элементов, характерных для данной формы (*Hayes,* 1985. P. 93. Tav. XXIII, *1*). Сосуд явно восходит к отдельному варианту формы 1, массово представленному на крымских памятниках со второй половины II в. н. э.

Форма 24.2/24.3 (*Журавлев,* 2010); form S-3c (*Kuehnelt,* 2008) – 2 экземпляра; чаши полусферической формы с сильно отогнутым краем, на кольцевом поддон (рис. 1: *2*).

ПОНТИЙСКАЯ КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ (PRS) в комплексе могильника Килен-балка представлена 12 формами. За основу нами была принята классификация Т. М. Арсеньевой и К. Домжальского (*Arsen'eva, Domżalski,* 2002), с учетом дополнений, предложенных О. С. Ивановой (*Иванова,* 2009). Большинство из найденных в Килен-балке краснолаковых изделий хорошо известны по материалам из крымских погребальных комплексов IV–V вв. н. э., однако для некоторых сосудов аналогии подобрать не удалось. Судя по качеству глины и лака, характерных для понтийской группы, эти сосуды можно с большой долей вероятности считать продукцией локальных мастерских.

Открытые сосуды. Форма 1 (*Arsen'ena, Domżalski,* 2002) – 15 экземпляров; блюда

[1] Подробное описание керамического комплекса из могильника Килен-балка с каталогом находок готовится к печати.

с прямыми, расходящимися в стороны стенками, загнутым внутрь и слегка заостренным краем, дном на низком кольцевом поддоне (рис. 1: *3*). У одного сосуда на внешней стороне дна имеется граффити, у другого – метка, нанесенная лаком.

Форма 2 (*Arsen'ena, Domżalski,* 2002) – 5 экземпляров; блюда с прямыми, расходящимися в стороны стенками; широкий плоский венчик горизонтально отогнут наружу; дно на низком кольцевом поддоне. При переходе от стенки ко дну имеется характерный желобок, в центре дна – небольшой конический выступ (рис. 1: *4*).

Форма 4 (*Arsen'ena, Domżalski,* 2002) – 1 экземпляр; миска на очень низком кольцевом поддоне, с коническими стенками и прямым, слегка скошенным внутрь бортиком. Дно сильно выгнуто в центре и выходит за поддон (рис. 1: *5*).

В предыдущих публикациях данный сосуд был отнесен нами к форме 1В Позднеримского типа С/Фокейской краснолаковой керамики (LRS/PhRS) (*Nessel',* 2001. P. 179. Fig. 2, *9*; *Нессель,* 2003. С. 114–116. Рис. 4, *11*). Однако дальнейшее изучение выявило серьезные отличия нашей находки от сосудов указанной группы по структуре глиняного теста, качеству и способу нанесения лака, что было связано с технологическими особенностями обжига. Вероятно наша находка имеет локальное происхождение. На такую возможность указывают и данные по изучению погребального инвентаря из позднеантичных крымских могильников. Среди керамического материала из комплексов второй половины IV–V в. могильника Алмалык-Дере имеются близкие по форме миски понтийского производства (*Иванова,* 2009. С. 40–44. Рис. 10, *47, 48, 50*).

Форма 11 (*Иванова,* 2009) – 1 экземпляр; неглубокая тарелка с прямыми, расходящимися в стороны стенками, на низком кольцевом поддоне; с широким краем, горизонтально отогнутым наружу и украшенным двумя врезными бороздками (рис. 1: *6*).

Форма 12 (*Иванова,* 2009) – 1 экземпляр; глубокая тарелка с округлыми, расходящимися в стороны стенками, с широким, горизонтально отогнутым наружу венчиком; дно на низком кольцевом поддоне (рис. 1: *7*). Изделие отличается небрежностью в исполнении и имеет явные следы нарушения температурного режима, что осложняет определение первоначального цвета глины и лака, неровно покрывавшего сосуд изнутри и частично снаружи.

Форма 13 (*Иванова,* 2009) – 3 экземпляра; миски с вертикальными бортиками и скошенными стенками, на низком кольцевом поддоне (рис. 1: *8*). Не вызывает сомнения происхождение формы: тарелки с вертикальным бортиком и скошенными стенками – самая распространенная в первых вв. н. э. форма Понтийской сигиллаты. Вполне вероятно, что в позднеантичное время эти сосуды также изготавливались в региональных мастерских.

Открытые сосуды других форм. Представлены двумя мисками полусферической формы, изготовленными из характерного для понтийской группы глиняного теста (рис. 1: *9, 10*). Один из сосудов довольно небрежного исполнения, с сильно перекошенными в процессе формовки стенками. Близких аналогий этим формам не выявлено; их датировка значительно осложнена тем, что они были обнаружены в засыпи дромоса и в камере склепа 2, где одновременно присутствовали как сосуды группы Понтийской сигиллаты, так и группы Понтийской позднеримской керамики.

Сосуды закрытого типа. Формы большинства из них хорошо известны по многочисленным находкам в регионе и вошли в классификацию О.С. Ивановой. В то же время следует отметить значительную вариативность внутри каждой формы, порой затрудняющую поиск аналогий. Многие сосуды носят следы производственной деформации: на тулове имеются вмятины, поддон и верхний край косо срезаны, внешняя поверхность небрежно обработана, встречаются экземпляры с вмятинами и сквозными отверстиями на тулове, в одном случае – даже с трещиной на дне, полученными в процессе изготовления.

Тип 1 (*Иванова*, 2009) – 7 экземпляров; довольно крупные сосуды с туловом бутылковидной формы, сильно раздутым в верхней части, на широком плоском дне (рис. 2: *1*).

Тип 2 (*Иванова*, 2009) – 12 экземпляров; сосуды с туловом яйцевидной или шаровидной формы, нередко – приземистым,

коротким раструбовидым горлом; дно на низком кольцевом поддоне или оформлено в виде низкого, слегка вогнутого внутрь диска (рис. 2: *2*). По профилировке венчика выделяются два варианта сосудов.

Тип 3 – 3 экземпляра; кувшины с шаровидным или грушевидным туловом, коротким цилиндрическим горлом и плавно отогнутым наружу венчиком; дно на низком кольцевом поддоне (рис. 2: *3*). Данные сосуды весьма напоминают кувшины типа 2, но имеют характерное ребро в месте перехода от горла к плечу, что в отдельных случаях делает форму тулова близкой к биконической. Точных аналогий для этих сосудов найти не удалось; вероятно, они представляют одну из разновидностей предыдущего типа 2; не исключено их совместное изготовление на протяжении IV – первой половины V вв.

Тип 4 – 1 экземпляр; кувшин вытянутой веретенообразной формы, с высоким, узким горлом с ребром на середине и сильно отогнутым наружу венчиком; дно коническое на высоком кольцевом поддоне (рис. 2: *4*). К группе сосудов понтийского производства данный тип позволяют причислить цвет и характер глиняного теста и лакового покрытия. Полных аналогий этой находке пока обнаружить не удалось, но близкие по форме сосуды, целые или во фрагментах, известны по находкам в Танаисе, Керчи, могильниках Совхоз 10 и Красный Мак (*Arsen'eva, Domżalski*, 2002. P. 428. Fig. 13, *579–582*; *Стржелецкий и др.*, 2005. С. 104–105. Табл. XXIV; *Лобода*, 2005. С. 194–195, 209–211. Рис. 3, *8*).

Тип 5 – 1 экземпляр; сосуд с туловом биконической формы, на низком кольцевом поддоне. Мест крепления ручек на тулове нет (рис. 2: *5*). Прямых аналогий данному сосуду выявить не удалось. Сама форма изделия указывает на его происхождение от металлических образцов. Так, среди свинцовых погребальных урн первых вв. н. э. из некрополя Херсонеса имеется биконический сосуд, отчасти напоминающий нашу находку (Ср.: *Журавлев, Костромичев*, 2017. С. 79–80. Табл. 31, *1*; *Зубарь*, 1982. С. 55–56. Рис. 34).

АФРИКАНСКАЯ КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА (ARS). В керамическом комплексе могильника Килен-балка представлена одной формой.

Форма 67 (*Hayes*, 1972) – тарелка с изогнутыми, слегка округлыми стенками, двучастым плоским венчиком с вертикальным бортиком; дно плоское, с бороздками, имитирующими очень низкий кольцевой поддон (рис. 1: *11*). Общая датировка формы – вторая половина IV – вторая половина V в. (*Hayes*, 1972. P. 113–116. Fig. 19).

НЕУСТАНОВЛЕННЫЙ ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Столовая амфора с шаровидным туловом на плоском дне, узким высоким горлом. Плечи сосуда украшены мелкими концентрическими бороздками; на тулове – петлевидные разводы лака (рис. 2: *6*). В качестве отдаленной аналогии форме можно указать на двуручный кувшин из могильника Совхоз 10 (*Стржелецкий и др.*, 2005. С. 100–102. Табл. XXII, *14*), кувшины из Западного Причерноморья (тип V по: *Opaiț*, 1996. P. 241. Pl. 50, *7*).

ПРОСТАЯ СТОЛОВАЯ КЕРАМИКА составляет 0,5% от общего числа находок в комплексе могильника. Особенности изготовления, характер глиняного теста, размеры этих изделий довольно убедительно, на наш взгляд, указывают на их локальное происхождение, более того, некоторые из них явно были изготовлены в тех же мастерских, что и краснолаковые сосуды. Всего в погребальном инвентаре было обнаружено 4 гончарных кувшина без лакового покрытия (3 – целых, 1 – фрагментированный).

Тип 1 – 1 экземпляр; кувшин с шарообразным туловом на низком кольцевом поддоне (рис. 3: *1*). Аналогичен по форме типу 2 краснолаковых кувшинов.

Тип 2 – 1 экземпляр; кувшин с округлоприземистым, слегка уплощенным туловом на низком кольцевом поддоне. На тулове просматривается слабое рифление (рис. 3: *2*). Форма аналогична краснолаковым кувшинам 3 типа.

Тип 3 – 1 экземпляр; кувшин грушевидной формы, на высоком поддоне; на горле и на тулове неглубокое рифление (рис. 3: *3*). Морфологические признаки этого кувшина указывают на его возможное происхождение от краснолаковых кувшинов 3 типа; в то же время нельзя не отметить иной характер формовочной массы, свидетельствующий о существовании разных керамических мастерских.

Тип 4 – 1 экземпляр; кувшин с грушевидным туловом (дно утрачено), с узким цилиндрическим горлом с высоким воронковидным венчиком (рис. 3: *4*). Форма сосуда напоминает довольно распространенный в более раннее время тип краснолаковых двуручных кувшинов (амфорисков) или столовых амфор, период бытования которых – конец I–II вв. н. э., в отдельных случаях – до начала III в. н. э. (Ср.: *Журавлев*, 2010. С. 72, форма 6. Рис. 38, *290–294*; *Труфанов*, 2009. С. 168. Рис. 28, *1–9*). В то же время нельзя не отметить определенное сходство нашего сосуда с гончарными кувшинами из комплексов Западного Причерноморья второй половины IV – середины-конца V в. н. э. (*Opaiț*, 1996. P. 118–119. Pl. 48, *1–4, 10*; 50, *6*).

ЛЕПНЫЕ СОСУДЫ. Их доля находок (0,5% в общем керамическом массиве) незначительна; бóльшей частью все они сильно фрагментированы.

Были обнаружены 3 миски, различающиеся по размерам и деталям оформления, и 1 кувшин с шаровидным туловом на плоском, слегка вогнутом дне (рис. 3: *5–8*). Подобные сосуды известны среди погребального инвентаря могильников Юго-Западного Крыма IV–V вв.

Анализ материала из керамического комплекса могильника Килен-балка показывает, что подавляющее большинство находок относится к продукции понтийских мастерских. Значительное число обнаруженных сосудов «понтийского происхождения» имеют довольно многочисленные аналогии среди материалов крымских могильников позднеантичного-раннесредневекового времени, а также среди находок из синхронных слоев Херсонеса. Показательным, на наш взгляд, являются зафиксированные случаи обнаружения сосудов «понтийского происхождения» IV–V вв. вместе с посудой, также изготовленной в Причерноморье, но в более раннее время.

ЛИТЕРАТУРА:

Журавлев Д. В., 2007. Понтийская сигиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Зинько В.Е. (отв. ред.). Боспорские исследования. Вып. XVI. Симферополь-Керчь: ТОВ «Керченська міська друкарня». С. 366–448

Журавлев Д. В., 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) / Зинько В.Н. (отв. ред.). Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum 9. Симферополь: ТОВ «Керченська міська друкарня». 320 с.

Журавлев Д. В., Костромичев Д. А., 2017. Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Ч. I. Материалы раскопок Р. Х. Лёпера в 1909–1910 гг. М. 184 с.

Зубарь В. М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка. 144 с.

Иванова О. С., 2009. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-лере (Мангуп) // Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриии. Вып. XV. Симферополь. С. 26–88.

Лобода И. И., 2005. Раскопки Красномакского могильника в 1983–1984 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XI. Симферополь. С. 192–251.

Нессель В. А., 2003. Краснолаковая керамика из могильника Килен-балка // Херсонесский сборник. Вып. XII. Севастополь. С. 107–123.

Савеля О. Я., 1968. Отчет о разведках могильника первых веков н. э. в Килен-балке в 1968 г. Научный архив ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. 1. Д. 1271. 28 л.

Савеля О. Я., Савеля Д. Ю., 1992. Охранные исследования позднеантичного могильника III–V вв. н. э. по ул. Астраханской // Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 г. Научный архив ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. 1. Д. 3068. Л. 23–42.

Савеля О. Я., Савеля Д. Ю., 1994. Могильники позднеантичной-ранневизантийской поры на Гераклейском полуострове (по материалам раскопок могильника в Килен-балке в 1991–1992 гг.) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тезисы докладов международной конференции. Симферополь. С. 60–61.

Савеля О. Я., Савеля Д. Ю., 1997. Погребальный обряд сельского населения ближней округи Херсонеса позднеримского – ранневизантийского времени // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции. Симферополь. С. 72.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2005. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячеления новой эры (по материалам некрополя «Совхоз-10») // Stratum plus, 2003–2004. № 4. С-Пб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. С. 24–277.

Труфанов А. А., 2009. Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Полевой дневник: римское время. Stratum plus. № 4. 2005–2009. С.-Пб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. С. 117–328.

Arsen'eva T. M., Domżalski K., 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Band 8. Sonderdruck. Mainz am Rein. P. 415–491.

Hayes J. W., 1972. Late Roman Pottery. London. 477 p.

Hayes J. W., 1985. Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio), Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma: Instituto poligrafico e Zecca Dello Stato. 96 p.

Kuehnelt E., 2008. Terra Sigillata aus Alma Kermen. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontische Sigillata / zur Erlangung des Doktorgrades am Fachbereich Geschichts und Kulturwissenschafter der Freien Universität Berlin. Berlin. 475 s.

Nessel' V., 2001. Red slip pottery from the Kilen-balka necropolis (Souht Crimae) // Światowit. T. III (XLIV). Fasc. A: Archeologia śródziemnomorska I pozaeuropejska. Warsaw. P. 175–182.

Opaiț A., 1996. Aspecte ale vieţii economice din provincia Scythia (secolele IV–VI p. Ch.). Producţia ceramicii locale şi de import. Bucureşti. 336 p.

Рис. 1. Основные типы сосудов из керамического комплекса могильника Килен-балка.
1–11 – краснолаковая керамика (тарелки, миски, чаши, блюда)

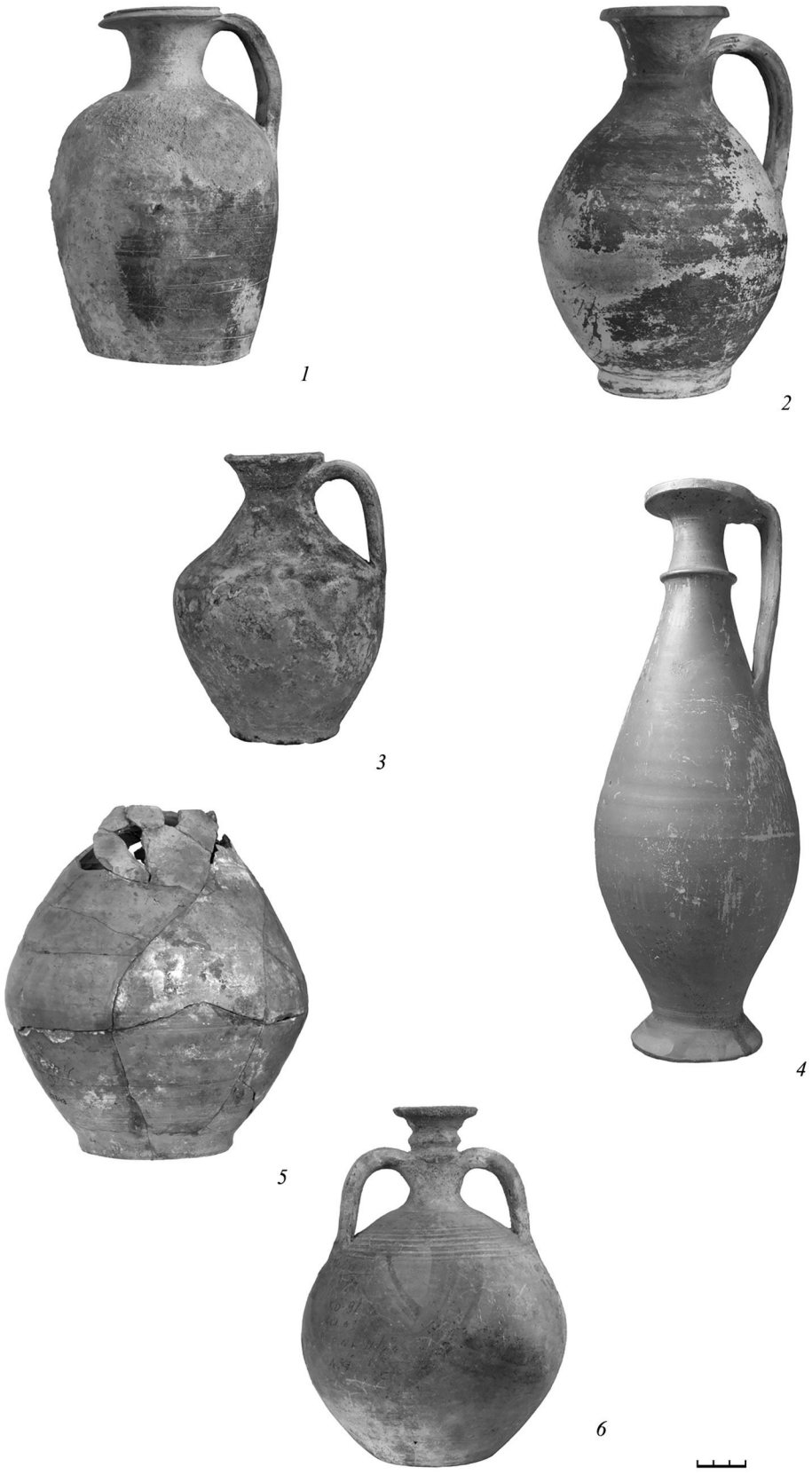

Рис. 2. Основные типы сосудов из керамического комплекса могильника Килен-балка.
1–6 – краснолаковая керамика (кувшины, столовая амфора)

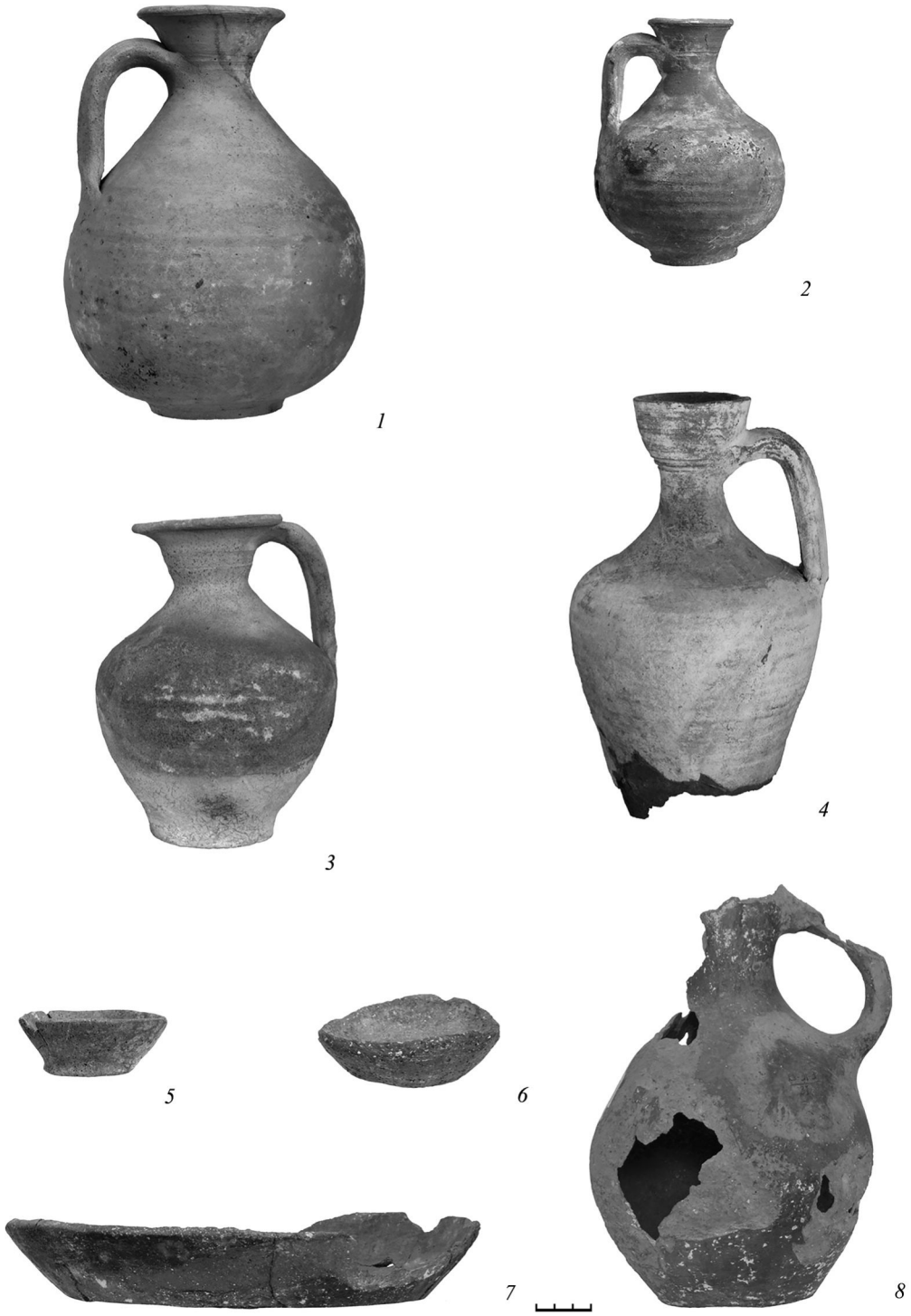

Рис. 3. Основные типы сосудов из керамического комплекса могильника Килен-балка.
1–4 – простые гончарные кувшины; *5–8* – лепные сосуды

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.306-314

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

Ушаков Сергей Владимирович
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

Аннотация: Лепная керамика из раскопок позднеантичного Херсонеса и его хоры представлена кружками, кувшинами, горшками, мисками, кастрюлями с подтреугольными ручками и большими конусовидными сосудами. Она характеризуется выраженным своеобразием, но имеет некоторое сходство с керамикой варварских памятников Крыма и античного Боспора. Хронологические рамки комплексов определяются периодом со II по V в.

Ключевые слова: Херсонес, лепная керамика, позднеантичный период

HAND-MADE CERAMIC WARE IN LATE ANTIQUE CHERSONESE

Ushakov, Sergei Vladimirovich
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract: The hand-made ware excavated at the Late Antique Chersonese and its *chora* comprise mugs, pitchers, pots, bowls, saucepan with sub-triangular handles, and big conical vessels. Although this ware is typical of definite singularity, it nevertheless has some common features with the ceramic wares of the barbarian sites in the Crimea and Greco-Roman Bosporos. The chronological frames of the assemblages in question date to the period from the second to fifth centuries.

Keywords: Chersonese, hand-made ware, Late Antique Period

Керамический комплекс Херсонеса Таврического – одно из ключевых звеньев в археологическом изучении этого античного центра Северного Причерноморья. До сих пор основное внимание уделялось керамике тарной, расписной, «ионийского типа» (напр.: *Монахов,* 1979; *Кац,* 1994; *Монахов, Кузнецова, Чурекова,* 2017; *Вдовиченко, Рыжов, Жесткова,* 2019; *Золотарев,* 1993. С. 4–14), а также амфорам и краснолаковой керамике позднеантичной эпохи (*Романчук, Сазанов, Седикова,* 1995; *Романчук, Сазанов,* 1991). В меньшей степени это относится к другим категориям археологического материала, в том числе и лепной керамике. Информативность каждого типа керамических изделий разная. Так амфоры (особенно клеймёные), чернолаковая и краснолаковая керамика служат основным материалом для хронологических штудий и реконструкций торгово-экономических связей. Лепная керамика играет большую роль при определении этнокультурного облика населения, что важно и для сравнительного анализа античных и варварских памятников.

Лепная керамика античных центров Северного Причерноморья (Березани, Ольвии, Боспора) в целом относительно неплохо изучена. То же самое можно сказать о варварских памятниках Крыма (см.: *Ушаков, Струкова,* 2018, там же основная литература).

Историография проблемы (лепная керамика Херсонеса Таврического) минимальна. В публикациях и научной литературе обычно отмечалась или более подробно рассматривалась только посуда так назы-

ваемого Кизил-Кобинского типа (ККТ), которая подавляющим большинством исследователей считается таврской, или отдельные экземпляры керамики, относящиеся к классическому – эллинистическому времени. То же самое можно сказать о лепной посуде римской эпохи (*Белов, Стржелецкий, Якобсон,* 1953. Рис. 33, 35). На лепную керамику позднеантичного периода ранее обращал внимание только В.М. Зубарь, в его работах по некрополю она представлена в самом общем виде (*Зубарь,* 1982. С. 79–82; *Зубарь,* 2004. С. 234. Рис. 96).

В ходе работ экспедиции М.И. Золотарева (с участием автора статьи с 1987 г.) в разных районах Херсонесского городища особое внимание, наряду с другими категориями керамических материалов, целенаправленное внимание стало уделяться лепной керамике. Так, в «Казарме» (здании большой площади) (рис. 1В) в районе т.н. древнегреческих ворот был получен небольшой комплекс находок (рис. 2А) (*Золотарёв, Коробков, Ушаков,* 1996). Во-первых, это *плоскодонные миски* с наклонными или вертикальными стенками (рис. 2А: *1–4, 6, 7*) и подтреугольными горизонтально расположенными ручками (рис. 2А: *5*). Во-вторых, это *горшки* с выделенным и отогнутым венчиком (рис. 2А: *8, 9*). Единичными экземплярами представлены верхние части горшка с прилепом ручки у утолщённого венчика (рис. 2А: *10*) и закрытый сосуд с загнутым венчиком (рис. 2А: *11*). Аналогичные по морфологии сосуды (кубки, миски и горшки) происходят и из раскопок у «Базилики 1935 г.» (рис. 2Б) (*Золотарев и др.,* 2013. С. 216. Рис. 115, *1–5*).

При раскопках XCVII квартала херсонесского городища был получен значительный массив лепной керамики позднеантичного времени, практически впервые такой объем за все годы исследований. Удалось реконструировать археологические целые формы сосудов. Небольшая часть находок была предварительно опубликована (*Ушаков, Струкова,* 2010; *Ушаков, Струкова,* 2016), в том числе и в сравнении с керамическим материалом из крымских некрополей (*Ушаков, Струкова,* 2018). Совсем недавно был найден и опубликован комплекс находок из небольшой цистерны последней трети I в. н. э. в помещении 22 этого же квартала, среди которого присутствовала лепная керамика (рис. 3) (*Дорошко, Дорошко, Ушаков,* 2021. С. 132–133. Рис. 14–16). Изучается и лепная керамика римского времени из раскопок усадеб Гераклейского полуострова (*Ковалевская,* 1998; 2005; *Созник,* 2005; *Ковалевская, Суханова,* 2005) (рис. 1Г). Таким образом, в настоящее время созданы условия для выявления основных типов и вариантов лепной посуды позднеантичного Херсонеса и определения хронологических рамок их бытования.

Рассмотрим находки из раскопок XCVII квартала херсонесского городища (рис. 1Б), где было исследовано несколько условно-закрытых комплексов с представительными материалами. Это: 1) заполнение цистерны 1993–1994 гг. в помещении 8 (*Золотарев, Коробков, Ушаков,* 1997; *Золотарев, Коробков, Ушаков,* 2011); 2) цистерна в центре двора (раскопки 2002–2004 гг.) (*Ушаков и др.,* 2006); 3) колодец в помещении 4 (раскопки 2003–2005 гг.) (*Ушаков, Дюженко, Струкова,* 2015). Отдельные экземпляры лепной керамики были найдены во внутриквартальном дворе и в помещениях 7, 9, 10.

О хронологии этих комплексов. Все они содержали исключительно обильный и разнообразный археологический материал (строительная керамика, амфоры, кухонная гончарная, лепная, простая столовая, краснолаковая керамика, светильники, стекло, предметы из кости, металла, монеты). Состав комплексов был схож и различался только деталями. Рассмотрение их по совокупности материалов (с опорой на хронологию амфор и краснолаковой керамики и нумизматику) позволяет заключить, что эти комплексы нужно датировать в пределах V века, его первой (цистерна в помещении 8) или второй (цистерна во дворе, колодец в помещении 4) половины (*Ушаков, Струкова,* 2016б. С. 112. Табл. 3).

Лепная посуда имела глиняное тесто темно-серого, почти черного цвета. Видны следы правки сосудов на круге, поверхность – заглажена. В засыпи цистерны во дворе и колодце встречены крупные части сосудов, по которым без особых проблем восстанавливаются их целые формы. Так как они не были разбиты на мелкие

фрагменты, то можно предположить, что они утилизировались сразу после выхода из употребления.

В заполнении цистерны в помещении 8 были найдены (во фрагментах) (А) закрытые сосуды – 1) *кружки* (рис. 4: *2*) и 2) *горшки* (рис. 4: *4*), (Б) открытые – *миски* с наклонными или закругленными стенками (рис. 4: *15–19*), в том числе и с подтреугольной в плане ручкой. Оригинальной формой отличался только один сосуд – *глубокая миска* с внутренним ребром, расположенным ниже закраины (рис. 4: *10*).

В цистерне во дворе в большом количестве были найдены крупные фрагменты очень близких по форме мисок и горшков, а также *кружка* с небольшой ручкой, аналогичная сосудам из цистерны в помещении 8 (рис. 4: *3*). Наряду с аналогичными формами сосудов, присутствовали и индивидуальные находки. Среди них: 1) глубокая плоскодонная *мисочка* (рис. 4: *6*); 2) верхняя часть *закрытого сосуда* (вероятно, кувшина) с верхним прилепом овальной в сечении ручки (рис. 4: *5*); 3) небольшой сосуд типа *кастрюльки* с отогнутым наружу-вверх краем и горизонтально расположенными ниже края прилепленными полукруглыми в плане ручками (рис. 4: *7*). Обращает на себя внимание также фрагмент мисочки с похожей ручкой, но расположенной на уровне закраины (рис. 4: *14*).

В засыпи колодца были зафиксированы многочисленные фрагменты мисок и горшков разнообразных форм и размеров, аналогичные сосудам из комплексов цистерн. Новыми формами стали: 1) сосуд типа *кастрюли* с шаровидным туловом (дно не сохранилось) и с небольшими подтреугольными в плане ручками, являющимися продолжением закраины (рис. 4: *20*); 2) *миска-кастрюлька* с похожими же ручками, но конусовидной формы; 3) фрагмент закраины *миски* (кастрюли) с аналогичной подтреугольной ручкой. Все сосуды были изготовлены из различного керамического теста с разным качеством исполнения (подробнее: *Ушаков, Струкова,* 2010).

Кроме этих трех комплексов, которые дали наибольший процент материала, аналогичные лепные сосуды были также найдены в помещениях квартала и засыпи двора. Кроме них, там были обнаружены две *большие миски* конусовидной формы с отогнутой закраиной (рис. 4: *11, 12*). Отличался формой и сохранностью толстостенный плоскодонный *горшок* с венчиком, орнаментированным неглубокими ногтевыми насечками (рис. 4: *21*).

Таким образом, комплекс лепной посуды из раскопок XCVII квартала представлен, во-первых, закрытыми сосудами: *кружками*, *кувшинами*, *горшками* разнообразных размеров и форм. Во-вторых – открытыми: *мисками*, *кастрюлями* с горизонтальными подтреугольными ручками и *большими конусовидными сосудами*, по форме напоминающими ведра. Такой же набор форм, как помним, был найден при раскопках Портового района Херсонеса (здание «казармы») в 1993–1996 гг. Почти на всех найденных обломках видны следы копоти. Практически все образцы обнаружены в слоях римского – позднеантичного времени.

За пределами городища аналогичные сосуды были обнаружены при исследовании херсонесской хоры. Это, например, керамический комплекс усадьбы 341, датированный Л. А. Ковалевской концом II – первой половиной III в. (*Ковалевская,* 1998. С. 93. Рис. 4: *10–14*). Краснолаковая керамика комплекса позволяет поднять его верхнюю хронологическую границу до IV в. Аналогичная лепная керамика (сковороды, горшки, кастрюли, миски) была найдена В. В. Созник на усадьбе «Близнецы» (*Созник,* 2005. Рис. 7) (рис. 4Г). Коллекция лепной посуды из еще одной усадьбы (№ 338) датируется временем не позже конца первой трети I в. н. э., но по своим морфологическим особенностям отличается от «городской» керамики Херсонеса и близка сосудам Булганакского городища (Ковалевская, Суханова, 2005. С. 215, 219. Рис. 3; 4).

Таким образом, хронологические рамки всех охарактеризованных выше комплексов из городища и хоры Херсонеса с лепной керамикой (за исключением цистерны в помещении 22) определяются периодом от II по V в. Лепная керамика характеризуется выраженным своеобразием (уже со второй половины I в. н. э.), но имеет некоторое сходство с керамикой варварских памятников Крыма и античного Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л., 1953. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947, 1948 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 34. С. 160–236.

Вдовиченко И. И., Рыжов С. Г., Жесткова Г. И., 2019. Античная расписная керамика Херсонеса Таврического из раскопок С. Г. Рыжова в 1976–2011 годах. Севастополь: Альбатрос. 204 с.

Золотарев М. И., 1993. Херсонесская архаика. Севастополь. 98 с.

Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., 1997. О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в XCVI квартале Херсонеса). Севастополь. 78 с.

Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., 2011. О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в XCVI квартале Херсонеса) // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. V (II). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения». Севастополь. С. 29–70.

Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г., при участии Е. Олениной, 2013. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. М., Севастополь: Русский фонд содействия образованию и науке. 520 с.

Зубарь В. М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев. 142 с.

Зубарь В. М., 2004. Экономическое развитие, социальный и этнический состав населения // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков. С. 183–256.

Кац В. И., 1994. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 166 с.

Ковалевская А. А., 1998. Керамический комплекс конца II – первой половины III вв. н. э. из раскопок виллы 341 // Херсонесский сборник. Вып. IX. С. 89–99.

Ковалевская А. А., 2005. Комплекс столовой и кухонной керамики с усадьбы 106 на хоре Херсонеса Таврического // Боспорские исследования. Вып. VIII. С. 263–272.

Ковалевская Л. А., Суханова И. Ю., 2005. Лепная керамика из раскопок сельской усадьбы 338 в округе Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. XIV. С. 215–224.

Монахов С. Ю., 1989. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э.: опыт системного анализа. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 156 с.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2017. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: Каталог. Саратов: Типография «Новый проект». 208 с.

Романчук А. И., Сазанов А. В., 1991. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 1. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск: УрГУ. 56 с.

Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В., 1995. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 2. Амфоры из комплексов ранневизантийского Херсона. Екатеринбург: УрГУ. 110 с.

Созник В. В., 2005. Круглая башня на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса Таврического (керамические комплексы) // Боспорские исследования. Вып. VIII. С. 238–262.

Ушаков С. В., Дорошко В. В., Дорошко О. П., 2017. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища Херсонеса и могильника «Совхоз–10») // История и археология Крыма. Вып. VI. С. 54–93, 157–163.

Ушаков С. В., Дорошко В. В., Кропотов С. И., Макаев И. И., Струкова Е. В., 2006. Керамический комплекс засыпи цистерны V–VI вв. в XCVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // Херсонесский сборник. Вып. XV. С. 191–216.

Ушаков С. В., Дюженко Т. В., Струкова Е. В., 2015. Исследование засыпи колодца ранневизантийского времени в северо-восточном районе Херсонеса (квартал XCVII, помещение 4) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Е. А. Паршиной / Ред.-сост. И. Б. Тесленко. К.: Видавець Олег Філюк. С. 108–156. (Археологический альманах. № 32).

Ушаков С. В., Струкова Е. В., 2010. Комплекс лепной посуды из засыпи колодца в Северо-Восточном районе Херсонеса // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвящённый юбилею

О. А. Махневой / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский. Донецк. С. 251–258. (Археологический альманах. № 22).

Ушаков С. В., Струкова Е. В., 2016. Позднеантичный Херсонес: новые археологические комплексы. Основные итоги исследований // История и археология Крыма. Вып. IV. С. 110–131.

Ушаков С. В., Струкова Е. В., 2018. Таврика от Херсонеса до Боспора: лепная керамика позднеантичного времени // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной конференции. Часть 2. СПб. С. 235–241.

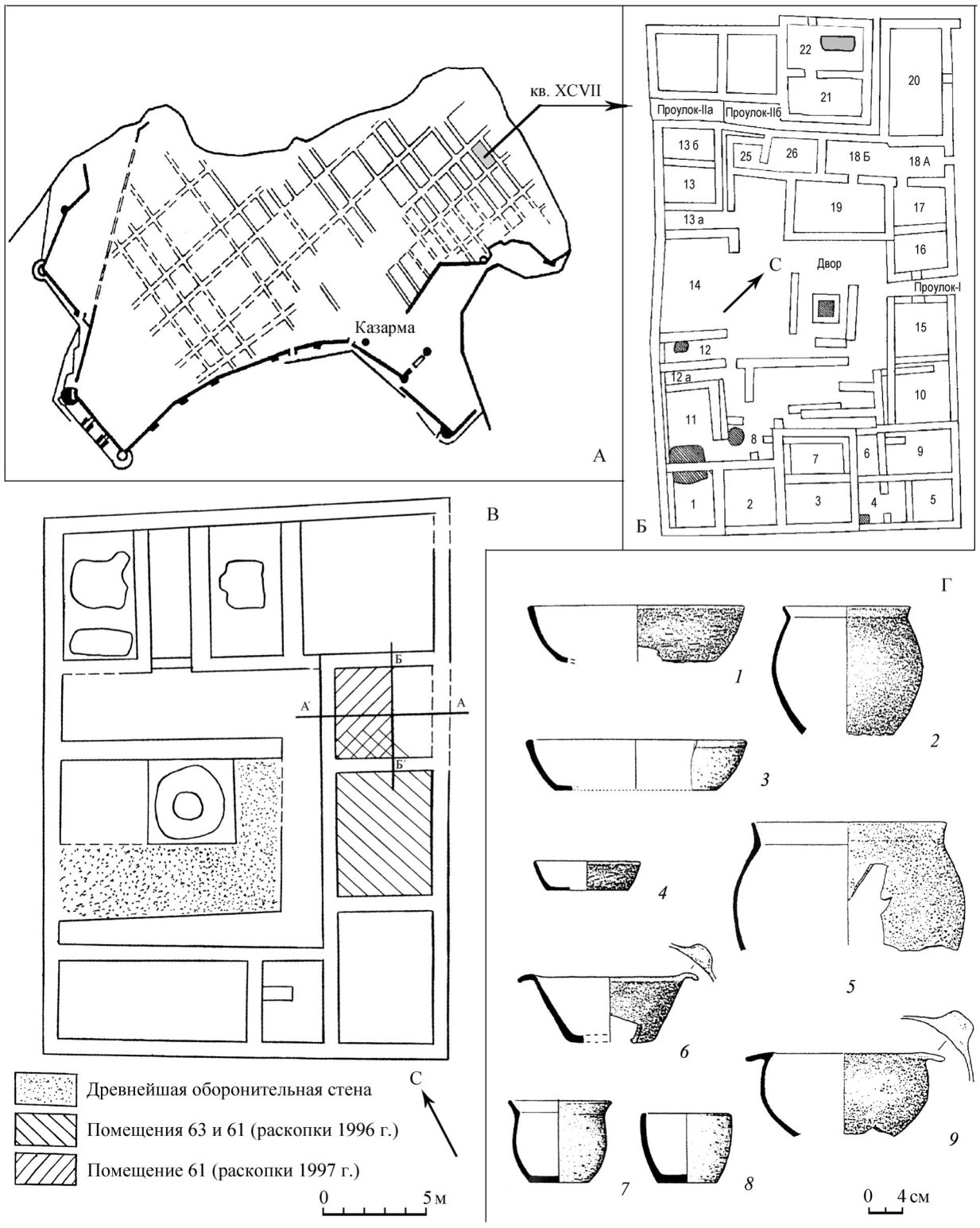

Рис. 1. А – Схематический план Херсонеса с обозначением квартала XCVII и «Казармы». Б – План квартала XCVII. В – План «Казармы». Г – Комплекс находок лепной керамики из усадьбы «Близнецы»

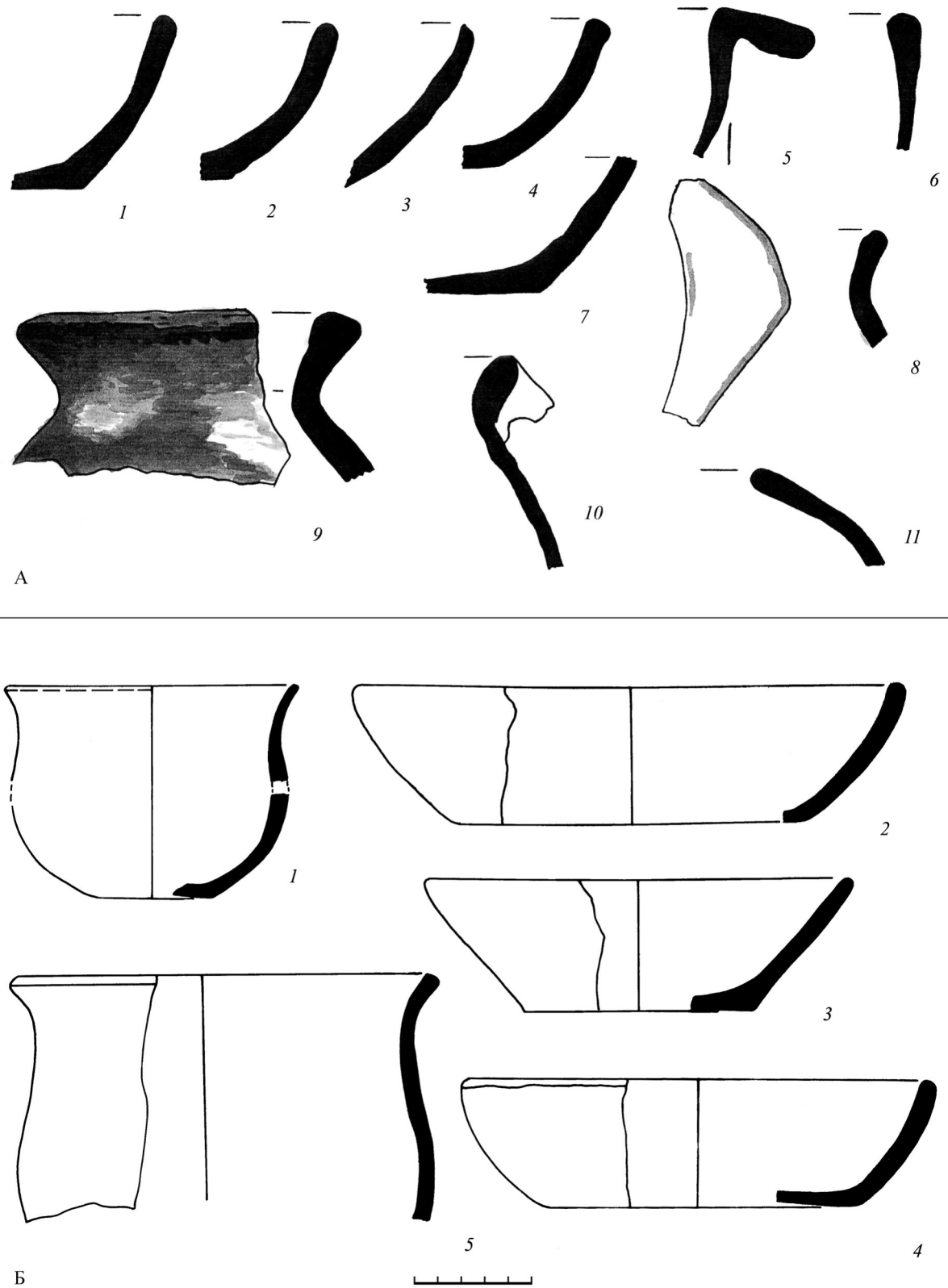

Рис. 2. А – Лепная керамика из раскопок «Казармы».
Б – Лепная керамика из раскопок у «Базилики 1935 г.»

Рис. 3. Лепная керамика из цистерны в помещении 22 квартала XCVII (раскопки 2016–2017 гг.).

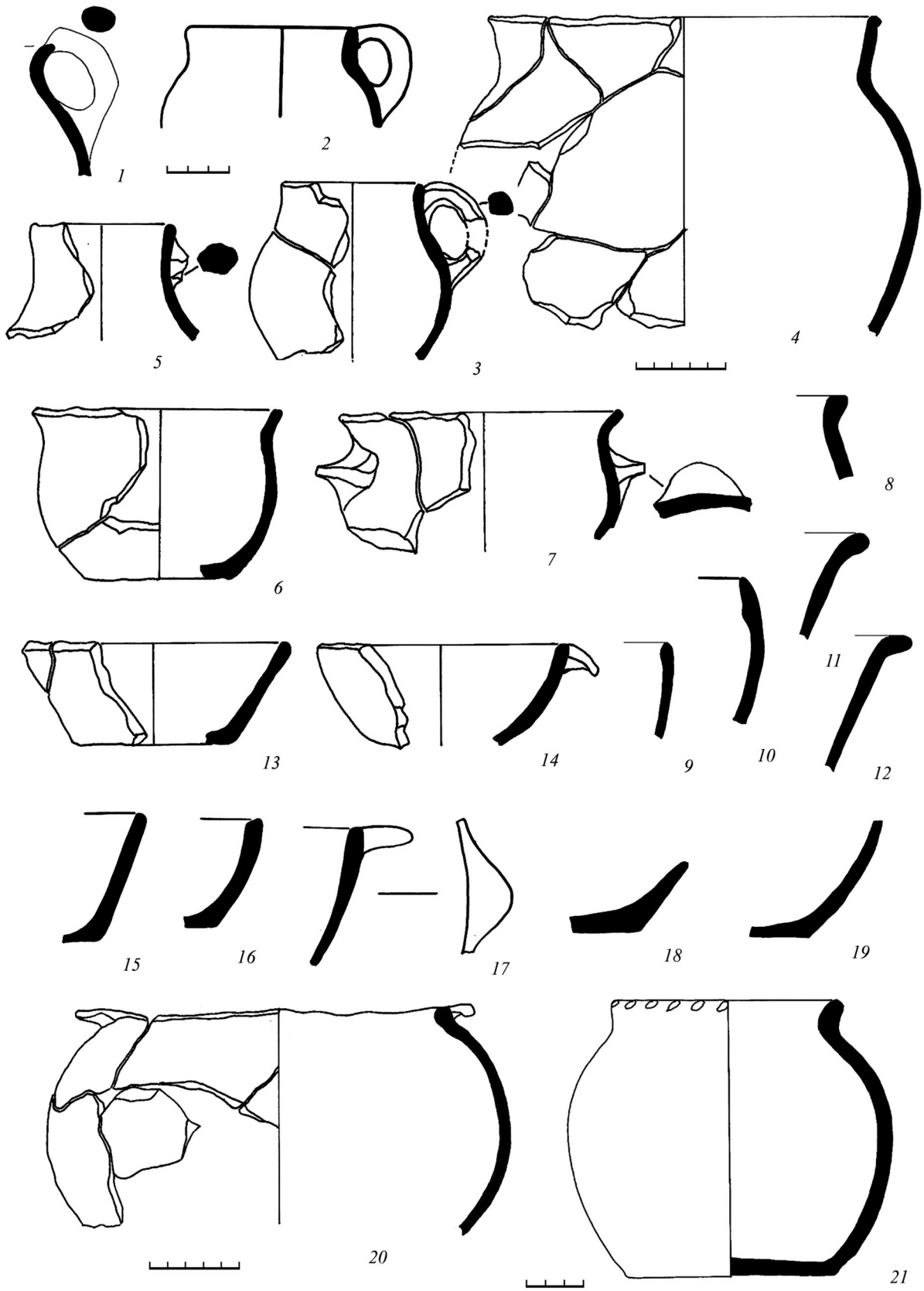

Рис. 4. Основные находки лепной керамики из квартала XCVII

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.315-324

ЛЕПНАЯ ПОСУДА IV–V ВВ. ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Власов Владимир Петрович
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

Аннотация: В статье рассмотрены общие и отличительные признаки лепной посуды IV–V вв. н. э. из могильников предгорного Крыма. Сделан вывод, что сходство проявляется в технике и технологии изготовления, а также в составе и структуре посуды. Отличия состоят в её морфологии и декоре, которые имеют локальную специфику, обусловленную различной родоплеменной принадлежностью тех групп населения, которые оставили разные могильники.

Ключевые слова: лепная посуда, Крым, позднеримское время

THE FOURTH- AND FIFTH-CENTURY HAND-MADE VESSELS IN THE CEMETERIES IN THE CENTRAL AND SOUTH-WESTERN CRIMEA: COMMON AND SPECIFIC

Vlasov, Vladimir Petrovich
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract: This paper addresses the common and specific features of the fourth- and fifth-century hand-made vessels from the cemeteries in the sub-mountainous Crimea. The conclusion is that the similarity appears in the production technique and technology, as well as in the composition and structure of the ware in question. The differences are in the morphology and decoration of the vessels which feature the local specificity caused by the variety of the tribes and clans that created the cemeteries under study.

Keywords: hand-made vessels, Crimea, Late Roman Period

В IV в. н. э. у варварского населения Центрального и Юго-Западного Крыма распространилась практика совершения многократных захоронений по обряду ингумации в грунтовых склепах Т-образной планировки. В центральной части полуострова погребальные сооружения такой конструкции открыты на могильниках Дружное, Нейзац, Опушки, Заречное, Перевальное, в юго-западной – на могильниках Суворово, Озерное III, Красный Мак, Сувлу-Кая, Инкерманский, Чернореченский, Фронтовое 3 и др.

Опуская вопрос о хронологии каждого из перечисленных могильников, отметим, что сначала время их функционирования определялось второй половиной III–IV в. В последующем выяснилось, что на ряде могильников присутствуют комплексы с погребениями нескольких культурно-хронологических горизонтов, которые соотносятся с носителями разных археологических культур. Ранние комплексы датируются I в. до н. э. (*Храпунов,* 2019. С. 589), рубежом I–II или началом II в. н. э. и II – первой половиной III в. (*Храпунов,* 2016. С. 12), а поздний и наиболее массовый по количеству совершенных захоронений культурно-хронологический горизонт охватывает вторую половину III, весь IV, а в ряде случаев, и начало V в.

Особенностью погребений, а также связанных с ними объектов и комплексов позднего горизонта является наличие лепной посуды. Если в захоронениях предшествующего времени она представлена единично, то начиная с IV в. разнообразные лепные сосуды, удельный вес которых достигает 75% от общего количества керамических находок (*Ушаков,* 1998. С. 146; *Власов,* 1999. С. 322), становятся неотъемлемой составляющей поминально-погребального инвентаря. К сожалению, упомянутые крымские могильники исследованы неравномерно. Также неравномерно опубликован и обнаруженный в них археологический материал, в частности, лепная посуда.

Если брать Центральный Крым, то, например, итоги работ на могильнике Перевальное освещены в двух конференционных тезисах без иллюстраций (*Пуздровский,* 1991; *Пуздровский,* 1994). Соответственно, перевальненские лепные сосуды остаются неизвестными.

На некрополе Заречное исследован всего один склеп, правда, все находки из него, включая четыре лепных сосуда, рассмотрены в отдельной работе (*Масякин,* 2010).

Из могильника Опушки, изучение которого с перерывами проводится с 2003 г., опубликовано 6 лепных сосудов. К IV в. относится четыре из них (*Храпунов, Стоянова,* 2013. С. 191–192. Рис. 7, *1–3*; *Шабанов,* 2021. С. 128. Рис. 4, *15*), а датировка горшка из детской кремации в могиле № 20, а также уникального сосуда со стеклянными вставками, которые связываются с германцами, достоверно не определяется (*Храпунов,* 2017).

На некрополе Нейзац за 20 лет раскопок обнаружено 1219 лепных сосудов (*Храпунов,* 2016. С. 12. Табл. 1). Лишь малая их часть нашла отражение в статьях (*Высотская, Махнева,* 1983; *Мульд,* 1999; *Власов,* 2003; *Власов,* 2007; *Храпунов,* 2011; *Храпунов,* 2016), тогда как основной массив находок остается неопубликованным.

Лучше всего обстоит дело с могильником Дружное. Его ранний участок уничтожен карьером, однако сохранившаяся часть, на которой выявлено 88 могил, главным образом позднего горизонта, исследована полностью (*Храпунов,* 2002. С. 13). Несмотря на то, что со времени публикации материалов из Дружного прошло много лет, набор дружненской лепной посуды, насчитывающий 432 экземпляра (*Власов,* 1999), сохраняет свое первостепенное значение, являясь своеобразным эталоном для лепной посуды всех других памятников Крыма данной культурно-хронологической группы.

Представление об облике лепной посуды Юго-Западного Крыма давали экземпляры из могильников Озерное III (*Лобода,* 1977), Инкерман (*Веймарн,* 1963), Чёрная Речка (*Бабенчиков,* 1963) и Суворово (*Зайцев,* 1997; *Зайцев, Мордвинцева,* 2003), а также 48 сосудов из погребений могильника IV–V вв. Красный Мак (*Лобода,* 2005. С. 206–208. Табл. I).

С публикацией всех 109 лепных сосудов из полностью изученного могильника конца I – начала V в. Фронтовое 3 (*Суханов,* 2020) появился эталонный комплекс лепной посуды и для юго-западной части полуострова. Уточним, что к интересующему нас периоду относится около 86% (93/94 экз.) проанализированных Е. В. Сухановым изделий (*Суханов,* 2020. С. 75).

В результате, известные на сегодня находки лепной посуды IV – начала V в. из могильников Центрального и Юго-Западного Крыма[1] позволяют выделить как ее общие черты, так и имеющиеся отличия.

Общие черты проявляются, прежде всего, в технике и технологии производства. Если оценивать качество сосудов в целом, то среди них имеются как тщательно сформованные экземпляры, которые можно принять за гончарные, так и груболепленные, отличающиеся небрежной выделкой и асимметричностью. Основная часть сосудов равномерно обожжена и имеет однотонный серый, коричневый или черный цвет, реже встречаются изделия с пятнистой – серой, черной, коричневой, красной и желтой поверхностью.

[1] Помимо погребальных сооружений, лепные сосуды, судя по раскопкам могильников Дружное и Нейзац, присутствовали в специальных скоплениях и ямах, вероятно, связанных с какими-то ритуально-культовыми действами, а многочисленные черепки лепной керамики с находками IV–V вв. н. э. встречены и в культурном слое, который на отдельных участках Нейзаца перекрывал могилы более раннего времени (*Власов, Смокотина, Храпунов*, 2011. С. 197–203. Рис. 31–36).

Стенки многих сосудов тщательно залощены, но имеются слегка подлощенные и просто заглаженные изделия. Специальных анализов лепной керамики центрально-крымских могильников не проводилось, но при визуальном осмотре образцов из Дружного, Нейзаца, Опушек и Заречного обращает на себя внимание обилие в их формовочной массе частиц мелко толченой ракушки. Для более ранней крымской лепной посуды введение такой добавки не практиковалось. Это инновация в технологии производства лепной посуды, которая появилась в Крыму в позднеримское время и стала надёжным маркером изделий IV в. н. э. (*Власов,* 2003. С. 103).

Изучение состава формовочных масс 40 образцов от разных лепных сосудов из Фронтового 3 (*Суханов, Свиридов, Язиков,* 2020) полностью подтвердило наши наблюдения. В формовочную массу всех (кроме одного) образцов из поздних погребений в грунтовых склепах были добавлены дробленые раковины (*Суханов,* 2020. С. 76).

Следующей чертой, которая объединяет лепную посуду позднеримского времени, является четкая структура представленных в ней изделий разного функционального назначения. Во всех наборах присутствуют миски, кувшины, кружки и горшки, при заметном численном преобладании сосудов первых трёх категорий, реже и в меньшем количестве представлены ковши и кубки. Хотя, что очень важно, количество выделяемых категорий, типов и вариантов посуды напрямую зависит от степени детализации используемой при ее группировании типологической классификации.

На этом, пожалуй, общие признаки исчерпываются, поскольку наличие среди образцов лепной посуды единичных уникальных форм, изделий, которые не обнаруживают аналогий, разнообразие морфологических типов внутри каждой из категорий, используемая орнаментация либо ее отсутствие носят индивидуальный характер не только в разных частях Крымского полуострова, но и на каждом отдельном памятнике.

Не имея возможности охарактеризовать все отличительные особенности лепной посуды, укажем наиболее важные. Так, например, изделия из Центрального и Юго-Западного Крыма кардинально разнятся по такому признаку как использование орнамента. За редким исключением, сосуды из юго-западной части полуострова не имеют декора[2]. Очень показателен в этом смысле комплекс могильника Фронтовое 3, из 109 сосудов которого орнаментированным можно считать всего один кувшин с рельефным выступом на верхнем изгибе ручки (*Суханов,* 2020. Рис. 2, *2*). Из 48 экземпляров из Красного Мака тулово лишь одного сосуда украшали вертикальные рельефные валики (*Лобода,* 2005. С. 199, 206. Рис. 9, *2*. Табл. I, *4*), а нижние концы ручек трехручного горшка и одноручного кувшина имели валикообразные отростки (*Лобода,* 2005. С. 193, 206–207. Рис. 2, *1, 2*; 9, *2*. Табл. I, *1, 8*).

Подобные и иные рельефные декоративные элементы в оформлении ручек и других частей сосудов на посуде из Дружного и Нейзаца использовались значительно чаще. Это рельефные ребра и валикообразные отростки в местах прилепов ручек, дуговидные налепы, конические и полусферические выступы на стенках и ручках сосудов, валики (горизонтальный в основании горла и вертикальные на тулове), стилизованные и натуралистичные орнито-зооморфные скульптурки на ручках (рис. 1; 2). Рельефные ребра, которые отходят от ручек сосудов – это специфическая черта крымской лепной посуды позднеримского времени, которая больше нигде не встречается. Разнообразные валиковые отростки от ручек, помимо Дружного и Нейзаца, присутствовали на лепной посуде из ранних комплексов средневековых некрополей Лучистое (*Айбабин, Хайрединова,* 1998; *Айбабин, Хайрединова,* 2001) и Скалистое (*Пиоро,* 1990. С. 151. Рис. 43, *3, 4*).

[2] В Центральном Крыму орнаментированных сосудов несравненно больше, хотя украшались далеко не все изделия. По нашим подсчётам, из 432 экземпляров могильника Дружное декор имеют только 90, что составляет 20,8% от общего количества всей лепной посуды. Подсчётов по могильнику Нейзац не проводилось, но создаётся впечатление, что удельный вес орнаментированных изделий здесь выше.

Среди кувшинов из Дружного особо выделяется экземпляр с туловом, покрытым наклонными каннелюрами (рис. 3: *5*) (*Власов,* 1999. С. 341. Рис. 10, *13*). Аналоги такому способу декоративного оформления лепной посуды в Крыму неизвестны. Еще одним примером уникальных, нигде больше не встречающихся сосудов, могут служить лепные сосуды-водолеи в виде барана из Нейзаца. При общем сходстве, каждый из них обладает особенностями формы и декора (*Храпунов,* 2007; *Храпунов,* 2011. С. 24. Рис. 15–16). Присущим только нейзацкой лепной посуде является врезной орнамент в виде зигзагообразных линий. Количество линий варьирует от одной до трех, но чаще их две. Зигзаги наносились либо на верхнюю часть тулова сосуда, либо на верхнюю часть тулова и на нижнюю часть горла (рис. 4) (*Храпунов,* 2011. С. 23. Рис. 11–12). Аналогичный нейзацкому орнамент из ряда врезных зигзагов на плече нам известен еще только на кувшине из разрушенного захоронения у с. Хмельницкое в Юго-Западном Крыму (*Пиоро,* 1990. С. 131. Рис. 43, *2*). Видимо, врезной зигзагообразный орнамент повторял распространенный вид декора гончарных сосудов черняховской культуры, который, обычно, выполнялся в технике лощения (*Археология СССР,* 1993. С. 141–143).

Несколько слов надо сказать и о связанных с германцами редких в Крыму трехручных лепных горшках или вазах. Они обнаружены в могильниках Дружное (рис. 3: *4, 6*) (*Власов,* 2000), Нейзац (*Храпунов,* 2011. С. 24. Рис. 14, *2*), Красный Мак и Краснозорье (*Неневоля, Волошинов,* 2001. С. 141, 142. Рис. 6), где каждый из сосудов отличала самобытная морфология. Два красномакских экземпляра без орнамента, а остальные сосуды богато украшены, причем виды используемой орнаментации и ее художественно-стилистические мотивы у всех изделий тоже разные.

В своё время, проведенный нами сравнительно-типологический анализ лепной посуды позднеримского времени из могильников предгорного Крыма позволил выделить в ней несколько гетерогенных групп, имеющих разный удельный вес. Первое место делят так называемые этнически нейтральные сосуды, распространенные у разных древних народов, живших на обширных территориях Евразии, а также изделия, которые либо вообще не обнаруживают параллелей, либо встречаются только в синхронных комплексах других крымских некрополей. Вторую позицию занимает посуда, для которой наиболее вероятны северокавказские истоки. В составе крымской лепной посуды выделяются также группы, связанные по происхождению с населением Европейского и Азиатского Боспора, с поздними скифами, сарматами и германцами. Значительный процент составляют изделия, повторявшие формы краснолаковых мисок. В облике многих сосудов переплетались черты морфологии и орнаментации нескольких из перечисленных групп (*Власов,* 1999а).

Самой яркой из них является группа, сосуды которой сочетают германские и сарматские элементы. Сармато-германский культурный синкретизм в местном керамическом производстве проявился в изготовлении трехручных сосудов, использовании зигзагообразного орнамента и уникальных очень реалистично выполненных скульптурок в виде птиц, змей или ящериц, голов лошадей, а также фантастических существ, которые, наряду с характерными для сарматов стилизованными рельефными выступами, украшали ручки мисок, горшков, кувшинов, ковшей и кружек. Распространению в Крыму орнитоморфных скульптурных изображений могла способствовать близость идеологических представлений сарматов и германцев, поскольку изображения птиц и змей было присуще древнегерманскому художественному стилю (*Амброз,* 1993. С. 18–20; *Амброз,* 1994. С. 51, 53, 61).

Таким образом, лепная посуда IV – начала V в. из разных некрополей предгорного Крыма демонстрирует ее несомненное общекультурное единство, а также уникальность ее набора в целом, который не имеет прототипов и прямых аналогий в лепной керамике каких-либо археологических культур ни в Крыму, ни за его пределами. Вместе с тем, при сходстве в технике и технологии, а также в составе и структуре комплекса лепной посуды, в нём обнаруживаются и отличия. В морфологии и орнаментации этой лепной посуды прослеживается локальная, как региональная (Центральный

и Юго-Западный Крым), так и индивидуальная (отдельные могильники) специфика. Вероятно, она обусловлена различной родоплеменной принадлежность изготовителей лепной посуды позднеримского времени и, соответственно, тех групп варварского населения полуострова, с которыми связаны разные могильники.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 1998. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. С. 274–311.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2001. Новые ранние комплексы из могильника у с. Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. С. 74–90.

Амброз А. К., 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. Вып. 1. М. С. 6–95.

Амброз А. К., 1994. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. С. 31–88.

Археология СССР…, 1993. Археология СССР с древнейших времен до средневековья. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. М.: Наука. 328 с.

Бабенчиков В. П., 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. С. 90–123.

Веймарн Є. В., 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. С. 15–89.

Веймарн Е. В., Айбабин А. И., 1993. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка. 204 с.

Власов В. П., 1999. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н. э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев. С. 322–371.

Власов В. П., 1999а. Етнокультурні процеси в Криму у III ст. до н. е. – IV ст. н. е. (за матеріалами ліпної кераміки): Автореф. дис. … канд. іст. наук / Ін-т археології НАН України. Київ. 24 с.

Власов В. П., 2000. Трехручные сосуды из могильника Дружное // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. С. 65–68.

Власов В. П., 2003. Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. С. 98–124.

Власов В. П., 2007. Боспор и миграционные процессы в Крыму в первые века н. э. // Боспорские исследования. Вып. XVI. С. 191–201.

Власов В. П., Смокотина А. В., Храпунов И. Н., 2011. Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь. С. 179–249.

Высотская Т. Н., Махнева О. А., 1983. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев. С. 66–80.

Зайцев Ю. П., 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь. С. 102–116.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2003. Исследования могильника у с. Суворово в 2001 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. С. 57–77.

Лобода И. И., 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // Советская археология. № 4. С. 236–252.

Лобода И. И., 2005. Раскопки Красномакского могильника в 1983–1984 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XI. С. 192–251.

Масякин В. В., 2010. Склеп позднеримского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика. Донецк. С. 278–284. (Археологический альманах. № 22).

Мульд С. А., 1999. Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в Центральном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. X. С. 181–193.

Неневоля И. И., Волошинов А. А., 2001. Два комплекса IV в. н. э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма. М. С. 141–146. (Труды ГИМ. Вып. 118).

Пиоро И. С., 1990. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье). Киев. 200 с.

Пуздровский А. Е., 1991. Работы Симферопольской экспедиции // Вестник краеведа. Запорожье. № 2. С. 21–22.

Пуздровский А. Е., 1994. Могильник III–IV вв. н. э. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тезисы междунар. конф. Симферополь. С. 55–56.

Суханов Е. В., 2020. Лепная керамика римского времени могильника Фронтовое 3 (предварительная публикация) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXV. С. 66–89.

Суханов Е. В., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Лепная керамика могильника римского времени Фронтовое 3 (о технологии изготовления) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 261. С. 366–378.

Ушаков С. В., 1998. О лепной керамике из могильников Юго-Западного Крыма второй половины III – первой половины IV вв. как источнике по этнической истории региона (к постановке проблемы) // Херсонесский сборник. Вып. IX. С. 146–158.

Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersztetu Marii Curie-Sklodowskiej. 314 с.

Храпунов И. Н., 2007. Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац // Российская археология. № 1. С. 167–175.

Храпунов И. Н., 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь. С. 13–113.

Храпунов И. Н., 2016. Исследования могильника Нейзац в 2011–2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследования могильника Нейзац. Симферополь. С. 11–36.

Храпунов И. Н., 2017. Ещё один германский след в Крыму // Stratum plus. № 4. С. 135–139.

Храпунов И. Н., 2019. Некоторые итоги и перспективы исследований варварских памятников римского времени в предгорном Крыму (на примере могильника Опушки) // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Симферополь, Керчь. С. 589–292.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2013. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху. Киев. С. 184–207.

Шабанов С. Б., 2021. Склеп IV в. н. э. из могильника Опушки в Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 4. С. 121–136.

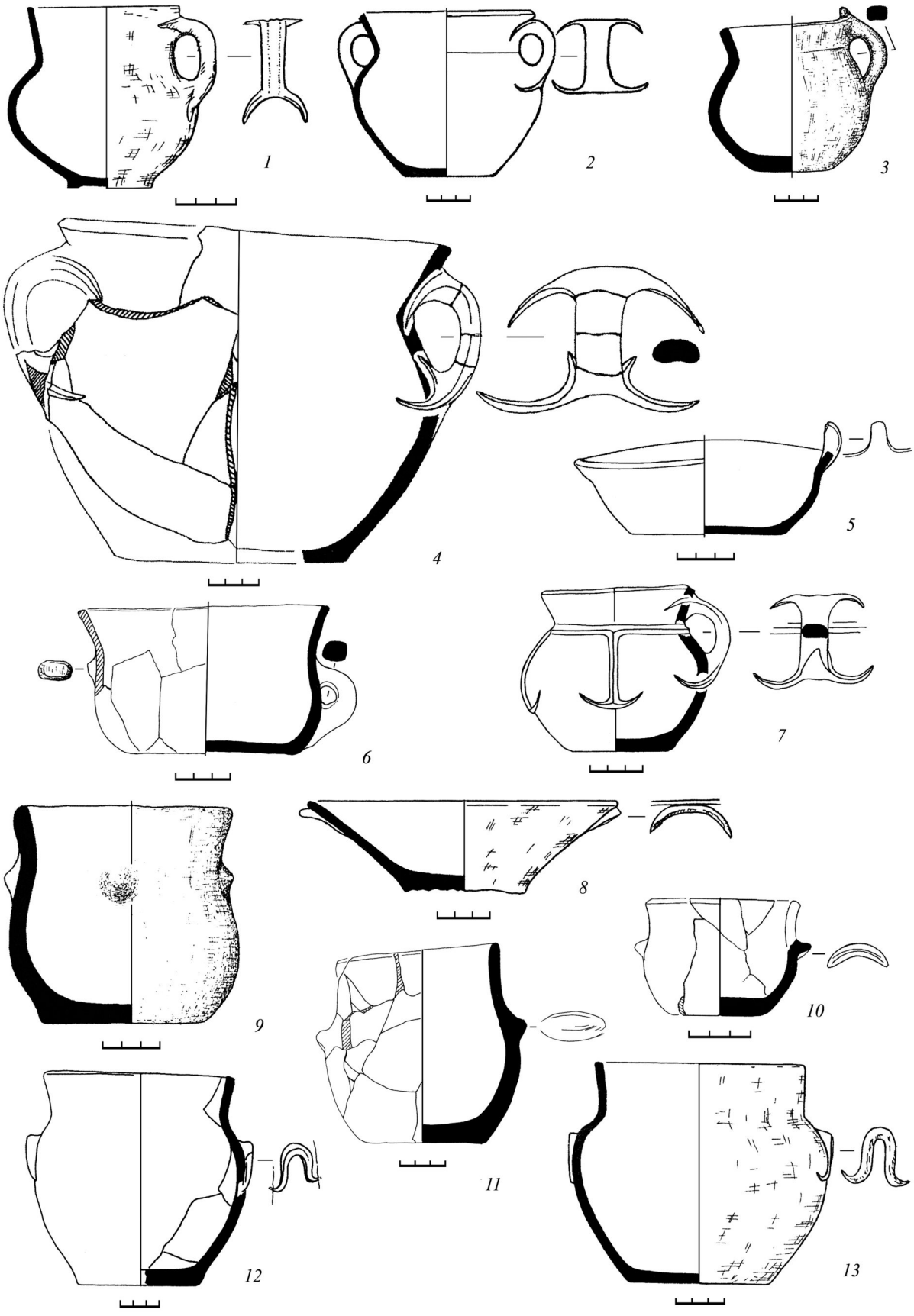

Рис. 1. Лепная посуда с рельефным орнаментом из могильника Дружное

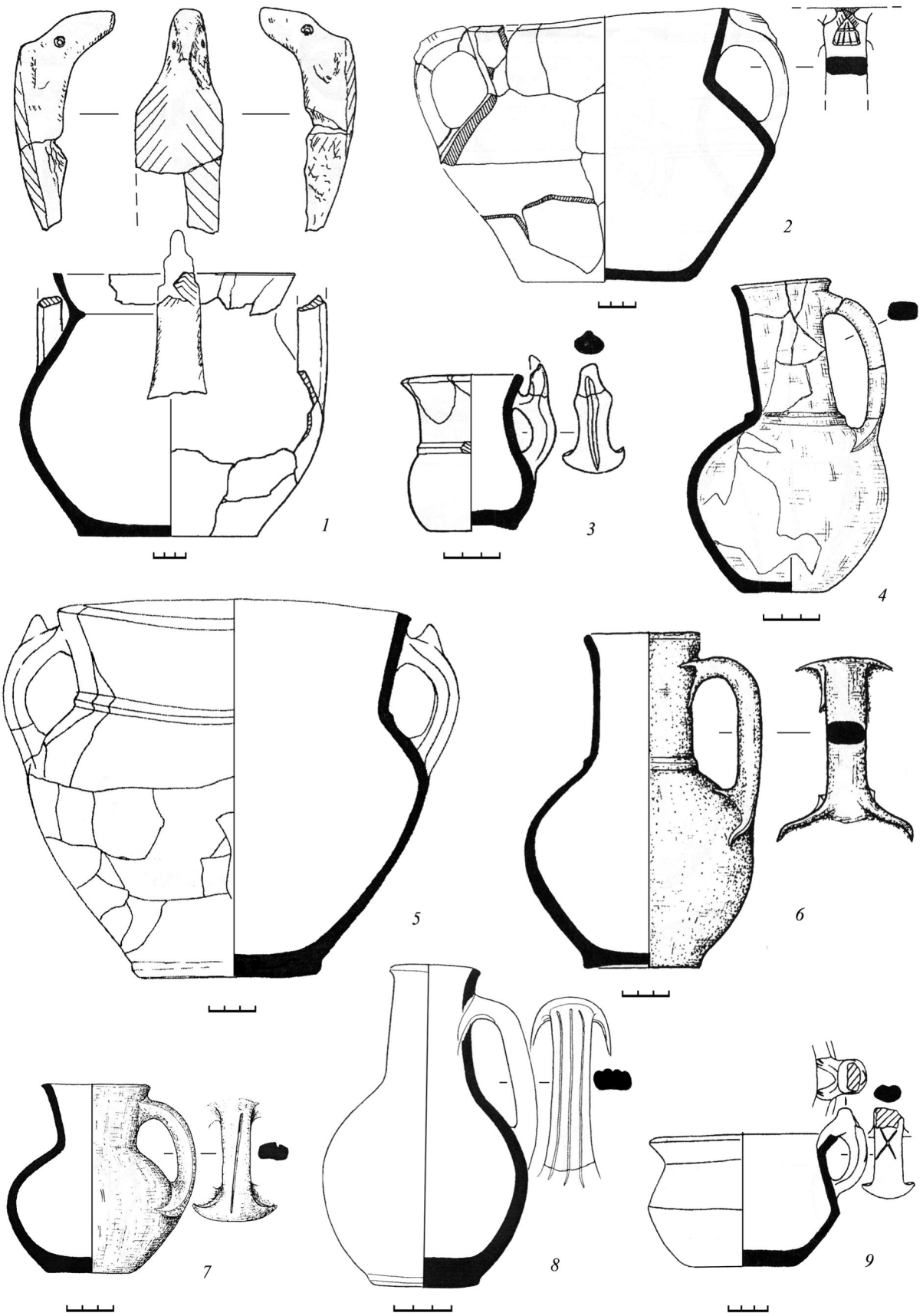

Рис. 2. Лепная посуда с рельефным и комбинированным орнаментами из могильника Дружное

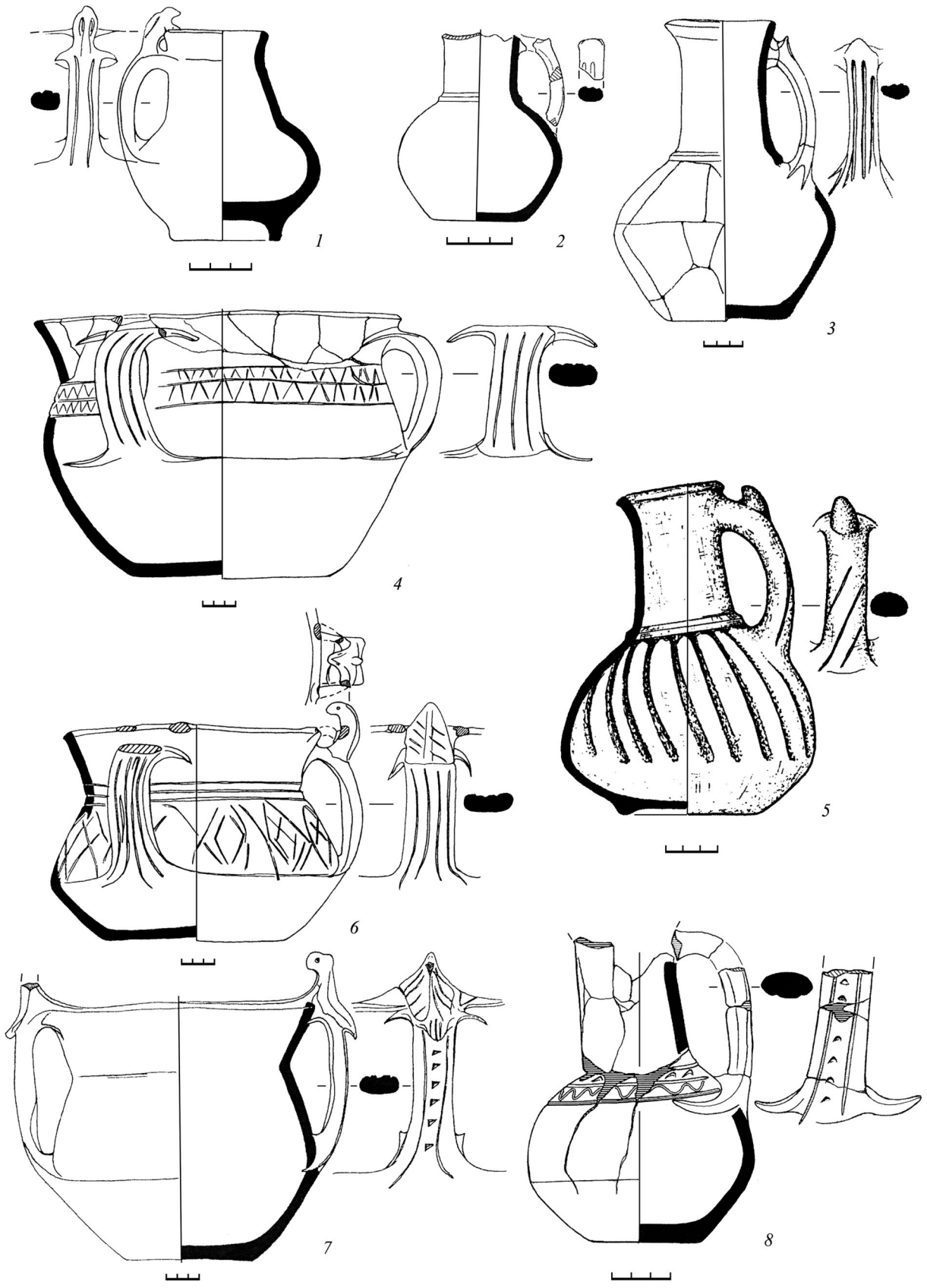

Рис. 3. Лепная посуда с комбинированным орнаментом из могильника Дружное

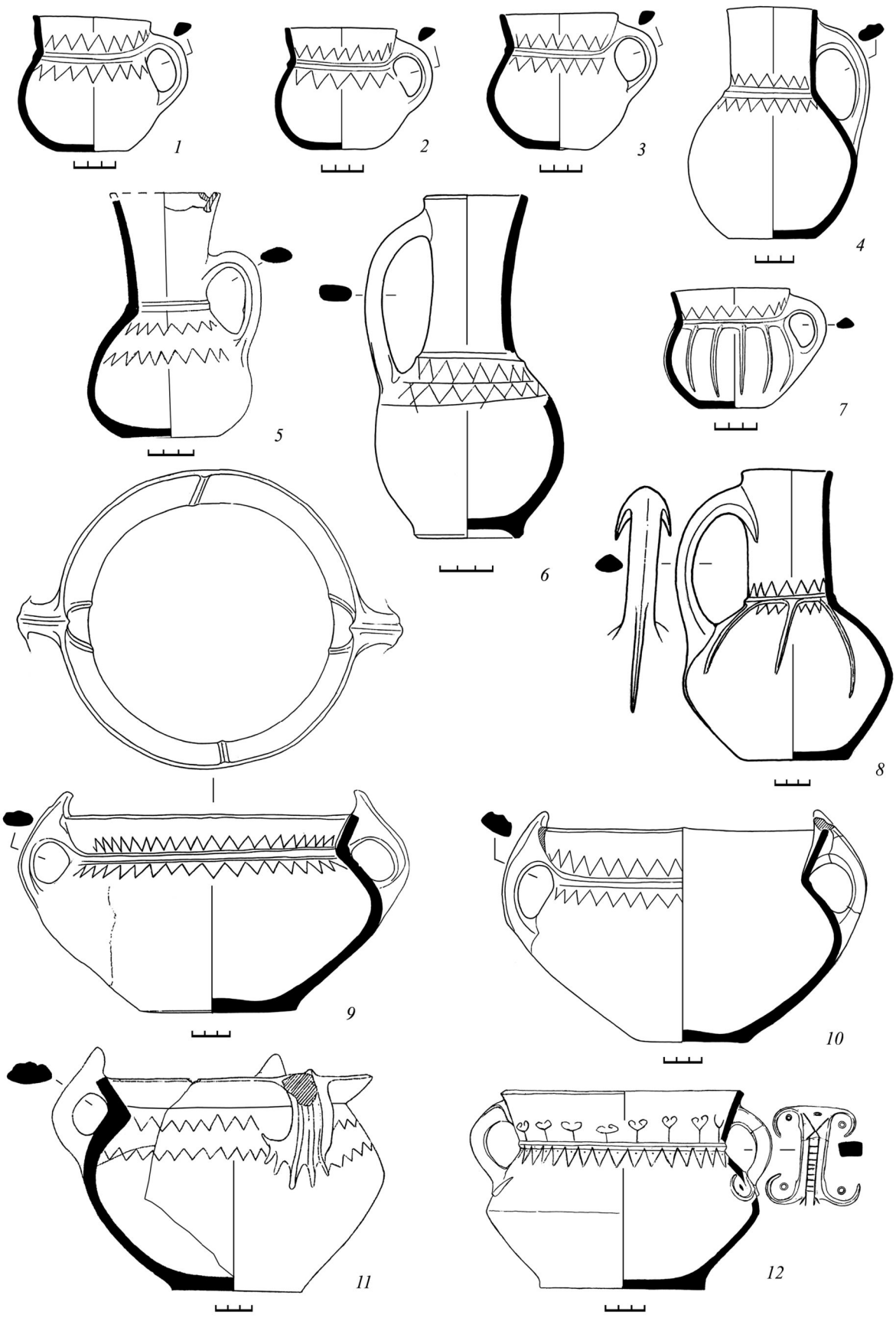

Рис. 4. Лепная посуда с комбинированным орнаментом из могильника Нейзац

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.325-331

MIGRATION PERIOD FINDS FROM THE HYPOGEAL CEMETERY AT MODICA – SCORRIONE W (RAGUSA, SICILY)

Pinar Gil, Joan
Department of Archaeology of the University of Hradec Králové, Hradec Králové, Czech Republic
Pleska, Miroslav
Department of Archaeology of the University of Hradec Králové, Hradec Králové, Czech Republic
Beghelli, Michelle
Department of Art History of the University of Zagreb, Zagreb, Croatia

Abstract: The excavation campaigns carried out in 2020 and 2021 at the hypogeal cemetery Scorrione W (Modica, Ragusa, Sicily) have led to the recording of several architectural structures hollowed out on the natural rock walls, as well as of well-preserved graves and their deposits. Among the latter, a number of metal accessories dating from the fifth century show an exceptional character in their regional background, and display connections with Central European clothing and funerary traditions. It is argued that the Scorrione finds may be connected to military stationings in the peripheral territory of Syracuse.

Keywords: Migration Period, Mediterranean, Sicily, cemeteries, rock-cut architecture, funerary deposits, barbarian kingdoms

НАХОДКИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ СКЛЕПОВ МОГИЛЬНИКА В МОДИКЕ – СКОРРИОНЕ-ЗАПАД (РАГУЗА, СИЦИЛИЯ)

Пинар-Жил Жуан
Кафедра археологии Университета Градец-Кралове, Градец-Кралове, Чехия,
Плеска Мирослав
Кафедра археологии Университета Градец-Кралове, Градец-Кралове, Чехия,
Бегелли Мишель
Кафедра искусствоведения Загребского университета, Загреб, Хорватия

Аннотация: В результате раскопок склепов могильника Скоррионе-Запад (Модика, Рагуза, Сицилия) в 2020–2021 гг. были зафиксированы несколько архитектурных сооружений, высеченных в склонах естественной скалы, а также хорошо сохранившиеся могилы с погребальным инвентарём. В последних выявлены металлические детали одежды V в., указывающие на выдающийся характер объектов в региональном контексте и демонстрирующие связи с центральноевропейским костюмом и погребальными традициями. Приводятся аргументы в пользу предположения о том, что находки из Скоррионе могут быть связаны с размещением военных контингентов на периферийной территории Сиракуз.

Ключевые слова: Эпоха великого переселения народов, Средиземноморье, Сицилия, могильники, скальная архитектура, погребальные комплексы, варварские королевства

1. The site and the territory (Fig. 1)

Scorrione W (Modica, Ragusa province, Sicily/I) is a catacomb cluster formed by at least six hypogea with different sizes and architectural features, plus several minor structures such as isolated graves, arcosolia, water basins and postholes, all hollowed out in the stone walls of a small natural canyon. Two contiguous hypogea (C and D) had been previously detected and documented by Vittorio Rizzone

and Annamaria Sammito on the eastern wall of the canyon (*Rizzone, Sammito,* 2001. P. 77–80; *Rizzone, Sammito,* 2007. P. 35). During the fieldwork associated to the 2020 excavations, two further chambers (hypogea F and G) were found few meters north of the entrance to hypogeum C. It is expected that systematic surface surveys and cleansing activities will unveil a larger number of structures. The funerary area, indeed, seems to stretch itself over several kilometres, as some similar structures observed between the Scorrione W site and the centre of Modica suggest.

The site is located broadly half way between the two major land roads in the area, the via Elorina and the via Selinuntina, connecting Syracuse with Agrigento and with the southern coast of the island (*Uggeri,* 1997–98). The geographical distribution of the hypogeal clusters in the region, including the clusters at Scorrione E and Scorrione W, suggests that they may have been located on both sides of a presumable ancient road linking the city of Mutica with Ibla and the via Elorina, to the north, and the ancient ports on the seaside (Pozzallo and Santa Maria del Focallo) and the via Selinuntina, to the south. Such road may have been largely coincident with the present day provincial road no. 45.

Comparable funerary clusters are rather densely attested in the region, especially along the canyon of Cava Ispica and around the city of Modica. The survey carried out by Annamaria Sammito and Vittorio Rizzone identified more than two dozens of such clusters only in the territory between Modica, Ispica and Pozzallo; about 200 such hypogea have been recorded in the territory of Modica only (*Rizzone, Sammito,* 2004. P. 85–86). The dating materials from the best preserved sites point out to chronologies of funerary use stretching from the late 3rd to the early 6th century (*Rizzone,* 2009).

2. A long-termed occupation

The rock-cut structures of the cemetery host one of the longest and more detailed sequences of events related to a monument of this kind. The building, use, transformation and abandonment of several spaces and features between 400 CE and 800 CE can be framed in a rather precise way: the original hypogeum was built and intensively used during some decades; after a possible plundering, new burials were set both in the outer and in the inner floors of the chamber and, occasionally, also in pre-existing wall graves. After that, the chamber was probably abandoned for several decades. Afterwards, a reoccupation of selected spaces of the monument took place.

The recorded evidence outlines a consistent and prolonged non-funerary use of the hypogeum, which apparently lost its original function soon after the early 6th century. The nature of its use between the ceasing of the burials and its definitive abandonment remains largely hypothetical. In the 7th century, the consistent presence of cooking ware, amphorae and coal chunks, plus a possible quernstone and iron slack strongly insinuates a domestic or sheltering function, especially visible in the antechamber of the hypogeum D. The picture, however, appears to be very different in the 8th century, when building activities and reforms inside the funerary chambers are recorded: the reorganization of the inner spaces may have been connected to cult and commemorative practices.

3. The 5th century cemetery (Fig. 2)

The first event recorded at the site is, however, the building of the hypogeal chambers, hollowed out in the natural rock wall, and their use as burial places. Apparently, the chambers were built in one single moment in time, as no stratigraphic, architectural or typological element says otherwise. To this building period must certainly belong the earliest lighting structures and the bulk, if not all, of the graves hollowed out in the walls of the chambers, all of which may have been capped by monolithic trapezoidal slab stones belonging to different types. On the basis of close architectural parallels recorded in the Ragusa area, the building and initial use of the catacomb may be attributed to the early 5th century (*Rizzone,* 2009. P. 74–75; *Rizzone, Sammito,* 2021. P. 347–348). At Scorrione D, this chronology is further supported by the typological repertoire of the African lamps, widely attested in secondary position in subsequent layers: probably set in the hypogeum during its very first period of use, they belong to types mainly produced after 430 CE (*Bonifay,* 2004. P. 373–386).

The next recorded event corresponds mainly to the burials in the floor graves, although some burials in wall graves are performed also in this moment. With one single exception, the capping of all the graves performed during this period is rather homogeneous: it does not consist anymore in a single rectangular or trapezoidal slab stone set on the grave pit, but of several raw stones set crosswise over the grave and sealed with a thick plaster layer. The recorded grave goods date from about 430–500 CE, and suggest that the community buried at Scorrione may have had some connections with military circles. The reuse of grave slabs in one grave belonging to this period may suggest that a short period of abandonment, ruin or plundering may have preceded this period.

4. The migration period deposits (Fig. 3)

The deposits are truly exceptional in the context of Sicily and, as a matter of fact, of the whole southern Italy, where only a handful of examples having delivered similar materials can be mentioned. The comparison material is not particularly frequent in the closest African territories either.

The most relevant deposits have been identified in the hypogeum D. There, grave no. 7 hosted a minimum of two belt sets including buckles, plates and rings. The multiplicity of belt sets corresponds quite well with the preliminary anthropological observations, which suggest that the grave may have hosted at least two individuals. Judging by the available dating materials, these inhumations may have been performed during a short period of time, corresponding to the early to mid 5th century. The AE4 struck under Theodosius recorded in the grave, providing a terminus post quem in 379 CE, fits quite comfortably into the proposed time span. In this background, a circular, open-ended "buckle-shaped" earring may be of particular interest, as it founds parallels in West Mediterranean graves of the mid 5th century. The central decades of the 5th century seem therefore the likeliest date of deposition of the bulk of objects attested in Scorrione D, gr. 7.

As for gr. 6, its combination of belt buckle, purse mount, burin and earring finds its best parallels in the territory between Moravia, the eastern Alps and the Carpathians (*Черкун,* 1994. С. 94–95; *Čižmář, Tejral,* 2002; *Knific, Nabergoj,* 2017. P. 22–23; *Windl,* 1996. P. 377). The best examples, dating from the second half of the 5th century, are quite consistent with the chronologies outlined by two illegible bronze coins: the AE4 can be broadly dated to the 4th – 5th century, while the small size of the nummus minimus suggests that it may have been minted not prior to 450 CE.

Similar materials have been retrieved in other points of the cemetery. Grave 26 in the hypogeum D contained a kidney-shaped belt buckle with straight pin, attributable to the late 4th – first half of the 5th century. An iron belt buckle and a pentagonal bronze belt plate found in one layer in hypogeum D may have been originally deposited in gr. 40, containing rests of at least five individuals. The grave contained fragments of a glass beaker and of a lamp in African red slip ware from the 5th century. Some layers accumulated over the graves during the abandonment of the cemetery in the 6th century delivered also materials related to grave deposits: a good example is an assemblage of glass beads and an amphora-shaped pendant recorded in the antechamber of the hypogeum D, finding parallels throughout the Mediterranean and Pontic areas in the 5th century. A big bronze belt buckle retrieved from grave 7 in the nearby hypogeum F shows that burials with comparable equipment were being performed in the early 5th century also outside the "main" hypogeum D.

5. The Scorrione deposits in 5th century Sicily

The "clothed inhumations" at Scorrione were performed during a very specific period in Sicily's history: that of the alleged sovereignty of the "barbarian" kingdoms over the island. Two regional powers contended power and influence on the island during this time span: the north African Vandal kingdom and the Italian kingdom of Odoacer, first, and Theodoric, later. An accurate way to look at this whole period of Sicily's history is to consider the island as a "middle ground" between the African and the Italian powers (*Clover,* 1999. P. 240–242).

The stationing of military garrisons in Sicily throughout the Vandal and Gothic periods

appears to be indeed a reasonable explanation for the unusual finds from Scorrione. The available set of written sources is not explicit about the military organization of Sicily in post-Roman times. The available data, however, suggest that the barbarian regna exercised the control of the Sicilian territory by stationing a limited amount of garrisons in particularly strategic places, corresponding to the main coastal cities and ports and their surroundings. That may be the case of the area around the Scorrione cemetery, well connected with the nearby coast (little more than 7 km south-east). From this viewpoint, the deposits retrieved from the cemetery outline a continuity of the stationing model throughout time. The city of Marsala, contended by Vandals, Goths and Byzantines throughout the first three decades of the 6th century (*Clover,* 1999. P. 241–243; *Caliri,* 2007. P. 11–16), can be regarded as an eloquent case example of how garrisons sent by rival powers may overlap in one single spot over time.

REFERENCES

Черкун Й., 1994. Погребения эпохи великого переселения народов возле с. Великая Бакта // Slovenská Archeológia. XLII. P. 91–102.

Bonifay M., 2004. Études sur la céramique romaine tardive d'Afrique. Oxford. 525 p. (BAR International Series 1301).

Caliri E., 2007. Lilibeo tra vandali, goti e bizantini // Mediterraneo Antico. X. P. 569–587.

Čižmář Z., Tejral J., 2002. Kriegergräber aus dem 5. Jh. n. Chr. in Prostějov-Držovice // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Ed. J. Tejral. Brno. P. 99–124. (Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno 19)

Clover F. M., 1999. A game of bluff: the fate of Sicily after A. D. 476 // Historia. 48–1. P. 235–244.

Knific T., Nabergoj T., 2017. Medieval stories from the crossroads. Ljubljana: Narodni Muzei Slovenije. 240 p.

Rizzone V. G., 2009. Catacombe degli Iblei: una proposta per la sequenza cronologica // Cultexchange Italia-Malta. La rivalutazione delle catacombe come simbolo comune per la valorizzazione delle tradizioni transfrontaliere / Eds. G. Di Stefano, G. Cassar. Ragusa. P. 72–76.

Rizzone V. G., Sammito A., 2001. Modica e il suo territorio nella tarda antichità // Archivum Historicum Mothycense. 7. P. 9–141.

Rizzone V. G., Sammito A., 2004. Aggiunte e correzioni a Carta di distribuzione dei siti tardo-antichi nel territorio di Modica // Archivum Historicum Mothycense. 10. P. 97–138.

Rizzone V. G., Sammito A., 2007. Nuove aggiunte a 'Carta di distribuzione dei siti tardo-antichi nel territorio di Modica' // Archivum Historicum Mothycense. 13. P. 5–41.

Rizzone V. G., Sammito A., 2021. Sepolture di prestigio nelle catacombe della Sicilia sud-orientale e di Malta // Sepolture di prestigio nel bacino mediterraneo (IV–IX ss.): definizione, immagini, utilizzo / Eds. P. de Vingo, Y. A. Marano, J. Pinar Gil. Florence. P. 341–354.

Uggeri G., 1997–98. Itinerari e strade, rotte, porti e scali della Sicilia tardo antica // Kokalos. 43–1. P. 299–364.

Windl H. J., 1996. Weitere völkerwanderungszeitliche Gräber aus Schletz, MG Asparn an der Zaya, VB Mistelbach, Niederösterreich // Fundberichte aus Österreich. 35. S. 377–387.

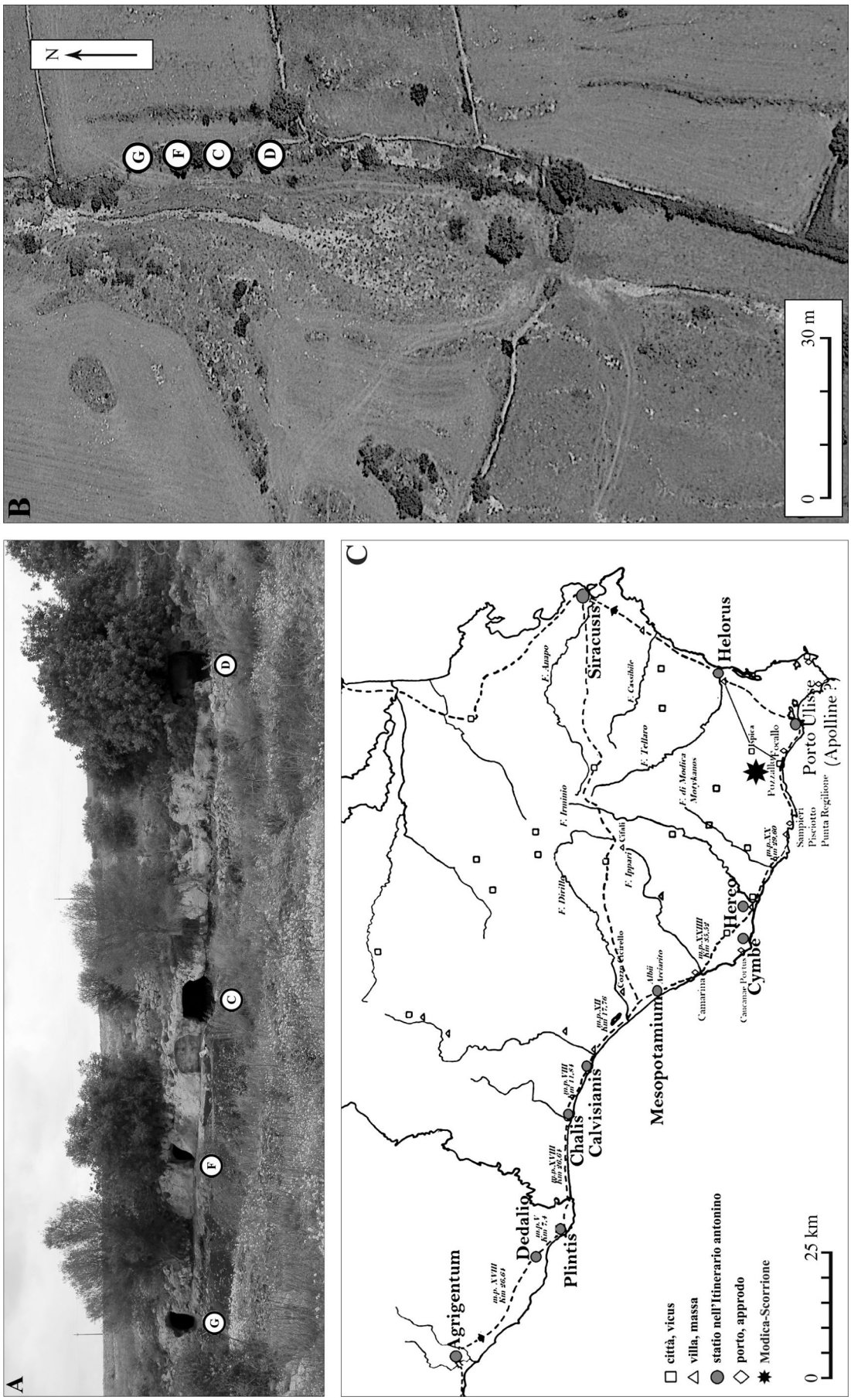

Fig. 1. Modica-Scorrione W. Location and general views of the hypogeal cemetery

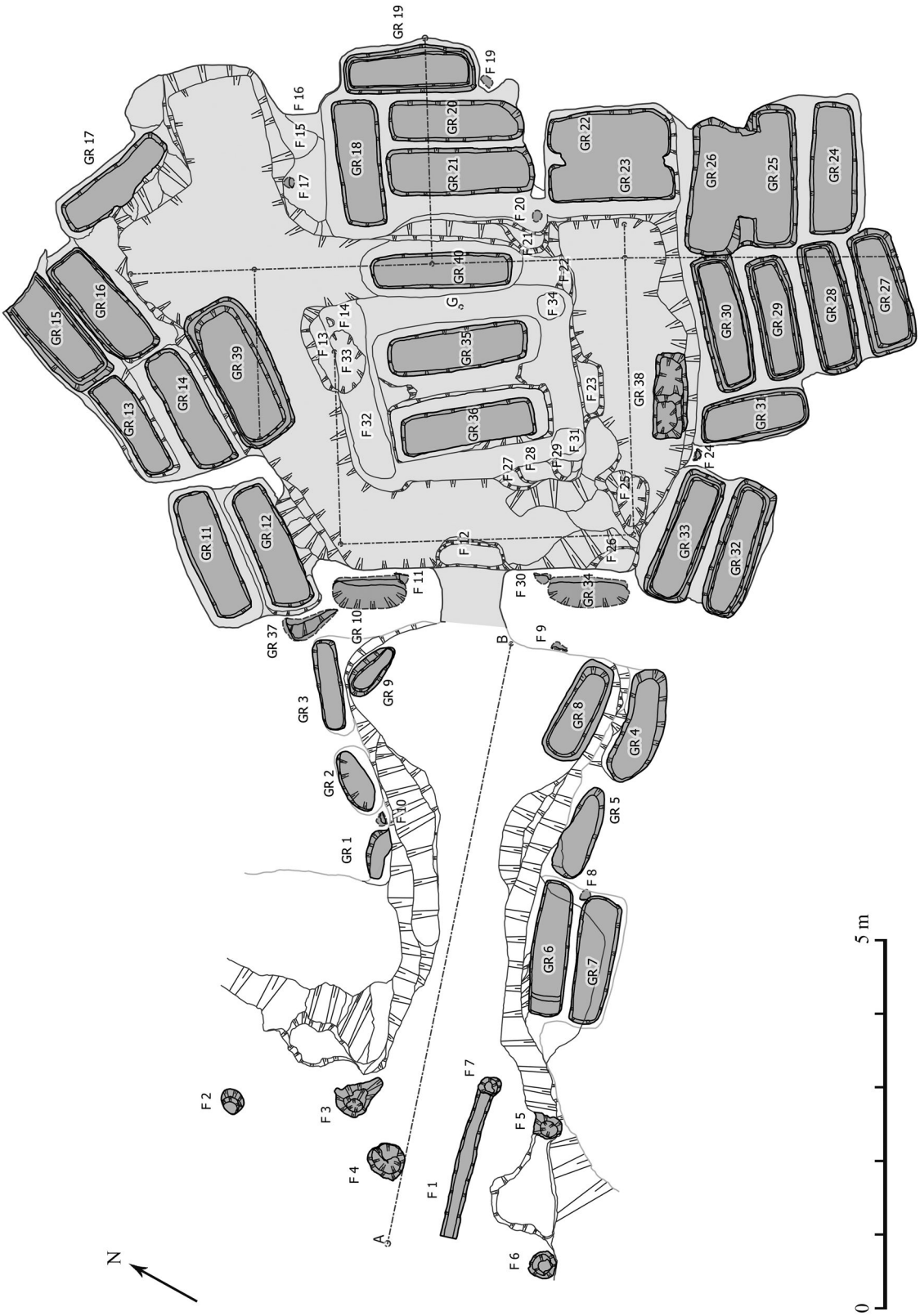

Fig. 2. Hypogeum D, ground plan

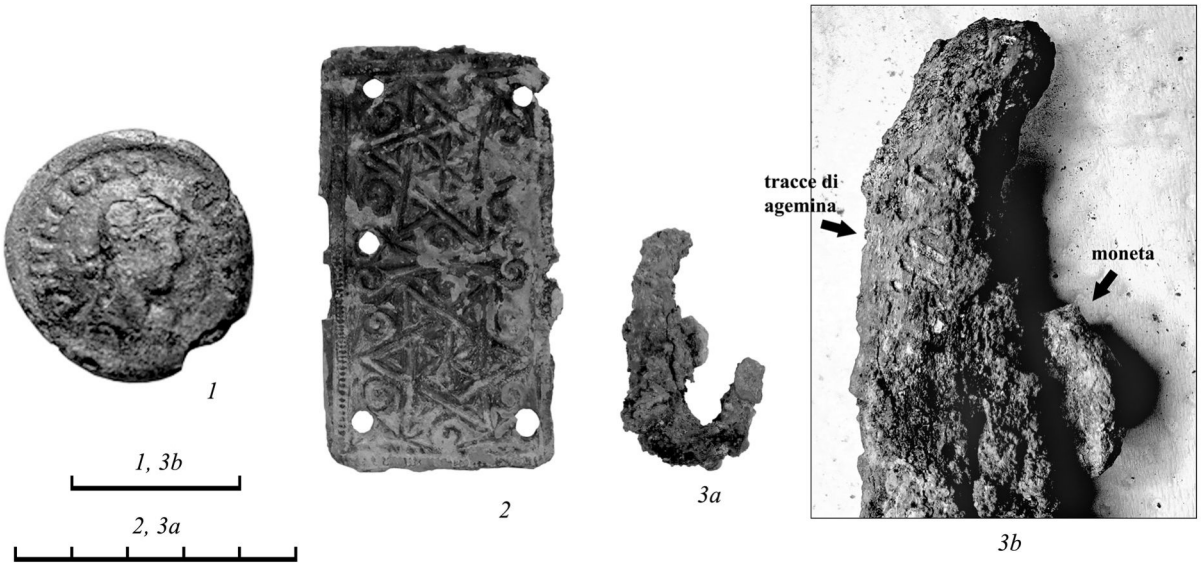

Fig. 3. Metal artefacts from graves:
1–2 – hypogeum D, gr. 7; *3* – hypogeum D, gr. 6

ФОТОРЕПОРТАЖ КОНФЕРЕНЦИИ “МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3: ВАРВАРЫ НА ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ” 6–8 АПРЕЛЯ 2022 г., г. СИМФЕРОПОЛЬ

Гацаев Тимур Шамильевич
Институт археологии РАН, Москва, Россия

PHOTO REPORT OF THE CONFERENCE “THE ROMAN PERIOD CEMETERY OF FRONTOVOE 3: THE BARBARIANS ON THE BORDERS OF THE EMPIRE” SIMFEROPOL, APRIL 6–8, 2022

Gatsaev, Timur Shamil'evich
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Первый день работы конференции. Фото участников возле Дома графа М. С. Воронцова в Ботаническом саду им. Н. В. Багрова

**В зале заседания Дома графа М. С. Воронцова,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского**

**Обмен книгами в библиотеке им. О.И. Домбровского
в Институте археологии Крыма РАН**

А. Н. Свиридов

И. Н. Храпунов

А. В. Мастыкова

М. М. Казанский

Э. А. Хайрединова

Ю. П. Зайцев

Дискутируют В. Е. Науменко и А. А. Стоянова

И. О. Гавритухин

В. В. Масякин

С. В. Ушаков

В. Е. Науменко

В. П. Власов

Е. В. Суханов

В. В. Майко

А. И. Айбабин

**Заключительный день работы конференции.
Фото участников в Центральном музее Таврида**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бегелли Мишель (Beghelli Michelle). Department of Art History of the University of Zagreb, Ivana Lučića 3, Zagreb, 10000, Croatia.
e-mail: michelle.beghelli@gmail.com

Быркэ Виталий (Bârcă Vitalie). Institute of Archaeology and Art History of the Romanian Academy, 12-14, Mihail Kogălniceanu St, Cluj-Napoca, 400084, Romania.
e-mail: vitalie_barca@yahoo.com

Власов Владимир Петрович. Институт археологии Крыма РАН, проспект Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Россия.
e-mail: vlasov_vladimir@mail.ru

Волошинов Алексей Александрович. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: voloshinov-alexs@yandex.ru

Ворошилов Алексей Николаевич. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru

Ворошилова Ольга Михайловна. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: helga-mir@yandex.ru

Гавритухин Игорь Олегович. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: gavritukhin@rambler.ru

Гацаев Тимур Шамильевич. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: tumsoi1984@yandex.ru

Герцен Александр Германович. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, проспект Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Россия.
e-mail: gertsenag@yandex.ru

Голофаст Лариса Алексеевна. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: larisa_golofast@mail.ru

Грумеза Лавиния (Grumeza Lavinia). Institute of Archaeology of the Romanian Academy, Iași, 6, Codrescu St, Pavilion H, Iași, 700479, Romania.
e-mail: lavinia_grumeza@yahoo.com

Добровольская Мария Всеволодовна. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: DobrovolskayaMV@iaran.ru

Зайцев Юрий Павлович. Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», ул. Археологическая, д. 1, Симферополь, 295000, Россия.
e-mail: skilur46@mail.ru

Иштванович Эстер (Istvánovits Eszter). Jósa András Museum, Benczúr tér 21, Nyíregyháza, 4400, Hungary.
e-mail: istvanov@josamuzeum.hu

Казанский Михаил Михайлович (Kazanski, Michel). UMR 8167 «Orient et Méditerranée» Laboratory at the National Centre for Scientific Research (CNRS), Clollège de France, 52, rue du cardinal Lemoine, 75005, Paris, France.
e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Камелина Галина Алексеевна. Государственный Исторический музей, Красная пл., д. 1, Москва, 109012, Россия.
e-mail: kamgalina@yandex.ru

Кочиш Сорин (Cociș Sorin). Institute of Archaeology and Art History of the Romanian Academy, Cluj-Napoca, 12-14 Mihail Kogălniceanu St, Cluj-Napoca, 400084, Romania.
e-mail: scocis@yahoo.com

Кульчар Валерия (Kulcsár Valéria). University of Szeged, Egyetem u. 2, Szeged, 6722, Hungary.
e-mail: vkulcsar58@gmail.com

Макаров Николай Андреевич. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: makarovna@iaran.ru

Мастыкова Анна Владимировна. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: amastykova@mail.ru

Масякин Вячеслав Вадимович. Институт археологии Крыма РАН, проспект Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Россия.
e-mail: masjakinv@mail.ru

Набоков Артур Игоревич. Институт археологии Крыма РАН, проспект Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Россия.
e-mail: artur-nabokov@rambler.ru

Науменко Валерий Евгеньевич. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, проспект Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Россия.
e-mail: byzance@rambler.ru

Нессель Виктория Александровна. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», ул. Древняя, 1, г. Севастополь, 299045, Россия.
e-mail: v_nessel@mail.ru

Пинар-Жил Жуан (Pinar Gil Joan). Department of Archaeology of the University of Hradec Králové, Rokitanského 62, Hradec Králové, 50003, Czech Republic.
e-mail: joan.pinargil@uhk.cz

Плеска Мирослав (Pleska Miroslav). Department of Archaeology of the University of Hradec Králové, Rokitanského 62, Hradec Králové, 50003, Czech Republic.
e-mail: miroslav.pleska@uhk.cz

Радочин Владимир Юрьевич. Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, проспект Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Россия.
e-mail: radochin_v@mail.ru

Румянцева Ольга Сергеевна. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: o.roumiantseva@mail.ru

Свиридов Алексей Николаевич. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: a_sviridov@mail.ru

Свиркина Наталия Геннадиевна. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: svirkina.natalia@mail.ru

Стоянова Анастасия Анзоровна. Институт археологии Крыма РАН, проспект Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Россия.
e-mail: ancient2008@mail.ru

Строков Антон Александрович. Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: anton-strokov@yandex.ru

Суханов Евгений Владимирович. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: sukhanov_ev@mail.ru

Ушаков Сергей Владимирович. Институт археологии Крыма РАН, проспект Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Россия.
e-mail: yshakovsv@list.ru

Храпунов Игорь Николаевич. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, проспект Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Россия.
e-mail: igorkhrapunov@mail.ru

Шабанов Станислав Борисович. Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», ул. Чернышевского 10а, Симферополь, 295051, Россия.
e-mail: neizats2004@mail.ru

Язиков Сергей Владимирович. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия.
e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru

Научное издание

Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи

Дизайн обложки и титульных страниц
В.А. Кулишов

Подготовка иллюстративного материала
В.Б. Степанов, А.В. Любавина

Изготовление оригинал-макета
В.Б. Степанов

На странице 8:
Сосуд в виде быка
Конец I – первая половина II в.
Керамика. Могильник Фронтовое 3
Фото А.А. Бронников

На странице 14:
Перстень со вставкой-геммой
Вторая половина II – первая половина III в.
Бронза, сердолик. Могильник Фронтовое 3
Фото А.А. Бронников

На странице 96:
Кувшин, миниатюрная ойнохойя, баночка
II в., конец I – первая половина II в.
Стекло. Могильник Фронтовое 3
Фото А.А. Бронников

На странице 228:
Подвески-лунницы
II в., конец I – первая половина II в.
Золото, цветное стекло. Могильник Фронтовое 3
Фото А.А. Бронников

Подписано в печать 26.05.2022
Формат 60×84/8. Печать офсетная
Усл. печ. л. 40,0. Уч.-изд. л. 37,5
Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292 москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
Телефон +7 (499) 126-47-98, факс +7 (499) 126-06-30
e-mail: ia.ras@mail.ru, сайт: www.archaeolog.ru

Отпечатано «Принтотека»
125252 Москва, ул. Зорге, 15
e-mail: info@printoteka.ru, сайт: www.printoteka.ru

ISBN 978-5-94375-373-2